ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ

ФИЛИП К. ДИК

Убик

ТРИ ЛУЧШИХ РОМАНА В ОДНОМ ТОМЕ!

Убик (сборник)
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Убик (сборник)
Убик. Перевод М. Гутова
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17

Три стигмата Палмера Элдрича. Перевод К. Плешкова

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Порвалась дней связующая нить. Перевод М. Гутова
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11

Глава 12
Глава 13
Глава 14

Аннотация

Известный читателям прежде всего как автор научной фантастики, Филип К. Дик (1928–1982) в то же время является писателем, который вывел на первый план своих произведений проблемы гуманизма и одиночества человека. Дик не предсказывал появление 3D принтеров, айфонов или Интернета, зато он, как никто другой, понимал человеческую природу и уже тогда осознавал, что развитие технологий отдалит людей от самих себя и окружающих. Он смог увидеть нас застрявшими в собственных мирках, отгораживающихся от реальности еще до того, как были придуманы наушники. В своих историях Дик с долей юмора и здорового цинизма дает ответы на вопросы, волнующие уже не одно поколение.

В данном издании собраны классические романы Филипа К. Дика 60-х годов: «Убик», «Три стигмата Палмера Элдрича» и «Порвалась дней связующая нить».

Филип К. Дик
Убик (сборник)

Philip K. Dick
UBIK
© 1969, Philip K. Dick. Copyright renewed
© 1997, Laura Coelho, Christopher Dick, Isolde Hackett. All rights reserved

THE THREE STIGMATA OF PALMER ELDRITCH
© 1964, Philip K. Dick. Copyright renewed
© 1992, Laura Coelho, Christopher Dick and Isa Hackett. All rights reserved

TIME OUT OF JOINT
© 1959, Philip K. Dick. Copyright renewed
© 1987, Laura Coelho, Christopher Dick and Isa Dick. All rights reserved

* * *

© М. Гутов, К. Плешков, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2016

* * *

Убик
Перевод М. Гутова

Тони Бучеру посвящается

Ich sih die liehte heide
in grüner varwe stan,
Dar suln wir alle gehen,
die sumerzeit enphahen.

Я вижу лес зеленый,
Где солнце на листве горит.
Туда пойдем встречать мы лето,
Оно нас всех манит.

Глава 1

Друзья, мы проводим большую распродажу и почти даром отдаем наши бесшумные электрические Убики. Да, именно за эту неправдоподобно низкую цену.
Напоминаем: все выставленные на продажу Убики необходимо использовать в строгом соответствии с инструкцией.

Пятого июня 1992 года в три тридцать утра с карты нью-йоркского бюро Корпорации Ранситера исчез ведущий телепат Солнечной системы. Тут же последовал шквал звонков по видеофонам. За последние два месяца организация Ранситера потеряла след слишком многих медиумов Холлиса, очередное исчезновение встревожило всех не на шутку.

— Мистер Ранситер? Простите, что беспокою. — Дежурный оператор в контрольной комнате нервно кашлянул, когда массивная взъерошенная голова Глена Ранситера заполнила экран видеофона. — Сообщение нашего инерциала. Сейчас взгляну.

Техник порылся в куче лент на столе.

— Информация мисс Дорн. Она, если помните, вела его до Грин-Ривер, штат Юта, где…

— Кого вела? — спросонья рявкнул Ранситер. — Я не могу все время держать в голове, кто каким прогностом или щупачом занимается. — Он пригладил жесткие седые волосы. — Короче, кого потеряли на этот раз?

— С. Доула Мелипона.

— Что?! Исчез Мелипон? Смеетесь надо мной?

— Я вполне серьезно, — заверил Ранситера оператор. — Эди Дорн и еще два инерциала вели его до мотеля «Полиморфных эротических ощущений». Это подземное сооружение на шестьдесят номеров, особых развлечений клиентам не предлагают, но самостоятельные люди любят уединяться там со своими шлюхами. Эди посчитала, что Мелипон тоже приехал отдохнуть, но на всякий случай вызвала нашего телепата Дж. Дж. Эшвуда, чтобы тот его прощупал. Эшвуд натолкнулся на такой запутанный узор помех вокруг сознания Мелипона, что махнул рукой и вернулся в Топеку, Канзас, где нашел для нас новое дарование.

Ранситер уже отошел ото сна; подперев подбородок ладонью, он мрачно курил, выпуская дым

на сканер видеофона.

— Вы уверены, что это был действительно Мелипон? Никто ведь толком не знает, как он выглядит. Думаю, не реже чем раз в месяц он изменяет внешность. Поле замерили?

— Да, мы направили к мотелю Джо Чипа. Он снял напряженность поля. По максимуму получилось 68,2 БЛР телепатической ауры. Такое под силу только Мелипону. Мы тут же выставили на карте его опознавательный значок. А теперь он, то есть значок, исчез.

— Может, упал на пол? Свалился за карту?

— Нет, он просто погас. Человека, которого он представляет, нет на Земле и, насколько мы можем судить, в зоне колоний тоже.

— Я посоветуюсь со своей умершей женой, — сказал Ранситер.

— Сейчас ночь. В такое время все мораториумы закрыты.

— Только не в Швейцарии. — Лицо Ранситера исказила усмешка, словно какой-то отвратительный ночной флюид попал в его немолодое горло. — До свидания.

Владелец Мораториума Возлюбленных Собратьев Герберт Шонхайт фон Фогельзанг, как всегда, пришел на работу раньше своих сотрудников,

когда холодное, наполненное гулким эхом здание только начинало оживать. Тем не менее у регистратуры уже томился похожий на клерка озабоченный человек в темных очках, блейзере с муаровым воротником и остроносых желтых туфлях. В руках посетитель держал корешок квитанции об оплате вызова. Вне всякого сомнения, клерк явился проведать родственника в преддверии праздника Поминовения. Да, скоро здесь начнется настоящая суматоха.

— Позвольте лично принять ваш заказ, сэр. — Герберт одарил клиента любезной улыбкой.

— Она совсем старушка, — сказал клерк. — Ей около восьмидесяти, такая маленькая и высохшая. Это моя бабушка.

— Одну минуту. — Герберт направился к морозильнику с саркофагами, нашел номер 3054039-В и сверился с контрольной карточкой.

Полужизни оставалось на пятнадцать дней. Не так уж много, отметил Герберт, машинально подсоединяя мобильный усилитель протофазонов к прозрачному пластику саркофага. Потом настроил его на необходимую для приема мозговых колебаний частоту.

Из динамика донесся слабый голос:

— ...а потом Тилли растянула лодыжку. Мы

думали, она вообще не встанет, а она тут же попыталась ходить, такая глупость…

Удовлетворенный, Герберт отсоединил усилитель и распорядился доставить номер 3054039-В в переговорную, где клиент вступит со старухой в непосредственный контакт.

— Вы ее проверили? — на всякий случай поинтересовался посетитель.

— Лично, — заверил его фон Фогельзанг. — Связь превосходная. — Он несколько раз щелкнул переключателями и отошел в сторону. — Счастливого Дня поминовения, сэр.

— Благодарю вас.

От ледяной оболочки саркофага поднимался легкий пар.

Посетитель занял свое место, надел наушники и отчетливо проговорил в микрофон:

— Флора, дорогая, ты слышишь меня? По-моему, я тебя уже слышу. Флора?

«Перед смертью, — подумал Герберт Шонхайт фон Фогельзанг, — оставлю завещание оживлять меня раз в сто лет. Так я смогу проследить за судьбой человечества. Потомкам это, конечно, влетит в огромную сумму…» Герберт знал, чем все закончится. Рано или поздно они взбунтуются, вытащат его тело из замороженного саркофага

и… не приведи, конечно, бог, предадут земле.

— Предание земле — это варварство, — пробормотал вслух Герберт. — Рецидив первобытной культуры.

— Совершенно верно, сэр, — откликнулась из-за пишущей машинки секретарша.

В переговорной уже находилось несколько посетителей. Каждый занял место перед своим саркофагом. В священной, торжественной обстановке шло общение живых с ушедшими в полужизнь родственниками. Зрелище успокаивало. Живые хранили верность и регулярно воздавали дань неживым, приносили им вести из внешнего мира, скрашивали редкие минуты церебральной активности. И… исправно платили Герберту Шонхайту фон Фогельзангу. Содержать мораторий было прибыльным делом.

— Что-то мой отец сегодня слабоват, — обратился к Герберту молодой посетитель. — Не могли бы вы уделить немного времени и проверить его? Я был бы вам очень благодарен.

— Конечно, — кивнул Герберт, следуя за клиентом к саркофагу с почившим родственником.

Судя по контрольной табличке, полужизни оставалось всего на несколько дней, из-за чего связь с мозгом и была столь слабой. И все же… Гер-

берт повернул ручку усилителя протофазонов, и голос полуживого в наушниках несколько окреп.

«Он почти кончился», — подумал Герберт. Сын явно старался не смотреть на табличку, указывающую, что контакты с отцом завершаются.

Ничего не сказав, владелец мораториума отошел, предоставив им общаться дальше. Стоит ли говорить молодому человеку, что это, может быть, его последний визит сюда? Он и так это скоро поймет.

К задним воротам мораториума подкатил фургон, двое служащих в бледно-голубых комбинезонах спрыгнули на землю. Герберт хорошо знал фирму «Атлас Интерплан — хранение и доставка». Наверное, привезли только что умершего или забирают полуживого, чье время истекло.

Он неторопливо направился в их сторону, чтобы все выяснить, когда подбежала секретарша.

— Простите, герр Фогельзанг, что прерываю ваши размышления, но здесь клиент, он настаивает, чтобы вы лично помогли реактивировать его супругу. — С особой интонацией она закончила: — Это мистер Глен Ранситер, только что прибыл из Североамериканской Конфедерации.

Навстречу Герберту уже шел упругой походкой высокий пожилой человек с крупными руками

и живым взглядом. На нем был разноцветный немнущийся костюм, вязаный жилет и яркий галстук. Наклонив вперед крупную, как у кота, голову, он вглядывался в Герберта слегка выпуклыми, теплыми и очень умными глазами. Лицо Ранситера выражало профессиональную приветливость и внимание, на мгновение он одарил ими Фогельзанга, но уже в следующую минуту смотрел сквозь него, увлеченный предстоящим делом.

— Как Элла? — прогудел Ранситер. Казалось, что голос его усиливается электронными устройствами. — Надо ее расшевелить. Ей всего двадцать, она должна быть в лучшей форме, чем вы или я.

Он захохотал, но прозвучало это как-то неуместно. Ранситер постоянно улыбался и хохотал, голос его всегда гудел, хотя на самом деле он никого не замечал и никем не интересовался. Это его внешняя оболочка улыбалась, кивала и подавала руку.

Ничто не тревожило недосягаемого сознания Ранситера. Не обращая больше на Герберта особого внимания, он потащил его за собой к морозильнику, где среди прочих полуживых находилась и его жена.

— Давненько вы у нас не бывали, мистер Ран-

ситер, — заметил Герберт, пытаясь припомнить, сколько полужизни оставалось у Эллы по контрольной таблице.

Подталкивая Герберта широченной лапой, Ранситер прогудел:

— Наступил очень важный момент, фон Фогельзанг. Мы, то есть я и мои помощники, столкнулись с проблемой, не поддающейся рациональному объяснению. Большего я на данном этапе рассказать не могу, но дело видится нам весьма мрачным, хотя и не безнадежным. Отчаиваться мы не собираемся при любом раскладе. Где Элла? — Он остановился и нетерпеливо огляделся.

— Ее немедленно доставят в переговорную, — ответил Герберт.

Как правило, посетители вообще не допускались в морозильник.

— У вас есть квитанция с номером?

— Ну конечно, нет! Я давно ее потерял. Вы знаете мою жену и найдете ее и так. Элла Ранситер, двадцать лет. — Ранситер нетерпеливо огляделся. — Хорошо, где тут у вас переговорная? Надеюсь, ее-то не придется искать?

— Проводите мистера Ранситера в переговорную, — приказал Герберт сотруднику, крутившемуся поблизости, явно желая получше разглядеть

всемирно известного главу крупнейшей защитной организации.

Заглянув в комнату, Ранситер поморщился:

— Да здесь полно людей! Я не могу разговаривать с Эллой в таких условиях. — Он догнал Герберта, направившегося было в архив. — Мистер Фогельзанг. — Огромная лапа снова легла на плечо владельца мораториума, и Герберт ощутил всю ее тяжесть и убедительность. — Нет ли здесь более спокойного места для конфиденциальных бесед? Вопросы, которые я намерен обсудить со своей женой, являются на данном этапе секретом Корпорации Ранситера!

Неожиданное возвращение и напористый тон клиента заставили Герберта с готовностью произнести:

— Конечно, сэр, я позабочусь, чтобы вы смогли пообщаться с женой в одном из кабинетов.

«Интересно, — подумал он, — какая напасть заставила Ранситера покинуть свои владения и ни свет ни заря примчаться в Мораториум Возлюбленных Собратьев, чтобы „расшевелить“, как он сам выразился, свою супругу? Не иначе дела пошли наперекосяк. Анти-пси-организации буквально вопили с экранов телевизоров и видеогазет о необходимости защитных мер».

«Оберегайте свою недоступность! — звучало со всех сторон. — Не подключился ли к вашим мыслям посторонний? Вы действительно один?» Это о телепатах. Кроме того, нагнетался невнятный страх перед прогностами. «Вам не приходило в голову, что все ваши действия предсказаны человеком, которого вы никогда не встречали? Причем таким, кого бы вы ни за что не пригласили к себе домой и вообще предпочли бы не знать? Беспокойству можно положить конец. Обратитесь в ближайшую защитную организацию, и вам тут же скажут, стали ли вы жертвой бесцеремонного вторжения; если да, то за вполне умеренную плату это вторжение будет нейтрализовано».

«Защитные организации». Герберту нравилось это название.

Очень точно, и звучит с достоинством. Он убедился в этом на собственном опыте. Два года назад один телепат начал прощупывать сотрудников мораториума. С какой целью, никто так и не выяснил. Скорее всего, его интересовали секреты, которыми обмениваются полуживые со своими посетителями.

Как бы то ни было, агент защитной организации уловил телепатическое поле, о чем Герберта тут же известили. Сразу же после заключения

контракта в мораториум прибыл антителепат. Самого телепата обнаружить не удалось, но, как и было обещано в телевизионной рекламе, его нейтрализовали.

Побежденному щупачу ничего не оставалось, как удалиться.

Мораториум был очищен от пси-воздействия, а для полного спокойствия защитная организация теперь ежемесячно проводила замеры.

— Благодарю вас, мистер Фогельзанг, — сказал Ранситер, входя вслед за Гербертом в пропахший старыми и ненужными микродокументами служебный кабинет.

«Конечно, — размышлял про себя Герберт, — в отношении телепата я им поверил на слово, хотя они и показывали мне какой-то график. Откуда я знаю, где они его снимали? Может, в своей лаборатории. И в отношении ухода щупача я им поверил на слово. Пришел — ушел, а я выложил две тысячи кредиток.

Может, эти защитные организации занимаются вымогательством? Заявляют, что их услуги необходимы, когда никакой необходимости нет?»

Погруженный в мысли, Герберт вновь направился в архив. На этот раз никто его не остановил.

Ранситер с шумом втиснул свою тушу в хрупкое кресло и заворочался, принимая удобную позу. Владельцу мораториума вдруг показалось, что этот крепкий и энергичный на вид старик на самом деле бесконечно устал.

«Наверное, дойдя до таких высот, — думал Герберт, — нужно и вести себя по-другому. Казаться чем-то большим, чем обычный человек с обычными слабостями. У Ранситера, надо полагать, добрый десяток искусственных органов, заменивших вышедшие из строя естественные. Медицина обеспечивает основу его жизнедеятельности, остального он добивается сам. Интересно все же, сколько ему лет? Сейчас по виду не определишь, особенно после девяноста».

— Мисс Бисон, — обратился Герберт к секретарше, — найдите миссис Эллу Ранситер и принесите мне ее таблицу. А тело доставьте в кабинет два-А.

Расположившись за столом, он с удовольствием запустил пальцы в табакерку с табаком «Фрайбург и Рейер», в то время как мисс Бисон приступила к сравнительно несложной задаче по розыску жены Глена Ранситера.

Глава 2

Хотите заказать пиво? Назовите Убик! Сваренное из отборных сортов хмеля и особой воды, выдержанное до неповторимого аромата пиво Убик — лучший национальный продукт. Производится исключительно в Кливленде.

В прозрачном саркофаге, за налетом ледяной изморози лежала, закрыв глаза, Элла Ранситер. Руки навсегда застыли на полпути к бесстрастному лицу. За три года после их последней встречи Элла, конечно, нисколько не изменилась. И никогда не изменится, во всяком случае внешне. Хотя с каждым пробуждением к активной полужизни, с каждым, каким бы оно ни было коротким, возвращением церебральной активности Элла понемногу приближалась к окончательной смерти. Оставшееся ей время истекало неумолимо.

Зная об этом, Ранситер не оживлял жену слишком часто. Что же касается ее собственных пожеланий, высказанных еще до смерти и при первых встречах в полужизни, — их укутала

удобная для Ранситера дымка забвения. В конце концов, ему лучше знать, он в четыре раза ее старше. Чего она хотела? Продолжать действовать с ним бок о бок как совладелец Корпорации. Что ж, это пожелание он исполнял. Сейчас, например. И раз шесть или семь в прошлом. Каждый раз, когда Корпорация оказывалась на грани кризиса, Ранситер приезжал советоваться с женой.

— Черт бы побрал эти приспособления, — ворчал Глен, пристраивая к уху пластиковый диск наушника.

Он нетерпеливо ворочался в подсунутом Фогельзангом, или как его там звали, крошечном кресле, следя за постепенным возвращением жены в сознание и всеми силами стараясь поторопить ее. Неожиданно его кольнула страшная мысль: а что, если у них ничего не выйдет; что, если она давно погасла, а они ему не сказали, может, и сами пока не знают? Надо было притащить сюда этого Фогельзанга, чтобы он все контролировал. Неужели случилось непоправимое?

Его Элла, красивая, белокожая, с глазами когда-то яркими и светло-голубыми… Увы. С ней можно общаться, но глаз ее он не увидит никогда и с губ ее не сорвется ни звука. Она не улыбнется его приходу и не заплачет, когда он уйдет. «Стоит

ли оно всего? — подумал вдруг Ранситер. — Не лучше ли было в старину, когда из настоящей жизни человек отправлялся прямиком в могилу? Нет, все-таки в некотором смысле она со мной, — решил он наконец. — Другой вариант — это ничто».

В наушниках зазвучали медленные и неразборчивые слова, поплыли бессвязные мысли, обрывки загадочного сна, в котором она теперь пребывала. «Интересно, что чувствуешь в полужизни?» — подумал Ранситер. Из того, что рассказывала Элла, он так и не мог представить всей глубины этого состояния, не мог постичь его сути. «Притяжение, — сказала как-то она, — перестает на тебя действовать, ты плывешь, становишься все легче и легче, а когда кончается полужизнь, наверное, просто выходишь из Солнечной системы и улетаешь к звездам». Но и она не знала наверняка, только догадывалась и строила предположения.

— Привет, Элла! — неуклюже проговорил он в микрофон.

— О! — немедленно прозвучало в наушниках. Похоже, она испугалась. Лицо, конечно, не дрогнуло. Вообще ничего не изменилось, и он отвернулся.

— Здравствуй, Глен, — сказала Элла, по-детски растерявшись от его присутствия. — Что… — Она запнулась. — Сколько прошло времени?

— Около двух лет.

— Расскажи, что происходит.

— Господи, — вздохнул Ранситер. — Организация разваливается, все идет прахом. Поэтому я и приехал, ты же хотела принимать участие в решении основных вопросов. Видит бог, сейчас нам необходимо выработать новую стратегию и заодно в корне пересмотреть структуру слежения.

— Мне снился сон, — сказала Элла. — Все заливал дымный красный свет, страшный свет. А я все равно шла ему навстречу. И не могла остановиться.

— Ну да. — Ранситер кивнул. — Бардо Тедол, «Тибетская Книга Мертвых», там есть про это. Ты вспоминаешь то, что читала, доктора давали тебе эту книгу, когда… — он запнулся, — когда ты умирала.

— Красный свет в дыму — это плохо?

— Да, тебе хочется его избежать. — Ранситер кашлянул. — Слушай, Элла, у нас неприятности. Ты хочешь про них говорить? Я не стану настаивать, если ты предпочитаешь поболтать о чем-нибудь другом, только…

— Все так странно. Я как будто спала с момента нашей последней встречи. Неужели правда два года? Знаешь, Глен, о чем я думаю? Мне кажется, что я и те, кто меня сейчас окружает… мы постепенно сближаемся. Очень многие мои сны вовсе и не обо мне. Иногда я — мужчина, иногда — маленький мальчик или толстая старуха с распухшими веками… Я вижу себя в местах, где никогда не была, я делаю бессмысленные вещи.

— Значит, ты движешься к новому рождению. А красный свет в дыму — это дурное чрево, и ты не хочешь выходить из него. Оно для тебя унизительно. Предвосхищение новой жизни, или как оно там называется.

Глен чувствовал себя по-дурацки. Обычно он не проявлял интереса к теологическим изыскам. Полужизнь, однако, оказалась реальностью, и в той или иной степени они все стали теологами.

— Ладно, — сказал он, меняя тему. — Хочешь, я расскажу тебе, что случилось? Пропал С. Доул Мелипон.

Спустя мгновение Элла рассмеялась:

— С. Доул Мелипон? Такого вообще не бывает. Это кто или что?

Ранситер уже лет десять не слышал, как она смеется, и сейчас неповторимая теплота ее инто-

наций вдруг напомнила ее всю. По спине прошла нервная дрожь, и он пробормотал:

— Ты, наверное, забыла…

— Нет, то, что называется С. Доул Мелипон, я бы никогда не забыла. Это что, гномик?

— Это лучший телепат Раймонда Холлиса. С тех пор как полтора года назад его засек Дж. Дж. Эшвуд, мы постоянно держим рядом с ним одного из наших инерциалов. Мелипон способен выдать пси-энергии вдвое больше, чем любой из сотрудников Холлиса. Как назло, из всей их команды пропал именно он. Вот я и решил: а не съездить ли, черт побери, к Элле и посоветоваться с ней? Ты ведь просила об этом в завещании, помнишь?

— Помню, — механически откликнулась Элла. — Дайте объявление по ТВ. Предупредите людей. Скажите… — Голос ее угас.

— Ты устала, — мрачно сказал Ранситер.

— Нет, я… — Элла замолчала, и он почувствовал, как она удаляется.

— Все пропавшие — телепаты? — спросила она наконец.

— В основном телепаты и прогносты. На Земле их нет, это я знаю точно. Сейчас у нас оказались не у дел с добрый десяток инерциалов, им про-

сто некого нейтрализовывать. Меня, однако, куда больше тревожит падение спроса на анти-пси-энергетиков, что, впрочем, неудивительно, учитывая пропажу стольких пси. Причем мне сдается, что все они задействованы в какой-то крупной операции, и только Холлис знает, кто нанял всю его шайку, где это происходит и что поставлено на карту.

После этих слов Ранситер погрузился в мрачное молчание. Как сможет Элла помочь ему? Изолированная от мира, замороженная в своем саркофаге, знающая о происходящем только с его слов… И все же он всегда полагался на ее мудрость, ту особую женскую мудрость, которая не имеет отношения ни к знаниям, ни к опыту, а основана на чем-то глубоко внутреннем. При жизни Эллы он не сумел разгадать ее тайну; сейчас, когда она навеки застыла в неподвижности, это стало окончательно невозможно. Другие женщины — после смерти Эллы он был близок с несколькими — практически не обладали этим качеством. В лучшем случае — лишь намеком на него.

Призрачным намеком, так и не развившимся ни во что большее.

— Расскажи, — попросила Элла, — что из себя

представляет этот Мелипон?

— Чудак.

— Он работает за деньги? Или по убеждению? Меня всегда тревожит, когда начинается пси-мистика, разговоры о высшей цели и космическом единстве. Как у этого ужасного Сараписа, ты его помнишь?

— Сараписа больше нет. Холлис разделался с ним, когда узнал, что тот замышляет собственное дело. На Сараписа настучал кто-то из его же прогностов. Мелипон, кстати, куда круче этого Сараписа. Когда он разогреется, уравновесить его поле могут только три инерциала, что нам совершенно невыгодно, потому что плату мы получаем, вернее, получали, как за одного. Общество установило свои расценки, и мы обязаны подчиняться.

С каждым годом членство в Обществе приносило Ранситеру все больше и больше хлопот. Бессмысленные и разорительные решения стали для него хроническими раздражителями. Кроме того, бесила напыщенность членов правления.

— Насколько мы можем судить, Мелипон работает за деньги. По-твоему, это лучше? Ты так думаешь? — Он подождал, но Элла не отвечала. — Элла!

Молчание. Ранситер нервно сглотнул.

— Эй, Элла! Ты слышишь? У тебя все в порядке?

«Господи! — промелькнула страшная мысль. — Она кончилась».

Навсегда!

Спустя несколько мгновений в правом наушнике прозвучало:

— Меня зовут Джори.

Это была чужая мысль, не Эллы, совсем другой рисунок, более живой и грубый, без ее приглушенной утонченности.

— Освободите линию! — в панике крикнул Ранситер. — Я говорю со своей женой Эллой, откуда вы взялись?

— Меня зовут Джори, — повторил неизвестный. — Со мной никто не разговаривает. Я решил немного пообщаться с вами, мистер, если вы не возражаете. Как вас зовут?

Сдавленным голосом Ранситер произнес:

— Я хочу говорить со своей женой, миссис Эллой Ранситер. Я заплатил за то, чтобы говорить с ней, и с вами я беседовать не собираюсь.

— Я знаю миссис Ранситер! — Теперь мысли просто звенели в наушниках. — Мы часто болтаем, но это совсем не то, как если со мной говорит

кто-нибудь вроде вас, из мира живых.

Миссис Ранситер здесь, с нами, так что она — не в счет, ей известно не больше, чем остальным. Какой сейчас год, мистер? Уже отправили корабль на Проксиму? Мне это очень интересно! Может быть, вы расскажете? А потом, если хотите, я передам все миссис Ранситер. Хотите?

Ранситер выдернул из уха микродинамик, потом сорвал и швырнул на стол прочие приспособления. Выскочив из затхлого, пыльного кабинета, он кинулся на поиски владельца мораториума. Ранситер метался среди рядов аккуратно пронумерованных саркофагов, сотрудники испуганно шарахались в стороны, пока не раздался голос фон Фогельзанга:

— Что-то случилось, мистер Ранситер? Вам нужна моя помощь?

— Там на линию влезло какое-то существо, — задыхаясь, проговорил Ранситер. — Вместо Эллы! Черт бы вас всех тут побрал вместе с вашими махинациями, такого не должно быть, слышите?

Директор мораториума уже несся по направлению к кабинету 2-А.

— А если бы я так относился к своим обязанностям? — не унимался Ранситер, следуя за ним.

— Он назвал свое имя?

— Да, Джори.

Фогельзанг озабоченно нахмурился:

— Это Джори Миллер. Их саркофаги стоят рядом…

— Но я же вижу, что это Элла!

— После продолжительного соседства, — пустился в объяснения Фогельзанг, — иногда происходит двусторонняя диффузия, слияние ментальных полей полуживых. У Джори Миллера очень высокая цефальная активность, чего, к сожалению, нельзя сказать о вашей жене. Вот и получается, что протофазоны проходят только в одном направлении…

— Вы можете это исправить? — грубо перебил его Ранситер. Он по-прежнему задыхался, дрожал и вообще чувствовал себя окончательно измотанным. — Немедленно очистите ее сознание! Верните мою жену, слышите! Это ваша обязанность!

— Если мы не сумеем изменить сложившуюся ситуацию, — напыщенно произнес Фогельзанг, — ваши деньги будут возвращены.

— Плевать я хотел на деньги!

Они уже дошли до кабинета 2-А. Ранситер неловко уселся в кресло, сердце его колотилось так сильно, что он с трудом мог говорить.

— Если вы не уберете с линии этого Джори, — полувыдохнул, полупрорычал он наконец, — я подам в суд и прикрою вашу богадельню!

Устроившись перед саркофагом, Фогельзанг надел наушники и бодро сказал в микрофон:

— А ну-ка, Джори, освободи нам линию. Вот так, отлично. — Повернувшись к Ранситеру, он пояснил: — Джори умер в пятнадцать лет, поэтому у него так много энергии. Он уже несколько раз появлялся там, где не следует. — В микрофон Герберт сказал: — Джори, это некрасиво с твоей стороны, мистер Ранситер приехал очень издалека, ему надо поговорить со своей женой, не заглушай ее. — И добавил после паузы раздраженно: — Я знаю, что у нее очень слабый сигнал…

Фогельзанг сосредоточенно выслушал ответ и поднялся.

— Что он сказал? — не выдержал Ранситер. — Он даст мне поговорить с Эллой?

— От него ничего не зависит, — пробормотал фон Фогельзанг. — Представьте себе два радиопередатчика, работающие на одном усилителе. Один рядом, но мощность у него всего пятьсот ватт. Другой далеко, но мощностью пять тысяч ватт. А передают они на одной или почти одной частоте. Когда наступает ночь…

— Ночь, — перебил его Ранситер, — кажется, уже наступила.

Во всяком случае для Эллы, а может, и для него тоже, если не удастся разыскать пропавших щупачей, паракинетиков, прогностов и аниматоров Холлиса. С этим Джори он потерял не только Эллу, он лишился ее поддержки и советов.

— В морозильнике, — затарахтел Фогельзанг, — мы поместим их подальше друг от друга. Собственно говоря, если вы согласны несколько увеличить месячную плату, мы можем устроить ее по высшему классу — в изолированной кабине с дополнительным изоляционным покрытием, например из тефлона-двадцать шесть, чтобы не допустить гетеро-психического воздействия со стороны Джори или кого бы то ни было.

— Разве еще не поздно? — Ранситер быстро вышел из состояния депрессии, в которое его повергло случившееся.

— Ваша супруга может вернуться. Как только мы вытесним Джори. Или еще кого-нибудь. В таком ослабленном состоянии она очень подвержена воздействию. Правда... — фон Фогельзанг задумчиво пожевал губу и забарабанил пальцами по столу, — ей может не понравиться изоляция, мистер Ранситер. Мы ведь специально храним

все саркофаги в одном месте. Погружение в сознание друг друга — единственное доступное полуживым…

— Изолируйте ее немедленно! — рявкнул Ранситер. — Пусть лучше поскучает, чем вообще угаснет.

— Она не угасла, — поправил его Фогельзанг. — Просто не может с вами контактировать. В этом все отличие.

— Метафизические тонкости не означают для меня ровным счетом ничего! — отрезал Ранситер.

— Я обеспечу ей полную изоляцию, — сказал Фогельзанг, — но боюсь, что вы правы, может быть слишком поздно, Джори проник в нее необратимо, во всяком случае надолго. Мне очень жаль.

— Мне тоже, — хрипло произнес Ранситер.

Глава 3

Растворимый Убик сохраняет аромат только что сваренного натурального кофе. Угостите им своего мужа, и он воскликнет: «О Салли! Никогда не думал, что ты так божественно готовишь кофе!»
Безвреден, если употреблять согласно инструкции.

Джо Чип, все еще в дурацкой, клоунского покроя пижаме, неуверенно присел на краешек кухонного стола и закурил. Бросив десять центов в прорезь недавно взятой напрокат журнальной машины, он несколько раз крутанул наборный диск.

Похмелье не отпускало, и Джо пропустил «межпланетные новости», на мгновение задержался на «новостях страны» и остановился на «сплетнях».

— Да, сэр, — с готовностью откликнулась машина. — Сплетни. Угадайте, с чем пришлось столкнуться известному далеко за пределами Земли отшельнику-финансисту Стентону Мику?

Аппарат заурчал, из прорези полезла лента с распечаткой в четыре цвета, с остроумно набранным заголовком. Через мгновение рулончик с новостями покатился по столу из тикового дерева и шлепнулся на пол. Превозмогая головную боль, Джо Чип нагнулся и развернул сообщение.

МИК СНИМАЕТ ДВА ТРИЛЛИОНА СО СЧЕТОВ В УОРЛД-БАНКЕ

«Ассошиэйтед Пресс» из Лондона. Что замышляет известный во всей Солнечной системе финансист Стентон Мик? Внимание деловых кругов приковано к этому решительному, хотя и чудаковатому промышленному магнату, предлагавшему в свое время бесплатно построить флот, с помощью которого Израиль сумел бы колонизировать и превратить в цветущие сады марсианские пустыни. Согласно просочившейся из Уайтхолла информации, Мик запросил и, вероятно, получит беспрецедентный кредит в размере…

— Это не сплетни, — проворчал Джо. — Это обсуждение финансовых операций. Сегодня я хочу почитать, чья жена-наркоманка забралась в постель к очередной телезнаменитости.

Он, как всегда, не выспался; во всяком случае, с медицинской точки зрения это был не сон. От снотворного пришлось воздержаться, недельный запас транквилизаторов в автономной квартирной аптечке иссяк, а до следующего вторника он не имел права обращаться в аптеку. Два дня, еще два долгих дня.

— Тогда наберите «дешевые сплетни», — проурчала журнальная машина.

Из щели тут же полез следующий ролик. Джо полюбовался великолепной карикатурой на Лолу Херцбург-Райт и, предвкушая текст, плотоядно улыбнулся неприличному изображению ее правого уха.

> Вчера вечером на собравшей весь цвет Нью-Йорка вечеринке какой-то проходимец попытался присесть к Лоле Херцбург-Райт. Получив сокрушительный удар в челюсть, несчастный перевернул столик шведского короля Эгона Грата, который явился в сопровождении некоей мисс с неправдоподобно большим…

В дверь позвонили. Джо Чип вздрогнул, схватил со стола тлеющую сигарету и поплелся к переговорному устройству, удобно расположенному на

рычаге замка.

— Кто?

Еще не было восьми. В такое время мог припереться либо робот за квартплатой, либо какой-нибудь кредитор. Энергичный мужской голос произнес из динамика:

— Джо, я знаю, что сейчас рано, но я только что приехал. Это Дж. Дж. Эшвуд. Со мной новый объект, в Топеке нашел. Джо, я чуть не обалдел, хочу, чтобы ты тоже взглянул, прежде чем я выложу находку Ранситеру. Он, кстати, в Швейцарии.

— У меня здесь нет оборудования, — буркнул Чип.

— Я съезжу в лабораторию и привезу все, что нужно.

— Приборы в моей машине, я не успел их вчера выгрузить. — (Истина заключалась в том, что к вечеру Джо уже не держался на ногах и просто не смог открыть багажник своего автомобиля.) — Слушай, а до девяти это не подождет? — От маниакальной энергии Дж. Дж. Эшвуда его тошнило даже в полдень, а в семь сорок утра Эшвуд был просто невыносим.

— Чип, дружище, экземпляр классный, настоящее чудо, у тебя все приборы зашкалит, а представь себе, какой будет толчок для фирмы,

ты знаешь, как нам этого сейчас не хватает. Кроме того…

— Это анти-кто? — перебил Джо Чип. — Телепат?

— Слушай, — Дж. Дж. Эшвуд понизил голос, — я и сам толком не знаю. Дело секретное, понимаешь? Я не могу стоять здесь под дверью и орать во все горло. Я и так уже принимаю мысли какого-то типа с первого этажа, он…

— Ну ладно, — вздохнул Джо Чип. Дж. Дж. Эшвуда, раз уж он завелся, прервать все равно нельзя, быстрее будет выслушать его до конца. — Дай мне пять минут одеться и найти кофе.

Джо смутно припоминал, что накануне вечером он вроде использовал зеленый продуктовый талон, значит, купил чай, кофе, сигареты или какие-либо импортные деликатесы.

— Она тебе понравится. Кроме того, как всегда бывает, оказалось, что это дочь…

— Она? — встревоженно переспросил Джо Чип. — Мне сейчас не до гостей. У меня трудности с деньгами, здесь уже две недели не было роботов-уборщиков.

— Я спрошу, волнует ее это или нет.

— Слушай, это волнует меня, понял? Я проверю ее в лаборатории, в рабочее время.

— Джо, я прочел ее мысли, ей абсолютно все равно.

— Сколько лет твоей находке?

«Может быть, — подумал Джо, — это еще ребенок». Зачастую мощные инерциалы получались из детей, развивших свои способности при защите от психического насилия родителей.

— Сколько тебе лет, дорогая? — Дж. Дж. Эшвуд повернулся к стоявшей рядом девушке. — Девятнадцать, — сообщил он Джо Чипу.

Теперь понятно. Джо даже стало интересно. Настырность и бесцеремонность Дж. Дж. Эшвуда часто приводили к знакомствам с привлекательными женщинами. Не исключено, что это тот самый случай.

— Дайте мне пятнадцать минут. — Если пожертвовать завтраком и кофе, то с уборкой можно, пожалуй, успеть. Во всяком случае, надо попробовать.

Джо отключил переговорное устройство и полез в кухонный шкаф посмотреть, есть ли там ручная или механическая щетка, а может, гелиевый или сетевой пылесос. Ни того ни другого не оказалось. Очевидно, отдел снабжения домового агентства никогда ничего подобного и не присылал. «Теперь уже черта с два разберешься,

заказывал я это или нет», — подумал Джо. А ведь прожил он здесь уже четыре года.

Подойдя к видеофону, Джо набрал 214, номер обслуживающего агентства.

— Послушайте, — сказал он, когда устройство откликнулось, — я как раз собираюсь перечислить часть своих сбережений на покрытие задолженностей вашим роботам-уборщикам. И я бы хотел, чтобы они немедленно прибыли и прошлись по квартире. Как только они закончат, я оплачу весь счет.

— Сэр, надо оплатить счет прежде, чем они начнут.

Джо уже разыскал бумажник и вытащил из него весь запас карточек «Волшебного Кредита». Ни одной неаннулированной. Именно так складывались его денежные дела на протяжении всей жизни.

— Я переведу свой просроченный платеж на карту «Треугольного Кредита», — заявил он безликому оппоненту. — Таким образом, по вашим счетам все будет в порядке, дальнейшая уплата долга — уже не ваша забота.

— Вы забыли о штрафе и процентах.

— Я переведу их на счет…

— Мистер Чип, консультационное агентство

«Феррис и Брокман» выпустило в отношении вас специальный релиз. Мы получили его только вчера и очень хорошо его помним. С июля степень вашей кредитоспособности упала на целую единицу. Наш отдел, как, впрочем, и все службы дома, предупрежден о прекращении кредитов и услуг таким неслыханным нарушителям, как вы, сэр. Теперь все вопросы будут решаться исключительно на основе предварительной оплаты. По-видимому, таковое условие сохранится до конца вашей жизни. Кроме того…

Джо повесил трубку. Никакой надежды заманить или загнать угрозой в захламленную квартиру роботов-уборщиков не оставалось. Джо побрел в спальню. Переодеться он мог самостоятельно.

Надев спортивный халат, туфли с блестящими, загнутыми вверх носами и фетровую шапочку с помпоном, Джо с надеждой приступил к поискам кофе. На кухне им и не пахло. Он прошел в ванную и возле двери обнаружил вчерашнюю накидку с капюшоном, а рядом с ней пластиковый мешок с полуфунтовой банкой натурального кенийского кофе — настоящее лакомство, купить которое, учитывая его финансовое положение, он мог только в невменяемом состоянии. Обшарив

все карманы, Джо нашел десять центов и зарядил кофейник. Вдыхая ставший в последнее время непривычным аромат кофе, Джо взглянул на часы и увидел, что пятнадцать минут уже прошли. Он решительно направился к входной двери, повернул ручку и дернул запор.

Дверь не открылась, а из динамика прозвучало:

— Опустите пять центов, пожалуйста.

Джо в очередной раз вывернул карманы. Монет не осталось.

— Я заплачу завтра, — сказал он двери и снова нажал на ручку. Дверь не поддалась. — Я вообще тебе плачу из вежливости, я вовсе не обязан этого делать.

— Неверно, — отозвалась дверь. — Посмотрите в подписанный вами при покупке квартиры контракт.

Контракт Джо нашел в ящике стола. С момента его подписания ему не раз приходилось обращаться к этому документу. Конечно, за открывание и закрывание двери полагалась обязательная плата.

— Как видите, я права, — сказала дверь. Прозвучало это вызывающе.

Джо вытащил из кухонного ящика нож из

нержавейки и принялся откручивать болты запорного механизма.

— Я подам на вас в суд, — заявила дверь, когда вывалился первый шуруп.

— Никогда не судился с дверью, — пробормотал Джо. — Думаю, что сумею это пережить.

С улицы донесся стук.

— Эй, Джо, малыш, это я, Дж. Дж. Эшвуд. Я привел ее, открывай!

— Опусти пять центов, — крикнул Джо, — с моей стороны что-то заклинило!

Звякнула монета, дверь распахнулась. На пороге стоял сияющий Дж. Дж. Эшвуд. Лукаво улыбаясь, он подтолкнул вперед свою спутницу. Некоторое время девушка молча разглядывала Джо. На вид ей было не больше семнадцати: стройная, с медного цвета кожей и огромными темными глазами.

«Боже, — подумал Джо, — она же прекрасна!»

Одежда незнакомки состояла из рабочей блузки, джинсов из эрзац-брезента и тяжелых ботинок, вымазанных, как ему показалось, настоящей грязью. Блестящие волосы были зачесаны назад, собраны в узел и перехвачены красной лентой. Закатанные рукава оставляли открытыми загорелые сильные руки. На ремне из искусственной

кожи висел нож, полевой телефон и походная сумка с запасом еды и питья. На смуглом запястье Джо заметил татуировку: CAVEAT EMPTOR. «Интересно, — подумал он, — что бы это значило?»

— Это Пат! — провозгласил Дж. Дж. Эшвуд, с показной фамильярностью обнимая девушку за талию. — Фамилия роли не играет.

Дж. Дж., как всегда, был в мохеровом пончо, абрикосового цвета фетровой шляпе, лыжных носках и тапочках из коврового материала. Фигурой он больше всего напоминал огромный кирпич.

Радостно улыбаясь, Эшвуд шагнул навстречу Джо Чипу, каждая клеточка его тела излучала самодовольство: как же, он нашел что-то важное и теперь своего не упустит, выжмет из находки все, что можно.

— Пат, перед тобой наш лучший и опытнейший специалист по электротестам.

— Это вы электрический или ваши тесты? — равнодушно поинтересовалась девушка.

— Как придется, — пробурчал Джо. Он чувствовал вокруг себя миазмы неприбранной квартиры, ауру хлама и неустроенности. Пат, как ему показалось, уже все заметила. — Присаживайтесь. — Джо сделал неуклюжий жест. — Выпьем

по чашечке натурального кофе.

— Какая роскошь! — Пат расположилась за кухонным столиком, непроизвольно уложив скопившиеся за день газеты в аккуратную стопку. — Вы можете себе позволить настоящий кофе?

— Джо заколачивает бешеные бабки, — откликнулся Дж. Дж. Эшвуд, вытаскивая сигарету из лежащей на столе пачки. — Фирма без него как без рук.

— Положи на место! — не выдержал Джо Чип. — Курить больше нечего, а последний зеленый талон я истратил вчера на кофе.

— Я заплатил за дверь, — напомнил Дж. Дж. и пододвинул пачку девушке. — Джо любит порисоваться, не обращай внимания. Возьми, к примеру, его квартиру. Он ведь специально ее не убирает, хочет подчеркнуть, что он — творческая личность, все гении, мол, живут в бардаке. Где твои приборы, Джо? Не будем терять время.

— Вы несколько странно оделись, — сказал Джо, глядя на Пат.

— Я ремонтирую подземные видеофонные коммуникации кибуца Топеки, — пояснила девушка. — В нашем кибуце только женщинам разрешено заниматься физическим трудом. —

Темные глаза Пат гордо сверкнули.

— Надпись на вашей руке, — спросил Джо, — это на иврите?

— На латинском. — Пат, не скрывая удивления, огляделась. — Никогда не видела такой запущенной квартиры. У вас что, нет любовницы?

— У специалистов по электротестам нет времени на подобную чушь, — нетерпеливо сказал Дж. Дж. Эшвуд. — Послушай, Чип, родители этой девочки работают на Рэя Холлиса. Если они узнают, что она побывала у нас, ее подвергнут фронтальной лоботомии.

— Родители знают, что у вас антиталант?

— Нет. — Пат покачала головой. — Я и сама не знала, пока ваш сотрудник не подсел ко мне в кафетерии кибуца. Он говорит, вы можете это объективно доказать при помощи приборов.

— Какова будет ваша реакция, — спросил Джо, — если тесты покажут, что так оно и есть?

Подумав, Пат сказала:

— Видите ли, мне это вообще кажется… негативным, что ли… Я ведь ничего не умею: не двигаю предметы, не превращаю камни в хлеб, не беременею без оплодотворения и не исцеляю болящих. Я не читаю мысли и не могу заглянуть в будущее. То есть не обладаю даже самыми рас-

пространенными способностями. Я просто свожу на нет дарования других людей. Ущербность какая-то! — Пат развела руками.

— Для сохранения человеческой расы, — сказал Джо, — это необходимо в не меньшей степени, чем пси-таланты. Особенно для нас, нормалов. Анти-пси-талант — не что иное, как естественное восстановление экологического равновесия. Когда одно насекомое научилось летать, другое, чтобы не летать самому, научилось плести паутину. Моллюски обзавелись твердым панцирем, а птицы наловчились поднимать их высоко над землей и бросать на камни. В некотором смысле вы живете за счет пси-одаренных, так же как они живут за счет нормалов. Это автоматически делает вас союзником нормалов. Хищник и добыча, круг замкнулся, полное равновесие.

— Меня могут посчитать предателем, — сказала Пат.

— Вас это тревожит?

— Меня тревожит то, что люди начнут испытывать ко мне враждебность. Я понимаю, что рано или поздно она все равно возникнет, нельзя нравиться сразу всем. Сделай хорошо одному — и ты тут же наживаешь врага в лице другого.

— В чем заключается ваш антиталант?

— Это трудно объяснить.

— Я уже говорил, — вмешался Дж. Дж. Эшвуд. — Она уникальна. Я о подобном даже не подозревал.

— Какую пси-способность вы можете нейтрализовать? — спросил Джо.

— Как мне объяснил ваш поисковик, — Пат посмотрела на сияющего улыбкой Дж. Дж. Эшвуда, — я нейтрализую прогностов. Я с шести лет почувствовала, что делаю что-то странное. Родителям я никогда не говорила, боялась.

— Они прогносты?

— Да.

— В таком случае им бы действительно это не понравилось. Но как могло получиться, что они ничего не заметили? Или вы ни разу не повлияли на их способность?

— Я… — Пат растерянно пожала плечами. — Я думаю, что я влияла на их способность, но они этого не замечали.

— Позвольте мне объяснить, — сказал Джо, — как действует антипрогност. По крайней мере в известных нам случаях. Прогност видит несколько вариантов будущего. Они разложены перед ним, как соты в улье. При этом один из вариантов имеет более яркую окраску. Его-то прогност и

выбирает. Антипрогност делает все варианты одинаковыми, лишая прогноста способности выбирать. Тот, кстати, всегда чувствует присутствие своего врага, ибо немедленно рвутся его связи с будущим. В случае с телепатом подобное вмешательство…

—

Она изменяет прошлое, — сказал Дж. Дж. Эшвуд.

Джо изумленно замолчал.

— Прошлое, — повторил Дж. Дж., наслаждаясь произведенным эффектом. Он многозначительно оглядел все углы в кухне Джо Чипа. — Оказавшийся под ее воздействием прогност по-прежнему видит будущее: один, как ты сказал, ярче других окрашенный вариант. Он его выбирает и оказывается прав. Но почему он его выбирает? А потому, что эта девочка, — Дж. Дж. кивнул в сторону Пат, — держит будущее под контролем, и этот ярче других окрашенный вариант окрашен ярче других потому, что она заглянула в прошлое и изменила его. Изменив прошлое, она изменила и настоящее, которое включает в себя и прогноста. Он попадает под ее влияние, не сознавая того; ему кажется, что его талант работает, в то время как от него уже ничего не зависит. Это одно из ее преимуществ перед другими антипрогностами.

Второе, и гораздо более важное, заключается в том, что она может изменить ход событий после того, как прогност сделал выбор. Ты знаешь, нам всегда не давала покоя эта проблема; если не удается вмешаться с самого начала, мы бессильны. По сути дела, мы и не пытаемся сорвать работу прогноста в том смысле, как мы поступаем с другими пси, так? Разве не это самое слабое звено в нашей службе? — Дж. Дж. выжидающе уставился на Джо Чипа.

— Любопытно, — произнес наконец Джо.

— Черт побери, ты сказал «любопытно»? — Дж. Дж. Эшвуд чуть не подпрыгнул. — Да это уникальнейший анти-пси-талант из всех доселе известных!

Очень тихо Пат проговорила:

— Я не совершаю путешествий в прошлое. — Она подняла глаза и посмотрела на Джо Чипа извиняющимся и одновременно вызывающим взглядом. — Мне удается кое-что сделать, но мистер Эшвуд все невероятно преувеличил.

— Я читаю твои мысли, — с оттенком раздражения проговорил Дж. Дж. Эшвуд, — и знаю, что ты умеешь изменять прошлое, ты уже проделывала это.

— Да, я могу его изменить, однако не совершаю

путешествий во времени, как вы пытаетесь представить.

— Как вы изменяете прошлое? — спросил Джо Чип.

— Я о нем думаю. Об одном конкретном моменте, каком-нибудь случае, например, когда кто-то что-то сказал или сделал. Или о происшествии, которого мне очень хотелось бы избежать. Впервые я сделала это еще ребенком…

— Ей было тогда семь лет, — вмешался Дж. Дж. Эшвуд. — Она жила с родителями в Детройте и разбила античную статую из керамики, зеницу ока ее отца.

— Разве отец этого не предвидел? — поинтересовался Джо Чип. — Он же прогност.

— Предвидел, — сказала Пат, — и наказал меня за неделю до того, как я ее разбила. При этом он объяснил мне, что это все равно неизбежно. Вы знаете талант прогностов: предсказать они могут, а изменить — нет. Потом, когда статуя разбилась, то есть я ее разбила, я очень горевала и все время вспоминала ту неделю, до события, когда меня оставили без сладкого и укладывали спать в пять вечера, а я все повторяла: «Христос (или как там обращаются к Богу маленькие дети), Христос! Неужели нет способа избежать

всех этих ужасных событий?» Провидческие способности отца не произвели на меня особого впечатления, поскольку повлиять на ситуацию он не мог; я до сих пор не в силах избавиться от какого-то презрения к нему. Я целый месяц промучилась, пытаясь представить проклятую статую снова целой, мысленно все время возвращалась к тому периоду, когда она еще не разбилась, представляла, как она выглядит… Это было ужасно. И вдруг однажды утром (а ночью я опять видела ее во сне) статуя оказалась на месте. Как раньше. — Пат говорила резким, взволнованным голосом, напряженно наклонившись к Джо Чипу. — Родители ничего не заметили. Им показалось совершенно нормальным, что статуя стоит на месте, цела-целехонька, словно никогда и не разбивалась. Единственным человеком, кто помнил, как все обстояло на самом деле, была я.

Пат улыбнулась, вздохнула и взяла из пачки еще одну сигарету.

— Сейчас я принесу из машины оборудование для теста, — сказал Джо, направляясь к двери.

— Пять центов, пожалуйста, — произнес динамик, едва он взялся за ручку.

— Заплати за дверь! — крикнул Джо Эшвуду.

Притащив из машины оборудование, Джо пред-

ложил поисковику фирмы очистить помещение.

— Что? — опешил Дж. Дж. Эшвуд. — Ты, видно, забыл, кто ее нашел? Я десять дней потратил на вычисление ее поля, я…

— Ты прекрасно знаешь, что твое поле исказит все результаты. Способности и антиспособности воздействуют друг на друга. Если бы этого не происходило, мы бы занимались совсем другим делом… И не забудь оставить пару монет. А то ни она, ни я отсюда не выберемся.

— У меня есть мелочь, — сказала Пат. — В кошельке.

— Ты, кстати, можешь измерить ее мощность по потерям внутри моего поля. Я сотни раз наблюдал, как ты так делал.

— Здесь другое, — сухо заметил Джо.

— У меня кончились все монеты, — заявил Дж. Дж. — Я не могу выйти.

Пат посмотрела на Джо, затем на Дж. Дж. и сказала:

— Возьмите мою.

Она швырнула Дж. Дж. монету, он поймал ее с явным недоумением. Мало-помалу недоумение сменилось на его лице угрюмостью.

— Круто вы меня кидаете, — проговорил он, опуская монету в монетоприемник. — Вы оба, —

донеслось уже снаружи. — Это, между прочим, лихое дело, когда…

Дверь захлопнулась, и окончания фразы никто не услышал.

Наступила тишина. Наконец Пат сказала:

— Кроме энтузиазма, ему нечем похвастаться.

— Да нет, он нормальный парень…

Джо испытывал привычное чувство — вину. Впрочем, не очень сильную. Во всяком случае, Дж. Дж. сделал свое дело. Теперь…

— Теперь ваша очередь, — сказала Пат. — Могу я снять ботинки?

— Конечно, — ответил Джо, подходя к своим приборам. Он проверил кассеты, источники питания, ход стрелок.

— Душ у вас есть, работает? — спросила Пат, аккуратно убрав с дороги свои ботинки.

— Двадцать пять центов, — пробурчал Джо. — Это стоит двадцать пять центов. — Взглянув на Пат, он увидел, что девушка начала расстегивать блузку. — А у меня их нет.

— В кибуце все бесплатно, — сказала Пат.

— Бесплатно! — фыркнул Джо. — Это экономически неосуществимо. На такой основе все развалится через месяц.

Пат невозмутимо продолжала расстегивать

блузку.

— Нам платят зарплату, кроме того, мы берем кредиты под будущие заказы. Эти деньги и идут на содержание кибуца. На практике вот уже несколько лет как кибуц Топеки является прибыльным предприятием, то есть мы все вместе отдаем больше, чем получаем.

Сняв блузку, она бросила ее на спинку стула. Под блузкой ничего не было. Джо уставился на высокие, твердые и круглые груди.

— Вы уверены, что правильно все делаете? — спросил Джо. — Я имею в виду раздевание.

— Вы просто не помните, — ответила Пат.

— Чего не помню?

— Как я не разделась. В другом варианте. Вам тогда не понравилось, и я все изменила. Так что вот…

Она грациозно вытянулась.

— А что я сделал, — осторожно поинтересовался Джо, — когда вы не разделись? Отказался вас тестировать?

— Вы что-то проворчали насчет того, что мистер Эшвуд сильно преувеличил мой антиталант.

— Я так не работаю, — покачал головой Джо.

— Взгляните. — Наклонившись, Пат пошарила в карманах своей рубашки, при этом груди ее

заколыхались.

Выпрямившись, она протянула Джо сложенный пополам лист бумаги.

— Это из другого варианта, который я ликвидировала.

Джо прочел собственный уместившийся в одну строку вывод: «Продуцируемое анти-пси-поле незначительно и по всем параметрам не соответствует предъявляемым требованиям. Для работы с ныне действующими прогностами непригодна». Рядом стоял перечеркнутый кружок — символ, значение которого знали только он и Глен Ранситер. Поисковики условных значков не знали, так что Эшвуд ничего ей рассказать не мог. Джо молча вернул листок, и Пат положила его в карман блузки.

— Вы по-прежнему собираетесь меня тестировать? — спросила она. — После того, что видели?

— Существуют установленные процедуры, — пробормотал Джо, отвернувшись, — шесть позиций, по которым…

— Вы мелкий, погрязший в долгах никчемный бюрократ, неспособный самостоятельно выпустить человека из своей квартиры.

Пат говорила спокойно, но ее слова громом звучали в ушах Джо. Он вздрогнул, напрягся и

густо покраснел:

— Да, сейчас мне приходится туго. Однако мое финансовое положение поправится со дня на день. Я всегда могу получить ссуду. В том числе и от фирмы.

Он неловко поднялся, взял чашки, блюдца, налил кофе.

— Сахар? Сливки?

— Сливки. — Пат стояла посреди кухни, босая и без блузки.

Джо взялся за ручку холодильника, и тот объявил:

— Десять центов, пожалуйста. Пять за открывание дверцы, пять за сливки.

— Там же не сливки! — не выдержал Джо. — Там обыкновенное молоко. — Он несколько раз отчаянно дернул за ручку. — Последний раз прошу, открывайся, я вечером рассчитаюсь!

— Держите. — Пат пустила по столу монетку. — На месте вашей любовницы я бы не приходила сюда без денег, — заметила она, наблюдая, как Джо возится с холодильником. — Вы в самом деле на мели, да? Я это поняла, когда мистер Эшвуд…

— У меня так далеко не всегда, — хрипло перебил ее Джо.

— Хотите, я вам помогу? — Сунув руки в карма-

ны джинсов, девушка равнодушно смотрела на Джо. — Вы уже поняли, это в моих силах. Садитесь и пишите. О тестах забудьте. Вы все равно не можете измерить мое поле, оно действует в прошлом, а вы проводите измерения в настоящем. Согласны?

— Покажите мне оценочный лист, тот, в кармане вашей рубашки. Я хочу еще раз взглянуть на него, прежде чем решу что-либо.

Пат снова вытащила сложенный пополам желтый лист и положила его на стол. Джо перечитал справку. «Мой почерк, — подумал он, — да, все правда». Он вернул лист Пат, вытащил из рабочей папки точно такой же желтый бланк. Написал ее имя, затем фантастически невероятные цифровые результаты проверки и, наконец, свои выводы. Новые выводы.

«Обладает исключительными способностями. Анти-пси-поле уникально по своим проявлениям. Способна нейтрализовать сколь угодно большую группу прогностов».

После точки он поставил условный знак, на этот раз два подчеркнутых крестика. Пат замерла за его спиной. Джо чувствовал на шее ее дыхание.

— Что означают подчеркнутые крестики?

— Принять на любых условиях.

— Благодарю вас. — Девушка вытащила из кошелька пачку кредиток и протянула одну Джо. Сумма была приличной. — Это на текущие расходы. Я не могла дать ее вам раньше, чем вы сделали официальное заключение. Иначе бы вы до конца жизни пытались что-нибудь исправить и сошли бы в могилу с сознанием того, что вас подкупили. В конце концов вы бы даже решили, что у меня вообще нет антиталанта.

Пат расстегнула молнию и принялась стаскивать джинсы. Джо Чип разглядывал написанное, не замечая девушки. Подчеркнутые кресты означали отнюдь не то, что он сказал. Символ читался: «Осторожно! Представляет угрозу для фирмы. Чрезвычайно опасна!»

Джо подписал бумагу и сложил ее вдвое. Пат тут же убрала ее в кошелек.

— Когда я смогу завезти вещи? — спросила она, направляясь в ванную. — Полагаю, я имею на это право, считайте, я им заплатила за месяц вперед.

— В любое время.

— Пожалуйста, пятьдесят центов, — донеслось из ванной. — Оплата за воду.

Пат прошлепала на кухню за кошельком.

Глава 4

Потрясающий салатный соус Убик! Несравнимо ни с французской, ни с итальянской кухней. Мир покорен. Покупайте Убик и покоряйте мир! При употреблении в соответствии с инструкцией безвреден.

Из Мораториума Возлюбленных Собратьев Глен Ранситер возвратился в Нью-Йорк. Огромное электротакси бесшумно опустилось на крышу центрального здания Корпорации Ранситера. Оттуда скоростной лифт мгновенно доставил его на пятый этаж. В девять тридцать утра по местному времени Ранситер уже восседал в массивном старомодном кресле из натуральной кожи и разговаривал по видеофону с отделом рекламы.

— Тэмиш, я только что из Цюриха. Пообщался с Эллой. — Ранситер замолчал и вопросительно уставился на бесшумно вошедшую в огромный кабинет секретаршу. — В чем дело, миссис Фрик?

Высохшая испуганная миссис Фрик с пятнами румян на лице, должных, по ее мнению, скрасить общий безрадостный вид, беспомощно развела руками. Это означало, что Ранситера никак нель-

зя было не побеспокоить.

— Ну хорошо, миссис Фрик, — терпеливо сказал он, — что случилось?

— Новый клиент, мистер Ранситер. Думаю, вам следует принять ее. — Секретарша сделала шаг навстречу и одновременно отошла — этот сложный маневр, на овладение которым ушел не один десяток лет, удавался только ей.

— Когда переговорю, — бросил Ранситер и продолжил: — Как часто выходит наша реклама по межпланетному телевидению? По-прежнему раз в три часа?

— Не совсем так, мистер Ранситер. В течение дня — да, реклама защитных организаций идет раз в три часа, но в престижное время…

— Надо, чтобы наша реклама шла каждый час, — сказал Ранситер. — Так советует Элла. — Возвращаясь в Западное полушарие, Ранситер вспомнил свой самый любимый рекламный ролик. — Вы знаете, что, согласно постановлению Верховного суда, муж имеет право убить свою жену, если сумеет доказать, что она ни при каких обстоятельствах не дала бы ему развода?

— Да, это называется…

— Плевать, как это называется. Важно, что у нас уже есть соответствующая реклама. Помните?

— Да, вначале показывают этого типа, мужа. Потом присяжных, судью, крупным планом ведущего перекрестный допрос прокурора. Он говорит обвиняемому: «Похоже, что ваша жена…»

— Правильно, — удовлетворенно кивнул Ранситер. Он сам придумал рекламный ролик и считал это еще одним проявлением своего многостороннего ума.

— Как бы то ни было, — продолжал Тэмиш, — то, что исчезнувшие пси работают в группе на одну из крупных компаний, — не слухи. Думаю, нам следует усилить в связи с этим рекламу для предпринимателей. Помните, у нас было: муж возвращается домой, на нем желтый кушак, юбка из листьев, кафтан с рукавами до колен и военное кепи. Он валится на диван, начинает стягивать рукавицы, потом хмурится и говорит: «Слушай, что-то со мной происходит последнее время. То и дело мне кажется, что кто-то читает мои мысли!» А жена в ответ: «Почему бы тебе не обратиться в ближайшую защитную организацию? Они пришлют инерциала, совсем недорого, и ты снова обретешь уверенность в себе!» Тогда он широко улыбается и говорит: «А знаешь, это гадкое чувство уже…»

Миссис Фрик снова появилась в дверях, очки

на носу мелко дрожали.

— Я вам перезвоню, Тэмиш, — вздохнул Ранситер. — Связывайтесь с телевидением и запускайте наши программы ежечасно, как я указал. — Он положил трубку и молча посмотрел на миссис Фрик. Потом произнес: — Я специально летал за этим в Швейцарию, поднял Эллу, и она дала мне такой совет.

— Прошу вас, миссис Вирт, мистер Ранситер освободился.

В комнату вкатилась нелепого вида толстуха. Круглое тело устремилось прямиком к столу, голова при этом подпрыгивала, как баскетбольный мяч.

Посетительница тут же уселась в кресло и вытянула неожиданно тощие ноги. Старомодное шелковое пальто-паутина делало ее похожей на добродушного жука, угодившего в паучьи тенета.

Женщина улыбалась и вела себя совершенно раскованно. Далеко за сорок, определил для себя Ранситер. О фигуре уже и речи быть не может.

— К сожалению, миссис Вирт, — начал Ранситер, — я не могу уделить вам много времени, поэтому давайте сразу перейдем к делу. Что у вас произошло?

— Видите ли, — заговорила миссис Вирт не к месту радостным и бодрым тоном, — нас начали тревожить телепаты. Во всяком случае, так нам кажется. У нас есть свой телепат, человек, которому мы доверяем, он постоянно находится среди наших сотрудников. Его обязанность — немедленно извещать руководство в случае обнаружения какого-либо пси-воздействия со стороны телепатов или прогностов. На прошлой неделе он таковое воздействие обнаружил. Мы обратились к услугам одной частной фирмы, и они представили сводку о возможностях различных защитных организаций. Ваша занимает среди них первое место.

— Я это знаю. — Ранситер кивнул. Ему тоже приходили подобные сводки. В данном случае дело не сулило особой прибыли, хотя требовало определенного внимания.

— Сколько телепатов, — спросил он, — засек ваш человек? Больше одного?

— Как минимум двоих.

— А может, и больше?

— Вполне возможно.

— Мы работаем следующим образом, — сказал Ранситер. — Вначале измеряется объективная величина пси-поля, это нужно для определения

объема работ. Как правило, измерения занимают от одной недели до десяти дней, в зависимости…

— Мой шеф настаивает, чтобы вы прислали инерциалов немедленно, — перебила его миссис Вирт, — без поглощающих уйму денег и времени тестов.

— Но так мы не узнаем, сколько потребуется инерциалов. И каких именно. И где их необходимо разместить. Анти-пси-операция требует серьезной подготовки, мы не размахиваем волшебной палочкой и не рассыпаем отраву по углам. Мы должны уравновесить людей Холлиса индивидуально, на каждый талант выставить антиталант. Если Холлис принялся за вашу фирму, он проделал это именно так: вводил одного пси за другим. Кто-то проникает в отдел кадров, принимает на работу другого, тот в свою очередь набирает в свой отдел нужных людей, и так далее… Иногда на это уходят месяцы. Мы не можем за двадцать четыре часа свести на нет их многодневную деятельность. Серьезная пси-операция — как мозаика, ни они, ни мы не можем позволить себе поспешности.

— Мой шеф, — радостно остановила Ранситера миссис Вирт, — просит поторопиться.

— Я поговорю с ним. — Ранситер потянулся к

видеофону. — Кто он и какой у него номер?

— Вы будете вести дело через меня.

— Я, может быть, вообще ничего не буду вести. Почему вы не говорите, кого вы представляете?

Ранситер незаметно нажал потайную кнопку под крышкой стола.

В соседнюю комнату немедленно явилась дежурный телепат Нина Фрид для прощупывания мыслей клиентки. «Пока я не выясню, с кем имею дело, — подумал Ранситер, — я не пошевелю и пальцем. Может случиться, что меня нанимает сам Рэй Холлис».

— Вы чересчур скованы своими условностями, — сказала миссис Вирт. — Мы всего-навсего просим ускорить процесс. И то потому, что иначе не можем. Скажу только одно: операция, к которой они подключились, проводится нами не на Земле. Учитывая возможную прибыль и понесенные на сегодняшний день затраты… Это наша приоритетная программа. Мой шеф вложил в нее все свободные средства. Все держалось в строжайшем секрете. Каково же было наше потрясение, когда выяснилось, что телепаты…

— Простите. — Ранситер поднялся и подошел к двери. — Я уточню, сколько людей мы можем подключить к работе прямо сейчас.

Прикрыв за собой дверь, он быстро обошел прилегающие помещения. В одной из комнат курила и настраивалась на работу Нина Фрид.

— Выясните, кого она представляет, — приказал Ранситер. — А потом узнайте, что у них вообще на уме.

«Сейчас у нас тридцать восемь незанятых инерциалов, — прикинул Ранситер. — Не исключено, что на это дело мы выставим всех или почти всех. И, может быть, я наконец выясню, куда запропастились лучшие дарования Холлиса. Вся чертова шайка».

Ранситер вернулся в кабинет и занял свое место за столом.

— Если к вашему проекту подключились телепаты, то вам придется смириться с тем, что он уже не является секретом. Независимо от того, сколько технических подробностей им удалось выяснить. Почему бы вам не рассказать мне, в чем суть ваших планов?

— Дело в том, — неуверенно протянула миссис Вирт, — что я и сама этого не знаю.

— И где все происходит — тоже?

— Вот именно.

— Знаете ли вы, кто ваш шеф?

— Я работаю в одном из филиалов и знаю толь-

ко своего непосредственного руководителя, это мистер Шепард Говард, но на кого работает он, мне неизвестно.

— Если мы предоставим вам необходимых для операции инерциалов, сообщат ли нам, куда их направят?

— Может быть, и нет.

— А если они не вернутся?

— Почему они должны не вернуться? После того, как они обезопасят наш проект…

— Известно, что люди Холлиса иногда убивают посланных для их нейтрализации инерциалов. Я не могу отправлять своих сотрудников черт знает куда…

Спрятанный в левом ухе микрофон зажужжал, и Ранситер услышал тихий, но отчетливый голос Нины Фрид:

— Миссис Вирт работает на Стентона Мика. Она его доверенный помощник. Человека по имени Шепард Говард не существует. Проект, о котором идет речь, осуществляется главным образом на Луне и имеет прямое отношение к «Техпрайз» — исследовательской программе Мика, в которой миссис Вирт принадлежит контрольный пакет акций. Технических подробностей она не знает, научные расчеты, выкладки и рабочие сводки

ей не предоставляются, из-за чего она, кстати, страшно злится. Общая идея проекта ей, конечно, известна. Если предположить, что доходящие до нее сведения верны, то речь идет о радикально новом, дешевом способе межзвездных сообщений с околосветовой скоростью. Идею можно выгодно продать любой достаточно крупной политической или этнической группе. В конечном счете это означает конец правительственной монополии на межзвездные путешествия.

Нина Фрид отключилась, и Ранситер откинулся в кожаном кресле-качалке с ореховыми подлокотниками.

— О чем задумались? — бодро поинтересовалась миссис Вирт.

— Думаю, — проворчал Ранситер, — сумеете ли вы оплатить наши услуги. Без предварительных замеров я могу лишь приблизительно определить количество необходимых инерциалов. Получается около сорока.

Ранситер нисколько не сомневался, что Стентон Мик способен оплатить любое количество специалистов.

— Сорок, — повторила миссис Вирт. — Гмм. Приличная компания.

— Чем больше мы подключим людей, тем

быстрее удастся решить проблему. Поскольку вы торопитесь, мы запустим всех одновременно. Если вы уполномочены подписать договор подряда от имени своего хозяина, — Ранситер решительно ткнул в нее пальцем, но миссис Вирт и не моргнула, — и готовы прямо сейчас внести задаток, думаю, мы могли бы уложиться в семьдесят два часа.

Он пристально уставился на посетительницу.

Из микрофона донеслось:

— Как владелец «Техпрайза» она имеет все права, чтобы распоряжаться имуществом фирмы, вплоть до общей ее стоимости. В данный момент она подсчитывает, во сколько это может обойтись по нынешнему рыночному курсу. — Микрофончик замолк и через некоторое время снова ожил: — По ее подсчетам, выходит несколько миллиардов кредиток. Но она не хочет брать на себя ответственность, предпочитает, чтобы вопрос решили адвокаты Мика, даже если это потребует нескольких лишних дней.

«Но они же торопятся, — подумал Ранситер. — Во всяком случае, пытаются так представить дело».

— Она подозревает, — ответил микрофончик, — что вы знаете или догадались, кто за ней стоит, и

боится, что вы поднимете расценки. Мику известна репутация своей фирмы, потому он и работает через подставных лиц. С другой стороны, им действительно позарез нужны инерциалы, и они готовы раскошелиться.

— Сорок инерциалов, — задумчиво пробормотал Ранситер и принялся подсчитывать на специально для этих целей заготовленном листке бумаги. — Значит, так: шесть по пятьдесят, умножить на три и еще на сорок.

Несмотря на застывшую счастливую улыбку, миссис Вирт с видимым напряжением ожидала конечного результата.

— Интересно, — сказал Ранситер, — кто заплатил Холлису за подключение к проекту его людей?

— Думаю, что большой роли это не играет, — ответила миссис Вирт. — Важно, что они к нему подключились.

— Иногда этого так и не удается узнать, — заметил Ранситер. — Впрочем, вы правы, если у вас на кухне завелись муравьи, вы от них избавляетесь и не ломаете себе голову, откуда они взялись.

Ранситер закончил вычисления и пододвинул листок миссис Вирт. Не в силах оторвать глаз от впечатляющей суммы, посетительница попыта-

лась встать.

— У вас есть комната, где я могла бы побыть одна? И если можно, я бы хотела позвонить Говарду.

Ранситер тоже встал:

— Маловероятно, чтобы в какой-либо защитной организации сразу нашлось столько свободных инерциалов. Ситуация может измениться и у нас. Так что советую вам не терять времени.

— Вы уверены, что их потребуется так много?

Ранситер взял миссис Вирт под руку и провел в кабинет, где были вывешены рабочие карты фирмы.

— Вот здесь, — показал он на карту, — можно видеть местонахождение наших сотрудников, а также инерциалов других защитных организаций. Кроме того, мы фиксируем, по мере возможности, местонахождение всех пси Холлиса. — Он задумчиво пересчитал снятые с карты флажки, означавшие потерянных телепатов. Последним был С. Доул Мелипон. — Теперь я знаю, где они все.

С лица миссис Вирт медленно сползла фальшивая радостная улыбка. Она поняла, чем могут им грозить лежащие рядом с картой флажки. Ранситер вложил в ее влажные пальцы значок

С. Доула Мелипона и сжал их.

— Здесь вы можете спокойно все обдумать. Вот видеофон. Я буду у себя.

Направляясь к двери, Ранситер поймал себя на мысли, что полной уверенности в отношении того, где находятся исчезнувшие люди Холлиса, у него нет. С другой стороны, Стентон Мик сам отказывается от проведения объективных измерений. Так что, если в результате всего к работе будут подключены лишние инерциалы, — это его вина.

По закону Ранситер обязан был информировать Защитное общество об обнаружении пропавших пси. На это отводилось пять дней, и Ранситер решил ждать до последнего. Подобной возможности заработать могло больше и не представиться.

— Миссис Фрик, — сказал он, входя в приемную, — подготовьте контракт об использовании наших инерциалов количеством в сорок… — Ранситер осекся.

В комнате находились еще двое. К виду изможденного и похмельного Джо Чипа Ранситер давно привык, разве что сегодня Джо выглядел мрачнее обычного. Но сейчас рядом с ним расположилась длинноногая девушка с взлохмаченными черными волосами и сияющими бархатными глазами.

Искрящейся красотой она освещала все вокруг, будто тяжелым, безжалостным огнем.

Ранситеру показалось, что девушка недовольна своей внешностью, устала от гладкости кожи и припухлости губ. Он подумал, что она, наверное, только что с постели. Растрепана. Недовольна предстоящим днем. Да и всеми остальными днями тоже.

Подойдя к ним, Ранситер спросил:

— Надо полагать, Дж. Дж. вернулся из Топеки?

— Это Пат, — сказал Джо Чип. — Просто Пат.

Посмотрев на Ранситера, он вздохнул. Чип выглядел изрядно помятым, хотя чувствовалось, что в глубине души он не сдается. За внешней побитостью угадывалась большая жизненная сила. Ранситеру всегда казалось, что Джо усиленно симулирует душевный упадок, на самом деле он — темная лошадка.

— Каков ваш талант? — спросил девушку Ранситер.

— Антикетогенезис, — промурлыкала она, вытянувшись в кресле.

— Это что?

— Предотвращение кетозиса, — равнодушно пояснила она. — Как при введении глюкозы.

— Поясните. — Ранситер резко повернулся к

Джо.

— Дай мистеру Ранситеру проверочный лист.

Слегка выпрямившись, девушка вытащила кошелек, порылась в нем и протянула Ранситеру помятый желтый лист с результатами проверки.

— Потрясающе! — воскликнул Ранситер, взглянув на цифры. — Что, в самом деле? — Он повернулся к Джо и только тогда заметил два подчеркнутых крестика — графический приговор и, по сути дела, предательство Пат.

— Лучше ее я пока не встречал. — Джо кивнул.

— Пройдемте в мой кабинет, — предложил Ранситер и направился к двери, едва не столкнувшись с ворвавшейся в приемную толстой миссис Вирт.

— Я связалась с мистером Говардом, — задыхаясь, проговорила она. — Он меня полностью проинструктировал. — Увидев Пат и Джо, миссис Вирт осеклась, но решила продолжать: — Мистер Говард хочет, чтобы все формальности были улажены немедленно. Полагаю, мы могли бы начать прямо сейчас. Я уже говорила, как много для нас значит фактор времени. — Повернувшись к Пат и Джо, миссис Вирт изобразила стеклянную улыбку. — Если не возражаете, вам придется немного подождать. Мой разговор с мистером Ранситером

не терпит отлагательств.

Пат презрительно рассмеялась. От низких, горловых ноток Ранситеру вдруг стало не по себе.

— Подождать придется вам, миссис Вирт. — Он указал на кресло. — Присядьте.

Ранситер перевел взгляд на Пат, потом на Джо, и его страх усилился.

— Я готова назвать точное число необходимых инерциалов, — не унималась миссис Вирт. — Мистер Говард считает, что мы сами можем оценить наши потребности.

— И сколько же? — спросил Ранситер.

— Одиннадцать.

— Мы подпишем контракт немного погодя, когда я освобожусь.

Вытянув огромную ручищу, он жестом пригласил в кабинет Джо и девушку, закрыл за ними дверь и занял свое место за столом.

— Они в жизни не справятся с одиннадцатью инерциалами. И с пятнадцатью тоже. И с двадцатью. Особенно если там замешан С. Доул Мелипон. — Теперь Ранситер испытывал одновременно тревогу и усталость. — Это, как я понял, и есть наш потенциальный стажер, которого Дж. Дж. нашел в Топеке? Ну, раз вы с Эшвудом сошлись во мнениях, мы ее, конечно, возьмем.

«Может, направлю ее прямиком к Мику, — подумал Ранситер. — В числе тех одиннадцати. Никто, правда, мне до сих пор не сказал, какой пси-талант она нейтрализует».

— Миссис Фрик говорит, вы летали в Цюрих, — сказал Джо. — Что советует Элла?

— Больше рекламы. По телевидению. Каждый час. — Нажав кнопку селектора, Ранситер добавил: — Миссис Фрик, подготовьте трудовое соглашение между нами и… скажем, Джейн Доу, поставьте начальный оклад, оговоренный соглашением союза в декабре прошлого года, и укажите…

— А какой у вас начальный оклад? — с детской недоверчивостью спросила Пат.

Ранситер внимательно на нее посмотрел:

— Я пока еще не знаю, что вы умеете делать.

— Это антипрогност, Глен, — хрипло сказал Джо Чип. — Но весьма своеобразный.

Объяснять он не стал, и Ранситеру показалось, что Джо Чип действительно иссяк, остановился, как старые часы на батарейках.

— Она готова к работе? Или нужны учеба и стажировка? У нас, кстати, почти сорок незанятых инерциалов. Мы берем еще одного. Сорок… ну, минус одиннадцать. Тридцать бездельников си-

дят на полном окладе и ковыряют в носу. Не знаю, Джо, честное слово, не знаю. Может, нам стоит поувольнять поисковиков? Как бы то ни было, я, кажется, нашел, где все пси Холлиса. Расскажу наедине. — Наклонившись к селектору, Ранситер добавил: — Укажите в контракте, что мы можем уволить Джейн Доу без предварительного уведомления, без выходного пособия или какой-либо компенсации. Первые девяносто дней работы ей не идет пенсионный стаж, не оплачивается медицинская страховка и больничные.

Посмотрев на Пат, Ранситер сказал:

— Начальный оклад для всех сотрудников у нас составляет четыреста кредиток в месяц при двадцатичасовой рабочей неделе. Кроме того, вам придется вступить в профсоюз работников защитных организаций. Правило действует уже три года, и я не властен что-либо изменить.

— Я зарабатываю больше, ремонтируя видеофонные реле в кибуце Топеки. Ваш поисковик мистер Эшвуд говорил…

— Поисковики могут плести что угодно, — оборвал ее Ранситер. — По закону мы не отвечаем за их обещания. Ни одна защитная организация не отвечает за слова своих поисковиков.

Дверь приоткрылась, и в кабинет с отпечатан-

ным контрактом в руке протиснулась миссис Фрик.

— Благодарю вас, — буркнул Ранситер, забирая бумагу. Посмотрев на Джо и Пат, он сказал: — Моей жене двадцать лет. Она заморожена в саркофаге. Когда эта изумительная женщина говорит со мной, ее вытесняет какой-то мерзкий юнец по имени Джори, и мне приходится общаться с этим ублюдком.

«Элла медленно угасает в полужизни, а я целыми днями вынужден любоваться каргой-секретаршей!»

Глядя на Пат, на ее непокорные черные волосы и чувственный рот, Ранситер ощутил неясный, бесцельный и несчастливый порыв, поднявшийся из самых глубин его души и туда же вернувшийся, словно по идеально правильному геометрическому кругу.

— Я подпишу, — сказала Пат и взяла ручку с письменного стола.

Глава 5

— Элен, я выхожу из конкурса, меня тошнит.
— Подожди, я дам тебе Убик, он мгновенно поставит тебя на ноги! Принимаемый в соответствии с инструкцией, Убик приносит облегчение голове и желудку. Помните, Убик всегда рядом!
Избегать продолжительного пользования.

За время долгого вынужденного безделья антителепат Типпи Джексон привыкла спать до полудня. Вживленные в мозг электроды стимулировали быстрое движение глаз, и сны Типпи между перкалевыми простынями были интересны.

На сей раз ей приснился таинственный агент Холлиса, наделенный невероятной пси-энергией. Всех прочих инерциалов Солнечной системы, кто благоразумно не отказался от задания, этот сверхъестественный феномен просто смешивал с грязью. Теперь дошла очередь и до нее.

— Я сам не свой в твоем присутствии, — заявил ей загадочный противник, и лицо его исказила дикая и злобная гримаса, делавшая его похожим на взбесившуюся белку.

Во сне Типпи ответила:

— Вашим взглядам на самостоятельную систему недостает определенности. Из бессознательных проявлений, над которыми человек, кстати, не властен, вы создали шаткую теорию личности. Поэтому я и внушаю вам страх.

Нервно оглядевшись, телепат Холлиса спросил:

— Разве ты не из защитной организации?

— Неужели с вашим изумительным даром вы не можете прочесть мои мысли?

— Не могу! — огрызнулся телепат. — Мой талант пропал. Поговорите лучше с моим братом Биллом. Эй, Билли, как тебе эта леди?

Похожий на своего братца-телепата Билл откликнулся:

— Мне-то что, я прогност, на меня она не действует. — При этом он переминался с ноги на ногу и скалился, обнажая огромные серые и тупые, как лопата, зубы. — «Меня природа лживая согнула и обделила красотой и ростом…» — Он запнулся и наморщил лоб. — Как там дальше, Мэт?

— «Уродлив, исковеркан и до срока я послан в мир живой; я недоделан…» — продолжил, почесываясь, брат-телепат.

— Ну да, вспомнил. «Такой убогий и хромой, что псы, когда пред ними ковыляю, лают…» Это из «Ричарда Третьего», — пояснил он Типпи.

Братья одновременно улыбнулись. Даже клыки у них были тупыми, как будто питались они исключительно сырыми семенами.

— И что это значит? — спросила Типпи.

— А то, — в унисон ответили Билл и Мэт, — что сейчас мы тебя…

От звонка видеофона Типпи проснулась. Пошатываясь, моргая, с цветными кругами перед глазами она наконец добралась до трубки.

— Алло?

На экране возникло лицо Глена Ранситера.

— Здравствуйте, мистер Ранситер. — Типпи поспешила выйти из поля зрения видеокамеры. — Есть работа?

— Рад, что застал вас, миссис Джексон, — прогудел Ранситер. — Мы с Джо Чипом формируем группу, всего одиннадцать человек, для особо важного задания. Мы просмотрели личные дела всех сотрудников. Джо считает, что вы подходите, и я с ним согласен. Как скоро вы сможете

добраться?

Голос Ранситера звучал вполне оптимистично, но лицо на экране выражало тревогу и озабоченность.

— Придется куда-нибудь ехать? — спросила Типпи.

— Да, укладывайте вещи. — Строгим тоном Ранситер добавил: — Предполагается, что вы всегда готовы к отъезду. Таково наше условие, и я бы не хотел, чтобы его нарушали, тем более сейчас, когда…

— Я уже собрана. Через пятнадцать минут буду в конторе. Только оставлю записку мужу, он сейчас на работе.

— Хорошо-хорошо, — озабоченно сказал Ранситер; похоже, он уже думал о следующем человеке в своем списке. — До свидания, миссис Джексон.

«До чего странный сон, — думала Типпи, переодеваясь. — Что они там читали, Мэт и Билл? Из „Ричарда Третьего“», — вспомнила она, и перед глазами опять встали их огромные тупые зубы и шишковатые головы с пучками похожих на сорняки рыжих волос.

«А я, кажется, не читала „Ричарда Третьего“. А если и читала, то в далеком детстве. Как могут присниться стихи, которых ты не читала? — по-

думала Типпи. — Может, пока я спала, ко мне подключился телепат? А может, телепат вместе с прогностом, как во сне? Пожалуй, стоит поинтересоваться в исследовательском отделе, не работает ли случайно у Холлиса команда братьев по имени Мэт и Билл».

Встревожившись не на шутку, она начала торопливо одеваться.

Раскурив толстую гаванскую сигару, Рей Глен Ранситер откинулся в роскошном кресле и нажал кнопку селектора:

— Миссис Фрик, выпишите премиальный чек на сто кредиток на имя Дж. Дж. Эшвуда.

— Слушаюсь, мистер Ранситер.

Дж. Дж. Эшвуд с маниакальной неутомимостью расхаживал по огромному кабинету шефа, стуча подошвами по натуральному паркету, чем весьма раздражал Ранситера.

— Похоже, Джо Чип не сумел мне объяснить, что она делает, — проворчал Ранситер.

— Джо Чип — просто олух.

— Как удается Пат погружаться в прошлое? Готов поклясться, это не новый талант, просто наши агенты до сих пор его не замечали. В любом случае нелогично со стороны защитной организации брать на работу такого человека. У нее

способность, а не антиспособность. Нам нужны…

— Я уже объяснял, и Джо подтверждает это в своем рапорте: она нейтрализует прогностов.

— Скорее побочный эффект, — задумчиво проговорил Ранситер. — Джо считает ее опасной. Не пойму почему.

— А вы не спросили?

— Он, как обычно, юлит. У Джо никогда нет аргументов, одни предчувствия. Кстати, он намерен включить ее в операцию Мика.

Ранситер порылся в лежащих на столе бумагах и переложил их по-другому.

— Пригласите Джо, посмотрим, что с нашей группой. — Ранситер взглянул на часы. — Сейчас все соберутся. Я лично считаю, что включать в группу эту Пат Конли — безумие. Ты не согласен, Дж. Дж.?

— У них же связь, — проворчал Дж. Дж. Эшвуд.

— Что за связь?

— Сексуальная и гармоничная.

— У Джо не может быть гармонии. Нина Фрид на днях читала его мысли, к тому же он сейчас на мели, так что…

Дверь кабинета открылась, и миссис Фрик неуверенными шажками засеменила к столу Ранситера с чеком для Дж. Дж. Эшвуда.

— Теперь понятно, зачем он включил ее в операцию, — проворчал Ранситер, подписывая чек. — Не хочет ее отпускать. Он ведь тоже едет, считает, что мы сами обязаны провести замеры. Спасибо, миссис Фрик. — Ранситер жестом попросил ее удалиться и вручил чек Дж. Дж. Эшвуду. — Предположим, мы измерим поле, а оно окажется слишком большим для наших инерциалов. Кто будет отвечать?

— Мы, — сказал Дж. Дж. Эшвуд.

— Я их предупреждал, что одиннадцати человек не хватит. Мы выставляем лучших людей, все, что у нас есть. Надо признать, что расположение Стентона Мика для нас чрезвычайно важно. Даже не верится, что столь богатый и могущественный человек проявляет слепоту и скупость… Миссис Фрик, пришел ли Джо?

— Мистер Чип вместе с другими ожидает в приемной, — отозвалась секретарша.

— Сколько там вообще людей, миссис Фрик? Десять, одиннадцать?

— Да, примерно так, мистер Ранситер.

Повернувшись к Дж. Дж. Эшвуду, Ранситер сказал:

— Это и есть наша группа. Хочу посмотреть на них всех вместе, прежде чем они отправятся на

Луну. Пусть войдут, — добавил он в селектор и яростно затянулся зеленой сигарой.

— Поодиночке все действуют отлично. Это следует из характеристик. — Ранситер ткнул в пачку бумаг на столе. — А вот как они покажут себя в группе? Какое смогут создать общее контрполе?

— Думаю, время покажет, — проговорил Дж. Дж. Эшвуд.

— Я достаточно давно занимаюсь этим делом, — сказал Ранситер, глядя на потянувшихся из приемной в кабинет людей. — Это мой вклад в современную цивилизацию.

Дж. Дж. Эшвуд улыбнулся:

— Вы — полицейский на страже личной неприкосновенности.

— А знаешь, что о нас говорит Рэй Холлис? Что мы пытаемся обратить время вспять!

Ранситер оглядел заполнивших кабинет сотрудников. Они сбились в кучу, никто пока не произнес ни слова. Все ждали, что скажет шеф.

Ну и команда, мрачно подумал Ранситер. Вот эта тощая девка в очках, с прямыми и желтыми, как солома, волосами, торчащими из-под ковбойской шляпы, — Эди Дорн.

Черненькая, постарше и посимпатичней, с хитрыми бегающими глазками, в перехваченном

нейлоновым поясом шелковом сари и теплых носках — Фрэнси, шизофреничка, вообразившая, что мыслящие существа с Бетельгейзе время от времени высаживаются на крышу ее дома. Подросток, с волосами как шерсть, весь окутанный облаком циничного превосходства, еще одна незнакомая девица в шляпе с цветами и в спортивных штанах…

Всего пять женщин и… Ранситер подсчитал — пять мужчин.

Кого-то не хватало.

Вслед за Джо Чипом в комнату вошла пылающая мрачным огнем Патриция Конли. Их стало одиннадцать. Группа собралась.

— Вы показали хорошее время, миссис Джексон, — обратился Ранситер к мужеподобной тридцатилетней леди в брюках и сером выцветшем свитере с портретом лорда Бертрана Рассела. — Вас я известил последней.

Типпи Джексон ответила кислой улыбкой.

— Некоторых из вас я знаю. — Ранситер поднялся из кресла, жестом приглашая людей рассаживаться. — Вас, мисс Дорн, мы с Джо Чипом выбрали первой, благодаря отличным результатам в работе с С. Доулом Мелипоном, которого вы потеряли недавно не по своей вине.

— Благодарю вас, шеф, — пропищала Эди Дорн тонким срывающимся голоском, после чего вспыхнула и уставилась в противоположную стену. — Я польщена участием в новом предприятии.

— Кто из вас Эл Хаммонд? — спросил Ранситер, глядя в бумаги.

Высокий сутулый негр слегка приподнялся из кресла.

— С вами я еще не встречался, — продолжал Ранситер, не отрываясь от папки. — Вы имеете самые высокие показатели среди наших антипрогностов. Кстати, сколько здесь еще антипрогностов?

Поднялось три руки.

— Вы четверо, несомненно, получите большую пользу от знакомства и работы с самой последней находкой Дж. Дж. Эшвуда — мисс Конли, которая нейтрализует прогностов на совершенно ином уровне. Полагаю, она сама нам об этом расскажет. — Ранситер кивнул Пат и…

Он стоял на Пятой авеню перед витриной нумизматической лавки и рассматривал вышедший из употребления золотой доллар, прикидывая, не присоединить ли его к своей коллекции.

Какой коллекции? Ранситер даже вздрогнул.

Я же не собираю монеты. И вообще, как я здесь оказался? И сколько я тут болтаюсь, в то время как должен быть в своем кабинете и…

Ранситер попытался вспомнить, чем он занимается. Чем-то связанным с человеческими способностями, особыми талантами…

Нет, то дело пришлось оставить. Да, из-за сердца. Но я же там был, вспомнил вдруг он. Несколько секунд назад. В своем кабинете. Говорил с людьми о новом задании.

Ранситер закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Все пропало, пришла сонная мысль. Все, что я построил, пропало.

Глаза он открыл уже в своем кабинете; еще там находились Дж. Дж. Эшвуд, Джо Чип и смуглая, необычайно красивая девушка, имени которой он не помнил. Кроме них, в кабинете никого не было, что, непонятно почему, показалось Ранситеру очень странным.

— Мистер Ранситер, — обратился к нему Джо Чип, — позвольте представить вам Патрицию Конли.

— Хорошо, что нас наконец познакомили. — Девушка засмеялась, и глаза ее возбужденно сверкнули. Ранситер опять не понял почему.

До Джо Чипа неожиданно дошло, что она дей-

ствует.

— Пат, — сказал он громко, — я не берусь утверждать, но что-то изменилось.

Он с удивлением оглядел кабинет. Все выглядело как обычно: слишком толстый ковер, слишком много не подходящих друг другу предметов искусства, на стенах — оригиналы художников, имеющих весьма смутное понятие о живописи. Глен Ранситер тоже не изменился; мешковатый и седой, он, в свою очередь, озадаченно разглядывал Джо.

У окна стоял Дж. Дж. Эшвуд. На нем были его неизменные подпоясанные веревкой аккуратные брюки цвета березовой коры и высокая инженерная фуражка. Он один, похоже, не видел в происходящем ничего необычного.

— Ничего не изменилось, — сказала Пат.

— Все изменилось, — повторил Джо. — Не иначе ты прыгнула в прошлое и пустила нас по другому варианту. Доказать это я не могу, точно так же, как не могу определить характер перемен.

— Давайте без семейных ссор, — нахмурился Ранситер.

— Семейных? — опешил Джо.

Взглянув на Пат, он увидел серебряное кольцо с жадеитом и вспомнил, как помогал его выбирать.

За два дня до их свадьбы.

Довольно шикарной, несмотря на его финансовые трудности.

Сейчас все, конечно, не так. Пат с ее зарплатой и отношением к деньгам решила и эту проблему. Навсегда.

— Ладно, продолжим, — прогудел Ранситер. — Каждый из нас должен задать себе вопрос: почему Стентон Мик обратился к другой защитной организации? Мы — ведущая фирма в отрасли, мы расположены в Нью-Йорке, где он предпочитает вести дела, и контракт должны были получить только мы. У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет, миссис Чип? — Ранситер с надеждой взглянул на Пат.

— Вы действительно хотите знать, шеф?

— Да, — решительно кивнул он.

— Это сделала я, — сказала Пат.

— Как?

— С помощью моего таланта.

— Какого таланта? У вас нет никаких талантов, вы жена Джо Чипа.

Стоявший у окна Дж. Дж. Эшвуд напомнил:

— Вы пришли сюда пообедать со мной и Джо.

— У нее есть талант, — пробормотал Джо.

Он мучительно пытался вспомнить, но ничего

не получалось, все тут же скрывал туман. Другой вариант развития. Другое прошлое. Не то, что привело к сегодняшнему дню. Поэтому его и не вспомнить, в каком-то месте память обрывается. «Моя жена уникальна, — рассуждал Джо, — она умеет делать то, на что не способен ни один человек на Земле. Почему же тогда она не работает на Ранситера? Что-то тут не так».

— Ты ее измерял? — спросил Ранситер. — Это, между прочим, твоя работа. Говоришь ты так, будто измерял, слишком уж уверен в себе.

— В себе я не уверен, — отозвался Джо. «Я уверен в ней», — добавил он про себя. — Могу принести приборы, и мы посмотрим, что у нее за поле…

— Ну хватит, Джо, — резко оборвал его Ранситер. — Будь у твоей жены анти-пси-способность, ты бы определил это год назад. — Он ткнул пальцем в пульт на столе. — Отдел кадров? У нас есть что-нибудь на миссис Чип? Патрицию Чип?

Спустя мгновение в селекторе прозвучало:

— На миссис Чип у нас ничего нет. Может, проверить ее девичью фамилию?

— Конли, — подсказал Джо. — Патриция Конли.

— На мисс Конли, — отозвался отдел кадров, — у нас есть два материала: рапорт об обнаружении,

подписанный мистером Эшвудом, и результаты проверки мистера Чипа.

Копии обоих документов немедленно выползли из аппарата. Взяв данные проверки, Ранситер нахмурился.

— Поди-ка сюда, Джо. Взгляни на это. — Он ткнул пальцем в бумагу, и Джо увидел два подчеркнутых крестика. Некоторое время они смотрели друг на друга, потом повернулись к Пат.

— Я знаю, что это означает, — спокойно произнесла она. — Невероятная сила воздействия. Анти-пси-поле уникально по своим проявлениям. — Пат напряглась, пытаясь дословно вспомнить формулировку.

— А ведь мы все-таки получили контракт Мика! — загремел вдруг Ранситер. — Я вспомнил, как собирал тогда группу из одиннадцати инерциалов, они пришли сюда, и я попросил Пат…

— Продемонстрировать свои возможности, — подхватил Джо. — Что она и сделала. Точно выполнила ваше задание. Именно это она и умеет. Моя оценка оказалась верной. — Джо задумчиво обвел пальцем проставленные внизу листа символы.

— Моя собственная жена…

— Не жена, — сказала Пат. — Это я тоже измени-

ла. А хочешь, я верну все назад до того момента, как пошли перемены? Ваши инерциалы ничего не поймут. Разве что кое у кого сохранятся смутные обрывки воспоминаний. Ненадолго.

— Я хочу снова получить контракт Мика, — сдавленно произнес Ранситер. — Хотя бы это.

— Если я ищу дарования, — пробормотал заметно побледневший Дж. Дж. Эшвуд, — я их нахожу.

— Да уж, — выдавил Ранситер, — на этот раз нашли настоящий талант.

Селектор загудел, и раздался квакающий голос миссис Фрик:

— Здесь группа инерциалов, мистер Ранситер, говорят, что вы вызвали их в связи с новым заданием. Вы готовы их принять?

— Пусть войдут.

— Кольцо я оставлю себе, — сказала вдруг Пат, подняв палец с кольцом, выбранным вместе с Джо в другом времени. Из альтернативного мира ей захотелось сохранить именно это.

«Интересно, — подумал Джо, — не решила ли она в дополнение к кольцу сохранить и супружеские отношения?» Вслух он благоразумно ничего не сказал, решив даже не поднимать эту тему.

Дверь кабинета открылась. Неуверенно озираясь, вошли инерциалы и постепенно расселись

перед столом Ранситера.

Тот пожирал их глазами, потом резко, как кот, запустил лапу в ворох лежащих на столе документов. Ему не терпелось узнать, не изменила ли Пат каким-либо образом состав группы.

— Эди Дорн, — рявкнул Ранситер. — Да, вижу, здесь. — Он перевел взгляд на сидящего рядом с ней мужчину. — Хаммонд. Отлично, Хаммонд. Типпи Джексон? — Ранситер вопросительно оглядел присутствующих.

— Я очень спешила, мистер Ранситер, — откликнулась миссис Джексон. — Вы совсем не дали мне времени.

— Джон Илд, — сказал Ранситер.

Нечесаный подросток что-то хрюкнул в ответ. А спеси у него, однако, поубавилось, отметил Джо Чип. Парень стал задумчив, ушел в себя. Интересно все-таки, что они помнят, все вместе и по отдельности.

— Франческа Спэниш, — продолжал Ранситер.

— Мистер Ранситер, — яркая, похожая на испанку женщина вся дрожала от странного напряжения, — мистер Ранситер, пока мы ожидали в приемной, я слышала загадочные голоса…

— Это вы — Франческа Спэниш? — терпеливо переспросил Ранситер. Сейчас он выглядел как

никогда уставшим.

— Я Франческа Спэниш, всегда ей была и всегда буду! — Голос женщины звенел железной убежденностью. — Я хочу рассказать, что поведали мне голоса.

— Лучше в другой раз. — Ранситер пододвинул следующую папку.

— Но я должна рассказать! — не сдавалась миссис Спэниш.

— Ну хорошо, прервемся на минуту. — Ранситер выдвинул ящик стола, достал таблетку амфетамина и, не запивая, проглотил. — Послушаем, что поведали голоса мисс Спэниш.

— Мы все побывали в другом мире. Кто-то перенес нас туда, и мы жили там, ничего не подозревая, как в своем собственном. И только сейчас некая огромная, всеохватывающая сила перенесла нас обратно, в родную Вселенную.

— Это сделала Пат, — сказал Джо Чип. — Пат Конли, которая только сегодня поступила к нам на работу.

— Где Тито Апостос? — спросил Ранситер, оглядывая присутствующих.

Лысый человек, тряся козлиной бородкой, указал на себя. Он пришел в старомодных, в обтяжку, брюках из шерсти золотой ламы и тем не

менее выглядел довольно стильно. Возможно, этому способствовали крупные яйцеобразные пуговицы на темно-зеленой рубашке. Как бы то ни было, он излучал достоинство, и Джо это почувствовал.

— Дон Денни, — прочел Ранситер.

— Уже здесь, сэр, — доверительным кошачьим баритоном отозвался застывший на стуле худощавый мужчина, всем видом подчеркивающий свою добропорядочность. На нем была накидка и ковбойские брюки со звездочками из фальшивого серебра. Длинные волосы он перевязал лентой.

— Вы антианиматор, — произнес Ранситер, листая дело. — И пока у нас единственный. — Повернувшись к Джо, Ранситер добавил: — Я не уверен, что он вообще понадобится. Может, лучше возьмем еще одного антителепата? Этих сколько ни бери, все мало.

— Поскольку мы не знаем, с чем придется столкнуться, нужно предусмотреть все, — возразил Чип.

— Ладно, согласен, — кивнул Ранситер. — Сэм Мундо.

Тонконосый юноша в хламиде до самого пола, с огромной тыквообразной головой судорожно выбросил вверх руку. Со стороны показалось,

что анемичное тело дернулось без его участия. Джо хорошо знал этого парня. Интеллектуальное и физическое развитие Мундо закончилось несколько лет назад, сейчас он выглядел значительно моложе своего возраста. В умственном отношении юноша находился на уровне енота, то есть умел принимать пищу, ходить, купаться и даже по-своему разговаривать. Зато его антителепатические способности были огромны. Однажды он в одиночку погасил С. Доула Мелипона, о чем и месяцы спустя упоминалось в журнале фирмы.

— Ну вот, — сказал Ранситер. — Вот мы и дошли до Венди Райт.

Джо, как всегда, воспользовался случаем, чтобы получше разглядеть девушку, которую, будь его воля, он сделал бы своей любовницей, а еще лучше — женой. Не верилось, что Венди Райт состоит из крови и плоти, как все прочие люди.

Рядом с ней Джо чувствовал себя толстым, потным коротышкой, недоучившимся олухом. Он даже ощущал работу своего организма, всей обеспечивающей жизнь начинки: трубок, клапанов, насосов, компрессоров и приводных ремней, обреченных на заведомо провальное дело. Собственное лицо, когда Джо смотрел на Венди, каза-

лось ему безобразной маской, а тело — дешевой заводной игрушкой. Венди Райт будто светилась мягким внутренним светом. Похожими на зеленые камни глазами она бесстрастно смотрела на мир, и никогда не было в них ни страха, ни отвращения, ни презрения. Она принимала все, что видела. И всегда казалась спокойной. Но куда больше Венди поражала его своей надежностью и невозмутимостью; ни усталость, ни старение, ни болезни не имели над ней власти.

Вероятно, ей было лет двадцать пять или двадцать шесть; Джо не мог представить ее в более молодом возрасте и не верил, что она состарится. Слишком хорошо она владела собой и окружающей реальностью.

— Я здесь, — мягко сказала Венди.

— Отлично, — кивнул Ранситер, — остается Фред Завски. — Его взгляд уперся в мешковатого, странной наружности типа с огромными ступнями, нечистой кожей, напомаженными волосами и, плюс ко всему, неестественно выпирающим кадыком. По сему случаю Фред нарядился в сорочку, напоминающую цветом зад бабуина. — Это, наверное, вы?

— Точно, — кивнул Завски и захихикал. — Что теперь?

— Господи, — Ранситер покачал головой, — хотя бы одного антипаракинетика мы должны были включить в группу, и это как раз вы. — Шеф бросил на стол документы и поискал свою сигару. — Вот и вся группа, — сказал он, обращаясь к Джо. — Плюс ты и я. Может, хочешь что-нибудь изменить?

— Я доволен, — промолвил Джо.

— Думаешь, эта компания — лучшее, что мы можем выставить? — Ранситер пристально на него посмотрел.

— Да. — Джо хоть и понимал, что это не так, объяснить все равно ничего не мог. Теоретически потенциальное антиполе одиннадцати инерциалов было огромно. И все же…

— Не уделите ли мне секунду вашего времени, мистер Чип? — Лысый, бородатый мистер Апостос в блестящих штанах из шерсти золотой ламы потянул Джо за рукав. — Позвольте рассказать вам о том, что случилось со мной прошлой ночью. В состоянии транса мне, кажется, удалось установить контакт с одним, а может, и с двумя людьми Холлиса. Похоже, это был телепат, работающий в паре с прогностом. Как вы думаете, стоит рассказать об этом мистеру Ранситеру?

Джо Чип с сомнением посмотрел на шефа. Сидя

в своем любимом дорогом кресле, тот пытался раскурить гаванскую сигару.

— Не стоит, — сказал Джо.

— Леди и джентльмены, — голос Ранситера перекрыл царящий в комнате шум, — мы отправляемся на Луну. Одиннадцать инерциалов, Джо Чип, я и представитель заказчика Зоя Вирт. Мы полетим на корабле нашей фирмы. — Ранситер вытащил из кармана круглые старинные золотые часы. — Сейчас три тридцать. «Пратфол-два» стартует с крыши главного здания в четыре. Ну вот, Джо, — вздохнул он, защелкнув часы и опустив их в карман, — неизвестно, как все сложится, но мы приступаем. Жаль, что у фирмы нет своего прогноста: узнали бы, что нас ждет.

Голос Глена Ранситера выдавал тревогу и беспокойство, на лице лежала печать ответственности и возраста.

Глава 6

Мы хотим, чтобы ваше бритье превратилось в сплошное удовольствие. Пришла пора, говорим мы, поласкать и мужское лицо. Бритва Убик с плавающим лезвием из швейцарского хрома навсегда положит конец шкрябанью и царапанию кожи. Попробуйте Убик, дайте себя поласкать!
Внимание: использовать строго по инструкции.
Соблюдайте меры безопасности.

— Добро пожаловать на Луну, — жизнерадостно проговорила Зоя Вирт. Ее глаза казались еще больше за стеклами треугольных очков в красной оправе. — Позвольте мне от имени мистера Говарда приветствовать каждого из вас, а в особенности мистера Глена Ранситера, любезно предоставившего в наше распоряжение лучших сотрудников своей фирмы. Мы находимся в подземном отеле, отделочными работами здесь руководила сестра мистера Говарда. Примерно в трехстах ярдах отсюда расположены научно-ис-

следовательские комплексы, которые, по мнению мистера Говарда, подверглись пси-воздействию. Ваше присутствие, вне всякого сомнения, ограничивает возможности агентов Холлиса, что, безусловно, радует нас всех. — Сделав паузу, она оглядела присутствующих. — Может быть, есть вопросы?

Занятый своей аппаратурой, Джо Чип не обращал на нее внимания. Несмотря на возражения клиента, они с Ранситером решили провести необходимые измерения.

— Позвольте вопрос. — Фред Завски поднял руку и захихикал. — А туалет здесь есть?

— Каждый из вас, — сказала Зоя Вирт, — получит маленькую карту, на которой обозначено все необходимое. — Она кивнула невзрачной помощнице, и та приступила к раздаче цветных блестящих брошюрок. — В номерах есть кухня, пользование приборами бесплатно. Вполне понятно, постройка этого жилого блока, способного разместить до двадцати человек, обошлась в круглую сумму. Автономная система вентиляции, обогрева, подачи воды и огромный запас разнообразных продуктов. Плюс ко всему в отеле работает кабельное телевидение и высококачественная полифоническая аудиосистема.

Последние, правда, включаются с помощью монеты. В игровой комнате для вашего удобства установлен разменный автомат.

— На моей карте, — заметил Эл Хаммонд, — отмечено только девять спален.

— В каждой спальне, — пояснила мисс Вирт, — по две кровати, таким образом, получается восемнадцать спальных мест. Кроме того, для тех, кто предпочитает спать вместе, предусмотрено пять двойных кроватей.

— Относительно совместного спанья моих сотрудников у меня есть жесткое правило.

— Вы «за» или «против»? — поинтересовалась Зоя Вирт.

— Против. — Ранситер скомкал свою карту и бросил ее на теплый металлический пол. — Я не привык, когда мне…

— Но вы же не собираетесь здесь оставаться, мистер Ранситер? Разве вы не вернетесь на Землю, как только ваши сотрудники приступят к работе? — Она одарила Ранситера профессиональной улыбкой.

— Что-нибудь можешь сказать по пси-полю? — Ранситер повернулся к Джо Чипу.

— Вначале надо замерить антиполе наших инерциалов.

— Это можно было сделать во время полета, — проворчал Ранситер.

— Вы что, пытаетесь провести измерения? — встревоженно спросила мисс Вирт. — Мистер Говард категорически возражает, и я вас предупреждала.

— Тем не менее мы их проведем.

— Мистер Говард…

— Эти вопросы не решает даже Стентон Мик, — отрезал Ранситер.

— Немедленно пригласите мистера Мика, — обратилась мисс Вирт к невзрачной помощнице. — До его прихода я все же прошу вас ничего не делать.

— Есть результаты, — сообщил Джо. — По нашему полю. Оно огромно.

«Наверное, это из-за Пат, — подумал он. — И, между прочим, почему они так боятся, что мы проведем измерения?»

— А где можно развесить одежду? — поинтересовалась Типпи Джексон. — Я бы хотела распаковать вещи.

— В каждой спальне, — отозвалась мисс Вирт, — есть одежный шкафчик. Открывается монетой. Вот, кстати, вам всем для начала подарочный набор. — Она вытащила внушительных раз-

меров пластиковый пакет и вручила Джону Илду пакетики по десять, пять и двадцать пять центов. — Пожалуйста, раздайте всем поровну. Маленький презент от мистера Мика.

— А есть ли у вас медсестра или доктор? — спросила Эди Дорн. — Иногда во время напряженной работы у меня выступает нервная сыпь. Обычно помогает мазь на кортизоновой основе, но в спешке я ее забыла.

— В промышленной зоне и исследовательских лабораториях постоянно дежурят несколько врачей, кроме того, есть больничная палата на несколько коек.

— Все через монету? — поинтересовался Сэмми Мундо.

— Медицинская помощь оказывается бесплатно. Хотя иной раз приходится потрудиться, чтобы доказать, что ты действительно болен. Выдающие лекарства автоматы приводятся в действие с помощью монеты. Кстати, в игровой комнате расположен автомат, отпускающий транквилизаторы. Если хотите, мы можем установить автомат с возбуждающими средствами.

— Как насчет галлюциногенов? — спросила Франческа Спэниш. — Я добиваюсь лучших результатов, если приму аппарат на основе

спорыньи, тогда я действительно вижу своего противника.

— Мистер Мик возражает против применения галлюциногенов на основе спорыньи. Они вредны для печени. Однако если вы привезли их с собой, то можете пользоваться.

— С каких это пор, — обратился к Франческе Дон Денни, — ты села на психоделики? Вся твоя жизнь — это сплошная галлюцинация.

— Два дня назад, — невозмутимо ответила Франческа, — у меня было необычайно впечатляющее видение.

— Ничего удивительного, — заметил Дон Денни.

— Целая свора телепатов и прогностов спустилась по веревочной лестнице на мой балкон. Потом прошли сквозь стену и материализовались вокруг кровати. Они выглядели такими… — она запнулась, подыскивая слово, — яркими. Один из них, по имени Билл…

— Подождите, — перебил ее Апостос, — и мне приснился такой же сон. — Он повернулся к Джо: — Помнишь, я говорил тебе перед отлетом с Земли? — Он возбужденно взмахнул руками. — Помнишь?

— И мне это снилось, — сказала Типпи Джек-

сон. — Билл и Мэт. Они сказали, что собираются меня прикончить.

Лицо Ранситера исказила гримаса:

— Джо, ты должен был рассказать об этом мне.

— Дело в том, — начал Джо, — что тогда вы выглядели таким усталым. И в круговерти других дел…

— Это был не сон, — резко сказала Франческа. — Это было настоящее видение. Я умею их отличать.

— Ну конечно, умеешь, Франческа. — Дон Денни подмигнул Джо.

— А мне приснились воздушные такси, — сказал Джон Илд. — Я попытался запомнить их номера. Запомнил шестьдесят пять. Могу назвать их хоть сейчас. Хотите?

— Глен, мне очень жаль, — сказал Ранситеру Джо Чип. — Но я не знал, что и другие испытали то же, что и Апостос. Я думал…

Звякнули двери лифта, Джо замолчал и вместе с другими повернулся на звук.

Пузатый, приземистый и толстоногий Стентон Мик решительно направлялся в их сторону. На нем были короткие брюки, розовые тапочки из шерсти яка и безрукавка из змеиной кожи. Длинные, до пояса, светлые волосы схвачены лентой.

«А нос, — подумал Джо, — похож на резиновый клаксон в индийских такси, так и хочется посигналить. Самый громкий нос из всех, что мне попадались».

— Привет лучшим антителепатам! — Мик широко развел руки. — Экспериментаторы уже здесь, я имею в виду вас. — У Мика был тонкий, как у кастрата, голос, столь неприятный звук мог производить только рой металлических пчел. — На дружелюбный и безобидный мир Стентона Мика обрушилась чума, принявшая обличье наделенных пси-способностями головорезов. Можете представить, какая это трагедия для всего Миквилля, как мы прозвали это уютное поселение здесь, на Луне. Вы, конечно, уже приступили к работе. Неудивительно, в своем деле вы — профессионалы, это понятно каждому, кто знает Корпорацию Ранситера. Я уже доволен результатами, за небольшим исключением. Я вижу, ваш оператор возится с приборами. Оператор, нельзя ли смотреть на меня, когда я к вам обращаюсь?

Джо отключил аппаратуру.

— Я могу продолжать? — спросил его Мик.

— Да, пожалуйста.

— Замеряй! — приказал Ранситер. — Ты подчиняешься только мне.

— А я уже закончил. — Джо выполнил свою задачу. Стентон Мик опоздал.

— Какое у них поле? — спросил Ранситер.

— Никакого поля нет, — ответил Джо.

— Инерциалы погасили его? Оказались сильнее?

— Нет. В радиусе действия моего оборудования вообще нет никакого пси-поля. Я замерил наше и заодно проверил приборы, все работает. Мы создаем две тысячи единиц, со всплесками до двух тысяч ста каждые несколько минут. Полагаю, оно будет постоянно нарастать. После того как наши инерциалы проработают совместно, скажем, двенадцать часов, поле достигнет…

— Не понимаю, — сказал Ранситер.

Дон Денни поднял ленту полиграфа, долго рассматривал начерченную прибором прямую линию и передал ленту Типпи Джексон. Инерциалы по очереди изучили показания прибора. Потом так же молча посмотрели на Ранситера.

— С чего вы взяли, что к вашим исследованиям на Луне подключились пси? И почему вы так возражали против проведения стандартных замеров? Вы знали, что мы получим такой результат?

— Конечно знал! — не выдержал Джо Чип.

Лицо Ранситера исказила гримаса нетерпения. Он хотел было что-то сказать Стентону Мику, потом вдруг передумал, развернулся и шепнул Джо:

— Немедленно выводим людей. Быстро!

Повысив голос, он обратился к остальным:

— Собирайте вещи, мы возвращаемся в Нью-Йорк! Всем быть на корабле через пятнадцать минут. Джо, выноси свое барахло, все в кучу, потом разберемся, понял? Мотаем отсюда!

Задыхаясь от ярости, он снова повернулся к Мику…

Но Мик, раздувшись еще больше, вдруг растопырил руки и поднялся к потолку.

— Мистер Ранситер, — заскрипел он оттуда голосом механического паука, — не позволяйте подкорке взять верх над полушариями. Дело не допускает опрометчивых решений, успокойте своих людей, давайте сядем все вместе и попытаемся прийти к взаимопониманию…

— Это бомба! — рявкнул Ранситер. — Бомба в виде человека. Я слышал о таких. Джо, выводи людей! Ее перевели на автоматический режим, поэтому она и взлетела!

Грохнул взрыв.

Все потонуло в клубах зловонного дыма. Когда

тот рассеялся, стало видно лежащее у ног Джо тело.

— Это Ранситер! — завизжал Дон Денни в ухо Чипу. — Вы слышите, Ранситер убит!

— Кто еще? — с трудом проговорил Джо Чип, задыхаясь от едкого дыма. В голове стоял оглушительный звон, по шее текло что-то теплое, очевидно, зацепило осколком.

Сквозь шум донесся голос стоящей рядом Венди Райт:

— Думаю, все живы.

Склонившись над Ранситером, бледная Эди Дорн с отчаянием в голосе спросила:

— Мы можем вызвать кого-нибудь из аниматоров Холлиса?

— Нет, — ответил Джо, также склонившись над телом. — Он, кстати, еще жив.

Но лежащий на покореженном полу Глен Ранситер умирал.

— Слушайте все, — громко сказал Джо Чип. — Мистер Ранситер ранен, руководство до возвращения на Землю я беру на себя.

— Если мы вообще туда вернемся, — проворчал Эл Хаммонд, прикладывая платок к глубокому порезу над правым глазом.

— У кого есть оружие? — спросил Джо. Инер-

циалы молча толпились вокруг. — Я знаю, что это запрещено уставом общества, и знаю, что вы его все равно носите. Плевать на устав, кто вооружен?

После паузы Типпи Джексон ответила:

— Мое оружие в соседней комнате, в сумке.

— Мое со мной. — Тито Апостос уже вытащил старинный пистолет со свинцовыми пулями.

— Кто оставил оружие в соседней комнате, сходите за ним.

Шестеро инерциалов направились к дверям. Оставшимся Венди Райт и Элу Хаммонду Джо сказал:

— Надо поместить Ранситера в саркофаг.

— Оборудование для замораживания на корабле, — напомнил Эл Хаммонд.

— Тогда взялись. Хаммонд и я несем Глена. Апостос, вы идите вперед и стреляйте в любого, кто попытается нам помешать.

Вернувшийся с лазерной трубкой в руке Джон Илд спросил:

— Вы думаете, Холлис здесь, с мистером Миком?

— С ним, — сказал Джо, — или без него. Мика, может быть, вообще не было, и мы с самого начала имели дело с Холлисом.

«Странно, как нас всех не поубивало, — подумал Джо Чип и вдруг вспомнил Зою Вирт. — Похоже, она выскочила до взрыва. После взрыва, во всяком случае, ее видно не было. Интересно, как она отреагирует, когда узнает, что работала не на Стентона Мика, а на Холлиса, который заключил с нами контракт и доставил сюда с единственной целью всех уничтожить? С Вирт, скорее всего, тоже разделаются. Проку от нее больше не будет, а лишний свидетель никому не нужен».

Вернувшиеся с оружием инерциалы молча ждали приказаний Джо. Все отдавали себе отчет в сложности ситуации и сохраняли выдержку.

— Если удастся быстро поместить его в саркофаг, — объяснял Джо Элу Хаммонду, таща вместе с ним тело шефа к лифту, — он сможет и дальше управлять фирмой, как его жена. — Джо нажал локтем кнопку лифта. — Вряд ли лифт работает, скорее всего, в момент взрыва отключили всю энергию.

Тем не менее лифт подошел. Джо и Эл Хаммонд торопливо затащили тело внутрь.

— Трое с оружием поедут с нами, — велел Джо. — Остальные…

— Ну уж нет! — взвизгнул Сэмми Мундо. — Я не собираюсь ждать, пока чертов лифт вернется. Он,

может, вообще не вернется.

С искаженным от страха лицом юноша кинулся к кабине.

— Ранситер поедет первым! — Джо Чип закрыл двери лифта.

Кабина пошла вверх, унося его, Эла Хаммонда, Тито Апостоса, Венди Райт, Дона Денни и Глена Ранситера.

— По-другому нельзя, — бросил Джо своим спутникам. — К тому же если люди Холлиса устроили засаду, мы попадем в нее первыми. Правда, они не ожидают, что мы вооружены.

— Ну да, есть же положения устава, — язвительно произнес Дон Денни.

— Посмотрите, как шеф, — попросил Джо Тито Апостоса.

Апостос склонился над неподвижным телом:

— Пока дышит. Значит, шанс еще есть.

— Да, — сказал Джо. — Шанс.

С момента взрыва он испытывал физическое и психологическое онемение, сейчас его охватил озноб, к тому же Джо чувствовал, что повреждены барабанные перепонки. «Как только поместим Ранситера в саркофаг, — думал он, — надо срочно связаться по радио со штаб-квартирой, со всеми защитными организациями. Если мы не сможем

взлететь, они нас заберут».

— Можно было взять в лифт и других, — с укором произнес Тито Апостос. Руки его дрожали от волнения. — Хотя бы женщин.

— Мы рискуем больше оставшихся, — устало сказал Джо. — Холлис понимает, что если кто и выживет, то неизбежно воспользуется лифтом, что мы, кстати, и делаем. Поэтому они и не отключили энергию.

— Вы уже говорили об этом, Джо, — заметила Венди Райт.

— Я просто пытаюсь объяснить, почему я оставил часть людей внизу, — сказал Джо.

— А как же способность нашей новенькой? — спросила Венди. — Я имею в виду эту мрачную смуглую девицу с надменным лицом. Пат, что ли? Разве нельзя заставить ее вернуться к моменту ранения Ранситера и все изменить? Или вы забыли про нее?

— Забыл, — сдавленно признался Джо. Он и в самом деле забыл про Пат среди дыма и бессмысленной суеты.

— Давайте вернемся, — предложил Тито Апостос. — Мы и в самом деле подвергаем себя большой опасности…

— Мы уже на поверхности, — сказал Дон Ден-

ни.

Створки лифта скользнули в стороны. Перед ними был работающий эскалатор, ведущий к холлу, а дальше, за воздушным шлюзом, виднелась корма их корабля. На том же самом месте. Никто не преграждал им дорогу. «Странно, — подумал Джо Чип. — Неужели они были уверены, что человекообразная бомба уничтожит сразу всех? Что-то они не так рассчитали: вначале напутали с мощностью взрыва, потом забыли выключить электроэнергию, и вот теперь — пустой коридор».

— По всей видимости, — сказал Дон Денни, в то время как Эл Хаммонд и Джо перетаскивали Ранситера из лифта на эскалатор, — их подвело то, что бомба поднялась к потолку. Судя по всему, это была бомба осколочного типа, и большая часть осколков ударила в стену над нашими головами. Похоже, они и мысли не допускали, что кто-то из нас мог остаться в живых, поэтому и не отключили электричество.

— Ну и слава богу, что она поднялась! — воскликнула Венди Райт. — Как холодно… Очевидно, от взрыва пострадала система отопления.

Эскалатор двигался мучительно медленно. Джо показалось, что подъем занял не менее пяти

минут, и эти пять минут были для него самыми тяжелыми, словно Холлис нарочно запланировал все именно так.

— Подождите! — крикнул кто-то сзади. Тито Апостос резко повернулся, но тут же опустил револьвер.

— Это наши, — сообщил Дон Денни Джо Чипу, который не мог повернуться, так как вместе с Элом Хаммондом пытался протиснуть тело Ранситера через сложную систему воздушных шлюзов. — Все здесь, — добавил Дон и, махнув пистолетом, крикнул: — Скорее! Догоняйте!

Из холла к кораблю по-прежнему тянулся соединительный пластиковый туннель. Услышав знакомый глухой стук под ногами, Джо в очередной раз изумился: «Неужели нам дают уйти? Или нас ждут на корабле? Может, некая злобная сила просто играет с нами, позволяя чуть-чуть дергаться, как подопытным мышам? И мы ее развлекаем своими потугами. А как только доберемся до выхода, она раздавит нас и швырнет изувеченные останки на медленно движущийся эскалатор…»

— Денни, ты пойдешь первым. Проверь, не ждут ли нас на корабле.

— А если ждут?

— Тогда, — съязвил Джо, — вернешься и скажешь, мы сдадимся, и они нас поубивают.

— Джо, — негромко, но настойчиво сказала Венди Райт, — попроси эту Пат, или как там ее, использовать свой дар. Пожалуйста.

— Давайте попробуем попасть на корабль, — вмешался Тито Апостос. — Не нравится мне эта девушка, и в способность ее я не верю.

— Ты просто не знаешь ни ее, ни ее способности, — заметил Джо, следя, как худощавый маленький Дон Денни добежал до конца туннеля, откинул запоры и скрылся в космическом корабле.

Глен Ранситер вдруг резко потяжелел и едва не выпал из рук.

— Давай его положим, — сказал Джо Элу Хаммонду.

Они опустили тело на пол туннеля.

— Тяжеловат он для старика. — Джо с трудом выпрямился и, повернувшись к Венди, произнес: — Я поговорю с Пат.

Остальные члены группы торопливо бежали по туннелю, догоняя первых.

— Какое фиаско, — выдохнул Джо. — А мы так надеялись на этот заказ. Поистине никогда не знаешь, что тебя ждет. На этот раз Холлис хорошо

нас зацепил.

Он жестом подозвал Пат. Лицо девушки было черно от копоти, синтетическая блузка разорвалась, под ней виднелась эластичная лента, модно стягивающая груди; на ленте были выдавлены бледно-розовые лилии. Непонятно почему, но эта незначительная и бессмысленная деталь запечатлелась в сознании Джо.

— Послушай. — Он взял девушку под руку. Она спокойно смотрела на него. — Ты можешь вернуться? За момент до взрыва? Надо оживить Ранситера.

— Сейчас уже поздно.

— Почему?

— Все. Прошло слишком много времени. Надо было делать это сразу.

— Почему же ты этого не сделала? — не скрывая враждебности, спросила Венди Райт.

Пат смерила ее презрительным взглядом:

— А ты подумала об этом? Если да, почему не сказала? Почему никто ничего не сказал?

— Значит, тебе наплевать, что Ранситер погиб! — крикнула Венди Райт.

Пат рассмеялась.

Из люка корабля высунулся Дон Денни:

— Здесь никого нет.

— Отлично! — Джо Чип кивнул Элу Хаммонду: — Затащим его на борт и сразу же уложим в саркофаг.

Они снова подняли окоченевшее неудобное тело. Вокруг суетились инерциалы, всем не терпелось скорее попасть на корабль. Джо физически ощущал излучаемый ими страх.

Почувствовав возможность выбраться из западни, люди окончательно потеряли самообладание.

Чип и Хаммонд почти дотащили Ранситера до морозильника, когда Джон Илд крикнул Джо прямо в ухо:

— Где ключ? Ключ, мистер Чип!

— Ему нужен ключ от зажигания, — пояснил Эл Хаммонд. — Ранситер носил его с собой.

Перерыв карманы Ранситера, Джо нашел кожаный футляр для ключей. Он швырнул его Илду и, побелев от ярости, процедил:

— Теперь мы можем положить его в саркофаг? Давай, Хаммонд, ради всего святого, помоги мне закончить это дело.

«Все равно мы опоздали, — подумал он про себя. — Провозились. Все кончено».

Взревели вспомогательные ракеты, корабль задрожал. В штурманской рубке четверо инер-

циалов, мешая друг другу, пытались задать программу автопилоту.

«Почему все-таки они дают нам уйти?» — не мог понять Джо, укладывая вместе с Элом Хаммондом безжизненное, во всяком случае внешне, тело Ранситера в ледяную камеру.

Автоматические зажимы сомкнулись на бедрах и плечах покойного шефа. Кристаллы льда, казалось, жили своей, ослепительной и блестящей жизнью.

— Все-таки я не пойму… — пробормотал Джо.

— Они дали маху, — сказал Хаммонд. — Все их планы заканчивались взрывом бомбы. Как у заговорщиков, которые хотели убить Гитлера. Когда в бункере грохнуло, все решили…

— Пошли отсюда, пока не замерзли. — Джо подтолкнул Хаммонда к выходу. Выбравшись из морозильника, они завернули запорное колесо.

— О боже, что за чувство! — пробормотал Джо. — Подумать только, что все это может сохранить человеку жизнь. В некотором роде.

В носовой части корабля его остановила Фрэнси Спэниш. Ее длинные косы были опалены.

— Есть связь с саркофагом? — спросила она. — Мы должны посоветоваться с мистером Ранситером.

— Невозможно, — покачал головой Джо. — Нужны наушники, микрофон, усилитель протофазонов. Только после того, как мы прилетим на Землю и в мораториуме добьются состояния полужизни….

— То есть мы даже не знаем, успели ли мы его заморозить?

— Не знаем, — ответил Джо.

— Может, у него уже мозги разрушились, — захихикал Сэмми Мундо.

Джо вздохнул:

— Возможно, мы никогда больше не услышим голоса и мыслей Глена Ранситера. Не исключено, что Корпорацией нам предстоит управлять без него. Тогда придется положиться на то, что осталось от Эллы. Перенесем дирекцию в Мораториум Возлюбленных Собратьев в Цюрихе и будем принимать решения там.

Он сел на одно из боковых кресел и бездумно наблюдал, как препираются, выбирая курс, четыре инерциала. Все тело ныло от тупой, изматывающей боли. Джо вытащил помятую сигарету и щелкнул зажигалкой. Пересохшая сигарета неожиданно рассыпалась между пальцами.

— Это от взрыва, — заметил Эл Хаммонд, видевший, как Джо пытался прикурить. — Высокая

температура.

— Мы что, состарились? — спросила Венди, тяжело опускаясь в кресло рядом с Джо. — Я ощущаю себя очень старой, я на самом деле старая, и твоя пачка сигарет старая. Мы все постарели за этот день, постарели из-за того, что произошло. Такого дня у нас еще не было.

Со страшным усилием корабль оторвался от поверхности Луны, таща за собой пластиковый переходный туннель.

Глава 7

Не нужно больше все время торчать на кухне! Освежите загрязненную поверхность новым чудесным средством Убик. Это удобная в обращении, неприлипающая, идеально чистящая паста. Абсолютно безопасна, если пользоваться в соответствии с инструкцией.

— Лучше всего, — сказал Джо Чип, — приземлиться сразу в Цюрихе. — Он набрал на коротковолновом телефоне, входящем в комплект великолепно оснащенного корабля Ранситера, код Швейцарии. — Мы поместим его в тот же мораторий, где находится Элла, и сможем советоваться с ними обоими. Можно даже добиться электронного взаимодействия, и они будут отвечать нам одновременно.

— Протофазного, — поправил его Дон Денни.

— Кто-нибудь помнит, как зовут управляющего Мораториума Возлюбленных Собратьев? — спросил Джо.

— Какой-то Герберт, — сказала Типпи Джексон. — По фамилии — немец.

— Герберт Шонхайт фон Фогельзанг! — воскликнула Венди Райт. — Я запомнила, потому что мистер Ранситер как-то раз объяснил мне, что это означает. «Герберт — прелесть птичьей песни». Я бы хотела, чтобы меня так звали.

— Можешь выйти за него замуж, — заметил Тито Апостос.

— Я собираюсь за Джо Чипа, — ответила Венди с детской серьезностью.

— Да ну? — Сияющие черные глаза Пат Конли вспыхнули еще ярче. — В самом деле?

— Ты и это можешь изменить с помощью своего таланта? — спросила Венди.

— Я живу с Джо, — зло бросила Пат. — Я его любовница. Мы договорились, что я оплачиваю его счета. Сегодня утром я заплатила за дверь. Если бы не я, он до сих пор торчал бы в квартире.

— А мы не полетели бы на Луну, — добавил Эл Хаммонд.

Лицо его выражало самые разные чувства.

— Не сегодня, так в другой раз, — заметила Типпи Джексон. — Какая разница? В любом случае Джо неплохо устроился, если любовница за него платит!

Она ткнула Джо локтем в бок, и он поразился застывшему на ее лице сладострастному выраже-

нию. Похоже, под маской энергичной женщины в миссис Джексон скрывалась созерцательница, способная порадоваться и за другого.

— Дайте мне телефонный справочник, — сказал Джо Чип. — Я предупрежу мораториум о нашем прибытии. — Он взглянул на часы. Оставалось десять минут полета.

— Вот справочник, мистер Чип. — Джон Илд вручил ему тяжелый квадратный том с клавиатурой и микросканером.

Джо набрал ШВЦР, потом ЦЮР и наконец МРТР ВЗЛБ СБРТ.

— Похоже на иврит, — сказала стоящая за его спиной Пат.

Микросканер приступил к поиску номера, наконец из щели выскочила перфокарта, и Джо тут же зарядил ее в приемник телефона.

— Воспроизвожу запись, — металлическим голосом отозвался телефон и выплюнул карту. — Данный номер отключен. Для дополнительной информации поместите красную карточку в…

— Какого года этот справочник? — спросил Джо.

Илд взглянул на выходные данные:

— Двухлетней давности.

— Этого не может быть, — сказала Эди Дорн. —

Два года назад корабль еще не был построен. На нем все новое.

— Может, Ранситер решил сэкономить? — вставил Тито Апостос.

— Исключено. — Эди покачала головой. — На этот корабль Ранситер не жалел ни сил, ни денег, ни оборудования. Все его сотрудники знают: «Пратфол-два» — его гордость.

— Был его гордостью, — поправила Фрэнси Спэниш.

— Не согласен. — Джо опустил красную карточку в приемное устройство. — Дайте мне действующий номер Мораториума Возлюбленных Собратьев в Цюрихе, Швейцария, — потребовал он и, повернувшись к Фрэнси Спэниш, добавил: — Ранситер пока существует, и этот корабль по-прежнему его гордость.

Аппарат изрыгнул карточку с выбитым на ней номером, Джо ввел ее в приемный паз. На этот раз компьютер сработал мгновенно. На экране появилась болезненно-угодливая физиономия управляющего мораториумом.

— Меня зовут герр Герберт Шонхайт фон Фогельзанг. У вас случилась беда, сэр? Сообщите свое имя и адрес на случай, если связь прервется.

— Произошел несчастный случай, — сказал

Джо.

— То, что мы называем несчастным случаем, — затянул Фогельзанг, — является на деле проявлением Божьей воли. В некотором смысле всю нашу жизнь можно назвать «случаем». И…

— Давайте отложим теологические прения до лучших времен, — оборвал его Джо Чип.

— Это самое лучшее время, чтобы прибегнуть к утешению теологией. Усопший — ваш родственник?

— Это наш шеф. Глен Ранситер из Нью-Йорка, глава Корпорации Ранситера. У вас находится его жена Элла. Мы приземлимся минут через восемь-девять. Можете выслать рефрижератор?

— Усопший в саркофаге?

— Нет, — огрызнулся Джо. — Загорает на пляже Тампа во Флориде.

— Полагаю, ваш остроумный ответ означает подтверждение.

— Высылайте машину в космопорт Цюриха.

Джо повесил трубку. «Подумать только, нам придется иметь дело с этим ничтожеством».

— Мы еще доберемся до Рэя Холлиса, — сказал он собравшимся вокруг него инерциалам.

— Разве мы едем не к Фогельзангу? — удивился Сэмми Мундо.

— Доберемся и уничтожим его, — повторил Джо.

«Глен Ранситер, — подумал он. — В саркофаге, украшенном пластиковыми розочками. Пробуждаемый к полужизни на один час в месяц. Угасающий, слабеющий, уходящий в туман… Господи! — Джо чуть не задохнулся от ярости. — И надо же, чтобы именно он, из всех людей на земле. Человек такой жизненной силы. Такой энергии».

— По крайней мере, — вздохнула Венди, — он будет ближе к Элле.

— В некотором смысле, — пробормотал Джо и смолк: на эту тему говорить не хотелось. — Терпеть не могу мораториумов. И их владельцев. Терпеть не могу Герберта Шонхайта фон Фогельзанга. Почему Ранситер выбрал швейцарский мораториум? Чем ему был плох мораториум Нью-Йорка?

— Это швейцарское изобретение, — сказала Эди Дорн. — Согласно независимым исследованиям, по продолжительности жизни швейцарские мораториумы в среднем на два часа превышают наши.

— Почему ООН не запретит полужизнь? — возмутился Джо. — Это нарушение естественного

круговорота рождения и смерти.

— Если бы полужизнь была угодна Господу, — насмешливо заметил Эл Хаммонд, — мы бы рождались в саркофаге, заполненном сухим льдом.

— Вошли в зону действия системы наведения космодрома Цюриха, — выйдя из рубки, мрачно сказал Дон Денни. — Нас посадят.

— Не вешай нос, — сказала Эди Дорн, — смотри на вещи просто. В сущности, нам дьявольски повезло: могли погибнуть при взрыве, могли нарваться на лазерный луч в полете. Потерпи, скоро приземлимся, будем в безопасности.

— Следовало бить тревогу, сразу как нас пригласили на Луну, — сказал Джо. «Ранситер должен был насторожиться», — подумал он. — Шеф всегда предупреждал: всякая работа, связанная с отлетом с Земли, уже подозрительна. А на Луну вообще лучше не соваться из-за полной неразберихи с гражданским кодексом. Немало защитных организаций погорели на этом деле.

«Если в мораториуме его оживят, — подумал Джо, — то первым делом он скажет: „Я всегда подозрительно относился к Луне“. Выходит, недостаточно подозрительно. Слишком выгодным показался контракт. И он заглотил наживку. Хотя

и чувствовал беду».

Система наведения космодрома Цюриха включила тормозные ракеты, корабль задрожал.

— Джо, — сообразил Тито Апостос, — тебе придется сказать Элле про Ранситера. Ты понимаешь?

— Я думаю об этом с момента взлета.

Корабль продолжал тормозить, одна за другой включались вспомогательные посадочные системы.

— Кроме того, — продолжал Джо, — я должен еще уведомить о случившемся Общество. Они нас с грязью смешают, скажут, что мы, как бараны, полезли в ловушку.

— Разве они не наши друзья? — спросил Сэмми Мундо.

— После такого провала у нас больше нет друзей.

Вертолет на солнечных батареях с широкой надписью по борту «МОРАТОРИУМ ВОЗЛЮБЛЕННЫХ СОБРАТЬЕВ» ожидал у кромки космодрома Цюриха. Рядом с ним стоял похожий на жука человек в европейском костюме: схваченной красным шарфом твидовой тоге, тапочках и пурпурном поясе. Вытянув руку в перчатке, он направился к сошедшему с трапа Джо Чипу.

— Вижу, что путешествие не изобиловало радостными событиями, — сказал Фогельзанг, обменявшись с Джо кратким рукопожатием. — Могут ли мои люди подняться на борт вашего замечательного корабля и…

— Да, — ответил Джо. — Пусть поднимаются и заберут его.

Засунув руки в карманы, он мрачно побрел в сторону кафе.

«Пошла обычная рутина, — подумал Джо. — Мы ускользнули от Холлиса, вернулись на Землю. Нам повезло. Теперь начинается новый этап. И от нас мало что зависит».

— Пять центов, пожалуйста, — сказала дверь кафе.

Джо подождал, пока кто-нибудь не выйдет, и скользнул внутрь, пропустив почтенную пару. Сел к стойке и, сгорбившись, принялся изучать меню.

— Кофе, — сказал наконец Джо.

— Сливки, сахар? — поинтересовался динамик.

— Сливки и сахар.

Из маленького окошечка выдвинулась чашка кофе, два завернутых в бумагу кусочка сахара и пакетик со сливками.

— Одну международную кредитку, пожалуй-

ста, — произнес динамик.

— Запишите на счет Глена Ранситера, Корпорация Ранситера, Нью-Йорк.

— Вставьте, пожалуйста, кредитную карточку.

— Я уже пять лет не пользуюсь кредитной карточкой. Вначале нужно выплатить…

— Тогда одну кредитку. — Из динамика послышалось зловещее тиканье. — Иначе через десять секунд я вызываю полицию.

Джо заплатил, и тиканье прекратилось.

— Тоже еще, посетитель! — огрызнулся напоследок динамик.

— Однажды, — с ненавистью произнес Джо, — люди вроде меня восстанут, и тирании бездушных машин придет конец. Вернутся простые человеческие ценности, теплота, отзывчивость, и человек, прошедший через такие испытания, как я, которому действительно нужна чашечка горячего кофе, просто чтобы прийти в себя, получит ее независимо от того, есть у него кредитка или нет. — Он взял пакетик со сливками и тут же брезгливо отодвинул его в сторону. — Кстати, ваши сливки, молоко, или что это было, давно прокисли.

Динамик молчал.

— Давайте делайте что-нибудь! — сказал

Джо. — Когда речь шла о деньгах, вас трудно было остановить.

Платная дверь кафе распахнулась, и вошел Эл Хаммонд.

— Ранситера уже погрузили на вертолет. Спрашивают, полетишь ли ты.

— Посмотри на эти сливки, — сказал Джо, поднимая пакетик. Жидкость превратилась в прилипшие к стенкам комки. — Вот это подают за одну кредитку в технологически развитом и современнейшем городе мира. Я не уйду отсюда, пока они не заменят сливки или не вернут деньги.

Эл Хаммонд положил руку ему на плечо и внимательно на него посмотрел:

— В чем дело, Джо?

— Вначале — сигарета, затем устаревший на два года телефонный справочник в корабле. Сейчас мне подают недельной давности сливки. Я не понимаю, Эл.

— Пей без сливок, — посоветовал Эл Хаммонд. — И давай иди к вертолету, Ранситера надо срочно отправлять в мораторий. Мы подождем тебя на корабле. Потом заедем в ближайшее представительство Общества и напишем подробный рапорт.

Джо поднял чашку и увидел, что кофе холодный, густой и старый. На поверхности плавала плесень. Он с отвращением отставил чашку. «Что происходит? Что-то со мной случилось».

Неожиданно отвращение перешло в неясный, жуткий страх.

— Пойдем, Джо, — Эл Хаммонд сжал его плечо. — Забудь про кофе, это ерунда, сейчас главное доставить Ранситера в…

— Ты знаешь, кто дал мне эту кредитку? — спросил Джо. — Пат Конли. И я тут же сделал то, что всегда делаю с деньгами, — выбросил на ветер. На прошлогоднюю чашку кофе… Поедешь со мной в мораториум? Мне нужна поддержка, особенно при разговоре с Эллой. Может, свалим все на Ранситера? Скажем, что решение о полете на Луну он принял единолично. Собственно, так и было. А может, придумаем что-нибудь? Мол, корабль разбился или Ранситер просто умер, а?

— Ранситер все равно с ней свяжется, — сказал Эл. — Так что лучше говорить правду.

Они вышли из кафе и направились к вертолету Мораториума Возлюбленных Собратьев.

— А может, пусть Ранситер сам ей скажет? — предложил Джо, когда они поднялись на борт. — А что? Он же решил лететь на Луну? Вот пусть и

говорит. К тому же он привык с ней общаться.

— Вы готовы, джентльмены? — спросил Фогельзанг, занимая место в кабине. — Не пришло ли время направить наши скорбные стопы к последнему пристанищу мистера Ранситера?

— Валяйте, — бросил Эл Хаммонд.

Как только вертолет оторвался от Земли, владелец мораториума нажал на кнопку, и из доброго десятка динамиков, натыканных по всему салону, полились звуки бетховенской Missa Solemnis.

— А знаешь, что Тосканини всегда пел со своим хором, когда дирижировал? — спросил Джо. — В «Травиате» можно слышать его голос во время арии «Sempore Libera».

— Нет, не знаю, — ответил Эл, глядя на ровные, однообразные монолитные строения Цюриха, торжественно проплывающие внизу.

— Libera me, Domine, — прошептал Джо.

— Что-что?

— Смилуйся надо мной, Господи. Это же общеизвестно.

— С чего ты об этом подумал?

— Из-за проклятой музыки. — Повернувшись к Фогельзангу, Джо крикнул: — Выключите музыку! Ранситер ее все равно не слышит. Зато ее слышу я, а мне это совершенно не нравится. Тебе

тоже? — спросил Джо у Эла Хаммонда.

— Успокойся, Джо.

— Мы везем мертвого шефа в место под названием Мораториум Возлюбленных Собратьев, а он говорит «успокойся»! А знаешь ли ты, что Ранситер вовсе не обязан был лететь с нами на Луну? Он мог отправить нас и остаться в Нью-Йорке. Теперь самый жизнерадостный, самый жизнелюбивый человек из всех…

— Ваш темнокожий спутник дал хороший совет, — перебил его вдруг владелец мораториума.

— Какой совет?

— Успокоиться. — Фогельзанг открыл встроенный рядом с пультом ящичек и протянул Джо цветную веселую коробочку. — Пожуйте, мистер Чип.

— Успокоительная резинка, — пробормотал Джо, машинально срывая обертку. Успокоительная резинка с ароматом груш. — Пожевать? — спросил он у Эла.

— Попробуй, — Эл пожал плечами.

— Глен Ранситер никогда не стал бы принимать транквилизаторы в такой ситуации, — завелся вдруг Джо. — Он вообще никогда в жизни не принимал их. Ты знаешь, что я понял, Эл? Он отдал свою жизнь ради нашего спасения. В переносном

смысле.

— Очень переносном, — проворчал Хаммонд. — Кстати, мы подлетаем. — Вертолет начал опускаться на размеченную для посадки крышу плоского здания. — Сумеешь взять себя в руки?

— Я успокоюсь, когда услышу голос Ранситера, — сказал Джо. — Когда я узнаю, что он хоть наполовину, но жив.

— Я бы не стал волноваться по этому поводу, — жизнерадостно откликнулся владелец мораториума. — Обычно нам удается получить очень хороший поток протофазонов. Вначале. Душевные муки начинаются потом, когда срок полужизни подходит к концу. Но если планировать все разумно, его можно продлить на много лет. — Фогельзанг выключил двигатель и распахнул дверь кабины. — Добро пожаловать в Мораториум Возлюбленных Собратьев! — Он жестом пригласил их к выходу. — Моя секретарша мисс Бисон проведет вас в переговорную, ласкающая тьма и мягкие поверхности умиротворят ваши души, а я распоряжусь, чтобы мистера Ранситера доставили вам, как только наши техники войдут с ним в контакт.

— Я хочу наблюдать процесс с самого начала, — сказал Джо.

Владелец мораториума повернулся к Элу Хаммонду:

— Может быть, вам как другу удастся убедить мистера Чипа?

— Джо, нам придется подождать в переговорной.

— Сколько все это займет? — спросил Джо.

— Результат будет известен уже через пятнадцать минут. Если к тому времени мы не получим достаточно сильного сигнала…

— Всего пятнадцать минут? — прорычал Джо. — Они не собираются тратить более пятнадцати минут на возвращение к жизни человека лучшего, чем мы все, вместе взятые! — Он был готов разрыдаться.

— Пошли в переговорную, Джо, — повторил Эл Хаммонд.

Джо махнул рукой и покорно побрел за ним.

— Закуришь? — Расположившись на покрытом бизоньей шкурой диване, Эл протянул Джо пачку.

— Они же давно испортились, — сказал Джо. Ему не надо было брать сигарету в руки, он знал это и так.

— Да, действительно. — Эл убрал пачку. — Как ты догадался? — Джо не ответил, и Эл, выдержав

паузу, продолжил: — Слушай, ты слишком быстро впадаешь в отчаяние. В конце концов, нам еще повезло, могло выйти так, что мы лежали бы сейчас по саркофагам, а Ранситер наслаждался бы здесь успокаивающим полумраком.

Эл взглянул на часы.

— Все сигареты в мире испорчены, — пробормотал Джо и тоже посмотрел на часы. Множество не связанных между собой отрывочных мыслей пролетели в его голове, как стаи серебристых рыбок. Страхи, недоумения, предчувствия…

Серебряные рыбки носились кругами, и постепенно остался один страх.

— Если бы Ранситер был жив и сидел в этой переговорной, все было бы хорошо. Я в этом уверен, хотя и не знаю почему.

Джо подумал, что техники мораториума возятся сейчас с останками Глена Ранситера. Интересно, как это происходит?

— Ты помнишь зубных врачей? — спросил он Эла.

— Нет, но знаю, что они были.

— Раньше у людей часто болели зубы.

— Понятное дело.

— Отец мне рассказывал, что чувствуешь на приеме у зубного. Каждый раз когда медсестра

открывает дверь кабинета, тебе кажется: ну все. Я всегда боялся таких ощущений.

— Значит, ты именно это чувствуешь сейчас? — спросил Эл.

— Я чувствую, что пора бы полудурку Герберту прийти и сказать: Ранситер жив. Или мертв. Либо одно, либо другое.

— Они почти всегда добиваются положительных результатов. По статистике, как говорит Фогельзанг…

— В нашем случае у них ничего не выйдет.

— Тебе откуда знать?

— Интересно, есть ли в Цюрихе люди Рэя Холлиса?

— Конечно есть. Но пока мы договоримся насчет прогноста, результат будет известен.

— Все-таки я его вызову. — Джо вскочил и огляделся в поисках видеофона. — Прямо сейчас. Дай двадцать пять центов.

Эл покачал головой.

— Ты не забывай, — сказал Джо, — что являешься моим подчиненным. И должен выполнять все мои требования, иначе вылетишь с работы. С момента смерти Ранситера руководство фирмой перешло ко мне. Я принял решение доставить его сюда, и я решил немедленно вызвать прогноста.

Давай монету, быстро!

— Корпорацией Ранситера руководит человек, не имеющий при себе пятидесяти центов! — Эл кинул Джо монету. — Не забудь прибавить к зарплате.

Джо вышел из переговорной и зашагал по коридору, рассеянно потирая лоб. «До чего необычное место, — подумал он. — Между жизнью и смертью. А я теперь возглавляю Корпорацию Ранситера. Я — и еще Элла, которая мертва и может разговаривать, только когда я прикажу ее оживить».

Согласно завещанию Ранситера, автоматически вступившему в силу, Джо принимал на себя руководство Корпорацией до того момента, пока Элла или Элла и Ранситер, если его удастся оживить, не отыщут ему замену. В последнем случае решение Глена и Эллы должно быть единодушным. «Может быть, — подумал Джо, — они решат, что я должен остаться у руководства. Хотя вряд ли. Человек, не способный разобраться с собственными финансовыми проблемами?.. Очевидно, это я и хочу услышать от прогноста Холлиса. Стану ли я директором фирмы. Это, конечно, стоит узнать. Да и не только это».

Джо нашел видеофон, поднял трубку, послушал

гудок и опустил в приемник монету Эла.

— Простите, сэр, но монета вышла из употребления. — Раздался щелчок, и презрительно отвергнутая монета зазвенела у ног.

— В чем дело? — Джо неловко отступил, поднимая двадцать пять центов. — С каких это пор деньги Североамериканской Конфедерации стали недействительными?

— Простите, сэр, но вы не давали мне денег Североамериканской Конфедерации. Ваш двадцатипятицентовик — вышедшая из употребления монета Соединенных Штатов Америки, отчеканенная на монетном дворе Филадельфии. Сейчас она представляет исключительно нумизматический интерес.

Джо посмотрел на монету. На потемневшей поверхности был выбит профиль Джорджа Вашингтона. И дата. Монете было сорок лет. Она давно вышла из употребления.

— Я могу чем-нибудь помочь, сэр? — любезно поинтересовался служащий мораториума. — Я видел, автомат не принял вашей монеты. Позвольте взглянуть? — Он протянул руку, и Джо дал ему деньги США. — Хотите десятифранковый швейцарский жетон? Автомат его примет.

— Прекрасно, — пробормотал Джо, опустил

жетон в приемник и набрал международный бесплатный номер бюро Холлиса.

— Таланты Холлиса. — На экране появилось женское лицо, природную красоту которого оттеняла современная косметика.

— О, мистер Чип, — узнала его дежурная. — Мистер Холлис предупреждал о вашем звонке.

«Прогносты», — подумал Джо.

— Мистер Холлис, — продолжала девушка, — распорядился связать вас непосредственно с ним. Он хочет лично помочь вам в решении ваших проблем. Подождите, пожалуйста, я соединю. Буквально один момент, мистер Чип, и вы услышите мистера Холлиса. Всего доброго.

Девушка исчезла, перед Джо Чипом мерцал пустой серый экран.

Потом возникло мрачное синюшное лицо, жуткая физиономия без туловища и шеи. Глаза собеседника походили на бракованные бриллианты, они сверкали, но граней не было, и свет рассеивался во все стороны.

— Здравствуйте, мистер Чип.

«Так вот как он выглядит», — подумал Джо. Фотографии не могли передать сути этих неверных линий и смещенного плана, словно лицо уронили, разбили вдребезги, а потом склеили

— но уже не так.

— Я направляю в Общество подробный рапорт об убийстве вами Глена Ранситера. Остаток своих дней вы проведете за решеткой. — Джо ожидал от лица на экране хоть какой-то реакции, но тщетно. — Мы знаем, что это сделали вы, — сказал он, чувствуя всю бессмысленность своих действий.

— По сути вашего звонка, — произнес Холлис шелестящим голосом, и Джо показалось, что куча змей переползают друг через друга. — Мистер Ранситер не…

Дрожащей рукой Джо повесил трубку.

Тем же коридором он вернулся в переговорную, где Эл Хаммонд пытался собрать рассыпавшуюся в пыль сигарету.

— Фогельзанг тебя ищет, — проворчал Эл. — Темнит, хотя и так ясно, что у них ничего не вышло. Готов поклясться, что прямо он ничего не скажет, будет ходить вокруг да около, а в конце выяснится, что результат отрицательный. Что будем делать?

— Прикончим Холлиса.

— Холлиса мы не потянем.

— Общество… — Джо замолчал. В переговорную вошел Фогельзанг. Выглядел он взволнованно, хотя всеми силами пытался подчеркнуть свою

спокойную, исполненную достоинства уверенность.

— Мы сделали все, что в наших силах. При столь низких температурах сопротивление практически отсутствует. На выходе должен быть четкий и ясный сигнал, но все, что мы получили, — это фоновый шум частотой шестьдесят герц. Как бы то ни было, не забывайте, что первоначальное размещение мистера Ранситера в саркофаге осуществляли не мы. Прошу вас это учесть.

— Мы учтем. — Эл тяжело поднялся и посмотрел на Джо. — Думаю, это все.

— Надо поговорить с Эллой.

— Сейчас? Не лучше ли подождать до завтра? Выспишься и заодно определишься, что именно ты хочешь ей сказать.

— Пойти сейчас домой — значит пойти к Пат Конли. Я не в состоянии с ней общаться.

— Сними номер в гостинице. Исчезни. А я вернусь на корабль, скажу нашим и проинформирую Общество. Ты можешь дать мне письменное поручение. У вас есть бумага и ручка? — обратился Эл к Фогельзангу.

— Знаешь, с кем бы я поговорил? — спросил Джо, когда владелец мораториума выскочил из комнаты в поисках письменных принадлежно-

стей. — С Венди Райт. Она знает, что делать. И я ценю ее мнение. Хотя знакомы мы очень мало.

Джо заметил, что в переговорной негромко звучит музыка. Она звучала и раньше. Как в вертолете.

— Dies irae, dies ilia, — пели сумрачные голоса.

Верди, сообразил Джо. Наверное, Фогельзанг собственноручно включает музыку в девять утра, как только появляется на работе.

— Я уговорю Венди прийти к тебе в гостиницу, — сказал Эл.

— Это аморально, — возразил Джо.

— Что? — Эл уставился на Джо Чипа. — В такое время? Когда от твоего состояния зависит будущее всей организации? Да сейчас все, что может привести тебя в норму, не только морально, но и необходимо. Возвращайся к видеофону, звони в гостиницу, скажешь мне название и…

— Наши деньги здесь не действуют, — перебил Джо. — Я не смогу воспользоваться видеофоном, пока мне опять не попадется нумизмат и не обменяет мою монету на десять швейцарских франков.

— Да… — Эл тяжело вздохнул и покачал головой.

— Ты что это хочешь сказать? — со злостью

спросил Джо. — Разве я виноват, что твоя монета вышла из употребления?

— В определенном, неясном пока смысле, да, ты виноват. Я пока не могу объяснить, в каком. Может, когда-нибудь объясню. Ладно, возвращаемся на «Пратфол-два», оттуда пойдешь в гостиницу сразу с Венди Райт.

— Quantus tremor est futurus, — пели голоса. — Quando judex est vrnturus, cuncta stricte discussurus…

— А чем я буду рассчитываться? Они не примут наших денег точно так же, как и видеофон.

Эл, чертыхаясь, вытащил бумажник.

— Купюры, старые, но еще в ходу. Монеты не годятся. Устарели. — Он швырнул их на пол с таким же негодованием, с каким видеофон выплюнул монету Джо Чипа. — Бери. — Эл вручил Джо пачку бумажных денег. — Здесь хватит, чтобы рассчитаться за ночь, пообедать и выпить вам обоим. Завтра я пришлю из Нью-Йорка корабль, он вас заберет.

— Я тебе все верну, — сказал Джо. — Как исполняющий обязанности директора Корпорации Ранситера я буду получать хорошую зарплату, рассчитаюсь со всеми долгами, включая штрафы и неустойки, которые накрутила налоговая

инспекция…

— Без Пат Конли? Без ее помощи?

— Теперь я смогу ее вышвырнуть.

— Сомневаюсь, — покачал головой Эл.

— Для меня это новый этап. Новый период в жизни.

«Я буду управлять фирмой, — подумал Джо. — И, конечно, не повторю ошибок Ранситера. Холлис в обличье Стентона Мика не выманит с Земли ни меня, ни моих инерциалов».

— По-моему, — глухо произнес Эл, — тебя притягивает проигрыш. И никакая комбинация обстоятельств этого не изменит.

— На самом деле, — возразил Джо, — меня притягивает успех. И Глен Ранситер это чувствовал, поэтому он и пожелал, чтобы после его смерти дело возглавил я.

Джо ощутил нарастающую уверенность, впереди замаячили многочисленные возможности, он видел их так четко, словно был прогностом. И тогда он вспомнил о Пат Конли, о том, что она делает с талантом прогностов, с любой попыткой предсказать будущее.

— Tifa mirum spargens sonum, — пели голоса. — Per sepulchra regionum coget omnes ante thronum.

— Ты не бросишь ее, Джо. С такими способно-

стями…

— Я сниму номер в гостинице «Рут», — решительно заявил Джо. Но в глубине души он знал: Эл прав. Ничего не выйдет.

Пат или что-то еще более страшное войдет в его жизнь и уничтожит его. «Я обречен, — подумал Джо, — обречен в классическом смысле этого слова». Издерганное, утомленное сознание мгновенно нарисовало картинку: запутавшаяся в паутине птица. И птица, и паутина были очень старыми, и это особенно испугало Джо, образ был слишком реален и конкретен.

Как предсказание. «Монеты, — неожиданно подумал он. — Вышедшие из обращения, не принимаемые автоматами монеты. Коллекционные образцы таких монет лежат в музеях. Неужели это конец?»

— Mors stupefit, — пели голоса. — Et natura, cum resurget creatura, judicanti responsura.

Они пели и пели, без остановки.

Глава 8

Если денежные затруднения загнали вас в тупик, обращайтесь в банк Убик! И тут же избавитесь от всех проблем. Судите сами: предположим, вы заняли под процент пятьдесят девять кредиток. Это составит…

Солнечные лучи заливали элегантную комнату отеля, и Джо Чип, щурясь, рассматривал величественную обстановку: на огромных неошелковых занавесках способом ручной печати было изображено развитие человека от одноклеточного организма кембрийского периода до первых летательных аппаратов начала двадцатого века. Великолепный комод — имитация красного дерева, четыре хромированных стула с подвижными спинками…

Джо сонно любовался комнатой и вдруг осознал, что Венди так и не постучала в его дверь. От острого разочарования Джо даже вздрогнул. А может, стучала, да он не проснулся.

В любом случае его империя разрушилась в самый момент ее создания.

Сразу же вернулась усталость вчерашнего дня. Джо мрачно слез с огромной кровати и оделся. В комнате было необычно холодно. Джо поднял трубку и набрал номер гостиничной службы.

— …по возможности ему оплатить, — донеслось из трубки. — Вначале, конечно, установите, действительно ли Стентон Мик принимал в этом участие или за него действовала гомосимулирующая субстанция, и если так, то почему, а если нет, то каким образом… — Голос монотонно жужжал, обращаясь не к Джо, а скорее к самому себе. Джо он просто не замечал, словно его и не существовало. — Судя по предыдущим отчетам, Мик всегда действовал как порядочный человек и соблюдал правовые и этические нормы, принятые в Системе. Исходя из этого…

Джо повесил трубку. Его шатало. Он покрутил головой, пытаясь собраться с мыслями. Голос принадлежал Ранситеру. В этом сомнений не было. Он снова поднял трубку и прислушался.

— …Мик затеет судебный процесс. Он может себе это позволить, не говоря о том, что поднаторел в тяжбах. Так что прежде, чем подавать рапорт в Общество, надо проконсультироваться с нашими юристами. Если дело получит огласку, нас могут обвинить в клевете…

— Ранситер! — воскликнул Джо.

— …и не сможем доказать по крайней мере…

Джо повесил трубку.

«Этого я не понимаю», — сказал он себе.

Вернувшись в ванную, он плеснул в лицо ледяной водой, причесался гигиенической одноразовой бесплатной расческой, затем, немного подумав, побрился гигиеническим бесплатным одноразовым лезвием. Освежив лицо бесплатным лосьоном, распечатал бесплатный одноразовый стаканчик и выпил воды.

«Может, им удалось оживить его? — подумал Джо. — И сразу подключили к моему номеру? Ранситер, как только придет в себя, обязательно захочет поговорить со мной. Но почему тогда он меня не слышит? Не может же у них получиться односторонняя связь? Или это технические неполадки, которые несложно устранить?»

Джо вернулся к видеофону, решив на этот раз позвонить в Мораториум Возлюбленных Собратьев.

— …не самый подходящий человек, чтобы возглавить фирму, учитывая его постоянные трудности, особенно в том, что касается…

«Я не смогу позвонить, — понял Джо. — Не смогу даже вызвать дежурного».

Из угла его огромной комнаты донеслось мелодичное позвякивание, и металлический голос произнес:

— Говорит установленный в вашем номере бесплатный аппарат новостей. Подобные аппараты стоят исключительно в системе отелей «Рут» по всей Земле и в пределах колоний. Наберите интересующую вас тематику новостей, и через несколько секунд вы получите свежайший выпуск газеты, составленный по вашему индивидуальному заказу. Напоминаю: бесплатно!

— Недурно!

Джо Чип подошел к машине. Журналисты наверняка уже прослышали об убийстве Ранситера. Они постоянно просматривают списки поступивших в мораториумы.

Джо
нажал клавишу: «ВАЖНАЯ МЕЖПЛАНЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ». Из щели немедленно полез отпечатанный лист.

О Ранситере не упоминалось. «Неужели еще рано? Или Обществу удалось придержать новость? А может, Эл сунул владельцу мораториума горсть кредиток? Но все деньги Эла у меня, — недоумевал Джо. — Эл никого не может подкупить».

В дверь комнаты постучали.

Отложив газету, Джо осторожно приблизился. «Скорее всего, на мой след напала Пат Конли, — размышлял он. — С другой стороны, могли прилететь наши из Нью-Йорка. Теоретически это может быть даже Венди. Хотя маловероятно. Теперь уже действительно поздно.

Не исключено, что это подосланный Холлисом убийца. Нас убирают одного за другим».

Джо распахнул дверь.

На пороге, подрыгивая от нетерпения и потирая пухлые ладошки, стоял Герберт фон Фогельзанг.

— Ничего не понимаю, мистер Чип, — затарахтел он. — Наши специалисты работали над ним всю ночь. И не получили ни единой искорки. В то же время электроэнцефалограф фиксирует слабую мозговую деятельность. То есть идет после-жизнь в какой-то неизвестной нам форме. Мы установили электроды по всей коре. Я, право, не знаю, что еще можно сделать, сэр.

— А метаболизм мозга?

— Наблюдается, сэр. Мы пригласили эксперта из другого мораториума, он обнаружил его с помощью своего оборудования. Очень хорошие показатели. Примерно такие мы фиксируем сразу после смерти.

— Как вы меня нашли? — спросил Джо.

— Позвонили в Нью-Йорк мистеру Хаммонду. Потом я звонил вам сюда, но номер постоянно занят. Я посчитал необходимым прийти лично.

— Видеофон сломан, не работает. Я сам никуда не могу позвонить.

— И мистер Хаммонд пытался до вас дозвониться, но ничего не вышло. Он попросил меня напомнить вам, что вы должны кое-что сделать до отъезда из Цюриха.

— Поговорить с Эллой?

— И сообщить ей о безвременной кончине ее супруга.

— Я могу одолжить у вас немного кредиток? — спросил Джо. — На завтрак.

— Мистер Хаммонд предупредил меня, что вы попытаетесь занять денег. Он также проинформировал, что дал вам достаточно, чтобы расплатиться за номер, выпить…

— Эл исходил из того, что я сниму дешевую комнату. А свободной оказалась только эта, чего он, конечно, не мог предвидеть. Включите мой долг в счет, который вы ежемесячно направляете Корпорации Ранситера. Я, кстати, исполняю в настоящее время обязанности директора фирмы. Вы имеете дело с позитивно мыслящим, энергичным человеком, который шаг за шагом

поднялся по служебной лестнице с самого низа до последней ступеньки. И я могу, как вы хорошо понимаете, пересмотреть нашу позицию в отношении вашего мораториума и выбрать другой, поближе к Нью-Йорку.

С ворчанием Фогельзанг вытащил из кармана твидовой тоги бумажник из искусственной крокодиловой кожи.

— Мы живем в жестоком мире, — заметил Джо, принимая деньги. — Человек человеку — волк.

— Мистер Хаммонд просил вам передать, что транспорт из Нью-Йорка прибудет приблизительно через два часа.

— Отлично.

— Чтобы у вас было больше времени для беседы с Эллой, мистер Хаммонд пришлет корабль прямо в мораториум. А я готов забрать вас сейчас. Мой вертолет на крыше отеля.

— Это Эл придумал? Чтобы я вернулся в мораториум вместе с вами?

— Совершенно верно.

— Высокий, сутулый негр лет тридцати? На передних зубах золотые коронки с тиснением, слева червы, потом трефы и бубны?

— Тот самый человек, который прилетел с вами с космодрома Цюриха. И ожидал вместе с вами в

мораториуме.

— Были ли на нем зеленые вельветовые панталоны, серые гетры для гольфа, открытая блуза из шкуры барсука и туфли из искусственной кожи?

— Я не видел, во что он одет. На видеоэкране было только его лицо.

— Может, он передал какие-нибудь условные слова, код, пароль?

— Я не совсем понимаю, в чем дело, мистер Чип, — пожаловался владелец мораториума. — Я говорил с тем самым человеком, который был с вами вчера.

— Я не могу рисковать и садиться в ваш вертолет, — сказал Джо. — Не исключено, что вас послал Рэй Холлис. Это он убил мистера Ранситера.

Глаза Фогельзанга едва не вылезли из орбит:

— Вы уже проинформировали Общество?

— Проинформируем. В свое время. Пока мы должны вести себя чрезвычайно осторожно, чтобы Холлис не поубивал нас поодиночке. Он хотел расправиться со всеми сразу. Там, на Луне.

— Вам нужна защита, — изрек Фогельзанг. — Советую немедленно обратиться в полицию Цюриха, они пришлют человека, который обеспечит вашу безопасность до отлета в Нью-Йорк.

А по прибытии…

— У меня сломан видеофон. Я уже говорил вам. Все, что я слышу, — это голос Ранситера. Поэтому и до меня никто не может дозвониться.

— В самом деле? Как странно. — Владелец мораториума прошел в комнату. — Разрешите послушать? — Он вопросительно потянулся к трубке.

— Одна кредитка, — объявил Джо.

Фогельзанг снова полез в карман тоги и раздраженно протянул Джо три монеты.

— Я беру с вас цену одной чашки кофе, — сказал Джо.

«Примерно столько они и заломят», — подумал он и вспомнил, что еще не завтракал. Говорить с Эллой придется натощак. Можно, правда, принять амфетамин, наверняка отель предоставляет его бесплатно.

Плотно прижав трубку к уху, Фогельзанг пожал плечами:

— Я ничего не слышу. Даже гудка. Пробивается какое-то потрескивание. Очень слабое. — Он передал трубку Джо.

Джо тоже услышал лишь далекий фон. Звук доносился будто за многие тысячи миль. Это было так же странно, как и голос Ранситера, если то

был голос Ранситера.

— Я верну вам кредитку, — сказал Джо, вешая трубку.

— Не беспокойтесь.

— Вы же не услышали его голоса.

— Давайте вернемся в мораториум. Как предлагал ваш мистер Хаммонд.

— Эл Хаммонд — мой подчиненный, — строго произнес Джо. — Решения принимаю я. И я считаю, что, прежде чем говорить с Эллой, мне надо вернуться в Нью-Йорк. Сейчас важнее продумать официальный рапорт Обществу. Когда вы говорили с Элом Хаммондом, он не сказал вам, все ли инерциалы вылетели вместе с ним из Цюриха?

— Все, за исключением девушки, которая провела ночь с вами в этом отеле. — Владелец мораториума озадаченно огляделся, лицо его приняло встревоженное выражение. — Кстати, где она?

— Как ее звали? — спросил Джо. Из глубин подсознания уже выплывали страшные картины.

— Мистер Хаммонд не сказал. Он думал, вы знаете. С его стороны было бы неэтично называть мне ее имя, учитывая все обстоятельства. А разве она…

— Никто не приходил.

«Кто же это мог быть? — подумал Джо. — Пат или Венди? — Он обошел весь номер, рефлективно избавляясь от страха. — Господи, хоть бы это была Пат».

— В стенном шкафу, — сказал Фогельзанг.

— Что? — Джо остолбенел.

— В таких дорогих номерах обычно огромные стенные шкафы. Думаю, стоит туда заглянуть.

Джо прикоснулся к ручке, пружинный механизм распахнул дверцы.

На полу шкафа лежал высохший, почти мумифицированный, похожий на кучу гнилья труп. Наклонившись, Джо попытался его перевернуть. Тело весило всего несколько фунтов. Конечности распрямились, шурша, как бумага. Волосы казались неестественно длинными, лицо закрывала спутанная черная копна. Джо присел на корточки и замер. Он не хотел знать, кто перед ним.

Сдавленным голосом Фогельзанг прошептал:

— Он совсем старый. Почти высох. Как будто пролежал здесь сотни лет. Я спущусь и вызову управляющего.

— Не может быть, что это взрослая женщина, — вслух рассуждал Джо. «Это останки ребенка, — сказал он про себя. — И значит, это не Пат и не Венди». — Как будто из печи, — выдохнул

Джо. — Воздействие очень высокой температуры в течение длительного времени. — «Или взрыв, — подумал он. — Очень сильный взрыв бомбы».

Он молча уставился на ссохшееся, почерневшее лицо. Он уже понял, кто это. С большим трудом, но он узнал.

Венди Райт.

«Значит, ночью, — рассуждал Джо, — она вошла ко мне, и тут с ней начало что-то происходить. Она почувствовала это и уползла, забилась в шкаф, чтобы я ничего не узнал. Значит, это наступило в последние часы или минуты, — (Джо очень надеялся, что именно минуты), — ее жизни. Она не издала ни звука. Не разбудила меня. А может, не смогла разбудить, не сумела привлечь мое внимание. И, не сумев, забралась в стенной шкаф. Господи, хоть бы это произошло быстро!»

— Ничего нельзя с ней сделать? — спросил он Фогельзанга. — В мораториуме?

— Слишком поздно. При таком распаде не остается даже следов полужизни. Это и есть та девушка?

— Да. — Джо кивнул.

— Вам лучше покинуть гостиницу. Прямо сейчас. Ради собственной безопасности. Холлис — это же его работа? — поступит с вами точно так же.

— Истлевшие сигареты, — пробормотал Джо. — Телефонный справочник двухлетней давности. Прокисшие сливки и кофе с плесенью. Устаревшие деньги. Общая черта — возраст. Она еще на Луне говорила, когда мы пробирались на корабль, что чувствует себя старой.

Джо замолчал, пытаясь подавить переходящий в ужас страх. Но что значит голос Ранситера по видеофону? Здесь связи не было. Голос Ранситера в трубке не укладывался ни в какую теорию и не поддавался объяснению.

— Мне кажется, — сказал фон Фогельзанг, — она подверглась интенсивному облучению. Некоторое время назад. Получила сверхдозу.

— Я считаю, ее убил взрыв. Тот же, который уничтожил Ранситера.

«Частицы кобальта, — догадался вдруг Джо. — Она вдохнула их с раскаленной пылью. Значит, нас всех ждет такая смерть, пыли мы наглотались одинаково. И я, и Эл, и все остальные. И в этом случае уже ничего не поделать. Слишком поздно. Вот о чем мы не подумали. Нам не пришло в голову, что это был маленький атомный взрыв. Теперь понятно, почему Холлис дал нам уйти».

Только…

Это объясняет смерть Венди и рассыпающиеся

сигареты.

Остается телефонный справочник, деньги и протухший кофе со сливками.

Остается голос Ранситера, монотонный монолог по видеофону, который прекратился, когда Фогельзанг взял трубку. Когда попытался послушать кто-то другой.

«Мне надо вернуться в Нью-Йорк, — решил Джо. — Все, кто был на Луне, все, кто попал под взрыв, должны собраться вместе и найти выход. Наверное, это единственный шанс. Пока мы не погибнем один за другим, как Венди. Или еще более страшным способом, если такое только возможно».

— Распорядитесь, чтобы сюда прислали полиэтиленовый мешок, — сказал Джо владельцу мораториума. — Я заберу ее с собой в Нью-Йорк.

— Вы не считаете, что это дело полиции? Такое ужасное убийство. Их надо поставить в известность.

— Давайте мешок, и хватит об этом.

— Как хотите. Это ваш служащий. — Владелец мораториума направился к выходу.

— Теперь уже нет, — проговорил Джо. «Надо же, чтобы она оказалась первой, — подумал он. — А может, в некотором смысле это и к лучшему».

«Я тебя не оставлю, Венди, я заберу тебя домой», — твердил про себя Джо, с ужасом сознавая, что все его планы рухнули.

Прервав общее молчание, Эл Хаммонд обратился к собравшимся в конференц-зале инерциалам:

— Джо прибудет с минуты на минуту. — Он посмотрел на часы. Остановились они, что ли?

— Предлагаю пока посмотреть вечерний выпуск новостей, — сказала Пат Конли. — Интересно, дал Холлис ход сообщению о смерти Ранситера?

— В газетах ничего нет, — заметила Эди Дорн.

— Телевидение передает самые последние новости. — Пат вручила Элу пятидесятицентовую монету, с помощью которой включался стоявший в дальнем углу конференц-зала внушительный цветной трехмерный аппарат, гордость Ранситера.

— Хотите, я брошу за вас монету, мистер Хаммонд? — с готовностью спросил Сэмми Мундо.

— Давай, — рассеянно пробормотал Эл и кинул монету. Мундо поймал ее и затрусил к телевизору.

Адвокат Ранситера Вальтер Уэйлс нервно поерзал в кресле и побарабанил тонкими аристократическими пальцами по «дипломату».

— Вам не стоило оставлять мистера Чипа в Цюрихе. Без него мы ничего не можем предпринять, в то время как завещание мистера Ранситера требует безотлагательных действий.

— Вы читали завещание, — сказал Эл. — И Джо Чип его читал. Мы знаем, кого Ранситер хотел видеть во главе фирмы.

— Но с юридической точки зрения… — начал Уэйлс.

— Ждать осталось совсем недолго, — оборвал его Эл.

Он задумчиво чертил на лежащем перед ним листе бумаги. Потом перечитал написанное:

РАССЫПАЮЩИЕСЯ СИГАРЕТЫ
УСТАРЕВШИЙ ТЕЛЕФОННЫЙ СПРАВОЧНИК
ВЫШЕДШИЕ ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДЕНЬГИ
ИСПОРЧЕННАЯ ПИЩА
РЕКЛАМА НА СПИЧЕЧНОМ КОРОБКЕ

— Я хочу, чтобы вы еще раз просмотрели список, — сказал Эл громко. — Может быть, кто-нибудь найдет связующее звено между этими пятью явлениями, или как еще их можно назвать. Все пять случаев… — Он сделал неопределенный

жест.

— Выходят за рамки, — вставил Джон Илд.

— Между первыми четырьмя связь найти легко, — сказала Пат Конли. — Но спичечный коробок выпадает.

— Дай-ка я взгляну еще раз.

Пат передала ему коробок, и Эл прочел:

> *ПРЕКРАСНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗБОГАТЕТЬ ДЛЯ СПОСОБНЫХ ЛЮДЕЙ*
>
> Буквально за одну неделю удвоил свой доход мистер Глен Ранситер из Мораториума Возлюбленных Собратьев в Швейцарии.
>
> У вас тоже есть шанс получить бесплатный набор образцов нашей обуви из настоящей искусственной кожи и подробную инструкцию, как лучше ее распродать в кругу друзей, родных и сослуживцев. Несмотря на то что мистер Ранситер заморожен в саркофаге и сильно ограничен в своих возможностях, он уже заработал четыреста…

Эл остановился и задумчиво поскреб ногтем зуб. Да, реклама действительно выпадает. Все

касается старения и распада, а она — нет.

— Интересно, — проговорил он вслух, — что будет, если мы ответим? Здесь есть почтовый адрес: Де-Мойн, штат Айова.

— Получим бесплатный набор образцов, — сказала Пат Конли.

— И подробную информацию, как…

— Я думаю, — перебил ее Эл, — мы вступим в контакт с Гленом Ранситером.

Все сидящие за столом, в том числе и Вальтер Уэйлс, изумленно на него уставились.

— Я вполне серьезно. Держи. — Эл передал коробок Типпи Джексон. — Напиши им, срочно.

— Что написать? — пробормотала она.

— Просто заполни их талон. — Повернувшись к Эди Дорн, Эл спросил: — Ты уверена, что коробок у тебя с той недели? Может, ты все-таки нашла его сегодня?

— В среду я бросила в сумочку несколько спичечных коробков. Сегодня, когда прикуривала, я обратила внимание на рекламу. Но он совершенно точно лежал в моей сумке еще до полета на Луну.

— С этой рекламой? — спросил Джон Илд.

— Понятия не имею, я только сегодня заметила, что на спичках есть реклама.

— Что скажешь, Эл? — заговорил Дон Денни. — Шутка Ранситера? Не мог же он напечатать это перед смертью? Или все придумал Холлис? Зная, что убьет Ранситера и что к тому времени, как коробок попадет к нам, убитый будет в мораториуме Цюриха.

— Про Цюрих он знать не мог, — вступил в разговор Тито Апостос. — Мы могли отвезти его и в Нью-Йорк.

— В Цюрихе — Элла, — заметил Дон Денни.

Сэмми Мундо застыл перед телевизором, разглядывая монету Эла. Бледный, неразвитый лоб перечеркнула морщина удивления.

— Что случилось, Сэм? — Эл нервничал, не отпускало предчувствие, что произойдет что-нибудь еще.

— Разве на пятидесятицентовиках не Уолт Дисней? — пробормотал Сэмми.

— Дисней или Фидель Кастро, если чеканка старая. А там что?

— Еще одна вышедшая из употребления монета, — сказала Пат, глядя, как Сэмми бежит к Элу.

— Нет, — сказал Эл, рассматривая монету, — прошлого года, с датой. Ее примут где угодно. И телевизор примет.

— Тогда в чем дело? — робко поинтересовалась

Эди Дорн.

— В том, что сказал Сэмми, — ответил Эл. — Не тот профиль. — Он встал, подошел к Эди и вложил монету в ее влажную ладонь. — Ну-ка, на кого похож?

— Я… я не знаю.

— Прекрасно знаешь.

— Ну ладно, знаю! — Эди резко пихнула монету назад, с отвращением от нее избавляясь.

— Это Ранситер, — объявил Эл сидящим за столом инерциалам.

Спустя некоторое время раздался едва слышный голос Типпи Джексон:

— Внеси в свой список.

Эл опустился в кресло, машинально пододвинув к себе листок бумаги.

— Действуют два процесса, — сказала Пат. — Один — старение и износ. Это очевидно, и все со мной согласятся.

— А второй? — поднял голову Эл.

— Здесь я не вполне уверена, — ответила Пат, — но второй имеет отношение к Ранситеру. Думаю, нам стоит осмотреть остальные монеты. И бумажные деньги тоже.

Сидящие за столом полезли в бумажники, сумочки и карманы.

— У меня пятикредитная банкнота, — сказал Джон Илд, — с прекрасной гравюрой мистера Ранситера. А остальные деньги, — он еще раз пересмотрел содержимое бумажника, — остальные в порядке. Хотите взглянуть на пятикредитную купюру, мистер Хаммонд?

— У меня две такие же, — ответил Эл. — У кого еще? — Он обвел взглядом присутствующих. Поднялось шесть рук. — Итак, восемь из нас имеют то, что мы можем с некоторой натяжкой назвать деньгами Ранситера. Не исключено, что к концу дня такими станут все наши деньги. Ну, пусть через два дня. Как бы то ни было, ими можно пользоваться. Их примут машины и всевозможные аппараты, кроме того, ими можно отдавать долги.

— Боюсь, что нет, — пробормотал Дон Денни. — С чего ты взял, что это, — он постучал по лежащей на столе купюре, — то, что ты называешь деньгами Ранситера, примут хоть в одном банке? Это же не ценная бумага, правительство ее не выпускало. Это — игрушечные деньги, ненастоящие.

— Ладно. — Эл кивнул. — Может, и не настоящие, может, и не примут. Вопрос не в этом.

— Вопрос в том, — подхватила Пат Конли, — что нам надо определить, в чем суть второго процес-

са, заключающегося в различных проявлениях личности Ранситера.

— Да в этом и суть! — резко бросил Дон Денни. — В его проявлениях. Некоторые монеты устаревают, а на некоторых появляется профиль или портрет Ранситера. Знаете, что я думаю? Процессы идут в противоположных направлениях. Один, можно сказать, уходящий, исчезающий. Это процесс первый. Второй — приходящий, становящийся. Но приходит то, чего никогда не было.

— Исполнение желаний, — едва слышно произнесла Эди Дорн.

— Что? — переспросил Эл.

— Может, Ранситер мечтал об этом, — пояснила Эди. — Чтобы его портрет печатали на ценных бумагах. На всех купюрах и даже на монетах. Это же величественно!

— А на спичечных этикетках? — поинтересовался Тито Апостос.

— Нет, на спичечных этикетках совсем не величественно, — согласилась Эди Дорн.

— Реклама пошла уже на спичечных коробках, — сказал Дон Денни. — Наверняка задействованы телевидение, газеты, журналы и почта. Все это так или иначе проходит через наш отдел

рекламы. Ранситер никогда не придавал этому особого значения. Думаю, и на спичечные коробки он плевать хотел. Если бы таким образом проявлялась его душа, то скорее мы увидели бы его на экране телевизора, чем на монетах или спичках.

— Может, он уже давно на экране?

— Действительно, — живо откликнулась Пат Конли. — Ни у кого из нас не было времени посмотреть телевизор.

— Сэмми, — крикнул Эл, протягивая монету, — включи телевизор!

— Даже не знаю, хочу ли я смотреть, — прошептала Эди, когда юноша опустил монету и отступил в сторону, крутя ручку настройки.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Джо Чип, и Эл увидел его лицо.

— Выключи телевизор! — Эл вскочил и направился к Джо. Все замерли. — Что случилось, Джо? — Чип молчал, и Эл повторил: — Джо, скажи, что произошло?

— Я нанял корабль, чтобы долететь сюда, — хрипло произнес Джо.

— Ты и Венди?

— За корабль надо рассчитаться. Он на крыше. У меня не хватает денег.

— Вы сумеете выписать чек? — обратился Эл к Вальтеру У. Уэйлсу.

— В этих пределах я имею право распоряжаться фондами, — сказал адвокат, поднимаясь. — Я займусь кораблем. — Взяв портфель, он вышел из комнаты.

Джо по-прежнему стоял на пороге. Элу показалось, что со времени последней встречи он постарел на добрую сотню лет.

— В моем кабинете… — Джо заморгал и отвернулся. — Не знаю, стоит ли… стоит ли на это смотреть. Когда я ее нашел, со мной был этот тип из мораториума. Он сказал, что ничего нельзя сделать. Прошло слишком много лет. — Джо повернулся и побрел к лифту. — По дороге сюда меня накачали транквилизаторами. Включили в счет. Должен сказать, чувствую я себя лучше. В некотором смысле я вообще ничего не чувствую.

Подошел лифт. Джо и Эл вошли внутрь, и до самого третьего этажа, где располагался кабинет Джо, никто не проронил ни слова.

— Не советую тебе смотреть, — пробормотал Джо, отпирая дверь. — А впрочем, как хочешь. Если я сумел перенести, то и ты выдержишь.

— Боже милосердный, — прошептал через некоторое время Эл. — Когда это произошло?

— По-видимому, все началось еще до того, как она добралась до моей комнаты. Мы, то есть директор мораториума и я, нашли в коридоре обрывки одежды. Следы вели к моей двери. Но в вестибюле с ней все еще было в порядке. Или почти в порядке. Во всяком случае, никто ничего не заметил. А в таких солидных гостиницах за входом смотрят хорошо. И то, что она смогла добраться до моей комнаты…

— По крайней мере, передвигаться она могла.

— Я думаю обо всех оставшихся, — сказал Джо.

— То есть?

— То же самое произойдет и с нами.

— Каким образом?

— Во всем виноват взрыв. И мы помрем точно так же, один за другим. Все до единого. Пока от каждого не останется пучок волос и десять фунтов высохшей кожи с костями, которые пошвыряют в пластиковый мешок.

— Хорошо, — сказал Эл. — Значит, действует некая сила, вызывающая ускоренный распад. Все началось с момента взрыва на Луне. Это мы уже знали. Теперь нам известно, что действует и контрсила, влияющая противоположным образом. Связанная каким-то образом с Ранситером. На наших деньгах появляются его портреты. На

спичечном коробке…

— Я слышал его по видеофону, — сказал Джо. — В гостинице.

— По… Не может быть!

— Не на экране, без видео. Только голос.

— Что он сказал?

— Ничего конкретного.

Эл уставился на Джо:

— А он мог тебя слышать?

— Нет. Я пытался докричаться. Но связь была односторонней. Слышать мог только я.

— Поэтому я и не мог дозвониться.

— Наверное. — Джо кивнул.

— Мы пытались включить телевизор, когда ты вошел. Представляешь, в газетах до сих пор ни слова о его смерти. Чушь какая-то.

Элу совсем не нравилось, как выглядел Джо Чип. Старый, маленький, высохший. «Неужели так оно начинается? — подумал Эл. — Мы обязаны установить контакт с Ранситером, причем двухсторонний. Он пытается выйти на связь, но…»

— Если мы хотим остаться в живых, мы должны установить контакт с Ранситером.

— По телевизору? Пустое, — сказал Джо. — Получится, как с видеофоном. Если только он не

расскажет, как с ним общаться. Не исключено, что он знает и сумеет рассказать. Может, он понимает, что происходит.

— По крайней мере, он понял, что произошло с ним. А мы этого не знаем.

«В некотором смысле Ранситер жив, — догадался Эл, — хотя в мораториуме его не смогли пробудить. Очевидно, с таким видным клиентом повозились на совесть».

— А Фогельзанг слышал его по видеофону?

— Пытался. Но разобрал только помехи, идущие очень издалека. И я их слышал. Так звучит абсолютная пустота. Странный звук, Эл.

— Не нравится мне это, — пробормотал Эл. — Знаешь, было бы лучше, если бы Фогельзанг тоже его услышал. По крайней мере, мы бы точно знали, что все именно так, что это не твоя галлюцинация.

«И, — подумал он, — не наша. Как в случае со спичечным коробком. Хотя многое никак не объяснялось галлюцинациями. Например, машины, выбрасывающие устаревшие монеты. Обыкновенные машины, реагирующие на физические раздражители. Никакой психологии. Приборы не способны фантазировать».

— Я отлучусь на некоторое время, — сказал

Эл. — Назови какой-нибудь город или городишко, не имеющий к нам отношения, где никто из нас никогда не бывал и бывать не собирался.

— Балтимор, — предложил Джо.

— Отлично, значит, я лечу в Балтимор. Я хочу посмотреть, примут ли в выбранном наугад магазине деньги Ранситера.

— Купи мне нормальных сигарет, — сказал Джо.

— Обязательно. Заодно проверим, не подвержены ли процессу выбранные наугад в Балтиморе сигареты. И другие продукты. Я проведу контрольные закупки. Хочешь полететь со мной? Или поднимешься и расскажешь им про Венди?

— Я полечу с тобой.

— Может, им и не стоит про нее рассказывать?

— Думаю, придется. Тем более что это может повториться. Это может произойти до нашего возвращения. Может быть, это происходит уже сейчас.

— Тогда давай поторопимся с Балтимором. — Эл быстро вышел из кабинета, Джо Чип последовал за ним.

Глава 9

У вас сухие, непокорные волосы? Вы не знаете, что делать? Втирайте крем для волос Убик! Уже через пять дней волосы окрепнут и залоснятся.
Помните: если пользоваться аэрозолем Убик по инструкции, он совершенно безопасен.

Они выбрали супермаркет «Счастливые люди» на окраине Балтимора.

— Пачку «Пэл-Мэл», — бросил Эл кассиру-компьютеру.

— «Вингз» дешевле, — проворчал Джо.

— «Вингз» уже давно не выпускают, — раздраженно ответил Эл.

— Выпускают. Просто не рекламируют. Классные сигареты, которым, кстати, и реклама не нужна. Замените «Пэл-Мэл» на «Вингз», — сказал Джо кассиру.

Пачка сигарет скользнула по желобу и упала на прилавок.

— Девяносто пять центов, — произнес компьютер.

— Возьмите десять кредиток. — Эл сунул в кассу банкноту, и аппарат зажужжал, проверяя ее на подлинность.

— Сдача, сэр. — Перед Элом выросла аккуратная горка монет и бумажных денег. — Пожалуйста, проходите.

«Значит, деньги Ранситера принимают», — подумал Эл, уступая место следующему покупателю — дородной пожилой женщине в темно-синем пальто. Он осторожно раскрыл пачку.

Сигареты рассыпались при первом же прикосновении.

— Это бы о чем-то говорило, если бы мы купили «Пэл-Мэл». Я попробую еще раз.

Эл попытался снова встать в очередь, когда заметил, что тетка в темно-синем пальто отчаянно ругается с электронным кассиром.

— Он погиб еще по дороге домой. Вот, полюбуйтесь! — Она установила на прилавок горшок с безжизненной азалией.

— Я не могу его заменить, — произнес кассир, — мы не даем гарантии на покупаемые у нас растения. В данном случае мы считаем, что покупатель должен видеть, что он берет. Пожалуйста, проходите.

— А «Сэтердэй ивнинг пост», который я купила

вчера в вашем киоске, — не унималась покупательница, — он ведь оказался годовой давности! Что у вас происходит? Я уже не говорю о марсианских червях…

— Следующий, — произнес аппарат, больше не обращая на нее внимания.

Эл вышел из очереди и обежал магазин, пока не натолкнулся на уставленную сигаретами полку. Здесь были представлены все мыслимые сорта, на восемь или более футов от пола возвышались пачки и блоки.

— Возьми блок «Домино», — сказал Джо. — У них такая же цена, как у «Вингз».

— Боже! — простонал Эл. — Не бери ты всякое дерьмо, лучше «Винстон» или «Кулз»… Пустой. — Он потряс взятый со стенда блок. — По весу чувствую, пустой.

Внутри, однако, что-то болталось, маленькое и легкое. Эл разорвал упаковку.

Там оказалась свернутая в трубочку записка. Почерк был хорошо знаком ему и Джо. Эл развернул записку, и они прочитали:

Нам крайне необходимо встретиться. Ситуация весьма серьезна и со временем осложнится еще больше. Существует

несколько объяснений, которые мы обсудим позже. Что бы ни произошло — не сдавайтесь. Мои соболезнования по поводу кончины Венди Райт. В этом случае мы сделали все, что в наших силах.

— Значит, он знает про Венди, — прошептал Эл. — Что ж, может, тогда этого больше не произойдет. С нами, оставшимися.

Выбранный наугад блок сигарет в случайном магазине в случайном городе. И в нем — послание Глена Ранситера. А что в остальных пачках? Эта же записка?

Эл схватил блок «L&M», потряс его и разорвал. Внутри, как обычно, лежали два ряда сигаретных пачек по десять штук.

— Как видишь, здесь все в порядке, — проворчал Джо, вытаскивая блок из глубин полки. — Полный. — Джо впихнул его на место и вытащил следующий. Потом еще один.

Во всех коробках были пачки с сигаретами.

И все сигареты рассыпались в прах при первом прикосновении.

— Интересно, как он узнал, что мы сюда приедем? — спросил Эл. — И как он узнал, что мы возьмем именно этот блок?

«Логики — никакой, — подумал Эл, — но и здесь прослеживается действие двух противоположных сил: распад против Ранситера. Повсюду. Может быть, по всей Вселенной. Это солнце погаснет, и Глен Ранситер заменит его другим. Если сможет. В этом и весь вопрос — много ли может Ранситер? С другой стороны, как далеко зайдет процесс распада?»

— Давай проверим что-нибудь еще, — предложил Эл. Он прошел по всему магазину, мимо полок с консервами, банками, коробками и упаковками, пока не оказался в секции бытовых электроприборов. Там, повинуясь импульсу, взял дорогой германский магнитофон.

— Вот этот вроде бы нормально смотрится, — бросил он Джо и тут же снял с полки еще один, в коробке. — Давай купим и заберем с собой в Нью-Йорк.

— Ты даже не хочешь открыть и проверить? — поинтересовался Джо.

— По-моему, я уже знаю, что мы обнаружим, — ответил Эл и потащил магнитофон к кассе.

Вернувшись в Нью-Йорк, они первым делом занесли магнитофон в мастерскую Корпорации Ранситера.

Спустя пятнадцать минут техник представил

свое заключение: «Лентопротяжный механизм полностью изношен. Резиновый шкив протерт, механизм засорен мелкими кусочками резины. Тормозов прямой и обратной перемотки практически нет. Вследствие длительной эксплуатации магнитофон полностью пришел в негодность и требует чистки, смазки и замены основных частей».

— Сколько, по-вашему, он был в употреблении? — спросил Эл. — Несколько лет?

— Не меньше.

— Я купил его сегодня.

— Не может быть, — сказал техник. — Или вам продали…

— Я знаю, что мне продали, — перебил Эл. — Знал еще до того, как открыл коробку. — Повернувшись к Джо, он добавил: — Новый фирменный магнитофон полностью изношен. Купленный на ненастоящие деньги, которые принимают в этом магазине. Обесцененные деньги за обесцененную покупку. Определенная логика в этом есть.

— Ну и денек выдался сегодня, — вздохнул техник. — Просыпаюсь, а попугай сдох.

— Из-за чего?

— А кто его знает. Сдох, и все. Загнул коготочки… Я вам кое-что скажу по поводу вашего

магнитофона. — Техник погрозил Элу костлявым пальцем. — Он не так изношен, как просто стар. Ему не меньше сорока лет. Резиновые ролики уже давно не используют, так же как и ременную передачу. Так что запчастей вы для него не достанете, если только кто-нибудь не изготовит их вручную. В любом случае толку не будет, эта рухлядь все равно рассыплется. Плюньте на нее.

— Вы правы, — согласился Эл. — Я так и сделаю. — Они с Джо вышли из мастерской в коридор. — Мы столкнулись не просто с износом. Речь идет о другом. Где брать пригодную для еды пищу? Что из имеющегося в продаже может храниться так долго?

— Консервы, — ответил Джо. — Кстати, я видел много консервных банок в супермаркете Балтимора.

— Теперь понятно почему. — Эл кивнул. — Сорок лет назад продавалось значительно больше консервированных товаров, чем замороженных. Не исключено, что это станет нашим основным источником питания. — Эл погрузился в раздумья. — Но время изменилось. Если за один день произошел такой скачок — с двух лет до сорока, — то к завтрашнему дню все может состариться на сотню лет. А сто лет никакая пища не сохранится,

как бы ее ни консервировали.

— Китайские яйца, — сказал Джо. — Их зарывали в землю на тысячи лет.

— Причем это происходит не только с нами, — продолжал Эл. — Та пожилая женщина в Балтиморе, на ее покупки это тоже повлияло, на азалию, помнишь?

«Неужели весь мир будет голодать из-за произошедшего на Луне взрыва? — подумал он. — Почему это влияет на всех, а не только на нас?»

— Может, Балтимор существует, только когда кто-нибудь из нас там находится? Вдруг только мы, побывавшие на Луне, испытываем все это?

— Философское построение, не имеющее ни смысла, ни значения, — отрезал Джо. — И абсолютно бездоказательное.

— Для той женщины в синем пальто это, пожалуй, имеет значение, — едко заметил Эл. — Да и для остальных тоже.

Открылась дверь, и из мастерской вышел техник.

— Я только что заглянул в инструкцию к вашему магнитофону, — пробормотал он, протягивая Элу брошюру. Его лицо выражало смешанные чувства. — Взгляните. — Техник тут же вырвал инструкцию из рук. — Можете все не читать,

посмотрите вот сюда, на последнюю страницу, здесь указано, где сделали проклятую штуковину и кому направлять претензии.

— Изготовлено фирмой Ранситера в Цюрихе, — прочитал вслух Эл. — Мастерская по ремонту в Североамериканской Конфедерации находится в городе Де-Мойне. Тот же город, что и на спичечном коробке. — Эл передал инструкцию Джо.

— Едем туда.

«Интересно, почему Де-Мойн?» — подумал он.

— Ты не помнишь, был ли Ранситер как-либо связан с Де-Мойном?

— Родился там. И прожил первые пятнадцать лет. Он частенько вспоминал об этом.

— Значит, сейчас, после смерти, он туда вернулся. В определенном смысле.

«Ранситер в Цюрихе, — думал Эл. — И в Де-Мойне. В Цюрихе отмечен метаболизм его мозга, там в Мораториуме Возлюбленных Собратьев находится его замороженное тело, и там тем не менее до него не добраться. В Де-Мойне его физически нет, но, очевидно, контакт состоится именно там, по сути дела, он уже установлен при помощи этого буклета с инструкцией. Во всяком случае, есть односторонняя связь — от него к нам. А мир между тем приходит в упа-

док, сворачивается, на поверхность выплывают минувшие пласты бытия. К концу недели мы можем, проснувшись, обнаружить на Пятой авеню старинные позвякивающие трамваи».

— Давай поднимемся и посмотрим, как там наши, — сказал Джо. — Прежде чем отправиться в Де-Мойн.

— Если мы не отправимся в Де-Мойн немедленно, — возразил Эл, — поездка может занять целый день, а то и два.

«Регрессу подвергнутся и способы перемещения, — подумал он. — От ракетной тяги к реактивному самолету, от реактивного самолета к пропеллеру, потом угольные паровозы, повозки на конной тяге… Нет, вряд ли до этого дойдет. Хотя в руках у нас сорокалетней давности магнитофон с лентопротяжкой на резиновых роликах и пассиках. Может, и дойдет».

Эл и Джо быстро направились к лифту. Джо нажал кнопку, и они застыли в ожидании, погруженные каждый в свои мысли.

С лязгом остановился лифт. Эл вышел из оцепенения и машинально распахнул железные решетчатые двери.

Перед ним оказалась открытая кабина с полированными медными поручнями. В углу с

сонным видом сидел на стуле лифтер в униформе. Он равнодушно взглянул на них и потянулся к тумблеру. Эла передернуло.

— Не входи! — Он схватил Джо за рукав. — Ты посмотри и вспомни, на каком лифте мы спускались! Гидравлический, закрытый, бесшумный, без…

Эл осекся, ибо древнее лязгающее сооружение растворилось, а на его месте возник привычный лифт. Старый, однако, не исчез совершенно, дрожал на периферии зрения, словно готовясь снова материализоваться, как только Эл и Джо ослабят внимание. «Он хочет вернуться, — понял Эл. — Он намерен вернуться. Мы можем это отсрочить, но составляющая направленных в прошлое сил начинает доминировать. Старое наступает быстрее, чем мы предполагали. Сейчас в один момент могут пролететь сто лет. Этот лифт был столетней давности.

И тем не менее мы, похоже, способны в некоторой степени контролировать процесс. Нам все-таки удалось вернуть современный лифт. Если мы соберемся все вместе, объединив не два, а двенадцать сознаний…»

— Что тебе померещилось? — спросил Джо. — Почему ты запретил мне входить?

— Ты что, не видел старого лифта? Открытая кабина, медь — все на уровне тысяча девятьсот десятого года! И лифтер на стуле!

— Нет.

— Хоть что-нибудь ты видел?

— Вот это. — Джо показал перед собой. — Обычный лифт, на котором я каждый день езжу на работу. Я видел то, что вижу всегда, то, что вижу сейчас.

Джо вошел в лифт.

«Наше восприятие становится различным, — понял Эл. — Интересно, что это означает?»

Ему стало не по себе. Он почувствовал темную, страшную угрозу, будто произошла самая ужасная перемена с момента смерти Ранситера. Они стали изменяться с разной скоростью. Кольнуло острое интуитивное прозрение, что именно это испытывала перед смертью Венди Райт.

«Интересно, сколько осталось мне?» — подумал Эл.

Он вдруг ощутил коварное, всепроникающее похолодание, которое давно подкрадывалось к нему и всему окружающему миру. Вспомнились последние минуты на Луне. Холод исказил очертания предметов. Ледяные пузыри коробили поверхности, раздувались и громко лопались.

В открытые раны затекало студеное дыхание и пробиралось внутрь, к сердцевине, к самой сути, которая делала все вещи живыми. К ледяной пустыне с застывшими валунами подступила тьма, на миг ослепив его полностью.

«Но ведь все это, — подумал Эл, — только мое восприятие. На самом деле Вселенная не похоронена под пластами ветра, холода и льда, они внутри меня, хотя мне кажется, что я вижу их снаружи. Как странно. Неужели внутри меня целый мир? Заточенный в моем теле?.. Наверное, так ощущается смерть, — сказал он себе. — Моя неопределенность, погружение в энтропию — это процесс, а лед — результат этого процесса. Когда меня не станет — исчезнет целый мир. Может быть, я смогу во всем разобраться, если просто прилягу и отдохну, найду в себе силы все обдумать».

— Что случилось? — спросил Джо.

— Ничего, — коротко ответил Эл. Лифт продолжал подниматься. Больше они не разговаривали.

Войдя в конференц-зал, Джо сообразил, что Эла с ним нет.

Обернувшись, он увидел его в конце коридора. Эл застыл на месте и не двигался.

— В чем дело? У тебя все в порядке?

— Я устал, — вздохнул Эл.

— Ты неважно выглядишь. — Джо стало не по себе.

— Мне надо в туалет. Ты иди к остальным, посмотри, все ли в порядке, а я скоро подойду. — Эл сделал несколько неуверенных шагов. — Все будет хорошо. — Он неуклюже пошел по коридору, словно едва видел дорогу.

— Я тебя провожу.

— Только плесну теплой воды в лицо, — пробормотал Эл, толкая дверь туалета.

«Что-то с ним случилось, — подумал Джо, стоя в коридоре. — Увидев старый лифт, он изменился. Интересно, почему?»

В дверях показался Эл.

— Что? — выдохнул Джо, увидев выражение его лица.

— Взгляни. — Эл ввалился внутрь и показал на стену: — Граффити. В туалетах всегда пишут на стенах. Ты прочти.

Карандашом или фиолетовой пастой на стене было написано:

Прыгай с писсуара, бейся головой,
Все равно вы мертвые, а я живой.

— Ты узнал? — прошептал Эл. — Почерк Ран-

ситера.

— Да. — Джо кивнул. — Это Ранситер.

— Ну вот мы и знаем правду.

— Это правда?

— Конечно. Теперь уже ясно.

— Ну и способ, черт побери, узнавать истину. Со стены туалета. — Джо стало просто обидно.

— На стенах так и пишут. Коротко и ясно. Мы могли месяцами читать газеты, смотреть телевизор, прислушиваться к видеофону — и ни о чем не догадываться. Пока бы нам прямо не сказали.

— Но мы не мертвые! — воскликнул Джо. — Кроме Венди.

— Мы в полужизни. Может, еще на «Пратфоле-два», может, возвращаемся на Землю после того, как взрыв убил нас — нас, не Ранситера. А он пытается принять поток наших протофазонов. Пока что у него не выходит, никак не установить обратную связь. Но он к нам пробивается. Мы наталкиваемся на него повсюду, даже в случайно выбранных местах… Меня тошнит. — Эл склонился над раковиной, открыл кран и плеснул водой в лицо. Джо видел, что вода не теплая: в струе сверкали и потрескивали льдинки. — Ты ступай в конференц-зал. Я подойду, когда мне полегчает, если мне вообще когда-нибудь станет легче.

— Я лучше побуду с тобой.

— Нет, черт побери, оставь меня! Слышишь? — С посеревшим, искаженным гримасой лицом Эл вытолкнул Джо в коридор. — Иди, иди, проверь, как там все!

Эл кинулся обратно в туалет. Джо заметил, как он схватился за глаза и согнулся. Дверь закрылась.

— Ну ладно, — с сомнением пробормотал Джо. — Побуду с остальными в конференц-зале… Эл?

Джо прислушался. «Боже, с ним действительно происходит что-то страшное!»

— Я должен убедиться, что с тобой все в порядке! — С этими словами он распахнул дверь.

Спокойно и едва слышно Эл произнес:

— Слишком поздно, Джо. Не смотри.

Внутри было темно. Очевидно, Элу каким-то образом удалось выключить свет.

— Ты мне ничем не поможешь. — Голос Эла был слаб, но не дрожал. — Нам не следовало отделяться от остальных; из-за этого погибла Венди. Ты, может, проживешь еще немного, если найдешь их и будешь с ними неотлучно. Скажи им это, пусть все поймут! Ты сам понял?

Джо потянулся к выключателю.

Слабый, невесомый удар остановил в темноте его руку. Джо в ужасе ее отдернул, потрясенный бессилием Эла. Теперь ему стало ясно. Он мог и не смотреть.

— Я пойду к остальным, — сказал Джо. — Я все понял, да. Тебе очень плохо?

— Нет, — спустя некоторое время донесся шепот. — Не плохо, просто я…

Наступила тишина.

— Может, еще увидимся, — пробормотал Джо. Он понял, что сказал нелепость, и пришел в отчаяние от того, что несет такую чушь. Но ничего другого ему не оставалось.

— То есть я надеюсь, — начал Джо, хотя знал, что Эл его уже не слышит, — надеюсь, тебе станет лучше. Я приду, проведаю тебя после того, как расскажу им про надпись на стене. Я им скажу, чтобы они не входили и не смотрели, потому что это может… — Джо запнулся, подбирая слова. — Они могут потревожить тебя.

Ответа не было.

— Ну пока, — пробормотал Джо и вышел из темноты туалета.

Нетвердой походкой он добрел до конференц-зала, остановившись на мгновение, глубоко, судорожно вдохнул и толкнул дверь.

По телевизору шла реклама моющих средств. На огромном цветном трехмерном экране домохозяйка, критически рассмотрев полотенце из шкуры выдры, резким, пронизывающим голосом провозгласила, что такому в ее ванной не место. Возникло изображение ванной комнаты — на стене тем же знакомым почерком было написано:

Ныряйте глубже в таз с водой.

Вы все мертвы, а я живой.

Телевизор во всем конференц-зале смотрел только один человек. Джо стоял в центре совершенно пустой комнаты.

Остальные, вся группа, ушли.

Он стоял и думал, куда они подевались. И хватит ли у него жизни, чтобы их найти. Это казалось маловероятным.

Глава 10

Если запах пота всерьез мешает вам жить, воспользуйтесь дезодорантом Убик. В аэрозоле или тюбике. Все невзгоды останутся позади, вы вернетесь в гущу событий.
Безопасен, если применять согласно тщательно разработанной схеме.

Диктор произнес:

— А теперь снова программа новостей Джима Хантера.

На экране возникло бодрое лицо телекомментатора.

— Сегодня Глен Ранситер вернулся в свой родной город, хотя вряд ли такое возвращение порадовало чье-либо сердце. Вчера Корпорация Ранситера, по-видимому, крупнейшая на Земле защитная организация, пережила настоящую трагедию. Глен Ранситер был смертельно ранен в результате террористического акта на одном из неустановленных лунных объектов и погиб прежде, чем его останки успели поместить в саркофаг. В Мораториуме Возлюбленных Собратьев

в Цюрихе, куда было доставлено тело Ранситера, приняли все меры, чтобы пробудить погибшего к полужизни, однако ничего сделать не удалось. После того как стало окончательно ясно, что оживить его не удастся, тело Ранситера перевезли сюда, в Де-Мойн, где оно найдет упокоение на кладбище Невинного Пастыря.

На экране возникло старинное деревянное здание и множество суетящихся вокруг людей.

«Интересно, кто дал распоряжение насчет Де-Мойна?» — подумал Джо.

— Печальное, но твердое решение приняла супруга Глена Ранситера, — продолжал комментатор. — Миссис Элла Ранситер, сама находящаяся в саркофаге, была пробуждена, чтобы выслушать страшную новость о судьбе своего супруга. Она мечтала, что мистер Ранситер присоединится к ней, но реальность развеяла эти надежды. Элла дала разрешение прекратить попытки оживления Ранситера.

На короткое время на экране возникло лицо Эллы Ранситер, фотография была сделана при ее жизни.

— Скорбящие сотрудники Корпорации Ранситера собрались на траурную церемонию, чтобы воздать последние почести усопшему.

Камера показала крышу кладбища, на которую только что приземлился корабль. Из открывшегося люка начали спускаться мужчины и женщины. Репортер выставил микрофон и ринулся вперед.

— Простите, сэр, помимо того, что вы работали у Ранситера, можете ли вы сказать что-нибудь о нем как о человеке?

Моргая, как сова на солнце, Дон Денни загудел в протянутый микрофон:

— Мы все знали Глена Ранситера как человека, как очень хорошего человека и гражданина. Мы ему верили. Не сомневаюсь, что остальные меня поддержат.

— Все ли сотрудники мистера Ранситера или, лучше сказать, бывшие сотрудники здесь, мистер Денни?

— Да, почти все. Мистер Лен Ниггельман, председатель Защитного общества, разыскал нас в Нью-Йорке и сообщил, что ему известно о гибели мистера Ранситера. От него же мы узнали, что тело доставлено в Де-Мойн. Не все, однако, смогли приехать, в частности инерциалы Эл Хаммонд и Венди Райт, а также специалист фирмы по замерам мистер Чип. Их не было в тот момент в Нью-Йорке. В настоящее время мы точно не знаем, где они находятся, хотя надеемся, что с

помощью…

— Конечно, — подхватил комментатор, — наша программа транслируется через систему спутниковой связи по всей Земле, и я надеюсь, они нас смотрят и вылетят сюда, в Де-Мойн, на этот торжественный и скорбный ритуал, чего, я уверен, очень хотели бы мистер и миссис Ранситер. А мы возвращаемся в студию, где нас ожидает Джим Хантер.

Возникший на экране Джим Хантер объявил:

— Как сообщается в опубликованном сегодня заявлении пресс-службы Рэя Холлиса, чьи психически одаренные сотрудники являются объектом инерциального подавления и, следовательно, главной мишенью защитных организаций, мистер Холлис скорбит о безвременной кончине Глена Ранситера и хотел бы, по возможности, присутствовать на его похоронах в Де-Мойне. Вероятнее всего, Лен Ниггельман, представляющий Защитное общество, воспротивится его желанию, поскольку, по заявлению представителя одной из защитных организаций, первоначальной реакцией на смерть Ранситера со стороны Холлиса было плохо скрытое облегчение.

Комментатор Хантер выдержал паузу, взял лист бумаги и произнес:

— Теперь о других новостях…

Джо Чип нажал ногой на педаль выключения телевизора, и экран погас.

«Это не соответствует надписям на стенах, — подумал Джо. — Может быть, Ранситер все-таки мертв. Так думают люди с телевидения. Так считает Рэй Холлис. И Лен Ниггельман. Все считают его мертвым, противопоставить этому мы можем только два рифмованных куплета, которые мог нацарапать кто угодно, что бы там ни думал Эл».

Джо больше не нажимал на педаль, однако, к его великому удивлению, экран засветился снова. Кроме того, начали переключаться каналы. Кадры мелькали один за другим, пока наконец таинственная сила не удовлетворилась, и последний кадр застыл.

Лицо Глена Ранситера.

— Устали от безвкусной жвачки? — прогудел Ранситер знакомым мрачным голосом. — Ваше меню свелось к вареной капусте? Все тот же затхлый, безрадостный запах, каким пахнет утро в понедельник, преследует вас, сколько бы монет вы ни бросили в электропечь? Вам поможет Убик. Убик возвращает аромат и первоначальный здоровый вкус.

На экране вместо лица Ранситера появился

яркий баллончик.

— Одно легкое нажатие на колпачок — и импульсивные навязчивые страхи перед превращением всего мира в скисшее молоко, изношенные магнитофоны, старые лифты и прочие проявления распада улетучиваются. Как известно, распад мира регрессивного типа часто ощущается попавшими в полужизнь, причем, как правило, на начальных этапах, когда связь с подлинной реальностью еще довольно сильна. Какая-то часть Вселенной задерживается наподобие остаточного заряда, она воспринимается как псевдореальность, довольно, впрочем, нестабильная, без какой-либо энергетической подпитки. Это в особенности верно, когда происходит слияние нескольких систем памяти, как, например, в вашем случае. Но с помощью нового, современного, невероятно мощного Убика все можно изменить!

Джо медленно опустился в кресло, не в силах отвести глаз от телевизора. По экрану причудливой спиралью летал баллончик, разбрызгивая Убик. Мультфильм сменился домохозяйкой с лошадиной мордой. Вперив в Джо жесткий взгляд, она обнажила огромные зубы и проревела медным голосом:

— Я лично прибегла к помощи Убика, перепробовав все старые, выдохшиеся средства по поддержанию реальности. Мои горшки и сковородки превращались в кучи ржавчины. Полы в квартире просели. А мой муж Чарли вообще проткнул насквозь дверь в спальню, когда толкнул ее ногой. Но сегодня у меня современный, экономичный, чудодейственный Убик. Посмотрите на холодильник. — На экране возник старинный холодильник в форме башенки. — Ну как? Он устарел не меньше чем на семьдесят лет!

— На шестьдесят два, — машинально поправил Джо.

— А теперь глядите! — Домохозяйка направила на холодильник струю из баллончика. Вокруг древней конструкции засиял волшебный нимб, и в одно мгновение взгляду предстал современный шестидверный платный холодильник во всей своей красе.

— Да, — многозначительно произнес голос Ранситера, — успехи передовой науки позволяют обратить вспять процесс возвращения материи в свои ранние формы, причем по вполне доступным ценам. Не принимать внутрь. Хранить вдали от огня. Не отклоняться от напечатанной на этикетке последовательности действий. Так

что ищи Убик, Джо. Не сиди, найди баллончик и обрызгивай все вокруг день и ночь.

Джо поднялся и громко произнес:

— Вы обращаетесь ко мне. Значит ли это, что вы видите и слышите меня?

— Ну конечно, нет. Это записанный на пленку рекламный ролик. Я смонтировал его две недели назад, точнее, за двенадцать дней до своей смерти. Я узнал о взрыве бомбы, воспользовавшись услугами прогностов.

— Значит, вы действительно мертвы.

— Разумеется, мертв! Ты что, не видел репортажа из Де-Мойна?

— А надписи на стенах?

— Еще одно проявление распада, — прогудел с экрана Ранситер. — Купи баллончик Убика, и все прекратится.

— Эл думает, что мы умерли, — сказал Джо.

— Эл распадается. — Ранситер разразился глубоким, вибрирующим смехом. — Послушай, Джо, я записал эту проклятую рекламу, чтобы помочь тебе, мы всегда были друзьями. Я знал, что ты растеряешься, как, собственно, и получилось. Это неудивительно, учитывая твое обычное состояние. Не сдавайся, Джо. Может, когда доберешься до Де-Мойна и увидишь мое мертвое тело, ты

успокоишься.

— Что из себя представляет Убик?

— По-моему, Элу уже не помочь.

— Из чего состоит Убик? Как он действует? — повторил Джо.

— Не исключено, что Эл стимулировал появление этих надписей. Если бы не он, ты бы их никогда не увидел.

— Вы в самом деле на видеопленке, да? Вы меня не слышите?

— Кроме того, Эл… — продолжал Ранситер.

— Бред, — прошептал Джо в отчаянии. Все было бесполезно.

Он сдался.

На экран, завершая рекламный ролик, вернулась домохозяйка с лошадиной челюстью. Смягчившимся голосом она проскрипела:

— Если в обслуживающем ваш дом магазине не оказалось Убика, возвращайтесь в свою квартиру, мистер Чип. Там вас ожидает бесплатный образец. Он поддержит вас до того момента, когда вы сможете приобрести полноценный баллончик.

Экран погас. Сила, которая включила телевизор, теперь его выключила.

«Значит, я должен винить во всем Эла», — подумал Джо. Подобная мысль ему не понравилась,

чувствовалась предвзятость и нарочитая направленность логики. Смешанный с грязью Эл — причина всего, Эл — козел отпущения. «Бессмысленно», — сказал про себя Джо. Но мог ли все-таки Ранситер его слышать? Или он притворялся, что записан на пленку? Ведь какое-то время Ранситер отвечал на его вопросы и только в самом конце рекламного ролика заговорил невпопад… Джо показался себе ничтожной мошкой, колотящейся о стекло, за которым тускло просматривается настоящая реальность.

Его потрясла вдруг жуткая догадка. А что, если Ранситер сделал видеозапись, полагаясь на неточную информацию прогноста о том, что взрыв убьет его, а не остальных? И пленка записана с самыми лучшими намерениями, но ошибочно? Это они умерли, как написано на стене туалета, а Ранситер до сих пор жив. Просто велел прокрутить запись в это время и не смог отменить собственное распоряжение. Это объясняло несоответствие между тем, что он говорил с экрана, и надписями на стенах. И это, насколько понимал Джо, было единственное объяснение.

Если только Ранситер не затеял с ними зловещую игру, направляя их то в одну, то в другую сторону. Чудовищная, сверхъестественная сила

обрушилась на их жизни. Она исходила из мира живых или полуживых, а может быть, из того и из другого. Во всяком случае, она контролировала все их ощущения. «Кроме распада, — решил Джо. — Хотя почему? Может, и распад тоже. Только Ранситер не хочет того признать».

Ранситер и Убик. Ubique. От слова ubiquity — вездесущность.

Джо неожиданно догадался, как возникло название аэрозоля Ранситера, которого, скорее всего, на самом деле нет. Очередная мистификация, попытка еще больше их запутать.

Кстати, если Ранситер жив, то, значит, существует не один, а два Ранситера: настоящий, пытающийся связаться с ними из реального мира, и воображаемый, здесь, в мире полуживых, чье тело покоится сейчас в Де-Мойне, столице штата Айова.

Следуя этой логике до конца, нужно признать, что и все прочие находящиеся здесь люди, например Рэй Холлис и Лен Ниггельман, тоже воображаемые, в то время как их прототипы остались в мире живых.

«Свихнуться можно», — подумал Джо Чип. Происходящее нравилось ему все меньше. «Смотаюсь к себе, — решил он, — возьму бесплатный

образец и двину в Де-Мойн. В конце концов, так предложили поступить по телевизору. А баллончик никогда не помешает, как сказано в навязчивой, остроумной рекламе. Приходится обращать внимание на подобные указания, — подумал Джо, — если хочешь остаться живым… или полуживым. Это уж как придется».

Он выпрыгнул из такси на крышу своего дома и на эскалаторе доехал до квартиры. Дверь помогла открыть монетка, полученная от Эла. Или от Пат?

В гостиной стоял забытый с детства слабый запах горелого жира. На кухне Джо понял причину: изменениям подверглась плита. Она превратилась в старинную модель, под природный газ, с легко засоряющимися конфорками и плохо пригнанной инкрустированной дверцей духовки.

Джо ошарашенно глядел на старую, изношенную плиту, пока не обнаружил, что прочие кухонные приборы изменились подобным же образом. Привычный тостер распался на его глазах, оформившись в причудливый агрегат; хлеб надо было закладывать вручную, автоматического выброса не было. В углу басовито гудел невероятных размеров холодильник на ременной передаче, реликт из бог весть каких времен, еще

более древний, чем башенная модель, которую Джо видел по телевизору. Меньше всех изменился кофейник. В некотором смысле он даже усовершенствовался: исчез монетоприемник, и пользоваться им можно было бесплатно.

Это, кстати, относилось и ко всем прочим приборам. К тем, что остались. Джо попытался вспомнить, что тут еще было, но и память заметно ослабела, и Джо вернулся в гостиную.

Телевизор устарел невероятно. Даже не телевизор. Просто ящик темного дерева с антенной и заземлением — старинный средневолновый радиоприемник с ручной настройкой. «Боже милосердный», — прошептал Джо, испугавшись не на шутку.

Почему телевизор не превратился в кучу бесформенного металла и пластмассы? В конце концов, он сделан из них, а не из древнего приемника. Неужели так зловеще подтверждалась забытая античная философия, платоновские представления о сути вещей? Сама форма телевизора — это шаблон, навязанный серией предыдущих шаблонов, наподобие последовательности кадров при киносъемке. В каждом предмете, рассуждал Джо, сохраняются прежние формы, теплится минувшая жизнь. Прошлое

застыло, ушло вглубь, но оно всегда здесь, готовое пробиться на поверхность, как только поздние наслоения в силу неудачного стечения обстоятельств и наперекор привычному ходу вещей начнут распадаться. В мужчине хранится не мальчик, а предыдущие мужчины, понял Джо. История началась очень давно.

Высохшие останки Венди. Нормальная последовательность форм оборвалась. Последняя форма распалась, и ничего не пришло на смену, ничего, что можно было бы рассматривать как рост или следующую фазу. Так, очевидно, ощущается нами старость. Отсутствие смены приводит к дряхлению и упадку. Только в данном случае все произошло мгновенно, за несколько часов.

Но эта древняя философия… Разве Платон не допускал, что есть нечто, не поддающееся распаду, незыблемая внутренняя суть? Извечный дуализм: противоречие тела и духа. Тело завершает свой путь, как Венди, а душа… душа вылетает подобно птице из гнезда. Может быть, и так, подумал Джо.

Последует новое рождение, как учит тибетская Книга Мертвых.

Господи, если бы это было правдой. Ведь тогда мы все снова встретимся. Как в «Винни Пухе»,

просто в другой части леса, где всегда будут играть мальчик и его медвежонок…

Бессмертная категория. Мы найдем своего Винни Пуха, только в более ясном и надежном мире.

Из любопытства Джо включил доисторический приемник. Желтая целлулоидная шкала засветилась, послышался шум, и наконец среди статических помех и писка пробилась радиостанция.

— В эфире «Семья Пеппер Янг», — объявил диктор, и заиграл орган. — Представляет фирма «Кэми», мыло для очаровательных женщин. Вчера Пеппер совершенно неожиданно обнаружил, что завершился многомесячный труд…

Джо выключил радио. Мыльная опера кануна Второй мировой войны, подивился он про себя. Что ж, это укладывается в логику обращения форм, царившую в этом гибнущем полумире, или где он там находится.

Оглядев гостиную, Джо заметил крытый стеклом журнальный столик на витых ножках, а на нем тоже довоенный номер «Либерти». Журнал публиковал фантастический сериал «Молнии в ночи» — о будущей атомной войне. Джо рассеянно полистал страницы, потом снова оглядел комнату, пытаясь определить прочие перемены.

Жесткое бесцветное покрытие пола сменилось широкими деревянными половицами. Посередине лежал выцветший турецкий ковер, пропитанный многолетней пылью.

На стене осталась единственная картина — черно-белая гравюра в рамке под стеклом — умирающий индеец на лошади.

Раньше Джо ее никогда не видел. Никаких воспоминаний картинка не пробуждала.

На месте видеофона стоял черный прямоугольный аппарат с вешающейся на рычаг трубкой. Без диска. Джо снял трубку, и женский голос произнес: «Номер, пожалуйста». Джо повесил трубку.

Система отопления исчезла. В углу комнаты громоздился газовый обогреватель, широкая жестяная труба поднималась по стене почти до самого потолка.

В спальне Джо заглянул в шкаф и обнаружил черные вельветовые туфли, шерстяные носки, бриджи, голубую хлопковую рубашку, спортивный пиджак из верблюжьей шерсти и кепку для гольфа. Он выложил на кровать предназначенный для более официальных случаев темно-синий костюм в полоску, подтяжки, широкий цветной галстук и белую рубашку с целлулоидным воротничком. «Боже, — подумал

он, натолкнувшись на сумку с клюшками для гольфа, — какая древность!»

Джо снова вернулся в гостиную. На сей раз он обратил внимание на то место, где раньше стояла его полифоническая система: тюнер точной настройки с мультиплексором, вертушка с невесомым звуконосителем, динамики, многоканальный усилитель — все исчезло. Вместо музыкального центра торчат высокий коричневый деревянный ящик с коленчатой ручкой и набором бамбуковых игл. Джо разгадал способ звуковоспроизведения, не поднимая крышки. Возле ящика лежала пластинка с черным кружком фирмы «Виктор» на 78 оборотов. Турецкие мелодии в исполнении оркестра Рея Нобеля.

Все, что осталось от его коллекции дисков. Завтра, может быть, возникнет фонограф с восковым цилиндром. Для извлечения звука придется крутить рукоятку и распевать религиозные псалмы.

Внимание Джо привлекла лежащая поверх всякого хлама газета.

Он взглянул на дату: вторник, 12 сентября 1939 года.

ФРАНЦУЗЫ СООБЩАЮТ, ЧТО ЛИНИЯ ЗИГФРИДА ПРОРВАНА.

КРУПНЫЙ
УСПЕХ В РАЙОНЕ СААРБРЮКЕНА.

«Интересно, — подумал Джо. — Вторая мировая война только что началась. Французам кажется, что они побеждают».

Он прочел следующий заголовок:

ГЕРМАНСКИЕ ВОЙСКА ОСТАНОВЛЕНЫ В ПОЛЬШЕ.
ЗАХВАТЧИКИ БРОСАЮТ В БОЙ НОВЫЕ СИЛЫ, НЕ ДОБИВАЯСЬ ПРИ ЭТОМ НОВЫХ УСПЕХОВ.

Газета стоила три цента. Это тоже удивило Джо. Что сейчас купишь за три цента? Он бросил газету на диван и снова подивился ее свежести. Вчерашний, самое позднее, позавчерашний номер. «По крайней мере я знаю точную дату, до которой дошла регрессия», — подумал Джо.

В поисках прочих изменений он набрел на комод в спальне. На нем в застекленных рамках стояли несколько фотографий. На всех был запечатлен Ранситер. Однако не тот, которого он знал. Ранситер — ребенок, маленький мальчик, молодой человек. Такой, каким он был очень давно, но все равно узнаваемый.

Джо вытащил бумажник. Там тоже оказались фотографии Ранситера. Ни одного снимка родных или друзей. Ранситер повсюду! Джо сунул бумажник в карман и вдруг с потрясением обнаружил, что он сделан из натуральной телячьей кожи. Что ж, это укладывается в схему происходящего. В старину кожа была доступна. Снова достав бумажник, Джо внимательно его осмотрел, ощупал и испытал весьма приятное ощущение. «С нашим пластиком не сравнить», — подумал он.

Вернувшись в гостиную, Джо растерянно покрутился, пытаясь найти на стене знакомую прорезь для почты. Она исчезла. Джо задумался, пытаясь представить организацию почтового дела в старину. На полу, возле входа? Нет. В каком-то ящике… Он вспомнил термин — почтовый ящик. Хорошо, почта в почтовом ящике, а где ящик? В подъезде? Придется покинуть квартиру.

За почтой нужно спуститься на первый этаж — на двадцать этажей вниз.

— Пять центов, пожалуйста, — произнесла дверь, когда Джо попытался ее открыть. Хоть что-то осталось неизменным.

Платная дверь проявила врожденное упрямство и не поддалась процессу. Не исключено, что она одна и сохранится, в то время как остальные

вещи претерпят бесконечные обращения в прошлое во всем городе… или во всем мире.

Он бросил пять центов, вышел на площадку и замер перед эскалатором, по которому несколько минут назад спустился с крыши. Движущаяся лента превратилась в пролет бетонных ступеней. Двадцать пролетов вниз, прикинул Джо. Ступенька за ступенькой. Невозможно. Ни один человек не способен пройти столько. Лифт. Он кинулся к кабине, но остановился, вспомнив, что произошло с Элом. «А если я сейчас увижу то, что видел он? Старую железную клетку на стальном тросе, управляемую дряхлым придурком в форменной фуражке лифтера».

Это уже картинка не 1939 года, это год 1909, самая глубокая до сих пор регрессия.

Лучше с лифтом не связываться. Лучше по ступенькам.

Смирившись с этой мыслью, Джо начал спускаться.

И проделал почти полпути, когда в мозгу шевельнулась зловещая мысль. Назад он уже не доберется. Ни до квартиры, ни до крыши, где его ожидало такси. Спустившись на первый этаж, он там и останется, может быть, навсегда. Если только баллончик с Убиком не окажется таким

мощным, что восстановит лифт или эскалатор.

Прыгая через две ступеньки, Джо мрачно продолжал спуск.

Теперь уже поздно передумывать.

На первом этаже он обнаружил большой вестибюль с мраморным столом и двумя керамическими вазами с цветами ириса. Четыре широкие ступени вели к завешенному шторами парадному входу.

Джо дернул за ручку из граненого стекла и распахнул дверь.

Еще ступени. Справа ряды медных почтовых ящиков с фамилиями хозяев, и каждый из них открывался ключом. Джо нашел свой ящичек, подписанный внизу: «ДЖОЗЕФ ЧИП, 2057». Рядом помещалась кнопочка, дающая, очевидно, звонок в квартиру.

Ключ. Ключа у него не было. Или был? Порывшись в кармане, он вытащил связку позвякивающих металлических ключей различной формы и некоторое время озадаченно изучал их, пытаясь понять, какой ключ от чего. Замочек на почтовом ящике оказался необычно маленьким, очевидно, требовался такой же по размерам ключ. Выбрав самый маленький ключ на связке, Джо всунул его в замок. Медная дверца распахнулась.

Он заглянул внутрь и увидел два письма и квадратный пакет, завернутый в коричневую бумагу и перехваченный коричневой лентой. Фиолетовые марки по три цента с портретом Джорджа Вашингтона. Некоторое время Джо восхищенно разглядывал дошедшую из древности достопримечательность, потом, не обращая внимания на письма, разорвал пакет, показавшийся ему многообещающе тяжелым. Хотя, неожиданно сообразил Джо, для баллончика пакет не подходил размерами. Его охватил страх. Что, если там не Убик? Там должен, просто обязан быть бесплатный образец Убика. Иначе судьба Эла. «Mors certa et hora certa»[1], — прошептал Джо, срывая коричневую обертку с картонной коробки.

БАЛЬЗАМ ДЛЯ ПЕЧЕНИ И ПОЧЕК УБИК

Внутри коробки оказался стеклянный флакон с большой крышкой. Этикетка гласила:

ПОКАЗАНИЯ К ПРИМЕНЕНИЮ

Этот уникальный болеутоляющий состав в течение сорока лет совершенствовался доктором Эдвардом Зондербаром.

---

[1] Сноски: 1
Смерть определена и время определено (*лат.*).

Гарантирует спокойный сон без изматывающих пробуждений. С первого раза вы заснете спокойно и ощутите расслабляющий эффект. Растворите чайную ложку Бальзама для печени и почек Убик в стакане теплой воды и выпейте за полчаса до отхода ко сну. Если боль и жжение сохранятся, увеличьте дозу на одну чайную ложку. Прячьте от детей. Содержит обработанные листья олеандра, селитру, масло перечной мяты, ацетил-аминофенол, цинковые белила, животный уголь, хлористый кобальт, кофеин, экстракты наперстянки, остаточные стероиды, лимоннокислый натрий, аскорбиновую кислоту, красящие и ароматизирующие вещества.

Бальзам для печени и почек Убик — мощное и эффективное средство, если применять его по инструкции.

ОГНЕОПАСНО.

ОТКРЫВАТЬ В РЕЗИНОВЫХ ПЕРЧАТКАХ.

НЕ ДОПУСКАТЬ ПОПАДАНИЯ В ГЛАЗА И НА КОЖУ.

НЕ ВДЫХАТЬ.

Осторожно: длительное или чрезмер-

ное употребление может привести к образованию привычки.

«Это безумие», — подумал Джо. Он прочел список ингредиентов еще раз, чувствуя нарастающий, глухой гнев. И полную беспомощность, которая овладела каждой его частицей. Пришел конец, подумал Джо. Это вовсе не то, что рекламировал по телевизору Ранситер. Перед ним было старинное самодельное зелье, смесь кожной мази, обезболивающего, яда, нейтральных составляющих и плюс ко всему — кортизона, изобретенного только после Второй мировой войны. Очевидно, расхваленный на видеопленке Убик, во всяком случае этот его образец, регрессировал. Ирония заключалась в том, что регрессировало вещество, созданное для предотвращения процесса регрессии.

«Я мог бы догадаться об этом по старым фиолетовым трехцветным маркам», — подумал Джо.

Он огляделся. На углу улицы стоял музейный образец: автомобиль для наземного передвижения. Фирмы «Ласаль».

«Смогу ли я добраться до Де-Мойна в „Ласале“ образца 1939 года? Очевидно, да, если все останется таким, как есть, хотя бы неделю. Но к тому

времени это потеряет смысл. Кроме того, автомобиль обязательно изменится. Все изменится, кроме, может быть, моей входной двери».

Джо подошел ближе. «Вдруг это моя машина, — подумал он, — и один из ключей подходит к зажиганию? Так, кажется, заводятся наземные машины? С другой стороны, каким образом я его поведу? Понятия не имею, как управляться со старинным автомобилем, особенно с этой, как ее называют, ручной передачей...» Он открыл дверь и сел на водительское сиденье, рассеянно посасывая нижнюю губу и обдумывая ситуацию.

«Может, проглотить ложку бальзама для печени и почек? — мрачно спросил сам себя Джо. — Такие ингредиенты прикончат меня однозначно». Хлористый кобальт вызовет медленную и мучительную агонию. Вся надежда, что наперстянка подействует быстрее. Кроме того, там есть олеандровые листья. О них ни в коем случае нельзя забывать. Смесь превратит его кости в желе. Дюйм за дюймом.

«Минуту! — дошло вдруг до Джо. — В 1939 году уже летали по воздуху. Если я смогу добраться до аэропорта в Нью-Йорке, пусть даже на этой машине, я смогу нанять самолет. Трехмоторный „Форд“ с пилотом. И попаду в Де-Мойн».

Джо попробовал несколько ключей, пока один из них не подошел к зажиганию. Лязгнул стартер, и почти сразу завелся двигатель. Со здоровым урчанием мотор набирал обороты, и Джо нашел звук приятным. Так же как бумажник из натуральной кожи, эта конкретная регрессия показалась ему улучшением: в родном времени поездки совершались бесшумно и были лишены осязаемого, чувственного налета.

Теперь сцепление, сказал себе Джо, слева внизу. Он нашел ногой педаль. Выжать до упора и включить скорость. После нескольких неудачных попыток передача включилась.

Дернувшись, машина тронулась с места. Она дрожала и тряслась, но двигалась. Автомобиль неуверенно полз по улице, и Джо почувствовал, как к нему возвращается оптимизм. А теперь попробуем найти проклятый аэропорт, сказал он себе. Пока еще не поздно. Пока мы не попали во времена махолетов.

Час спустя он доехал до аэропорта, остановился и оглядел ангары, ветрозонд, старые бипланы с огромными деревянными пропеллерами. Ну и зрелище, изумился Джо. Полустертая страница истории. Восстановленные останки прошедшего тысячелетия, не имеющие никакой связи со зна-

комым, настоящим миром. Призрачная картина, на мгновение представшая взору. Скоро она тоже исчезнет, процесс регресса сметет ее так же, как и все остальное.

Пошатываясь, Джо вылез из машины. Его слегка мутило. Он огляделся и побрел в сторону главных строений аэропорта.

— Что я могу нанять за это? — спросил Джо, выкладывая на стол все свои деньги перед первым попавшимся ему служащим. — Мне нужно в Де-Мойн, и как можно скорее.

Лысый клерк с напомаженными усами и маленькими круглыми очками в золотой оправе молча уставился на деньги.

— Эй, Сэм! — крикнул он, повернув круглую, как яблоко, голову. — Иди-ка взгляни!

Появился второй служащий — в полосатой рубашке с широченными рукавами и блестящих брюках из индийской льняной полосатой ткани.

— Фальшивые, — заявил он, взглянув на купюры. — На них не Вашингтон и не Александр Гамильтон.

Оба клерка подозрительно воззрились на Джо.

— На стоянке я оставил «Ласаль» тридцать девятого года, — сказал Джо. — Я отдам его за полет до Де-Мойна на любом самолете. Подходит?

Человек в золотых очках проговорил задумчиво:

— Возможно, это заинтересует Огги Брента.

— Брент? — Служащий в блестящих брюках удивленно поднял брови. — На его «Дженни»? Этому самолету более двадцати лет. Он не дотянет и до Филадельфии.

— А Мак-Джи?

— Подойдет, но он в Ньюарке.

— Тогда, может быть, Сэнди Джесперсен? Его «Куртис-Райт» долетит до Айовы. Рано или поздно. — Повернувшись к Джо, клерк сказал: — Идите к третьему ангару и ищите маленького толстячка. Если с ним не договоритесь, никто другой вас не возьмет. Или придется ждать до завтра, когда вернется Мак-Джи на трехмоторном «Фоккере».

— Спасибо, — сказал Джо и вышел из здания.

Он направился к третьему ангару и почти сразу увидел то, что очень походило на красно-белый биплан «Куртис-Райт». «По крайней мере, мне не придется лететь на прославившемся в мировой войне „Джей-Эн“», — пробормотал про себя Джо и тут же сообразил, что «Дженни» — это прозвище тренировочного самолета «Джей-Эн» и раньше он этого не знал.

— Боже милосердный! — прошептал Джо.

Явления того времени вызывают соответствующие перемены в моем сознании. Теперь понятно, почему я смог управлять «Ласалем»: я начинаю всерьез врастать в данный временной континуум!

Толстый рыжий человечек, протиравший колеса масляной тряпкой, при приближении Джо поднял голову.

— Вы мистер Джесперсен?

— Да. — Человечек с интересом оглядывал его, дивясь одежде, которая не изменилась. — Чем могу служить?

Джо объяснил.

— Новый «Ласаль» за полет в один конец до Де-Мойна? — Джесперсен нахмурился, соображая. — Можно даже за «туда и обратно». Мне все равно надо возвращаться. Хорошо, давайте посмотрим машину. Но я вам ничего не обещаю, я еще не решил.

Они вместе прошли на стоянку.

— Не вижу я никакого «Ласаля» тридцать девятого года, — подозрительно проворчал Джесперсен.

Он был прав. «Ласаль» исчез. На его месте стоял «Форд» с обтянутой тканью кабиной. Ми-

ниатюрный, очень старый, порядка 1929 года автомобиль. И практически никуда не годный. Это Джо понял по выражению лица Джесперсена.

Судя по всему, положение стало безнадежным. Он никогда не доберется до Де-Мойна. А это, как указал Ранситер в записанном на видеопленку коммерческом ролике, означало смерть… такую же смерть, какая постигла Венди и Эла.

Речь шла только о времени.

«Лучше я умру по-другому», — подумал Джо и рванул дверь своего «Форда». Там, на сиденье, лежала полученная им по почте бутылочка. Он взял ее в руки…

То, что он увидел, не очень его и удивило. Флакон, как и машина, в очередной раз регрессировал. Теперь это была плоская бесшовная склянка со следами царапин, отлитая, похоже, в деревянной форме. По-настоящему древний предмет, с завинчивающейся крышкой ручной работы, из мягкого олова — конец девятнадцатого века. Этикетка тоже изменилась. Подняв склянку, Джо прочел:

ЭЛИКСИР УБИК

ГАРАНТИРУЕТ ВОССТАНОВЛЕНИЕ

УТРАЧЕННОГО МУЖЕСТВА И РАЗГОНЯЕТ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ХИМЕРЫ. КРОМЕ ТОГО, ИСЦЕЛЯЕТ БОЛЕЗНИ ОРГАНОВ ДЕТОРОЖДЕНИЯ КАК У МУЖЧИН, ТАК И У ЖЕНЩИН.

СПАСИТЕЛЬНОЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СРЕДСТВО ПРИ УСЛОВИИ ТОЧНОГО СЛЕДОВАНИЯ ВСЕМ УКАЗАНИЯМ.

Ниже была еще одна надпись, Джо сощурился, разбирая размытый мелкий почерк.

Не делай этого, Джо. Есть другой способ. Пытайся. Ты найдешь его. Удачи.

Ранситер, узнал Джо. Продолжает свои садистские шутки.

Заманивает нас еще дальше. Оттягивает конец как только может. Бог знает, зачем ему это. А может, Ранситеру нравятся наши муки? Нет, на него не похоже. На того Ранситера, которого я знал.

Как бы то ни было, Джо положил эликсир на место.

«Интересно, — подумал он, — на какой же способ намекает Ранситер?»

Глава 11

При употреблении в соответствии с инструкцией Убик обеспечивает глубокий сон без пробуждений и утренней разбитости. Вы проснетесь освеженным и готовым ко всем неурядицам, которые несет наступающий день. Не превышайте рекомендованной дозы.

— Что это у вас за флакон? — Джесперсен заглянул в машину. — Можно посмотреть? — В его голосе послышались необычные нотки.

Джо Чип молча передал летчику плоский флакон с эликсиром.

— Я слышал о нем от своей бабушки, — сказал Джесперсен, поднимая склянку к свету. — Где вы его взяли? Его не производят примерно со времен Гражданской войны.

— Достался по наследству, — сказал Джо.

— Понятное дело. Да, теперь уже не увидишь таких самодельных бутылок. Кстати, его и выпустили совсем немного. Лекарство было изобретено в Сан-Франциско около тысяча восемьсот пятидесятого года. В магазины оно не попало.

Его можно было только заказать. А поступало средство в трех разных концентрациях. Здесь у вас самая сильная. — Он взглянул на Джо. — Вы хоть знаете, что в нем?

— Конечно, — Джо кивнул. — Окись цинка, лимоннокислый натрий…

— Все ясно, — перебил его Джесперсен. Он нахмурился и, судя по всему, лихорадочно что-то подсчитывал. Наконец лицо его смягчилось. По-видимому, он определился. — Я доставлю вас в Де-Мойн в обмен на флакон Убика. Давайте отправляться, я хочу как можно больше пролететь засветло.

Он пошел прочь от «Форда» модели двадцать девятого года, унося с собой бутыль.

Спустя десять минут «Куртис-Райт» был заправлен, летчик вручную запустил пропеллер, и самолет побежал по извилистой, неровной взлетной полосе, подпрыгивая вверх и снова валясь на землю. Джо стиснул зубы и держался из последних сил.

— Мы перегружены! — равнодушно крикнул ему Джесперсен.

Похоже, это не очень его волновало. Самолет наконец оторвался от земли и надрывно загудел над крышами домов.

— Скоро мы доберемся? — прокричал Джо.

— Трудно сказать. Зависит от ветра. Если повезет, то завтра к полудню будем.

— Может, теперь скажете, что в бутылке?

— Золотые хлопья, взвешенные в растворе, состоящем главным образом из минеральных масел! — прокричал в ответ пилот.

— Сколько золота? Много?

Джесперсен повернулся. На лице его сияла улыбка. Он мог и не отвечать, все и так было ясно.

В три часа пополудни на следующий день они приземлились в аэропорту Де-Мойна. Посадив самолет, пилот устремился в неизвестном направлении, унося свою склянку с золотыми хлопьями. Корчась от боли, Джо вылез из самолета и некоторое время потирал онемевшие ноги, после чего неуверенно направился к зданию аэровокзала, если крошечное строение можно было так назвать.

— Могу я воспользоваться вашим телефоном? — спросил Джо пожилого, простоватого на вид служащего, поглощенного изучением погодной карты.

— Если у вас есть пять центов, — буркнул тот, кивнув в сторону телефона.

Джо перебрал свои деньги, отсеивая все с профилем Ранситера. Наконец ему удалось отыскать монету с буйволом, и он положил ее перед чиновником.

— Угу, — промычал тот, не поднимая головы.

В местном телефонном справочнике Джо нашел номер кладбища Невинного Пастыря, сообщил номер оператору, и ему ответили:

— Кладбище Невинного Пастыря. Мистер Блисс у телефона.

— Я прибыл на похороны Глена Ранситера. Я не опоздал?

— Как раз сейчас отправляется служба по Глену Ранситеру, — ответил мистер Блисс. — Где вы находитесь, сэр? Хотите, чтобы мы прислали за вами автомобиль? — В его голосе слышалось суетливое неодобрение.

— Я в аэропорту, — сказал Джо.

— Вообще-то надо было приехать пораньше, — проворчал мистер Блисс. — Сомневаюсь, что вы успеете. Впрочем, тело мистера Ранситера будет выставлено для прощания до завтрашнего утра. Ожидайте нашу машину, мистер…

— Чип, — подсказал Джо.

— Да-да. Многие присутствующие просили встретить вас, а также мистера Хаммонда и… —

он запнулся, — мисс Райт. Они с вами?

— Нет, — ответил Джо.

Повесив трубку, он уселся на полированную скамейку, с которой были видны подъезжающие к аэропорту машины. «Как бы то ни было, — думал он, — я добрался вовремя и успею соединиться с группой. Они еще не уехали из города, а это самое главное».

Пожилой служащий окликнул его:

— Эй, мистер, можно вас на секунду?

Поднявшись, Джо прошел через зал.

— В чем дело?

— Вы мне дали пять центов… — Служащий уже давно рассматривал монету.

— Это пятицентовик с буйволом, — пояснил Джо. — Разве не такие монеты ходят в это время?

— Здесь выбита дата — тысяча девятьсот сороковой. — Клерк не мигая смотрел на Джо.

Застонав, Джо вытащил оставшиеся монеты и пересмотрел их.

Найдя наконец пять центов 1938 года, он кинул монету служащему.

— Возьмите обе, — сказал он, снова усаживаясь на полированную скамью.

— Сейчас то и дело попадаются фальшивые деньги, — проворчал старик.

«Интересно, сколько придется здесь проторчать?» — подумал Джо.

То, что он был теперь почти рядом с инерциалами, заставляло его нервничать. Не хотелось бы проделать такой путь и в нескольких милях… На этом мысли его остановились. Он просто сидел и ждал.

Спустя полчаса на стоянку аэропорта въехал «Виллис» образца 1930 года. Из него вылез неказистого вида человек в черном костюме и, приложив козырьком руку к глазам, оглядел зал ожидания.

Джо пошел навстречу.

— Это вы — мистер Блисс? — спросил он.

— Ну конечно, я. — Они обменялись коротким рукопожатием.

Мистер Блисс немедленно сел в «Виллис» и завел мотор.

— Пожалуйста, поторопитесь, мистер Чип. Мы еще можем успеть на окончание церемонии. Отец Абернати любит поговорить в подобных случаях.

Спустя мгновение они уже тряслись по ведущей к центру Де-Мойна дороге, на отдельных участках достигая скорости сорок миль в час.

— Вы служащий мистера Ранситера? — поин-

тересовался Блисс.

— Да.

— Довольно необычным делом занимался ваш шеф. Боюсь, я так и не понял всего до конца. — Блисс посигналил рыжему сеттеру, выскочившему на асфальтовое покрытие, и собака посторонилась, уступая дорогу. — Что, например, означает термин «психонический»? Я слышал это слово от многих сотрудников мистера Ранситера.

— Парапсихологические способности, — объяснил Джо, — Это когда духовная энергия действует непосредственно, без промежуточных физических факторов.

— Вы имеете в виду мистические силы? Наподобие предвидения будущего? Я почему спрашиваю — некоторые ваши люди говорят о будущем как об уже существующем. Не со мной, об этом они говорят только друг с другом, я услышал случайно, знаете, как это бывает. Значит, ваши люди медиумы?

— В некотором роде.

— А что вы можете сказать по поводу войны в Европе?

— Германия и Япония проиграют, — сказал Джо. — Седьмого декабря тысяча девятьсот со-

рок первого года в войну вступят Соединенные Штаты. — После этих слов Джо погрузился в молчание, никакого желания развивать тему он не испытывал, ему было о чем подумать.

— Я сам работаю на кладбище, — сказал Блисс.

«Интересно, что воспринимают остальные из нашей группы, — думал Джо. — Окружающую реальность? Если вся группа подверглась регрессии в одинаковой степени, воссоединение не поможет ни им, ни мне, разве что легче будет переносить распад мира. С другой стороны, реальность 1939 года оказалась достаточно стабильной, за истекшие двадцать четыре часа она практически не изменилась».

Хотя, как сознавал Джо, это могло быть следствием его приближения к группе. Вместе с тем бальзам для печени и почек «Убик» 1939 года регрессировал на лишние восемьдесят лет, за какие-то несколько часов превратившись из баллончика с распылителем в отлитую в деревянной форме склянку. Как древний лифт, который видел Эл…

Но есть отличие. Бутылку видел еще и маленький толстый пилот Сэнди Джесперсен. И, значит, дело не в частном восприятии, бутыль помогла ему добраться до Де-Мойна.

Кроме того, пилот наблюдал превращение «Ласаля». Похоже, что с Элом происходили принципиально иные вещи. Джо на это, во всяком случае, надеялся.

«Предположим, — размышлял он, — нам не удастся обратить вспять регрессию, предположим, что мы останемся здесь до конца своих дней. Так ли это плохо? Мы сможем привыкнуть. Привыкнем к девятиламповым приемникам с экранирующей сеткой, хотя они доживают свой век — уже изобретен супергетеродиновый контур. Научимся ездить на американских „Остинах“ по четыреста сорок пять долларов. — (Цена пришла ему в голову совершенно случайно, но Джо интуитивно догадался, что так оно и есть.) — Начнем работать, зарабатывать современные деньги и больше не будем летать на допотопных бипланах типа „Куртис-Райт“. А мой „Ласаль“ до своего превращения был весьма приличной машиной, мне по-настоящему понравилось на нем ездить».

— А Россия? — Оказывается, мистер Блисс продолжал его расспрашивать. — Я имею в виду войну. Разделались мы с этими красными? Или вы не можете предвидеть так далеко?

— Россия воевала на стороне США, — произнес Джо, погруженный в раздумья. Трудно придется

с медициной, лучше здесь не болеть. Визит к зубному тоже не сулит ничего приятного, еще применяют бормашины и новокаин. Фторосодержащие зубные пасты появятся через двадцать лет.

— На нашей стороне? — От негодования мистер Блисс брызнул слюной. — Коммунисты? Это невозможно, они заключили пакт с наци.

— Германия этот пакт нарушит. Гитлер нападет на Советский Союз в июне тысяча девятьсот сорок первого.

— И сотрет его с лица земли, надеюсь.

Оторванный от своих мыслей, Джо повернулся к мистеру Блиссу.

— Настоящую угрозу представляют не немцы, а коммунисты, — продолжал тот. — Возьмите отношение к евреям. Хотите знать, кто всем у нас пользуется? Евреи. Причем большинство из них даже не граждане США, а эмигранты, живущие на социальную помощь. Наци, пожалуй, кое в чем перегнули в отношении евреев, но, с другой стороны, еврейский вопрос стоял давно, что-то надо было делать. У нас в Штатах такие же проблемы с евреями и черномазыми. И, конечно, определенные меры мы примем и к тем и другим.

— Никогда не слышал, чтобы пользовались

термином «черномазый», — сказал Джо, сразу почувствовав другое отношение к эпохе. «Об этом я забыл», — подумал он.

— Вот Линдберг правильно говорит о Германии, — продолжал Блисс. — Я не имею в виду, как его перевирают в газетах, а то, что он говорит на самом деле. Или сенаторы Борах и Най. Если бы не они, Рузвельт начал бы военные поставки в Англию и втянул бы нас в ненужную войну. Рузвельт из кожи лезет, чтобы отменили статью, запрещающую продажу оружия, он хочет, чтобы мы воевали. Но американцы его не поддержат. Американский народ не собирается воевать в английской или чьей-либо еще войне!

— Следующие пять лет вам вряд ли придутся по вкусу, — заметил Джо.

— Почему? Да весь штат Айова думает так же, как я! А знаете, что я думаю о вас, служащих мистера Ранситера? Из того, что вы говорите, да из того, что я слышал от других людей, выходит, что вы — профессиональные агитаторы. — Билл Блисс взглянул на Джо с нескрываемым вызовом.

Джо промолчал; он смотрел на проплывающие за окном старинные дома из кирпича, дерева и бетона, на диковинные машины в основном

черного цвета и размышлял о том, пришлось ли кому-нибудь из группы столкнуться с подобным аспектом реальности 1939 года. «В Нью-Йорке, — подумал Джо, — все было бы по-другому. А здесь Библейский пояс, изоляционистский Средний Запад. Мы бы здесь не прижились, мы бы двинули на Восточное побережье или на Запад». Инстинктивно Джо чувствовал, что сейчас они столкнулись с самой главной для них проблемой.

«Мы просто слишком много знаем, чтобы комфортабельно жить в этом временном отрезке. Если бы мы регрессировали на двадцать, ну тридцать лет, мы, может быть, и приспособились бы психологически; конечно, не велик интерес пережить заново космическую программу „Джемини“ и первые полеты „Аполло“, но это, по крайней мере, в принципе возможно. Однако, попав сюда…

Здесь все еще слушают десятидюймовые пластинки на 78 оборотов: „Две черные вороны“, Джо Паннер, „Мерт и Мардж“…

В разгаре Великая депрессия. Мы в своем времени строим колонии на Марсе, Луне, совершенствуем межзвездные перелеты, а они не могут справиться с пылевыми бурями в Оклахоме.

Нам никогда не принять их мировоззрение,

мораль, политику и общественное устройство. Мы для них — профессиональные агитаторы, более враждебные, чем фашисты, более опасные, чем даже коммунистическая партия. Мы самые страшные возмутители спокойствия, каких только может представить себе это время.

Блисс полностью прав».

— Откуда вы все-таки? — спросил Блисс. — Полагаю, не из Соединенных Штатов, или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — сказал Джо. — Мы из Североамериканской Конфедерации. — Вытащив из кармана монету в двадцать пять центов с профилем Ранситера, он вручил ее Блиссу. — Приглашаю вас в гости.

Блисс задрожал, челюсть у него отвисла.

— Это же усопший, мистер Ранситер! — Взглянув на монету еще раз, он побелел как стена: — А дата… тысяча девятьсот девяностый год!

— Не тратьте ее сразу, — посоветовал Джо.

Когда «Виллис» подъехал к кладбищу Невинного Пастыря, служба уже закончилась. На широких белых ступеньках двухэтажного здания стояла группа людей. Джо узнал их всех. Наконец-то они были вместе: Эди Дорн, Типпи Джексон, Джон Илд, Фрэнси Спэниш, Тито Апостос, Дон Денни,

Сэмми Мундо, Фред Завски и… Пат. «Моя жена», — подумал он, в который раз потрясенный ее дивными черными волосами, выразительными глазами и броским оттенком кожи.

— Нет, — сказал он вслух, выходя из машины, — она не жена мне, она все это стерла.

«Хотя кольцо, — вспомнил Джо, — она сохранила. Редкое кольцо кованого серебра с жадеитом, которое мы выбрали вместе, — вот все, что осталось. Но как странно увидеть ее вновь. Обрести на мгновение утраченные воспоминания о семейной жизни. Фактически жизни и не было, было кольцо. А когда ей захочется, она сотрет и кольцо тоже».

— Привет, Джо Чип, — сказала Пат холодным, почти насмешливым голосом, оценивающе глядя на него яркими глазами.

— Здравствуй, — неуклюже пробормотал Джо. Остальные в свою очередь приветствовали его, но это уже не имело большого значения, внимание Джо захватила Пат.

— Ты без Хаммонда? — спросил Дон Денни.

— Эл мертв, — сказал Джо. — И Венди Райт мертва.

— Про Венди мы знаем, — произнесла Пат очень спокойно.

— Нет, мы не знали, — поправил ее Дон Денни. — Мы так предполагали, но не были уверены. Я, во всяком случае. Что с ними случилось? От чего они погибли?

— От старости.

— То есть как? — хрипло спросил Тито Апостос, вклиниваясь в окружившую Джо Чипа толпу людей.

— Последнее, что ты сказал, Джо Чип, — заговорила Пат, — тогда, в Нью-Йорке, прежде чем вы с Хаммондом ушли…

— Я помню, что я сказал, — перебил ее Джо.

— Ты говорил про годы. Мол, прошло много времени. Что ты имел в виду?

— Мистер Чип, — возбужденно вмешалась в разговор Эди Дорн, — этот город основательно переменился с момента нашего сюда приезда. Скажите, вы видите то же, что и мы? — Она указала на здание кладбища, служебные постройки, потом на улицу и прочие дома.

— Я не знаю, что видите вы, — ответил Джо Чип.

— Не ломайся, Джо, — раздраженно повысил голос Тито Апостос. — И не морочь нам голову, просто скажи, ради всего святого, что ты здесь видишь. Вот автомобиль, — он показал на «Вил-

лис». — Ты в нем приехал. Скажи, что это? Скажи, на чем ты сюда добрался?

Все замерли, пристально глядя на Джо.

— Это настоящая старая машина, правда, мистер Чип? — брякнул Сэмми Мундо и захихикал. — Сколько же ей лет?

— Шестьдесят два, — ответил Джо Чип после паузы.

— Получается тысяча девятьсот тридцатый, — сказала Типпи Джексон. — Примерно так мы и прикидывали.

— Мы полагали — тысяча девятьсот тридцать девятый, — негромко поправил Дон Денни.

Спокойный, отстраненный, зрелый. Без ненужной эмоциональности. Даже при таких обстоятельствах.

— Установить дату очень просто, — сказал Джо. — Я посмотрел число на газете в своей квартире в Нью-Йорке. Вчера было двенадцатое, значит, сегодня тринадцатое сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года. Французы думают, что они прорвали линию Зигфрида.

— Смех, да и только, — вздохнул Джо Идд.

— Я надеялся, что вы как группа переживаете более позднюю реальность. А оно, значит, вот как.

— Тридцать девятый так тридцать девятый, — скрипучим тонким голосом сказал Фред Завски. — Понятно, что мы все переживаем одно и то же. Как же может быть иначе? — Он энергично взмахнул длинными руками, призывая остальных согласиться.

— Отвали, Завски, — раздраженно бросил Тито Апостос.

Повернувшись к Пат, Джо Чип спросил:

— А ты что про это думаешь?

Пат пожала плечами.

— Нечего пожимать плечами. Отвечай!

— Мы вернулись в прошлое.

— Не совсем так.

— Тогда что? — спросила Пат. — Попали в будущее?

— Мы никуда не попали. Мы там же, где и всегда. Но по некоторой причине — одной из нескольких возможных — окружающая нас реальность обратилась в прошлое. Потеряла сцепление с настоящим временем и сползла к прежним формам, которые существовали пятьдесят три года назад. Она может регрессировать и дальше. Для меня сейчас важнее узнать, не являлся ли вам Ранситер.

— Ранситер, — заявил Дон Денни на этот раз с

ненужной эмоциональностью, — лежит сейчас в этом здании в гробу, мертвый, как камень. Это единственное его нам явление, и другого мы не ожидаем.

— Простите, мистер Чип, но слово «Убик» ничего для вас не означает? — спросила Фрэнси Спэниш.

Джо не сразу осознал смысл сказанного.

— Фрэнси видит сны, — пояснила Типпи Джексон. — Она всегда их видит. Расскажи ему сон про убик, Фрэнси. Она расскажет вам сейчас сон про убик, так она его называет. Он приснился ей вчера.

— Я так его называю, потому что он так называется, — со злостью парировала Франческа Спэниш. — Послушайте, мистер Чип, таких видений у меня никогда не было. Огромная рука протянулась с небес, как десница или орудие Божье. Я почувствовала, что с ней связано нечто важное. Рука сложилась в гигантский кулак, я знала, что внутри — огромная ценность, от которой зависит жизнь всех людей на Земле. Я ждала, когда кулак разожмется. И он разжался. Я увидела, что там, внутри.

— Баллончик с аэрозолем, — вставил Дон Денни.

— На баллончике, — продолжала Франческа Спэниш, — было слово, огромные, сверкающие буквы пылали золотым огнем: Убик. Больше ничего. Только это странное слово. А затем рука снова сжалась в кулак и исчезла, словно растворилась в серых облаках. Сегодня, накануне похоронной службы, я подняла словари и проконсультировалась в библиотеке, но никто не знает этого слова, даже на каком оно языке. В словарях его тоже нет. Во всяком случае, это не по-английски, объяснил мне библиотекарь. Есть очень похожее слово на латинском: ubique. Оно означает…

— Везде, — сказал Джо.

— Откуда ты знаешь? — вызывающе спросила Пат.

— Вчера мне явился Ранситер. В коммерческом ролике, который он записал перед смертью. — Джо не стал объяснять подробности, все и так было слишком запутанно.

— Несчастный глупец, — бросила Пат Конли.

— Почему? — изумился Джо.

— По-твоему, так, значит, являются мертвые? Может, ты и его написанные перед смертью письма посчитаешь «явлениями»? Или служебные записки последних лет? А может, даже…

— Я хочу взглянуть на него. — Джо развернулся, решительно поднялся по широким деревянным ступеням и шагнул в прохладный полумрак усыпальницы.

Пустота. Внутри никого не было, только ряды стульев, да в дальнем углу просторного помещения возвышался заваленный цветами гроб. Усыпальница пропахла пылью и сладким цветочным запахом, от которого Джо стало нехорошо. Подумать только, сколько несчастных перешли отсюда в объятия вечности. Навощенные полы, платочки, тяжелые черные шерстяные костюмы, черные деревянные стулья; не хватало лишь монет на мертвых глазах.

Джо подошел к постаменту, поколебался и заглянул.

В одном конце гроба покоилась куча высохших костей, ее увенчивал похожий на комок бумаги череп, взиравший на Джо высохшими виноградинками глаз. Клочки ткани кое-где прикрывали крошечное тело. Казалось, что их принесло дуновением ветра или дыханием, медленной сменой вдохов и выдохов, которые теперь прекратились. И все замерло. Загадочная перемена, уничтожившая Венди Райт и Эла, завершилась, похоже, очень давно.

Видели ли это другие? Или все произошло после службы? Джо наклонился, поднял тяжелую дубовую крышку и закрыл гроб. Глухой удар дерева о дерево разнесся по всей усыпальнице, но никто его не услышал. Никто не появился.

Джо из последних сил выбрался из пропыленной безмолвной комнаты. Назад, к слабому вечернему солнцу.

— Что случилось? — спросил Дон Денни, когда Джо присоединился к группе.

— Ничего.

— Похоже, ты последние мозги потерял от страха, — резко сказала Пат Конли.

— Ничего. — Джо смотрел на нее с глубокой ненавистью.

— Вам не встретилась случайно внутри Эди Дорн? — спросила Типпи Джексон.

— Ее нигде нет, — объяснил Джон Илд.

— Она была здесь, с вами, — возразил Джо.

— Она весь день жаловалась на ужасный холод и усталость, — произнес Дон Денни. — Наверное, вернулась в отель, она говорила, что хочет прилечь. Полагаю, с ней все в порядке.

— Полагаю, она умерла, — сказал Джо. — Думаю, вы уже поняли. Если хоть один из нас оторвется от группы, он не выживет. Это случилось с Венди,

Элом и Ранситером… — Он осекся.

— Ранситер погиб от взрыва, — поправил Дон Денни.

— Мы все погибли от взрыва, — ответил Джо. — Я знаю, Ранситер сказал мне об этом: написал на стене туалета в нашей нью-йоркской конторе. И еще я видел…

— Ты несешь чушь, — резко оборвала его Пат Конли. — Кто, в конце концов, мертв, Ранситер или мы? Вначале говоришь одно, потом другое. Никакой последовательности!

— Не противоречь себе, — вставил Джон Илд.

Остальные, измученные и встревоженные, молча закивали.

— Я могу рассказать вам о надписях на стенах, об износившемся магнитофоне, об инструкции к нему, могу рассказать о рекламной видеозаписи Ранситера, записке в коробке из-под сигарет в Балтиморе, могу рассказать об этикетке на флаконе с Убиком. Но я не могу свести все это воедино! В любом случае нам надо ехать в отель, мы должны успеть, прежде чем Эди Дорн высохнет и распадется. Есть здесь такси?

— Похоронное бюро предоставило нам автомобиль, — ответил Дон Денни.

Инерциалы устремились к машине.

— Мы все не поместимся, — заметила Типпи Джексон, когда Дон Денни распахнул тяжелую железную дверь и забрался внутрь.

— Спросите Блисса, можем ли мы взять «Виллис», — велел Джо, заводя машину. Дождавшись, когда все, кто сумел, заняли места, он выехал на главную улицу Де-Мойна.

«Виллис» следовал чуть сзади, периодически напоминая о своем присутствии скорбными сигналами.

Глава 12

Сегодня же положите в свой тостер Убик! Его только что приготовили из свежих овощей и фруктов. Убик превратит ваш завтрак в настоящий пир, расцветит и украсит вашу жизнь. Безопасен, если применять в соответствии с инструкцией.

«Мы гибнем один за другим, — думал Джо, ведя машину по городу. — В чем-то моя теория неверна. Эди, находясь с группой, не должна была пострадать. А я… Это должно было случиться со мной. Во время перелета из Нью-Йорка».

— Послушай, вот что сейчас самое важное, — сказал он Дону Денни. — Надо, чтобы каждый, кто вдруг почувствует себя усталым, — а это первый признак, — немедленно сообщил об этом остальным и ни в коем случае никуда не удалялся.

Дон Денни повернулся к сидящим сзади:

— Все слышали? Как только кто-нибудь почувствует усталость, даже малейшую, сообщите мистеру Чипу либо мне. А что потом? — Он повернулся к Джо.

— Да, что потом, Джо? — повторила Пат Конли. — Расскажи нам. Мы слушаем.

— Странно, что ты не хочешь воспользоваться своим талантом, — процедил в ответ Джо. — Ситуация словно специально для него создана. Почему бы тебе не вернуться на пятнадцать минут и не остановить Эди Дорн? Сделай то, что ты сделала, когда я впервые познакомил тебя с Ранситером.

— С мистером Ранситером меня познакомил Дж. Дж. Эшвуд.

— Значит, ты ничего не собираешься делать?

— Они вчера разругались, — захихикал Сэмми Мундо. — Мисс Конли и мисс Дорн. Мисс Конли ее не любит, поэтому и не помогла.

— Неправда! — вспыхнула Пат.

— У тебя есть причины не применять свой талант? — спросил Дон Денни. — Джо прав, трудно понять, мне по крайней мере, почему ты не пытаешься помочь?

Помолчав, Пат ответила:

— Мой талант больше не действует. С момента взрыва на Луне.

— А почему ты не сказала? — спросил Джо.

— Потому что я не хотела об этом говорить, будь оно проклято! Чего ради я буду лезть с сообщени-

ем: ничего, мол, не могу сделать? Я пытаюсь, а у меня ничего не получается, не выходит. Такого никогда раньше не было, талант у меня почти с самого рождения.

— Когда… — начал Джо.

— Вместе с Ранситером, — перебила Пат. — На Луне, сразу же. До того, как ты спросил меня.

— Так что знала ты давно?

— Я пыталась в Нью-Йорке — после того, как ты прилетел из Цюриха и стало ясно, что с Венди произошло что-то страшное. Я и сейчас пыталась, как только ты сказал, что Эди, наверное, мертва. Может, потому, что мы попали в эту древность. Психические дарования не действуют в тысяча девятьсот тридцать девятом.

Она погрузилась в задумчивое молчание, мрачно глядя на улицы Де-Мойна. На ее выразительном лице застыло горькое разочарование.

«Похоже на правду, — подумал Джо. — Естественно, талант перемещения во времени просто не может здесь действовать. Это не настоящий 1939 год, мы вообще выпали из времени, Эл оказался прав. И надписи на стене — правда. Это полужизнь, как и было сказано в стишках».

Спутникам Джо не сказал ничего. «Зачем говорить, что положение безнадежное? Они и сами

скоро это поймут. Самые сообразительные, вроде Денни, наверное, уже догадались. Исходя из моих слов и увиденного».

— Ты по-настоящему встревожен, что ее талант не действует, — сказал Дон Денни.

— Ну конечно. — Джо кивнул. — Я надеялся, что хоть это может изменить ситуацию. Дальше прямо? — спросил он, притормозив на перекрестке.

— Направо, — подсказала Типпи Джексон. — К кирпичному зданию с неоновой вывеской «Отель Мермонт». Ужасное место. Одна ванная на две комнаты, и та без душа. А еда? Немыслимо!

— А мне понравилось, — возразил Дон Денни. — Натуральная говядина, никаких синтетических протеинов. Натуральный лосось…

— Ваши деньги принимают?

И почти сразу за спиной раздался рев, эхом разносящийся по всей улице.

— Что это? — спросил Джо у Денни.

— Не знаю, — нервно ответил тот.

— Полицейская сирена, — сказал Сэмми Мундо. — Вы не дали сигнала поворота.

— А как я мог его дать? На рулевой колонке нет никаких рычагов.

— Надо было подать сигнал рукой, — объяснил Сэмми.

Сирена приблизилась, полицейский на мотоцикле ехал вровень с их машиной. Не зная точно, что следует делать, Джо притормозил.

— Остановитесь у тротуара, — посоветовал Сэмми.

Джо остановился. Молодой, с острым, как у крысы, лицом полицейский слез с мотоцикла и медленно направился к Джо, внимательно изучая его большими жесткими глазами.

— Позвольте взглянуть на ваши права, мистер.

— У меня их нет. Выпишите штраф и отпустите нас.

Гостиница уже была видна. Повернувшись к Дону Денни, Джо сказал:

— Ты лучше иди туда вместе со всеми.

Дон Денни, Пат, Сэмми Мундо и Типпи Джексон вылезли из машины и пошли к гостинице, напротив которой уже притормаживал «Виллис». Джо остался наедине с полицейским.

— Какие-нибудь документы у вас есть?

Джо протянул бумажник. Полицейский заполнил фиолетовым химическим карандашом повестку в суд, вырвал ее из блокнота и отдал Джо:

— Не подан сигнал поворота, нет водительского удостоверения. Здесь указано, куда и в какое

время вам необходимо явиться.

Полицейский захлопнул блокнот с квитанциями, вернул Джо бумажник и направился к мотоциклу. Потом завел двигатель и, не оглядываясь, влился в транспортный поток.

Сам не зная почему, Джо прочел повестку, вместо того чтобы сунуть ее в карман. Знакомым почерком фиолетовым химическим карандашом было написано:

Вам грозит куда большая опасность, чем я думал. То, что говорит Пат Конли…

На этом запись обрывалась. На середине предложения.

Интересно, что было дальше? Должно же быть что-то еще. Джо проверил обратную сторону бланка — пустая; потом вновь взглянул на надпись, но она исчезла, а вместо нее внизу мелким шрифтом было напечатано:

Самые надежные и проверенные временем лекарства и медицинские препараты для дома вы найдете в аптеке Арчера. Цены умеренные.

«Вполне безобидно, — подумал Джо. — Тем не менее не самый уместный текст для квитанции дорожной полиции. Очевидно, еще одно явление, как и сделанная от руки фиолетовая запись».

Выйдя из машины, Джо зашел в ближайший магазинчик, где продавались журналы, сладости и сигареты.

— Могу я воспользоваться вашим телефонным справочником? — спросил он у широколицего, улыбчивого владельца.

— Там, сзади. — Хозяин дружелюбно ткнул в воздух огромным пальцем.

Джо нашел книгу и в полумраке крошечного магазинчика принялся искать номер аптеки Арчера. Тщетно. Номера в справочнике не оказалось. Захлопнув книгу, он подошел к владельцу магазина, отпускавшему вафли какому-то мальчику.

— Не подскажете, как найти аптеку Арчера?

— Никак, — бросил хозяин.

— Почему?

— Вот уже несколько лет, как она закрыта.

— Объясните, где она находилась. Покажите на карте.

— Карта вам не понадобится. Смотрите. — Здоровяк наклонился, высовываясь из-за прилав-

ка. — Вот там парикмахерская. Дойдете до нее и повернете на север. Север там. — Он показал направление. — Увидите старинное здание с фронтоном, желтого цвета. Несколько квартир наверху еще заселены, а помещение аптеки давно заброшено. Хотя надпись разберете: «Аптека Арчера». Эд Арчер помер от рака горла.

— Благодарю, — сказал Джо и вышел из магазинчика на освещенную бледным вечерним солнцем улицу. Быстрым шагом он прошел до парикмахерской и повернул на север.

Перед ним находилось высокое обшарпанное желтое здание, показавшееся Джо весьма странным. Он уловил какое-то мерцание, неустойчивость, словно здание то обретало относительную стабильность, то расползалось в нечто бесформенное.

Каждая фаза колебания длилась несколько секунд, после чего сменялась на противоположную, все сооружение будто пульсировало. Как живое, подумал Джо.

«А может, — прошептал он, — я дошел до конца».

Джо медленно побрел к заброшенной аптеке, наблюдая, как одно состояние дома сменяется другим. И только подойдя совсем близко, он разгадал

характер перемен. В положении стабильности здание становилось розничным магазином самообслуживания с компьютерным управлением из его родного времени, он всю жизнь пользовался подобными заведениями. В положении размытости возникала крошечная старинная аптека с оформленным в стиле рококо входом. В витрине были выставлены пояса от грыжи, ряды корректирующих стекол для очков, ступка с пестиком, пузырьки с таблетками, банка со сделанной от руки надписью «ПИЯВКИ», бутылки со стеклянными пробками, хранящие знахарские снадобья, и… деревянная доска над входом — «АПТЕКА АРЧЕРА». Но от заброшенного, пустого, запертого помещения аптеки 1939 года не осталось и следа. Состояние 1939 года оказалось пропущенным. «Так что если я войду, — подумал Джо, — то либо регрессирую еще дальше, либо окажусь прямиком в своем собственном времени. А мне и надо погрузиться дальше, за 1939 год».

Стоя перед дверьми, Джо физически ощущал смену амплитуд, его то притягивало, то отталкивало назад. Мимо, не обращая на него ни малейшего внимания, текли прохожие. Очевидно, никто из них не видел ни аптеки Арчера, ни магазина из 1992 года. И это поражало Джо

больше всего.

Как только структура качнулась в свою древнюю фазу, Джо шагнул вперед и переступил через порог. И очутился в аптеке Арчера.

Справа возвышалась длинная мраморная стойка. На полках стояли почерневшие от времени коробки, все помещение имело сумрачный вид. Создавалось впечатление, что неизвестный мастер специально сделал его неотличимым от тени, темным в любое время. Даже воздух был тяжелым, плотным и давил, как навечно повешенный на спину рюкзак. Между тем пульсация прекратилась, и Джо тут же пожалел о своем выборе; как всегда, слишком поздно он понял, что могло ожидать его в ином случае. Возвращение в родное время.

Возможность вырваться из этого обваливающегося мира с разрушенными временными связями. Вырваться… может быть, навсегда. Ладно, решил Джо, теперь ничего не поделаешь. Он бродил по аптеке, разглядывая медь и дерево, судя по всему, орех, и наконец подошел к рецептурному окошечку в дальнем конце комнаты.

Худощавый молодой человек в костюме со множеством пуговиц тут же появился в окошке и молча уставился на Джо.

Довольно долго они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Тишину нарушало только бесстрастное тиканье часов с маятником. Они продолжали невозмутимо отстукивать время. Как и положено часам. Везде.

— Мне нужен Убик, — сказал Джо.

— Мазь? — поинтересовался аптекарь. Казалось, губы его двигались не вполне синхронно со словами: вначале Джо увидел, как открылся рот, зашевелились губы, и только потом, через заметный промежуток времени, он услышал слова.

— Разве это мазь? Я полагал, его принимают внутрь.

Аптекарь ответил не сразу. Как будто их разделял некий промежуток, целая эпоха. Затем рот его снова открылся, и губы зашевелились.

— Производитель постоянно улучшает свойства Убика, так что он претерпел множество изменений. Вы, скорее всего, знакомы со старым вариантом.

Аптекарь повернулся. Движения его были замедленны, он шел плавным, размеренным танцевальным шагом. С эстетической стороны это было красиво, но с эмоциональной — раздражало.

— Последнее время у нас трудности с получени-

ем Убика, — сказал он, приплыв назад, и поставил на стойку свинцовую бутылку. — Вот это поступает в форме порошка, в который надо добавлять древесный деготь. Деготь идет отдельно, я могу предложить его вам по вполне доступной цене. А вот порошок стоит дорого: сорок долларов.

— Что в нем? — Цена заставила Джо похолодеть.

— Секрет производителя.

Джо взял в руки запаянную банку.

— Можно прочесть этикетку?

— Конечно.

В тусклом, едва пробивающемся с улицы свете Джо с трудом разобрал надпись. Это было продолжение записи на повестке, точно с того слова, на котором так резко оборвался текст:

> *…совершеннейшая неправда. Она не пыталась, повторяю, не пыталась использовать свой талант с момента взрыва бомбы. Она не пыталась восстановить Венди Райт, Эла Хаммонда и Эди Дорн. Она тебе лжет, Джо, и это заставляет меня по-новому взглянуть на всю ситуацию. Как только я приду к окончательному выводу, я тут же дам*

тебе знать. А пока соблюдай величайшую осторожность. Кстати: если строго следовать инструкции, порошок Убик обладает универсальным целительным свойством.

— Можно расплатиться с вами чеком? — спросил Джо аптекаря. — Сорока долларов у меня с собой нет, а Убик мне нужен позарез. Поверьте, речь действительно идет о жизни или смерти.

Джо полез в карман за чековой книжкой.

— Вы, кажется, не из Де-Мойна, так? — произнес аптекарь. — Я сужу по акценту. Тогда, к сожалению, я не могу взять чек на такую крупную сумму. Я должен вас знать лично. За последние несколько недель мы получили целую прорву фальшивых чеков, и все от приезжих.

— Кредитная карточка не устроит?

— Что такое «кредитная карточка»?

Не говоря ни слова, Джо поставил на стойку склянку с Убиком и вышел на улицу. Потом перешел через дорогу и оглянулся назад. Он увидел только полуразрушенное желтое здание, занавески в окнах верхнего этажа, первый же этаж зиял безжизненными провалами выбитых стекол.

«Вот так, — подумал Джо. — Возможность ку-

пить Убик в порошке я упустил. Даже если теперь я найду на тротуаре сорок долларов. Хотя я получил вторую часть предупреждения Ранситера, уж какое оно есть. Может быть, и неправда. Ошибка умирающего мозга. Или уже умершего, как в случае с коммерческим роликом. Господи, — в отчаянии подумал Джо, — а если это правда?»

Прохожие на тротуаре останавливались и, задрав кверху головы, вглядывались в небо. Джо тоже посмотрел вверх.

Заслонив глаза от косых лучей заходящего солнца, он различил высоко в небе темную точку, за которой тянулась полоса белого дыма. Самолетик старательно выписывал в небе какую-то фразу. На глазах прохожих и Джо исчезающая полоса дыма сложилась в слова:

ДЕРЖИ ХВОСТ ПИСТОЛЕТОМ, СТАРИНА ДЖО!

«Легко сказать, — проворчал Джо про себя. — И написать буквами».

Сгорбившись от нелегких дум и первых, пока слабых приступов возвращающегося ужаса, Джо брел в сторону отеля «Мермонт».

В вестибюле с высоким потолком и провинциальным ярко-красным ковром на полу его

ожидал Дон Денни.

— Мы нашли ее! — объявил он. — Все кончено… во всяком случае для нее. Я бы не хотел увидеть такое еще раз. Теперь пропал Фред Завски. Я думал, он в другой машине, а они решили, что он поехал с нами. Как выяснилось, ни в одной машине его не было, он остался на кладбище.

— Это стало происходить быстрее, — сказал Джо и подумал, насколько изменит ситуацию Убик, маячащий им самыми разными способами… и не дающийся в руки. Скорее всего, они так и не узнают. — Здесь можно выпить? — спросил он Дона Денни. — Как у тебя с деньгами? Мои никуда не годятся.

— За все рассчиталось похоронное бюро. Такова воля Ранситера.

— Включая наши гостиничные расходы? — Последнее показалось Джо странным. — Как это он устроил?.. Хочу, чтобы ты взглянул на одну записку, — Джо протянул лист Дону Денни, — пока рядом никого. У меня есть окончание, за ним я и ходил.

Денни прочел запись на квитанции.

— Ранситер считает, что Пат лжет, — сказал он, возвращая листок.

— Да.

— Ты понимаешь, что это означает? — Голос Денни поднялся до крика. — То, что она могла все предотвратить, все, начиная со смерти Ранситера!

— Это может означать даже больше.

Внимательно на него посмотрев, Денни проговорил:

— Ты прав. Ты абсолютно прав. — Он выглядел испуганным и чрезвычайно озабоченным. По его лицу было видно, что он осознал что-то тяжелое и нерадостное.

— Мне об этом даже думать не хочется, — сказал Джо. — На самом деле все хуже, намного хуже, чем мне казалось раньше, чем думал Эл Хаммонд. Хотя и то было достаточно плохо.

— Неужели…

— Слушай, я все время пытаюсь понять почему, — произнес Джо. — Если бы я понял причину…

«Эл, кстати, никогда не задумывался над причиной, — отметил про себя Джо. — Мы оба предпочли выкинуть это из головы. И правильно».

— Только не говори ничего остальным, — попросил Денни. — Оно еще окажется неправдой, а если и нет, знание ничем им не поможет.

— Знание чего? — спросила из-за его спины Пат

Конли. — Что не поможет?

Она стояла перед ними, сверкая черными, поглощающими всякий свет глазами. Сейчас они были мудры и спокойны. Торжественно спокойны.

— То, что случилось с Эди Дорн — ужасно. Теперь — Фред Завски. Думаю, он тоже пропал. Не так-то уж много нас и остается, а? Интересно, кто следующий? — Пат говорила возмутительно спокойным голосом. — Типпи лежит в своем номере. Она не сознается, что устала, но, думаю, нам следует исходить из того, что это так. Согласны?

После паузы Дон Денни пробормотал:

— Согласен.

— С полицейским обошлось? — спросила Пат. — Можно посмотреть повестку?

Джо передал вызов в суд. «Момент настал, — подумал он. — Все происходит именно сейчас, в настоящем. В одном мгновении».

— Откуда полицейский узнал мое имя? — Пат пробежала глазами записку и пристально посмотрела на Джо и Дона. — Почему в записке про меня?

Она не узнала почерк, подумал Джо. Конечно.

— Писал Ранситер. Это ведь ты все делаешь, Пат? Ты и твой талант. Мы здесь из-за тебя.

— И ты убиваешь нас, — подхватил Дон Денни. — По одному. Но зачем? — Он повернулся к Джо. — Какие у нее могут быть причины? Она ведь нас даже не знает по-настоящему!

— Теперь понятно, зачем ты поступила в Корпорацию Ранситера. — Джо старался говорить спокойно, но голос его дрожал, он это слышал, и ему было стыдно. — Тебя нашел и привел Дж. Дж. Эшвуд. Значит, он работал на Холлиса, так? И то, что с нами происходит, на самом деле не из-за взрыва, а из-за тебя?

Пат улыбнулась.

И вестибюль отеля взорвался в лицо Джо Чипу.

Глава 13

Поднимите руки и убедитесь, как Вы чудно смотритесь!
Новый экстрамягкий бюстгальтер Убик, так же как и комбинация Убик, призван изменить Ваш облик!
При подгонке в соответствии с инструкцией обеспечивает правильную и комфортабельную поддержку бюста в течение всего дня.

Тьма гудела вокруг, прилипая, как скатавшаяся мокрая теплая шерсть. Ужас, который Джо чувствовал интуитивно, слился с темнотой и стал реальностью. «Я допустил неосторожность, — понял Джо. — Я не выполнил указание Ранситера; я позволил ей прочитать повестку».

— Что произошло, Джо? — озабоченно пробормотал откуда-то Дон Денни. — Что случилось?

— Все в порядке. — Джо уже мог кое-что разобрать, тьма распалась на серые клочья. — Я просто устал, — сказал Джо и почувствовал, как в самом деле измучилось его тело. Он не мог припомнить такой усталости. Никогда в жизни он не

испытывал такой усталости.

— Пойдем, я тебя посажу. — Дон Денни взял его под руку и повел.

От того, что теперь его надо вести, Джо стало еще страшнее. Он отстранился.

— Все в порядке, — повторил Джо. Он уже различал контуры Денни, видел вестибюль с витиеватыми канделябрами и слабым желтым светом. — Дай-ка я сяду, — пробормотал он и нащупал рукой стул с плетеной спинкой.

— Что ты с ним сделала? — крикнул Дон Денни.

— Ничего она со мной не сделала.

Джо пытался говорить твердо, но голос сорвался на визг.

«Как при ускоренном воспроизведении, — подумал Джо. — Не так, как я обычно говорю».

— Совершенно верно, — сказала Пат. — Ничего я с ним не делала. Ни с ним, ни с другими.

— Я хочу подняться в номер и прилечь, — сказал Джо.

— Сейчас я найду тебе комнату. — Дон Денни суетился вокруг Джо, то появляясь, то исчезая, в зависимости от освещения. Свет ослаб до тускло-красного, стал ярче и снова померк. — Ты посиди здесь, Джо, я сейчас вернусь. — Денни побежал к

регистратуре.

— Я могу чем-нибудь помочь? — заботливо спросила Пат.

— Нет. — Потребовалось значительное усилие, чтобы выговорить это вслух. — Может, сигарету, — произнес Джо и окончательно выдохся от напряжения. Он почувствовал, как тяжело забилось сердце. — Есть у тебя? — спросил он, с трудом различая Пат сквозь дымный красный свет. Судорожное мерцание обреченной, нежизнеспособной реальности.

— Извини, — сказала Пат. — Сигареты нет.

— Что… со мной случилось?

— Вероятно, сердечный приступ, — ответила Пат.

— Есть у них доктор, как ты думаешь? — Джо удалось произнести всю фразу.

— Сомневаюсь.

— Может, узнаешь?

— Я думаю, это у тебя на нервной почве. По-настоящему ты не болен.

Вернувшийся Дон Денни выпалил:

— Джо, я нашел тебе комнату. На втором этаже, номер двести три. — Он замолчал, и Джо почувствовал тревогу и озабоченность в его взгляде. — Ты выглядишь ужасно. Какой-то хруп-

кий. Как будто сейчас треснешь. Господи, Джо, ты знаешь, на кого ты сейчас похож? На Эди Дорн, когда мы нашли ее.

— Ничего подобного, — вмешалась Пат. — Эди Дорн была мертва, а Джо жив. Ты ведь жив, Джо?

— Я хочу прилечь, — прохрипел Джо. Каким-то образом ему удалось подняться, сердце заколотилось, потом замерло, словно сомневаясь, стоит ли стучать дальше, и забарабанило, как отбойный молоток. — Где лифт?

— Я проведу тебя. — Дон Денни снова подхватил Джо под плечо. — Да ты как перышко! Что с тобой, Джо? Или ты сам не знаешь? Попытайся объяснить мне, Джо.

— Он не знает, — сказала Пат.

— Я считаю, надо немедленно вызвать доктора, — заявил Денни. — Немедленно.

— Не надо, — пробормотал Джо. — Я прилягу, и мне станет лучше.

Он чувствовал, как на него накатывает океанский прилив, как его опрокидывают гигантские волны; осталось только одно — вытянуться на спине, в одиночестве, в комнате отеля. Где никто не смог бы его увидеть.

«Мне надо уйти, — сказал себе Джо. — Я должен остаться один». Зачем? Он не мог ответить, же-

лание навалилось внезапно, иррационально, его невозможно было осмыслить или объяснить.

— Я пойду за доктором. Пат, побудь с ним. Не выпускай его из виду. Я быстро.

Дон Денни кинулся прочь. Джо показалось, что он растворился. Патриция Конли осталась, но одиночества от этого не убавилось.

— Ну что, Джо, — сказала она. — Чего ты хочешь? Просто скажи.

— Лифт, — проговорил Джо.

— Хочешь, чтобы я довела тебя до лифта? С удовольствием.

Она пошла вперед, и Джо из последних сил двинулся следом. Пат шагала невероятно быстро, он с трудом держал ее в поле зрения.

«Это мне кажется, что она идет так быстро, — подумал Джо. — Все дело во мне, я заторможен, на меня давит сила тяжести. Мир приобрел свойства чистой массы, а я в нем — лишь тело, подверженное тяготению. Одно качество, одна характеристика. И одно ощущение. Инерция».

— Не так быстро, — пробормотал Джо.

Он уже не видел ее, легкой рысью Пат скрылась из виду. Не в силах двигаться дальше, Джо застыл, и соленый пот разъедал глаза.

— Подожди!

Пат вернулась. Он различил ее лицо: спокойное, невозмутимое выражение. Бесстрастное внимание, научная отстраненность.

— Хочешь, я тебя вытру? — Она вытащила изящный кружевной платочек. И лучезарно улыбнулась.

— Лучше помоги мне зайти в лифт.

Джо заставил себя двигаться дальше. Шаг. Еще один. Он уже видел двери лифта и нескольких человек, ожидающих его прихода. Над дверями висел старомодный циферблат. Похожая на иглу стрелка указывала на третий-четвертый этаж, потом качнулась влево, на третий, потом на третий-второй.

— Сейчас придет. — Пат вытащила сигареты и зажигалку, закурила, выпустив из ноздрей струйку серого дыма. — Это очень старый тип лифта, — заметила она, скрестив руки. — Знаешь, какой? Скорее всего, открытая железная клеть. Не боишься?

Стрелка прошла цифру два, задержалась у единицы и резко упала. Двери лифта скользнули в стороны.

Джо увидел железную решетку. На стуле, положив руку на рычаг, сидел лифтер в форме.

— Прошу пройти в кабину. Поднимаемся.

— Я не поеду, — сказал Джо.

— Почему? — спросила Пат. — Думаешь, оборвется? Ты боишься? По-моему, боишься.

— Эл видел вот такой же лифт.

— Послушай, Джо, добраться до твоего номера можно либо на лифте, либо по лестнице. В таком состоянии тебе пешком не подняться.

— Ничего, поднимусь.

Джо отшатнулся от лифта и попытался определить, где может быть лестница. «Я же не вижу! — дошло вдруг до него. — Я не найду ступеньки!» Теперь груз давил на легкие, дышать становилось все больнее и труднее; чтобы набрать воздух, приходилось замирать и сосредоточиваться.

«Может, действительно сердечный приступ, — подумал Джо. — Если так, я не поднимусь». Внутри, однако, нарастало нетерпение, непреодолимое желание остаться в одиночестве. Запереться в пустой комнате, чтобы никого не было, одному, без свидетелей, ничего не говорить и ничего не делать. Вытянуться, не произносить ни слова, не шевелиться. Не зависеть ни от кого и ни от чего. «И чтобы никто не знал, где я», — думал Джо. Это почему-то казалось очень важным.

Особенно Пат, ее не должно быть рядом.

— Вот сюда. — Пат слегка повернула его вле-

во. — Прямо перед тобой. Давай хватайся за перила и вперед, топай до постели. Смотри! — Она легко, танцующе заскочила на первую ступеньку, покачалась и так же невесомо вспорхнула на следующую. — Сумеешь?

— Я… не хочу, чтобы ты шла со мной, — прохрипел Джо.

— Ах ты, бедненький, — насмешливо протянула Пат, — боишься, что я воспользуюсь твоей слабостью? И что-нибудь с тобой сделаю?

— Нет. — Джо покачал головой. — Я… просто… хочу… побыть один.

Ухватившись за перила, он заставил себя подняться на первую ступеньку. Там он остановился, пытаясь разглядеть весь пролет.

— Денни просил тебя не оставлять. Хочешь, почитаю? Или принесу что-нибудь. Поухаживаю.

— Сам, — выдохнул Джо, поднявшись еще на одну ступеньку.

— Можно, я посмотрю, как ты карабкаешься? Интересно, сколько у тебя уйдет времени. Если ты, конечно, вообще долезешь.

— Долезу.

Джо поставил ногу на следующую ступеньку, ухватился покрепче за перила и подтянулся. Распухшее сердце перекрыло дыхание, Джо за-

жмурился и с шипением втянул в себя воздух.

— Интересно, — сказала Пат, — с Венди, надо полагать, вышло точно так же. Она ведь была первая, да?

Задыхаясь, Джо прохрипел:

— Я… любил… ее.

— Знаю. Дж. Дж. Эшвуд рассказывал. Он читал твои мысли. Мы с ним подружились. И проводили вместе много времени. Ты, конечно, подумаешь, что у нас был роман. Что ж, пусть так.

— Наше предположение оказалось… — Джо перевел дыхание, — верным.

Ему удалось закончить фразу и подняться на ступеньку. Потом с огромным усилием он преодолел еще одну.

— Насчет тебя и Дж. Дж. Вас подослал Рэй Холлис. Внедриться.

— Совершенно верно, — согласилась Пат.

— Наших лучших инерциалов. И Ранситера. Уничтожить нас всех. — Он поднялся еще на одну ступеньку. — Мы не в полужизни. Мы не…

— О! Умереть ты можешь, — заверила Пат. — Сейчас ты, по крайней мере, не мертв. Но вы гибнете один за одним. Впрочем, стоит ли об этом? Сколько можно возвращаться к этой теме? Ты нудный, педантичный и скучный тип, Джо. Та-

кой же, как Венди Райт. Вот бы вышла парочка!

— Теперь я знаю, отчего умерла Венди, — сказал Джо. — Не потому, что отделилась от группы. А потому…

Джо съежился от резкой боли в сердце; он попытался сделать еще один шаг, но оступился. Подумал и, вытянув руку, слабо дернул за рукав пиджака. Ткань разорвалась. Истлевший материал расползался, как дешевая второсортная бумага. Сомнений не оставалось. Скоро за ним потянется след. Обрывки истлевшей одежды приведут в номер отеля, где Джо Чип наконец обретет страстно ожидаемое одиночество. Последние усилия. Влечение к смерти, распаду и небытию. Всем управляла тягостная, неумолимо влекущая в могилу сила.

Он сделал еще шаг.

«Все равно поднимусь, — понял вдруг Джо. — Гонящая меня вперед сила пожирает мое тело, поэтому Венди, Эл и Эди, а сейчас наверняка и Завски полностью разрушились физически, оставив после смерти невесомую, высохшую, бестелесную оболочку. Эта сила направлена против многократно увеличенного притяжения и преодолевает его, расходуя погибающее тело. Но моего тела как источника энергии хватит,

чтобы подняться наверх; включилась биологическая потребность, и на данном этапе даже Пат, заварившая всю кашу, никак не сможет мне помешать». Ему стало интересно, что она чувствует, наблюдая за его подъемом. Восхищение? Презрение? Джо поднял голову, пытаясь найти Пат. Потом увидел ее живое, всегда разное лицо. Сейчас оно выражало только любопытство. Никакой враждебности. Он не удивился. Пат ничего не сделала, чтобы ему помочь, но и ничем не помешала. И это даже показалось ему правильным.

— Тебе лучше? — спросила Пат.

— Нет. — Подтянувшись, Джо рывком перебрался на следующую ступеньку.

— Ты вроде выглядишь пободрее.

— Потому что знаю, что теперь у меня получится.

— Да, уже немного осталось.

— Много, — возразил Джо.

— Ты невыносимый человек, Джо. Мелочный и ничтожный. Даже в предсмертных судорогах ты… — Пат запнулась. — Мне, конечно, не следовало говорить «предсмертные судороги». А то еще расстроишься. Не бери в голову, Джо. Ладно?

— Ты мне скажи, — выдохнул Джо. — Сколько ступенек.

— Шесть. — Она легко и бесшумно упорхнула вперед. — Нет, извини, десять. Или девять. Наверное, девять.

Джо преодолел еще одну ступеньку. Потом еще. И еще. Он молчал и старался даже не смотреть. Он полз по лестнице, как огромная улитка, ощущая, как постепенно формируется своеобразный навык, умение максимально эффективно использовать подорванные силы.

— Ну, почти, — бодро заявила сверху Пат. — Может, хочешь что-нибудь сказать, Джо? Прокомментировать свое выдающееся восхождение? Величайший в истории человечества подъем! Хотя нет, неверно. Венди, Эл, Эди и Фред Завски проделывали это до тебя. Просто за тобой мне удалось понаблюдать.

— Почему за мной? — произнес Джо.

— А потому, Джо, что в Цюрихе ты попытался провернуть низкопробную интрижку. Когда хотел затащить на ночь к себе в номер Венди Райт. Нет, на этот раз получится по-другому. Ты проведешь ночь один.

— Тогда тоже, — прохрипел Джо. — Я был один. — Он сделал еще шаг и зашелся в конвульсивном кашле.

— Нет, она была у тебя. Может быть, не в по-

стели, но где-то в номере. В любом случае ты ее проспал. — Пат расхохоталась.

Совершенно неожиданно Джо обнаружил, что помимо крайнего истощения он испытывает жуткий холод. «Когда это началось? — подумал он. — Наверное, давно, все происходило постепенно, я просто не замечал». Даже кости, казалось, звенели от холода. Хуже, чем на Луне, гораздо хуже. Еще хуже, чем ледяной холод в цюрихском отеле. То были еще цветочки.

«Метаболизм — всего-навсего процесс горения, действующая топка. С затуханием огня прекращается жизнь. Не правы они с этим адом, — подумал Джо. — Ад — это холод, и все там — холодное. Тело как таковое есть вес и тепло. Вес в данный момент я уже не выдерживаю, а тепло из меня уходит. Так устроена Вселенная. И это происходит не только со мной».

«Вот только слишком быстро все наступает, — подумал Джо. — Наше время еще не пришло, но некая зловещая сила из любопытства или враждебности ускорила процесс. Неосязаемое, извращенное существо, любящее подглядывать. Недоразвитое и тупое. Ему нравится, когда случается беда. Оно раздавило меня, как хрупкое насекомое на кривых ножках. Как ковыляю-

щего по земле безвредного жука. Который не в состоянии ни взлететь, ни спрятаться. Который может только лезть и лезть вверх, к безумию и кошмару. В замогильный мир, населенный такими же мерзкими обитателями. И существо это зовется Пат».

— А ключ у тебя есть? — спросила она. — От номера? Представляешь, поднялся ты на второй этаж, и тут выясняется, что надо спускаться за ключом.

— Есть. — Джо сунул руку в карман.

Истлевшая ткань разорвалась, и ключ зазвенел по ступенькам.

— Я подниму, — быстро сказала Пат. Она промчалась мимо Джо, подхватила ключ и, забежав вперед, положила на перила.

— Смотри, вот здесь, как награда. Поднимешься — возьмешь. Твой номер, скорее всего, слева, четвертая дверь. Быстро ты не доберешься, но после лестницы будет, конечно, легче.

— Я его вижу, — выдохнул Джо. — Ключ. И площадку. Я вижу лестничную площадку.

Ухватившись за перила двумя руками, Джо судорожным усилием швырнул тело на три ступеньки вверх. Это чуть не доконало его, давление увеличилось, холод усилился, а тело окончатель-

но ослабело. Но…

Он добрался.

— До свидания, Джо, — сказала Пат. Она склонилась, чтобы он мог видеть ее лицо. — Ты не хочешь, чтобы в номер ворвался Дон Денни, а? Тогда я ему скажу, что тебе вызвали такси и увезли в госпиталь. Так тебя не потревожат. И ты сможешь побыть в полном одиночестве. Согласен?

— Да, — выдавил Джо.

— Вот ключ. — Она всунула ему в руку холодный металлический предмет и сжала пальцы. — Держи хвост пистолетом, как говорят в тридцать девятом году. И не давай вешать себе лапшу на уши. Так здесь тоже говорят.

Она легко поднялась на ноги, на секунду задержалась, внимательно глядя на Джо, и быстрым шагом пошла к лифту. Он видел, как она нажала кнопку, постояла, потом створки скользнули в стороны и Пат исчезла.

Сжимая ключ, Джо повернул налево и медленно, не отрываясь от стены, пошел. Как темно, подумал он и зажмурился. Пот по-прежнему заливал глаза, и Джо не мог понять, было ли на самом деле темно или ослабло зрение.

До первой двери Джо добрался уже на четвереньках. Задрав голову, он с трудом разглядел

номер комнаты. Нет, не тот. Он пополз дальше.

У нужной двери ему пришлось встать, чтобы вставить ключ в замок. Усилие окончательно его добило. Джо рухнул на пол с ключом в руке, ударился головой о дверь и ткнулся лицом в пропахший пылью, тленом и холодом смерти ковер. Я не попаду в номер, понял Джо. Не смогу подняться.

Но он должен это сделать. Иначе его увидят.

Ухватившись за ручку, Джо подтянулся и встал на ноги, трясущейся рукой пытаясь нащупать замок.

Замок щелкнул, дверь распахнулась. Джо, растопырив руки, ввалился в комнату, навстречу вздыбившемуся полу. Успел разглядеть выцветший рисунок ковра, но боли от удара почти не почувствовал. «До чего же здесь все старое, — промелькнула мысль, — здесь, наверное, действительно ходит лифт в виде стальной клети. Так что я видел настоящий, подлинный лифт».

Некоторое время Джо лежал без движения, потом, упираясь руками в пол, поднялся на колени. «Господи, — подумал он, — это мои руки — узловатые, высохшие, пергаментные. Словно гузка высохшей вареной индюшки». Щетинистая, нечеловеческая кожа бугрилась неразвитыми

плавниками и перьями. Как у жившего миллионы лет назад водоплавающего существа.

Джо пытался найти в полумраке кровать. Широкое окно едва пропускало свет сквозь паутину занавесей.

Вот декоративный столик на тонких ножках. А вот наконец и кровать с медными шарами, венчавшими погнутые металлические стойки. Казалось, что долгие годы искривили железные прутья и покоробили полированные стенки. «Все равно я хочу туда лечь», — сказал себе Джо, пробираясь в глубь комнаты.

И тут он увидел сидящего в захламленном кресле человека. Безмолвного зрителя, который тут же встал и быстро подошел к нему. Глен Ранситер.

— Не мог помочь тебе на лестнице. — Тяжелое лицо Ранситера было сурово. — Она бы меня увидела. Я даже, знаешь, опасался, что она зайдет с тобой. Тогда возникли бы сложности, потому что она…

Ранситер осекся, резко наклонился и поставил Джо на ноги. Казалось, у Джо не осталось ни веса, ни сколько-нибудь существенной телесной субстанции.

— Ладно, об этом позже. — Он подхватил Джо

под руку и оттащил через всю комнату, но не на кровать, а к заваленному креслу, с которого только что поднялся. — Продержишься еще несколько секунд? Я хочу запереть дверь. На случай, если она передумает.

— Да, — выдохнул Джо.

В три огромных шага Ранситер пересек комнату, захлопнул дверь и задвинул щеколду. Потом так же быстро вернулся к Джо. Рывком открыв ящик декоративного стола, он вытащил баллончик с яркими наклейками и сияющей надписью «Убик».

— Убик, — сказал Ранситер.

Мощно встряхнув баллончик, он встал перед Джо и, направив на него распылитель, выпустил две длинные струи слева направо. Воздух засверкал и засветился, точно в него влились свободные частички света, в запущенном и старом гостиничном номере заиграла солнечная энергия.

— Ну как, лучше? Должно подействовать немедленно. Чувствуешь?

Он с тревогой вглядывался в Джо.

Глава 14

В обычном пакете вам не удастся сохранить аромат пищи. Нужен пластиковый мешок Убик! Четыре слоя покрытия обеспечат свежесть продукта и не допустят попадания воздуха или влаги.

— У вас есть сигарета? — спросил Джо. Голос его дрожал, но уже не от изнеможения. И не от холода. И то и другое отступило. «Я напряжен, — отметил про себя Джо. — Но я не умираю. Убик остановил процесс».

Как и обещал Ранситер в записанной на пленку телерекламе. И если бы он нашел Убик, все было бы в порядке. «Однако, — мрачно подумал Джо, — времени потребовалось немало. Я мог бы и не добраться».

— Без фильтра, — предупредил Ранситер. — В этом далеком несчастливом времени сигарет с фильтром пока нет. — Он протянул Джо пачку «Кэмел» и зажег спичку.

— Свежие, — простонал Джо.

— Конечно свежие, черт побери! Только что

из табачного киоска. Мы уже основательно сюда влезли. Период скисшего молока и затхлых сигарет давно позади. — Ранситер уверенно улыбнулся, глаза его были холодны и полны решимости.

— Вы можете помочь остальным?

— У меня только один баллончик. И почти все пришлось потратить на тебя. — Он раздраженно взмахнул руками, пальцы судорожно сжались от неконтролируемого гнева. — Мои возможности повлиять на ход вещей ограниченны. То, что мог, я сделал. — Ранситер поднял взгляд на Джо, голова его при этом дернулась. — Я добрался до вас, до всех, использовав самую малую возможность, самый ничтожный шанс. Все, что было в моих силах, я исполнил. Чертовски мало. Почти ничего. — Он снова погрузился в тягостное раздумье.

— Надпись на стене в туалете, — сказал Джо. — Вы написали, что мы мертвы, а вы живы.

— Я действительно жив! — рявкнул Ранситер.

— А мы, все остальные, значит, мертвы?

После долгого молчания Ранситер сказал:

— Да.

— А реклама по телевизору?

— Это было сделано, чтобы заставить вас бороться. Найти Убик. Реклама побудила вас искать,

и вы искали. Я пытался передать его вам, но ты сам знаешь, что этому мешало — Пат затягивала всех в прошлое, действовала своим талантом, все подвергала регрессии. За исключением отрывочных записей, которые я все-таки сумел вам передать. — Ранситер ткнул в Джо тяжелым пальцем: — Ты понял, с чем мне пришлось сражаться? Что погубило вас всех, одного за другим? Честно говоря, я даже поражен, что мне удалось так много.

— Когда вы догадались, что происходит? — спросил Джо. — Или вы всегда знали? С самого начала?

— С начала, — с горечью повторил Ранситер. — Какого начала? Все началось месяцы, если не годы, назад: одному богу известно, когда Холлис, Мик, Пат Конли, С. Доул Мелипон и Дж. Дж. Эшвуд задумали провернуть это дело. Что в результате вышло? Мы прилетели на Луну. Мы взяли с собой Пат Конли, которую не знали, в таланте которой толком не разобрались; кстати, думаю, и Холлис до конца его не понимает. Как бы то ни было, ее способность связана с обращением времени вспять. Это не есть, в строгом смысле слова, умение перемещаться во времени; в будущее, например, она попасть не может. По сути дела,

она и в прошлое не может попасть. Насколько я сумел разобраться, она запускает обратный процесс: инициирует проявление заложенных в материи ранних стадий ее развития. Но это ты знаешь, вы с Элом ее раскусили. — Ранситер яростно заскрежетал зубами. — Эл Хаммонд, какая потеря! Но я ничего не мог сделать. Тогда я не мог прорваться, как сейчас.

— А почему сейчас смогли? — спросил Джо.

— Потому что дальше затащить нас она уже не в силах. Возобновился нормальный временной поток, мы движемся из прошлого через настоящее в будущее. Похоже, здесь ее способность заканчивается. Тысяча девятьсот тридцать девятый год — это предел. Сейчас она просто отключила свой талант. Почему бы и нет? Она сделала с нами то, что велел ей Рэй Холлис.

— Сколько человек подверглись воздействию?

— Только те, кто находился в зале в момент взрыва. Даже Зоя Вирт не пострадала. Пат умеет регулировать радиус своего поля. Для остального мира мы вылетели на Луну и погибли в результате несчастного случая. Преисполненный скорби Стентон Мик поместил нас в саркофаги, но контакт пока установить не удалось, так как подобрали нас слишком поздно.

— Почему их не устроил взрыв обычной бомбы?

Ранситер удивленно поднял бровь.

— Зачем вообще понадобилась Пат Конли? — Даже в таком разбитом состоянии Джо почувствовал нелепость происходящего. — Кому были нужны бесконечные превращения всех этих механизмов? Зачем нас затащили в прошлое, в тысяча девятьсот тридцать девятый год? Это же бессмысленно.

— Интересная мысль. — Ранситер медленно кивнул, на суровом, окаменевшем лице застыла озабоченность. — Я должен это обдумать. Дай мне немного времени. — Он подошел к окну и застыл, разглядывая магазины на другой стороне улицы.

— Сдается мне, что мы столкнулись не столько с осмысленной, сколько с тупой зловещей силой. Не похоже, чтобы кто-нибудь хотел убить нас или парализовать, уничтожить как защитную организацию. Скорее… — Джо почти догадался. — Скорее, здесь действует безответственное существо, получающее наслаждение от наших страданий. От того, что убивает нас одного за другим. На Рэя Холлиса это не похоже. Он убивает равнодушно и хладнокровно. И Стентон Мик, насколько я знаю…

— Это сама Пат, — хрипло перебил его Ранситер, отвернувшись от окна. — У нее психика садиста, отрывающего крылья у мухи. Так она и поступает с нами.

Он ждал реакции Джо.

— По-моему, взрослый человек на такое не способен, — сказал Джо.

— А ты посмотри на Пат. Сколько в ней злости и ревности. Первой она уничтожила Венди Райт. Из-за эмоциональной антипатии. А как она тащилась за тобой по лестнице? Наслаждалась, упивалась зрелищем!

— Откуда вы знаете? — спросил Джо. «Он ведь ждал здесь, в комнате, — подумал Джо, — он не мог этого видеть. И… как вообще Ранситер узнал, что я приду именно в этот номер?»

Ранситер резко и хрипло выдохнул:

— Я не все тебе рассказал, Джо. Видишь ли… — Он замолчал, яростно жуя нижнюю губу, потом решительно продолжил: — Кое-что я от тебя утаил. Я нахожусь в несколько ином отношении к этому миру, чем вы все. И ты абсолютно прав, я знаю слишком много. Это потому, что я нахожусь вне его, Джо.

— Вы только являетесь.

— Да. Проникаю в этот мир то в одном, то в

другом месте. В стратегически важных местах и в нужный момент. Как в случае с повесткой в суд. Или аптекой Арчера…

— Реклама по телевидению, — сказал Джо, — шла не в записи.

Ранситер очень неохотно кивнул.

— В чем разница между вашей ситуацией и нашим положением?

— Ты действительно хочешь, чтобы я ответил?

— Да. — Джо приготовился, хотя заранее знал, что услышит.

— Я не мертв. На стене была написана правда. Вы все в саркофагах, а я… — Слова давались Ранситеру с трудом, он говорил, отвернувшись от Джо. — А я сижу в переговорной Мораториума Возлюбленных Собратьев. Вы все связаны между собой как группа, таково мое указание. Я же периодически вхожу с вами в контакт. Отсюда и «явления», как вы их называете. Вот уже целую неделю я пытаюсь добиться, чтобы вы ожили в полужизни, но… ничего не выходит. Вы угасаете один за другим.

После паузы Джо спросил:

— А Пат Конли?

— Пат с вами, в полужизни. Она также связана со всеми членами группы.

— Чем обусловлена регрессия? Ее талантом или это нормальный для полужизни процесс распада? — Джо напряженно ждал слов Ранситера, слишком многое зависело от его ответа.

Ранситер фыркнул, покривился и хрипло сказал:

— Нормальный процесс. Элла испытывает то же самое. Все, кто попадает в полужизнь, проходят через это.

— Вы лжете, — сказал Джо и почувствовал, как острый нож пронзил его насквозь.

Не сводя с него взгляда, Ранситер произнес:

— Джо, мальчик мой, я спас тебе жизнь, я пробился к тебе как раз вовремя, чтобы не дать угаснуть функциям полужизни, иначе… тебя бы уже не было. Если бы я не оказался здесь, когда ты приполз сюда и ввалился в дверь… Черт побери, Джо, ты понимаешь, что, если бы не я, будь оно все проклято, ты бы сейчас валялся на этой кровати труп трупом! Я — Глен Ранситер, я — твой шеф, и я дерусь за все ваши жизни, я — единственный здесь, в реальном мире, бьющийся за вас. — Он по-прежнему смотрел на Джо с негодованием и изумлением, словно не мог в полной мере оценить происходящее. — Эта девушка, — повторил Ранситер, — Пат Конли, она бы убила тебя, как

убила… — Он осекся.

— Как убила Венди, Эла, Эди Дорн, Фреда Завски, а сейчас, наверное, и Тито Апостоса, — закончил Джо.

Едва слышно, но четко Ранситер произнес:

— Ситуация очень сложная. И простых ответов тут быть не может.

— Вы просто не знаете ответов, — сказал Джо. — В этом-то все и дело. Вы их выдумываете, вы вынуждены это делать, чтобы объяснить свое здесь присутствие. Ваши так называемые «явления».

— Я их так не называю. Это слово придумали вы с Элом. И не вини меня в том, что вы оба…

— Вы знаете не больше меня, — перебил его Джо, — о том, что происходит с нами и кто на нас нападает. Глен, вы не можете утверждать, кто наш враг, потому что вам это неизвестно.

— Я знаю, что я жив, — сказал Ранситер, — знаю, что я сижу здесь, в переговорной мораториума…

— Ваше тело лежит в гробу, — остановил его Джо. — Здесь, на кладбище Невинного Пастыря. Вы его видели?

— Не видел, — ответил Ранситер. — Но это нереальное…

— Оно высохло. Съежилось, как у Венди, Эла,

Эди, как… вскоре съежится у меня. Ваши дела обстоят точно так же — не лучше и не хуже.

— Я достал тебе Убик. — На лице Ранситера возникло труднопередаваемое выражение, казалось, он испытывает одновременно прозрение, страх и… Джо не мог определить, что еще. — Я принес тебе Убик, — повторил Ранситер.

— Что такое Убик?

Глен Ранситер не ответил.

— Вы и сами не знаете, — сказал Джо. — Не знаете, как и почему он действует. Вы даже не знаете, откуда он берется.

После долгой мучительной паузы Ранситер произнес:

— Ты прав, Джо. Абсолютно прав. — Дрожащими руками он достал еще одну сигарету и закурил. — Но я хотел спасти твою жизнь, честно! Черт, будь моя воля, я спас бы вас всех.

Сигарета выскользнула из его пальцев и покатилась по полу. С огромным усилием Ранситер наклонился, чтобы поднять ее. Лицо его выражало крайнюю степень несчастья. Почти отчаяние.

— Мы — здесь, а вы сидите в переговорной и ничего не можете сделать, не можете положить конец тому, что с нами происходит.

— Да, так. — Ранситер кивнул.

— Мы в саркофагах, — сказал Джо, — но не все так просто. Происходит нечто необычное для полужизни. Работают две силы, как догадался Эл. Одна помогает нам, вторая уничтожает нас. Вы действуете заодно с той силой, человеком или субстанцией, которая хочет нам помочь. От нее вы и взяли Убик.

— Да.

— Значит, до сего момента никто так и не понял, кто нас уничтожает… и кто помогает нам. Вы не знаете этого, находясь снаружи, а мы не знаем этого здесь. Может быть, это Пат.

— Не сомневаюсь, — ответил Ранситер. — Она — ваш враг.

— Наверное, — сказал Джо, — хотя я так не считаю.

«Скорее всего, — добавил он про себя, — мы вообще не встречались ни с нашим врагом, ни с другом. Но скоро встретимся. Очень скоро мы узнаем, кто есть кто».

— Вы уверены, — спросил Джо Ранситера, — что, кроме вас, никто не выжил после взрыва? Подумайте, прежде чем ответить.

— Как я уже говорил… Зоя Вирт.

— Из нас, — подчеркнул Джо. — Может быть, Пат Конли?

— У Пат была разворочена грудная клетка. Она скончалась от шока и разрыва легкого, сопровождаемого множественными внутренними повреждениями, в том числе ранением печени и тройным переломом ноги. В физическом плане она, то есть ее тело, находится в четырех футах от тебя.

— А остальные? Все лежат в саркофагах в Мораториуме Возлюбленных Собратьев?

— Кроме одного, — сказал Ранситер, — Сэмми Мундо. Он получил множественные поражения мозга и впал в кому, из которой, как говорят, никогда не выйдет. Подкорковые…

— Значит, он жив. Сэмми не в саркофаге. Не здесь.

— Я бы не говорил про него «жив». Энцефалограмма не показывает ни малейшей корковой активности. Это растение, не больше. Никакой личности, никакого сознания. В мозгу Мунди ничего не происходит, то есть буквально ничего.

— Естественно, его вы не вспомнили, — сказал Джо.

— Вот, вспомнил.

— Когда я спросил. — Джо задумался. — Как далеко он от нас? Он в Цюрихе?

— Да, мы приземлились здесь, в Цюрихе. Он

в госпитале Карла Юнга. Примерно в четверти мили от мораториума.

— Наймите телепата, — сказал Джо. — Или используйте Дж. Дж. Эшвуда. Сканируйте его.

«Мальчик, — подумал Джо. — Неуравновешенный и незрелый. Жестокая, несформировавшаяся личность. Может быть, дело в нем. Тогда становятся понятны проделки играющего нами капризного существа. То, что у нас то отрывают крылья, то приделывают их обратно. Временные восстановления, как сейчас со мной в этом гостиничном номере после подъема по лестнице».

— Уже пробовали, — вздохнул Ранситер. — При подобных травмах мозга всегда пытаются установить с человеком телепатический контакт. Безрезультатно. Лобные доли бездействуют. Полностью. Вот так, Джо. — Ранситер сочувственно покивал огромной головой.

Сняв ставшие привычными наушники, Глен Ранситер сказал в микрофон: «Поговорим позже», отключил аппаратуру, тяжело поднялся и некоторое время разглядывал неподвижное, скованное льдом тело Джо Чипа, покоящееся в прозрачном пластиковом саркофаге. Вытянувшееся и безмолвное, таким оно останется до скончания веков.

— Вызывали, сэр? — В переговорную, заискивая, как средневековый лизоблюд, вбежал Герберт Шонхайт фон Фогельзанг. — Хотите, чтобы я вернул мистера Чипа назад, к остальным? Уже закончили, сэр?

— Закончил.

— Все…

— Да, связь была отличной. На этот раз мы хорошо друг друга слышали.

Ранситер закурил. Прошло несколько часов с того момента, как он курил последний раз, все не мог выбрать свободной минуты. Тяжелая, изнуряющая работа по установлению связи с Джо Чипом окончательно его вымотала.

— У вас есть поблизости автомат с амфетамином?

— Конечно, в холле. — Ответ владельца мораториума сопровождался угодливым жестом.

Выйдя из переговорной, Ранситер зашагал к автомату. Опустив монету, установил рычажок выбора, и маленькая таблетка со знакомым звоном упала в приемник. От лекарства ему стало значительно лучше, однако он тут же вспомнил о назначенной через два часа встрече с Леном Ниггельманом и подумал, что может и не успеть. «Слишком много всего происходит, — решил

Ранситер. — Я не готов представить Обществу формальный отчет о происшедшем, лучше, пожалуй, связаться с Ниггельманом по видеофону и отложить встречу».

По платному видеофону он позвонил Ниггельману в Североамериканскую Конфедерацию.

— Лен, сегодня я уже ни на что не способен. Я двенадцать часов пытался связаться с моими людьми в саркофагах и страшно устал. Завтра будет нормально?

— Чем скорее ты подашь официальное заявление, тем скорее мы сможем начать дело против Холлиса. Ребята из юридического отдела просто рвутся в бой.

— Думаешь, пройдет гражданское обвинение?

— И гражданское, и уголовное. Они уже связывались с генеральным прокурором Нью-Йорка. Но пока ты не представишь формального, заверенного доклада…

— Завтра, — пообещал Ранситер. — Я должен хоть немного поспать. Я скоро сам, к чертям, загнусь.

«Потерял всех своих лучших людей, — подумал Ранситер. — Особенно Джо Чипа. Моя организация обескровлена, мы не сможем проводить коммерческие операции еще месяцы, а то и годы.

Господи, ну где я возьму таких инерциалов? Где я найду такого специалиста по замерам, как Джо?»

— Конечно, Глен, — сказал Ниггельман. — Отдыхай, спи. Завтра встретимся в моем кабинете, ну, скажем, в десять по местному.

— Спасибо.

Ранситер положил трубку и тяжело плюхнулся на стоящий возле видеофона пластиковый диван. «Такого специалиста по замерам, как Джо, я не найду никогда, — подумал он. — И суть дела заключается в том, что Корпорации Ранситера больше нет».

Снова, как всегда не вовремя, появился владелец мораториума.

— Что-нибудь нужно, сэр? Чашечку кофе? Еще амфетамина? Может быть, суточную капсулу? У меня в кабинете есть такие таблетки, одной хватит на несколько часов работы, а то и на всю ночь.

— Всю ночь, — промолвил Ранситер, — я собираюсь спать.

— В таком случае, может быть…

— Пошел вон! — рявкнул Ранситер. Фогельзанг исчез.

«Почему я выбрал это место? — подумал Ранситер. — Наверное, из-за Эллы, потому что это

лучший мораторий, а теперь здесь и все остальные. Господи, совсем недавно они находились по эту сторону саркофагов. Какая катастрофа!.. Элла. Пожалуй, стоит на минуту с ней связаться, рассказать, как идут дела. Да я и обещал».

Поднявшись, Ранситер отправился на поиски владельца мораториума. Неужели опять вклинится этот проклятый Джори? Или удастся удержать Эллу достаточно долго и рассказать ей про Джо Чипа? С ней так сложно стало устанавливать контакт: Джори разбухает, кормится ею, а может, и другими полуживыми.

Мораториуму давно пора принять в отношении его какие-нибудь меры, Джори — угроза всем там находящимся.

«Почему ему позволяют творить что вздумается? Может, потому, — подумал Ранситер, — что они ничего не могут сделать? Может, в полужизни еще не было никого, подобного Джори?»

Глава 15

— Слушай, Том, неужели у меня появился запах изо рта?
— Эд, раз тебя это волнует, попробуй новый препарат Убик. Он обладает антибактерицидными свойствами и абсолютно безопасен, если применять по инструкции.

Дверь номера распахнулась. В сопровождении респектабельного господина средних лет с аккуратно подстриженными седыми волосами в комнату вошел Дон Денни.

— Как ты себя чувствуешь, Джо? — спросил он с тревогой. — Почему не ложишься?

— Ложитесь, мистер Чип. — Доктор поставил на декоративный столик свою сумку. — Боль, слабость и затрудненное дыхание?

Он приблизился к кровати со старомодным стетоскопом и диковинным аппаратом для измерения давления.

— Страдали раньше сердечными заболеваниями? А ваши мать и отец? Расстегните рубашку, пожалуйста.

Доктор придвинул к кровати деревянный стул и уселся с ожидающим видом.

— Мне уже лучше, — сказал Джо.

— Пусть доктор тебя послушает, — выразительно произнес Денни.

— Пожалуйста. — Джо вытянулся на кровати и расстегнул рубашку. — Ко мне удалось прорваться Ранситеру, — сказал он Денни. — Мы все — в саркофагах, он пытается пробиться к нам снаружи. Кто-то хочет нам навредить. Это не Пат, во всяком случае, не она одна. Никто толком не знает, что происходит. Ты видел Ранситера, когда открыл дверь?

— Нет.

— Он сидел здесь в комнате, напротив меня. Несколько минут назад. «Вот так, Джо» — это были его последние слова, потом он исчез, просто отключился. Посмотри на столике, не оставил ли он баллончика с Убиком.

— Да, вот. — Денни поднял яркий баллончик. — Но он, по-моему, пустой.

— Почти пустой, — поправил Джо. — Побрызгай чем осталось на себя. Давай. — Он нетерпеливо махнул рукой.

— Не разговаривайте, мистер Чип, — попросил доктор, затем закатал рукав рубашки и принялся

крепить к руке Джо кусок резиновой ткани.

— Как мое сердце? — поинтересовался Джо.

— Вроде нормально. Хотя пульс частый.

— Видишь? — Джо посмотрел на Денни. — Мне лучше.

— Остальные умирают, Джо, — сказал Денни.

— Что, все? — Джо присел.

— Все, кто еще остался. — Дон Денни поднял баллончик, но не нажимал на распрыскиватель.

— И Пат тоже?

— Я ее нашел на втором этаже, возле лифта. С ней все только началось. А она, судя по всему, никак не могла в это поверить. — Он снова поставил баллончик на место. — По-моему, ей казалось, что все зависит от нее. И ее таланта.

— Правильно, — сказал Джо. — Именно так она и думала. Чего ты ждешь, Дон?

— Черт побери, Джо, все равно мы все умрем. Ты это прекрасно знаешь, и я знаю. — Дон Денни снял очки в роговой оправе и протер глаза. — Увидев состояние Пат, я прошел по комнатам и посмотрел, как остальные. Поэтому мы и задержались. Я попросил доктора Тейлора осмотреть всех. Даже не верится, что они угасают так стремительно. Началось проклятое ускорение. Буквально за последний час…

— Побрызгайся Убиком, — сказал Джо. — Или я тебя обрызгаю.

Дон Денни снова взял баллончик, встряхнул его и направил распылитель на себя.

— Ладно, раз ты настаиваешь. Почему бы, собственно, и нет. Все равно конец, так? Я имею в виду, что все уже мертвы, остались ты и я. Твой Убик выдохнется через пару часов, больше ты не найдешь, и я останусь один.

Решившись, Денни нажал на распылитель, и сияющее, дрожащее облако, полное танцующих частиц металлического света, тут же укрыло его. Дон Денни исчез в светящемся нимбе чистой энергии.

Оторвавшись от тонометра, доктор Тейлор следил за происходящим. И он, и Джо видели, как облако конденсировалось, на ковре заблестели лужи, а по стене сзади Денни потекли яркие ручейки.

Скрывавшая Дона Денни дымка испарилась.

В центре исчезающего облака, густо пропитавшего старый выцветший ковер, стоял незнакомый человек.

Это был отталкивающего вида хрупкий подросток с черными круглыми, как пуговицы, косящими глазами, в старомодном наряде: белая

рубашка, джинсы и кожаные туфли без шнурков.

Одежда середины века. Вытянутое лицо подростка пересекала поперечная щель рта, расползающаяся в сладострастный оскал.

Ни одна черта не соответствовала другой: уши с глубокими раковинами не подходили к детским глазам. Прямые волосы — к сросшимся кустистым бровям. И нос, подумал Джо. Чересчур острый и непомерно длинный. Даже подбородок не вписывался в лицо: глубокая ямка уходила в самую кость, словно создатель этого существа, дойдя до подбородка, нанес в раздражении страшный удар, желая уничтожить получившееся. Однако пошедший на мальчишку материал оказался слишком прочным, он не раскололся надвое, не треснул, а продолжал существовать как вызов создавшей его силе, скалясь на нее и весь окружающий мир.

— Ты кто? — спросил Джо.

Юноша судорожно скрутил пальцы; очевидно, это помогало ему не заикаться.

— Иногда я называю себя Мат, а иногда Билл. Но чаще всего я Джори. Так меня на самом деле зовут — Джори.

После паузы Джо спросил:

— Где Денни? Он ведь не заходил в эту комнату?

«Наверное, он умер, — подумал Джо. — Вместе с остальными».

— Я давно съел Денни, — ответил Джори. — В самом начале, как только они приехали из Нью-Йорка. А первой я съел Венди Райт. Денни был вторым.

— Что значит «съел»? — спросил Джо, содрогаясь от отвращения. По телу его прокатилась судорога, захотелось съежиться и сжаться в комок.

— А то и значит, — ответил Джори. — Это довольно трудно объяснить, но я давно проделываю такое с попавшими в полужизнь. От каждого достается по чуть-чуть, поэтому мне необходимо много людей. Раньше я давал им время пообвыкнуть в полужизни, сейчас — беру немедленно. Чтобы сохраниться самому. Подойдите поближе и послушайте, я открою рот, и вы услышите их голоса. Может быть, не всех, но последних из съеденных. Вы их знаете. — Он поковырял ногтем верхний передний зуб — серый, гнилой. — Ничего не хотите мне сказать?

— Это ты начал меня убивать внизу, в холле?

— Да, я, а не Пат. Я съел ее возле лифта, а потом

съел всех остальных. Я думал, что вы мертвы. — Джори повертел в руках баллончик с Убиком, который до сих пор держал в руках. — Не пойму. Что там может быть и где Ранситер его выкопал? — Парень нахмурился. — Кстати, Ранситер не мог этого сделать, вы правы, он с другой стороны. Это возникает здесь, в нашем окружении.

— Значит, ты бессилен. Убик не позволит тебе съесть меня.

— Некоторое время. Пока не выдохнется.

— Не надо блефовать! Ты даже не знаешь, что это такое и откуда он взялся!

«Интересно, — подумал Джо, — смогу ли я его прикончить?» Мальчишка выглядел довольно хилым. «Это существо убило Венди, — сказал он себе. — Я смотрю ему в лицо, я знал, что когда-нибудь так и будет. Венди, Эл, настоящий Дон Денни… все. Он сожрал даже труп Ранситера, едва тот попал в саркофаг мораториума. Значит, остаточная протофазная активность все-таки была, что-то, во всяком случае, его привлекло».

— Мистер Чип, вы не даете мне измерить ваше давление, — сказал доктор. — Я попрошу вас лечь.

Потрясенный до глубины души, Джо произнес:

— Джори, он что, не видел твоей перемены? Он

слышит тебя?

— Доктор Тейлор — продукт моего сознания, — ответил Джори. — Как и все остальное в этом псевдомире.

— Не верю, — сказал Джо. — Вы же слышали, что он сказал, доктор?

Послышалось шипение, глухой хлопок, и доктор исчез.

— Убедились? — поинтересовался довольный Джори.

— Что ты собираешься делать, когда покончишь со мной? — спросил Джо. — Сохранишь реальность тысяча девятьсот тридцать девятого года?

— Нет, конечно. Какой в этом смысл?

— Значит, все это ради меня? Весь мир?

— Не так уж он и велик. Гостиница в Де-Мойне, улица за окном, несколько автомобилей и прохожих. Ну, может, еще пара зданий через дорогу на случай, если вам вздумается посмотреть в окошко.

— Значит, ты не влияешь на Нью-Йорк, Цюрих или…

— Зачем? Там же никого нет. Я создаю осязаемую реальность только там, где находитесь вы или кто-либо из группы. И то самый минимум.

Вот когда вы летели сюда из Нью-Йорка, я создал сотни миль сельской местности и страшно вымотался. Понадобилось съесть невероятно много, чтобы хоть как-то компенсировать расходы. Поэтому, собственно говоря, и пришлось всех прикончить сразу же после вашего приезда. Мне необходимо было восстановить силы.

— Почему тысяча девятьсот тридцать девятый? — спросил Джо. — Почему не наш, тысяча девятьсот девяносто второй год?

— Я не могу задержать регрессию. Одному это вообще невозможно. Я, конечно, начал с тысяча девятьсот девяносто второго, но все стало ломаться. Монеты, сливки, сигареты — эти явления вы замечали. К тому же постоянно прорывался снаружи Ранситер, а его мне только не хватало. По сути дела, было бы лучше, если бы он не вмешивался. — Джори лукаво улыбнулся. — Но обращение в прошлое меня нисколько не тревожило, я знал, что вы припишете все Пат. Слишком похоже на ее талант. Я даже думал, что вы ее прикончите. Вот бы я порадовался. — Джори еще больше оскалился.

— А зачем сохранять гостиницу и улицу теперь, когда я все знаю?

— Но я всегда делаю это так. — Глаза Джори

расширились.

— Убью! — сдавленно крикнул Джо и навалился на Джори, пытаясь схватить его за горло.

Зарычав, Джори впился ему в руку. Огромные, тупые, как лопата, зубы глубоко вошли в правую кисть. Дернув головой, Джори оторвал руку Джо от своего горла и уставился на него немигающим взглядом. Он плотоядно рычал, сжимая зубы. Они еще глубже вошли в плоть, и Джо едва не потерял сознание от боли. «Он же меня ест», — дошло вдруг до него.

— Нет! — крикнул Джо и изо всех сил ударил Джори по носу. — Убик тебе не позволит! — Он наотмашь хлестнул юнца по глазам. — Со мной у тебя ничего не выйдет!

— Ефе посмошшим… — прорычал Джори, поовечьи двигая челюстями и пережевывая руку Джо.

Обезумев от боли, Джо ударил Джори ногой. Челюсти разжались. Джо отполз назад, в ужасе глядя, как кровь заливает изувеченную руку.

— Ты все равно не сделаешь со мной того, что сделал с остальными!

Нащупав баллончик с Убиком, он направил распылитель на кровоточащую рану. Слабая струйка частиц тонкой пленкой покрыла изжеванную,

порванную плоть. Боль немедленно утихла.

Рана затянулась.

— И ты не можешь убить меня, — ухмыльнулся Джори.

— Я пошел наверх, — пробормотал Джо. Пошатываясь, он направился к двери и распахнул ее, сделал несколько осторожных шагов по темному коридору. Пол казался вполне надежным. Ничто не напоминало квази-, псевдо— или ирреального мира.

— Далеко не ходи, — крикнул вдогонку Джори. — Я не могу работать на большом расстоянии. Учти, если надумаешь сесть в машину и отъехать на несколько миль… рано или поздно доедешь до точки, где все оборвется. А это тебе понравится не больше, чем мне.

— По-моему, я ничего не теряю. — Джо дошел до лифта и нажал кнопку вызова.

— С лифтами у меня не всегда получается, — сказал в спину Джори. — Слишком сложные. Может, лучше пойдешь по лестнице?

Подождав еще немного, Джо уступил и, следуя совету Джори, пошел вниз по лестнице — по тем же самым ступенькам, по которым недавно из последних сил поднимался.

«Ну вот, — подумал Джо, — вот одна из действу-

ющих сил, та, что пытается уничтожить нас… что уже уничтожила всех, кроме меня, — Джори. За ним — ничего, Джори — это конец. Встречусь ли я с другой силой? Скорее всего нет, во всяком случае, не скоро».

Спустившись в вестибюль, Джо огляделся. Вокруг сновали люди, с потолка свисала люстра.

Джори, что ни говори, провернул огромную работу. Настоящий, подумал Джо, пробуя ногой пол. Не провалишься.

Судя по всему, у парня богатый опыт. Похоже, он проделывал такое не один раз.

Подойдя к администратору, Джо спросил:

— Где тут у вас приличный ресторан?

— По улице к центру. — Клерк оторвался от сортировки почты. — И направо. «Матадор». Вам очень понравится, сэр.

— Я тут совсем один, — неожиданно сказал Джо. — Есть в вашем отеле какие-нибудь развлечения? Девочки?

Сухим, неодобрительным тоном клерк ответил:

— В нашем отеле подобного нет, сэр. Мы не занимаемся сводничеством.

— У вас благопристойный, чистый, семейный отель, так?

— Мы прилагаем к этому все старания, сэр.

— Я вас просто проверил, — сказал Джо. — Хотел убедиться, что попал в приличное место.

Он отошел от стойки, пересек вестибюль, спустился по широким мраморным ступенькам и вышел через вращающиеся двери на тротуар.

Глава 16

Начинайте утро со здоровой, вкусной — пальчики оближешь — питательной каши Убик. Это лучшее, что может выбрать на завтрак взрослый человек. Ни в коем случае не превышать рекомендованной дозы.

Разнообразие машин потрясало: модели разных лет и модификаций. И в том, что большинство из них имели черный цвет, вины Джори не было. Подлинная примета времени.

Но откуда он узнал?

«Странно, — подумал Джо, — что Джори до мелочей известен быт 1939 года, в котором никто из нас не жил, кроме… Глена Ранситера».

Потом, совершенно неожиданно, Джо догадался. Джори сказал правду: он не создавал этот мир, он воссоздал собственное время, а вернее — его фантасмагорический прототип. Возврат к прежним формам — не его рук дело, это произошло само собой, может быть, вопреки его усилиям. Причины в естественных природных атавизмах, проявляющихся по мере ослабления

энергии Джори. Как он сам говорит, это стоит ему огромных усилий. А столь разнообразный мир со множеством персонажей он наверняка создал впервые.

«Мы здорово его перенапрягли, — подумал Джо. — И поплатились за это».

Мимо протарахтел квадратный старый «Додж» — такси. Джо махнул рукой, и машина шумно, со скрипом остановилась. «Ну что ж, — сказал сам себе Джо, — посмотрим, как далеко простираются границы квазимира».

— Провезите меня по Де-Мойну. Мне бы хотелось посмотреть как можно больше улиц, домов и людей, а потом поедем в ближайший городок и там решим, что дальше.

— Лицензия запрещает мне междугородние перевозки, мистер, — извинился водитель, распахнув перед Джо дверь. — Но по Де-Мойну я вас покатаю с удовольствием. Это красивый город. А вы из другого штата, сэр?

— Из Нью-Йорка, — сказал Джо, усаживаясь на сиденье.

Такси влилось в дорожный поток.

— Ну, что в Нью-Йорке говорят о войне? — поинтересовался водитель. — Думаете, мы примем участие? Рузвельт намерен втянуть…

— Я не расположен говорить о войне или политике, — резко оборвал его Джо.

Некоторое время они ехали молча.

Глядя на здания, людей и проносящиеся за окном машины, Джо снова задумался, как удается Джори все это удерживать.

Такое изобилие деталей! Наверное, недалеко и граница — предел его возможностей. Судя по всему, до нее осталось рукой подать.

— Водитель, — спросил Джо, — есть у вас в Де-Мойне публичные дома?

— Нет.

«Может, Джори этого не умеет, — подумал Джо, — по молодости лет. А может, не одобряет».

Он вдруг почувствовал усталость. «Куда я еду? И зачем? Доказать самому себе, что Джори говорил правду? Так я уже знаю, что это правда, — я видел, как исчез доктор. Я видел, как Джори вышел из Дона Денни. Этого вполне достаточно. И еду я только для того, чтобы посильнее его напрячь, что еще больше усилит его аппетит. Может, бросить эту затею? Все равно бессмысленно. Убик, как сказал Джори, рано или поздно выдохнется. Не стоит тратить последние минуты жизни на поездку по Де-Мойну. Надо что-нибудь придумать».

По тротуару, разглядывая витрины, легкой,

прогуливающейся походкой шла девушка. Симпатичная, с веселым светлым хвостиком волос, в расстегнутой кофточке поверх блузки, в яркой красной юбке и маленьких туфельках на высоком каблуке.

— Притормози, — попросил Джо. — Видишь вон ту, с хвостиком?

— Она не станет с вами разговаривать, — произнес водитель. — И вызовет полицию.

— Плевать. — В данной ситуации это и впрямь не играло большой роли.

Старый «Додж» подкатил к тротуару, шины заскрипели о бордюр.

Девушка оглянулась.

— Привет, — сказал Джо.

Она взглянула на него с удивлением. Теплые, умные голубые глаза расширились, но ни испуга, ни неприязни Джо не почувствовал.

— Да?

— Я умираю, — сказал Джо.

— Боже! — озабоченно воскликнула девушка. — Вы не…

— С ним все в порядке, — вмешался водитель. — Он просто хочет познакомиться.

Девушка засмеялась. Без тени враждебности. И не ушла.

— Сейчас время обеда, — продолжал Джо. — Позвольте пригласить вас в ресторан. Мне сказали, что здесь есть неплохое местечко — «Матадор».

Усталость нарастала. Он снова почувствовал тяжесть и вдруг с приглушенным, тупым ужасом осознал, что это та самая усталость, которая навалилась на него в вестибюле отеля после того, как он показал Пат повестку в суд. И тот самый холод. Крадучись, вернулось физическое ощущение ледяного саркофага. «Убик начинает выдыхаться, — сообразил Джо. — Надолго меня не хватит».

Должно быть, лицо его изменилось. Девушка подошла к окну такси.

— Вам нехорошо?

— Я умираю, мисс, — с трудом выговорил Джо. Снова начала пульсировать рана на руке, обозначились следы зубов. Одного этого было достаточно, чтобы повергнуть его в страх.

— Скажите, пусть вас отвезут в больницу.

— Мы можем вместе пообедать?

— Вам действительно это нужно? Когда вы… не знаю, что там у вас, больны? Вы больны? — Она открыла дверцу машины. — Хотите, чтобы я поехала с вами в больницу? Хотите?

— В «Матадор», — сказал Джо. — Мы возьмем

филе тушеного марсианского крота. — Джо вспомнил, что импортный деликатес еще не существует. — Самое хорошее мясо. Говядину. Вы любите говядину?

Сев в такси, девушка сказала:

— Ему надо в «Матадор».

— Слушаю, мисс.

Такси вновь тронулось с места. На первом же перекрестке водитель развернулся. Джо понял, что они едут в ресторан.

«Неужели там я и помру?» — подумал он. Усталость и холод полностью его парализовали, он чувствовал, как одна за другой отключаются жизненные функции. Естественно. Печени уже нет смысла производить красные кровяные тельца, почкам не нужно выводить отходы, кишечник утратил свое предназначение.

Только сердце с трудом продолжало биться, да еще легкие годились на хриплое, тяжелое дыхание; с каждым вдохом Джо чувствовал на груди огромный бетонный блок. Его могильный камень. Рука снова начала кровоточить. Медленно выступили густые капли.

— Будете «Лаки Страйк»? — Девушка протянула Джо пачку.

— Меня зовут Джо Чип, — сказал Джо.

— Хотите, чтобы я назвала вам свое имя?

— Да, — прохрипел Джо и закрыл глаза. Больше он говорить не мог, по крайней мере сейчас. — Вам нравится Де-Мойн? — спросил он спустя некоторое время, пряча от нее руку. — Давно здесь живете?

— Вы очень устали, мистер Чип, — сказала девушка.

— О черт, да какое это имеет значение! — Джо махнул рукой.

— Неправда, имеет. — Девушка открыла сумочку и принялась лихорадочно в ней рыться. — Я не порождение Джори. Как этот. — Она кивнула на водителя. — Или как эти домишки и магазинчики, паршивая улочка и все эти люди с их древними машинами. Вот, мистер Чип. — Она вытащила из сумочки конверт и подала его Джо. — Это вам. Открывайте прямо сейчас, думаю, ни вам, ни мне не стоит терять время.

Свинцовыми пальцами Джо разорвал конверт.

Там он обнаружил по всем правилам оформленный сертификат с орнаментом. Текст, однако, расплывался. Джо слишком устал, чтобы разобрать написанное.

— Что здесь? — спросил он, роняя бумагу на колени.

— От компании, производящей Убик, — сказала девушка. — Гарантия бесплатного пожизненного снабжения. Бесплатного, потому что я знаю ваше финансовое положение, вашу, так сказать, отличительную черту. На обратной стороне список аптек, распространяющих Убик. Есть две аптеки и здесь, в Де-Мойне. Думаю, перед обедом не мешает заехать в одну из них. Нам сюда, водитель. — Она наклонилась и вручила шоферу листок бумаги с адресом. — И поторопитесь, скоро закрывается.

Джо откинулся на сиденье, жадно ловя ртом воздух.

— Кто вы? — прошептал он.

— Меня зовут Элла. Элла Хайд Ранситер. Жена вашего шефа.

— Вы здесь, с нами, — выдохнул Джо. — По эту сторону саркофага.

— Да, как вам хорошо известно, я здесь уже давно. Думаю, скоро меня ждет новое рождение. Так, во всяком случае, считает Глен. Мне постоянно снится дымный красный свет, и это плохо. С моральной стороны такое чрево не годится для перерождения. — Она рассмеялась густым, теплым смехом.

— Вы та, другая сила, — сказал Джо. — Джори

уничтожает нас — вы пытаетесь нам помочь. За вами нет никого, точно так же, как никого нет за Джори. Вы — конечная сущность. Я достиг обеих последних инстанций.

— Я не воспринимаю себя как «инстанцию», — едко заметила Элла, — я воспринимаю себя как Эллу Ранситер.

— Но это так, — сказал Джо.

— Да. — Она торжественно кивнула.

— Почему вы против Джори?

— Потому что он вторгся в меня, угрожает мне так же, как и вам. Мы оба знаем, на что он способен. Иногда он становится очень сильным, даже может подавить меня, когда я общаюсь с Гленом. И все-таки я, похоже, справляюсь с ним лучше, чем большинство полуживых, чем вся ваша группа, даже действующая как одно целое.

— Лучше, — согласился Джо. Безусловно, так и было.

Доказательства налицо.

— Когда произойдет мое перерождение, — сказала Элла, — Глен уже не сможет советоваться со мной. У меня весьма эгоистическая причина помогать вам, мистер Чип: я хочу, чтобы вы заменили меня. Я хочу, чтобы Глен имел возможность посоветоваться с кем-нибудь, обратиться за по-

мощью, чтобы был человек, на кого он мог бы положиться. Вы подходите идеально. В полужизни вы будете заниматься тем же, чем занимались всю жизнь. Так что в некотором смысле мною движут не благородные порывы, я спасла вас от Джори из чисто практических соображений.

— После вашего перерождения, — промолвил Джо, — я не погибну?

— Вы на всю жизнь обеспечиваетесь Убиком. Как сказано в сертификате.

— Может, мне удастся победить Джори?

— Вы хотите сказать, уничтожить его? — Элла задумалась. — Что ж, он тоже уязвим. Не исключено, что со временем вы найдете способ нейтрализовать его. Я полагаю, это максимум, на что можно надеяться. Сомневаюсь, чтобы вам удалось его уничтожить, другими словами — поглотить, как он поступает с полуживыми, помещенными рядом с ним в мораториуме.

— Черт, — с негодованием прохрипел Джо, — я расскажу обо всем Глену, и он вышвырнет этого Джори из мораториума!

— У Глена нет таких полномочий.

— Разве Шонхайт фон Фогельзанг…

— Герберт ежегодно получает круглую сумму от родственников Джори за то, что держит его

вместе с остальными и находит для этого всевозможные причины. Кроме того… в каждом мораториуме есть свои Джори. Подобная борьба идет везде, где теплится полужизнь. Это закон, условие существования. — Элла замолчала, и Джо впервые заметил на ее лице признаки гнева. Напряженный, рассерженный взгляд, так не гармонирующий со спокойным обликом. — С ним надо драться по нашу сторону стекла. Должны драться мы, кого Джори хочет сделать своей добычей. Вам предстоит выполнить эту миссию, мистер Чип, после моего перерождения. Справитесь? Это нелегко. Джори постоянно будет вытягивать из вас все силы, наваливать на вас тяжесть, которую вы ощущаете, как… — она запнулась, — приближение смерти. Так оно и есть. Здесь, в полужизни, мы все медленно угасаем. Джори только ускоряет этот процесс. Усталость и холод придут неминуемо. Но не так скоро.

«Я помню, что он сделал с Венди, — подумал Джо. — Одно это не даст мне успокоиться».

— Вот ваша аптека, мисс. — Квадратный «Додж» подкатил к тротуару и остановился.

— Я дальше не пойду, — сказала Элла, когда Джо открыл дверцу и неуверенно выбрался из машины. — До свидания. Спасибо за верность Глену.

Спасибо за то, что вы еще для него сделаете.

Она потянулась к Джо и поцеловала его в щеку. Губы Эллы показались Джо сочными и полными жизни. Что-то перешло и на него, он немного окреп.

— Удачи с Джори! — Она откинулась на сиденье, положив сумочку на колени.

Джо захлопнул дверцу, постоял и, пошатываясь, побрел к аптеке. Сзади с пыхтением тронулся с места автомобиль.

Лысый аптекарь в официальном темном сюртуке, повязанном галстуке и тщательно выглаженных брюках из блестящей ткани встретил его в мрачном, тускло освещенном вестибюле.

— Извините, сэр, мы закрываемся. Я как раз шел запирать дверь.

— Но я уже вошел, — возразил Джо. — И вы должны меня обслужить.

Он подал аптекарю свой сертификат. Щурясь сквозь круглые очки, аптекарь с трудом разбирал готический шрифт.

— Долго мне ждать?

— Убик, — пробормотал аптекарь. — По-моему, Убик закончился. Надо посмотреть. — Он развернулся и пошел в глубь аптеки.

— Джори! — сказал Джо.

— Простите? — Аптекарь обернулся.

— Ты — Джори, — повторил Джо. «Теперь я знаю, — подумал он. — Я научился распознавать его». — Ты создал эту аптеку и все, что в ней есть, за исключением баллончиков с Убиком. Над Убиком ты не властен, он поступает от Эллы.

Джо двинулся вперед, шаг за шагом преодолевая расстояние до стойки и полок с лекарствами. Вглядываясь в этикетки, он пытался найти Убик. В полумраке тускло освещенной аптеки старинные надписи сливались перед глазами.

— Я подверг регрессу весь запас Убика, — сказал аптекарь молодым, тонким голосом Джори. — Превратил его в бальзам для печени и почек. Теперь он никуда не годится.

— Тогда я возьму его в другой аптеке, — произнес Джо. Он прислонился к стойке и, превозмогая боль, судорожно пытался вдохнуть хоть немного воздуха.

— Она закроется, — откликнулся Джори из лысого аптекаря.

— Завтра, — проговорил Джо. — До завтрашнего утра я продержусь.

— Не продержишься. — Джори ухмыльнулся. — Да и там будет регрессированный Убик.

— В другом городе.

— Куда бы ты ни поехал, Убик будет испорчен. Возвращен к мази, порошку, эликсиру или бальзаму. Баллончика с аэрозолем ты не увидишь никогда, Джо Чип. — Джори в образе лысого аптекаря улыбнулся, обнажив ряд целлулоидных зубов.

— Я смогу… — Джо собрал все силы, чтобы хоть немного разогреть немеющее от холода тело, — вернуть его в настоящее. В тысяча девятьсот девяносто второй год.

— Да ну, мистер Чип? Неужели получится? — Аптекарь вручил Джо квадратную коробку. — Держите. Откройте — и вы увидите…

— Я знаю, что я увижу, — перебил Джо.

Он мысленно сосредоточился на синей бутылке с бальзамом для почек и печени. «Эволюционируй!» — приказал он ей, направив на коробку всю оставшуюся энергию.

— Баллончик с аэрозолем, — сказал он громко и закрыл глаза.

— Баллончика с аэрозолем не будет, — пробормотал аптекарь, выключая освещение. Подойдя к кассе, он вставил ключ, со звоном выдвинулся ящичек с деньгами. Тренированным движением аптекарь перебросил купюры и мелочь в большой железный ящик с замком.

— Баллончик с аэрозолем, — сказал Джо, сжимая в руках коробку. — Сейчас тысяча девятьсот девяносто второй год. — В эту фразу он вложил всего себя.

Аптекарь погасил последнюю лампочку. Заведение потонуло во мраке. В тусклом свете уличного фонаря Джо мог рассмотреть только форму предмета в своих руках, его квадратные очертания.

Открыв входную дверь, аптекарь сказал:

— Идемте, мистер Чип. Пора по домам. Она была не права, не так ли? Кстати, вы ее больше не увидите. Элла слишком далеко ушла по дороге перерождения, она уже и думать забыла о вас, обо мне или Ранситере. Сейчас она видит различные огни: красный и дымный, а может, и ярко-оранжевый…

— То, что я держу в руке, — сказал Джо, — есть баллончик с аэрозолем.

— Нет, — произнес аптекарь. — Мне жаль, мистер Чип. Действительно жаль. Но это не так.

Джо поставил картонную коробку на ближайшую полку. Потом повернулся и медленно, с достоинством, начал долгий путь к выходу, где ожидал аптекарь. Никто из них не произнес ни слова, пока Джо не переступил порог и не шагнул

на вечернюю улицу. Склонившись над замком, аптекарь запер дверь на ночь.

— Я пожалуюсь производителю, — выговорил Джо. — По поводу…

Он осекся. В горле встал ком, не давая ни говорить, ни дышать. Спустя минуту удушье отпустило, и Джо закончил фразу:

— …порчи товара в вашей аптеке.

— Спокойной ночи. — Некоторое время аптекарь разглядывал Джо в сумерках наступившего вечера. Потом пожал плечами и пошел прочь.

Слева от себя Джо разобрал темные очертания скамейки, на которой люди ожидали трамвая. Ему удалось до нее добраться.

Сидевшие два или три человека отодвинулись — то ли из отвращения, то ли просто уступая место. Джо было абсолютно все равно. Он чувствовал только скамейку, принявшую на себя часть давящего его груза.

«Как бы то ни было, мы пытались, — думал он, следя за мигающими желтыми огнями рекламных надписей, за проносящимся перед его глазами потоком автомобилей. — И я, будь оно проклято, чуть-чуть не перевел бутыль с бальзамом для печени и почек в его истинное состояние. У меня почти получилось». Джо знал

это, чувствовал каким-то образом свою огромную силу, выплеснувшуюся в последнем трансцендентальном порыве.

Трамвай, лязгающая железная громадина, с грохотом остановился возле скамьи. Все ожидающие устремились к задней площадке.

— Эй, мистер! — крикнул кондуктор. — Вы садитесь или нет?

Джо ничего не ответил. Кондуктор дернул за шнур, и трамвай с шумом тронулся с места. Он набрал скорость и наконец скрылся из виду. Счастливого пути, подумал Джо, когда громыхание колес затихло вдали. И прощайте.

Он откинулся на скамейке и закрыл глаза.

— Прошу прощения.

В темноте над ним склонилась девушка в синтетическом пальто из страусиной кожи. Джо вздрогнул, мгновенно собравшись.

— Это вы — мистер Чип? — Хорошенькая, стройная, в шляпке, перчатках и туфельках на высоком каблуке девушка держала в руке сверток. — Мистер Чип из Нью-Йорка? Из Корпорации Ранситера? Мне бы не хотелось отдать это другому человеку.

— Я Джо Чип. — На мгновение Джо подумал, что перед ним Элла Ранситер. Но эту девушку он

никогда раньше не видел. — Кто вас послал?

— Доктор Зондербар. Зондербар-младший, сын основателя фирмы Зондербара.

— Кто это? — спросил Джо и тут же вспомнил: — Бальзам для печени и почек! Переработанные листья олеандра, масло перечной мяты, животный уголь, хлористый кобальт, окись цинка…

Навалилась усталость, и Джо замолчал.

— Используя новейшие достижения современной науки, — сказала девушка, — возврат материи к ее прежним формам можно остановить, причем по вполне доступным каждому квартировладельцу ценам. Убик распространяется ведущими универсамами по всему земному шару. Так что ищите его в магазине, где обычно делаете покупки, мистер Чип.

— Где я должен его искать? — Джо полностью пришел в себя, поднялся и стоял, неуверенно покачиваясь. — Вы из тысяча девятьсот девяносто второго года, я слышал то, что вы говорили, в телерекламе Ранситера.

Налетел порыв вечернего ветра, и Джо почувствовал, как он увлекает его за собой, словно кучу изорванных тряпок.

— Совершенно верно, мистер Чип. — Девушка вручила ему сверток. — Своими действиями в

аптеке вы вызвали меня из будущего. Прямо с производства. Мистер Чип, если вы ослабели, я могу вас обрызгать. Хотите? Не сомневайтесь, я официальный представитель и технический консультант фабрики.

Она быстрым движением забрала сверток, развернула его и тут же направила на Джо струю Убика. В темноте Джо увидел блестящий баллончик.

— Спасибо, — сказал он, — мне стало лучше и теплее.

— На этот раз вам не требуется так много, как тогда в гостинице. Сейчас вы крепче. Вот, держите баллончик, до утра он вам может понадобиться.

— Я смогу взять еще? — спросил Джо. — Когда этот кончится?

— Конечно. Если вам удалось вызвать меня один раз, думаю, вы сумеете сделать это и еще. Точно так же. — Она пошла прочь, сливаясь с густыми тенями близких домов.

— Что такое Убик? — спросил Джо, желая ее задержать.

— Баллончик с аэрозолем, — ответила девушка, — это портативный излучатель отрицательных ионов со встроенным высоковольтным низкоамперным аккумулятором на гелиевых

батареях в двадцать пять киловольт. Ускорительная камера, где разгоняются ионы, смещена, что придает ионам направленный против часовой стрелки спин. Возникает центростремительная сила, вследствие которой ионы не разлетаются, а остаются в связанном состоянии. Отрицательно заряженное ионовое поле замедляет антипротофазоны, и те теряют свои свойства, больше не связывают по принципу парности излучаемые полуживыми протофазоны. Последнее приводит к возрастанию процентного отношения несвязанных протофазонов, то есть обусловливает, по крайней мере, на определенный период, усиление протофазонового поля, что воспринимается полуживыми как возрастание активности плюс потеря ощущения холода, естественного при нахождении в замороженном саркофаге.

Теперь понятно, почему регрессировавший Убик не может…

— Отрицательные ионы, — машинально повторил Джо. — Это тавтология. Все ионы заряжены отрицательно.

— Надеюсь, мы еще увидимся, — сказала девушка очень мягко. — Мне было приятно доставить вам баллончик. Думаю, в следующий раз…

— А может, поужинаем вместе? — предложил

Джо.

Она уходила все дальше и дальше.

— Кто изобрел Убик?

— Полуживые, те, кому угрожал Джори. Но в основном — Элла Ранситер. Им очень долго пришлось над ним работать, до сих пор количество Убика ограниченно.

Она ускользала легким, осторожным шагом, пока наконец совершенно не исчезла.

— В «Матадоре»! — крикнул Джо. — Я понял, Джори хорошо постарался, создавая это место. Или его регрессируя, уж не знаю, как правильнее.

Он прислушался, но девушка не отвечала.

Осторожно сжимая в руке баллончик, Джо Чип пошел ловить такси. В свете уличного фонаря он поднес баллончик к глазам и прочел надпись на этикетке:

Полагаю, ее зовут Майра Лэни.
Адрес и номер телефона на обратной стороне упаковки.

— Благодарю, — сказал Джо баллончику.

«Нас посещают живые привидения, — подумал он. — Они говорят или пишут и таким образом пробиваются к нам. Наблюдательные, мудрые,

реальные привидения из настоящей, полноценной жизни, элементы которой стали для нас чужеродными, но долгожданными осколками материи, пульсирующей, как бывшее сердце. И все — благодаря Глену Ранситеру. Ему. Автору инструкций, надписей и записок. Очень ценных записок».

Джо поднял руку, и проезжающий таксомотор — «Грэхэм» 1936 года — затормозил с сердитым скрипом.

Глава 17

Я — Убик. Я существовал до появления Вселенной.
Я есть. Я создал светила и миры. Я сотворил жизнь и определил, где ей протекать. Живущие делают, как я скажу, и идут, куда я им указываю. Я и есть мир, и мое имя никогда не произносится. Его никто не знает. Меня называют Убик, но это не мое имя. Я — есть. Я буду всегда.

Глен Ранситер никак не мог найти владельца мораториума.

— Вы действительно не знаете, где Фогельзанг? — спросил он у мисс Бисон. — Мне крайне нужно еще раз переговорить с Эллой.

— Я распоряжусь, чтобы ее доставили, — сказала мисс Бисон. — Можете занять кабину четыре-В. Располагайтесь поудобнее, скоро вы сможете пообщаться.

Ранситер нашел кабину 4-В и нервно заходил возле нее по коридору. Наконец появился сотрудник мораториума, толкающий перед собой каталку с саркофагом Эллы.

— Простите, что пришлось ожидать, мистер Ранситер, — сказал он и принялся налаживать аппаратуру, весело мурлыкая себе под нос.

Вся процедура заняла очень мало времени. В последний раз проверив связь, техник удовлетворенно хмыкнул, кивнул и направился к выходу.

— Вот, возьмите, — проворчал Ранситер, вручая ему горсть пятидесятицентовых монет. — Мне понравилось, как быстро вы все наладили.

— Благодарю вас, мистер Ранситер, — откликнулся служащий. Взглянув на деньги, он нахмурился. — Какие-то они странные…

Ранситер внимательно посмотрел на пятидесятицентовики и сразу понял, что смутило техника: подобных монет в обращении не было. «Кто же это? — подумал он, глядя на отчеканенный профиль. — Не тот, кто должен быть. И тем не менее знакомый. Где-то я его видел».

И тут он узнал. И опешил. Мыслимо ли это? Большинство явлений поддаются хоть какому-то объяснению. Но… Джо Чип на монете в пятьдесят центов?

Похолодев, Ранситер интуитивно догадался, что если он хорошенько пороется по карманам и в бумажнике, то найдет еще.

Это было только начало.

Три стигмата Палмера Элдрича
Перевод К. Плешкова

Глава 1

Проснувшись с необычайно сильной головной болью, Барни Майерсон обнаружил, что находится в незнакомой спальне в незнакомом доме. Рядом, натянув одеяло на обнаженные плечи, легко дыша, спала незнакомая девушка с белыми, как хлопок, волосами.

«На работу я наверняка опоздаю», — подумал Барни.

Он выбрался из постели и, пошатываясь, встал, не открывая глаз и с трудом сдерживая тошноту. Он был уверен, что до работы ему ехать по крайней мере несколько часов, а может быть, он вообще находился не в Соединенных Штатах, однако наверняка на Земле. Сила тяжести, из-за которой он с трудом держался на ногах, была привычной и нормальной.

А в соседней комнате возле диванчика стоял знакомый чемоданчик его психиатра, доктора Смайла.

Барни прошлепал босиком в гостиную и, сев рядом с чемоданчиком, открыл его, щелкнул переключателями и включил доктора Смайла. Датчики ожили, и послышалось тихое жужжа-

ние.

— Где я? — спросил Барни. — И как далеко отсюда до Нью-Йорка?

Это было важнее всего. Он взглянул на часы, висевшие на стене кухни: 7.30. Не так уж и поздно.

Устройство, которое было переносным терминалом доктора Смайла, связанным по радио с компьютером в подвале дома Барни — Нью-Йорк, Реноун, 33, — металлическим голосом произнесло:

— А, это вы, мистер Байерсон.

— Майерсон, — поправил Барни, дрожащими пальцами приглаживая волосы. — Что ты помнишь о прошлой ночи?

С чувством глубокого отвращения он заметил стоявшие на буфете в кухне полупустые бутылки с бурбоном и содовой, лимоны, тоник и формочки для льда.

— Кто эта девушка?

— Эта девушка в постели — мисс Рондинелла Фьюгейт, — сообщил доктор Смайл. — Она просила, чтобы вы называли ее Рони.

Эти слова вызвали у него смутные воспоминания, каким-то непонятным образом связанные с его работой.

— Послушай, — сказал он чемоданчику, но тут

девушка в спальне зашевелилась. Барни быстро закрыл доктора Смайла и поднялся, чувствуя себя смешно и неловко в одних трусах.

— Ты уже встал? — сонно спросила девушка. Она выбралась из-под одеяла и села, глядя на него. — Который час, и поставил ли ты воду для кофе?

«Довольно красивая, — отметил про себя Барни, — глаза большие, привлекательные».

Он прошагал на кухню и включил плиту. Хлопнула дверь — девушка пошла в ванную. Послышался шум воды. Рони принимала душ.

Вернувшись в гостиную, он снова включил доктора Смайла.

— Какое она имеет отношение к «Наборам П. П.»? — спросил он.

— Мисс Фьюгейт — ваша новая помощница. Она приехала вчера из Народного Китая, где работала для «Наборов П. П.» в качестве консультанта-прогностика по этому региону. Однако мисс Фьюгейт хотя и талантлива, но очень неопытна, и мистер Булеро решил, что небольшая практика в качестве вашей ассистентки… Я бы сказал, в качестве вашей подопечной, но это могло бы быть неправильно понято, учитывая…

— Великолепно, — сказал Барни.

Он прошел в спальню, нашел свою одежду, которую наверняка сам же бросил на пол, и начал медленно одеваться. Он все еще ужасно себя чувствовал и с трудом сдерживал тошноту.

— Все правильно, — сказал он доктору Смайлу, возвращаясь в гостиную и застегивая рубашку. — Я помню, мне в пятницу говорили о мисс Фьюгейт. Несмотря на свой талант, она допускает серьезные ошибки — например, с тем экспонатом с выставки о Гражданской войне в США… Представь себе, она думала, что он будет иметь оглушительный успех в Народном Китае. — Он рассмеялся.

Дверь в ванную чуть приоткрылась. Сквозь щель он увидел розовую, чистую Рони, вытирающуюся полотенцем.

— Ты меня звал, дорогой?

— Нет, — ответил Барни. — Я разговаривал со своим доктором.

— У каждого бывают ошибки, — немного неуверенно сказал доктор Смайл.

— Как это получилось, что мы с ней… — сказал Барни, делая жест рукой в сторону спальни. — Вот так, сразу?

— Химия, — сказал доктор Смайл.

— Давай яснее.

— Ну, вы оба ясновидцы. Вы предвидели, что в конце концов это произойдет, что вы почувствуете друг к другу сексуальное влечение. И вы решили — после нескольких рюмок, — что ждать не имеет смысла. Жизнь коротка, искусство…

Чемоданчик замолчал, так как Рони Фьюгейт появилась из ванной и, обнаженная, прошла мимо Барни, направляясь в спальню. Барни отметил, что у нее стройное тело и фигура в самом деле прекрасная, а ее маленькие острые груди заканчиваются сосками размером не больше чем пара розовых горошинок.

«Скорее, пара розовых жемчужин», — мысленно поправил он себя.

— Я хотела тебя ночью спросить, — сказала Рони Фьюгейт, — почему ты консультируешься с психиатром? Ты постоянно носишь этот чемоданчик с собой. Ты поставил его на пол, только когда… И он был у тебя включен вплоть до…

Она подняла брови и испытующе посмотрела на него.

— Однако тогда я его выключил, — подчеркнул Барни.

— Как ты считаешь, я красивая?

Стоя на цыпочках, она выпрямилась, вытянула руки над головой и, к его удивлению, начала де-

лать серию упражнений, подпрыгивая на месте и покачивая грудью.

— Ну конечно, — ошеломленно пробормотал он.

— Я бы весила тонну, — выдохнула Рони Фьюгейт, — если бы не делала каждое утро эту гимнастику, разработанную отделом вооружений ООН. Иди и налей кофе в чашки, хорошо, дорогой?

— Ты в самом деле моя новая ассистентка в «Наборах П. П.»? — спросил Барни.

— Да, конечно. Ты что, не помнишь? Ну да, я думаю, ты такой же, как большинство выдающихся ясновидцев. Ты так хорошо видишь будущее, что с трудом вспоминаешь прошлое. А, собственно, что ты помнишь о прошлой ночи?

Она сделала паузу в своих упражнениях, тяжело дыша.

— О, — сказал Барни, — наверное, все.

— Послушай. Ты таскаешь с собой психиатра только из-за того, что ты получил повестку. Правильно?

Поколебавшись, он кивнул. Это он помнил. Знакомый голубовато-зеленый продолговатый конверт пришел неделю назад. В следующую среду в военном госпитале ООН в Бронксе будут проверять, здоров ли он психически.

— Помогло? Он… — она показала на чемоданчик, — сделал тебя достаточно больным?

Повернувшись к портативному доктору Смайлу, Барни спросил:

— Сделал?

Чемоданчик ответил:

— К сожалению, вы все еще вполне пригодны, мистер Майерсон. Вы можете выдержать стресс в десять фрейдов. Мне очень жаль. Однако у нас в запасе еще есть несколько дней. Мы только начали.

Войдя в спальню, Рони Фьюгейт взяла белье и начала одеваться.

— Подумать только, — вздохнула она. — Если вас призовут, мистер Майерсон, и отправят в колонию… может оказаться, что я займу ваше место.

Она улыбнулась, приоткрыв великолепные, ровные зубы.

Это была мрачная перспектива. И способность к ясновидению немногим ему помогла. Причина и следствие находились в идеальном равновесии, и сказать что-либо об окончательном результате было невозможно.

— Ты не справишься, — сказал он. — Ты не смогла справиться даже в Китае, а это было от-

носительно несложно с точки зрения анализа распределения вероятностей.

Однако когда-нибудь ей это удастся — Барни мог без труда это предвидеть. Она была молода и одарена выдающимся талантом. Единственное, что ей требовалось, чтобы с ним сравниться, — а он был лучшим в своей профессии, — это несколько лет практики. По мере того как он осознавал ситуацию, в которой оказался, он все яснее отдавал себе в этом отчет. Было весьма вероятно, что его призовут, а если даже и нет, то Рони Фьюгейт может отобрать хорошее, удобное место, до которого он добирался ступенька за ступенькой долгие тринадцать лет.

Довольно специфическое решение проблемы: отправиться с ней в постель. Интересно, как он до этого додумался?

Наклонившись, он тихо сказал доктору Смайлу:

— Я хочу, чтобы ты объяснил мне, с чего, черт возьми, я решил…

— Я могу ответить! — крикнула из спальни Рони Фьюгейт. Она только что надела довольно обтягивающий бледно-зеленый свитер и поправляла его перед зеркалом туалетного столика. — Ты сказал мне это ночью, после пятого бурбона с

содовой. Ты сказал… — Она не договорила, в глазах ее заблестели веселые искорки. — Это было не слишком изящно. Ты сказал: «Если нельзя их победить, надо их полюбить». Только вот мне жаль это говорить, но ты употребил несколько другой глагол.

— Гм, — пробормотал Барни и пошел на кухню налить себе кофе.

Во всяком случае, он находился недалеко от Нью-Йорка; раз мисс Фьюгейт работала в «Наборах П. П.», она не могла жить далеко от фирмы. Значит, они могут поехать вместе. Прекрасно. Интересно, похвалил бы их шеф, Лео Булеро, если бы об этом знал? Занимает ли фирма какую-то официальную позицию в отношении сотрудников, которые спят друг с другом? Почти по любому другому вопросу у нее имелась своя точка зрения… Хотя он не мог понять, как человек, проводящий всю жизнь на пляжах курортов Антарктики или в немецких клиниках э-терапии, в состоянии был разработать правила, охватывающие все сферы.

«Когда-нибудь, — сказал он себе, — я буду жить как Лео Булеро, вместо того чтобы торчать в Нью-Йорке на восьмидесятиградусной жаре…»

Внезапно он ощутил легкую дрожь под ногами, пол затрясся. Это включилась система охлажде-

ния. Начался новый день.

За окнами кухни из-за домов выглянуло горячее, недружелюбное солнце. Барни зажмурил глаза. День снова обещал быть очень жарким. Запросто дойдет до двадцати по Вагнеру. Чтобы это предвидеть, не надо быть ясновидцем.

В доме с высоким до убожества номером 492 на окраине города Мэрилин-Монро, штат Нью-Джерси, Ричард Хнатт с равнодушным видом завтракал, одновременно с еще более равнодушным видом просматривая утреннюю газету с информацией службы погоды за вчерашний день.

Основной ледник, Олд-Скинтоп, за последние двадцать четыре часа отступил на 4,62 грабля. А температура в Нью-Йорке в полдень была на 1,46 вагнера выше, чем два дня назад. Кроме того, влажность воздуха, вызванная испарением океана, возросла на 16 селкирков. Таким образом, стало еще более жарко и сыро; естественный процесс неумолимо шел к своему концу — вот только к какому? Хнатт отложил газету и взял почту, доставленную до рассвета… прошло немало времени с той поры, как почтальоны перестали ходить днем.

Первый счет, попавшийся ему на глаза, был

обычным вымогательством за охлаждение квартиры; Хнатт задолжал администрации дома номер 492 ровно десять с половиной скинов за прошлый месяц, что означало надбавку в три четверти скина по отношению к плате за апрель.

«Когда-нибудь, — подумал он, — станет так жарко, что дом просто расплавится, и ничто его не спасет».

Он помнил тот день, когда его коллекция записей превратилась в бесформенную массу. Это было, кажется, в 2004 году — из-за временной аварии системы охлаждения дома. Теперь у него были железооксидные ленты, которые не плавились. Тогда же одновременно погибли все попугайчики и венерианские канарейки, которые жили в доме, а черепаха соседа сварилась в собственном панцире. Конечно, это случилось днем, и все — по крайней мере все мужчины — были на работе. Их жены сидели скорчившись на самом нижнем подземном этаже и думали (он помнил, как ему рассказывала об этом Эмили) о том, что в конце концов настал этот ужасный миг. Не через сто лет, но именно сейчас. Они думали, что прогнозы Калифорнийского технологического института не оправдались, но это, конечно, было не так: просто оказался поврежден

энергетический кабель нью-йоркской коммунальной службы. Роботы быстро приехали и починили его.

В гостиной сидела его жена в голубом халатике, терпеливо покрывая глазурью какой-то предмет из необожженной керамики. Глаза ее блестели… она ловко орудовала кисточкой, высунув кончик языка, и Хнатт был уверен, что вещь получится хорошая. Вид работающей Эмили напомнил ему о стоявшей перед ним сегодня задаче, которая была не из приятных.

— Может, стоило бы еще немного подождать, прежде чем с ним связываться? — проворчал он.

Не глядя на него, Эмили сказала:

— Мы никогда не сможем представить ему лучшей коллекции, чем сейчас.

— А что, если он скажет «нет»?

— Будем пытаться дальше. А чего ты ожидал — что мы откажемся лишь из-за того, что мой бывший муж не может или не хочет предсказать, каким успехом эти новые изделия будут пользоваться на рынке?

— Ты его знаешь, а я нет, — ответил Ричард Хнатт. — Надо полагать, он не собирается мстить? Вряд ли он чем-то недоволен.

А, собственно, чем мог быть недоволен бывший

супруг Эмили? Никто его не обидел. Если уж на то пошло, то скорее было наоборот, по крайней мере так следовало из слов Эмили.

Это было странно — постоянно слышать о Барни Майерсоне, но не быть с ним знакомым и никогда с ним не встречаться. Теперь этому придет конец, поскольку сегодня в девять у него назначена встреча с Майерсоном в «Наборах П. П.». Конечно, все будет зависеть от Майерсона. Он может бросить один лишь взгляд на набор керамики и вежливо поблагодарить. Нет, он может сказать: «„Наборы П. П.“ это не интересует. Прошу верить моим способностям к предвидению, моему таланту прогнозирования моды и моему опыту…» И Ричард Хнатт уйдет с коллекцией вазочек под мышкой, не зная, куда податься.

Выглянув в окно, он с неудовольствием увидел, что уже стало слишком жарко, чтобы человек мог это вынести. Движущиеся тротуары внезапно опустели — все искали убежища под крышей. Было восемь тридцать, и пора было идти. Он встал и направился в прихожую, чтобы достать из шкафа шлем и обязательный охлаждающий аппарат. Закон требовал, чтобы каждый надевал его, отправляясь на работу, и носил на спине до самого заката.

— До свидания, — кивнул он жене, остановившись в дверях.

— До свидания, и желаю успеха.

Она продолжала столь же тщательно работать, покрывая керамику глазурью, и Ричард понял, в каком напряженном состоянии она сейчас находится; она не могла позволить себе ни минуты перерыва. Он открыл дверь и вышел в холл, чувствуя свежий ветерок от охлаждающего аппарата, пыхтящего у него за спиной.

— Да, — крикнула Эмили, когда он закрывал дверь; она подняла голову и откинула с глаз длинные темные волосы, — позвони мне сразу же, как выйдешь от Барни, как только узнаешь результат!

— Ладно, — ответил он и закрыл за собой дверь.

Внизу, в банке, он открыл сейф и, достав свой ящичек, вынул из него коробку с образцами керамики, которые он собирался показать Майерсону.

Вскоре он был уже внутри термоизолированного вагона, по пути к центру Нью-Йорка и фирме «Наборы П. П.» — большому зданию из грязно-белого синтетического цемента, где родились Подружка Пэт и весь ее миниатюрный мир.

«Кукла, — размышлял Хнатт, — которая подчинила себе человека, покоряющего планеты Солнечной системы. Подружка Пэт, навязчивая идея колонистов».

Что еще можно было сказать о жизни в колониях, об этих несчастных, которых в соответствии с законом ООН о выборочном призыве на службу вышвырнули с Земли и вынудили начать новую, чуждую жизнь на Марсе, Венере, Ганимеде или где-то еще, куда бюрократам из ООН пришло в голову их отправить… Некоторым, может быть, даже удавалось выжить.

«А мы думаем, что у нас тут плохо», — сказал он сам себе.

Человек в соседнем кресле, мужчина средних лет в сером шлеме, безрукавке и ярко-красных шортах, популярных среди бизнесменов, заметил:

— Опять будет жарко.

— Да.

— Что у вас в этой коробке? Жратва на пикник для стада марсианских колонистов?

— Керамика, — ответил Хнатт.

— Могу поспорить, что вы ее обжигаете, просто выставляя в полдень за дверь, — захихикал бизнесмен, потом достал утреннюю газету и стал

ее просматривать. — Сообщают, что на Плутоне разбился корабль, летевший из-за границ Солнечной системы, — сказал он. — Туда отправлена поисковая группа. Как вы думаете, это проксы? Терпеть не могу этих тварей из других систем.

— Более вероятно, что это один из наших собственных кораблей, — сказал Хнатт.

— Вы видели когда-нибудь этих, с Проксимы?

— Только снимки.

— Жуть, — заметил бизнесмен. — Если найдут этот разбитый корабль на Плутоне и окажется, что это проксы, то, я надеюсь, их сожгут лазером дотла. В конце концов, закон запрещает им прилетать в нашу систему.

— Верно.

— Можно посмотреть вашу керамику? Я занимаюсь галстуками. Живые галстуки Вернера, как будто ручной работы, всех цветов Титана… Вот, один из них на мне, видите? На самом деле это примитивная форма жизни, которую мы привозим и разводим здесь, на Земле. Как мы заставляем их размножаться — это секрет нашей фирмы. Знаете, как состав кока-колы.

Хнатт сказал:

— По той же самой причине я не могу показать вам эту керамику, как бы мне этого ни хотелось.

Это новые образцы. Я везу их к прогностику-ясновидцу в «Наборы П. П.». Если он захочет их миниатюризировать для наборов «Подружка Пэт», то все в порядке. Достаточно будет переслать информацию рекламному агенту П. П. — как там его зовут?.. — на орбите Марса. И так далее.

— Галстуки Вернера — часть наборов «Подружка Пэт», — сказал бизнесмен. — У ее парня, Уолта, их целый шкаф. — Он просто сиял. — Когда фирма «Наборы П. П.» решила миниатюризировать наши галстуки…

— Вы вели переговоры с Барни Майерсоном?

— Я с ним не разговаривал, этим занимался наш местный торговый агент. Говорят, что Майерсон тяжелый человек. Он может действовать под влиянием импульса, но если примет решение, то никогда его не меняет.

— У него бывают ошибки? Бывает так, что он отказывается от того, что впоследствии входит в моду?

— Наверняка. Может, он и ясновидец, но он всего лишь человек. Я вам скажу кое-что — может быть, это вам поможет. Он очень подозрителен в отношении женщин. Его брак распался несколько лет назад, и он никогда не мог с этим примириться. Видите ли, его жена была бере-

менна *два раза*, и правление его дома, кажется номер тридцать три, проголосовало на собрании за выселение его и жены в связи с нарушением установленных администрацией правил. Ну, вы же знаете номер тридцать три; знаете, как трудно попасть в дом со столь низким номером. Так что, вместо того чтобы сдать свою квартиру, он предпочел развестись с женой, и она уехала, забрав с собой ребенка. Позже он, видимо, решил, что сделал ошибку, и пожалел об этом. Естественно, в этой ошибке он винил себя. Впрочем, это вполне понятно: господи, чего бы мы не отдали, только бы жить в доме тридцать три или даже тридцать четыре! Он больше не женился; может быть, он неохристианин. Во всяком случае, когда пойдете продавать ему свою керамику, будьте крайне осторожны во всем, что касается женщин. Не говорите: «Это понравится женщинам» — или что-то в этом роде. Большинство розничных сделок…

— Спасибо за совет, — сказал Хнатт, вставая. Взяв коробку с керамикой, он направился к выходу.

Он вздохнул. Это могло быть непросто, может быть, даже безнадежно; он не в состоянии был противостоять обстоятельствам, которые имели

место задолго до его знакомства с Эмили и ее вазочками. Ничего не поделаешь.

К счастью, ему удалось поймать такси; пока оно везло его через забитый машинами центр, он прочитал утреннюю газету, а в особенности сообщение о корабле, который, как полагали, вернулся с Проксимы лишь затем, чтобы разбиться в морозной пустыне Плутона. Ну и ну! Уже высказывались предположения, что это может быть хорошо известный межпланетный промышленник Палмер Элдрич, который десять лет тому назад отправился в систему Проксимы по приглашению гуманоидного Совета Проксимы, — они хотели, чтобы он модернизировал их автофабрики по земному образцу. С тех пор об Элдриче никто не слышал — до сегодняшнего дня.

Подумав, он решил, что, вероятно, для Земли было бы лучше, если бы Элдрич не вернулся. Палмер Элдрич был неистовым, выдающимся одиночкой. Он совершал чудеса в области автоматизации производства на колонизированных макетах, но, как обычно, зашел слишком далеко, слишком многое запланировал. Товары лежали кучами в самых невероятных местах, где не было колонистов, которые могли бы ими воспользоваться. Они превращались в горы мусора, по

мере того как погода неумолимо их разрушала, кусочек за кусочком. Особенно снежные бури, если поверить, что такое где-то бывает… что есть еще места, где по-настоящему холодно. Можно сказать, даже слишком холодно.

— Мы на месте, ваша милость, — сообщил автомат, останавливая машину перед большим зданием, основная часть которого скрывалась под землей.

Фирма «Наборы П. П.».

Сотрудники входили в здание через ряд термоизолированных туннелей.

Он заплатил за такси, выскочил из него и пробежал через открытое пространство к туннелю, держа коробку обеими руками. Лучи солнца на мгновение коснулись его, и Хнатт почувствовал — или представил себе, что чувствует, — как потрескивает его кожа.

«Изжаришься, как гусь», — подумал он, невредимым добравшись до туннеля.

Вскоре он был под землей. Секретарша провела его в кабинет Майерсона. Прохладные и полутемные комнаты приглашали отдохнуть, но он лишь крепче сжал коробку с образцами, напрягся и, хотя и не был неохристианином, мысленно произнес молитву.

— Мистер Майерсон, — обратилась к сидевшему за столом мужчине секретарша, которая была выше Хнатта ростом и выглядела весьма впечатляюще в декольтированном платье и туфлях на высоких каблуках. — Это мистер Хнатт. Мистер Хнатт, это мистер Майерсон.

Позади Майерсона стояла девушка в бледно-зеленом свитере. Волосы ее были совершенно белыми. Они были чересчур белыми, а свитер чересчур тесным.

— Это мисс Фьюгейт, мистер Хнатт. Ассистентка мистера Майерсона. Мисс Фьюгейт, это мистер Ричард Хнатт.

Сидевший за столом Барни Майерсон продолжал изучать какой-то документ, делая вид, что не замечает присутствия клиента, и Ричард Хнатт молча ждал, испытывая самые разные чувства. Он ощущал, как в нем нарастает ярость, подбираясь к горлу и сжимая грудь. Однако вместе с тем он чувствовал и страх, а кроме того, превосходящее этот страх растущее любопытство. Значит, это и есть прежний муж Эмили, который — если верить торговцу живыми галстуками — все еще глубоко сожалел, что решил расторгнуть брак. Майерсон оказался довольно коренастым мужчиной чуть моложе сорока, с необычно длинными

и волнистыми волосами, которые в данный момент были не в моде. Он сидел со скучающим видом, но враждебности в нем не чувствовалось. Однако, может быть, он еще не…

— Посмотрим ваши вазочки, — вдруг сказал Майерсон.

Поставив коробку на стол, Ричард Хнатт открыл ее, один за другим достал образцы и отступил на шаг назад.

После некоторой паузы Барни Майерсон сказал:

— Нет.

— Нет? — переспросил Хнатт. — Что — нет?

— Не пойдет, — заявил Майерсон, взял документ и продолжил прерванное чтение.

— Вы хотите сказать, что вы так просто решили?.. — сказал Хнатт, еще не веря, что все кончено.

— Именно так, — подтвердил Майерсон.

Керамика его больше не интересовала, как будто Хнатта и его вазочек здесь уже не было.

— Извините, мистер Майерсон, — вдруг сказала мисс Фьюгейт.

— В чем дело? — взглянув на нее, спросил Барни Майерсон.

— Еще раз прошу прощения, мистер Майер-

сон, — ответила мисс Фьюгейт. Она взяла одну из вазочек и взвесила ее в руках, поглаживая глазурованную поверхность. — У меня, однако, создалось совсем другое впечатление. Я чувствую, что эта керамика пойдет.

Хнатт посмотрел сначала на нее, потом на него.

— Дайте-ка. — Майерсон показал на темно-серый вазон, и Хнатт немедленно подал ему образец. Майерсон подержал его в руках и, нахмурившись, сказал: — Нет. Мне все же не кажется, что этот товар будет иметь успех. По-моему, вы ошибаетесь, мисс Фьюгейт. — Он поставил вазу на место. — Но, поскольку у нас с мисс Фьюгейт расхождения во взглядах, — сказал он, задумчиво почесывая затылок, — оставьте мне эти образцы на несколько дней. Я уделю им еще немного внимания.

Было, однако, очевидно, что подобных намерений у него нет.

Мисс Фьюгейт протянула руку и, взяв маленькую вазочку странной формы, почти с нежностью прижала ее к груди.

— Особенно это. Я ощущаю очень мощное излучение. Это будет иметь самый большой успех.

— Ты с ума сошла, Рони, — тихо сказал Барни

Майерсон. Теперь он, кажется, действительно разозлился, даже покраснел. — Я вам сообщу, — обратился он к Хнатту, — когда приму окончательное решение. Однако я не вижу причин менять свое мнение, так что на многое не рассчитывайте. Собственно говоря, можете их даже здесь не оставлять.

Он бросил суровый взгляд на свою ассистентку.

Глава 2

В десять часов того же утра в кабинете Лео Булеро, председателя правления фирмы «Наборы П. П.», раздался звонок видеофона. Звонили из Трехпланетной службы охраны порядка, частного полицейского агентства. Несколько минут спустя он узнал о катастрофе корабля, возвращавшегося с Проксимы.

Несмотря на чрезвычайную важность этих новостей, он слушал невнимательно, так как мысли его были заняты совсем другим.

Все это было мелочью по сравнению с тем, что военный корабль отдела контроля наркотиков ООН перехватил весь груз кэн-ди в окрестностях северного полюса Марса, несмотря на то что фирма «Наборы П. П.» ежегодно платила ООН огромную дань за неприкосновенность; груз стоимостью около миллиона скинов был перехвачен по пути с тщательно охраняемых плантаций на Венере. Видимо, взятки не дошли до соответствующих людей на соответствующих уровнях сложной иерархии ООН.

Однако сделать в такой ситуации ничего было нельзя. ООН представляла собой монолит, над

которым никто не имел никакой власти.

Он без труда понял намерения отдела наркотиков. Они хотят, чтобы «Наборы П. П.» начали судебную тяжбу, требуя возвращения груза. Таким образом выяснилось бы, что незаконный наркотик кэн-ди, употребляемый многими колонистами, выращивается, перерабатывается и распространяется при содействии фирмы «Наборы П. П.». Так что, несмотря на высокую цену груза, лучше было им пожертвовать, чем подвергать себя риску.

— Газеты были правы, — говорил с экрана Феликс Блау, шеф полицейского агентства. — Это Палмер Элдрич, и, похоже, он жив, хотя и тяжело ранен. Мы выяснили, что линейный корабль ООН перевезет его в госпиталь на одной из баз, местонахождение которой, естественно, не сообщается.

— Гм, — пробормотал Булеро, кивнув.

— Однако, что касается того, что Элдрич обнаружил в системе Проксимы…

— Этого вы никогда не узнаете, — сказал Лео. — Элдрич ни слова не скажет, и на этом все закончится.

— Мы выяснили, — продолжал Блау, — один интересный факт. На борту корабля Элдрича бы-

ла — и есть до сих пор — заботливо сохраняемая культура лишайника, очень похожего на тот с Титана, из которого получают кэн-ди. Я думал, что в связи с… — Блау тактично замолчал.

— Есть какая-нибудь возможность уничтожить эту культуру лишайника? — машинально спросил Лео.

— К сожалению, люди Элдрича уже добрались до остатков корабля. Не сомневаюсь, что они будут сопротивляться всяческим попыткам подобного рода.

Блау, казалось, был полон сочувствия.

— Можно, конечно, попытаться… Силой эту проблему не решить, но, может быть, удастся их подкупить.

— Попробуйте, — сказал Лео, хотя был согласен, что это, без всякого сомнения, лишь бесполезная трата времени и сил. — Разве на них не распространяется распоряжение ООН, касающееся запрета на ввоз инопланетных форм жизни?

Было бы весьма неплохо, если бы удалось убедить силы ООН в том, что остатки корабля Элдрича необходимо уничтожить. Он записал для памяти в блокноте: позвонить юристам, составить запрос в ООН по поводу ввоза лишайников.

— Поговорим позже, — бросил он Блау и от-

ключился.

«Может быть, направлю запрос сам», — подумал он.

Нажав на кнопку интеркома, Лео сказал секретарше:

— Соедини меня с ООН в Нью-Йорке, с кем-нибудь из руководства. Лучше всего с самим секретарем Хепберн-Гилбертом.

Наконец его соединили с искусным индийским политиком, который в прошлом году стал Генеральным секретарем ООН.

— А, мистер Булеро, — хитро улыбнулся Хепберн-Гилберт. — Вы хотите направить запрос по поводу ареста груза кэн-ди, который…

— Я ничего не знаю ни о каком грузе кэн-ди, — ответил Лео. — Я совсем по другому делу. Вы отдаете себе отчет в том, что вытворяет Палмер Элдрич? Он привез в нашу систему лишайники с Проксимы. Из-за этого может начаться эпидемия типа той, что была у нас в девяносто восьмом.

— Мы отдаем себе в этом отчет. Однако люди Элдрича утверждают, что это лишайник из Солнечной системы, который мистер Элдрич взял с собой на Проксиму и теперь везет обратно… Как они говорят, это его источник протеина. — Индиец блеснул белозубой улыбкой: подобное

объяснение его явно забавляло.

— И вы этому поверили?

— Нет, конечно. — Улыбка Хепберн-Гилберта стала еще шире. — А почему, собственно, вы этим интересуетесь, мистер Булеро? Неужели вас так заботит судьба этих… лишайников?

— Я гражданин Солнечной системы и руководствуюсь заботой об интересах общества. И я требую, чтобы вы предприняли соответствующие шаги.

— Мы их предприняли, — сказал Хепберн-Гилберт. — Мы проводим расследование… Мы поручили его мистеру Ларку — вы ведь его знаете?

Разговор достиг мертвой точки, и Лео Булеро в конце концов отключился, чувствуя отвращение ко всем политикам. Они всегда были готовы к решительным действиям, но если дело касалось Палмера Элдрича…

«Ах, мистер Булеро, — передразнил он недавнего собеседника, — это, понимаете ли, совсем другое дело».

Да, Ларка он знал. Нед Ларк был шефом отдела наркотиков ООН и ответственным за перехват последнего транспорта кэн-ди. Это была неплохая проделка со стороны Генерального секретаря

— включить Ларка в аферу с Элдричем. Можно сказать, ООН требовала услуги за услугу: пока Лео Булеро будет пытаться вернуть груз кэн-ди, они не предпримут ничего против Элдрича. Он это чувствовал, но, естественно, доказать ничего не мог. В конце концов, Хепберн-Гилберт, этот темнокожий хитрец и недоразвитый политик, прямо этого не говорил.

«Вот так и кончаются все переговоры с ООН, — думал Лео. — Афро-азиатская политика. Болото. Везде сидят и всем руководят иностранцы».

Он с яростью взглянул на пустой экран.

Пока он раздумывал, что делать дальше, звякнул интерком, и его секретарша мисс Глисон сказала:

— Мистер Булеро, в приемной мистер Майерсон. Он хотел бы перекинуться с вами парой слов.

— Пусть войдет. — Он обрадовался, что хотя бы на минуту сможет забыть о своих проблемах.

Несколько мгновений спустя эксперт-прогностик в области моды с хмурым видом вошел в кабинет и молча сел напротив Лео.

— Что с тобой, Майерсон? — спросил Булеро. — Ну говори, я ведь для этого здесь и нахожусь. Можешь поплакать у меня на плече. — Он ста-

рался, чтобы голос его звучал холодно.

— Дело касается моей ассистентки, мисс Фьюгейт.

— Да, я слышал, что ты с ней спишь.

— Не в этом дело.

— Ах вот как! — иронически заметил Лео. — Ну, это мелочь.

— Я только хотел сказать, что пришел сюда по другой причине. У нас только что было серьезное недоразумение. Мне принесли образцы…

— Ты что-то отклонил, — перебил его Лео, — а она с этим не согласилась.

— Да.

— Ах вы, ясновидцы!

«Заслуживает внимания. Может быть, существуют альтернативные варианты будущего».

— И ты хочешь, чтобы я приказал ей в будущем во всем с тобой соглашаться?

— Она моя ассистентка, — сказал Барни Майерсон. — И поэтому она должна делать то, что я ей скажу.

— Ну а то, что она с тобой спит, — это разве не явный шаг в этом направлении? — рассмеялся Лео. — Однако в присутствии продавца она должна поддерживать твое мнение, а если у нее будут какие-то замечания, то она должна сказать тебе

об этом позже, с глазу на глаз.

— Я даже на это не соглашусь. — Барни нахмурился еще больше.

— Ты знаешь, что я прошел курс э-терапии и практически сам стал ясновидцем. Это был продавец вазочек? Керамики?

Барни неохотно кивнул.

— Это творения твоей бывшей жены, — сказал Лео и задумался. Ее керамика хорошо расходилась, он видел объявления в газетах. Она продавалась в одном из лучших художественных салонов в Нью-Орлеане, а также здесь, на Восточном побережье, и в Сан-Франциско. — Как они, пойдут, Барни? — Он внимательно посмотрел на своего ясновидца. — Мисс Фьюгейт была права?

— Никуда они не пойдут, и это святая правда, — бесцветным голосом сказал Барни. Слишком бесцветным, подумал Лео, чересчур лишенным чувств. — Я так вижу, — упрямо добавил Майерсон.

— Ну ладно, — кивнул Лео. — Принимаю твое объяснение. Однако, если эти вазочки станут сенсацией, а у нас не будет миниатюр для колонистов… — Он задумался. — Может оказаться, что твоя подруга по постели займет твое место! — пригрозил он.

Вставая, Барни сказал:

— Так вы проинструктируете мисс Фьюгейт, как она должна себя вести и какую позицию занимать?

Лео расхохотался. Барни покраснел и пробормотал:

— Может, я неудачно выразился…

— Ладно, Барни, я погрожу ей пальцем. Она молодая, переживет. А ты стареешь. Ты должен заботиться о собственном достоинстве и не можешь позволить, чтобы кто-то тебе противоречил.

Лео тоже встал, подошел к Барни и похлопал его по спине.

— Послушай, что я тебе скажу. Перестань себя изводить. Забудь о своей бывшей жене. Ладно?

— Уже забыл.

— Есть ведь и другие женщины, — сказал Лео, думая о Скотти Синклер, своей нынешней любовнице. Скотти, хрупкая блондинка с большим бюстом, сейчас ждала, пока Лео не устроит себе недельный отпуск — на вилле, которая находилась на спутнике в пятистах милях от Земли. — Их бесконечно много, в отличие от первых почтовых марок США или шкурок трюфелей, которые мы используем в качестве валюты.

Внезапно ему пришло в голову, что можно было бы уступить Барни одну из своих брошенных, но все еще вполне пригодных любовниц.

— Вот что я тебе скажу… — начал он, но Барни тут же резким жестом остановил его. — Нет? — удивился Лео.

— Нет. У меня сейчас есть Рони Фьюгейт. Одной для нормального человека хватит. — Барни сурово взглянул на шефа.

— Согласен. Я тоже за один раз могу встречаться только с одной. Неужели ты думал, что у меня гарем в «Домике Винни Пуха»?

— Когда я был там в последний раз, — сказал Барни, — то есть на вашем дне рождения в январе…

— Ну да. Это совсем другое дело. То, что происходит во время приемов, не стоит принимать во внимание.

Он проводил Майерсона до дверей кабинета.

— Знаешь что, Майерсон, я слышал о тебе сплетню, которая мне не понравилась. Кто-то видел, как ты тащил один из этих переносных терминалов психиатрического компьютера… ты получил повестку?

Наступила тишина. Наконец Барни кивнул.

— И ты не собирался ничего нам об этом гово-

рить, — заметил Лео. — И когда же мы должны были об этом узнать? В тот день, когда ты окажешься на борту корабля, летящего на Марс?

— Как-нибудь выкручусь.

— Ну конечно, так же, как и все. Именно таким образом ООН удалось заселить четыре планеты, шесть спутников…

— Я не пройду психологических тестов, — заявил Барни. — Мои способности к ясновидению ясно мне об этом говорят. Я не могу перенести столько фрейдов стресса, чтобы их удовлетворить. Вот посмотрите… — Он вытянул руки. Они ощутимо дрожали. — Вспомните мою реакцию на безвредное замечание мисс Фьюгейт. Вспомните, как я себя вел, когда Хнатт принес вазочки Эмили. Вспомните…

— Ладно, — прервал его Лео, но он все еще был обеспокоен.

Обычно повестки вручали за девяносто дней до срока, а мисс Фьюгейт наверняка еще не сможет занять место Барни. Конечно, можно перевести из Парижа Мака Ронстона, но даже Ронстон со своим пятнадцатилетним опытом не заменит Барни Майерсона. Талант не приходит со временем, талант дан человеку от рождения.

«Кажется, ООН в самом деле до меня добирает-

ся», — подумал Лео.

Его интересовало, является ли повестка Барни, пришедшая именно в этот момент, обычным стечением обстоятельств, или же это очередная попытка прощупать его слабые места. Если так, то им это удалось. И он не мог оказать никакого влияния на ООН, чтобы освободить Барни от призыва.

«А все только из-за того, что я снабжаю колонистов кэн-ди», — подумал он.

Ведь кто-то же должен это делать, это им необходимо. Иначе зачем им наборы Подружки Пэт? А кроме того, это было одно из самых доходных дел в Солнечной системе. Речь шла о многих миллионах скинов.

ООН об этом тоже знала.

В двенадцать тридцать по нью-йоркскому времени Лео Булеро обедал в компании новой девушки, только что поступившей на работу. Сидя напротив него в уютном зальчике ресторана «Пурпурная лиса», Пия Юргенс с хирургической точностью орудовала вилкой и ножом, откусывая небольшие кусочки крепкими ровными зубами. Она была рыжеволосая, а он любил рыжих: они обычно оказывались либо до отвращения уродливыми, либо почти нечеловечески прекрасными.

Мисс Юргенс принадлежала к последним. Теперь, если только найдется какой-нибудь повод, чтобы пригласить ее в «Домик Винни Пуха»… если, конечно, Скотти не будет возражать. А это было как раз не слишком вероятно. Скотти была очень своевольна, что для женщин является весьма опасной чертой.

«Жаль, что не удалось подсунуть Скотти Барни Майерсону», — подумал Лео.

Это решило бы сразу две проблемы: сняло бы психологический стресс у Барни, а его самого освободило бы от…

«Чушь! — подумал он. — Барни ведь и должен быть психически неустойчив, иначе он давно бы уже был на Марсе. Для этого он и взял напрокат этот говорящий чемоданчик. Похоже, я совершенно не понимаю современный мир. Живу в прошлом, в двадцатом веке, когда задача психоаналитиков заключалась в том, чтобы снимать у людей стресс».

— Вы всегда молчите, мистер Булеро? — спросила мисс Юргенс.

— Нет.

«Интересно, удалось бы мне как-то помочь Барни? — размышлял он. — Помочь ему… как это говорится, стать менее устойчивым?»

Однако это было не так просто, как казалось. Он ощущал это подсознательно благодаря увеличенным лобным долям. Нельзя же здоровых людей делать больными по приказу.

А может быть, все-таки…

Он извинился, подозвал робота-официанта и велел принести видеотелефон.

Через пару минут он соединился с мисс Глисон, своей секретаршей.

— Слушай, как только я вернусь, я хотел бы встретиться с мисс Рондинеллой Фьюгейт, сотрудницей Майерсона. А сам Майерсон не должен об этом знать. Поняла?

— Да, сэр, — ответила, записывая, мисс Глисон.

— Я все слышала, — заявила Пия Юргенс, когда он закончил разговор. — Знаете, я могла бы рассказать об этом мистеру Майерсону. Я его вижу почти каждый день в…

Лео рассмеялся. Его позабавила мысль о том, что Пия Юргенс может отказаться от прекрасного будущего, которое перед ней открывается.

— Послушай, — сказал он, похлопав ее по руке. — Не бойся, это не имеет ничего общего с интимными делами. Доедай свой крокет из ганимедской лягушки, и поедем обратно.

— Я хотела только сказать, — холодно произнес-

ла мисс Юргенс, — что мне показалась несколько странной подобная откровенность в присутствии кого-то, кого вы практически не знаете. — Она взглянула на него, и ее пышный соблазнительный бюст выдвинулся вперед еще дальше, как будто от обиды.

— Значит, мне нужно познакомиться с тобой поближе, — сказал Лео, с аппетитом глядя на нее. — Ты жевала когда-нибудь кэн-ди? — задал он риторический вопрос. — Ты должна обязательно попробовать, хотя он и вызывает привыкание. Переживания необыкновенные.

Конечно, у него в «Домике Винни Пуха» был запас наркотика самого лучшего качества. Он часто оказывался весьма кстати, когда приходили гости; иначе то, чем они занимались, могло показаться скучным.

— Я спрашиваю потому, что, как мне кажется, у тебя живое воображение, а реакция на кэн-ди зависит прежде всего от твоих творческих способностей.

— Я бы с удовольствием попробовала, — сказала мисс Юргенс. Она огляделась вокруг, понизила голос и наклонилась к нему: — Только ведь это незаконно.

— В самом деле? — Он вытаращил глаза.

— Вы же сами хорошо знаете. — В голосе девушки чувствовалось раздражение.

— Послушай, — сказал Лео, — я могу достать для тебя немного.

Он, конечно, будет жевать вместе с ней; таким образом мысли принимающих наркотик соединяются, образуя новый, единый разум… Такое, по крайней мере, было впечатление. Несколько совместных приемов кэн-ди, и он будет знать о Пие Юргенс все, что требуется. В ней было нечто — кроме, естественно, физических достоинств, — что притягивало его. Он с нетерпением ждал момента близости.

— Мы не будем пользоваться набором.

Что за ирония судьбы — он, создатель и производитель микромира Подружки Пэт, предпочитал употреблять кэн-ди просто так. Что мог дать землянину набор, представлявший собой в миниатюре условия, имевшиеся в любом городе на Земле? Для колонистов в продуваемых ураганами пустынях Ганимеда, ютящихся в убогих бараках, защищающих их от града метановых кристаллов, наборы Подружки Пэт были чем-то совершенно иным — возвращением в мир, который они вынуждены были покинуть. Однако он, Лео Булеро, чертовски устал от этого мира, в

котором родился и в котором продолжал жить. Даже «Домик Винни Пуха» со всеми своими более или менее изощренными развлечениями не заполнял пустоты. И все же…

— Этот кэн-ди, — сказал он мисс Юргенс, — великолепная штука, и ничего удивительного, что он запрещен. Это как религия. Да, кэн-ди — религия колонистов. — Он засмеялся. — Берешь кусочек, пожуешь минут пятнадцать, и… нет убогого барака. Нет замерзшего метана. У тебя есть повод, чтобы жить. Разве это не стоит риска и цены?

«Только какова его ценность для нас?» — мысленно спросил он сам себя и ощутил легкую грусть.

Изготовляя наборы Подружки Пэт и разводя лишайник — сырье для производства кэн-ди, он делал сносной жизнь миллиона с лишним колонистов, принудительно высланных с Земли. Но что он с этого имел?

«Всю жизнь я посвятил другим, — подумал он, — а теперь начинаю трепыхаться, поскольку мне этого не хватает».

На спутнике его ждала Скотти; как обычно, предстояло решать сложные проблемы, связанные как с легальным его бизнесом, так и с

нелегальным… Но неужели в жизни не должно быть ничего больше?

Он не знал. Никто не знал, поскольку все, так же как Барни Майерсон, в разных вариантах воспроизводили одну и ту же схему. Барни со своей Рондинеллой Фьюгейт — ухудшенное подобие Лео Булеро и мисс Юргенс. Куда бы он ни посмотрел, везде было одно и то же. Наверняка даже Нед Ларк, шеф отдела наркотиков, жил подобным образом, так же как и Хепберн-Гилберт, у которого, кажется, была бледная высокая начинающая кинозвезда из Швеции, с грудями величиной с шар для игры в кегли и такими же твердыми. Даже Палмер Элдрич. Нет, вдруг понял он. Не Палмер Элдрич, тот нашел себе что-то другое. Десять лет он находился в системе Проксимы, по крайней мере летел туда и обратно. Что он там нашел? Неужели это стоило подобных усилий, стоило катастрофы на Плутоне?

— Видела газеты? — спросил он мисс Юргенс. — Читала о корабле на Плутоне? Такие, как Элдрич, попадаются один на миллиард. Другого такого, как он, нет.

— Читала, — сказала мисс Юргенс, — что он фактически чокнутый.

— Наверняка. Десять лет жизни, столько муче-

ний — и ради чего?

— Можете быть уверены, что эти десять лет для него окупились с лихвой, — ответила мисс Юргенс. — Может, он и сумасшедший, но хитрый. Свое дело он знает. Не настолько уж он чокнутый.

— Я бы хотел с ним встретиться, — сказал Лео Булеро. — Поговорить с ним хотя бы минуту.

Мысленно он уже решил, что сделает это. Он пойдет в госпиталь, где лежит Палмер Элдрич, и проникнет в его палату силой или подкупом, чтобы узнать, что же тот нашел.

— Когда-то я думала, — говорила мисс Юргенс, — что когда корабли впервые покинут нашу систему и полетят к звездам… Помните, когда это было? Я думала, что мы узнаем… — Она на мгновение замолчала. — Это так глупо, но я была еще ребенком, когда Арнольдсон впервые полетел к Проксиме и вернулся обратно. Я имею в виду, что была еще ребенком, когда он вернулся. Я действительно думала, что так далеко он найдет… — она отвернулась, избегая взгляда Булеро, — что он найдет Бога.

«Я тоже так думал, — подумал Лео. — А я ведь был уже взрослым. Мне было уже за тридцать. Я несколько раз говорил об этом Барни. И лучше

мне верить в это и дальше, даже сейчас — после этого десятилетнего полета Палмера Элдрича».

После обеда, вернувшись в свой кабинет в «Наборах П. П.», он впервые увидел Рондинеллу Фьюгейт. Она уже ждала его.

«А она ничего», — подумал Лео, закрывая дверь кабинета.

Симпатичная фигура и красивые сияющие глаза. Казалось, она волнуется: она сидела закинув ногу на ногу, оглаживала юбку и искоса поглядывала на него, пока он усаживался за стол напротив нее.

«Совсем молоденькая, — подумал Лео. — Девчонка, которая осмеливается противоречить своему начальнику, поскольку считает, что тот не прав. Трогательно…»

— Вы знаете, зачем я вас вызвал? — спросил он.

— Догадываюсь, что вы сердитесь из-за того, что я не поддержала мистера Майерсона. Но я в самом деле видела будущее этой керамики. Что же еще я могла сделать? — умоляюще спросила она, привстав с кресла.

— Я вам верю, — сказал Лео. — Однако мистер Майерсон очень раздражителен. Поскольку вы с ним живете, вы должны знать, что он везде

таскает с собой переносного психиатра.

Открыв ящик стола, он достал коробку «Куэста рейс», лучшего сорта сигар, и предложил одну мисс Фьюгейт, которая, поблагодарив, взяла ее. Лео дал ей прикурить, закурил сам и удобно устроился в кресле.

— Вы знаете, кто такой Палмер Элдрич?

— Да.

— Вы можете воспользоваться своими способностями к ясновидению для чего-то другого, кроме прогнозирования моды? Через месяц или два в газетах уже будут сообщать о местоположении госпиталя, в котором находится Палмер Элдрич. Я хочу, чтобы вы взглянули на эти газеты и сказали мне, где этот человек находится в данный момент. Я знаю, что вы можете это сделать.

«Лучше, чтобы ты смогла, — подумал он, — если хочешь здесь работать и дальше».

Он ждал, дымя сигарой, глядя на девушку и думая с некоторой завистью о том, что если она и в постели так же хороша, как выглядит…

Мисс Фьюгейт, запинаясь, сказала:

— Я вижу, но очень слабо, мистер Булеро.

— Ничего страшного, послушаем. — Он взял ручку.

Ее рассказ занял несколько минут, но в конце

концов он записал в блокноте: Госпиталь ветеранов имени Джеймса Риддла, база III на Ганимеде. Принадлежит, естественно, ООН. Он этого ожидал. Дело было, однако, не безнадежным; может быть, ему все же удастся туда попасть.

— Он там под чужим именем, — добавила мисс Фьюгейт, бледная и обессиленная. Она закурила сигару, которая за это время погасла, и, выпрямившись в кресле, снова скрестила свои изящные ноги. — Газеты сообщают, что мистер Элдрич был зарегистрирован под именем… — Она замолчала и крепко зажмурилась. — О черт! — вздохнула она. — Никак не получается. Один слог. Френт. Брент. Нет, думаю, скорее Трент. Да, Элдон Трент.

Она с облегчением улыбнулась. Ее большие глаза лучились детской, наивной радостью.

— Они действительно хорошо постарались, чтобы его спрятать. Газеты сообщают, что его допрашивают. Значит, он должен быть в сознании. — Внезапно она нахмурилась. — Подождите. Вижу заголовок… я в своей квартире, одна. Сейчас раннее утро, и я читаю первую полосу. О боже!

— Что пишут? — спросил Лео. Он чувствовал, что девушка потрясена.

— В заголовках говорится, что Палмер Элдрич мертв, — прошептала мисс Фьюгейт. Она замор-

гала, огляделась вокруг и посмотрела на Лео с испугом и неуверенностью, почти ощутимо замыкаясь в себе. Она отодвинулась от него и вжалась в спинку кресла, нервно сплетая пальцы. — И в этом обвиняют вас, мистер Булеро. В самом деле. Так написано в заголовке.

— Вы хотите сказать, что я его убью?

Она кивнула.

— Однако… это не столь определенно. Я видела это только в одном из вариантов будущего… понимаете? Я хочу сказать, что мы, ясновидцы, видим… — Она сделала неуверенный жест.

— Я знаю.

Он хорошо знал ясновидцев: Барни Майерсон работал в «Наборах П. П.» тринадцать лет, а некоторые еще дольше.

— Это может случиться, — хрипло сказал он.

«Почему?» — задавал он себе вопрос. Сейчас трудно сказать. Может быть, когда он доберется до Элдрича, поговорит с ним… А все указывает на то, что это ему удастся.

Мисс Фьюгейт добавила:

— Думаю, что в свете возможных событий вы не должны контактировать с мистером Элдричем. Вы согласны с этим, мистер Булеро? Я хочу сказать, что риск существует, и притом значи-

тельный. Думаю, около сорока.

— Сорока чего?

— Процентов. Почти один к двум.

Уже полностью овладев собой, она смотрела на него, дымя сигарой. Ее глаза, черные и проницательные, не мигая, глядели на него. В них крылось любопытство.

Он встал с кресла и подошел к двери.

— Спасибо, мисс Фьюгейт. Я вам очень благодарен за помощь.

Он остановился у двери, давая понять, что ждет, когда девушка выйдет.

Однако мисс Фьюгейт не двигалась с места. Он столкнулся с тем же особенным упрямством, которое обеспокоило Барни Майерсона.

— Мистер Булеро, — спокойно сказала она, — думаю, что, собственно, я должна пойти с этим в полицию ООН. Мы, ясновидцы…

Он закрыл дверь.

— Вы, ясновидцы, — прервал он ее, — слишком интересуетесь жизнью других людей.

Однако он знал, что он у нее в руках, и теперь размышлял, что делать.

— Мистера Майерсона могут призвать, — говорила мисс Фьюгейт. — Вы, конечно, об этом знаете. Вы собираетесь воспользоваться своим

влиянием, чтобы его от этого спасти?

— Я собираюсь в связи с этим кое-что предпринять, — честно ответил он.

— Мистер Булеро, — тихо, но твердо сказала она, — давайте договоримся. Пусть его призовут, а я стану вашим консультантом по прогнозам моды в Нью-Йорке. — Она выжидающе замерла.

Лео Булеро молчал.

— Что вы на это скажете? — спросила она.

Она явно не привыкла к подобным переговорам, но намеревалась добиться своего, насколько это было возможно. В конце концов, подумал он, каждый, даже самый опытный, должен с чего-то начинать. Может быть, он как раз был свидетелем возможного начала крупной карьеры.

Внезапно он кое-что вспомнил. Он вспомнил, почему ее перевели из Пекина в Нью-Йорк и сделали ассистенткой Майерсона. Ее предсказания бывали неудачными. В сущности, некоторые из них — слишком многие — оказывались ошибочными.

Может быть, и картина будущих заголовков, говорящих о том, что его обвиняют в убийстве Палмера Элдрича, — предположим, что она говорила правду и действительно их видела, — была лишь очередной ошибкой, ложным предсказани-

ем, так же как и те, из-за которых она оказалась в Нью-Йорке.

— Дайте мне время подумать, — предложил он. — Пару дней.

— До завтрашнего утра, — твердо сказала мисс Фьюгейт.

Лео рассмеялся:

— Теперь я понимаю, почему Барни был так раздражен.

И Барни, благодаря своим способностям к ясновидению, должен был предчувствовать, пусть хотя бы туманно, что мисс Фьюгейт подставит ему ножку, угрожая его положению.

— Послушайте, вы любовница Майерсона, — сказал Лео, подходя к ней. — Может быть, вам хотелось бы чего-то другого? Я мог бы отдать в ваше распоряжение целый спутник.

«Естественно, если допустить, что удастся выкинуть оттуда Скотти», — подумал он.

— Нет, спасибо, — покачала головой мисс Фьюгейт.

— Почему? — удивился Лео. — Ваша карьера…

— Я люблю Майерсона, — ответила она. — И меня не особенно интересуют шаро… — Она прикусила язык. — Люди, которые прошли курс в этих клиниках.

Лео снова открыл дверь.

— Завтра утром я вам сообщу.

Он смотрел, как она идет по коридору и через холл, и думал: «У меня есть время, чтобы добраться до Ганимеда и Палмера Элдрича. Тогда я буду знать больше. Я узнаю, ложны твои предсказания или нет».

Закрыв дверь за девушкой, он быстро подошел к столу и, нажав кнопку видеотелефона с выходом в город, сказал телефонистке:

— Соедините меня с Госпиталем ветеранов имени Джеймса Риддла, третья база на Ганимеде. Я хочу говорить с мистером Элдоном Трентом, пациентом госпиталя. Личный разговор. — Он назвал свою фамилию и номер и отключился, потом снова нажал кнопку и набрал номер космодрома имени Кеннеди.

Он зарезервировал место на корабль-экспресс, вылетавший в тот же вечер из Нью-Йорка на Ганимед, и, шагая по комнате, стал ждать соединения с Госпиталем ветеранов.

Шароголовый, подумал он. Так она хотела назвать своего работодателя.

Через десять минут его соединили.

— Мне очень жаль, мистер Булеро, — извинялась телефонистка. — Мистер Трент не отвечает

на звонки. Распоряжение врача.

Значит, Рондинелла Фьюгейт была права: Элдон Трент существует, находится в Госпитале ветеранов, и, вероятнее всего, это и есть Палмер Элдрич. Наверняка стоило туда отправиться.

«Хорошенькое дело, — со злостью думал он, — есть шанс, что я встречусь с Палмером Элдричем, поссорюсь с ним бог знает из-за чего и в конце концов окажусь виновником его смерти. Смерти человека, которого в данный момент я даже не знаю. К тому же сухим из воды мне выйти не удастся. Вот так перспектива…»

Однако любопытство его росло. Никогда еще в ходе самых разнообразных операций ему не приходилось убивать. Если между ним и Палмером Элдричем должно было что-то произойти, это «что-то» обещало быть весьма необычным. Лететь на Ганимед определенно стоило, тем более что Рондинелла Фьюгейт сказала лишь о том, что его будут обвинять в убийстве, и не сказала ни слова о приговоре.

Осудить человека с его положением, даже при вмешательстве ООН, будет не так-то просто.

Он решил дать им этот шанс.

Глава 3

В баре недалеко от «Наборов П. П.» Ричард Хнатт маленькими глотками пил коктейль. Коробка с образцами стояла перед ним на столе. Он знал, что с вазочками Эмили было все в порядке: ее керамика всегда хорошо продавалась. Проблема заключалась в ее бывшем муже и его возможностях.

И Барни Майерсон ими воспользовался.

«Нужно позвонить Эмили и сказать ей», — подумал он и начал вставать, но кто-то преградил ему путь.

Странный толстячок на тонких ножках.

— Кто вы? — спросил Хнатт.

Тот закачался перед ним на своих ножках, одновременно копаясь в кармане, как будто успокаивая зуд, вызванный присутствием какого-то микроорганизма, паразитические склонности которого прошли испытание временем. Однако то, что он в конце концов вытащил, оказалось визитной карточкой.

— Мы интересуемся керамикой, мистер Хатт… Натт… Не знаю, как это произносится.

— Ихольц, — вслух прочитал Хнатт. На визитке

не было ничего, кроме фамилии, никаких других сведений, даже номера видеотелефона. — Но у меня с собой только образцы. Я дам вам адреса магазинов, где продается моя керамика. Эти же…

— …Предназначены для миниатюризации, — сказал забавный тип, кивая головой. — Именно это нам и нужно. Мы собираемся миниатюризировать вашу керамику, мистер Хнатт. Мы убеждены, что мистер Майерсон ошибается, — эти вазочки войдут в моду, и очень скоро.

Хнатт вытаращил глаза:

— Вы хотите миниатюризировать, но вы не из «Наборов П. П.»?

Никто другой миниатюризацией не занимался. Все знали, что монополия принадлежит «Наборам П. П.».

Усевшись за стол рядом с коробкой с образцами, мистер Ихольц достал бумажник и начал отсчитывать скины.

— Сначала большого ажиотажа не будет. Но потом… — Он протянул Хнатту пачку коричневых сморщенных шкурок трюфелей, которые служили валютой в Солнечной системе. Только они содержали единственную аминокислоту, которую не мог воспроизвести Дупликатор — открытая на Билтонге форма жизни, которую

многие земные заводы использовали вместо автоматических сборочных линий.

— Мне придется согласовать этот вопрос с женой, — сказал Хнатт.

— Разве вы не представляете свою фирму?

— Н-ну… да.

Хнатт взял пачку скинов.

— Теперь договор. — Ихольц достал документ, разложил его на столе и протянул ручку. — Это дает нам исключительные права.

Наклонившись над бумагой, Ричард Хнатт заметил название фирмы, которую представлял Ихольц. «Чуинг-зет мануфакчурерс», Бостон. Он никогда о ней не слышал. Чуинг-зет… это было похоже на какой-то другой продукт, но он не мог вспомнить какой. Он вспомнил это, лишь когда уже подписал контракт и Ихольц вручил ему копию.

Нелегальный галлюциноген кэн-ди, повсеместно употребляемый в колониях вместе с наборами Подружки Пэт!

Интуитивно он уже предчувствовал грядущие неприятности. Однако отказываться было поздно. Ихольц взял коробку с образцами; ее содержимое теперь принадлежало фирме «Чуинг-зет мануфакчурерс» из Бостона.

— Как… как мне с вами связаться? — спросил Хнатт, когда Ихольц встал из-за столика.

— Вам незачем с нами связываться. Если вы нам понадобитесь, мы позвоним сами, — улыбнулся Ихольц.

Как, черт побери, сказать об этом Эмили? Хнатт пересчитал скины, прочитал договор и постепенно осознал, сколько заплатил ему Ихольц: хватило бы на пятидневный отдых в Антарктике, в одном из больших холодных курортных городов, где полно богатых землян, где наверняка проводят лето Лео Булеро и ему подобные; а лето теперь продолжалось круглый год.

А может быть, и еще лучше: эта сумма давала ему и Эмили доступ в одно из наиболее привилегированных заведений на планете — если бы им этого хотелось. Они могли полететь в Германию и пройти курс э-терапии в одной из клиник доктора Вилли Денкмаля.

«Ого!» — подумал Хнатт.

Он заперся в будке видеотелефона и позвонил Эмили.

— Собирай вещи. Мы едем в Мюнхен. В… — Он выбрал первое пришедшее ему в голову название. Объявление этой клиники он видел в одном из дорогих парижских журналов. — В Айхен-

вальд, — сказал он. — Доктор Денкмаль…

— Барни взял вазочки, — обрадовалась Эмили.

— Нет. Но теперь есть еще одна фирма, которая занимается миниатюризацией.

Хнатт был возбужден и взволнован…

— Барни дал отрицательный прогноз. Ну и что? Заключить договор с этой новой фирмой оказалось еще и лучше. У них, похоже, куча денег. Увидимся через полчаса, я зарезервирую места на экспресс до Мюнхена. Только подумай: э-терапия для нас обоих.

— Если уж на то пошло, — тихо ответила Эмили, — то я вовсе не уверена, что хочу эволюционировать.

— Наверняка хочешь, — удивленно ответил он. — Ведь это может спасти нам жизнь, а если не нам, то нашим детям… нашим будущим детям. И даже если мы пробудем там недолго и эволюционируем лишь чуть-чуть, только представь себе, какие откроются перед нами возможности. Нас везде будут рады видеть. Ты знаешь кого-нибудь, кто прошел курс э-терапии? Ты же все время читаешь в газетах обо всех этих… людях из высшего общества, но…

— Я не хочу, чтобы у меня были волосы по всему телу, — сказала Эмили. — И я не хочу, чтобы

мне увеличивали голову. Нет. В клинику в Айхенвальд я не поеду. — Голос ее звучал твердо и решительно, лицо было спокойным.

— Значит, я поеду один, — сказал Хнатт.

Так будет еще лучше. Ведь это он заключал договоры с покупателями. И он мог бы пробыть в клинике вдвое дольше, эволюционировать вдвое больше, предполагая, естественно, что курс пройдет нормально. В отношении некоторых людей терапия не давала результатов, но это не вина доктора Денкмаля — не все в одинаковой степени были наделены способностью к эволюции. Он был глубоко убежден, что для него лично все сложится великолепно, он станет вровень с крупными шишками, а некоторых даже превзойдет, если иметь в виду то, что Эмили в силу предрассудков не вполне справедливо назвала «волосами».

— А мне что делать, если ты поедешь? Горшки лепить?

— Именно, — ответил он.

Наверняка заказы начнут поступать быстро и в большом количестве, иначе фирма «Чуинг-зет мануфакчурерс» из Бостона не заинтересовалась бы миниатюризацией. Видимо, на нее работали свои ясновидцы, так же как и на «Наборы

П. П.». Однако он тут же вспомнил, о чем говорил Ихольц: вначале большой известности не будет. Это означало, понял Хнатт, что новая фирма не имела сети рекламных агентов, круживших вокруг колонизированных спутников и планет. В отличие от «Наборов П. П.» у них не было Аллена и Шарлотты Фейн, которые могли бы распространить эти новости.

Чтобы вывести на орбиту спутники с рекламными агентами, требуется немало времени. Это естественно.

И все же он беспокоился. В какой-то момент он оказался близок к панике, подумав: неужели это нелегальная фирма? Может быть, чуинг-зет, так же как и кэн-ди, — запрещенное средство? Может быть, он ввязался во что-то опасное?

— Чуинг-зет, — вслух сказал он Эмили. — Ты что-нибудь о них слышала?

— Нет.

Он достал контракт и еще раз прочитал его.

«Вот так история, — подумал он. — Если бы только этот чертов Майерсон сказал „да“...»

В десять утра знакомый жуткий рев сирены разбудил Сэма Ригана. Он мысленно обругал круживший в небе корабль ООН, зная, что они делают это специально. Экипаж корабля, завис-

шего над бараком, хотел убедиться в том, что колонисты — а не местное зверье — получат доставленные им посылки.

«Получим, получим», — бормотал себе под нос Сэм Риган, застегивая молнию комбинезона с подогревом.

Он натянул на ноги высокие сапоги и полусонно потащился к двери.

— Слишком рано прилетели, — ворчал Тод Моррис. — И я готов поспорить, что там только железки, сахар и сало — ничего интересного вроде, скажем так, конфеток.

Норм Шайн навалился плечом на дверь и нажал. Они зажмурились, когда их захлестнул поток яркого холодного света.

В вышине, на фоне черного неба, блестел корабль ООН, как будто подвешенный на невидимой нити. Хороший пилот, оценил Тод, и, видимо, неплохо знает район Файнберг-Кресчент. Тод помахал кораблю рукой, и снова взревела сирена, заставив его зажать уши.

Из нижней части корабля появился контейнер, автоматически выдвинул стабилизаторы и по спирали полетел вниз.

— Дерьмо, — с отвращением сказал Сэм Риган. — Это железки. Им парашют не требуется.

Он отвернулся, потеряв всякий интерес к происходящему.

«Как здесь отвратительно, — подумал он, окидывая взглядом поверхность Марса. — Убожество. Зачем мы сюда прилетели? Пришлось, нас заставили».

Контейнер ООН приземлился. Стенки от удара потрескались, и трое колонистов заметили канистры, заполненные чем-то, напоминавшим фунтов пятьсот соли. Сэм Риган еще больше упал духом.

— Эй, — сказал Шайн, подходя к контейнеру и заглядывая внутрь, — кажется, я вижу кое-что, что может нам пригодиться.

— Эти коробочки выглядят так, как будто там внутри радиоприемники, — заметил Тод. — Транзисторные. — Он задумчиво подошел к Шайну. — Может быть, нам удастся их использовать для чего-нибудь в наших наборах.

— В моем уже есть радио, — сказал Шайн.

— Ну, из этих деталей можно было бы собрать электронную самоходную косилку для газонов, — заявил Тод. — Этого у тебя, кажется, нет.

Он довольно хорошо знал набор Подружки Пэт Шайна. Обе пары, он со своей женой и Шайн со своей, составляли идеальную компанию.

— Я следующий в очереди на радио! — крикнул Сэм Риган. — Мне пригодится.

В его наборе не хватало механизма для открывания дверей гаража, который был у Шайна и Тода. В этом он существенно отстал от них. Естественно, все это можно купить, но он был совершенно на мели. Весь свой заработок он истратил на то, что считал более необходимым. Он купил у торговца довольно большое количество кэн-ди и хорошо его спрятал, закопав под койкой, стоявшей на самом нижнем уровне их совместного жилища.

Он сам был верующим; он верил в чудо переселения душ, в этот почти священный момент, когда миниатюрные наборы начинали не просто напоминать Землю, но становились ею. Тогда он и другие, объединенные и перенесенные в этот миниатюрный мир благодаря кэн-ди, отправлялись в другое пространство и время. Многие колонисты еще не стали верующими, для них наборы были лишь символами мира, к которому они уже не принадлежали. Однако постепенно, один за другим, уверуют и они.

Даже сейчас, ранним утром, он не мог дождаться возвращения вниз и того момента, когда он откусит кусочек кэн-ди из тайника, чтобы, раз-

жевав его, присоединиться к товарищам в той торжественной церемонии, которая еще им оставалась.

Он повернулся к Тоду и Шайну:

— Кто-нибудь из вас хочет переместиться?

Так они называли участие в сеансе.

— Я возвращаюсь вниз, — сказал он. — Немного кэн-ди нам сейчас не помешает. Я поделюсь с вами своим.

— Так рано? — спросил Норм Шайн. — Мы же только что встали. Впрочем, нам все равно нечего делать.

Он угрюмо пнул большой полуавтоматический экскаватор, который уже много дней стоял перед входом в барак. Ни у кого не было сил выйти на поверхность и заняться начатой месяц назад расчисткой территории.

— Однако я думаю, — буркнул он, — что нам следует быть наверху и работать в огородах.

— Ну и огород здесь у тебя, — засмеялся Сэм Риган. — И что ты тут такое выращиваешь? Знаешь, как это называется?

Норм Шайн, сунув руки в карманы комбинезона, прошагал по рыхлой, песчаной почве, поросшей скупой растительностью, к своему не слишком ухоженному огороду. Он остановился и

тщательно оглядел грядки в надежде, что проросло больше специально подготовленных семян, но не нашел ни одного нового ростка.

— Брюссельская капуста, — ободряюще сказал Тод. — Хотя она и мутировала, я узнаю эти листья.

Норм отломил лист и начал жевать, однако быстро выплюнул. Лист был горький и весь в песке.

Из барака появилась Хелен Моррис, дрожа на холодном ветру.

— У нас с Фрэн вопрос, — обратилась она к мужчинам. — На Земле психоаналитики брали пятьдесят долларов за час или только за сорок пять минут? Мы хотим, — объяснила она, — добавить аналитика к нашему набору и хотим соблюсти все в точности. Это настоящий, сделанный на Земле и доставленный сюда экземпляр. Помните тот корабль Булеро, который прилетал на прошлой неделе…

— Помним, — кисло ответил Норм Шайн.

Цены, которые запросил продавец, они помнили тоже. А Аллен и Шарлотта Фейн не перестают болтать о разных частях наборов, разжигая у них аппетит.

— Спроси у Фейнов, — предложил жене Тод. —

Свяжись с ними по радио, когда они снова будут над нами пролетать. — Он взглянул на часы. — Спутник прилетит через час. У них там есть все данные о товарах. Хотя, честно говоря, эти данные должны прилагаться к тому, что покупаешь.

Этот вопрос его беспокоил, поскольку именно его скины — его и Хелен — пошли на оплату маленькой фигурки психоаналитика, а также диванчика, столика, коврика и полочки с весьма качественно миниатюризированными книгами.

— Ты ведь ходил к психоаналитику там, на Земле, — обратилась Хелен к Норму Шайну. — Сколько он брал?

— Ну, в основном я ходил на групповую терапию, — ответил Норм. — В Клинике психогигиены в Беркли брали столько, сколько ты был в состоянии заплатить. А Подружка Пэт и ее парень ходят, естественно, к частному психоаналитику.

Он шел по выделенному ему огороду, между рядами потрепанных листьев, каждый из которых был чем-нибудь заражен или наполовину съеден местными микроскопическими вредителями. Если ему удастся найти хотя бы одно нетронутое растеньице, одно здоровое… Ему бы этого хватило, чтобы вернуть себе присутствие духа. Инсектициды с Земли никуда не годились,

местные вредители буйствовали в свое удовольствие. Они ждали десять тысяч лет, пока кто-то не появится и не попытается здесь что-то выращивать.

— Полить бы надо, — заметил Тод.

— Надо, — согласился Норм Шайн.

Он угрюмо направился в сторону гидросистемы барака Чикен-Покс, подключенной к уже частично засыпанным ирригационным каналам, обслуживавшим все огороды барака. Он сообразил, что, перед тем как поливать растения, нужно очистить каналы от песка. Если они быстро не приведут в действие большой экскаватор класса А, им не удастся полить огороды, даже если они этого захотят. Однако заниматься этим ему не хотелось. Тем не менее он не мог, как Сэм Риган, просто повернуться и спуститься обратно вниз, чтобы развлекаться со своим набором, собирать или монтировать новые детали, вносить поправки или же, как только что предлагал Сэм, принять дозу старательно спрятанного кэн-ди и начать перемещаться. Он прекрасно понимал, какая лежит на нем ответственность.

— Попроси мою жену, чтобы она пришла сюда, — сказал он Хелен. — Фрэн будет показывать направление, когда он сядет за руль экскаватора:

у нее хороший глазомер.

— Я ей скажу, — вызвался Сэм Риган, направляясь вниз. — Кто идет со мной?

За ним никто не последовал; Тод и Хелен Моррис пошли взглянуть на свой огород, а Норм Шайн был занят тем, что стаскивал защитный чехол с экскаватора и подготавливал его к запуску.

Сэм Риган обнаружил Фрэн сидящей на корточках над набором Подружки Пэт, который Моррисы и Шайны составили вместе.

Занятая своим делом, она сказала, не поднимая головы:

— Подружка Пэт поехала в центр на новом «форде», припарковалась, бросила десять центов в счетчик, сделала покупки, а теперь она в приемной психоаналитика и читает «Форчун». Вот только сколько она должна заплатить за визит? — Она бросила на него взгляд, пригладила длинные темные волосы и улыбнулась.

Фрэн была, несомненно, самой красивой и самой талантливой в бараке. Он мысленно отметил это, и отнюдь не впервые.

— Как ты можешь забавляться этим набором и не жевать… — сказал он и огляделся вокруг. Похоже было, что они одни. Он наклонился и прошептал: — Пойдем пожуем вместе немного

первоклассного кэн-ди. Как раньше. Хорошо?

С бьющимся сердцем он ждал ее ответа. Вспоминая о том, как в последний раз они, соединившись друг с другом, перенеслись в мир Подружки Пэт, он почувствовал возбуждение.

— Хелен Моррис вернется…

— Нет, они возятся с экскаватором там, наверху. Раньше чем через час они не вернутся.

Он взял Фрэн за руку и потянул за собой.

— То, что мы получаем в обычной коричневой обертке, — говорил он, ведя ее в коридор, — нужно быстро использовать. Его нельзя долго хранить, иначе оно стареет и теряет силу.

«А за эту силу мы дорого платим, — мрачно размышлял он. — Слишком дорого, чтобы расходовать ее впустую».

Хотя некоторые — не из этого барака — утверждали, что сила, дающая возможность переместиться, происходит вовсе не от кэн-ди, а связана с точностью сборки набора. Он считал, что это чушь, но многие склонялись именно к такому мнению.

Когда они торопливо входили в комнату Сэма, Фрэн сказала:

— Я приму кэн-ди вместе с тобой, но когда мы будем уже там, на Земле, мы не будем больше

ничем таким заниматься… ну, ты знаешь. То, что мы будем Уолтом и Пэт, не дает нам права… — Она предостерегающе нахмурилась, упрекая его за поведение в прошлый раз и за намерения, о которых она не просила.

— Значит, ты признаешь, что мы на самом деле переносимся на Землю?

На эту тему они спорили уже много раз. Фрэн склонялась к мысли, что перемещение только мнимое, что вокруг — колонисты называли это игрой случая — лишь воображаемые обстоятельства и предметы.

— Я считаю… — медленно сказала Фрэн, высвобождая пальцы из его руки и останавливаясь перед дверью комнаты, — не имеет значения, что это — игра воображения, вызванная наркотиком иллюзия или действительный перенос на Землю наших воспоминаний… — Она замолчала и снова строго посмотрела на него. — Думаю, мы должны вести себя прилично, чтобы не нарушать чистоты нашего общения. — Глядя, как Сэм осторожно отодвигает от стены железную койку и опускает длинный крюк в открывшееся отверстие, она добавила: — Это должно стать нашим очищением, освобождением от бренной телесной оболочки и переходом в бессмертное тело, по крайней мере

на некоторое время — или навсегда, если верить, как некоторые, что это происходит вне времени и пространства, что это вечно. Ты так не думаешь, Сэм? Знаю, что не думаешь. — Она вздохнула.

— Духовное начало, — поморщился Сэм, вытаскивая пакет кэн-ди из дыры в полу. — Отрицание действительности, которое дает… что? Ничего.

— Я не могу доказать, — сказала Фрэн, подходя ближе и глядя, как он открывает пачку, — что воздержание приносит какую-либо пользу. Однако я знаю одно, то, чего ни ты, ни другие сенсуалисты среди нас не в состоянии понять: когда мы принимаем кэн-ди и покидаем наши тела, мы умираем. А умирая, мы сбрасываем бремя… — Она заколебалась.

— Ну, говори же, — подбадривал ее Сэм, открывая пакет и отрезая ножом полоску твердой коричневой субстанции, напоминающей по структуре растительные волокна.

— …греха, — прошептала Фрэн.

Сэм Риган расхохотался:

— Ну ладно. По крайней мере, у тебя ортодоксальные взгляды.

Большинство колонистов согласилось бы с Фрэн.

— Однако, — продолжал он, снова пряча паке-

тик в безопасном месте, — кэн-ди жуют не для этого. Я не хочу ничего терять… Скорее, я хочу кое-что приобрести.

Он закрыл дверь, после чего быстро достал свой набор Подружки Пэт, разложил его на полу и лихорадочно расставил все предметы по своим местам.

— То, на что мы обычно не имеем права, — добавил он, как будто Фрэн этого не знала.

Ее муж, или его жена, или оба, или другие обитатели барака могли появиться в тот момент, когда Фрэн и он будут в состоянии перемещения. Они увидят их тела, сидящие на допустимом расстоянии друг от друга. Никто, даже самый большой пуританин, не обнаружит в этом ничего плохого. Об этом узнали уже давно: сожительство невозможно доказать — эксперты ООН на Марсе и в других колониях не раз пытались сделать это, но безрезультатно. В состоянии перемещения можно совершить убийство, любое преступление, а с точки зрения закона это будет лишь несбывшимся желанием, иллюзией.

Этот крайне интересный факт давно уже был для него поводом, чтобы принимать кэн-ди. Для него жизнь на Марсе имела и свои приятные стороны.

— Думаю, — сказала Фрэн, — ты искушаешь меня, ты склоняешь меня к плохим поступкам.

Она грустно села, а ее глаза, большие и темные, сосредоточились в центре набора, около огромного гардероба Подружки Пэт. Не говоря ни слова, она начала рассеянно играть миниатюрной шубкой из соболя.

Он протянул ей половину полоски кэн-ди, после чего бросил оставшуюся часть в рот и начал с наслаждением жевать.

Фрэн тоже начала жевать, все еще с грустным видом.

Он был Уолтом. У него был спортивный корабль марки «Ягуар ХХВ», на котором можно было выжать пятнадцать тысяч миль в час. У него были итальянские рубашки и английские ботинки. Открыв глаза, он увидел стоящий напротив кровати телевизор, который автоматически включился, настроенный на утреннее шоу великого комедиантатора Джима Брискина. Брискин как раз появился на экране в огненно-рыжем парике. Уолт сел, нажал кнопку, превращавшую кровать в огромное кресло, и откинулся поудобнее, чтобы немного посмотреть программу.

— Я стою здесь, на углу Ван Несс и Маркет в центре Сан-Франциско, — приятным голосом

говорил Брискин. — Мы сейчас станем свидетелями открытия великолепного нового дома имени сэра Фрэнсиса Дрейка, первого дома, который полностью находится под землей. Рядом со мной стоит очаровательная исполнительница баллад, которая даст зданию имя и…

Уолт выключил телевизор, встал, босиком подошел к окну, раздвинул занавески и посмотрел на теплую, сверкающую улицу Сан-Франциско, на холмы и белые дома. Было субботнее утро, и ему не нужно было идти на работу в «Ампекс корпорейшн» в Пало-Альто. Он с удовольствием подумал, что сегодня у него свидание с его девушкой, Пэт Кристенсен, которая жила в новом доме на Потреро-Хилл.

Суббота была всегда.

В ванной он сполоснул лицо водой, потом выдавил крем из тюбика и начал бриться. Глядя в зеркало на знакомое лицо, он заметил прикрепленную там записку, написанную его собственным почерком:

ЭТО ИЛЛЮЗИЯ. ТЫ — СЭМ РИГАН, КОЛОНИСТ С МАРСА. РАСПОРЯДИСЬ СВОИМ ВРЕМЕНЕМ КАК СЛЕДУЕТ. ПРИЯТЕЛЬ! НЕМЕДЛЕННО ПОЗВОНИ ПЭТ!

Бумажка была подписана: «Сэм Риган».

Иллюзия, подумал он. Как это? Он попытался вспомнить: Сэм Риган и Марс, жуткий барак колонистов… Да, он смутно вспоминал что-то такое, но воспоминания были далекими, полустертыми и не слишком убедительными. Он пожал плечами и продолжил прерванное бритье, слегка удивленный и озадаченный. Ладно, допустим, в бумажке написана правда; может быть, он и помнил тот мир, ту угрюмую псевдожизнь эмигранта поневоле, изгнанного из естественной среды. И что с того? Зачем ему уничтожать то, что он имеет? Он сорвал записку, скомкал ее и бросил в мусоропровод.

Закончив бриться, он сразу же позвонил Пэт.

— Послушай, — холодно и коротко сказала она. Ее светлые волосы блестели, она как раз их сушила. — Я не хочу тебя видеть, Уолт. Потому что я знаю, что тебе нужно, а мне вовсе этого не хочется. Понимаешь?

Ее серо-голубые глаза холодно смотрели на него.

— Гм, — кашлянул он, пытаясь придумать какой-нибудь ответ. — Ведь сегодня великолепный день — пойдем куда-нибудь. Может быть, в парк «Золотые Ворота»?

— Будет слишком жарко.

— Нет, — поспешно запротестовал он. — Утром должно быть прохладно. Ну, мы могли бы погулять по пляжу и поплескаться в воде. Хорошо?

Она явно колебалась.

— Однако, судя по нашему недавнему разговору…

— Не было никакого разговора. Я не видел тебя целую неделю, с прошлой субботы. — Он старался, чтобы его голос звучал твердо и убедительно. — Я заеду за тобой через полчаса. Надень купальник, знаешь, тот желтый — испанский, с бюстгальтером.

— О, — презрительно ответила она, — он уже совсем вышел из моды. У меня есть новый, шведский, ты его еще не видел. Я надену его, если можно такие носить. Девушка в магазине не была в этом уверена.

— Договорились, — сказал он и отключился.

Через полчаса его «ягуар» опустился на посадочной площадке на крыше ее дома.

Пэт была одета в свитер и брюки, купальник, как она объяснила, был под ними. Неся корзинку с едой, она пошла вместе с ним к кораблю. Живая и прекрасная, она шла впереди него, забавно семеня ногами в маленьких сандалиях. Похоже,

что все же будет прекрасный день, теперь, когда первоначальная тревога прошла… слава богу.

— Подожди, увидишь мой купальник! — крикнула она, вскакивая в стоящий корабль и ставя корзинку на пол. — Он в самом деле очень смелый. Его почти нет, требуются некоторые усилия, чтобы поверить в его существование.

Когда он сел, она прижалась к нему.

— Я думала о том нашем разговоре… позволь мне закончить. — Она положила пальцы ему на губы, требуя молчания. — Я знаю, что разговор был, Уолт. Но в некотором смысле ты прав. Мы должны максимально использовать наши возможности. У нас мало времени, лишь столько, чтобы… по крайней мере, мне так кажется.

Она слабо улыбнулась.

— Так что лети так быстро, как только можешь. Я хочу увидеть океан.

Вскоре они оказались на стоянке у окраины пляжа.

— Будет все жарче, — рассудительно сказала Пэт. — С каждым днем. Правда? Пока в конце концов это станет невыносимо. — Она стянула свитер и, приподнявшись в кресле, ухитрилась снять джинсы. — Однако мы до этого не доживем. Пройдет еще лет пятьдесят, прежде чем станет

невозможно в полдень выйти из дома. Когда, как говорится, собаку будет на улицу не выгнать. Сейчас еще не так плохо.

Она открыла дверцу и вышла наружу, одетая в купальный костюм. Она действительно была права: оставалось верить ей на слово, что он на ней надет. Костюм полностью отвечал желаниям их обоих.

Они шли рядом по мокрому, слежавшемуся песку, разглядывая медуз, ракушки и камешки, выброшенные волнами на берег.

— Какой сейчас год? — остановившись, вдруг спросила Пэт.

Чистые и длинные пряди ее распущенных волос развевались на ветру, как золотой пух.

— Ну, кажется… — начал он, но никак не мог вспомнить. — Черт возьми!

— Ладно, неважно.

Она взяла его под руку, и они не спеша пошли дальше.

— Смотри, там, за теми скалами, уютное местечко! — крикнула она и ускорила шаг. Ее длинные изящные ноги сражались с ветром, песком и знакомой тяжестью старого, давно утраченного мира. — Я… как ее зовут?.. Фрэн? — вдруг спросила она. — Или я Патриция Кристенсен? — Она

пригладила волосы обеими руками. — У меня светлые волосы, значит, я Пэт. Подружка Пэт.

Она скрылась за скалами. Он быстро пошел следом.

— Когда-то я была Фрэн, — бросила она через плечо, — но сейчас это не имеет значения. Раньше я могла быть кем угодно: Фрэн, Хелен или Мэри. Сейчас это не имеет значения, правда?

— Нет, — не согласился он, догоняя ее. Тяжело дыша, он сказал: — Это важно, что ты была Фрэн. Это существенно.

— Существенно.

Она бросилась на песок и легла, опершись на локоть и чертя на песке кусочком черного камня длинные глубокие борозды. Потом она отбросила камень и села, глядя на океан.

— Однако все здесь… из мира Пэт.

Она положила руки на свои груди и медленно подняла их вверх с выражением легкого удивления на лице.

— Они, — сказала она, — принадлежат Пэт. Мои меньше, я помню.

Он молча сел рядом.

— Мы здесь, — наконец сказала она, — чтобы делать то, чего мы не можем делать в бараке. Там, где мы оставили наши убогие тела. Пока будут

в порядке наши наборы, все это... — Она замолчала и махнула рукой в сторону океана, потом снова коснулась груди, казалось, не веря своим глазам. — Это тело не может постареть, правда? Мы стали бессмертными.

Она легла лицом вверх на теплый песок и закрыла глаза, заслонив лицо рукой.

— А поскольку мы здесь и можем заниматься тем, чего нельзя делать в бараке, в соответствии с твоей теорией мы должны именно этим и заниматься. Мы должны воспользоваться предоставленной нам возможностью.

Он наклонился и поцеловал ее в губы.

Внезапно он услышал прозвучавший в мозгу чей-то голос:

— Ведь я могу делать это в любой момент.

Он почувствовал присутствие в своем теле кого-то чужого. Он отодвинулся от девушки и сел.

«В конце концов, — сказал Норм Шайн, — я ее муж. — И рассмеялся.

— Кто тебе позволил пользоваться моим набором? — подумал со злостью Сэм Риган. — Убирайся из моей комнаты. И могу поспорить, что ты пользуешься моим кэн-ди».

— Ты сам мне его предложил, — ответил обитатель его тела. — Я решил воспользоваться

приглашением.

«Я тоже здесь, — подумал Тод Моррис. — И если хочешь знать мое мнение…»

— Никто тебя об этом не спрашивает, — рассердился Норм Шайн. — Тебя вообще никто сюда не приглашал. Почему бы тебе не продолжить ковыряться в своем убогом огороде, где ты должен сейчас быть?

«Я с Сэмом, — холодно думал Тод Моррис. — Только здесь я могу делать это».

Сила его воли соединилась с волей Сэма. Уолт снова склонился над лежащей девушкой и снова поцеловал ее в губы, на этот раз с большим чувством.

Не открывая глаз, Пэт тихо сказала:

— Это я, Хелен. Я тоже здесь. — Потом добавила: — И Мэри тоже. Однако мы не брали твоего кэн-ди. У нас есть свой.

Она обняла его: три обитательницы тела Подружки Пэт объединились в едином порыве. Удивленный Сэм Риган разорвал контакт с Тодом Моррисом, подчинился воле Норма Шайна, и Уолт оставил в покое Подружку Пэт.

Волны океана омывали их, лежащих на песке, — два тела, содержавшие в себе личности шести человек. Шесть в двух, подумал Сэм Риган.

Снова та же самая загадка: как это получается? Все тот же старый вопрос.

«Однако меня волнует лишь то, — думал он, — пользовались ли они моим кэн-ди. А я готов побиться о заклад, что это так. Меня не волнует, что они говорят. Я им не верю».

Встав, Подружка Пэт сказала:

— Ну, я вижу, что могу пойти искупаться. Ничего не происходит.

Она вошла в воду и с плеском начала удаляться от смотревших на нее обитателей второго тела.

«Упустили такую возможность», — со злостью подумал Тод Моррис.

— Это я виноват, — признался Сэм. Совместными усилиями им с Тодом удалось встать. Они прошли несколько шагов вслед девушке и, оказавшись по щиколотку в воде, остановились.

Сэм Риган уже ощущал, что действие наркотика заканчивается. Он чувствовал слабость, страх и отвращение, которыми это сопровождалось.

«Так чертовски быстро, — подумал он. — Все кончено; снова в барак, в нору, в которой мы извиваемся и ползаем, как черви, боящиеся дневного света. Бледные, промокшие и отвратительные».

Его передернуло.

Он снова увидел свою комнату, металлическую

койку, умывальник, стол, кухонную плиту… и разбросанные, как кучи тряпья, пустые тела лежащих без сознания товарищей: Тода и Хелен Моррис, Норма Шайна и своей жены Мэри. Они смотрели на него пустыми глазами. Он с отвращением отвернулся.

На полу между ними стоял набор. Сэм увидел обе куклы, Пэт и Уолта, на берегу океана, возле припаркованного «ягуара». На Подружке Пэт, естественно, был почти невидимый шведский купальник, а рядом с лежащими стояла маленькая корзинка с провизией.

Около набора он заметил коричневую бумагу из-под кэн-ди. Они израсходовали все. Он даже видел тонкие струйки блестящего коричневого сиропа, стекавшие из уголков бессмысленно приоткрытых ртов.

Фрэн Шайн пошевелилась, открыла глаза и застонала. Она посмотрела на него и тяжело вздохнула.

— Они до нас добрались, — сказал он.

— Мы слишком долго тянули.

Она встала, зашаталась и чуть не упала. В то же мгновение он был рядом с ней, поймал ее и поддержал.

— Ты был прав. Надо было сделать это сразу,

если нам хотелось. Однако…

Она позволила ему на мгновение обнять ее.

— Я люблю длинные вступления. Прогулки по пляжу, демонстрацию купальника, которого почти нет… — Она улыбнулась.

— Могу поспорить, что еще несколько минут они будут без сознания, — сказал Сэм.

— Да, ты прав, — ответила Фрэн, широко открывая глаза. Она выскользнула из его объятий, подскочила к двери, быстро открыла ее и исчезла в коридоре. — В нашей комнате! — крикнула она ему. — Поторопись!

Обрадованный, он поспешил за ней. Это казалось очень забавным, его разбирал смех. Фрэн бежала перед ним по трапу наверх, на свой уровень барака. Он догнал ее и, когда они добежали до ее комнаты, подхватил на руки. Они вместе ввалились внутрь и со смехом покатились по металлическому полу к противоположной стене.

«И все-таки мы победили», — подумал он, ловко расстегивая ее бюстгальтер и молнию на юбке и снимая туфли без шнурков, похожие на тапочки. Все сразу. Его пальцы блуждали везде, и Фрэн вздохнула. На этот раз не от усталости.

— Я лучше закрою дверь.

Он встал, быстро подошел к двери и закрыл

ее на задвижку. Тем временем Фрэн быстро разделась.

— Иди сюда, — торопила она его. — Не стой так.

Она поспешно бросила одежду на пол и придавила ее сверху туфлями.

Он лег рядом с ней, а ее ловкие холодные руки начали его ласкать. В черных глазах разгорался огонь, и прикосновение ее пальцев давало ни с чем не сравнимое наслаждение.

И это именно здесь, в этой жуткой дыре на Марсе! Однако обычно им удавалось делать это старым, единственно возможным способом — благодаря наркотику, который тайно доставляли торговцы. Им дал эту возможность кэн-ди. Они продолжали в нем нуждаться. Они не были свободны.

«И не могли быть, — подумал он, когда колени Фрэн сжали его обнаженные бедра. — Совсем наоборот. Нам бы даже не помешало еще немного», — думал он, в то время как его рука опускалась по ее плоскому, дрожащему животу.

Глава 4

В приемной Госпиталя ветеранов имени Джеймса Риддла, на базе III на Ганимеде, Лео Булеро приподнял дорогую, ручной работы шляпу перед девушкой в накрахмаленном белом халате и сказал:

— Я приехал повидаться с одним из пациентов, мистером Элдоном Трентом.

— Весьма сожалею, сэр… — начала девушка, но он бесцеремонно перебил ее:

— Скажи ему, что здесь Лео Булеро. Понимаешь? Лео Булеро.

Возле ее руки он заметил регистрационный журнал, а в нем номер палаты Элдрича. Когда девушка отвернулась, он двинулся вглубь коридора.

«Черт побери, — подумал он. — Я преодолел миллионы миль и намерен увидеть его, кем бы он ни был».

У дверей палаты его остановил солдат ООН, вооруженный автоматом; молоденький солдатик с чистыми, холодными, как у той девушки, глазами — глазами, которые однозначно говорили «нет» — даже ему.

— Ладно, — пробормотал Лео. — Я все понимаю. Но если бы тот, кто там лежит, знал, что я здесь, он приказал бы меня впустить.

Позади него раздался резкий женский голос, при звуке которого Лео вздрогнул.

— Как вы узнали, что мой отец здесь, мистер Булеро?

Он обернулся и увидел коренастую женщину лет тридцати пяти, которая пристально разглядывала его.

«Это Зоя Элдрич, — подумал он. — Ошибиться невозможно. Я довольно часто видел ее в газетах, в светской хронике».

Появился представитель ООН.

— Мисс Элдрич, если вы хотите, мы можем удалить мистера Булеро из здания. Это зависит от вас.

Он мило улыбнулся Лео, и тот сразу же его узнал. Это был шеф юридического отдела ООН, начальник Неда Ларка, Фрэнк Сантина. Черноглазый энергичный Сантина бросил взгляд на Зою Элдрич, ожидая ответа.

— Нет, — решила наконец Зоя Элдрич. — По крайней мере не сейчас. Не раньше чем я выясню, откуда он узнал, что папа находится здесь. Он не должен был этого знать. Верно, мистер Булеро?

— Наверняка он воспользовался услугами одного из своих ясновидцев, — буркнул Сантина. — Так, Булеро?

Лео неохотно кивнул.

— Видите ли, мисс Элдрич, — объяснил Сантина, — такой человек, как Булеро, может купить все, что пожелает, талант любого рода. — Он показал на двух вооруженных охранников перед дверью Палмера Элдрича. — Вот почему эти двое стоят здесь днем и ночью. Мы ждали тебя, Булеро.

— Может, все-таки есть какая-то возможность поговорить с Элдричем по делу? — спросил Лео. — Для этого я прилетел сюда. Я не требую ничего незаконного. Думаю, вы все свихнулись или пытаетесь что-то скрыть. Может, у вас совесть нечиста?

Он смерил их взглядом, но не заметил какой-либо реакции.

— Там в самом деле Палмер Элдрич? — спросил он. — Готов поспорить, что нет.

Он снова не получил никакого ответа. Никто из них не попадался на удочку.

— Я устал, — наконец сказал он. — Я долго добирался сюда. К черту все, я хочу поесть, а потом найти какой-нибудь номер в отеле, поспать часов

десять и забыть об этом.

Он повернулся и ушел.

Ни Сантина, ни мисс Элдрич не пытались его остановить. Разочарованный, он шел дальше, чувствуя все возрастающее отвращение.

Видимо, придется добираться до Палмера Элдрича через какого-нибудь посредника.

«Может быть, — подумал он, — Феликс Блау и его частные детективы сумели бы сюда проникнуть. Стоит попробовать».

Он был настолько подавлен, что все казалось ему лишенным смысла. Почему бы не сделать так, как он сказал: поесть, а потом немного отдохнуть, забыть на время о Палмере Элдриче?

«К черту их всех, — подумал он, выходя из госпиталя и идя по тротуару в поисках такси. — Дочка, — думал он. — Крепкая баба, а с этой короткой стрижкой и без макияжа выглядит как лесбиянка. Тьфу!»

Он нашел такси и вскоре уже летел, погруженный в размышления.

В конце концов с помощью видеотелефона в такси он связался с Землей, с Феликсом Блау.

— Рад тебя видеть, — сказал Феликс Блау, сообразив, с кем говорит. — В Бостоне при странных обстоятельствах появилась некая организация,

которая, похоже, с неба свалилась…

— Чем они занимаются?

— Они хотят что-то выбросить на рынок. Они уже запустили в действие всю рекламную машину, в том числе три рекламных спутника вроде твоих. Один на орбите Марса, другой на орбите Ио, а третий летает вокруг Титана. По слухам, они собираются выйти на рынок с товаром повседневного спроса, составляющим конкуренцию твоему набору Подружки Пэт. У них это называется Конни-Куколка. — Он усмехнулся. — Ловко?

— А что с… ну, ты знаешь. С приложением? — спросил Лео.

— Нет информации. Если допустить, что какое-то приложение есть, они будут распространять его помимо легальных торговых каналов. Набор без… приложения имеет какой-нибудь смысл?

— Нет.

— Значит, вот тебе ответ на твой вопрос.

— Я позвонил тебе, — он сменил тему, — чтобы узнать, не можешь ли ты устроить мне беседу с Палмером Элдричем. Я обнаружил его здесь, на Ганимеде, на третьей базе.

— Помнишь мое сообщение о том, что Элдрич привез лишайник, похожий на тот, который используется для производства кэн-ди? А может

быть, эта фирма в Бостоне принадлежит Элдричу? Хотя, кажется, прошло слишком мало времени. Однако он мог дать радиограмму дочери с десятилетним опережением.

— Теперь я уже обязательно должен с ним встретиться, — сказал Лео.

— Полагаю, речь идет о Госпитале ветеранов. Мы подозревали, что он может быть там. Кстати, ты слышал когда-нибудь о человеке по имени Ричард Хнатт?

— Нет.

— Представитель этой новой фирмы в Бостоне встретился с ним и заключил какой-то договор. Этот представитель, Ихольц…

— Что за галиматья, — перебил Лео. — А я даже не могу добраться до Элдрича. Сантина караулит у дверей вместе с этой розовой дочкой Палмера.

Он пришел к выводу, что через преграду в лице этих двоих не пробиться никому.

Он сообщил Блау адрес отеля на базе III, где он оставил багаж, а потом закончил разговор.

«Готов поспорить, что этот конкурент — Палмер Элдрич, — подумал он. — Такова уж моя судьба. Приходится заниматься именно тем делом, которым решил заняться вернувшийся с Проксимы Элдрич. Почему я не делаю систем наведения для

ракет, соперничая лишь с „Дженерал электрик“ и „Дженерал дайнэмикс“?»

Теперь он уже всерьез задумался о том, что за лишайник привез с собой Элдрич. Наверняка улучшенную разновидность сырья для кэн-ди. Более дешевую в производстве, дающую возможность более мощного и более длительного перемещения. О господи!

Ему пришла в голову странная мысль. Недавно в Объединенной Арабской Республике возникла новая организация обученных наемных убийц. Они наверняка смогли бы найти возможность убрать Палмера Элдрича. Раз уж он, Лео Булеро, решил…

Однако оставалось еще предсказание Ронди-неллы Фьюгейт, что в будущем его обвинят в убийстве Палмера Элдрича.

Видимо, он найдет какой-то способ обойти препятствия.

У него с собой было оружие — настолько маленькое, настолько незаметное, что даже самый тщательный обыск не мог бы его обнаружить. Когда-то очень давно один хирург в Вашингтоне вшил ему в язык самонаводящуюся отравленную стрелочку, сделанную по советскому образцу, — но значительно усовершенствованную,

поскольку, выполнив свою задачу, она самоуничтожалась, не оставляя следов в теле жертвы. Яд был тоже необычный: он не влиял на работу сердца или артериальное давление, но представлял собой вирус, который проникал в кровь жертвы и там размножался, вызывая смерть в течение сорока восьми часов. Это был канцерогенный вирус, обнаруженный на одном из спутников Урана и до сих пор не исследованный. Это стоило ему целого состояния. Теперь достаточно было остановиться в шаге от того, кого он собирался убить, и надавить рукой на основание языка, одновременно высунув его в направлении жертвы. Если он встретится с Элдричем…

И лучше бы так и произошло, осознал он, прежде чем эта новая корпорация в Бостоне начнет производство. Прежде чем она будет в состоянии функционировать без Палмера Элдрича. Его, как сорняк, нужно было выдернуть своевременно либо не выдергивать вообще.

Добравшись до своего номера в отеле, он заказал разговор с «Наборами П. П.», чтобы узнать, не поступили ли какие-то важные сообщения.

— Да, — сказала мисс Глисон, увидев его на экране. — С вами срочно хочет говорить мисс Импэйшенс Уайт — если я правильно поняла. Вот

ее номер. Это на Марсе. — На экране появилась записная книжка.

Сначала Лео не мог вспомнить ни одной женщины по фамилии Уайт. Потом вспомнил и испугался. Зачем она звонила?

— Спасибо, — пробормотал он и сразу же отключился. Господи, если юридический отдел ООН подслушивал этот разговор. Действовавшая на Марсе Импи Уайт была одним из самых крупных торговцев кэн-ди.

Преодолевая внутреннее сопротивление, он набрал номер.

На экране видеотелефона появилась Импи Уайт, женщина с тонкими чертами лица и острым взглядом, по-своему красивая. Лео представлял себе более живописную фигуру, однако она и так выглядела достаточно воинственно.

— Мистер Булеро, я хочу вам сказать…

— Что, нет других способов? Других каналов?

Коннер Фриман, руководитель операции на Венере, всегда мог с ним связаться. Мисс Уайт должна была передавать информацию через Фримана, своего шефа.

— Мистер Булеро, сегодня утром я была в одном из бараков на юге с партией товара. Колонисты не хотели ничего покупать. Они утверждали, что

потратили все скины на новый продукт. Примерно такой же, как… тот, который мы продаем. Чуинг-зет. И… — Она продолжала говорить, но Лео Булеро уже отключил связь.

Он сидел молча, потрясенный.

«Нельзя падать духом, — подумал он. — В конце концов, я прошел курс эволюционной терапии. Значит, так: это тот новый продукт бостонской фирмы. По всей видимости, его делают из лишайника Элдрича. Он лежит себе на больничной койке в миле отсюда и наверняка отдает распоряжения через Зою, а я ничего не могу с этим поделать. Машина запущена и работает. Уже поздно. Даже эта стрелочка в языке, — с горечью подумал он, — ничем не поможет».

Однако он знал, что придумает что-нибудь. Как обычно.

Это еще не конец для «Наборов П. П.».

Только что, в самом деле, мог он сделать? Он понятия не имел, и это отнюдь не уменьшало его беспокойство.

«Ну приходи же, идея, — молил он. — На что у меня искусственно развитые мозги? Боже, помоги мне победить врагов, этих выродков. Может быть, если бы я воспользовался услугами моих ясновидцев Рони Фьюгейт и Барни… Может быть,

они до чего-нибудь додумались бы. Особенно этот старый пройдоха Барни. Пока что я его вообще нигде не использовал».

Он снова заказал разговор с «Наборами П. П.» на Земле. На этот раз он попросил соединить его с отделом Барни Майерсона.

Внезапно он вспомнил проблемы Барни с призывом, его попытки сделать себя неспособным переносить стресс, чтобы не окончить свои дни в бараке на Марсе.

«Я помогу ему, — угрюмо подумал Булеро. — Для него опасность призыва уже миновала».

Когда Булеро позвонил с Ганимеда, Барни Майерсон сидел один в своем кабинете. Разговор был недолгим. Когда он закончился, Барни взглянул на часы и удивился. Пять минут. Ему казалось, что разговор продолжался целую жизнь.

Он встал и, нажав на кнопку интеркома, сказал:

— Прошу пока никого ко мне не впускать. Даже… и в особенности мисс Фьюгейт.

Он подошел к окну и стал смотреть на жаркую, залитую солнцем пустую улицу.

Лео свалил всю проблему на его голову. Барни впервые видел своего шефа в отчаянии.

«Представьте себе, — думал Барни, — Лео

Булеро сбит с толку — впервые столкнулся с конкуренцией».

Лео просто не привык к этому. Существование этой новой фирмы из Бостона полностью его дезориентировало. Он был беспомощен, как ребенок.

В конце концов Лео оправится от шока, но пока…

«Что я могу с этого иметь? — спрашивал сам себя Барни Майерсон и не мог найти немедленного ответа. — Я могу помочь Лео… Но что, собственно, Лео может сделать для меня? Этот вопрос куда более существенный».

Собственно, иначе он и не мог думать. Его приучил к этому сам Лео за долгие годы работы. Как работодатель, Лео не мог желать ничего другого.

Какое-то время Барни сидел погруженный в размышления, а потом, как и просил Лео, обратил свой мысленный взор в будущее. Он попытался еще раз заглянуть в ситуацию, связанную с его призывом. Ему хотелось знать, как решится эта проблема.

Однако этот факт был слишком незначительным, чтобы попасть в средства массовой информации. Бесполезно было искать в заголовках газет, в сводках новостей… Но в отношении

Лео все было совершенно иначе. Он видел многочисленные статьи в газетах, касающиеся Лео и Палмера Элдрича. Конечно, все это было туманно, и различные версии смешивались в хаотический клубок. Лео встретится с Палмером Элдричем. Лео не встретится. Или вот… Лео организовал убийство Палмера Элдрича. Господи, что это значит?

Это означало — как он обнаружил, изучив информацию внимательнее, — именно то, о чем он думал. А если Лео Булеро будет арестован и осужден, это могло бы означать конец «Наборов П. П.» как источника заработка. А также конец карьеры, ради которой он уже пожертвовал всем, своим супружеством и женщиной, которую — до сих пор! — любил.

Видимо, предупредить Лео было бы для него полезно, даже необходимо. Даже такую информацию он мог бы обратить в свою пользу.

Он позвонил Лео:

— У меня есть информация.

— Отлично, — обрадовался Лео. На его румяном, удлиненном лице отразилось облегчение. — Говори, Барни.

— Скоро произойдет нечто, что вы можете использовать, — сказал Майерсон. — Вам удастся встретиться с Элдричем. Не там, в госпитале,

а где-то в другом месте. По его собственному требованию его заберут с Ганимеда. — Он осторожно продолжал, стараясь не выдать всего, что узнал: — Начнутся недоразумения между ним и ООН. Сейчас, когда он не может передвигаться, он пользуется ее защитой. Однако когда он почувствует себя лучше…

— Подробности, — немедленно потребовал Лео, весь обращаясь в слух.

— Я хотел бы кое-что взамен.

— За что? — Лео нахмурился.

— За то, что я сообщу вам точную дату и место, где вам удастся встретиться с Палмером Элдричем, — сказал Барни.

— А чего ты хочешь? — рявкнул Лео.

Он смотрел на Барни с плохо скрываемым испугом. Э-терапия не помогала избавиться от опасений.

— Четверть процента ваших доходов. От «Наборов П. П.»… за исключением доходов из других источников.

То есть сети плантаций на Венере, где получали кэн-ди.

— Боже милостивый! — прошептал Лео.

— Это не все.

— Что еще? Ведь ты будешь богачом!

— Еще я хочу, чтобы вы провели реорганизацию в отделе прогнозов моды. Каждый останется на своем месте, выполняя те же функции, что и раньше, но с одним исключением. Все их решения буду контролировать я, и мой голос будет решающим. Таким образом, я уже не буду представлять один регион. Можете отдать Нью-Йорк Рони, если только…

— Жажда власти, — хрипло сказал Лео.

Барни пожал плечами. Кого волнует, как это называется? Это была кульминация его карьеры. Только это было сейчас важно. И все должны это понять, включая Лео. Он — прежде всего.

— Ладно, — сказал Лео, кивая головой. — Можешь командовать другими консультантами, меня это не волнует. Теперь скажи мне, как, когда и где…

— Вы можете встретиться с Палмером Элдричем через три дня. Один из его кораблей, без опознавательных знаков, отвезет Элдрича послезавтра с Ганимеда в его владения на Луне. Там он будет лечиться дальше, но на территории, не принадлежащей ООН. Фрэнку Сантине там нечего будет делать, так что можете о нем забыть. Двадцать третьего числа Элдрич примет репортеров и сообщит им свою версию того, что

произошло с ним во время его путешествия. Он будет в хорошем настроении — по крайней мере, так напишут в газетах. Невредимый, довольный возвращением и постепенно выздоравливающий… Он расскажет им длинную историю о…

— Скажи только, как мне туда попасть. У него ведь будет собственная охрана.

— «Наборы П. П.», — ответил Барни, — четыре раза в год издают свой собственный профессиональный журнал «Миниатюризатор». У него настолько маленький тираж, что вы, наверное, о нем даже не помните.

— Ты хочешь сказать, что я должен отправиться туда в качестве репортера нашего журнала? — вытаращил глаза Лео. — И на этом основании я смогу проникнуть в его владения? — Он недовольно поморщился. — К черту! Я не должен был соглашаться на твои условия, чтобы получить столь бесполезную информацию. Об этом написали бы в газетах через день или два… Ведь если там будут репортеры, то такая информация должна появиться.

Барни пожал плечами, не утруждая себя ответом.

— Похоже, ты меня перехитрил, — сказал Лео. — Кажется, я был чересчур нетерпелив. Ну

что ж, — философски добавил он, — может быть, скажешь мне, о чем он собирается рассказать репортерам? Что он нашел в системе Проксимы? Упомянет ли он о лишайниках, которые привез?

— Упомянет. Он скажет, что это безвредная форма жизни, проверенная отделом наркотиков ООН, которая заменит… — он задумался, — некоторые опасные, вызывающие привыкание препараты, употребляемые повсеместно. И…

— И… — угрюмо закончил Лео, — объявит о создании фирмы, которая будет заниматься изготовлением этого ненаркотического продукта.

— Да, — сказал Барни. — Под названием «чуинг-зет». Лозунг фирмы: «Новое поколение выбирает чуинг-зет!»

— Боже мой!..

— Они обо всем договорились значительно раньше, по радио. Посредником была его дочь, а поддержку оказали Сантина и Ларк из ООН. Даже сам Хепберн-Гилберт. Таким образом они хотят покончить с торговлей кэн-ди.

Наступила тишина.

— Ладно, — наконец сказал Лео. — Стыдно, что ты не предвидел этого несколько лет назад, но… черт с ним, ты всего лишь простой сотрудник, и такого поручения тебе не давали.

Барни пожал плечами.

Булеро, удрученный, отключился.

«Такие дела, — подумал Барни. — Я нарушил первую заповедь делающего карьеру: никогда не говори начальнику того, чего он не хочет услышать. Интересно, каковы будут последствия?»

Снова зазвонил видеотелефон. На экране опять появилось расплывчатое изображение лица Лео.

— Послушай, Барни. Мне только что пришло кое-что в голову. Тебя это вряд ли обрадует, так что приготовься.

— Я готов, — ответил Барни.

— Я забыл, а должен был помнить, что разговаривал недавно с мисс Фьюгейт и она знает… о некоторых событиях в будущем, касающихся меня и Палмера Элдрича. Событиях, о которых — если бы она почувствовала угрозу, а с твоей стороны она наверняка может ее почувствовать — она могла бы рассказать и доставить нам много хлопот. Честно говоря, я начинаю подозревать, что все мои консультанты могли получить эту информацию, и идея сделать тебя руководителем всех ясновидцев…

— Эти «события», — перебил его Барни, — касаются обвинения вас в убийстве Палмера Элдрича.

Лео кашлянул, вздохнул и угрюмо взглянул на него. Наконец, поколебавшись, он кивнул.

— Я не могу позволить вам отказаться от договора, который мы только что заключили, — сказал Барни. — Вы дали определенные обещания, и я полагаю, что…

— Однако, — в отчаянии сказал Лео, — эта глупая девчонка… Не знаешь, чего от нее ждать, она готова кинуться в полицию ООН. Она приперла меня к стене, Барни!

— Я тоже, — спокойно сказал Майерсон.

— Да, но тебя я знаю много лет. — Лео, казалось, быстро приходил в себя. Он оценивал ситуацию своим, как он часто и с удовольствием подчеркивал, «эволюционировавшим разумом второго поколения». — Мы коллеги. Ты не сделал бы того, на что способна она. Во всяком случае, я согласен на твое процентное участие в прибыли фирмы. Договорились? — Он беспокойно, но решительно посмотрел на Барни. — Заключим договор?

— Мы его уже заключили.

— Я же тебе говорю, черт побери, что я забыл…

— Если вы не согласитесь, — сказал Барни, — я уволюсь. И пойду куда-нибудь в другое место.

Он слишком много лет ждал и не мог упустить такую возможность.

— Да? — недоверчиво спросил Лео. — Понимаю, ты собираешься не просто пойти в полицию ООН. Ты намерен… перейти к Палмеру Элдричу!

Барни ничего не ответил.

— Предатель, — сказал Лео. — Вот что происходит с людьми, которые любой ценой пытаются удержаться на плаву. Послушай, я вовсе не уверен, что Палмер возьмет тебя к себе. Вероятно, у него уже есть своя группа консультантов. А если он уже знает, что я… — Он замолчал. — Да, рискну; думаю, что ты страдаешь излишним тщеславием. Как это называли древние греки? Хубрис? Сатанинское тщеславие, заходящее чересчур далеко. Так что иди, Барни. Делай что хочешь. Меня это не волнует. Желаю успеха, приятель. Напиши, как идут дела, а в следующий раз, прежде чем начнешь кого-нибудь шантажировать…

Барни прервал связь. Экран потемнел.

«Такой же серый, — подумал Майерсон, — как мои мысли и весь мир, как вся действительность».

Он встал и, сунув руки в карманы, начал ходить по комнате.

Он пришел к выводу, что лучше всего в данный момент будет связаться с Рони Фьюгейт, поскольку именно ее боится Лео Булеро, и не без

причин. Есть миллиарды вещей, которые она умеет делать, а он нет. И Лео об этом знает. Снова усевшись в кресло, он вызвал по интеркому Рони Фьюгейт, которая появилась через несколько минут.

— Привет, — весело сказала она. На ней было разноцветное платье из Пекина с большим вырезом на груди. — В чем дело? Я пыталась с тобой связаться минуту назад, но…

— Ты, похоже, никогда… — заметил он, — никогда полностью не одета. Закрой дверь.

Она закрыла дверь.

— Однако, — добавил он, — я должен признать, что прошлой ночью в постели ты была очень хороша.

— Спасибо.

Ее юное лицо лучилось радостью.

— Ты в самом деле уверена, что твой шеф убьет Палмера Элдрича? Или у тебя есть какие-то сомнения?

Она сглотнула слюну, наклонила голову и пробормотала:

— Ты просто искришься талантом.

Она села и положила ногу на ногу. Он заметил, что на ней нет чулок.

— Конечно, у меня есть сомнения. Прежде

всего, со стороны мистера Булеро это было бы полнейшим идиотизмом, поскольку это означало бы конец его карьеры. Газеты не сообщают… и не сообщат о мотивах, поэтому я не знаю, что случится. Это должно быть нечто очень серьезное и ужасное, правда?

— Конец его карьеры, — сказал Барни, — а также твоей и моей.

— Нет, — сказала Рони. — Не думаю, мой дорогой. Давай поразмышляем. Мистер Палмер Элдрич намерен захватить рынок миниатюрных комплектов. Разве не правдоподобный мотив? И разве это ничего нам не говорит о будущей экономической реальности? Даже если мистер Элдрич погибнет, может оказаться, что его организация…

— Значит, переходим к Элдричу? Вот так просто?

Сосредоточенно нахмурившись, Рони задумчиво сказала:

— Я не совсем это имела в виду. Однако нам следует быть осторожными, чтобы не проиграть вместе с мистером Булеро. Мы не хотим вместе с ним пойти ко дну… У меня впереди еще годы работы, и то же самое — в несколько меньшей степени — касается тебя.

— Спасибо, — кисло сказал Барни.

— Сейчас нам надо все хорошо спланировать. А если ясновидец не в состоянии планировать, то…

— Я передал Лео информацию, которая приведет к его встрече с Элдричем. Тебе не пришло в голову, что они вдвоем могут создать синдикат? — Он внимательно смотрел на нее.

— Нет… Ничего такого я не вижу. На эту тему нет никаких сообщений.

— Господи, — поморщившись, сказал он, — ведь об этом в газетах не сообщат.

— О! Кажется, ты прав, — смущенно сказала она.

— А если бы это произошло, — сказал он, — то уход от Лео и переход к Элдричу ничего бы нам не дал. Он принял бы нас обратно, диктуя свои условия. С тем же успехом мы могли бы полностью переквалифицироваться.

Для него это было очевидно, и по выражению лица Рони Фьюгейт он видел, что для нее тоже.

— Если мы пойдем к Палмеру Элдричу…

— «Если»? Мы должны это сделать.

— Нет, не должны, — сказал Барни. — Мы можем держаться за то, что у нас есть.

«Мы можем остаться у Лео Булеро независимо

от того, пойдет ли он на дно, выберется или даже вообще исчезнет», — подумал он.

— Я скажу тебе, что мы еще можем сделать. Мы пойдем ко всем остальным прогностикам, работающим в «Наборах П. П.», и организуем наш собственный синдикат.

Это была идея, которую Барни хотел реализовать уже много лет.

— Это было бы нечто вроде гильдии, обладающей монополией. Тогда мы могли бы диктовать условия как Лео, так и Элдричу.

— Только у Элдрича, скорее всего, уже есть свои собственные консультанты, — улыбнулась Рони. — Ты не слишком хорошо представляешь, что делать, правда, Барни? Понимаю. Как жаль. Столько лет работы. — Она грустно покачала головой.

— Теперь я понимаю, — сказал он, — почему Лео не хотел тебя беспокоить.

— Потому что я говорю правду в глаза? — Она подняла брови. — Да, видимо, так, — добавила она. — Все боятся правды. Например, ты. Ты не хочешь посмотреть правде в глаза и признать, что ты сказал «нет» тому несчастному продавцу керамики только затем, чтобы досадить женщине, которая…

— Заткнись! — яростно сказал Барни.

— Знаешь, где сейчас наверняка этот продавец вазочек? У Палмера Элдрича. Ты оказал ему — и своей бывшей жене — услугу. А если бы ты сказал «да», ты полностью подчинил бы его разоряющейся фирме, лишая их обоих шансов на… — Она замолчала. — То, что я говорю, тебе, кажется, неприятно.

Он махнул рукой и сказал:

— Это не имеет ничего общего с тем, из-за чего я тебя вызвал.

— Верно. — Она кивнула. — Ты вызвал меня, чтобы мы вместе придумали, как предать Лео Булеро.

— Послушай… — смущенно начал он.

— Ведь это правда. Ты не можешь справиться сам, тебе нужна я. Я не сказала «нет». Успокойся. Однако мне кажется, сейчас не слишком подходящее время и место для подобных дискуссий. Подождем, пока не вернемся домой. Ладно? — Она одарила его лучезарной, необычно теплой улыбкой.

— Ладно, — согласился он. Она была права.

— Было бы очень печально, — сказала она, — если бы нас тут подслушивали. Может быть, мистер Булеро получит пленку с записью всего

нашего разговора.

Улыбка ее не погасла, а даже стала еще шире. Барни был ошеломлен. Он вдруг понял, что эта девушка не боится никого и ничего на свете.

Он хотел бы чувствовать себя так же. Дело в том, что его беспокоил один серьезный вопрос, о котором он не говорил ни с Лео, ни с ней, хотя вопрос этот, несомненно, мучил Булеро… и должен был мучить Рони, если девушка действительно была столь рассудительна, как это казалось.

Нужно было еще выяснить, является ли то, что вернулось из системы Проксимы, — этот человек или существо, потерпевшее катастрофу на Плутоне, — в действительности Палмером Элдричем.

Глава 5

Поправив свои финансовые дела с помощью фирмы «Чуинг-зет», Ричард Хнатт связался с одной из клиник доктора Вилли Денкмаля в Германии. Он выбрал главную, в Мюнхене, и заказал места для себя и Эмили.

«Я стану наравне с великими мира сего», — думал он, ожидая вместе с женой в фешенебельной приемной клиники, украшенной шкурами гноффов.

Доктор Денкмаль, по своему обыкновению, хотел провести вступительную беседу лично, хотя, естественно, сами операции выполнял его персонал.

— Я волнуюсь, — прошептала Эмили. У нее на коленях лежал журнал, но читать она была не в состоянии. — Это так… неестественно.

— Черт побери, — энергично сказал Хнатт, — вовсе нет, это лишь ускорение естественного процесса эволюции, который идет и сам собой, но столь медленно, что мы не в состоянии этого заметить. Посмотри, например, на наших пещерных предков: полностью покрытые волосами, без подбородков, с крайне слабо развитыми лобными

долями мозга. У них были большие сросшиеся коренные зубы, чтобы пережевывать сырые зерна.

— Хорошо, — кивнув, сказала Эмили.

— Чем дальше мы от них уйдем, тем лучше. В конце концов им пришлось эволюционировать, чтобы пережить эпоху оледенения, мы вынуждены эволюционировать, чтобы пережить эпоху огня. Поэтому нам необходим этот хитиновый покров, этот гребень и измененный метаболизм, позволяющий спать днем, улучшающий дыхание и…

Из кабинета появился доктор Денкмаль, маленький кругленький человечек с белыми волосами и усами как у Альберта Швейцера. Рядом с ним шел еще один человек, и Ричард Хнатт впервые увидел вблизи эффект э-терапии. Это выглядело совсем не так, как на фотографиях в светской хронике. Вовсе не так.

Голова мужчины напомнила Хнатту фотографию, которую он видел в учебнике: под ней была подпись «гидроцефалия». Тот же высокий лоб, расширенный над линией бровей, куполообразный и кажущийся очень хрупким. Он сразу же понял, почему высокопоставленных особ, прошедших курс э-терапии, в обиходе называли «шароголовыми». Выглядит так, подумал он,

как будто вот-вот лопнет. И этот массивный… гребень. Вместо волос — темный, более плотный слой хитиновой оболочки. Шароголовые? Скорее орехоголовые.

— Мистер Хнатт, — сказал доктор Денкмаль Ричарду, останавливаясь. — И фрау Хнатт тоже. Я сейчас вами займусь.

Он повернулся к стоявшему рядом мужчине.

— Это чистая случайность, мистер Булеро, что нам удалось поставить вас на сегодня вне очереди. Во всяком случае, вы ничего не потеряли, а скорее приобрели.

Однако Булеро его не слушал. Он смотрел на Ричарда Хнатта.

— Где-то я уже слышал вашу фамилию. Ах да! О вас говорил Феликс Блау. — Его глаза вдруг потемнели. — Вы недавно подписали договор с бостонской фирмой… — Удлиненное лицо, как будто вечно отраженное в кривом зеркале, чуть нахмурилось, — «Чуинг-зет мануфакчурерс»?

— Н-не ваше дело, — заикаясь, сказал Хнатт. — Ваши консультанты отвергли наши изделия.

Лео Булеро смерил его взглядом, после чего, пожав плечами, повернулся к доктору Денкмалю:

— Увидимся через две недели.

— Две? Но… — Денкмаль сделал протестующий

жест.

— Я не смогу быть здесь на будущей неделе, меня не будет на Земле.

Булеро еще раз бросил пристальный взгляд на Ричарда и Эмили Хнатт, после чего вышел.

Глядя ему вслед, доктор Денкмаль сказал:

— Этот человек сильно эволюционировал. Как физически, так и духовно. Добро пожаловать в Айхенвальд, — сказал он Хнаттам и улыбнулся.

— Спасибо, — нервно ответила Эмили. — Это… больно?

— Наша терапия? — засмеялся доктор Денкмаль. — Ни в коей мере, хотя вначале это может вызвать шок — в переносном смысле. Когда вы почувствуете, как разрастается ваша мозговая кора. Вам придет в голову множество новых волнующих идей, в особенности из области религии. О, если бы только Лютер и Эразм Роттердамский жили сегодня, их сомнения можно было бы столь легко разрешить благодаря э-терапии. Оба увидели бы истину, zum Beispiel[2], что касается перевоплощения… ну, вы знаете, Blut und…[3] — Он замолчал и откашлялся. — По-английски это

---

[2] Сноски: 2
Например (*нем.*).

[3] Сноски: 3
Кровь и… (*нем.*)

кровь и облатка во время мессы. Примерно так, как у употребляющих кэн-ди. Вы заметили это сходство? Ну идемте, начнем. — Он хлопнул Ричарда Хнатта по спине и повел их в свой кабинет, бросая на Эмили недвусмысленные, с точки зрения Хнатта, взгляды.

Они оказались в огромной лаборатории, полной разных приборов. Там стояли два стола, будто заимствованные из фильма о Франкенштейне, оборудованные зажимами для рук и ног. Увидев их, Эмили охнула и отступила на шаг назад.

— Вам нечего бояться, фрау Хнатт. Это как электрошок, вызывает определенную мышечную реакцию, рефлекс, понимаете? — Денкмаль захихикал. — Теперь вам придется… э-э… снять одежду. Каждый из вас, конечно, отдельно. Потом вы наденете халаты и auskommen…[4] понимаете? С вами пойдет медсестра. Мы уже получили ваши медицинские карты из Норд-Америки, мы все о вас знаем. Вы оба — совершенно здоровые, добропорядочные граждане Норд-Америки.

Он провел Ричарда Хнатта в боковое помещение, отгороженное занавеской, оставил его там и вернулся к Эмили. Ричард слышал, как доктор

---

[4] Сноски: 4
Начнем (*нем.*).

Денкмаль разговаривает с Эмили успокаивающим, но одновременно повелительным тоном. У него это получалось мастерски, и Хнатт ощутил сначала зависть и подозрительность, а потом грусть. Он не совсем так это себе представлял, ожидая чего-то несколько более возвышенного.

Однако Лео Булеро вышел из этого же кабинета, что доказывало беспочвенность его сомнений. Лео Булеро всегда получал самое лучшее.

Приободрившись, он начал раздеваться.

Где-то рядом послышался стон Эмили.

Он быстро оделся и вышел из комнатки, всерьез беспокоясь за жену. Однако он увидел доктора Денкмаля, который сидел за столом и читал карту Эмили. Жена уже ушла с медсестрой, так что все было в порядке.

«Черт побери, — подумал он, — кажется, я в самом деле чересчур подозрителен».

Вернувшись в комнату, он снова разделся, обнаружив, что у него трясутся руки.

Потом он лежал привязанный к одному из двух столов; ко второму была привязана Эмили, которая тоже, казалось, была испугана. Она побледнела и не издавала ни звука.

— Ваши железы, — пояснил доктор Денкмаль, довольно потирая руки и бесцеремонно разгля-

дывая Эмили, — будут возбуждены, особенно железа Креси, стимулирующая процесс эволюции, nicht Wahr?[5] Да вы об этом знаете, каждый ребенок это знает, поскольку то, что мы здесь открыли, изучают в школе. Вы сегодня почувствуете не потерю ногтей на руках и ногах, рост хитиновой оболочки или увеличение черепа, но — могу поспорить, что вы этого не знали! — лишь незначительное, но очень, очень существенное изменение в лобных долях… вы станете умнее. — Он снова захихикал.

Ричард Хнатт чувствовал себя отвратительно. Как связанное животное, он ждал своей участи.

«Хороший способ делать карьеру», — уныло подумал он и закрыл глаза.

Рядом с ним появился техник, блондин нордического вида, лишенный, казалось, каких-либо проблесков разума.

— Включаем успокаивающую Musik, — сказал доктор Денкмаль, нажимая кнопку. Со всех сторон полились звуки какой-то популярной итальянской оперы, Пуччини или Верди, в тошнотворной аранжировке; Хнатт понятия не имел, какой именно. — Теперь послушайте меня, герр

---

[5] Сноски: 5
Не правда ли? (*нем.*)

Хнатт. — Денкмаль склонился над ним и серьезно сказал: — Я хочу, чтобы вы поняли. Времени от времени терапия… как это сказать?.. не выдается.

— Не удается, — хрипло сказал Хнатт. Он этого ожидал.

— Однако, как правило, все проходит успешно. В случае неудачи, герр Хнатт, боюсь, что, вместо того чтобы развиваться, железа Креси… э-э… регрессирует. Я правильно сказал?

— Да, — пробормотал Хнатт. — И насколько велик может быть регресс?

— Не намного. Однако бывает неприятно. Конечно, мы сразу это заметим и прекратим терапию. Это обычно останавливает регресс. Однако… не всегда. Иногда однажды возбужденная железа Креси… — Он сделал неопределенный жест. — Процесс продолжается. Я должен вам это сказать, и теперь вы имеете полное право отказаться. Так как?

— Рискну, — сказал Ричард Хнатт. — Я так считаю. Ведь все так делают. Ладно, начинайте.

Он повернул голову и увидел Эмили, еще больше побледневшую. Она едва заметно кивнула. Глаза ее остекленели.

«Вполне возможно, — пессимистически поду-

мал он, — что эволюционирует только один из нас — наверняка Эмили, — а я деградирую до уровня синантропа. Назад к сросшимся коренным зубам, маленькому мозгу, кривым ногам и людоедским наклонностям. С такой внешностью мне будет чертовски трудно продавать керамику».

Доктор Денкмаль повернул выключатель, весело насвистывая в такт музыке.

Хнатты начали курс э-терапии.

Ему казалось, что он теряет вес, ничего больше. Потом голова у него разболелась так, будто по ней колотили молотом. Вслед за болью сразу же пришло осознание того, что они пошли на огромный риск и он не должен был подвергать ему Эмили. Она этого не хотела — а если она деградирует и утратит свой талант? Для них обоих все бы рухнуло. Его карьера зависела от того, останется ли Эмили одним из лучших модельеров керамики на планете.

— Стоп, — громко сказал он, но звук, казалось, не выходил из его горла; он ничего не слышал, хотя его голосовой аппарат, похоже, функционировал. Он чувствовал, как слова возникают у него в гортани. Внезапно он понял. Он эволюционировал. Действовало! Эти ощущения были связаны с изменением метаболизма. Если с Эмили все в

порядке, то и вообще все в порядке.

Он понял также, что доктор Вилли Денкмаль был лишь маленьким жалким шарлатаном, существовавшим за счет желания простых смертных обладать чем-то большим, нежели то, на что они имели право, желания чересчур приземленного и убогого. К черту дела, торговые контакты. Что они могли значить в сравнении с возможностями эволюции человеческого мозга и достижения новых границ познания? Например…

Внизу простирался мир мертвых, не изменяющийся мир причин и следствий. Посредине располагалось человечество, но в любой момент человек мог рухнуть, пойти ко дну, в лежавшие ниже адские глубины. Или же он мог вознестись в третий, эфирный мир. Человек, обитающий в среднем слое, в любой момент мог утонуть, погрузиться в ад, однако у него были шансы достичь вершин. В каждый момент времени мог существовать свой вариант действительности. Ад и рай, не после смерти, но сейчас! Депрессия, любое психическое заболевание означало — утонуть. А второе… как его достичь?

Через связь с кем-либо, не физическую, но духовную. Например, видел ли он когда-нибудь в вазочках Эмили нечто большее, чем товар, поль-

зующийся спросом? Нет. А он должен был видеть в них художественный замысел, душу, которую она в них вкладывала.

И этот договор с «Чуинг-зет мануфакчурерс»… он осознал, что подписал его без согласия жены. Какая безнравственность! Он втянул ее в дела фирмы, которую она, может быть, не желает видеть в качестве производителей ее керамики… Неизвестно, какие у них наборы. Они могут оказаться ниже всяких стандартов. Однако теперь уже поздно: дорога в ад вымощена благими намерениями. Он мог связаться и с нелегальным производителем перемещающего наркотика. Это объясняло бы название чуинг-зет… похожее на кэн-ди. Однако тот факт, что они не скрывали названия своего продукта, заставлял предполагать, что они не делали ничего незаконного.

Внезапно, в каком-то едином озарении, он все понял: кто-то открыл перемещающее средство, которое удовлетворило отдел наркотиков ООН. Они дали согласие на его выход на рынок. И таким образом, впервые перемещающее средство будет доступно на тщательно охраняемой Земле, а не только в далеких колониях, где не было полиции.

А это означало, что наборы чуинг-зет — в от-

личие от Подружки Пэт — будут продаваться на Земле вместе с наркотиком. И по мере того как с течением лет погода будет ухудшаться, а родная планета — становиться непригодной для жизни, наборы будут продаваться все лучше. Рынок, контролируемый Лео Булеро, был до смешного мал по сравнению с тем, которым в будущем завладеет фирма из Бостона.

Значит, он все-таки подписал хороший контракт. И ничего удивительного, что «Чуинг-зет мануфакчурерс» так хорошо ему заплатила. Это была крупная фирма, и планы у нее были крупные. Судя по всему, у них были и неограниченные финансовые ресурсы.

Где они их взяли? Не на Земле — это он тоже интуитивно понимал. Наверняка не без помощи Палмера Элдрича, который вернулся в Солнечную систему, заключив экономическое соглашение с проксами. Это они поставляют чуинг-зет. Таким образом, ради того, чтобы уничтожить Лео Булеро, ООН позволила инопланетной расе действовать в Солнечной системе.

Это решение было ошибочным, может быть, даже роковым.

Следующее, что он почувствовал, было легкое похлопывание по щеке. Над ним склонился док-

тор Денкмаль.

— Ну как? Много мыслей, касающихся глубоких проблем?

— Д-да, — сказал Хнатт и с трудом сел. Он уже не был привязан.

— Значит, нам нечего опасаться, — сказал Денкмаль и широко улыбнулся, топорща седые усы, словно антенны. — Теперь поговорим с фрау Хнатт.

Ассистентка уже отстегивала ремни. Эмили неуверенно села и зевнула. Доктор Денкмаль явно забеспокоился.

— Как вы себя чувствуете, фрау? — спросил он.

— Прекрасно, — пробормотала Эмили. — У меня была масса идей насчет вазочек. Одна за другой. — Она бросила смущенный взгляд на доктора, а потом на мужа. — Это что-нибудь означает?

— Вот бумага, — сказал доктор Денкмаль, протягивая блокнот. — Карандаш. Зафиксируйте ваши идеи, фрау.

Дрожащей рукой Эмили сделала наброски вазочек. Похоже, что ей трудно держать карандаш, заметил Хнатт. Однако это, наверное, пройдет.

— Прекрасно, — сказал доктор Денкмаль, когда она закончила, и показал набросок Ричарду. —

Высокоорганизованная активность мозговой коры. Великолепно.

Нарисованные вазочки были наверняка хороши, может быть, даже великолепны. Но Хнатт чувствовал: что-то не так. Что-то с этими набросками. Однако, лишь когда они вышли из клиники и в ожидании экспресса стояли под термозащитным козырьком перед зданием, он понял, в чем дело.

Идеи были хороши — но Эмили их уже использовала. Много лет назад, когда она спроектировала свои первые вазочки на профессиональном уровне, она показывала ему наброски, а потом сами вазочки — еще до того, как они поженились. Неужели она этого не помнила? Очевидно, нет.

Он думал о том, почему она этого не помнит и что это означает. Эта мысль беспокоила его все больше.

Собственно, беспокойство его росло по мере прохождения им первого сеанса э-терапии. Сначала он беспокоился за человечество и всю Солнечную систему, а теперь за свою жену. Может быть, это лишь симптом того, что Денкмаль называет «высокоорганизованной активностью мозговой коры», подумал он. Стимулирование метаболизма мозга.

А может быть, и нет?..

Прибыв на Луну, Лео Булеро предъявил свое удостоверение журналиста бюллетеня «Наборов П. П.» и оказался среди репортеров, ехавших в вездеходе по пыльной поверхности Луны к владениям Палмера Элдрича.

— Ваши документы! — рявкнул вооруженный охранник, не носивший, однако, мундира ООН, когда Лео собирался выйти на площадку перед зданием.

Лео застрял в проходе. За его спиной нетерпеливо толкались настоящие репортеры, требуя, чтобы он дал им пройти.

— Мистер Булеро, — спокойно сказал охранник, возвращая ему удостоверение, — мистер Элдрич ждет вас. Прошу следовать за мной.

Его тут же сменил другой охранник, который начал проверять документы журналистов.

Обеспокоенный, Булеро двинулся следом за первым охранником по герметичному и приятно подогретому коридору в сторону владений Палмера Элдрича.

Внезапно перед ним вырос очередной охранник в форме и поднял руку, направив на Лео что-то маленькое и блестящее.

— Эй, — слабо запротестовал Лео, остановив-

шись как вкопанный. Он повернулся, опустил голову и сделал несколько неуверенных шагов в обратном направлении.

Поток какого-то неизвестного излучения ударил ему в спину: Лео рухнул как подкошенный, пытаясь смягчить удар вытянутыми руками.

Придя в себя, он обнаружил, что — полный абсурд! — привязан к стулу, стоящему в пустой комнате. В голове у него шумело. Тупо оглядевшись вокруг, он увидел только маленький столик, на котором стояло какое-то электронное устройство.

— Выпустите меня отсюда, — сказал Лео.

— Здравствуйте, мистер Булеро, — немедленно отозвалось устройство. — Я — Палмер Элдрич. Насколько я понял, вы хотели меня видеть.

— Это жестоко, — сказал Булеро. — Меня оглушили и связали.

— Курите, пожалуйста.

Электронное устройство протянуло ему зажим, в котором торчала длинная зеленая сигара. На конце сигары вспыхнул огонек, и щупальце вытянулось в его сторону.

— Я вез с Проксимы десять ящиков таких сигар, но после катастрофы уцелел только один. Это не табак, это значительно лучше табака. Ну, в чем

дело, Лео? Чего ты хочешь?

— Ты здесь, в этой коробочке, Элдрич? — спросил Булеро. — Или ты где-то в другом месте и она только передает твои слова?

— Угощайся, — сказал голос из стоявшего на столике металлического ящичка, все еще протягивавшего зажим с зажженной сигарой. Потом щупальце втянулось, сигара погасла и бесследно исчезла внутри. — Может быть, ты хочешь посмотреть цветные диапозитивы о моем пребывании в системе Проксимы?

— Ты, наверное, шутишь.

— Нет, — ответил Палмер Элдрич. — Ты бы получил некоторое представление о том, на что я там наткнулся. Это очень хорошие трехмерные снимки.

— Нет, спасибо.

— Мы нашли эту стрелочку, вшитую в твой язык, — сказал Элдрич, — и удалили ее. Однако мы подозреваем, что ты можешь скрывать еще кое-что.

— Вы прилагаете слишком много усилий, — сказал Лео. — Больше, чем я заслуживаю.

— За эти четыре года на Проксиме я многому научился. Шесть лет полета, четыре там. Проксы собираются напасть на Землю.

— Издеваешься, — сказал Лео.

— Я понимаю твою реакцию, — сказал Элдрич. — ООН, а в особенности Хепберн-Гилберт, тоже реагировала так же. Однако это правда. Конечно, напасть не в прямом смысле, но неким более изощренным способом, которого я не могу понять, хотя долго жил среди них. Насколько я знаю, это как-то связано с потеплением климата Земли. А может быть, еще хуже.

— Давай поговорим о том лишайнике, который ты привез с собой.

— Я получил его нелегально, проксы об этом не знали. Они используют его во время религиозных оргий, так же как наши индейцы использовали мескалин и пейотль. Ты из-за этого хотел меня видеть?

— Именно. Ты встал у меня на пути. Я знаю, что ты уже организовал конкурирующую фирму. Что за чушь, будто проксы собираются напасть на Солнечную систему; это ты угрожаешь мне своими действиями. Ты не можешь найти себе какое-нибудь другое поле деятельности, кроме наборов?

Комната закружилась у него перед глазами. Его захлестнул поток ослепительно-белого света, и Лео зажмурился.

«Господи, — подумал он. — Я и так не верю в этих проксов, он просто пытается отвлечь наше внимание от своих подлинных намерений. По-моему, это его стратегия».

Он открыл глаза и обнаружил, что сидит на траве. Рядом какая-то девочка забавлялась йо-йо.

— Эта игрушка, — сказал Лео Булеро, — пользуется популярностью в системе Проксимы.

Он обнаружил, что руки и ноги его свободны, неуверенно встал и пошевелил ими.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Моника, — ответила девочка.

— Проксы, — сказал Лео, — по крайней мере гуманоиды, носят парики и искусственные челюсти.

Он схватил за прядь пушистых светлых волос и потянул.

— Ай! — вскрикнула девочка. — Ты нехороший.

Он отпустил ее. Она отступила на шаг, не переставая играть с йо-йо и недоверчиво поглядывая на него.

— Извини, — пробормотал он. Эти светлые волосы были настоящими. Может быть, он находился не в системе Проксимы. Во всяком случае, где бы он ни находился, Палмер Элдрич пытался

ему что-то сказать. — Вы собираетесь напасть на Землю? — спросил Лео у девочки. — Я хочу сказать, что на это не похоже.

«Мог ли Элдрич ошибаться? — думал он. — Неправильно понять проксов?»

В конце концов, насколько он знал, Палмер Элдрич не эволюционировал и не обладал мощным, высокоразвитым мозгом — результатом э-терапии.

— Мое йо-йо, — сказала девочка, — волшебное. Я могу сделать все, что захочешь. Чего бы ты хотел? Скажи, ты мне нравишься.

— Отведи меня к своему вождю, — сказал он. — Это старый анекдот, ты не поймешь. Ему сто лет.

Он огляделся вокруг и не заметил никаких следов человеческого присутствия, только травянистую равнину.

«Слишком холодно для Земли, — подумал он. — Голубое небо над головой. Хороший воздух. Плотный».

— Тебе меня не жаль? — спросил он. — Сейчас Палмер Элдрич врывается на мой рынок, а когда ему это удастся, я буду разорен. Мне придется заключить с ним какой-то договор. — «Похоже, однако, — угрюмо подумал он, — что убить его мне не удастся». — Вот только я не могу приду-

мать никаких условий, на которые он мог бы согласиться. Кажется, в его руках все карты. Смотри, например, как он меня сюда закинул. Я даже не знаю, где я.

Впрочем, это и так не имело значения. Где бы он ни находился, это место наверняка контролировалось Элдричем.

— Карты, — сказала девочка. — У меня есть колода карт в чемоданчике.

Никакого чемоданчика он не видел.

— Где?

Присев, девочка в нескольких местах коснулась травы. Трава бесшумно раздвинулась, девочка сунула в образовавшееся отверстие руку и вытащила чемоданчик.

— Я его здесь прячу, — объяснила она, — от спонсоров.

— Что это значит: «спонсоры»?

— Ну, чтобы здесь быть, надо иметь спонсора. У каждого из нас он есть. Я думаю, что они платят за все, пока мы не выздоровеем. Тогда мы сможем вернуться домой — если у нас есть дом.

Она села возле чемоданчика и открыла его — вернее, попыталась открыть. Замок не поддавался.

— Черт! — сказала она. — Это не тот. Это доктор

Смайл.

— Психиатр? — с внезапным интересом спросил Лео. — Из одного из тех больших домов? Он работает? Включи его.

Девочка послушно включила психиатра.

— Привет, Моника, — металлическим голосом произнес чемоданчик. — Приветствую вас, мистер Булеро. — Он неправильно произнес его фамилию — с ударением на последнем слоге. — Что вы тут делаете, сэр? Вы уже слишком старый, чтобы тут быть. Ха-ха! Или вы, может быть, деградировали в результате неудачной так называемой э-терапии… фр-грр!.. — механизм некоторое время шумел, — в Мюнхене? — закончил чемоданчик.

— Я чувствую себя прекрасно, — заверил его Лео. — Слушай, Смайл, ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы меня отсюда вытащить? Назови какое-нибудь имя. Я не могу здесь больше оставаться, понимаешь?

— Мистер Байерсон, — сказал доктор Смайл. — Честно говоря, я нахожусь как раз у него, в его кабинете, естественно, в виде переносного терминала.

— Я не знаю никого по фамилии Байерсон, — сказал Лео. — Что это за место? Похоже, это

какой-то лагерь для больных детей или сирот или что-то в этом роде. Я подозревал, что я нахожусь в системе Проксимы, но, поскольку ты здесь, я где-то в другом месте. Байерсон! — вдруг сообразил он. — Черт возьми, ты имеешь в виду Майерсона. Из «Наборов П. П.».

— Да, верно, — сказал доктор Смайл.

— Свяжись с ним, — сказал Лео. — Скажи ему, чтобы он немедленно поговорил с Феликсом Блау из Трехпланетного полицейского агентства, или как оно там называется. Пусть Блау этим займется и выяснит, где я, собственно, нахожусь, после чего пришлет сюда корабль. Запомнил?

— Ладно, — сказал доктор Смайл. — Сейчас обращусь к мистеру Майерсону. Он как раз беседует с мисс Фьюгейт, своей ассистенткой, которая также является его любовницей, и сегодня на ней… гм. Сейчас они как раз говорят о вас. Однако, естественно, я не могу вам сказать, что именно. Меня связывает профессиональная тайна, как вы понимаете. На ней надето…

— Ну хорошо, кого это интересует? — раздраженно оборвал его Лео.

— Прошу меня извинить, — сказал чемоданчик. — Я должен на минуту отключиться.

Казалось, он был обижен. Наступила тишина.

— У меня для тебя плохие новости, — сказала девочка.

— Какие?

— Я пошутила. Это на самом деле не доктор Смайл. Он только притворяется, чтобы мы не чувствовали себя одинокими. Он работает, но не связан ни с кем и ни с чем. Это называется «внутренний контур».

Он знал, что это означало: устройство было автономным. Но откуда оно могло знать о Барни и о мисс Фьюгейт, о подробностях их личной жизни? Даже знать, что на ней надето? Девочка, видимо, говорила неправду.

— Кто ты? — резко спросил он. — Моника… а дальше? Я хочу знать твою фамилию.

Ему казалось, что он ее знает.

— Я вернулся, — вдруг сообщил чемоданчик. — Ну, мистер Булеро… — Он снова неправильно произнес фамилию. — Я обсудил вашу проблему с мистером Майерсоном, который свяжется с Феликсом Блау, так, как вы просили. Мистеру Майерсону кажется, что он вспоминает какую-то статью из прессы ООН насчет лагеря, очень похожего на этот, где-то в окрестностях Сатурна, для умственно отсталых детей. Может быть…

— Черт побери, — сказал Лео, — эта девочка во-

все не умственно отсталая. Если уж на то пошло, то скорее чересчур развитая.

Полная бессмыслица. Единственной осмысленной вещью во всем этом было то, что Палмер Элдрич что-то хотел от него, и дело было не только в том, чтобы убрать Лео с дороги. Он хотел подчинить его себе.

На горизонте появилось что-то огромное и серое, с ревом мчавшееся к ним. У чудовища были отвратительные топорщащиеся усы.

— Это крыса, — спокойно сказала девочка.

— Такая большая? — спросил Лео. Ни на одной из планет Солнечной системы, ни на одном из спутников не существовало столь огромных диких животных. — Что ей от нас надо? — спросил он, удивляясь, почему девочка не боится.

— О, — ответила девочка, — думаю, она хочет нас убить.

— И это тебя не пугает? — услышал он свой голос, срывающийся на крик. — Значит, ты хочешь умереть именно таким образом и именно сейчас? Хочешь, чтобы тебя сожрала крыса величиной… — Одной рукой он схватил девочку, а другой — чемоданчик с доктором Смайлом и попытался бежать.

Крыса настигла их, пронеслась над ними и

умчалась; серая тень быстро исчезла вдали.

— Она тебя напугала, — неприятно захихикала девочка. — Я знала, что она нас не увидит. Они нас не видят. Они не подозревают о нашем присутствии.

— Ах вот как?

Теперь он уже знал, где находится. Феликс Блау его не найдет. Никто его не найдет, даже если бы искали целую вечность.

Элдрич сделал ему инъекцию перемещающего наркотика, наверняка чуинг-зет. Это был несуществующий мир, аналогичный «Земле», на которую переносились колонисты, употребляя его собственный продукт, кэн-ди.

А крыса — в отличие от всего остального — была настоящая. Не так, как они: он и девочка тоже не были реальными. По крайней мере не здесь. Их пустые, неподвижные тела лежали где-то, как старые мешки, временно лишенные духовного содержимого. Их тела, несомненно, остались где-то в лунных владениях Палмера Элдрича.

— Ты Зоя, — сказал он. — Такая, какой ты хочешь быть, маленькая девочка лет восьми. Правильно? С длинными, светлыми волосами.

И даже, сообразил он, с другим именем.

— Здесь нет никого по имени Зоя, — хмуро

сказала девочка.

— Никого, кроме тебя. Твой отец — Палмер Элдрич.

Девочка с большой неохотой кивнула.

— Это место принадлежит тебе? — спросил он. — Ты часто сюда приходишь?

— Это мое место, — сказала девочка. — Никто сюда не приходит без моего разрешения.

— Почему же ты позволила мне прийти сюда?

Он знал, что она его ненавидит. С самого начала.

— Потому что, — ответила она, — мы считаем, что тебе, может быть, удастся помешать проксам сделать то, что они собираются сделать.

— Опять то же самое, — сказал он, просто не веря ей. — Твой отец…

— Мой отец, — перебила его девочка, — пытается нас спасти. Он не хотел привозить сюда чуинг-зет, но ему приказали. Чуинг-зет — это фактор, благодаря которому они овладеют нами. Понимаешь?

— Каким образом?

— Ведь они контролируют эти места — такие, как это, куда ты отправляешься, приняв дозу чуинг-зет.

— Что-то не похоже, что тобой овладели какие-

то инопланетные существа. Ведь ты мне все это рассказываешь.

— Скоро овладеют, — сказала девочка. — Так же, как они овладели моим отцом. Он вернулся таким с Проксимы, там он принимал это несколько лет. Для него уже слишком поздно, и он хорошо об этом знает.

— Докажи, — сказал Лео. — Докажи хотя бы один факт. Дай мне что-нибудь, на что я мог бы опереться.

Чемоданчик, который он все еще держал в руке, сказал:

— Моника говорит правду, мистер Булеро.

— Откуда ты знаешь? — сердито спросил Лео.

— Ведь я, — ответил чемоданчик, — я тоже нахожусь под влиянием проксов, поэтому я…

— Поэтому ты ничего не сделал, — перебил его Лео, ставя чемоданчик на землю. — Черт бы побрал этот чуинг-зет, — сказал он обоим, девочке и чемоданчику. — Все перемешалось. Не могу понять, что происходит. Ты не Зоя, ты даже не знаешь, кто это. А ты… ты не доктор Смайл, и ты не разговаривал с Барни, а он не советовался с Рони Фьюгейт. Все это — наркотические галлюцинации. Это возвращаются ко мне мои страхи, связанные с Палмером Элдричем, вся эта чушь

о том, что он находится под влиянием проксов и ты тоже. Где это видано, чтобы чемоданчиком овладел инопланетный разум?

Возмущенный, он пошел прочь.

«Я знаю, что происходит, — подумал он. — Таким образом Палмер пытается овладеть моим разумом. Это разновидность того, что когда-то называлось „промыванием мозгов“. Ему удалось меня напугать».

Он шел дальше, размеренно шагая и не оглядываясь.

Это была почти роковая ошибка. Что-то — он краем глаза заметил неясные очертания — попыталось укусить его за ногу. Он отскочил, избежав укуса, но это «нечто» тут же извернулось и вновь избрало его своей жертвой.

— Крысы тебя не видят, — закричала девочка, — но глюки видят! Лучше беги!

Не приглядываясь внимательнее — он видел уже достаточно, — Лео побежал.

…В том, что он видел, он не мог винить чуингзет, поскольку это была не галлюцинация и не что-то созданное Палмером Элдричем, чтобы его напугать. Глюк — чем бы он ни был — наверняка родился не на Земле и даже не в мыслях землянина.

Девочка побежала за ним, оставив чемоданчик.

— А как же я? — беспокойно спросил доктор Смайл.

Ему никто не ответил.

Феликс Блау говорил с экрана видеотелефона:

— Я занялся материалом, который вы мне дали, мистер Майерсон. Из него ясно следует, что ваш работодатель, мистер Булеро, который является также и моим клиентом, в настоящее время находится на маленьком искусственном спутнике Земли, регистрационный номер «Сигма четырнадцать-бэ». Судя по реестру, он принадлежит производителю ракетного топлива из Сент-Джорджа, штат Юта. — Он заглянул в лежавшие перед ним бумаги. — «Робард летан сэйлс». Летан — это фирменное название их…

— Понятно, — перебил его Барни Майерсон. — Свяжитесь с ними. Господи, каким образом Лео там оказался?

— Есть еще одна информация, которая может иметь значение. Фирма «Робард летан сэйлс» была зарегистрирована четыре года назад в тот же день, что и «Чуинг-зет мануфакчурерс» из Бостона. Мне кажется, что это нечто большее, чем обычное совпадение.

— А как вытащить Лео со спутника?

— Вы могли бы обратиться в суд, требуя…

— Это займет слишком много времени, — сказал Барни.

У него было глубокое неприятное чувство, что он лично несет ответственность за все происшедшее. Очевидно, Палмер Элдрич созвал пресс-конференцию лишь затем, чтобы заманить Лео в свои владения, а он, ясновидец Барни Майерсон, человек, который может предвидеть будущее, оказался обведенным вокруг пальца, сыграв предназначенную ему Элдричем роль.

— Я могу предоставить в ваше распоряжение около ста человек из разных подразделений моего агентства. Вам надо набрать еще пятьдесят в «Наборах П. П.». Тогда вы могли бы попытаться захватить спутник.

— И найти там труп.

— Верно. — Блау недовольно надул губы. — Ну, вы могли бы пойти к Хепберн-Гилберту и попросить помощи ООН. Или попробовать связаться — что в еще большей степени стало бы им поперек горла — с Палмером Элдричем или тем, кто скрывается под его именем, и прийти к согласию. Посмотреть, не удастся ли выкупить Лео.

Барни отключился и почти сразу же набрал

номер межпланетного коммутатора, сказав:

— Дайте мне Палмера Элдрича на Луне. Срочно. Поторопитесь, девушка.

Пока он ждал соединения, с другого конца комнаты послышался голос Рони Фьюгейт:

— Кажется, у нас не будет времени, чтобы перейти к Элдричу.

— Похоже на то.

Как ловко было все продумано. Элдрич позволил противнику сделать за него всю работу.

«И мы тоже, — подумал Барни, — Рони и я. Нас он наверняка тоже провел точно так же. Фактически Элдрич мог действительно рассчитывать на то, что мы полетим на спутник.

Это объясняет, почему Лео снабдили чемоданчиком с доктором Смайлом».

— Я думаю о том, — сказала Рони, играя замочком молнии на блузке, — хотели ли бы мы работать на столь умного человека, если это вообще человек. Мне все больше кажется, что это не Палмер, но один из них. Думаю, что нам придется с этим согласиться. Следующее, чего мы можем ожидать, — это чуинг-зет, наводняющий рынок. С санкции ООН, — с горечью сказала она. — А Лео, который, по крайней мере, является одним из нас и хочет лишь заработать пару скинов, будет

мертв или разорен… — Она с яростью уставилась в пространство.

— Это патриотизм, — сказал Барни.

— Инстинкт самосохранения. Я не хочу проснуться одним прекрасным утром, сосредоточенно жуя эту дрянь, делая то, что делают, когда жуют это вместо кэн-ди. Перемещаясь… не в страну Подружки Пэт, это уж точно.

Видеотелефонистка сказала:

— На линии мисс Зоя Элдрич, сэр. Вы будете с ней говорить?

— Да, — покорно ответил он.

На экране появилась элегантно одетая женщина с пронзительным взглядом и сбитыми в тяжелый ком волосами.

— Да?

— Говорит Майерсон из «Наборов П. П.». Что мы должны сделать, чтобы получить назад Булеро? — спросил он, но не дождался ответа. — Вы ведь знаете, о чем я говорю?

Помолчав, Зоя сказала:

— Мистер Булеро прибыл к нам и заболел. Он лежит в нашем госпитале. Когда он почувствует себя лучше…

— Я могу прислать врача фирмы, чтобы он его осмотрел?

— Конечно. — Зоя Элдрич даже не моргнула глазом.

— Почему же вы нам не сообщили?

— Это случилось недавно. Мой отец как раз собирался звонить. Похоже, что ничего серьезного, обычная реакция на изменение силы тяжести. Это довольно часто бывает с пожилыми людьми, которые сюда приезжают. Мы не поддерживаем здесь гравитацию, близкую к земной, — так, как это делает мистер Булеро на своем спутнике «Домик Винни Пуха». Так что, как видите, все объясняется очень просто. — Она слегка улыбнулась. — Вы получите его назад самое позднее сегодня вечером. Неужели вы подозревали что-то другое?

— Подозреваю, — сказал Барни, — что Лео уже не на Луне. Думаю, что он на спутнике Земли под названием «Сигма четырнадцать-бэ», который принадлежит одной из ваших фирм в Сент-Джордже. А то, что мы найдем в вашем госпитале, будет не Лео Булеро.

Рони вытаращила глаза.

— Милости просим. Можете прилететь и убедиться сами, — бесстрастно сказала Зоя. — Насколько нам известно, это Лео Булеро. Тот самый, который прилетел сюда вместе с репортерами

из газет.

— Я полечу туда, — сказал Барни. Он знал, что совершает ошибку. Ему говорило об этом его чувство ясновидения.

На другом конце комнаты Рони Фьюгейт вскочила на ноги, она тоже это предвидела. Выключив видеотелефон, он повернулся к ней и сказал:

— Сотрудник «Наборов П. П.» совершает самоубийство. Или что-то в этом роде. Завтрашние газеты.

— В точности там написано…

— Меня не волнует, что там написано в точности.

Однако он знал, что это будет солнечный удар. Тело мужчины, найденное на тротуаре. Смерть вследствие чрезмерной дозы солнечного излучения. Где-то в центре Нью-Йорка. Там, где оставят его люди из организации Элдрича.

Это он мог предвидеть, не прибегая к помощи своих способностей к ясновидению. Впрочем, он вовсе не собирался на них полагаться.

Больше всего его взволновал снимок на первой полосе, крупный план его сожженного солнцем тела.

Он остановился в дверях кабинета.

— Тебе нельзя туда лететь, — сказала Рони.

— Да.

Увидев этот снимок, Барни понял, что Лео придется позаботиться о себе самому. Он вернулся за стол и снова сел.

— Единственная проблема в том, — сказала Рони, — что, если он вернется, тебе трудно будет ему объяснить, почему ты ничего не сделал.

— Знаю.

Однако это была не единственная проблема; собственно говоря, эта проблема была наименее существенной.

Поскольку Лео, скорее всего, не вернется.

Глава 6

Глюк вцепился ему в лодыжку и пытался сосать, вонзив в кожу маленькие трубочки-хоботки. Лео Булеро вскрикнул — и вдруг перед ним неожиданно возник Палмер Элдрич.

— Ты ошибался, — сказал он. — Я не нашел Бога в системе Проксимы. Но я нашел кое-что получше.

Он ткнул глюка тростью. Тот неохотно втянул хоботки и, свернувшись, отцепился от Лео. Подгоняемое Элдричем, существо упало в траву и скрылось.

— Бог, — сказал Элдрич, — обещает вечную жизнь. Я могу сделать нечто лучшее: я могу ее дать.

— Каким образом?

Дрожа и чувствуя слабость, Лео опустился на траву и сел, тяжело дыша.

— Благодаря лишайнику, который мы продаем под названием чуинг-зет, — ответил Элдрич. — Он лишь отчасти напоминает твой продукт, Лео. Кэн-ди устарел — что он дает людям? Несколько мгновений бегства от действительности, ничего, кроме фантазий. Кому это нужно? Кому это будет

нужно, когда от меня можно будет получить нечто подлинное? Ты сам это сейчас ощущаешь, — добавил он.

— Я так и предполагал, — сказал Лео. — И если ты думаешь, что люди будут платить за такие переживания… — Он показал на глюка, который все еще таился неподалеку, следя как за ним, так и за Элдричем. — Ты потерял не только тело, но и разум.

— Это особый случай. Я хотел тебе доказать, что все это правда. А для этой цели ничто так хорошо не годится, как боль и страх. Глюки доказали тебе, вне всяких сомнений, что это — не галлюцинация. Они могли тебя даже убить. И если бы ты здесь погиб, то умер бы на самом деле. Не так, как после кэн-ди. — Все это явно забавляло Элдрича. — Когда я открыл этот лишайник в системе Проксимы, я не мог поверить в свое счастье. Лео, я уже прожил в системе Проксимы сто лет, принимая его под руководством их медиков. Я принимал его внутрь, внутривенно, в виде свечей… Я сжигал его и вдыхал дым, делал из него водный раствор и нюхал его пар. Я принимал его всевозможными способами, и со мной ничего не случилось. На проксов он действует слабо, нет никакого сравнения с тем, что он вытворяет с

нами. Для них это стимулятор более слабый, чем их лучший табак. Хочешь услышать больше?

— Не особенно.

Элдрич сел рядом, положил свою искусственную руку на колени и задумчиво покачивал тростью, внимательно поглядывая на глюка, который еще не ушел.

— Когда мы вернемся в прежние тела… Заметь, что я употребляю слово «прежние», чего не сделал бы в случае кэн-ди. Я говорю это не без причины, поскольку, когда ты вернешься, ты обнаружишь, что время остановилось. Мы могли бы оставаться здесь в течение пятидесяти лет, и все было бы точно так же. Мы оказались бы в моем имении на Луне и не нашли бы никаких изменений, а наблюдающие за нами люди не заметили бы у нас потери сознания, которая наступает после приема кэн-ди, какого-либо транса или апатии. Ну, может быть, дрожание век, длящееся доли секунды. И все.

— Чем определяется время пребывания здесь? — спросил Лео.

— Нашим желанием. Не величиной дозы. Мы можем вернуться в любой момент. Таким образом, количество наркотика остается…

— Это неправда. Я уже давно хочу выбраться

отсюда.

— Но это не ты, — сказал Элдрич, — создал эту… среду. Это сделал я, и она принадлежит мне. Я создал глюков, этот ландшафт… — Он сделал жест тростью. — Все, что ты здесь видишь, включая твое тело.

— Мое тело?

Лео пригляделся к себе. Это, несомненно, было его старое, знакомое тело, известное ему до самых интимных подробностей. Его, не Элдрича.

— Я пожелал, чтобы ты появился здесь точно таким же, какой ты есть в своей Вселенной, — объяснил Элдрич. — Видишь ли, именно это убедило Хепберн-Гилберта, который, естественно, буддист. Переселение души в любое тело, какое ты себе выберешь или какое будет тебе выбрано — как в данном случае.

— Так вот почему ООН проглотила эту наживку, — сказал Лео.

Это объясняло очень многое.

— С помощью чуинг-зет человек может проживать жизнь за жизнью, быть насекомым, учителем физики, ястребом, простейшим, моллюском, уличной девкой из Парижа тысяча девятьсот четвертого года или…

— Глюком, — сказал Лео. — Кто здесь из нас

глюк?

— Я же тебе сказал: я создал его из части самого себя. Ты тоже мог бы что-нибудь создать. Ну давай — передай фрагмент собственного «я». Он сам примет материальную форму. То, что ты ему даешь, — это логос. Запомнил?

— Запомнил, — ответил Лео.

Он сосредоточился, и вскоре неподалеку материализовалась сложная конструкция из проволок и решеток.

— Что это, черт побери? — спросил Элдрич.

— Ловушка для глюков.

Элдрич откинул голову назад и рассмеялся:

— Очень хорошо. Только, пожалуйста, не делай ловушек для Палмера Элдрича. Я еще не все тебе сказал.

Вместе с Лео он смотрел, как глюк, подозрительно принюхиваясь, приближается к ловушке. Глюк вошел внутрь, и ловушка с громким треском захлопнулась. Глюк был схвачен и уничтожен. Короткое шипение, маленькое облачко дыма, и он исчез.

Воздух перед Лео задрожал, и в сиянии появилась книга в черном переплете, которую он взял в руки, перелистал и с удовлетворением положил на колени.

— Что это? — спросил Элдрич.

— Библия короля Якова. Я думаю, что она может меня защитить.

— Не здесь, — сказал Элдрич. — Это мое королевство.

Он сделал жест рукой, и Библия исчезла.

— Однако ты можешь владеть своим собственным королевством и заполнить его библиями. Каждый это сможет. Как только мы развернем свое дело. Мы будем, конечно, делать наборы, но это будет позже, когда мы начнем нашу деятельность на Земле. Впрочем, это и так лишь формальность, ритуал, облегчающий перемещение. Кэн-ди и чуинг-зет будут поступать на рынок на равных условиях и свободно конкурировать друг с другом. Мы не будем говорить, что чуинг-зет обладает какими-то свойствами, которых не имеет кэн-ди. Мы не хотим отпугнуть людей, мы не хотим также затрагивать чьих-либо религиозных чувств. Впрочем, попробовав несколько раз, они убедятся в двух вещах: в отсутствии течения времени и, что, может быть, еще более существенно, в том, что это не галлюцинация, что они действительно переносятся в другую Вселенную.

— Многие испытывают это и после кэн-ди, — заметил Лео. — Они действительно верят, что

переносятся на Землю.

— Фанатики, — с отвращением сказал Элдрич. — Это обычная иллюзия, поскольку не существует ни Подружки Пэт, ни Уолтера Эссекса, а их воображаемый мир ограничивается артефактами, из которых состоит набор. Они не могут пользоваться машиной для мытья посуды, если ее миниатюрная копия не была предварительно установлена в модели кухни. А человек, который не участвует в сеансе, а только наблюдает, видит, что обе куклы никуда не перемещаются. Никто в них не перевоплощается. Можно доказать…

— Однако тебе не так-то просто будет переубедить этих людей, — сказал Лео. — Они останутся верны кэн-ди. Собственно говоря, нет никого, кто был бы недоволен наборами Подружки Пэт. Зачем им отказываться…

— Я объясню, — ответил Элдрич. — Каким бы чудесным ни было перевоплощение в Подружку Пэт и Уолта, в конце концов приходится возвращаться в барак. Ты представляешь себе это, Лео? Как-нибудь попробуй. Проснись в бараке на Ганимеде после двадцати — тридцати минут свободы. Этих ощущений ты никогда не забудешь.

— Гм…

— И есть еще кое-что — ты знаешь что. Когда

этот короткий промежуток свободы кончается и колонист возвращается, он не в состоянии вести нормальную повседневную жизнь. Он полностью деморализован. Но если бы вместо кэн-ди он принял… — Он замолчал.

Лео не слушал, он был занят сотворением чего-то нового. В воздухе перед ним появилась лестница, ведущая к светящемуся облаку. Конец лестницы скрывался в сиянии.

— Куда она ведет? — сердито спросил Элдрич.

— В Нью-Йорк, — ответил Лео. — Я вернусь по ней в «Наборы П. П.». — Он встал и подошел к лестнице. — У меня такое впечатление, Элдрич, что с этим чуинг-зет что-то не в порядке. И мы вовремя этого не обнаружим.

Он начал подниматься по лестнице и вдруг вспомнил девочку Монику. Он подумал о том, будет ли ей хорошо здесь, в мире Палмера Элдрича.

— А что с девочкой? — Он остановился. Внизу виднелась маленькая фигурка Элдрича, все еще сидевшего на траве с тростью в руке. — Глюки ее не схватили?

— Этой маленькой девочкой был я, — ответил Элдрич. — Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Именно поэтому я утверждаю, что чуинг-зет означает настоящее перевоплощение, триумф

над смертью.

Лео заморгал и сказал:

— Так вот почему она показалась мне знакомой… — Он замолчал и еще раз взглянул вниз.

Элдрич исчез. Вместо него на траве сидела маленькая Моника, держа в руке чемоданчик доктора Смайла. Теперь все было ясно.

Он говорил — она говорила, они говорили — правду.

Лео снова медленно спустился по лестнице на траву.

— Я рада, что вы не уходите, мистер Булеро, — сказала Моника. — Очень приятно поговорить с человеком столь умным и столь эволюционировавшим, как вы. — Она похлопала по стоявшему рядом с ней чемоданчику. — Я вернулась и забрала его. Он до смерти боялся глюков. Я вижу, вы придумали кое-что, чтобы с ними расправиться. — Она кивнула в сторону его ловушки для глюков, ожидавшей новую жертву. — Это очень изобретательно. Мне это не пришло в голову. Я просто убегала со всех ног. Инстинктивная паническая реакция.

— Ты Палмер, правда? — спросил, поколебавшись, Лео. — Я имею в виду — там, внутри.

— Возьмем, к примеру, средневековую док-

трину формы и содержания, — мягко сказала Моника. — По форме я ребенок, но по содержанию, так же как в случае облатки и вина…

— Ладно, — сказал Лео. — Ты Элдрич, я тебе верю. Но тем не менее это место мне не нравится. Эти глюки…

— Не обвиняй в этом чуинг-зет, — сказала девочка. — Это моя вина. Это творение моего разума, а не лишайника. Разве каждая Вселенная должна быть красивой? Мне нравятся глюки, в них есть что-то притягательное.

— Допустим, что я хотел бы создать свою собственную Вселенную, — сказал Лео. — Может быть, и во мне кроется какое-то зло, какая-то черта моей личности, о которой я ничего не знаю. В результате я сотворил бы нечто еще более отвратительное, чем ты.

С наборами Подружки Пэт дело, по крайней мере, ограничивалось тем, что было помещено в них заранее, как это отметил сам Элдрич. И поэтому они были более безопасны.

— Чем бы оно ни было, его можно было бы ликвидировать, — безразличным тоном сказала девочка, — если бы ты обнаружил, что это тебя не устраивает. А если устроит… — она пожала плечами, — тогда можешь оставить. Почему бы и

нет? Кому это мешает? Ты один в своей… — Она внезапно замолчала, закрыв рот рукой.

— Один, — сказал Лео. — Ты хочешь сказать, что каждый переносится в свою Вселенную? Значит, это не так, как с наборами, когда каждый из группы принимающих кэн-ди переносится в мир набора; мужчины становятся Уолтом, женщины — Подружкой Пэт. Однако это означает, что тебя здесь нет.

«Или, — подумал он, — что меня здесь нет. Однако в таком случае…»

Девочка внимательно смотрела на него, пытаясь оценить его реакцию.

— Мы не принимали чуинг-зет, — спокойно сказал Лео. — Все это результат гипноза. Полностью воображаемая псевдообстановка. Мы и шагу не сделали из исходной точки. Мы так и находимся в твоих владениях на Луне. Чуинг-зет не создает никакого нового мира, и ты это хорошо знаешь. Он не вызывает никакого настоящего перевоплощения. Это одна сплошная галлюцинация.

Девочка молчала, не отрывая взгляда от Лео. Она смотрела на него, не мигая, холодными темными глазами.

— Ну продолжай, Палмер, — сказал Лео. — Как на самом деле действует чуинг-зет?

— Я тебе говорил, — хриплым голосом ответила девочка.

— Это в еще меньшей степени реально, чем мир Подружки Пэт после приема нового наркотика. И остается еще открытым вопрос, что лучше — подлинность переживаний или сложность галлюцинаций. Думаю, что, бесспорно, первое.

— Это не галлюцинация, — сказала девочка. — И лучше поверь в это, в противном случае ты не выберешься из этого мира живым.

— В вымышленном мире невозможно умереть, — сказал Лео. — Так же как нельзя второй раз родиться. Я возвращаюсь в «Наборы П. П.». — Он снова начал подниматься по лестнице.

— Ну что ж, иди, — отозвалась девочка за его спиной. — Меня это совершенно не волнует. Подожди немного и увидишь, чем все это кончится.

Лео поднялся по лестнице и прошел через светящееся облако.

Его захлестнул поток ослепительного, горячего солнечного света, он отскочил с улицы в тень ближайшего подъезда.

Его заметило реактивное такси и спустилось с крыши близлежащего небоскреба.

— Едем, сэр? — спросил автомат. — Лучше быть в помещении. Уже почти полдень.

С трудом ловя воздух, почти задыхаясь, Лео сказал:

— Да, спасибо. Отвези меня в «Наборы П. П.».

Он с трудом забрался в такси и сразу же вытянулся в кресле, наслаждаясь прохладой, которую обеспечивала термозащита машины.

Вскоре такси приземлилось на посадочной площадке главного здания его фирмы.

Войдя в приемную, он сказал мисс Глисон:

— Немедленно свяжитесь с Майерсоном и выясните, почему он ничего не сделал, чтобы спасти меня.

— Спасти вас? — испуганно спросила мисс Глисон. — Что случилось, мистер Булеро?

Она пошла следом за ним в кабинет.

— Где вы были и каким образом…

— Вызовите ко мне Майерсона.

Он с облегчением сел за свой стол. К черту Палмера Элдрича, подумал он и полез в ящик за любимой английской трубкой и полуфунтовой банкой голландского табака.

Он разжигал трубку, когда открылась дверь и появился Барни Майерсон, выглядевший усталым и слегка обалдевшим.

— Ну? — спросил Лео, энергично раскуривая трубку.

— Я… — начал Барни и повернулся к мисс Фьюгейт, которая вошла следом. Он сделал неопределенный жест, снова повернулся к Лео и сказал: — Во всяком случае, вы вернулись.

— Конечно, вернулся. Я построил себе лестницу. Ты не хочешь мне рассказать, почему ты и пальцем не пошевелил? Думаю, что не хочешь. Однако, как я понимаю, обошлось без твоей помощи. Теперь я уже кое-что знаю об этом новом продукте, чуинг-зет. Он определенно хуже, чем кэн-ди. Могу это заявить с чистой совестью. Без всяких сомнений можно сказать, что он вызывает галлюцинации. Теперь к делу. Элдричу удалось убедить ООН в том, что чуинг-зет вызывает настоящее перевоплощение, что соответствует религиозным убеждениям большей половины членов Генеральной Ассамблеи, в том числе этого индийского вонючки Хепберн-Гилберта. Это обман, поскольку чуинг-зет подобным действием не обладает. Однако худшее свойство чуинг-зет — это его солипсизм. Принимая кэн-ди, ты делишься своими переживаниями с другими… — Он замолчал, а потом раздраженно спросил: — В чем дело, мисс Фьюгейт? На что вы так уставились?

— Извините, мистер Булеро, — пробормотала Рони Фьюгейт, — но у вас под столом какое-то

существо.

Лео наклонился и заглянул под стол.

Из щели между основанием стола и полом вылезло нечто и посмотрело на него немигающими зелеными глазами.

— Убирайся отсюда! — рявкнул Лео и сказал Барни: — Найди какую-нибудь линейку или щетку, чтобы его прогнать.

Барни вышел из кабинета.

— Черт с ним, мисс Фьюгейт, — сказал Лео, затягиваясь. — Я даже думать не хочу, что это может быть и что это означает.

Поскольку это могло означать, что Элдрич — в лице маленькой Моники — был прав, говоря: «Меня это совершенно не волнует. Подожди немного и увидишь, чем все это кончится».

Существо выползло из-под стола и побежало к двери. Там оно пролезло в щель по дверью и исчезло.

Оно было еще хуже, чем глюк. Лео хватило всего лишь одного взгляда, чтобы понять это.

— Ну вот и все, — сказал он. — Мне очень жаль, мисс Фьюгейт, но вы можете возвращаться к себе. Нет никакого смысла дискутировать о том, какие действия следует предпринять в связи с неизбежным появлением чуинг-зет на рынке.

Ведь, в сущности, я ни с кем не разговариваю, просто сижу тут и болтаю сам с собой.

Он был подавлен. Он был полностью во власти Элдрича, который только что продемонстрировал ему реальную или, по крайней мере, видимую ценность чуинг-зет. Сам Лео принял галлюцинацию за действительность. Только кошмарное насекомое, созданное — намеренно — Палмером Элдричем, открыло ему истину.

«Если бы не это, — подумал Лео, — я мог бы застрять здесь навсегда. Провести всю жизнь, как сказал Элдрич, в этой эрзац-Вселенной. Боже мой, — подумал он, — Палмер меня победил».

— Мисс Фьюгейт, — сказал Лео, — не стойте здесь, пожалуйста. Возвращайтесь в свой кабинет.

Он встал, подошел к холодильнику и налил себе минеральной воды в бумажный стаканчик. Нереальное тело пьет нереальную воду, подумал он. На глазах нереальной сотрудницы.

— Мисс Фьюгейт, — спросил он, — вы в самом деле любовница Майерсона?

— Да, мистер Булеро, — кивнула мисс Фьюгейт. — Я вам уже говорила.

— И не хотите быть моей, — покачал головой Лео. — Поскольку я слишком старый и слишком

эволюционировал. Вы знаете… а впрочем, не знаете, — что в этой Вселенной у меня есть кое-какие возможности. Я мог бы сменить свое тело, стать молодым.

«Или, — подумал он, — сделать тебя старой. Как бы тебе это понравилось?»

Он выпил воду и швырнул стаканчик в мусоропровод. Не глядя на мисс Фьюгейт, он подумал: «Вы в моем возрасте, мисс Фьюгейт. Даже старше. Ну да, вам сейчас около девяноста двух лет. По крайней мере, в этом мире. Ты здесь постарела… время побежало для тебя быстрее, поскольку ты мне отказала, а я не люблю, когда мне отказывают. Тебе даже больше, чем сто лет, — продолжал думать Лео, — и ты старая, сморщенная, худая, беззубая и слепая. Ты чудовище».

За его спиной послышался тихий, хриплый стон. Дрожащий, писклявый голосок, будто крик перепуганной птицы:

— О, мистер Булеро…

«Я передумал, — подумал Лео. — Ты такая же, как прежде, я все возвращаю обратно, ладно?»

Он обернулся и увидел Рони Фьюгейт, вернее, нечто стоящее там, где он только что видел ее. Худая, морщинистая, едва держащаяся на ногах фигура… он увидел лицо, ввалившиеся щеки и

глаза, напоминавшие два сгустка белой слизи, из которых сочились клейкие, тягучие слезы, — глаза, которые пытались умолять, но не могли, поскольку не в состоянии были его увидеть.

— Ты такая же, какая была, — хрипло сказал Лео и зажмурился. — Скажи мне, когда все будет в порядке.

Шаги. Мужские. Барни возвращается в кабинет.

— Боже мой, — сказал Барни, останавливаясь.

— Она еще не такая, как раньше? — спросил Лео, не открывая глаз.

— Она? Где Рони? Что это?

Лео открыл глаза. Это была не Рони Фьюгейт, даже не ее столетнее подобие. Это была лужа какой-то непонятной жидкости, которая жила своей собственной жизнью, и в ней плавали какие-то серые, острые обломки.

Густая, тягучая слизь медленно вытянулась, потом задрожала и сжалась. Куски твердого серого вещества в ее середине соединились, образовав шарообразную выпуклость со спутанными зелеными прядями волос на макушке. Обрисовались неясные очертания глазниц — пустых. Возникал череп чего-то, чему лишь предстояло стать живым существом. Подсознательное желание

Лео, чтобы девушка испытала самые жуткие стороны процесса эволюции, вызвало к жизни это чудовище.

Челюсти, клацнув, открылись и закрылись, как будто ими управляли невидимые веревочки. Плавая по поверхности лужи, череп проквакал:

— Видите ли, мистер Булеро, она так долго не прожила. Вы об этом не подумали.

Голос принадлежал явно не Рони Фьюгейт, а Монике — хотя он и плохо его помнил; голос доносился как будто из-за толстой стены.

— Вы заставили ее преодолеть столетний рубеж, а она доживет только до семидесяти. Так что она была мертва уже тридцать лет, но вы приказали ей жить. Вы этого хотели. А что еще хуже… — беззубые челюсти клацнули, а лишенные глаз глазницы неподвижно смотрели на него, — она эволюционировала не при жизни, а в земле.

Череп замолчал, после чего медленно развалился, его куски снова плавали по поверхности лужи.

Некоторое время спустя Барни сказал:

— Забери нас отсюда, Лео.

— Эй, Палмер! — сказал Лео. Он не владел своим голосом, его трясло от страха. — Эй, слышишь? Я сдаюсь, действительно сдаюсь.

Ковер в кабинете сгнил под его ногами, превратившись в кашу, после чего выпустил живые, зеленые ростки. Лео обнаружил, что это трава. Стены и потолок рухнули и рассыпались в пыль — дождь бесшумно осыпающегося пепла. Над головой Лео появилось голубое спокойное небо.

Сидя на траве с тростью в руке и чемоданчиком — доктором Смайлом — рядом с ней, Моника сказала:

— Может быть, вы хотели, чтобы мистер Майерсон остался? Я решила, что нет. Я позволила ему уйти вместе с остальными, которых вы создали. Все в порядке? — Она улыбнулась.

— В порядке, — сдавленно сказал он.

Оглядываясь вокруг, он видел теперь только зеленую равнину. Даже пыль, из которой еще недавно состояли «Наборы П. П.», здание фирмы и ее персонал, исчезла, оставив лишь тонкий слой на его руках и пиджаке; он задумчиво стряхнул ее.

— Из праха ты возник, человек, — сказала Моника, — и в прах…

— Понятно! — громко сказал он. — Я все понимаю, можешь не разжевывать. Значит, все это было нереально — ну и что? Ты доказал свое, Элдрич, пусть будет так; ты можешь здесь сделать

все, что хочешь, а я — ничто, я только фантом.

Он почувствовал глубокую ненависть к Палмеру Элдричу.

«Если только мне когда-нибудь удастся отсюда выбраться, — подумал он, — если мне удастся сбежать, ты, выродок…»

— Ну-ну, — сказала девочка, в глазах ее плясали искорки. — Вы не будете здесь больше употреблять такие слова, действительно не будете, потому что я вам не позволю. Я даже не скажу, что я сделаю, если вы не перестанете, но вы меня знаете, мистер Булеро. Правда?

— Правда, — ответил Лео.

Он отошел на несколько шагов, достал платок и вытер пот со лба, шеи и углубления чуть пониже адамова яблока, которое всегда так трудно было выбрить.

«Господи, — подумал он, — помоги мне. Поможешь? Если ты это сделаешь, если тебе удастся добраться до этого мира, я сделаю все, что ты пожелаешь. Я не просто напуган, я болен. Это убьет мое тело, даже если это только фантом тела, творение эктоплазмы».

Он согнулся пополам, и его вырвало на траву. Это продолжалось долго — ему казалось, что долго, — а потом он почувствовал себя лучше.

Ему удалось повернуться и медленно подойти к девочке, сидевшей рядом с чемоданчиком.

— Условия, — бесстрастно сказала девочка. — Мы разработаем подробную систему взаимоотношений между твоей фирмой и моей. Мы нуждаемся в твоей прекрасной сети спутников, в транспортной системе, состоящей из современных межпланетных кораблей, в твоих многочисленных плантациях на Венере; нам нужно все, Булеро. Мы будем разводить лишайники там, где ты сейчас выращиваешь кэн-ди, перевозить их на тех же кораблях, продавать колонистам с помощью тех же опытных торговцев, услугами которых пользуешься ты, рекламировать их с помощью таких профессионалов, как Аллен и Шарлотта Фейн. Кэн-ди и чуинг-зет не будут конкурировать друг с другом, поскольку будет лишь один продукт — чуинг-зет. Скоро ты объявишь, что оставляешь дело. Ты понял меня, Лео?

— Наверняка, — сказал Лео. — Я не глухой.

— Ты сделаешь это?

— Ладно, — сказал Лео. И бросился на девочку.

Он схватил ее за горло и сжал. Она смотрела ему прямо в лицо, надув губы, но не говоря ни слова, не пытаясь вырываться, царапаться или сопротивляться. Он душил ее так долго, что ему

показалось, будто его руки приросли к ее шее навсегда, словно кривые корни какого-то старого, больного, но все еще живого растения.

Когда он отпустил ее, она была мертва. Ее тело наклонилось вперед, потом изогнулось и упало на бок, вытянувшись на траве. Никакой крови. Даже никаких следов борьбы, кроме темно-красных пятен на шее.

Он встал, думая: «Неужели я это сделал? Действительно ли он — она или оно, что бы это ни было, — мертво?»

Однако вымышленный мир продолжал существовать. Лео надеялся, что он исчезнет вместе с его — Элдрича — смертью.

Озадаченный, он стоял, не двигаясь с места, принюхиваясь и прислушиваясь к далекому шуму ветра. Ничего не изменилось, кроме того, что девочка умерла. Почему? Где была ошибка в его рассуждениях? Невероятно, но он ошибся.

Он наклонился и включил доктора Смайла.

— Объясни, в чем дело, — потребовал он.

— Здесь вы его убили, мистер Булеро, — послушно объяснил металлический голос Смайла. — Но на Луне…

— Ладно, — грубо перебил его Лео. — Скажи, как мне отсюда выбраться. Как мне вернуться

на Луну и… — Он пожал плечами. — Ты знаешь, что я имею в виду. Как мне вернуться к действительности?

— В данный момент, — объяснил доктор Смайл, — Палмер Элдрич, весьма обеспокоенный и рассерженный, вводит вам в вену препарат, снимающий действие ранее введенного чуингзет. Вы скоро вернетесь.

Потом добавил:

— Естественно, понятие «скоро» относится к течению времени в вашем мире. Что касается этого мира, — захихикал он, — то здесь это может продолжаться достаточно долго.

— Как долго?

— О, это могут быть годы, — сказал доктор Смайл. — Однако вполне возможно, что и нет. Дни? Месяцы? Ощущение времени субъективно, так что посмотрим, как это ощутите вы.

Присев рядом с телом девочки, Лео устало вздохнул, опустил голову, коснувшись подбородком груди, и приготовился долго ждать.

— Я составлю вам компанию, — сказал доктор Смайл, — если мне это удастся. Однако боюсь, что без оживляющего присутствия мистера Элдрича… — Лео почувствовал, что металлический голос слабеет и говорит все медленнее. — Ничто

не сохранит этого мира, — тихо сказал чемоданчик, — кроме мистера Элдрича. Так что боюсь, что… — Голос умолк.

Наступила тишина. Стих даже шум ветра.

«Как долго?» — спрашивал себя Лео.

Потом он подумал о том, не удастся ли что-нибудь сделать, как раньше.

Вдохновенно жестикулируя и размахивая руками, словно дирижер, он попытался сотворить в воздухе реактивное такси.

Наконец появились нечеткие очертания машины, но они оставались нематериальными — бесцветными, почти прозрачными. Лео встал, подошел ближе и еще раз попытался изо всех сил. В какое-то мгновение, казалось, такси начало приобретать цвет и реальную форму. Внезапно все кончилось, и оно развалилось на куски, будто пустая хитиновая скорлупа. Бесформенные, в лучшем случае двумерные обломки разлетелись во все стороны. Лео повернулся и угрюмо пошел прочь.

«Ну и дрянь», — с отвращением подумал он.

Он шел все дальше, без всякой цели. В какой-то момент он заметил в траве какое-то мертвое существо. Он осторожно подошел ближе.

«Вот, — подумал он, — окончательное доказа-

тельство того, что я сделал».

Он пнул носком ботинка мертвого глюка. Ботинок прошел его насквозь, и Лео с отвращением отдернул ногу.

Он пошел дальше, сунув руки глубоко в карманы и закрыв глаза. Желание, сначала неясное, теперь оформилось окончательно.

«Я доберусь до него в настоящем мире, — подумал он. — Не только здесь, но и там, где об этом будет написано в газетах. Не ради себя, не ради того, чтобы спасти „Наборы П. П.“ и торговлю кэн-ди, но…»

Он знал, ради чего. Ради всего человечества. Поскольку Палмер Элдрич — пришелец, захватчик и мы все так кончим, в мире мертвых предметов, которые являются не чем иным, как случайно выбранными фрагментами целого. Вот оно, «перевоплощение», обещанное Хепберн-Гилберту.

Какое-то время он бродил вокруг, постепенно возвращаясь к чемоданчику, который был доктором Смайлом.

Кто-то склонился над чемоданчиком. Человек или почти человек.

Увидев Лео, существо резко выпрямилось. Захваченное врасплох, оно уставилось на него,

блеснув лысиной, потом подпрыгнуло и бросилось прочь.

Прокс.

Глядя вслед убегающему существу, Лео подумал, что кусочки головоломки наконец сложились вместе. Палмер Элдрич населил свой мир такими созданиями. Он все еще был с ними сильно связан, даже теперь, по возвращении в родную систему. То, что появилось сейчас, позволило заглянуть в самые глубокие уголки души Элдрича, который мог и не отдавать себе отчета в том, что населил воображаемый мир проксами, присутствие которых могло оказаться неожиданностью и для него.

Разве что это действительно была система Проксимы.

Может быть, стоило пойти следом за тем проксом.

Лео так и сделал. Он шел, казалось, много часов, но никого не заметил: травянистая равнина была пуста до самого горизонта. Наконец он увидел впереди какой-то предмет. Он поспешил к нему и вдруг оказался перед стоящим кораблем.

Лео остановился, удивленно разглядывая его. Это наверняка был не земной корабль, но это не был и корабль проксов.

Он просто не принадлежал ни к одной из двух систем.

Точно так же и два лежащих рядом с ним существа не были ни землянами, ни проксами; он никогда таких прежде не видел. Высокие, худые, с тонкими конечностями и гротескными яйцевидными головами, которые даже с этого расстояния казались удивительно хрупкими. Высокоразвитая раса, оценил Лео, однако родственная землянам, — они были больше похожи на них, чем на проксов.

Он подошел к ним, подняв руку в приветственном жесте.

Одно из двух существ повернулось в его сторону. Заметив его, оно разинуло рот и толкнуло локтем товарища. Оба вытаращили глаза. Наконец первый сказал:

— Боже мой, Алек, это одна из древних форм. Ну, знаешь, недочеловек.

— Да, — согласился второй.

— Подождите, — сказал Лео. — Вы говорите на земном языке, на английском двадцать первого века, — значит, вы должны были уже раньше видеть землянина.

— Землянина? — удивился тот, кого назвали Алеком. — Это мы земляне. А ты кто, черт побери?

Ошибка природы, вымершая много веков назад, вот кто. Ну, может быть, не много веков, но все равно очень давно.

— Вероятно, где-то здесь сохранилась какая-то популяция этих созданий, — заметил первый и спросил Лео: — Сколько здесь еще таких, как ты? Ну, иди сюда, приятель, мы ничего тебе не сделаем. У вас есть какие-нибудь женщины? Вы можете размножаться? — Потом сказал второму: — Это только так кажется, что прошли столетия. Надо просто помнить, что мы эволюционировали со скоростью сто тысяч лет за год. Если бы не Денкмаль, эти примитивные люди все еще…

— Денкмаль, — пробормотал Лео.

Значит, таков был конечный результат э-терапии. Его отделяли от них всего лишь десятилетия, однако, так же как и им, ему казалось, что между ними лежит пропасть в миллион лет. Он знал, что это лишь иллюзия, он сам мог выглядеть так же, пройдя курс терапии. Только у этих не было хитиновой оболочки, которая была одним из основных признаков эволюционировавших людей.

— Я бываю в его клинике, — сказал он. — Раз в неделю. В Мюнхене. Я эволюционирую, терапия проходит нормально.

Он подошел ближе и внимательно пригляделся к ним.

— А где хитиновая оболочка? — спросил он. — Чтобы защищаться от солнца?

— А, этот период мнимого потепления уже закончился, — сказал Алек. — Это была вина проксов, сотрудничавших с Ренегатом. Ну, ты знаешь. А может быть, и не знаешь.

— С Палмером Элдричем, — сказал Лео.

— Да, — кивнул Алек. — Однако мы до него добрались. Именно здесь, на этом спутнике. Теперь здесь святое место… Не для нас, а для проксов. Они тайком приходят сюда, чтобы поклониться. Видел кого-нибудь из них? У нас приказ задерживать каждого, кто нам попадется. Эта территория принадлежит ООН.

— Это спутник какой планеты? — спросил Лео.

Оба эволюционировавших землянина улыбнулись.

— Земли, — сказал Алек. — Это искусственный спутник. Он построен много лет назад и называется «Сигма четырнадцать-бэ». Неужели в твое время его не существовало? Должен был уже быть. Он действительно очень старый.

— Кажется, был, — сказал Булеро. — Значит, вы можете забрать меня на Землю?

— Конечно. — Оба землянина кивнули. — Собственно говоря, мы стартуем через полчаса. Мы возьмем тебя с собой — тебя и остальных из твоего племени. Только скажи, где вы живете.

— Я здесь один, — раздраженно сказал Лео, — и в любом случае я не из какого-то племени. Я вовсе не из доисторических времен.

Он думал о том, каким образом он оказался здесь, в будущем. А может быть, это тоже была галлюцинация, созданная мастером иллюзий Палмером Элдричем? Почему он должен был считать этих двоих более реальными, чем маленькая Моника, глюки или синтетические «Наборы П. П.», которые он посетил — посетил и видел, как здание рассыпалось в пыль? Это Палмер Элдрич придумывал будущее, это были творения его блестящей творческой мысли, в то время как он, Лео, ждал в его владениях на Луне, пока пройдет эффект внутривенной инъекции чуинг-зет. И ничего больше.

Собственно говоря, даже стоя там, он различал нечеткую линию горизонта за кораблем, который был чуть прозрачным, но вполне материальным. А эти двое эволюционировавших землян… Их очертания были слегка искажены; это напоминало ему период, когда он страдал астигматизмом,

пока ему не пересадили вполне здоровые глаза. Эти двое казались здесь чужими. Он протянул руку первому землянину.

— Я хотел бы пожать тебе руку, — сказал он.

Землянин Алек тоже протянул руку и улыбнулся. Рука Лео прошла сквозь руку Алека, как через воздух.

— Эй, — сказал Алек, нахмурившись и резко отдергивая руку. — В чем дело? Этот тип не настоящий, — сказал он своему товарищу, — чего и следовало ожидать. Он… как это называется? Которые жуют этот дьявольский наркотик, открытый Элдричем в системе Проксимы. Ах да: жевун. Он призрак. — Он со злостью посмотрел на Лео.

— В самом деле? — слабым голосом сказал Лео, понимая, что Алек прав. Тело Лео Булеро осталось на Луне, здесь его не было.

Но кто в таком случае создал этих двоих эволюционировавших землян? Может быть, это были не творения мысли Элдрича: может быть, они были настоящими? Тем временем Алек внимательно разглядывал его.

— Знаешь что? — сказал он своему товарищу. — Этот жевун кажется мне знакомым. Я уверен, что видел его фотографию в газетах. Как тебя зовут,

жевун? — обратился он к Лео, глядя на него еще более грозно и пристально.

— Лео Булеро.

Оба землянина подскочили от удивления.

— Эй! — крикнул Алек. — Ничего удивительного, что он показался мне знакомым. Это тот тип, который убил Палмера Элдрича! Ты герой, приятель, — сказал он Лео. — Могу поспорить, что ты ничего об этом не знаешь, поскольку ты только жевун. И ты вернулся сюда, на это историческое место, где…

— Он не вернулся, — перебил его товарищ. — Он из прошлого.

— Но он еще может вернуться, — сказал Алек. — Это его второе появление вне его собственного времени. Он вернулся… подожди, дай мне сказать, хорошо? — Он повернулся к Лео: — Ты вернулся сюда, на это место, потому что оно связано со смертью Палмера Элдрича. — Он повернулся и побежал к кораблю. — Я сообщу репортерам, — крикнул он, — может быть, они тебя сфотографируют! Дух с «Сигмы четырнадцать-бэ»! Теперь сюда действительно хлынут туристы. Подожди, — оживленно жестикулировал он, — может быть, дух Элдрича, его жевун, тоже здесь появится. Чтобы отомстить.

Эта последняя мысль его явно не обрадовала.

— Он уже вернулся, — сказал Лео.

Алек остановился, потом медленно подошел к нему.

— В самом деле? — Он беспокойно оглядывался по сторонам. — Где он? Где-то недалеко?

— Он мертв, — ответил Лео. — Я убил его. Задушил.

Он ничего не чувствовал, кроме страшной усталости. Как можно радоваться чьей-то смерти, особенно смерти ребенка?

— Они, должно быть, повторяют это целую вечность, — прошептал Алек, оглядываясь на него с восхищением и ужасом, и покачал своей большой яйцевидной головой.

— Я ничего не повторял, — сказал Лео. — Я сделал это впервые.

И подумал: «В действительности этого не было. Мне еще предстоит это сделать».

— Ты хочешь сказать, — начал Алек, — что…

— Мне еще предстоит это сделать, — сквозь зубы сказал Лео. — Однако один из моих консультантов-ясновидцев утверждает, что это произойдет уже скоро. Вероятно.

Это вовсе не было неизбежным, и он никогда об этом не забывал. Элдрич об этом тоже знал, что

полностью объясняло все его усилия. Таким способом Элдрич препятствовал — или по крайней мере надеялся, что препятствует, — собственной смерти.

— Идем со мной, — сказал Алек, — я покажу тебе памятник в честь этого события.

Лео неохотно пошел за землянами.

— Проксы, — бросил через плечо Алек, — постоянно пытаются… ну, ты знаешь. Обесчистить его.

— Обесчестить, — поправил его товарищ.

— Да, — кивнул Алек. — Вот он.

Он остановился.

Перед ними возвышалась внушительного вида имитация гранитной колонны. На уровне глаз к ней была прикреплена медная табличка. Зная, что совершает ошибку, Лео прочитал надпись:

НЕДАЛЕКО ОТ ЭТОГО МЕСТА В 2016 ГОДУ ВРАГ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ ПАЛМЕР ЭЛДРИЧ БЫЛ УБИТ В ЧЕСТНОМ БОЮ ГЕРОЕМ НАШИХ ДЕВЯТИ ПЛАНЕТ ЛЕО БУЛЕРО С ЗЕМЛИ

— Ого! — воскликнул Лео. Он прочитал еще раз. И еще. — Интересно, — вполголоса сказал он, — видел ли это Палмер?

— Если он жевун, — сказал Алек, — то наверня-

ка да. Чуинг-зет вызывает эффект, который сам Элдрич назвал «временны́м эхом». Вот почему ты здесь, в точке, отстоящей на годы от момента твоей смерти. Мне кажется, что ты уже умер. Лео Булеро уже умер? — спросил он своего товарища.

— Конечно, черт возьми, — ответил тот. — Уже несколько десятилетий назад.

— Кажется, я читал… — начал Алек и замолчал, глядя на что-то за спиной Лео. Он толкнул локтем товарища. Лео тоже обернулся.

К ним приближался худой, неопрятного вида белый пес.

— Твой? — спросил Алек.

— Нет.

— Он выглядит как пес-жевун, — сказал Алек. — Смотри, он чуть просвечивает.

Все трое смотрели на пса, который подошел к ним и направился к памятнику.

Алек поднял камень и швырнул в пса. Камень пролетел сквозь него и упал на траву. Это был действительно пес-жевун.

На глазах всех троих пес остановился перед памятником, казалось, какое-то время разглядывал медную табличку, а потом…

— Осквернитель! — заорал Алек, покраснев от ярости. Он побежал к псу, размахивая руками

и пытаясь пнуть его ногой, потом потянулся к лазерному пистолету у пояса, но никак не мог расстегнуть кобуру.

— Это Палмер Элдрич, — сказал Лео.

Элдрич демонстрировал свое презрение к памятнику и отсутствие страха за свое будущее. Такого памятника никогда не будет. Пес не спеша удалился, провожаемый яростными проклятиями обоих эволюционировавших землян.

— Ты уверен, что это не твой пес? — подозрительно спросил Алек. — Насколько я знаю, ты здесь единственный жевун. — Он смерил его взглядом.

Лео пытался ответить, объяснить им, что произошло. Было важно, чтобы они это поняли. Внезапно, без всякого предупреждения, оба исчезли; травянистая равнина, памятник, удаляющийся пес — все перестало существовать, как будто кто-то выключил устройство, которое их создало и поддерживало их жизнь. Он видел только пустое белое пространство, светящуюся бездну, будто из голографического проектора вынули пластинку.

«Это свет, — подумал он, — который вызывает явление, именуемое нами действительностью».

Вдруг он обнаружил, что сидит в пустой комна-

те у Палмера Элдрича на Луне, напротив стола и стоявшего на нем электронного устройства. Это устройство или аппарат — чем бы оно ни было — сказало:

— Да, я видел памятник. Он существует в сорока пяти процентах вариантов будущего. Это меньше одного шанса из двух, так что меня это не слишком волнует. Угощайся. — Устройство еще раз протянуло ему зажим с сигарой.

— Нет, — сказал Лео.

— Я собираюсь тебя отпустить, — сказало устройство, — на какое-то время, скажем на двадцать четыре часа. Можешь вернуться в свой кабинетик в своей убогой фирме на Земле, а когда ты там окажешься, я хочу, чтобы ты хорошо подумал. Ты уже познал силу чуинг-зет. Ты понимаешь, что твой допотопный продукт кэн-ди не может с ним конкурировать. Более того…

— Дерьмо, — сказал Лео. — Кэн-ди во много раз лучше.

— Ну подумай, — убеждал электронный прибор.

— Хорошо, — сказал Лео.

Он с трудом встал. В самом ли деле он побывал на искусственном спутнике Земли под названием «Сигма 14-Б»? Это была задача для Феликса

Блау, этим займутся эксперты. Сейчас об этом не было смысла беспокоиться, сейчас его волновали другие проблемы. Ему все еще не удалось освободиться из рук Палмера Элдрича.

Он мог освободиться лишь тогда — если вообще мог, — когда Элдрич захочет его отпустить. Такова была реальность, хотя согласиться с ней было необычайно трудно.

— Я хотел бы обратить твое внимание на тот факт, — сказало устройство, — что я проявил к тебе милость, Лео. Я мог бы, скажем так, поставить точку в той фразе, которая включает в себя твою довольно короткую жизнь. И я могу сделать это в любой момент. В связи с этим я надеюсь, что ты очень серьезно отнесешься к моему предложению, и настаиваю на этом.

— Я уже сказал, что подумаю, — ответил Лео.

Ему было немного не по себе, как будто он выпил слишком много кофе; хотелось как можно скорее уйти. Он открыл дверь и оказался в коридоре. Когда он начал закрывать за собой дверь, электронная игрушка сказала:

— Если ты не примешь моего предложения, Лео, я не буду ждать. Я убью тебя. Мне придется это сделать, чтобы спасти себя. Понял?

— Понял, — ответил Лео и закрыл за собой

дверь.

«И я тоже, — подумал он. — Должен тебя убить… Почему мы оба не можем выражаться иносказательно, например так, как говорят о животных: усыпить?

И мне придется это сделать для того, чтобы спасти не только себя, но и все человечество, и в этом мое оправдание. Я должен это сделать хотя бы ради тех двоих эволюционировавших солдат, которых я встретил у памятника. Чтобы им было что охранять».

Он медленно шел по коридору. В другом его конце стояла группа репортеров. Значит, они еще не улетели, даже еще не взяли интервью — времени прошло немного. Так что в этом отношении Палмер был прав.

Присоединившись к репортерам, Лео расслабился и почувствовал себя значительно лучше. Может быть, теперь ему удастся уйти. Может быть, Палмер Элдрич в самом деле собирается его отпустить. Он будет жить и снова дышать, видеть и пить в настоящем мире.

Однако где-то в глубине подсознания он знал, что это не так. Элдрич никогда бы его не отпустил, сначала один из них должен был погибнуть.

Лео надеялся, что это будет не он. Однако,

несмотря на памятник, у него было жуткое предчувствие, что он может проиграть.

Глава 7

Дверь в кабинет Барни Майерсона распахнулась, и на пороге появился Лео Булеро, сгорбленный от усталости и покрытый дорожной пылью.

— Ты не пытался мне помочь.

— Да, не пытался, — не сразу ответил Барни. Не было смысла объяснять почему — не из-за того, что Лео не в состоянии был понять или поверить, но из-за самой причины. Ее было просто недостаточно.

— Ты уволен, Майерсон, — сказал Лео.

— Ну что ж, хорошо.

«По крайней мере, я жив, — подумал Барни. — А если бы я полетел за Лео, я был бы уже мертв».

Негнущимися пальцами он начал собирать со стола свои вещи и бросать их в пустую коробку из-под образцов.

— Где мисс Фьюгейт? — спросил Лео. — Она займет твое место.

Он подошел ближе к Барни и испытующе взглянул на него:

— Почему ты не прилетел и не освободил меня? Назови, черт возьми, хоть какую-нибудь причину, Барни.

— Я заглянул в будущее. Это мне слишком дорого бы стоило. Это стоило бы мне жизни.

— Но ведь тебе незачем было лететь самому. У нас большая фирма. Ты мог набрать несколько человек, послать их, а сам мог остаться здесь.

Это было действительно так. А он о такой возможности даже не подумал.

— Значит, — продолжал Лео, — ты, видимо, хотел, чтобы со мной что-то случилось. Другого объяснения я не вижу. Может быть, ты сделал это подсознательно.

— Наверное, да, — согласился Барни.

Ведь он действительно не отдавал себе в этом отчета. Как бы то ни было, Лео был прав: разве иначе он не взял бы на себя ответственность, не позаботился бы о том, чтобы — как предлагал Блау — отправить на Луну отряд вооруженных сотрудников «Наборов П. П.»? Теперь это казалось таким простым и таким очевидным.

— Это было что-то страшное — то, что я пережил у Палмера Элдрича, — сказал Лео. — Это какой-то злой волшебник. Он проделывал со мной такое, что ни тебе, ни мне и не снилось. Например, он превратился в маленькую девочку, показал мне будущее — хотя, может быть, и неумышленно, — создал целую Вселенную вместе со страшным

зверем под названием «глюк», иллюзорным Нью-Йорком, тобой и Рони. Ну и дрянь! — Он потряс головой. — Куда ты собираешься пойти?

— Есть только одно место, куда я могу отправиться.

— Куда? — выжидающе посмотрел на него Лео.

— Только одному человеку может теперь пригодиться мой дар ясновидения.

— Значит, ты мой враг!

— Да. Можешь так считать.

Он готов был согласиться с мнением Лео, с тем, как тот отнесся к его бездействию.

— До тебя я тоже доберусь, — сказал Лео. — Вместе с этим чокнутым волшебником, так называемым Палмером Элдричем.

— Почему «так называемым»? — Барни быстро взглянул на него, перестав собирать вещи.

— Потому что я все больше убежден, что он — не человек. Я ни разу не видел его собственными глазами, кроме тех минут, когда я был под действием чуинг-зет, а все остальное время он общался со мной с помощью электронного устройства.

— Интересно, — сказал Барни.

— Правда? А ты настолько продажен, что собираешься пойти и устроиться в его фирму.

Несмотря на то что он может оказаться паршивым проксом или чем-то еще хуже, какой-нибудь чертовщиной, которая проникла на его корабль, когда он летел на Проксиму или обратно, сожрала его и заняла его место. Если бы ты видел этих глюков…

— Так не вынуждай меня к этому! — крикнул Барни. — Не выбрасывай меня на улицу.

— Не могу. После того как ты провалил свой экзамен на лояльность, не могу. — Лео отвел взгляд и судорожно сглотнул. — Мне бы очень хотелось не думать о тебе столь плохо, но… — Он бессильно сжал кулаки. — Это было отвратительно. Ему удалось меня сломить. А потом я наткнулся на двоих эволюционировавших землян, и это мне помогло. Пока не появился Элдрич в облике пса, который помочился на памятник. — Лео скривился. — Должен сказать, что он весьма убедительно выразил свое к нему отношение. Трудно было не ощутить его презрения. — Как бы про себя он добавил: — Он верит, что выиграет, что ему нечего бояться, даже после того, как он видел надпись на памятнике.

— Пожелай мне счастья, — сказал Барни.

Он протянул руку. Они обменялись коротким ритуальным рукопожатием, и Барни вышел из

кабинета в приемную, а потом в коридор. Он чувствовал себя опустошенным, набитым каким-то лишенным вкуса и запаха материалом вроде соломы. Ничего больше.

Пока он стоял в ожидании лифта, его догнала Рони Фьюгейт, запыхавшаяся, с озабоченным выражением на лице.

— Барни… он тебя выгнал?

Барни кивнул.

— О, дорогой, — сказала она. — И что теперь?

— Теперь, — ответил он, — я перехожу на сторону противника. Хорошо это или плохо, но выбирать не из чего.

— Но как мы сможем дальше жить вместе, если я буду работать у Лео, а ты…

— Понятия не имею, — сказал Барни. Подошел лифт, и он вошел внутрь. — Пока, — сказал он и нажал кнопку; двери закрылись, отгородив его от Рони.

«Увидимся в том месте, которое неохристиане называют адом, — подумал он. — Вряд ли раньше. Разве что здесь уже ад, что весьма правдоподобно».

Спустившись вниз, он вышел из здания «Наборов П. П.» и встал под термозащитным козырьком, ища взглядом такси. Когда такси появилось

и он направился к нему, кто-то окликнул его по имени. Это была Рони.

— Подожди, Барни.

— Ты с ума сошла, — сказал он. — Возвращайся. Не бросай свою многообещающую карьеру ради того, что от меня осталось.

— Мы собирались работать вместе, помнишь? — сказала Рони. — Чтобы, как я тогда выразилась, предать Лео. Почему мы не можем сотрудничать и дальше?

— Все изменилось. Из-за моего болезненного нежелания — или неспособности, или называй как хочешь, — отправиться на Луну и оказать ему помощь.

Он чувствовал безразличие к собственной персоне, будущее которой рисовалось отнюдь не в радужном свете.

— Боже мой, ведь ты на самом деле не хочешь остаться со мной, — сказал он девушке. — Когда-нибудь ты можешь угодить в переплет, тебе может потребоваться моя помощь, а я наверняка сделаю в точности то же самое, что я сделал в отношении Лео. Позволю тебе утонуть, не пошевелив и пальцем.

— Ведь речь шла о твоей…

— Об этом всегда идет речь, — заметил он, —

когда что-то делаешь. Это название комедии, а мы в ней актеры.

Это его не оправдывало, по крайней мере в собственных глазах. Он сел в такси, машинально назвал адрес и откинулся в кресле, пока машина поднималась в раскаленное добела небо. Далеко внизу под термозащитным козырьком стояла Рони, глядя из-под руки вслед удаляющемуся такси. Она явно надеялась, что он передумает и вернется.

Однако он этого не сделал.

«Требуется определенная смелость, — думал он, — чтобы посмотреть себе в глаза и сказать: я ни на что не годен. Я совершил зло и совершу его снова. Это не случайность, таково мое истинное „я“».

Наконец такси начало снижаться. Он полез в карман за бумажником и с удивлением обнаружил, что это не его дом. В панике он пытался сообразить, где находится. Внезапно он понял. Это был дом 492. Он назвал адрес Эмили.

Вот так! Назад в прошлое. Туда, где вещи имели смысл.

«Когда я делал карьеру, — подумал он, — когда я знал, чего хочу, знал даже в глубине души, что я готов отдать, от чего отказаться, чем пожертво-

вать… и ради чего. А теперь…»

Теперь он пожертвовал своей карьерой, чтобы — как он считал — спасти жизнь. Также как когда-то он пожертвовал Эмили, чтобы спасти свою жизнь, — это было так просто. Не было ничего проще. Это был не идеализм и не долг, вытекающий из пуританских, кальвинистских убеждений. Это был лишь инстинкт, как у самого примитивного червяка.

«Господи! — подумал он. — Я сделал это: сначала я бросил Эмили, а теперь Лео. Что я за человек? А следующей — и я был достаточно честен, чтобы об этом сказать, — была бы Рони. Неизбежно.

Может быть, — подумал он, — Эмили сумеет мне помочь. Может быть, поэтому я здесь. Она всегда прекрасно разбиралась в таких делах, она видела меня насквозь в тумане самооправданий, которыми я себя окружил, чтобы не замечать мрачной действительности. Что, естественно, лишь склоняло меня к тому, чтобы от нее избавиться. Честно говоря, для такого, как я, уже это само по себе было достаточным поводом. Однако, может быть, сейчас я буду в состоянии это вынести».

Минуту спустя он уже звонил у дверей Эмили.

«Если она сочтет, что я должен присоединиться

к Палмеру Элдричу, я так и сделаю, — подумал он. — А если нет, то нет. Однако она и ее муж работают на Элдрича. Как они могли бы, сохраняя лояльность к нему, отговорить меня от этого? Значит, это уже решено. И может быть, я прекрасно об этом знал».

Дверь открылась. Эмили удивленно посмотрела на него широко открытыми глазами. На ней был синий халат, запачканный засохшей и мокрой глиной.

— Привет, — сказал он. — Лео меня уволил.

Он подождал, но она ничего не ответила.

— Можно войти? — спросил он.

— Да.

Она впустила его в квартиру. Посреди комнаты, как и прежде, стоял огромный гончарный круг.

— Я как раз лепила. Рада тебя видеть, Барни. Если хочешь чашечку кофе, тебе придется…

— Я пришел к тебе за советом, — сказал Барни. — Однако теперь я понял, что это ни к чему.

Он подошел к окну, поставил свою набитую коробку и выглянул наружу.

— Тебе не помешает, если я снова займусь делом? У меня была хорошая идея, по крайней мере, она казалась мне хорошей. — Эмили потерла лоб, а потом закрыла руками глаза. — Сейчас я уже

не уверена… и я так устала. Я думаю о том, не связано ли это с э-терапией.

— Эволюционная терапия? Ты прошла ее?

Он повернулся и внимательно посмотрел на Эмили. Изменилась ли она физически?

Ему казалось — хотя, наверное, просто оттого, что он так долго ее не видел, — что черты ее лица стали грубее.

Это возраст, подумал он. Однако…

— И как идут дела? — спросил он.

— Ну, пока у меня был только один сеанс. Однако, ты знаешь, я так плохо соображаю. Не могу собраться с мыслями, все идеи перепутались.

— Думаю, лучше будет, если ты откажешься от этой терапии. Даже если это предел мечтаний, даже если это делает каждый, кто хоть что-то из себя представляет.

— Может быть, ты и прав. Но они так довольны. Ричард и доктор Денкмаль.

Она знакомым движением опустила голову.

— Они бы знали, если бы что-то было не в порядке, правда?

— Этого никто не знает. Это слишком мало исследованная область. Кончай с этим. Ты всегда позволяла, чтобы тобой командовали.

Он сказал это повелительным тоном, как и

несчетное множество раз за те годы, что они провели вместе, — как правило, это давало неплохой результат, хотя и не всегда.

На этот раз не удалось. Он видел угрюмое выражение ее глаз и сжатые зубы.

— Я думаю, что это зависит только от меня, — с достоинством сказала она. — И я намерена продолжать.

Он пожал плечами и начал ходить по квартире. Он не мог повлиять на Эмили, но его это и не волновало. Однако так ли это? Действительно ли это его не волновало? Он мысленно представил себе деградирующую Эмили… которая пытается лепить свои горшки, заниматься творчеством. Это было смешно… и жутко.

— Послушай, — грубо сказал он, — если бы этот тип действительно тебя любил…

— Я же тебе сказала, — ответила Эмили. — Это мое решение.

Она вернулась к гончарному кругу. На нем возникала большая высокая ваза. Барни подошел поближе. Красивая, решил он. И как будто… знакомая. Не делала ли она когда-то чего-то подобного? Однако он ничего не сказал — только стоял и смотрел.

— Что ты собираешься делать? — спросила

Эмили. — Где ты будешь работать?

Казалось, что она ему сочувствует. Он вспомнил, как недавно не дал ей продать свои вазочки «Наборам П. П.». Она могла быть настроена к нему враждебно, но — что было для нее типично — это было не так. А она наверняка знала, что это он отклонил предложение Хнатта.

— Моя судьба уже, наверное, решена, — сказал он. — Я получил повестку.

— Это ужасно. Ты — на Марсе! Не могу себе этого представить.

— Там я могу жевать кэн-ди, — сказал он. — Только…

«Вместо набора Подружки Пэт, — подумал он, — может быть, я заведу себе набор Эмили. И буду проводить время в фантазиях вместе с тобой. Буду вести жизнь, от которой добровольно, по глупости, отказался. Единственный по-настоящему удачный период моей жизни, когда я был по-настоящему счастлив. Однако, естественно, я об этом не знал, поскольку сравнивать было не с чем… а теперь есть с чем».

— Есть ли хоть какая-нибудь надежда на то, — спросил он, — что ты захочешь полететь со мной?

Она недоверчиво посмотрела на него, он отве-

тил ей таким же взглядом. Оба были ошеломлены подобной возможностью.

— Я говорю серьезно, — сказал он.

— Когда это тебе пришло в голову?

— Неважно, — ответил он. — Важно лишь то, что я чувствую.

— Важно и то, что чувствую я, — тихо сказала Эмили. — А я очень счастлива с Ричардом. Мы прекрасно понимаем друг друга.

Ее лицо ничего не выражало; несомненно, она действительно так думала. Он был проклят, обречен, сброшен в пропасть, которую сам выкопал. И он это заслужил. Они оба это знали, им даже не нужно было ничего говорить.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Барни.

Эмили его не удерживала. Она чуть кивнула.

— Я очень хотел бы надеяться, — сказал он, — что ты не деградируешь. Однако, кажется, это действительно так. Я вижу это, например, по твоему лицу. Посмотри в зеркало.

С этими словами он вышел, дверь за ним сама закрылась. Он тут же пожалел о своих словах, хотя это могло оказаться полезным… могло ей помочь. Поскольку это действительно было так.

«А этого я ей не желаю, — думал он. — Никто этого никому не желает. Даже этот осел, ее муж,

которого она предпочитает мне… по причинам, которых я не в состоянии понять, разве что супружество с ним она рассматривает как свое предназначение. Она обречена на жизнь с Ричардом Хнаттом, обречена на то, чтобы никогда уже не быть моей женой; время вспять не повернешь.

Впрочем, это возможно, если жуешь кэн-ди, — подумал он. — Или этот новый продукт, чуинг-зет. Все колонисты это делают. Его нельзя достать на Земле, но он есть на Марсе или на Ганимеде, на каждой из земных колоний.

На крайний случай остается еще и это…

А может быть, это уже крайний случай. Потому что…»

Поразмыслив, он понял, что не может пойти к Палмеру Элдричу — после того, что тот сделал или пытался сделать с Лео. Он сообразил это, стоя перед зданием в ожидании такси. Воздух, казалось, колыхался от жары, и Барни подумал: достаточно сделать несколько шагов. Нашел бы кто-нибудь его, прежде чем он бы умер? Вряд ли. Это было бы весьма неплохое решение…

«Итак, конец всяческим надеждам на работу. Лео был бы очень рад, если бы от меня избавились. Он был бы наверняка доволен.

Так, забавы ради, — решил он, — позвоню Элдричу и спрошу, не возьмет ли он меня к себе».

Он нашел видеотелефонную будку и заказал разговор с имением Элдрича на Луне.

— Это Барни Майерсон, — представился он. — Бывший консультант-прогностик Лео Булеро. Собственно, я был заместителем директора «Наборов П. П.».

Менеджер Элдрича, наморщив лоб, спросил:

— Да? Чего вы хотите?

— Я ищу у вас работу.

— Нам не нужны прогностики. Весьма сожалею…

— Я могу поговорить с мистером Элдричем?

— Мистер Элдрич уже высказал свое мнение по этому поводу.

Барни повесил трубку и вышел из будки.

Его это вовсе не удивило.

«Если бы они сказали: прилетайте на Луну, поговорим, — полетел бы я? Да, — понял он. — Полетел бы, но в какой-то момент отказался бы, уже убедившись, что они берут меня на работу».

Вернувшись в будку, он набрал номер своей призывной комиссии.

— Говорит Барни Майерсон, — сказал он и назвал свой личный код. — Я недавно получил

повестку и хотел бы ускорить формальности. Я хочу улететь как можно скорее.

— Медицинскую комиссию нужно пройти обязательно, — проинформировал его чиновник ООН. — Прежде всего психиатрическую. Однако, если вы хотите, вы можете прийти в любое время, даже сейчас, и пройти ее.

— Отлично, — сказал он. — Так я и сделаю.

— А поскольку вы являетесь добровольно, мистер Майерсон, вы можете выбрать себе…

— Меня устраивает любая планета или спутник, — сказал Барни.

Он повесил трубку, нашел такси и назвал адрес призывной комиссии возле его дома.

Когда такси с тихим жужжанием летело к центру Нью-Йорка, снизу подлетело другое и пристроилось впереди, плавно покачивая стабилизаторами.

— Они пытаются связаться с нами, — сообщил автомат-водитель. — Хотите ответить?

— Нет, — ответил Барни. — Давай быстрее.

Внезапно он передумал.

— Можешь их спросить, кто они?

— Попробую.

Какое-то время в кабине было тихо, потом автомат сказал:

— Они говорят, что у них информация для вас от Палмера Элдрича. Он хочет сказать вам, что примет вас и чтобы вы…

— Повтори еще раз, — сказал Барни.

— Мистер Палмер Элдрич, которого они представляют, примет вас на работу, как вы хотели. Хотя, как правило…

— Я хочу с ними поговорить, — сказал Барни.

К его рту придвинулся микрофон.

— Кто там? — спросил Барни.

Ответил незнакомый голос:

— Говорит Ихольц. Из фирмы «Чуинг-зет мануфакчурерс», Бостон. Мы не могли бы приземлиться и где-нибудь обсудить вопрос о приеме вас на работу в нашу фирму?

— Я сейчас направляюсь в призывную комиссию. Добровольно.

— Вы еще ничего не подписали?

— Нет.

— Хорошо. Значит, еще не поздно.

— Но на Марсе я смогу жевать кэн-ди, — сказал Барни.

— Зачем вам это, ради бога?

— Чтобы быть снова с Эмили.

— Кто это — Эмили?

— Моя бывшая жена. Я расстался с ней, когда

она забеременела. Теперь я понимаю, что это были единственные счастливые дни в моей жизни. Честно говоря, я люблю ее сейчас больше, чем когда-либо. Вместо того чтобы со временем слабеть, это чувство только углубилось.

— Послушайте, — сказал Ихольц. — Мы можем дать вам столько чуинг-зет, сколько вам потребуется, а это еще лучше. Благодаря ему вы сможете жить вечно в идеальном союзе со своей бывшей женой. Нет проблем.

— А может быть, я не хочу работать на Палмера Элдрича.

— Ведь вы сами хотели!

— Я начал сомневаться, — сказал Барни. — Серьезно сомневаться. Вот что я вам скажу: не звоните мне — я сам вам позвоню. Если меня не призовут.

Он отодвинул микрофон.

— Пожалуйста, — сказал он автомату. — Спасибо.

— Это очень патриотично — явиться добровольно, — сказало такси.

— Занимайся своим делом, — сказал Барни.

— Думаю, что вы поступаете правильно, — сказало такси.

— Если бы я только полетел на «Сигму четыр-

надцать-бэ» спасать Лео, — сказал Барни. — Или на Луну? Я уже не помню, где это было. Все кажется каким-то сном. Во всяком случае, если бы я полетел, сейчас я работал бы у него и все было бы в порядке.

— Мы все совершаем ошибки, — сочувственно сказало такси.

— Но некоторые из нас, — пробормотал Барни, — совершают роковые ошибки.

«Сначала в отношении тех, кого мы любим, наших жен и детей, а потом — наших работодателей», — подумал он.

Такси с тихим гудением летело дальше.

«А в конце, — думал Барни, — мы совершаем последнюю ошибку. Ту, которая касается нашей жизни, подытоживает ее. Пойти работать к Элдричу или отправиться на Марс. И что бы мы ни выбрали, мы знаем лишь одно: это был неправильный выбор».

Час спустя он прошел медицинскую комиссию, был признан годным и подвергнут психиатрическим тестам — их проводило нечто, очень напоминавшее доктора Смайла.

Тоже с положительным результатом.

Как в трансе, он принес присягу («Клянусь, что буду считать Землю своей матерью и при-

знавать ее ведущую роль...»), после чего, вручив ему пачку выдержанных в радостном тоне информационных брошюрок, его отправили домой собирать вещи. У него было двадцать четыре часа до отлета... туда, куда ему предстояло лететь. Пока этого ему еще не сообщили. Предписание о месте назначения, вероятно, начиналось со слов: «Мене, мене, текел». По крайней мере, должно было, если учитывать возможные варианты.

«Все позади, — размышлял он, испытывая разные эмоции: удовлетворение, облегчение, испуг и тоску, вызванную пронзительным ощущением катастрофы. — Во всяком случае, — думал он, возвращаясь домой, — это лучше, чем выйти с непокрытой головой на солнце».

А так ли это?

По крайней мере, это медленнее. Чтобы умереть таким способом, потребуется больше времени, может быть даже пятьдесят лет, и это устраивало его больше. Почему — он не знал.

«Впрочем, я всегда могу это ускорить, — подумал он. — В колониях наверняка для этого будет не меньше возможностей, чем здесь, может быть, даже больше».

Когда он собирал свои вещи, в последний раз укрывшись в своей любимой квартире, на кото-

рую он с таким трудом зарабатывал, зазвонил видеотелефон.

— Мистер Байерсон… — Девушка, какая-то второстепенная сотрудница какого-то второстепенного отдела сектора внеземных колоний ООН. Она *улыбалась*.

— Майерсон.

— Ах да! Я звоню, чтобы сообщить вам место вашего назначения, и — вам повезло, мистер Майерсон! — это плодородный район Марса, известный под названием Файнберг-Кресчент. Я уверена, что вам там понравится. Ну, всего хорошего, сэр, и желаю успеха!

Она продолжала улыбаться, пока он не выключил изображение. Это была улыбка человека, который никуда не летит.

— Желаю успеха и тебе, — сказал он.

Файнберг-Кресчент. Он кое-что о нем слышал. Действительно, это был относительно плодородный район. Во всяком случае, у колонистов были там огороды; в отличие от некоторых других мест это не были пустыни замерзшего метана, над которыми в течение месяцев бушевали жестокие бури. У него наверняка будет возможность иногда выходить из барака наружу.

В углу комнаты стоял чемоданчик с доктором

Смайлом. Барни включил его и сказал:

— Доктор, вам трудно будет в это поверить, но в ваших услугах я больше не нуждаюсь. Всего хорошего, и желаю успеха, как сказала девушка, которая никуда не летит. Я согласился добровольно, — пояснил он.

— Бгррр, — заскрежетал доктор Смайл, скрипя у себя в подвале шестеренками. — Ведь с вашим характером… это просто невозможно. Какова была причина, мистер Майерсон?

— Желание смерти, — сказал он и выключил психиатра.

Молча продолжая собирать вещи, он думал: «Боже мой!

А ведь так недавно у нас с Рони были такие грандиозные планы! Мы собирались по-крупному продать Лео и перейти к Элдричу. Что же случилось? Я тебе скажу, что случилось, — ответил он сам себе. — Лео начал действовать первым. И теперь Рони занимает мое место. Именно этого она и хотела».

Чем больше он об этом думал, тем больше злился, не видя никакого выхода. Сделать ничего было нельзя, по крайней мере в этом мире. Может быть, когда он примет кэн-ди или чуинг-зет, может быть, тогда он окажется во Вселенной, где…

В дверь постучали.

— Привет, — сказал Лео. — Можно войти?

Он прошел в комнату, вытирая платком свой огромный лоб.

— Жарко. В газете я прочитал, что стало теплее еще на шесть десятых…

— Если ты пришел, чтобы предложить мне вернуться на работу, — сказал Барни, отрываясь от сборов, — то ты опоздал, поскольку я добровольно поступил на службу. Завтра я улетаю на Файнберг-Кресчент.

Если Лео решил с ним помириться, то это настоящая ирония судьбы. Полный оборот колеса фортуны.

— Я не собираюсь предлагать тебе вернуться на работу. И я знаю, что ты поступил на службу. У меня есть информаторы в отделе мобилизации, а кроме того, мне сообщил об этом доктор Смайл. Я платил ему — о чем ты, естественно, не знал, — чтобы он информировал меня о твоих успехах в снижении устойчивости к стрессам.

— Так чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты поступил на работу к Феликсу Блау, — сказал Лео. — Мы уже все продумали.

— Остаток своей жизни, — тихо сказал Барни, — я проведу в Файнберг-Кресчент. Не понимаешь?

— Успокойся. Я пытаюсь найти какой-то выход из этого положения, и для тебя тоже. Мы оба поступили слишком необдуманно: я — когда уволил тебя, а ты — когда отдался этим вампирам из призывной комиссии. Думаю, Барни, что я знаю способ, как заманить в ловушку Палмера Элдрича. Я поговорил с Блау, и ему нравится эта идея. Ты будешь изображать… а вернее, жить как колонист, — поправился Лео. — Ты станешь одним из них. На днях, вероятно на будущей неделе, Элдрич начнет продавать чуинг-зет в твоем районе. Может быть, предложат и тебе. По крайней мере, мы надеемся. Мы на это рассчитываем.

Барни встал:

— И надо полагать, я должен с радостью ухватиться за это предложение.

— Совершенно верно.

— Почему?

— Ты подашь жалобу в ООН. Наши юристы напишут ее за тебя. Ты заявишь, что эта проклятая, отвратительная, паршивая дрянь высокотоксична и обладает побочным действием, неважно каким. Мы организуем показательный процесс, потребуем от ООН, чтобы она запретила производство чуинг-зет как вредного и опасного для здоровья… Мы не допустим его распространения

на Земле. Это великолепно, что ты оставил работу в «Наборах П. П.» и поступил на службу. Ты выбрал самый удачный момент.

Барни покачал головой.

— Что это значит? — спросил Лео.

— Я не согласен.

— Почему?

Барни пожал плечами. Собственно, он не знал почему.

— После того, как я тебя подвел…

— Ты впал в панику. Ты не знал, что делать; это была не твоя работа. Мне нужно было приказать Смайлу связаться с шефом полиции нашей фирмы Джоном Зельцером. Ладно, все ошибаются. Дело прошлое.

— Нет, — ответил Барни.

«После того, что я узнал о себе, — подумал он, — я не могу об этом забыть. Эти приступы самокритики сильнее всего действуют на сердце. Последствия необратимы».

— Не упрямься, ради бога. Это уже патология. У тебя впереди вся жизнь, даже если ты проведешь ее в Файнберг-Кресчент. Я думаю, что тебя и так бы призвали. Согласен? — Лео раздраженно ходил кругами по комнате. — Черт побери. Ладно, можешь мне не помогать. Пусть Элдрич и его

проксы делают что хотят, пусть завоевывают Солнечную систему или, еще хуже, всю Вселенную, начиная с нас.

Он остановился и с яростью посмотрел на Барни.

— Дай мне… дай мне подумать.

— Подожди, пока не примешь чуинг-зет. Сам увидишь. Это отравит нас всех, наш разум и тело, приведет к полному хаосу. — Тяжело дыша от возмущения, Лео вдруг закашлялся. — Слишком много сигар, — слабо сказал он. — Господи… — Он посмотрел на Барни. — Ты знаешь, что этот тип дал мне двадцать четыре часа? Я должен подчиниться, или… — Он щелкнул пальцами.

— Я не смогу так быстро оказаться на Марсе, — сказал Барни. — Не говоря уже о том, что не смогу так быстро освоиться там настолько, чтобы покупать чуинг-зет у торговца.

— Я знаю, — твердо сказал Лео. — Однако ему не удастся так быстро меня уничтожить. Это займет недели, может быть, даже месяцы. А к этому времени у нас будет некто, кто докажет в суде, что чуинг-зет вреден для здоровья. Я знаю, что это кажется невозможным, но…

— Свяжись со мной, когда я буду уже на Марсе, — сказал Барни. — В своем бараке.

— Я сделаю это! Сделаю! — крикнул Лео, а потом вполголоса добавил: — И у тебя будет оправдание.

— Не понял?

— Ничего особенного, Барни.

— Все-таки объясни.

Лео пожал плечами:

— Черт возьми, я знаю, во что ты вляпался. Рони получила твое место. Ты был прав. И я следил за тобой, я знаю, что ты сразу же помчался к своей бывшей жене. Ты все еще ее любишь, а она не хочет с тобой лететь. Я знаю тебя лучше, чем ты сам. Я хорошо знаю, почему ты не появился, чтобы вытащить меня, когда я оказался в плену у Палмера. Ты всю жизнь стремился к тому, чтобы занять мое место, а теперь, когда все рухнуло, тебе придется начинать все заново. Жаль, но ты сам виноват. Ты просчитался. Как видишь, я не собираюсь уходить и никогда не собирался. Ты хороший работник, но только как консультант-прогностик, а не как начальник. На это тебя не хватит. Вспомни, как ты отклонил вазочки Ричарда Хнатта. Этим ты себя выдал, Барни. Мне очень жаль.

— Ладно, — помолчав, сказал Барни. — Может быть, ты прав.

— Ну вот, ты многое о себе узнал. И можешь начать все сначала, в Файнберг-Кресчент. — Лео похлопал его по спине. — Можешь стать начальником своего барака, творить, производить, или чем там еще занимаются в бараках. И ты будешь разведчиком Феликса Блау. Это очень важное дело.

— Я мог перейти к Элдричу, — сказал Барни.

— Да, но ты этого не сделал. Кого волнует, что ты мог сделать?

— Ты думаешь, я правильно поступил, согласившись добровольно?

— Парень, а что ты еще мог сделать? — тихо сказал Лео.

На этот вопрос не было ответа. И оба об этом знали.

— Когда у тебя появится желание пожалеть о своей судьбе, — сказал Лео, — вспомни об одном: Палмер Элдрич хочет меня убить… Я в значительно худшем положении, чем ты.

— Догадываюсь.

Это была правда, и Барни понял еще кое-что. Как только он подаст жалобу на Палмера Элдрича, он окажется в том же положении, что и Лео.

Подобная возможность его вовсе не радовала.

Ночью он уже был на борту транспортного

корабля ООН, летящего на Марс. В кресле рядом с ним сидела симпатичная, испуганная, но отчаянно пытавшаяся сохранить спокойствие брюнетка с настолько правильными чертами лица, что она напоминала манекенщицу из журнала мод. Как только корабль вышел на орбиту, она сразу же представилась ему — изо всех сил пытаясь снять напряжение, она разговаривала с кем угодно и о чем угодно. Ее звали Энн Хоуторн. Она могла избежать призыва, как она сказала с легкой тоской, но не сделала этого. Она верила, что это ее патриотический долг.

— А как вы могли этого избежать? — с любопытством спросил Барни.

— Шумы в сердце, — сказала Энн. — И еще аритмия и судорожная тахикардия.

— А как насчет сужения предсердий и желудочков, тахикардии предсердий, фибрилляции и ночных судорог? — спросил Барни, который в свое время безрезультатно искал у себя эти симптомы.

— Я могла предъявить документы из больниц, заверенные врачами и страховой компанией. — Она смерила его взглядом и с интересом добавила: — Похоже, что вы могли отвертеться, мистер Пайерсон.

— Майерсон. Я явился добровольно, мисс Хоуторн.

«Я не мог отвертеться, по крайней мере надолго», — подумал он.

— Люди в колониях очень религиозны. Во всяком случае, я так слышала. Какой вы веры, мистер Майерсон?

— Гм, — пробормотал он, сбитый с толку.

— Думаю, что вы должны это решить, прежде чем мы там окажемся. Они спрашивают об этом и ожидают, что мы будем участвовать в обрядах. Главным образом речь идет об этом наркотике… ну, вы знаете, кэн-ди. Благодаря ему многие обратились к какой-либо из признанных религий… Хотя большинство колонистов испытывают от самого наркотика достаточный религиозный экстаз. У меня родственники на Марсе. Они мне пишут, так что я об этом знаю. Я лечу в Файнберг-Кресчент, а вы?

«Я по течению», — подумал Барни.

— Туда же, — вслух сказал он.

— Может быть, мы окажемся в одном и том же бараке, — сказала Энн Хоуторн с задумчивым выражением на красивом лице. — Я принадлежу к реформаторской ветви Новоамериканской церкви, неохристианской церкви Соединенных

Штатов и Канады. Наши традиции уходят далеко в прошлое: в трехсотом году у наших прадедов были епископы, которые входили в состав синода во Франции. Мы откололись от других церквей не так поздно, как принято думать. Так что, как видите, у нас апостольское происхождение.

Она улыбнулась ему серьезной и дружелюбной улыбкой.

— Я верю вам, — сказал Барни. — В самом деле. Что бы это ни значило.

— В Файнберг-Кресчент есть Новоамериканская миссионерская церковь, а значит, есть викарий, священник. Я надеюсь, что смогу причащаться по крайней мере раз в месяц. И исповедоваться два раза в год, как положено, как я это делала на Земле. Наша церковь признает многие таинства… вы приняли какое-либо из двух великих таинств, мистер Майерсон?

— Гм… — задумался Барни.

— Христос велел, чтобы мы соблюдали два таинства, — терпеливо объясняла Энн Хоуторн. — Крещение водой и Святое причастие, в память о нем… а начало этому положила Тайная вечеря.

— О, вы имеете в виду хлеб и вино.

— Вы знаете, что кэн-ди перемещает — как они это называют — принимающего наркотик в иной

мир. Естественно, в светском понимании этого слова, поскольку это временный и лишь физический мир. Хлеб и вино…

— Мне очень жаль, мисс Хоуторн, — сказал Барни, — но я не верю в это дело с телом и кровью. Для меня все это звучит чересчур мистически.

Слишком многое здесь основано на недоказанных предпосылках, подумал он. Однако она была права. Религия, благодаря кэн-ди, приобрела многих сторонников на колонизированных спутниках и планетах, и наверняка ему предстояло с этим столкнуться, как и сказала Энн.

— Вы собираетесь попробовать кэн-ди? — спросила она.

— Наверняка.

— Вы верите в это, — сказала Энн. — И все же вы знаете, что Земля, на которую вы переноситесь, не настоящая.

— Я не хочу спорить, — сказал он, — но впечатление такое, что она настоящая. Этого мне достаточно.

— Точно так же реальны сны.

— Но это сильнее, чем сны, — сказал он. — Это более четко. И помогает… — Он чуть не сказал «соединяться». — Помогает общаться с другими, кто тоже принимает наркотик. Так что это не

может быть только иллюзией. Сны индивидуальны, поэтому мы считаем их иллюзией. Однако Подружка Пэт…

— Хотела бы я знать, что обо всем этом думают люди, которые производят наборы Подружки Пэт, — задумчиво сказала Энн.

— Я могу вам сказать. Для них это только бизнес. Вероятно, точно такой же, как производство вина и облаток для…

— Если вы собираетесь попробовать кэн-ди, — перебила его Энн, — и видите в этом надежду на новую жизнь, то, может быть, мне удастся уговорить вас принять крещение и причастие в Новоамериканской церкви? Чтобы вы смогли увидеть, заслуживает ли ваша вера таких испытаний? А может быть, вы выберете Первую реформаторскую христианскую церковь Европы, которая, конечно, тоже признает два великих таинства. Если вы один раз примете Святое причастие…

— Не могу, — сказал он.

«Я верю в кэн-ди, — подумал он, — и — если потребуется — в чуинг-зет. Ты можешь верить в нечто, насчитывающее двадцать один век. Я же предпочитаю что-нибудь новенькое. Вот так».

— Откровенно говоря, — сказала Энн, — я на-

мерена попытаться склонить как можно больше колонистов, употребляющих кэн-ди, к нашим традиционным христианским обрядам. Вот главная причина, почему я не представила комиссии бумаги, которые освободили бы меня от службы.

Она слегка улыбнулась ему, и он невольно ощутил приятное тепло.

— Это нехорошо? Скажу честно: я думаю, что употребление кэн-ди для этих людей — стремление вернуться к тому, что мы, Новоамериканская церковь…

— Думаю, — мягко сказал Барни, — что вам следует оставить их в покое.

«И меня тоже, — подумал он. — У меня и без того проблем хватает. Только религиозного фанатизма еще и недоставало».

Однако девушка не выглядела так, как он представлял себе религиозную фанатичку, и говорила иначе. Барни был удивлен. Где она набралась столь твердых убеждений? Он мог представить себе, что они распространены в колониях, но она приобрела их на Земле.

Таким образом, существование кэн-ди, опыт групповых перемещений не могли объяснить этого в полной мере.

«Может быть, — подумал он, — может быть,

это постепенное превращение Земли в адскую сожженную пустыню, превращение, которое каждый из них мог предвидеть, — черт побери, даже пережить! — было тому причиной. Оно пробудило надежду на новую жизнь в других условиях.

Я, — думал он, — личность, которой я был, Барни Майерсон с Земли, который работал в „Наборах П. П.“ и жил в приличном доме с невероятно низким номером тридцать три… Эта личность мертва, для нее все кончено, как будто ее стерли губкой с доски.

Нравится мне это или нет, но я снова родился».

— Жизнь колониста на Марсе, — сказал он, — не будет такой, как жизнь на Земле. Может быть, когда я уже буду там…

Барни замолчал. Он хотел сказать: «Может быть, тогда меня больше заинтересуют догматы твоей церкви». Однако пока он не мог этого высказать, даже в качестве предположения. Он внутренне сопротивлялся тому, что было чуждо его нынешним убеждениям. И все-таки…

— Продолжайте, — сказала Энн Хоуторн. — Закончите свою мысль.

— Мы поговорим об этом, — сказал Барни, — когда я уже немного поживу в бараке на чужой

планете. Когда я начну новую жизнь — если это можно назвать жизнью — в качестве колониста.

В голосе его звучала горечь.

— Хорошо, — спокойно сказала Энн. — Я буду рада.

Потом они молча сидели рядом. Барни читал газету, а Энн Хоуторн, фанатичка и будущий миссионер на Марсе, читала книгу. Барни бросил взгляд на обложку и обнаружил, что это работа Эрика Ледерманна о жизни в колониях, «Странник без дороги». Одному богу было известно, где ей удалось ее достать. Книга была запрещена ООН, и раздобыть ее было невероятно трудно. И читать ее здесь, на борту корабля ООН, было проявлением необычайной смелости. Барни начал испытывать к девушке определенное уважение.

Поглядывая на нее, он обнаружил, что она весьма привлекательна, хотя и несколько худа, без косметики, а ее густые темные волосы почти полностью скрывались под круглой белой шапочкой. Он пришел к выводу, что она выглядит так, как будто собралась в долгое путешествие, которое должно закончиться в церкви. Во всяком случае, ему понравилась ее манера речи, ее сочувственный, приятный голос. Может быть, они еще встретятся на Марсе?

Он почувствовал, что хочет этого. Честно говоря — было ли в этом что-то нехорошее? — он даже надеялся, что когда-нибудь они вместе будут участвовать в церемонии приема кэн-ди.

«Да, — подумал он, — это нехорошо, поскольку я знаю, чего хочу, знаю, что означало бы для меня — переместиться вместе с ней».

Тем не менее он надеялся, что так оно и будет.

Глава 8

Протянув руку, Норм Шайн дружески сказал:

— Привет, Майерсон. Мне поручено официально приветствовать вас от имени нашего барака. Добро пожаловать… гм… на Марс.

— Меня зовут Фрэн Шайн, — сказала его жена, тоже обмениваясь рукопожатием с Барни. — У нас тут весьма приличный, прочный барак. Надеюсь, он не покажется вам чересчур ужасным. — И добавила как бы про себя: — Не хуже и не лучше других.

Она улыбнулась, но Майерсон не ответил ей тем же: он выглядел мрачным, уставшим и подавленным, как большинство колонистов, начинавших жизнь, которая, как они знали, была трудна и по существу бессмысленна.

— Не ждите, что мы начнем тут все расхваливать, — сообщила она. — Это работа ООН. Мы здесь только жертвы, так же как и вы. Только в отличие от вас мы уже прожили здесь какое-то время.

— Не изображай все в столь мрачных тонах, — предостерегающе сказал Норм.

— Но ведь это действительно так, — запротесто-

вала Фрэн. — Мистер Майерсон видит все своими глазами и ни в какие сказочки не поверит. Правда, мистер Майерсон?

— Может быть, некоторые иллюзии мне бы сейчас не помешали, — сказал Барни, присаживаясь на металлическую скамейку у входа в барак. Пескоход, который привез его, тем временем выгружал его вещи, он безразлично смотрел на него.

— Извините, — сказала Фрэн.

— Можно закурить? — Барни достал пачку земных сигарет.

Шайны с вожделением уставились на нее, и он с чувством вины предложил им по сигарете.

— Вы прибыли в непростое время, — пояснил Норм Шайн. — У нас как раз шли дебаты. — Он посмотрел на остальных. — Поскольку вы уже житель барака, я не вижу причин, почему бы и вам не принять в них участие, в конце концов, вас это тоже касается.

— Может быть, он… — начал Тод Моррис, — ну, ты знаешь. Проболтается.

— Мы можем потребовать, чтобы он поклялся хранить тайну, — сказал Сэм Риган, а его жена Мэри кивнула. — Наша дискуссия, мистер Гейерсон…

— Майерсон, — поправил Барни.

— …касается наркотика кэн-ди, нашего старого, проверенного перемещающего средства, и его качеств в сравнении с новым, еще не опробованным средством — чуинг-зет. Мы обсуждаем, отказаться ли от кэн-ди раз и навсегда…

— Подожди, пока мы не спустимся вниз, — сказал Норм Шайн, нахмурившись.

Присев на скамейку рядом с Барни Майерсоном, Тод Моррис сказал:

— Кэн-ди пришел капут, его слишком трудно достать, он слишком дорого стоит, и я лично устал от Подружки Пэт: она слишком искусственна, слишком поверхностна и материалистатична… о, извините, это наше слово, которое означает… — Он пытался найти подходящее объяснение. — Ну, эти апартаменты, автомобили, солнечные ванны на пляже, сверхмодная одежда… какое-то время нам это доставляло удовольствие, но этого как-то нематериалистатически мало. Вы понимаете, Майерсон?

— Майерсон об этом пока понятия не имеет, — сказал Норм Шайн. — Он еще всего этого не наелся. Может быть, он захочет через это пройти.

— Так же, как и мы, — согласилась Фрэн. — Во

всяком случае, мы еще не голосовали, мы еще не решили, что мы будем теперь покупать и употреблять. Думаю, что мы должны дать мистеру Майерсону возможность попробовать и то и другое. А может быть, вы уже пробовали, мистер Майерсон?

— Пробовал, — сказал Барни, — но очень давно. Слишком давно, чтобы хорошо об этом помнить.

Наркотик ему дал Лео, пообещав дать больше, сколько захочется. Однако Барни отказался — ему не понравилось.

— Боюсь, что мы встречаем вас не слишком приветливо, — сказал Норм Шайн, — впутывая вас в наши споры. Однако у нас кончились запасы кэн-ди, и нам нужно либо возобновить их, либо перейти на чуинг-зет. Естественно, Импи Уайт, которая снабжает нас кэн-ди, убеждает нас, чтобы мы снова воспользовались ее услугами… до вечера мы должны что-то решить. То, что мы решим, касается всех нас… всей нашей жизни.

— Так что можете быть довольны, что не прилетели завтра, — сказала Фрэн. — После голосования.

Она ободряюще улыбнулась ему, стараясь, чтобы он почувствовал себя как дома; они ничего не могли предложить ему, кроме взаимной привя-

занности, дружеских отношений, которые теперь распространялись и на него.

«Ну и местечко, — думал Барни Майерсон. — На всю жизнь…»

Это казалось невозможным, но это была правда. Уставы ООН не предусматривали возможности увольнения со службы. И с этим фактом непросто было смириться. Люди здесь составляли коллектив, к которому он должен был принадлежать… и он знал, что могло быть и хуже. Две женщины были весьма привлекательны, и ему казалось, что они проявляли к нему, так сказать, интерес; он ощущал всю сложность взаимоотношений, которые сложились в перенаселенном, тесном бараке. Однако…

— Выбраться отсюда, — тихо сказала Мэри, присаживаясь на скамейку рядом с Тодом Моррисом, — можно только благодаря одному или другому наркотику. Других возможностей, как видите, — она положила руку ему на плечо, первый физический контакт, — просто нет. Мы просто поубивали бы друг друга с тоски.

— Да, — сказал он. — Понимаю.

Однако он знал об этом уже задолго до того, как оказался на Марсе; как каждый землянин, он достаточно много слышал о жизни в колониях, о

борьбе с искушением сразу же покончить с этим.

Ничего удивительного, что все искали любой возможности уклониться от призыва, как и он сам когда-то. Это была борьба за жизнь.

— Вечером, — сказала Мэри Риган, — мы получим один из этих двух наркотиков, Импи будет здесь около семи часов по времени Файнберг-Кресчент. До этого времени мы должны принять решение.

— Думаю, что мы можем уже голосовать, — сказал Норм Шайн. — Я вижу, что мистер Майерсон, хотя он только что приехал, уже готов. Я прав, мистер Майерсон?

— Да, — ответил Барни.

Пескоход заканчивал выгружать его вещи; они были свалены в беспорядке, и их уже начало заносить песком; если их быстро не унести вниз, они вскоре исчезнут под слоем пыли. Черт побери, подумал он, может быть, это и хорошо. Связи с прошлым…

Другие жители барака пришли ему на помощь, передавая друг другу чемоданы и складывая их на транспортер, который спускал багаж вниз. Даже если Барни не был заинтересован в сохранении своих вещей, в этом были заинтересованы они; опыта у них было значительно больше.

— Вам придется научиться жить здесь одним днем, — сочувственно сказал Сэм Риган. — Никогда ничего не планируйте. Самое большее — до обеда или до вечера; небольшие промежутки времени, небольшие обязанности, небольшие развлечения. Бегство от действительности.

Отбросив сигарету, Барни взялся за ручку самого тяжелого чемодана.

— Спасибо.

Это был ценный совет.

— Извините, — вежливо сказал Сэм Риган и поднял окурок, чтобы выкурить его до конца.

Собравшись в комнате, достаточно большой, чтобы поместить всех, обитатели барака, вместе с Барни Майерсоном, готовились к голосованию. По файнберг-кресчентскому времени было шесть часов. Совместный — в соответствии с обычаем — ужин только что закончился, машина мыла и сушила посуду. Барни казалось, что всем уже нечем заняться; на него давил груз свободного времени.

Пересчитав голоса, Норм Шайн объявил:

— Четверо за чуинг-зет, трое за кэн-ди. Итак, решено. Хорошо, кто возьмет на себя задачу передать эту информацию Импи Уайт? — Он оглядел собравшихся. — Она будет недовольна, мы долж-

ны быть к этому готовы.

— Я передам, — сказал Барни.

Три супружеские пары изумленно уставились на него.

— Ведь ты ее даже не знаешь, — запротестовала Фрэн Шайн.

— Я скажу, что это моя вина, — сказал Барни, — что это я проголосовал в пользу чуинг-зет.

Он знал, что ему разрешат: задача была неблагодарная.

Полчаса спустя он ждал в темноте у входа в барак, куря сигарету и вслушиваясь в таинственные звуки марсианской ночи.

Вдали по небу пролетел какой-то светящийся объект, на момент заслонив звезды. Мгновение спустя он услышал шум тормозных двигателей.

«Уже скоро», — подумал он.

Он стоял, сложив руки на груди, пытаясь расслабиться и мысленно повторяя то, что собирался сказать.

Наконец перед ним появилась коренастая женщина, одетая в тяжелый комбинезон.

— Шайн? Моррис? Значит, Риган? — Она, прищурившись, разглядывала его, пользуясь инфракрасным фонарем. — Я тебя не знаю!

Она остановилась на безопасном расстоянии.

— У меня лазерный пистолет, — предупредила она, целясь в Барни. — Говори, что тебе надо.

— Отойдем подальше, чтобы нас не слышали в бараке, — сказал Барни.

Импэйшенс Уайт пошла за ним, продолжая держать его под дулом пистолета. Она взяла у него идентификационную карточку и прочитала ее с помощью фонаря.

— Ты работал у Булеро, — сказала она, внимательно разглядывая его. — Ну?

— Ну, — сказал он, — жители барака Чикен-Покс переходят на чуинг-зет.

— Почему?

— Просто прими это к сведению и больше здесь не торгуй. Ты можешь согласовать этот вопрос с Лео в «Наборах П. П.». Или с Коннером Фриманом на Венере.

— Я так и сделаю, — сказала Импэйшенс. — Чуинг-зет — это дерьмо, он вызывает привыкание, токсичен, а что хуже всего, вызывает жуткие галлюцинации не о Земле, а… — Она пошевелила рукой с пистолетом. — Гротескные, извращенные кошмары, доводящие до безумия. Объясни, почему вы так решили.

Он ничего не сказал, только пожал плечами. Однако его заинтересовала и позабавила ее пре-

данность кэн-ди. Он подумал, что ее фанатизм в корне отличается от фанатизма той девушки-миссионера на борту корабля Земля — Марс. Видимо, характер убеждений не оказывает влияния на их глубину, он никогда раньше не отдавал себе в этом отчета.

— Увидимся завтра в это же время, — решила Импи Уайт. — Если ты говоришь правду — прекрасно. Но если нет…

— А если нет, то что? — медленно, со значением спросил он. — Заставишь нас потреблять твой продукт? В конце концов, он запрещен, мы можем попросить защиты у ООН.

— Ты здесь новичок, — грозно нахмурилась она. — ООН прекрасно отдает себе отчет в размерах торговли кэн-ди в этом регионе, я регулярно плачу им, чтобы они мне не мешали. А что касается чуинг-зет… — Она снова сделала жест пистолетом. — Если ООН собирается их защищать и они перехватят наш рынок…

— Тогда ты перейдешь к ним, — сказал Барни.

Она не ответила, повернулась и ушла. Ее невысокая фигура почти сразу же растворилась в марсианской ночи. Барни остался там, где стоял; потом он вернулся в барак, ориентируясь по огромному силуэту стоявшей неподалеку похо-

жей на трактор машины, которой явно давно не пользовались.

— Ну? — спросил Норм Шайн, который, к его удивлению, ждал у входа. — Я пришел посмотреть, сколько дырок она проделала в вашем черепе.

— Она отнеслась к этому философски.

— Импи Уайт? — засмеялся Норм Шайн. — Она проворачивает дела на миллионы скинов. «Философски», мать ее… Что на самом деле произошло?

— Она вернется, когда получит инструкции сверху, — сказал Барни и начал спускаться вниз.

— Да, это звучит разумно, она только мелкая рыбешка. Лео Булеро, на Земле…

— Знаю, — перебил его Барни. Он не видел причин скрывать свое прежнее занятие, он и так был хорошо известен, так что колонисты рано или поздно все равно бы об этом узнали. — Я был его консультантом-прогностиком в Нью-Йорке.

— И вы голосовали за переход на чуинг-зет? — недоверчиво спросил Норм Шайн. — Вы что, поссорились с Булеро?

— Когда-нибудь я вам расскажу.

Он дошел до конца трапа и вошел в помещение, где его ждали остальные.

— По крайней мере, она не поджарила вас своим лазерным пистолетиком, которым постоянно размахивает, — с облегчением сказала Фрэн Шайн. — Видимо, вы произвели на нее хорошее впечатление.

— Мы избавились от нее? — спросил Тод Моррис.

— Узнаем завтра вечером, — сказал Барни.

— Мы считаем, что вы очень смелый, — сказала Мэри Риган. — Вы будете хорошим приобретением для нашего барака, мистер Майерсон. Я хотела сказать — Барни. Образно выражаясь, ты будешь живительным ветерком в нашей затхлой атмосфере.

— Ну-ну, — засмеялась Хелен Моррис, — не слишком ли мы стремимся произвести впечатление на нашего нового гражданина?

— Я вовсе не собираюсь производить на него впечатление, — покраснев, сказала Мэри Риган.

— Ну, значит, польстить ему, — мягко сказала Фрэн Шайн.

— Ты тоже, — со злостью сказала Мэри. — Ты первая набросилась на него, как только он здесь появился; во всяком случае, тебе этого очень хотелось, и ты бы так и сделала, если бы нас здесь не было. Особенно если бы здесь не было твоего

мужа.

Чтобы сменить тему разговора, Норм Шайн сказал:

— Жаль, что мы не можем сегодня переместиться, воспользовавшись в последний раз набором старой доброй Подружки Пэт. Барни это могло бы понравиться. По крайней мере, он знал бы, против чего голосовал.

Он окинул их многозначительным взглядом, внимательно вглядываясь в каждого.

— Ну, давайте… наверняка у кого-нибудь из вас есть немного припрятанного кэн-ди, где-нибудь в щели в стене или под резервуаром с водой. Ну, проявите щедрость для нового гражданина, покажите ему, что…

— Ладно! — взорвалась Хелен Моррис, покраснев от злости. — У меня есть немного, хватит на три четверти часа. Однако это все, что у меня есть. А если чуинг-зет не начнут сразу продавать в нашем районе?

— Принеси свой кэн-ди, — сказал Норм и бросил ей вслед: — И не волнуйся: чуинг-зет продавать будут. Сегодня, когда я забирал мешок соли из последней посылки ООН, я встретил торговца. Он дал мне эту карточку. — Он показал карточку. — Достаточно будет в полвосьмого вечера

выпустить обычную стронциевую ракету, и сюда сразу же прилетят со спутника…

— Со спутника! — раздались изумленные голоса.

— Значит, — возбужденно сказала Фрэн, — у них должна быть санкция ООН. Может быть, у них уже есть наборы и их представители рекламируют их со спутника?

— Не знаю, — признался Норм. — Я хочу сказать, что пока что царит всеобщее замешательство. Подождем, пока пыль осядет.

— Здесь, на Марсе, — глухо сказал Сэм Риган, — пыль никогда не оседает.

Они сидели полукругом. Перед ними стоял набор Подружки Пэт, полностью собранный, как бы приглашая. Все чувствовали, как он притягивает их, и Норм Шайн подумал, что это особый случай, поскольку они никогда больше не будут этого делать… если только не воспользуются набором Подружки Пэт, приняв чуинг-зет. Он думал о том, каков был бы результат. Интересно…

У него было странное чувство, что результат оказался бы несколько иным.

И мог бы им не понравиться.

— Понимаешь, — сказал Сэм Риган новому члену их сообщества Барни Майерсону, — мы

собираемся во время перемещения слушать и смотреть новый книжный аниматор Пэт — ну, знаешь, то устройство, недавно привезенное с Земли… Ты наверняка знаком с этим лучше, чем мы, Барни, так что, может быть, сумеешь нам объяснить, как им пользоваться?

Барни послушно начал:

— Вставляешь книгу, например «Моби Дика», в приемный карман. Потом устанавливаешь промежуток времени — длинный или короткий. Потом версия — смешная, или такая же, как в книге, или грустная. Затем устанавливаешь указатель на имя великого художника, в стиле которого хочешь оживить книгу. Дали, Бэкон, Пикассо… среднего класса аниматор обладает возможностями от комикса до нескольких известных художников; ты выбираешь их, когда покупаешь устройство. Можно расширять возможности аниматора и в дальнейшем.

— Невероятно, — сказал Норм Шайн, горя энтузиазмом. — Значит, можно устроить себе развлечение на целый вечер, например грустную версию «Ярмарки тщеславия» в стиле Джека Райта. Ух!

Мечтательно вздохнув, Фрэн сказала:

— Твоя душа все еще хранит память о Земле,

где ты жил еще так недавно, Барни. Ты все еще живешь этими воспоминаниями.

— Черт возьми, мы все почувствуем то же самое, — сказал Норм Шайн, — когда переместимся.

Он нетерпеливо потянулся к скудной порции кэн-ди.

— Начинаем, — сказал он и, взяв свой кусочек, начал его энергично жевать. — Книгой, которую я собираюсь оживить в виде полнометражной смешной рисованной версии в стиле Де Кирико, будет… — он задумался, — гм… «Наедине с собой» Марка Аврелия.

— Очень мудро, — отрезала Хелен Моррис. — Я собиралась предложить «Исповедь» святого Августина в стиле Лихтенштейна… естественно, в смешной версии.

— Я говорю серьезно! Представь себе: сюрреалистический пейзаж, покинутые разрушенные здания с дорическими колоннами, лежащими на земле, пустые черепа…

— Давайте лучше начнем жевать, — посоветовала Фрэн, беря свой кусочек, — чтобы все переместились одновременно.

Барни взял свою порцию.

«Все, конец, — подумал он, — в этом бараке

жуют кэн-ди в последний раз, а что потом? Если Лео прав, то потом будет нечто намного худшее, просто несравнимо худшее, чем кэн-ди. Конечно, Лео скорее лицо заинтересованное. Но он прошел курс э-терапии. И он умный.

Миниатюрные предметы, которые я когда-то утвердил, — понял Барни. — Сейчас я окажусь в мире, состоящем из продукции „Наборов П. П.“, и уменьшусь до их размеров. И в отличие от остальных колонистов я смогу сравнить свои впечатления с тем, что только что оставил позади. А скоро, — понял он, — мне придется проделать то же и с чуинг-зет».

— Ты обнаружишь, что это удивительное ощущение, — сказал ему Норм Шайн, — оказаться в чужом теле вместе с еще троими; мы все должны договориться, что мы собираемся делать, во всяком случае, решить большинством голосов, иначе тело даже не пошевелится.

— Это бывает, — сказал Тод Моррис. — Честно говоря, довольно часто.

Один за другим остальные начали жевать свои порции кэн-ди, Барни Майерсон — последним и с некоторой неохотой.

«А, к черту», — вдруг подумал он и, отойдя в угол, выплюнул непрожеванный кэн-ди в ра-

ковину.

Остальные, сидя вокруг набора Подружки Пэт, уже впали в транс, и никто не обращал на него внимания. Он вдруг оказался один. На какое-то время барак принадлежал ему.

Он бродил по комнате, вслушиваясь в тишину.

«Я просто не в состоянии этого сделать, — понял он. — Я не могу принять эту дрянь, как они. По крайней мере пока».

Внезапно раздался звонок.

Кто-то стоял перед входом в барак, спрашивая разрешения войти; решение оставалось за Барни. Он двинулся наверх, надеясь, что поступает правильно, что это не одна из периодических проверок ООН; в этом случае он не в силах был бы помешать им обнаружить, в каком состоянии находятся остальные обитатели барака, и застичь на месте преступления употребляющих кэн-ди.

У входа, с фонарем в руке, стояла молодая женщина в толстом теплоизолирующем комбинезоне, к которому она явно не привыкла. У нее был крайне смущенный вид.

— Привет, мистер Майерсон, — сказала она. — Вы меня помните? Я выследила вас, потому что я просто чувствую себя ужасно одиноко. Можно войти?

Это была Энн Хоуторн. Он удивленно посмотрел на нее.

— Или вы заняты? Я могу зайти в другой раз.

Она повернулась, собираясь уходить.

— Я вижу, — сказал он, — что Марс поверг тебя в шок.

— Я знаю, что это грех, — ответила Энн, — но я действительно уже его ненавижу. Я знаю, что должна научиться терпеливо переносить невзгоды и так далее, но… — Она окинула лучом фонаря песок вокруг барака и дрожащим, отчаянным голосом сказала: — Сейчас я хочу только одного: найти какой-нибудь способ вернуться обратно на Землю, я не хочу никого обращать в свою веру и не хочу ничего изменять. Я просто хочу выбраться отсюда. — И угрюмо добавила: — Однако я знаю, что это невозможно. Поэтому я просто решила зайти к вам в гости. Понимаете?

Взяв ее за руку, он помог ей спуститься по трапу вниз, в комнату, которую ему выделили.

— Где остальные? — Она огляделась вокруг.

— Отсутствуют.

— Ушли? — Она приоткрыла дверь и увидела лежащих вокруг набора. — Ах вот как. А вы к ним не присоединились. — Она закрыла дверь и растерянно наморщила лоб. — Вы меня удивля-

ете. Я себя чувствую так, что охотно приняла бы немного кэн-ди. А вы так хорошо это переносите по сравнению со мной. Я такая… неприспособленная.

— Может быть, у меня более определенная цель, чем у вас, — сказал Барни.

— У меня тоже вполне определенные цели. — Энн сняла неудобный комбинезон и села, пока он готовил кофе для обоих. — В моем бараке — это в миле к северу отсюда — люди тоже отсутствуют, точно таким же образом. Вы знали, что я так близко? Вы искали бы меня?

— Наверняка.

Он нашел пластиковые, отвратительно разрисованные чашки и блюдца, поставил их на складной столик и придвинул стулья, тоже складные.

— Может быть, — сказал он, — власть Бога не простирается до Марса. Может быть, когда мы покинули Землю…

— Чепуха, — резко сказала Энн, приподнимаясь со стула.

— Я думал, мне удастся вас таким образом разозлить.

— Конечно. Он есть везде. Даже здесь.

Она бросила взгляд на его частично распа-

кованные вещи, на чемоданы и запечатанные коробки.

— Вы не слишком много с собой взяли.

— Большая часть моего багажа еще в пути, он прилетит на автоматическом грузовике.

Она подошла к стопке книг и начала изучать заглавия.

— «О подражании Христу», — с удивлением прочитала она. — Вы читаете Фому Кемпийского? Это великая и прекрасная книга.

— Я купил ее, — ответил он, — но так и не прочитал.

— А вы пробовали? Могу поспорить, что нет.

Она открыла книгу на первой попавшейся странице и начала читать:

— «Знай, что даже самое малое дарованное Им велико; а самое худшее принимай как особенный дар и знак любви Его». Это могло бы относиться к нашей жизни здесь, на Марсе, правда? Эта убогая жизнь, замкнутая в этих… бараках. Хорошее название. Почему, бога ради… — Она повернулась, умоляюще глядя на него. — Почему не может быть какого-то определенного срока, после которого можно вернуться домой?

— Колония, по определению, — ответил Барни, — должна быть чем-то постоянным. Пред-

ставьте себе остров Роанок.

— Да, — кивнула Энн. — Я об этом думала. Я бы хотела, чтобы Марс был одним большим островом Роанок и все могли вернуться домой.

— Чтобы поджариться на медленном огне.

— Мы можем эволюционировать, как это делают богачи; можно было бы проделать это в массовом масштабе.

Она решительно отложила книгу.

— Но я не хочу этого, этой хитиновой скорлупы и всего остального. Есть ли какой-нибудь выход? Знаете, неохристиане верят, что они путешественники в чужой стране. Странники. Теперь мы действительно странники, Земля перестает быть нашей естественной средой обитания, а этот мир наверняка никогда ею не станет. Мы остались без родины! — Она посмотрела на него, ее ноздри расширились. — У нас нет дома!

— Ну, — неуверенно сказал он, — всегда остаются кэн-ди и чуинг-зет.

— У вас есть немного?

— Нет.

Она кивнула:

— Значит, вернемся к Фоме Кемпийскому.

Однако она не взяла книгу и стояла опустив голову, погруженная в мрачные мысли.

— Я знаю, что будет дальше, мистер Майерсон… Барни. Мне не удастся никого обратить в неохристианство, вместо этого они обратят меня в веру в кэн-ди и чуинг-зет и тому подобное, что будет здесь в моде, лишь бы оно давало возможность бегства от действительности. Как секс. Здесь, на Марсе, очень свободные взаимоотношения, знаешь? Все спят со всеми. Я попробую даже это, собственно говоря, я готова на это уже сейчас… Я просто не могу всего этого вынести. Ты видел, как выглядят здешние окрестности?

— Да.

Однако это не произвело на него столь удручающего впечатления, даже вид запущенных огородов, заброшенного оборудования и больших куч гниющих отбросов. Из учебных фильмов он знал, что окраинные районы всегда так выглядят, даже на Земле; до недавнего времени Аляска выглядела так же, а Антарктида, за исключением курортов, выглядит так до сих пор.

— Эти колонисты в той комнате, со своим набором, — сказала Энн Хоуторн. — А если бы мы забрали у них сейчас Подружку Пэт и разбили ее на кусочки? Что бы с ними стало?

— Продолжали бы смотреть свой сон.

После погружения в сон необходимости в набо-

ре уже не было.

— Почему тебе вдруг этого захотелось?

Он был удивлен: в этой идее был явный привкус садизма, а до сих пор девушка казалась неспособной на жестокие поступки.

— Склонность к разрушению, — сказала Энн. — У меня есть желание уничтожить их идолов — Подружку Пэт и Уолта. Мне хочется это сделать, потому что… — Она на мгновение замолчала. — Я им завидую. С моей стороны это не религиозная страсть, а просто обычная, низменная жестокость. Я знаю. Если я не могу к ним присоединиться…

— Можешь. И присоединишься. И я тоже. Однако не сразу.

Он подал ей чашку кофе, она задумчиво взяла ее. Без тяжелого комбинезона она казалась необычно худой. Барни заметил, что они с ней одного роста, на каблуках она могла быть даже выше. У нее был странный нос. Слегка округлый, он тем не менее не выглядел смешно, но как-то наводил на мысли о Земле, об англосаксонских и норманнских крестьянах, обрабатывающих свои маленькие поля.

Ничего удивительного, что ей так не понравилось на Марсе, ее предки, несомненно, любили старушку Землю, ее вкус и запах, а больше всего

— память о минувшем, о созданиях, которые населяли ее и умерли, чтобы обратиться — не в прах, но в плодородную почву. Ну что ж, может быть, ей удастся возделать здесь огород, может быть, ей удастся собрать урожай там, где другим колонистам это не удалось. Странно, что она была столь подавлена. Или вновь прибывшие всегда вели себя так? Он как-то не испытывал сожаления. Может быть, где-то в глубине души он был убежден, что ему удастся вернуться на Землю. В таком случае это он был душевно болен, а не Энн.

— У меня есть немного кэн-ди, Барни, — вдруг сказала Энн. Она полезла в карман парусиновых рабочих брюк и достала маленький пакетик. — Я купила это недавно в своем бараке. Флэкс Блэк Спит, так он называется. Колонист, который мне это продал, знал, что в сравнении с чуинг-зет оно не представляет ценности, поэтому взял недорого. Я пробовала им воспользоваться… даже положила в рот. Но в конце концов, так же как и ты, не смогла. Разве убогая действительность не лучше самой интересной иллюзии? А может быть, это и есть иллюзия, Барни? Я ничего не знаю о философии, объясни мне это, потому что все, что я знаю, основывается на моих религиоз-

ных убеждениях, а это не помогает мне понять их. Эти наркотики.

Она развернула пакетик, пальцы ее дрожали.

— Я не могу больше, Барни.

— Подожди, — сказал он, отставляя чашку и направляясь к ней. Однако было уже поздно: она уже приняла кэн-ди. — Мне ничего не оставила? — весело спросил он. — Ты пропустишь самое интересное: у тебя не будет компании во время перемещения.

Взяв ее за руку, он вывел Энн из комнаты и поспешно провел по коридору в помещение, где лежали остальные; усаживая ее возле набора, он сочувственно сказал:

— Так у тебя будут общие с ними переживания, а насколько я знаю, это очень помогает.

— Спасибо, — сонно сказала она.

Она закрыла глаза, и тело ее постепенно обмякло.

Барни понял, что она уже стала Подружкой Пэт — в мире без проблем.

Он наклонился и поцеловал ее в губы.

— Я все еще в сознании, — пробормотала она.

— Ты все равно не будешь этого помнить, — сказал он.

— О нет, буду, — слабым голосом сказала Энн

Хоуторн. Потом он почувствовал, как она отдаляется.

Он остался один с семью телами и сразу же вернулся в свою комнату, где дымились две чашки кофе.

«Я мог бы влюбиться в эту девушку, — подумал он. — Не так, как в Рони Фьюгейт или даже как в Эмили, но совсем иначе. Иначе? Лучше? Или это просто от отчаяния? Так же, как сейчас Энн приняла кэн-ди, проглотила его единым духом, поскольку для нее не осталось ничего иного, кроме тьмы. Это — или бездна. И не на день или неделю — на века. Так что придется мне полюбить эту девушку».

Он сидел один среди не до конца распакованных вещей, пил кофе и размышлял, пока наконец в соседней комнате не послышались стоны и шорохи. Его товарищи по бараку приходили в себя. Он поставил чашку и пошел к ним.

— Почему ты отказался, Майерсон? — спросил Норм Шайн, потирая лоб и морщась. — Боже, как у меня болит голова!

Внезапно он заметил Энн Хоуторн; все еще без сознания, она лежала опершись спиной о стену и опустив голову на грудь.

— Кто это?

— Она присоединилась к нам под конец, — сказала Фрэн, неуверенно поднимаясь с пола. — Это приятельница Майерсона, они познакомились во время полета. Она очень мила, только у нее пунктик на почве религии, сами увидите.

Она смерила Энн критическим взглядом:

— Вполне симпатичная. Мне очень было интересно, как она выглядит. Я представляла себе ее несколько более… гм… серьезной.

Подходя к Барни, Сэм Риган сказал:

— Уговори ее, чтобы она жила с тобой, Майерсон; мы охотно проголосуем за то, чтобы принять ее в наш барак. У нас много места, а тебе нужна — скажем так — жена.

Сэм тоже посмотрел на Энн.

— Да-а, — сказал он. — Красивая. Длинные черные волосы. Мне такие нравятся.

— О да, — ехидно сказала Мэри Риган.

— Да, ну и что? — Сэм Риган сердито взглянул на нее.

— Я сделал ей предложение, — сказал Барни.

Все с любопытством посмотрели на него.

— Странно, — сказала Хелен Моррис, — когда мы только что были все вместе, она нам ничего об этом не сказала, и, судя по тому, что мы знаем, вы встретились только…

Фрэн Шайн, перебив ее, сказала Барни:

— Ты же не хочешь жить с чокнутой неохристианкой? У нас есть печальный опыт: в прошлом году мы выставили отсюда одну такую пару. Здесь, на Марсе, они могут доставить множество хлопот. Помни, что у нас были *общие* мысли… она рьяно исповедует какую-то религию, со всеми обрядами и ритуалами, устаревшими идеями, она в это действительно верит.

— Я знаю, — процедил Барни.

— Это правда, Майерсон, я тебе говорю, — спокойно сказал Тод Моррис. — Мы живем здесь слишком близко друг к другу, чтобы еще ввозить какой бы то ни было фанатизм с Земли. Это случалось в других бараках, мы знаем, что говорим. Мы должны руководствоваться принципом «живи и дай жить другим», без абсолютистских догматов и убеждений — барак для этого слишком мал.

Он закурил и посмотрел на Энн:

— Странно, что такая красивая девушка исповедует такие взгляды. Ну что ж, это может случиться с каждым.

Он был, казалось, озадачен.

— Она была довольна? — спросил Барни у Хелен Моррис.

— Да, до некоторой степени. Конечно, сначала

она расстроилась… в первый раз это естественно; она не знала, как совместно пользоваться телом. Однако она очень хотела научиться. Теперь все осталось ей одной, так что наверняка ей легче. Она еще наберется опыта.

Наклонившись, Барни Майерсон поднял куклу, Подружку Пэт в желтых шортах, майке в бело-красную полоску и сандалиях. Сейчас это Энн Хоуторн, подумал он. В некотором смысле, которого никто не понимает. Однако он мог уничтожить эту куклу, раздавить ее, а Энн — в своем воображаемом мире — никак бы не пострадала.

— Я хотел бы на ней жениться, — вдруг сказал он вслух.

— На ком? — спросил Тод. — На Подружке Пэт или на этой новенькой?

— Похоже, он имеет в виду Подружку Пэт, — язвительно сказал Норм Шайн.

— Наверняка нет, — отрезала Хелен. — И я думаю, что это хорошо: у нас было бы четыре пары вместо трех и одного одинокого холостого мужчины.

— Здесь можно напиться? — спросил Барни.

— Конечно, — сказал Норм. — У нас есть что пить; правда, это только эрзац-джин, но зато сорокаградусный, тебе наверняка хватит.

— Дайте мне немного, — сказал Барни, доставая бумажник.

— Это бесплатно. Корабли ООН сбрасывают его нам цистернами.

Норм подошел к закрытому шкафчику, достал ключ и открыл его.

— Скажи нам, Майерсон, — спросил Сэм Риган, — почему ты хочешь напиться? Из-за нас? Из-за барака? Из-за Марса?

— Нет.

Дело было не в этом, дело было в Энн и распаде ее личности, в том, что она сразу же приняла кэнди, не в силах примириться с тем, что она сдалась. Это было предзнаменование, которое относилось и к нему, — он видел на ее месте самого себя.

Если ему удастся ей помочь, может быть, ему удастся помочь и себе. А если нет…

У него было предчувствие, что если нет, то для обоих будет все кончено. Марс, как для него, так и для Энн, будет означать смерть. И наверняка скорую.

Глава 9

Вернувшись из мира Подружки Пэт к действительности, Энн Хоуторн была молчалива и подавлена. Это был плохой признак: Барни догадывался, что у нее те же предчувствия, что и у него. Однако она ничего не говорила, она просто пошла в его комнату за своим комбинезоном.

— Мне нужно возвращаться в Флэкс Блэк Спит, — объяснила она. — Спасибо, что позволили мне воспользоваться вашим набором, — сказала она колонистам, которые стояли вокруг, глядя, как она одевается. — Извини, Барни, — сказала она, опустив голову. — Это было некрасиво — оставить тебя одного, так, как это сделала я.

Он проводил ее до ее барака; они шли по песчаной равнине сквозь черноту ночи, не говоря ни слова и внимательно осматриваясь по сторонам, опасаясь местного хищника, о котором им рассказали, — похожего на шакала марсианского зверя, обладающего телепатическими способностями. Однако они ничего не заметили.

— Ну и как? — наконец спросил он.

— Ты имеешь в виду — каково ощущать себя бесстыжей кукольной блондинкой со всеми ее

проклятыми тряпками, парнем, автомобилем и… — Она вздрогнула. — Ужасно. Нет, не то. Просто… бессмысленно. Ничего я там не нашла. Как будто я снова стала подростком.

— Да-а, — пробормотал он. Вот тебе и Подружка Пэт.

— Барни, — тихо сказала она, — я должна найти что-нибудь другое, и быстро. Ты мог бы мне помочь? Ты мне кажешься умным, зрелым и опытным. Перемещение мне не поможет… Чуинг-зет будет не лучше, во мне что-то сопротивляется, я не буду его принимать… понимаешь? Да, ты понимаешь, я знаю. Черт возьми, ты ведь даже и в рот этого бы не взял, значит, ты должен меня понять. — Она крепко стиснула его руку и прижалась к нему в темноте. — Я еще кое-что знаю, Барни. Они тоже сыты этим по горло, единственное, чем они занимались, когда они… мы были куклами, — постоянно ссорились. Даже на мгновение это не доставляло им никакого удовольствия.

— О господи, — сказал он.

Светя вокруг фонарем, Энн сказала:

— Это ужасно, я бы предпочла, чтобы было иначе. Мне было больше жаль их, чем… — Она оборвала фразу и некоторое время шла молча,

потом вдруг сказала: — Я изменилась, Барни. Я это чувствую. Я хочу здесь присесть — где бы мы ни были. Ты и я, одни в темноте. А потом — ты знаешь, что потом… Мне не нужно объяснять, правда?

— Нет, — признался он. — Однако дело в том, что потом ты об этом пожалеешь. И я тоже, из-за тебя.

— Может быть, я буду молиться, — сказала Энн. — Это тоже нелегко, надо знать как. Ты молишься не за себя, но за других, мы называем это заступничеством. А тот, кому ты молишься, — это не Бог, который на небесах, где-то там, наверху… это Святой Дух, это нечто совсем другое, это ангел-заступник. Ты читал когда-нибудь святого Павла?

— Что?

— Новый Завет. Например, его Послания к коринфянам или римлянам… ну, ты знаешь. Павел говорит, что наш враг — смерть, это наш последний враг, поэтому, я думаю, и самый главный. Как говорит Павел, все мы отравлены, не только наши души, но и наши тела; они должны умереть, чтобы мы могли вновь возродиться в новых телах — нематериальных, неуничтожимых. Понимаешь? Ты знаешь, когда я была

недавно Подружкой Пэт… у меня было странное ощущение, что… глупо об этом говорить или в это верить, но…

— Но, — закончил за нее Барни, — тебе показалось, что ты уже предчувствовала, что так будет; ты уже знала, какое это может быть ощущение, — ты сама мне об этом говорила на корабле.

«Многие, — подумал он, — тоже это прекрасно понимали».

— Да, — согласилась Энн, — но я не отдавала себе отчета в том, что… — Она повернулась к нему, в темноте он едва мог различить ее лицо. — Перемещение — это лишь намек, который мы можем получить по эту сторону смерти. Значит, это лишь искушение. Если бы не эта ужасная кукла, эта Подружка Пэт…

— Чуинг-зет, — напомнил Барни.

— Именно об этом я и думаю. Если бы это было так, как говорит святой Павел — что смертный приобретает таким образом бессмертную сущность… Я не смогла бы удержаться, Барни, я должна была бы жевать чуинг-зет. Я не могу ждать до конца жизни… это может означать пятьдесят лет на Марсе, полвека! — Она задрожала. — Зачем мне ждать, если я могу получить это сейчас?

— Последний человек, с которым я разговаривал на Земле, — сказал Барни, — и который принимал чуинг-зет, сказал, что это было самое страшное, что ему пришлось пережить.

Это ее удивило.

— То есть как?

— Он оказался во власти кого-то или чего-то, что он счел воплощением зла, и это его потрясло. Ему повезло, что он сумел выбраться оттуда, — и он знал это.

— Барни, — сказала она, — почему ты оказался на Марсе? Не говори только, что тебя призвали; вполне можно было пойти к психиатру и…

— Я на Марсе, — сказал он, — потому что я совершил ошибку.

«По твоей терминологии, — подумал он, — это называлось бы грехом. По моей тоже», — решил он.

— Кто-то пострадал из-за тебя? — спросила Энн.

Он пожал плечами.

— И теперь ты здесь на всю жизнь, — сказала она. — Барни, ты не мог бы достать мне чуинг-зет?

— Нет проблем, — ответил он. Он был уверен, что вскоре встретит кого-нибудь из торговцев

Элдрича. Положив руку ей на плечо, он сказал: — Ты столь же легко можешь получить его и сама.

Она прижалась к нему, а он обнял ее, она не сопротивлялась, даже с облегчением вздохнула.

— Барни, я хочу тебе кое-что показать. Листовку, которую дал мне один человек в моем бараке; он сказал, что недавно им сбросили их целую пачку. Те самые, из фирмы «Чуинг-зет».

Она полезла в недра своего комбинезона, некоторое время искала, и наконец он увидел в свете фонаря сложенную бумажку.

— Прочитай. Ты поймешь, почему я столько говорю о чуинг-зет… и почему для меня это такая проблема.

Поднеся бумагу к свету, он прочитал первую строчку. Крупные черные буквы сообщали:

БОГ ОБЕЩАЕТ ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ.
МЫ МОЖЕМ ЕЕ ПРЕДОСТАВИТЬ

— Видишь? — сказала Энн.

— Вижу. — Он даже не стал утруждать себя чтением остального, снова сложил бумажку и отдал ей. У него было тяжело на сердце. — Неплохой лозунг.

— Это правда.

— Это, конечно, не назовешь большой ло-

жью, — сказал Барни, — но это лишь заменитель большой правды.

Он думал — что хуже? Трудно сказать. Лучше всего, если бы Палмер Элдрич упал замертво по причине богохульства, крикливо заявленного в листовке, но на это явно было трудно рассчитывать.

«Зло, воплощенное в каком-то пришельце из системы Проксимы, который предлагает то, о чем мы молились две тысячи лет, — думал он. — А, собственно, почему мы ощущаем, что это зло? Трудно сказать, но это так. Поскольку это может означать пожизненную связь с Элдричем, какую испытал Лео; с этих пор Элдрич постоянно будет с нами, будет проникать в нашу жизнь. А Он, Который хранил нас в прошлом, будет лишь бездеятельно созерцать это.

Всякий раз, когда мы переместимся, — думал он, — мы встретим не Бога, но Палмера Элдрича».

— А если чуинг-зет не оправдает твоих ожиданий… — вслух начал он.

— Не говори так.

— Если не оправдает твоих ожиданий Палмер Элдрич, то, может быть… — Он замолчал. Они приближались к бараку Флэкс Блэк Спит, среди

марсианской ночи слабо светился фонарь над входом. — Ты уже дома.

Ему не хотелось отпускать ее; держа руку на ее плече, он прижал девушку к себе, думая о том, что сказал о ней своим товарищам по бараку.

— Давай вернемся вместе, — сказал он, — в Чикен-Покс. Там мы сможем законно пожениться.

Она недоверчиво посмотрела на него и рассмеялась.

— Это означает «нет»? — безжизненным голосом спросил он.

— Что это такое, — спросила она, — этот Чикен-Покс? А, понимаю, это кодовое название вашего барака. Извини, Барни, я не хотела тебя обидеть. Однако ответ, естественно, будет «нет».

Она отодвинулась от него и открыла внешнюю дверь, которая вела во входной тамбур барака. Внезапно она положила фонарь и подошла к нему, протянув руки.

— Полюби меня, — сказала она.

— Не здесь. Слишком близко от входа, — испугался Барни.

— Где хочешь. Забери меня куда хочешь, — говорила она, обнимая его за шею. — Прямо сейчас. Не теряй времени.

Он не стал терять времени.

Взяв ее на руки, он отнес ее подальше от барака.

— О боже, — сказала она, когда он положил ее на песок; потом она тихо застонала, может быть, от холода — ведь теперь их тела не были защищены комбинезонами.

«Один из законов термодинамики, — думал он. — Теплообмен, молекулы, которые переходят от меня к ней и обратно, как это называется… энтропия?»

— Ох, — сказала она в темноте.

— Больно?

— Нет. Извини. Пожалуйста.

Холод сковывал его спину, казалось, его излучало черное небо. Барни, как мог, старался не замечать его, но постоянно думал об одеяле, о толстом шерстяном одеяле… странно — думать об этом в такой момент. Он мечтал о мягком, теплом одеяле — вместо холодного, разреженного воздуха, из-за которого он тяжело дышал, как будто уже кончал.

— Ты что… умираешь? — спросила Энн.

— Мне просто тяжело дышать. Воздух.

— Бедный, бедный… О боже! Я забыла, как тебя зовут.

— Очень приятно, черт побери.

— Барни!

Он крепко прижал ее к себе.

— Нет! Не останавливайся!

Она напряглась. Зубы ее стучали.

— Я и не собирался, — сказал он.

— О-о-ох!

Он рассмеялся.

— Прошу тебя, не смейся надо мной.

— Это не со зла.

Наступила долгая тишина.

— Уф, — наконец сказала Энн.

Она вскочила, как будто под действием некоей силы. У него возникла ассоциация с нервной системой лягушки, возбуждаемой электрическими импульсами. Жертва обстоятельств, не пытающаяся сопротивляться. Его высокая, бледная, обнаженная собственность. Вполне реальная. Давно к этому готовая.

— Все в порядке?

— Да, — сказала она. — Да, Барни. Вне всякого сомнения. Да!

Позже, когда он одиноко брел в свой барак, он подумал: «Может быть, я делаю то, что должен был делать Элдрич. Я ломаю ее, деморализую… как будто ее уже нет. Как будто всех нас уже нет».

Что-то преградило ему путь.

Барни остановился, нащупывая в кармане оружие, которое ему выдали: кроме грозного шакала-телепата здесь можно было — особенно ночью — встретить и других ядовитых и прожорливых тварей. Он осторожно включил фонарь, ожидая увидеть нечто жуткое и многоногое, наверняка со студенистым телом. Вместо этого он увидел стоящий корабль, маленький, легкий и быстрый. Дюзы все еще дымились, значит, корабль сел недавно и, видимо, садился с выключенными двигателями, поскольку никакого шума Барни не слышал.

Изнутри выбрался человек, включил фонарь, заметил Барни Майерсона и, откашлявшись, сказал:

— Меня зовут Аллен Фейн. Я везде вас ищу. Лео хочет поддерживать с вами связь через меня. Я буду передавать вам зашифрованную информацию во время моих передач, вот вам кодовая книжка. — Он протянул Барни небольшой томик. — Вы знаете, кто я?

— Рекламный агент, — ответил Барни. Ночная встреча посреди марсианской пустыни с человеком со спутника «Наборов П. П.» казалась ему нереальной. — Спасибо, — сказал он, беря

книгу. — И что мне делать — записывать, что вы будете говорить, а потом расшифровывать где-нибудь в углу?

— У вас будет в комнате собственный телевизор, нам удалось это устроить на том основании, что, как новичок на Марсе, вы нуждаетесь…

— Ладно, — кивнул Барни.

— Значит, у вас уже есть девушка, — сказал Фейн. — Прошу извинить, что воспользовался инфракрасным освещением…

— Не извиняю.

— Вы убедитесь, что в таких делах на Марсе трудно сохранить тайну. Это как бы маленький городок, и все колонисты жаждут новостей, особенно скандальных. Я это знаю… в этом заключается моя работа, постоянно передавать… естественно, о многом я не могу говорить. Кто эта девушка?

— Не знаю, — саркастически сказал Барни. — Было темно, я не разглядел.

Он начал обходить корабль, намереваясь уйти.

— Подождите. Вы должны знать еще кое-что. В этом районе уже работает торговец чуинг-зет, и, по нашим расчетам, завтра утром он может появиться в вашем бараке. Будьте к этому готовы. Позаботьтесь о том, чтобы купить товар в при-

сутствии свидетелей; они должны видеть, как вы совершаете сделку, а также засвидетельствовать, что вы приняли именно этот наркотик. Вы поняли? — спросил Фейн и добавил: — И попробуйте вытянуть из торговца, чтобы он гарантировал вам безвредность препарата, естественно на словах. Постарайтесь, чтобы он навязал вам свою продукцию, ни о чем не просите. Хорошо?

— А что я с этого буду иметь? — спросил Барни.

— Не понял?

— Лео не потрудился объяснить…

— Я скажу вам что, — тихо произнес Фейн. — Мы заберем вас с Марса. Это и будет нашей платой.

Помолчав, Барни сказал:

— В самом деле?

— Естественно, это будет сделано нелегально. Только ООН может законным образом вернуть вас на Землю, а этого не будет. Мы просто однажды ночью заберем вас и отвезем в «Домик Винни Пуха».

— И мне придется остаться там навсегда.

— Пока хирурги Лео не изменят вашу внешность, отпечатки пальцев, энцефалограмму и прочие индивидуальные черты; тогда вы снова объявитесь, вероятно, в своей бывшей фирме «Наборы П. П.». Насколько я знаю, вы были их

человеком в Нью-Йорке. Года через два, два с половиной вы снова будете там. Так что не теряйте надежды.

— А может быть, мне этого не хочется, — сказал Барни.

— Что? Наверняка хочется. Каждый колонист желает…

— Я подумаю, — сказал Барни, — и дам вам знать. Однако, может быть, мне захочется чего-нибудь другого.

Он думал об Энн. Вернуться на Землю и снова карабкаться в гору, может быть, даже вместе с Рони Фьюгейт… в глубине сознания он чувствовал, что эта перспектива вовсе не столь привлекательна, как этого можно было бы ожидать. Марс, а также близость с Энн Хоуторн изменили его еще в большей степени. Он думал о том, что оказало на него большее влияние.

«И то и другое, — подумал он. — А кроме того, меня, собственно, не призывали, я явился добровольно. И я никогда не должен об этом забывать».

— Мне известны некоторые обстоятельства, Майерсон, — сказал Фейн. — Вы сделали это, чтобы искупить вину.

— И вы тоже? — удивленно сказал Барни. Ка-

залось, склонность к религиозности здесь была весьма распространена.

— Может быть, это вам и не нравится, — сказал Фейн, — но это самое подходящее слово. Послушайте, Майерсон: прежде чем мы заберем вас в «Домик Винни Пуха», вы успеете искупить свою вину в достаточной степени. Вы еще кое о чем не знаете. Взгляните. — Он не спеша достал из кармана маленькую пластиковую ампулу.

— Что это? — похолодев, спросил Барни.

— Ваша болезнь, — ответил Фейн. — Лео убежден — поскольку так говорят юристы, — что одних ваших показаний в суде о том, что препарат повредил вашему здоровью, будет недостаточно. Они захотят вас обследовать.

— Я хочу точно знать, что это.

— Эпилепсия, Майерсон. Кью-мутация, вызывающая симптомы, происхождения которых никто не в состоянии определить; идут споры о том, связано ли это с нарушением психики или же с органическими повреждениями мозга, которые не обнаруживаются на энцефалограммах.

— А какие проявления?

— Припадки, — сказал Фейн и, помолчав, добавил: — Мне очень жаль.

— Понятно, — пробормотал Барни. — И как

долго это продлится?

— Мы можем дать вам противоядие после суда, но не раньше. Самое большее год. Теперь вам должно быть понятно, что я имел в виду, когда говорил, что вы сверх всякой меры искупите свою вину за то, что не помогли в свое время Лео. Заявив, что эта болезнь является побочным эффектом употребления чуинг-зет, мы сможем…

— Конечно, — сказал Барни. — Эпилепсия — это все еще одно из страшных слов. Как когда-то рак. Люди испытывают перед ней иррациональный страх, поскольку знают, что могут заболеть в любой момент, без предупреждения.

— Особенно этой последней кью-мутацией. Черт возьми, еще даже не существует теории, объясняющей ее возникновение. Важно то, что кью-мутация не вызывает органических изменений в мозгу, что означает, что мы сможем вас вылечить. Возьмите, вот ампула. Это токсин с действием, подобным метразолу; подобным, но в отличие от метразола он вызывает периодические припадки и характерное искажение энцефалограммы в перерывах между ними — пока он не будет нейтрализован, как я вам уже говорил.

— Анализ крови этого не обнаружит?

— Он обнаружит присутствие какого-то токсина, а именно это нам и нужно. Поскольку мы представим документы — результаты вашего медицинского и психиатрического обследования, которое вы недавно прошли на призывной комиссии… и соответственно докажем, что, когда вы прибыли на Марс, вы не страдали эпилепсией. И таким образом, Лео — с вашей помощью — сможет утверждать, что присутствие токсина в крови является побочным эффектом употребления чуинг-зет.

— И даже если я проиграю в суде…

— То и в этом случае продажа чуинг-зет будет сильно ограничена. Несмотря ни на что, большинство колонистов мучает страх, что перемещающие наркотики могут при длительном употреблении оказаться вредными для здоровья. Токсин в этой ампуле, — добавил Фейн, — достаточно редкий. Лео раздобыл его по известным ему каналам, думаю, что на Ио. Один врач…

— Вилли Денкмаль, — перебил его Барни.

Фейн пожал плечами:

— Может быть. Во всяком случае, токсин в ваших руках; примите его сразу же, как только попробуете чуинг-зет. Постарайтесь, чтобы первый припадок случился в присутствии других

колонистов, не где-нибудь в пустыне во время мелиорации или полевых работ. Как только припадок пройдет, хватайтесь за видеофон и вызывайте медицинскую помощь ООН. Пусть вас обследуют независимые врачи, не требуйте своего личного доктора.

— Может, было бы неплохо, — сказал Барни, — если бы врачи ООН могли сделать мне энцефалограмму во время припадка.

— Обязательно. Поэтому сразу же попытайтесь попасть в госпиталь ООН, их только три на весь Марс. Вам это удастся, поскольку у вас будут веские причины... — Фейн поколебался. — Честно говоря, действие токсина приведет к тому, что ваши припадки будут сопровождаться стремлением к разрушению, направленному как против других, так и против вас. С технической точки зрения это будут приступы истерии разной степени агрессивности, заканчивающиеся частичной или полной потерей сознания. С самого начала будет известно, что с вами, поскольку, как мне говорили, наступит типичная тоническая стадия, с сильными судорогами мышц, а после нее клоническая стадия — ритмичные судороги, перемежающиеся расслаблением. После этого, естественно, наступает кома.

— Иначе говоря, — сказал Барни, — классическая судорожная форма эпилепсии.

— Это вас пугает?

— Не знаю, какое это имеет значение. Я кое-что должен Лео, он знает об этом, и вы тоже. Я все еще не согласен со словом «искупление», но, кажется, оно все же подходит.

Он думал о том, как его искусственно вызванная болезнь повлияет на отношения с Энн. Наверняка все будет кончено. Так что он действительно жертвовал многим ради Лео Булеро. Однако и Лео делал многое ради него: он забирал его с Марса.

— Мы считаем вполне вероятным, — сказал Фейн, — что вас попытаются убить, как только вы потребуете адвоката. Фактически они…

— Я хотел бы сейчас вернуться в барак, — сказал Барни. — Хорошо?

— Прекрасно. Привыкайте к местным условиям. Однако позвольте мне дать вам совет в отношении той девушки. В соответствии с законом Добермана — помните, он был первым, кто женился и развелся на Марсе, — интимные отношения на этой проклятой планете ухудшаются прямо пропорционально эмоциональной привязанности друг к другу. Даю вам самое большее две недели, и не потому, что вы заболеете, а потому,

что таков средний срок. А ООН это поддерживает, поскольку — откровенно говоря — это означает большее количество детей, а значит, и больше колонистов. Улавливаете?

— ООН, — ответил Барни, — может не поддержать мою связь с ней, поскольку она основывается на несколько иных принципах, чем вы думаете.

— Нет, — холодно сказал Фейн. — Вам может так казаться, но я наблюдаю за всей планетой и днем и ночью. Я просто констатирую факт, а не критикую. Честно говоря, я вам симпатизирую.

— Спасибо, — сказал Барни и пошел в сторону барака, освещая себе путь фонарем. Висевший на шее маленький сигнализатор, который писком предупреждал его, когда он приближался — и, что важнее, когда он не приближался — к своему бараку, запищал громче. Звук этот напоминал кваканье лягушек в пруду.

«Я приму яд, — думал Барни. — И пойду в суд, и подам на этих выродков. Сделаю это ради Лео. Потому что я в долгу перед ним. Однако я не вернусь на Землю, или мне удастся это здесь, или не удастся вообще. Надеюсь, вместе с Энн Хоуторн, а если нет, то мне одному или с кем-нибудь другим — буду жить по этому закону Добермана, как

предсказывает Фейн. Во всяком случае, „земля обетованная“ находится здесь, на этой нищей планете.

Завтра утром, — решил он, — я начну очищать от многовековых наслоений песка участок под мой первый огород. Это будет моим первым шагом».

Глава 10

На следующий день Норм Шайн и Тод Моррис все утро учили его управлять бульдозером, пескоходом и экскаватором. Машины уже разваливались, но каждую из них, как старого коня, можно было заставить сделать еще одно усилие. Однако результаты были неутешительны: машинами чересчур долго не пользовались.

К полудню Барни уже окончательно выдохся. Поэтому он устроил себе перерыв и, отдыхая в тени огромного ржавого трактора, съел завтрак и запил его тепловатым чаем из термоса, который любезно принесла ему Фрэн Шайн.

Внизу, в бараке, остальные колонисты занимались тем, чем привыкли заниматься в это время; его это не интересовало.

Всюду вокруг он видел заброшенные, запущенные огороды; он думал о том, не забудет ли он скоро и о своем. Может быть, каждый новый колонист из последних сил пытается начать точно так же, пока его не охватывает уныние и бессилие. Но так ли все безнадежно? Вовсе нет.

«Весь вопрос в том, как к этому относиться, — решил он. — А мы… все сотрудники „Наборов

П. П.“ — охотно давали им выход легкий и безболезненный. А теперь появился Палмер Элдрич, чтобы положить этому конец. Мы сами проложили ему дорогу, и я в том числе, — и что теперь? Есть ли у меня возможность, как это назвал Фейн, искупить свою вину?»

Подошла Хелен Моррис.

— Как дела? — весело спросила она, присаживаясь рядом с ним, и открыла толстый каталог семян с большим символом ООН на обложке. — Смотри, что они доставляют бесплатно: все семена, какие здесь могут прорасти, включая репу.

Сидя рядом с Барни, она листала каталог.

— Однако здесь обитает маленький, похожий на мышь зверек — землеройка, который по ночам выходит на поверхность. Он все съедает. Тебе придется поставить самоходные ловушки.

— Ладно, — сказал Барни.

— Это впечатляющее зрелище, когда такая ловушка несется по пустыне, преследуя марсианскую мышь. Боже, ну и мчатся же они. Как ловушка, так и мышь. Для развлечения можно делать ставки. Я обычно ставлю на ловушку. Я просто восхищаюсь ими.

— Думаю, что я тоже поставлю на ловушку.

«Я испытываю большое уважение к ловуш-

кам, — подумал он. — Иначе говоря, к ситуациям без выхода. Неважно, что написано на дверях».

— ООН также бесплатно предоставит тебе двух роботов. На срок не больше шести месяцев. Так что лучше спланируй заранее, как ты их будешь использовать. Лучше всего с их помощью прокладывать оросительные каналы. Наши уже довольно плохие. Иногда такой канал должен быть длиной миль в двести, даже больше. Ты можешь также договориться…

— Ни с кем я договариваться не буду, — перебил Барни.

— Но это действительно выгодно: найти кого-нибудь из живущих в ближайшем бараке, кто начал копать свой оросительный канал и забросил работу; купи у него то, что он успел сделать, и продолжай. Эта твоя девушка из Флэкс Блэк Спит переедет сюда и будет жить с тобой? — с любопытством спросила она.

Он не ответил, он смотрел в черное марсианское небо, даже в полдень усеянное звездами. Над ними пролетал корабль. Неужели торговец чуинг-зет? Значит, наступил момент, когда ему придется пожертвовать собой, чтобы спасти монополию Лео, разросшуюся межпланетную империю, которой он уже ничем не был обязан.

«Удивительно, — думал он, — сколь сильно может быть стремление к самоуничтожению!»

Напряженно вглядываясь в небо, Хелен Моррис объявила:

— К нам гости! Это не корабль ООН. — Она сразу же направилась к бараку. — Пойду скажу им.

Он сунул руку в левый карман, дотронулся до спрятанной там ампулы и подумал: «Смогу ли я это сделать?»

Это казалось невозможным, ничто в его прошлой жизни не могло бы объяснить подобного поступка.

«Может быть, — подумал он, — это от отчаяния, после утраты всего, что я имел».

Однако он не считал это причиной, причина была в чем-то другом.

Пока корабль садился на песчаной равнине неподалеку, Барни думал: «Может, таким образом я хочу продемонстрировать Энн правду о чуинг-зет. Даже если с этой целью нам придется прибегнуть к обману. Ведь если я приму яд, она не примет чуинг-зет».

Он интуитивно предчувствовал это. Этого было достаточно.

Из корабля вышел Палмер Элдрич.

Его узнал бы каждый: со времени катастрофы

корабля на Плутоне газеты помещали одну его фотографию за другой. Естественно, снимки были десятилетней давности, но Элдрич мало изменился. Седой и костлявый, ростом в шесть футов с лишним, он ходил необычно быстро, размахивая руками. Лицо его было изможденным и морщинистым, как бы полностью лишенным жировой прослойки; как будто, думал Барни, в своей неудержимой алчности Элдрич сам пожрал энергетические ресурсы своего тела. У него были огромные стальные зубы, которые вставил ему перед отлетом на Проксиму чешский стоматолог. Эти зубы составляли единое целое с его челюстями и должны были служить ему до смерти. Правая рука у него была искусственной, настоящую он потерял двадцать лет назад во время охоты на Каллисто. Нынешняя была, конечно, лучше, поскольку позволяла пользоваться различными сменными кистями. Сейчас пятипалую, как у всех людей, конечность Элдрича, если бы не металлический блеск, можно было бы принять за настоящую.

У него не было и глаз. По крайней мере, в обычном значении этого слова. Ему сделали протезы — за цену, которую только он мог и хотел заплатить; их изготовили бразильские окулисты перед

самым его отлетом на Проксиму. Работа была великолепная. Протезы, подогнанные к глазницам, не имели зрачков и были неподвижны. Панорамный обзор обеспечивали два широкоугольных объектива, находившиеся за узкой горизонтальной щелью. Элдрич потерял глаза не из-за несчастного случая, в Чикаго неизвестные личности плеснули ему в лицо кислотой, по столь же неизвестным причинам… по крайней мере, неизвестным широкой публике. Элдрич наверняка знал из-за чего. Однако он ничего не сказал, никуда не жаловался; вместо этого он направился прямо к своим бразильским окулистам. Горизонтальная щель искусственных глаз, казалось, доставляла ему удовольствие; почти сразу же после операции он появился на торжествах по случаю открытия нового оперного театра в штате Юта и без смущения вращался в кругу себе подобных. Даже сейчас, десять лет спустя, такие операции были редкостью, и Барни впервые видел широкоугольные люксвидовые глаза системы Дженсена; они, а также искусственная рука с возможностью использования разнообразных конечностей произвели на него большее впечатление, чем он ожидал… или это было что-то другое?

— Мистер Майерсон, — сказал Палмер Элдрич и улыбнулся; в холодном, слабом свете марсианского солнца блеснули стальные зубы. Он протянул руку, и Барни машинально протянул свою.

«Твой голос, — подумал Барни. — Он идет откуда-то из другого места, не из…»

Он заморгал. Фигура Элдрича была бестелесной, прозрачной. Это была какого-то рода искусственно вызванная иллюзия. Барни внезапно осознал всю иронию происходящего: этот человек и так уже был в значительной степени искусственным, а теперь он лишился и остатков своего тела.

«Неужели именно *это* вернулось на Землю с Проксимы?» — думал Барни.

Если так, то Хепберн-Гилберт был введен в заблуждение — это не был человек. Ни в одном из значений этого слова.

— Я все еще внутри корабля, — сказал Палмер Элдрич, голос доносился из встроенного в корпус громкоговорителя. — Обычная осторожность в связи с тем, что ты сотрудник Лео Булеро.

Призрачная рука коснулась Барни, он почувствовал, как его охватывает пронизывающий холод — чисто психологическая реакция, поскольку не было ничего, что могло бы вызвать подобное ощущение.

— Бывший сотрудник, — уточнил Барни.

За его спиной из барака появились остальные: Шайны, Моррисы и Риганы; они приближались, как испуганные дети, с опаской глядя на знаменитого гостя.

— В чем дело? — пробормотал Норм Шайн. — Это призрак, мне это не нравится.

Останавливаясь рядом с Барни, он добавил:

— Мы живем в пустыне, Майерсон, мы постоянно наблюдаем миражи — корабли, людей и другие формы жизни. Это именно один из таких случаев: ни этого типа, ни корабля здесь нет.

— Они наверняка в шестистах милях отсюда, — сказал Тод Моррис. — Это фата-моргана. Ты к этому привыкнешь.

— Ведь вы меня слышите, — загремел громкоговоритель голосом Палмера Элдрича. — Я действительно здесь, и у меня к вам дело. Кто главный в вашем бараке?

— Я, — сказал Норм Шайн.

— Вот моя визитная карточка, — сказал Палмер Элдрич, протягивая руку с небольшим белым прямоугольником, и Норм Шайн машинально попытался взять его. Карточка пролетела мимо его пальцев и упала на песок. Элдрич улыбнулся холодной, мимолетной улыбкой и предложил: —

Взгляни на нее.

Норм наклонился и изучил карточку.

— Именно, — сказал Элдрич. — Я прибыл сюда, чтобы подписать договор с вашей группой. Речь идет о доставке…

— Избавь нас от речей о доставке того, что Бог лишь обещает, — сказал Шайн. — Скажи только сколько.

— Около одной десятой стоимости продукции конкурента. И это намного эффективнее, вам даже не потребуются наборы.

Элдрич, казалось, обращался исключительно к Барни, однако из-за искусственных глаз невозможно было определить, на кого направлен его взгляд.

— Как вам нравится здесь, на Марсе, мистер Майерсон?

— Очень весело, — ответил Барни.

— Прошлой ночью, — сказал Элдрич, — когда Аллен Фейн прилетал сюда со своего дурацкого спутника, чтобы с вами встретиться… о чем вы разговаривали?

— О деле, — ответил Барни.

Он думал быстро, но не слишком, из громкоговорителя уже раздался следующий вопрос:

— Значит, вы все еще работаете на Лео. Факти-

чески ваше прибытие сюда было организовано специально, незадолго до начала распространения чуинг-зет. Почему? У вас есть какая-то идея, как помешать этому? В вашем багаже не было никаких пропагандистских материалов, никаких листовок и другой печати, кроме обычных книг. Может быть, вы должны были распространять слухи? Устная пропаганда. Чуинг-зет… что, мистер Майерсон? Вреден при постоянном употреблении?

— Не знаю. Будет возможность — попробую. Тогда увижу.

— Мы все ждем этой возможности, — сказала Фрэн Шайн, она держала в руке пачку скинов, готовая немедленно заплатить. — Вы можете сразу продать нам немного или надо еще подождать?

— Я могу сразу продать вам первую порцию, — сказал Элдрич.

Люк корабля с треском распахнулся. Из него выскочила маленькая самоходная тележка и двинулась в сторону колонистов. Она остановилась в ярде от них, и из нее выпала коробка, завернутая в знакомую коричневую упаковочную бумагу.

Коробка лежала у их ног, и Норм Шайн наклонился и поднял ее. Это не было галлюцинацией. Норм осторожно развернул бумагу.

— Чуинг-зет, — выдохнула Мэри Риган. — О, как много! Сколько это стоит, мистер Элдрич?

— За все, — ответил Элдрич, — пять скинов.

Автомат выдвинул маленький ящичек, по размеру как раз такой, чтобы в нем поместились скины.

После короткого спора колонисты пришли к согласию; пять скинов были положены в ящичек, который тут же снова закрылся. Автомат развернулся и молниеносно исчез внутри корабля. Палмер Элдрич, огромный, седой и бестелесный, остался.

«Похоже, это его забавляет», — решил Барни.

Элдрича не волновали тайные планы Лео Булеро, он просто радовался.

Полный мрачных мыслей, Барни двинулся в направлении крошечного островка очищенного грунта, где когда-нибудь он начнет возделывать свой огород. Повернувшись спиной к Элдричу и колонистам, он включил автоматический экскаватор, который, шипя и ворча, с трудом начал поглощать песок. Майерсон подумал о том, как долго еще проработает машина. И каким образом здесь, на Марсе, можно достать запасные части. Может быть, их вообще не существовало, колонисты просто оставляли машины ржаветь.

Позади послышался голос Палмера Элдрича:

— Теперь, мистер Майерсон, можете жевать до конца жизни.

Барни невольно оглянулся. Это был не призрак, Элдрич действительно вышел из корабля.

— Это верно, — ответил Майерсон. — И ничто не могло бы доставить мне большего удовольствия.

Он пытался починить ковш экскаватора.

— Где здесь, на Марсе, ремонтируют технику? — спросил он Элдрича. — ООН занимается этим?

— Откуда я знаю? — сказал Элдрич.

Кусок ковша отвалился, оставшись в руке Барни, который крепко его сжал, оценивая его вес. Кусок металла, напоминавший монтировку, был тяжелый, и Барни подумал: «Я мог бы этим его убить. Прямо здесь и сейчас. Будет ли это хорошим выходом из положения? Никакого токсина, вызывающего симптомы эпилепсии, никаких судебных процессов…»

Однако ему пришлось бы за это заплатить. Он пережил бы Элдрича всего лишь на несколько часов.

Или, может быть, все-таки стоило бы?..

Он повернулся, и тогда… События понеслись с такой скоростью, что он даже не мог бы с точно-

стью сказать, что произошло в действительности. Из стоявшего корабля ударил луч лазера, и Барни ощутил внезапный толчок, когда луч попал в кусок металла, который он держал в руке. В тот же самый момент Палмер Элдрич ловким, танцующим движением отскочил назад, взлетая вверх при слабом марсианском тяготении, и — Барни не поверил собственным глазам — всплыл, как воздушный шар, скаля стальные зубы и размахивая искусственной рукой. Потом, как будто его тянули на невидимом тросе, он по волнообразной траектории полетел к кораблю и исчез внутри. Люк захлопнулся, и Элдрич был в безопасности.

— Почему он это сделал? — снедаемый любопытством, спросил Норм Шайн. — Что там произошло, боже мой?

Барни не ответил, он выронил из дрожащих рук остатки металлической палки; коснувшись земли, они рассыпались в пыль.

— Майерсон с Элдричем поссорились, — сказал Тод Моррис. — Похоже, они что-то не поделили.

— Во всяком случае, — сказал Норм, — у нас есть чуинг-зет. Майерсон, в будущем лучше держись от Элдрича подальше, говорить с ним буду я. Если бы я знал, что из-за того, что ты работаешь у Булеро…

— Уже не работаю, — прервал его Барни и вернулся к сломанному экскаватору. Первая попытка убить Палмера Элдрича оказалась неудачной. Будет ли у него еще когда-нибудь такая возможность?

И была ли у него такая возможность сейчас?

Он пришел к выводу, что ответ на оба эти вопроса будет один — «нет».

В тот же день, ближе к вечеру, колонисты из Чикен-Покс собрались, чтобы вместе принять наркотик. В торжественной обстановке, при напряженном молчании присутствующих, порции чуинг-зет были поделены между всеми.

— Тьфу, — скривившись, сказала Фрэн Шайн. — Отвратительный вкус.

— Подумаешь, вкус, — нетерпеливо бросил Норм, кладя в рот свою порцию. — Кажется, ты права, — добавил он, — вкус как у протухших грибов. — Он стоически проглотил слюну и продолжал жевать. — Гэк, — сказал он мгновение спустя, и его вырвало.

— Без набора… — начала Хелен Моррис. — Где мы окажемся? Просто где-нибудь? Я боюсь, — быстро говорила она. — Мы будем все вместе? Ты уверен, Норм?

— Кого это волнует? — сказал Сэм Риган, пере-

жевывая свою порцию.

— Смотрите на меня, — сказал Барни Майерсон.

Они с любопытством повернулись к нему, что-то в его голосе заставляло их подчиняться.

— Я кладу чуинг-зет в рот, — сказал Барни. — Вы видите, как я делаю это? — Он начал жевать. — Теперь я жую.

Сердце его громко стучало.

«Боже, — подумал он. — Удастся ли мне выйти из этой истории невредимым?»

— Да, мы видим, — сказал Тод Моррис, кивнув. — Ну и что? Собираешься лопнуть, или взмыть в воздух, как Элдрич, или еще что-нибудь?

Он тоже начал жевать свою порцию. Все уже жевали, все семеро, увидел Барни. Он закрыл глаза.

Открыв их, он увидел склонившуюся над ним жену.

— Я еще раз спрашиваю, — сказала она, — ты хочешь второй «Манхэттен» или нет? Если хочешь, то мне нужно приготовить еще льда.

— Эмили, — неуверенно сказал он.

— Да, мой дорогой, — язвительно сказала она. — Каждый раз, когда ты так произносишь

мое имя, я знаю, что ты собираешься прочитать мне очередную лекцию. Что на этот раз?

Она уселась на диван напротив него и разгладила юбку — яркую, в бело-голубую полоску, которую он купил ей на Рождество.

— Я готова, — заявила она.

— Никаких лекций, обещаю, — сказал он.

«Неужели я в самом деле такой? — подумал он. — Постоянно произношу тирады?!»

Пошатываясь, он встал с дивана и схватился за стоявший рядом торшер, чтобы не упасть.

— Ну и накачался же ты, — заметила Эмили, смерив его взглядом.

Накачался. Этого слова он не слышал со студенческих времен, оно давно уже вышло из моды, но Эмили, естественно, продолжала его употреблять.

— Сейчас, — сказал он так отчетливо, как только мог, — говорят «надрался». Запомнила? Надрался.

Он неуверенно подошел к кухонному шкафу, где они держали алкоголь.

— Надрался, — повторила Эмили и вздохнула. У нее был грустный вид, он заметил это и спросил, что случилось. — Барни, — начала она, — не пей столько, хорошо? Называй это как хочешь, нака-

чался или надрался, это одно и то же. Думаю, что это я виновата: ты столько пьешь, потому что я тебе не подхожу.

Она слегка потерла кулаком правый глаз — знакомый жест, выражающий беспокойство.

— Дело не в том, что ты мне не подходишь, — сказал он. — Просто у меня высокие требования.

«Меня научили много требовать от других, — подумал он. — Требовать, чтобы они были столь же уважаемы и уравновешенны, как я, а не руководствовались исключительно эмоциями, без всякого самоконтроля.

Ведь она художник, — сообразил он. — Вернее, так называемый художник. Это больше соответствует истине. Жизнь художника без таланта».

Он начал смешивать очередную порцию, на этот раз бурбон с содовой, без льда; он лил виски прямо из бутылки в шейкер, а не в бокал.

— Когда ты начинаешь наливать себе подобным образом, — сказала Эмили, — я знаю, что ты злишься и сейчас начнется. Ненавижу это.

— Ну так и иди отсюда, — ответил он.

— Черт бы тебя побрал, — бросила Эмили. — Я не хочу никуда идти! Ты не мог бы просто… — она сделала беспомощный жест рукой, — быть более милосердным, относиться ко мне с большим

пониманием? Научиться не обращать внимания на мои… — Голос ее сорвался, она чуть слышно добавила: — Мои неудачи.

— Ведь я не могу их не замечать, — ответил он, — как бы мне этого ни хотелось. Ты думаешь, мне хочется жить с кем-то, кто не в состоянии ничего довести до конца? Например… А, к черту все это.

Какой во всем этом смысл? Эмили все равно не изменится, она была просто обычной неудачницей. Ее представление о хорошо проведенном дне ограничивалось гончарным кругом, жирными, напоминающими экскременты красками и руками по локоть в липкой серой глине. А тем временем…

Время уходило. И весь мир, включая сотрудников мистера Булеро, а в особенности его консультантов-прогностиков, все больше отдалялся от Барни Майерсона.

«Я никогда не стану консультантом в Нью-Йорке, — думал он. — Так и буду торчать здесь, где ничего, абсолютно ничего нового не появляется. Если бы удалось получить место прогностика моды в Нью-Йорке… Моя жизнь имела бы какой-то смысл, — осознал Барни. — Я был бы счастлив, поскольку занимался бы работой, при которой

мог бы полностью применить свои способности. Чего, черт возьми, я еще мог бы желать? Ничего, это все, о чем я прошу».

— Я ухожу, — сказал он Эмили и, поставив бокал, направился к шкафу и снял плащ с вешалки.

— Ты вернешься, прежде чем я лягу спать?

Со скорбным видом она проводила его до дверей квартиры в доме номер 11139584 — считая от центра Нью-Йорка, — где они жили уже два года.

— Посмотрим, — сказал он и открыл дверь.

В коридоре кто-то стоял: высокий, седой человек с выступающими стальными зубами, неподвижными глазами без зрачков и сверкающей искусственной рукой, торчащей из правого рукава пиджака.

— Привет, Майерсон, — сказал человек и улыбнулся, блеснули стальные зубы.

— Это Палмер Элдрич, — сказал Барни, повернувшись к Эмили. — Ты видела его фотографии в газетах, это тот самый знаменитый промышленник.

Естественно, он сразу узнал Элдрича.

— Вы хотели меня видеть? — неуверенно спросил он; все это было как-то странно, как будто это когда-то уже происходило, но несколько иначе.

— Я хотел бы немного побеседовать с вашим мужем, — сказал Элдрич Эмили необычно мягким голосом.

Он поманил его рукой, и Барни вышел в коридор. Дверь за его спиной закрылась. У Элдрича был мрачный вид, он уже не улыбался, а когда он заговорил, его голос уже не был мягким.

— Майерсон, вы плохо распоряжаетесь своим временем. Вы ничего не делаете, просто повторяете прошлое. Зачем же мне продавать вам чуинг-зет? Вы извращенец, я еще никогда ни с чем подобным не встречался. Я даю вам еще десять минут, а потом отправлю вас обратно в Чикен-Покс, на прежнее место. Так что решайте, чего вы, черт побери, хотите и понимаете ли вы вообще что-нибудь.

— Что такое чуинг-зет, черт побери? — спросил Барни.

Палмер Элдрич поднял искусственную руку и толкнул его со страшной силой. Барни начал падать.

— Эй, — слабо сказал он, пытаясь сопротивляться страшному давлению. — Что…

Внезапно он оказался лежащим на спине. В голове у него шумело и звенело, он с трудом открыл глаза, пытаясь сфокусировать взгляд на

окружающей обстановке. Постепенно приходя в себя, он обнаружил, что на нем пижама, но чужая — у него никогда такой не было. Неужели он оказался в чужой квартире и на нем чужая пижама? Какого-то мужчины…

Он в панике посмотрел на кровать. Рядом в постели…

Рядом, натянув одеяло на обнаженные плечи, спала незнакомая девушка. Из ее рта доносилось легкое дыхание, волосы ее были белыми, как хлопок.

— Я опаздываю, — сказал он.

Голос его был хриплым и почти неузнаваемым.

— Нет-нет, — пробормотала девушка, не открывая глаз. — Не волнуйся. Мы доедем отсюда до работы за… — она зевнула и открыла глаза, — пятнадцать минут.

Она улыбнулась Барни, его замешательство ее развеселило.

— Ты всегда это говоришь, каждое утро. Иди приготовь кофе. Я хочу выпить кофе.

— Ну конечно, — сказал он и выбрался из постели.

— Братец Кролик, — шутливо сказала девушка. — Ты такой испуганный. Ты боишься за меня,

за свою работу… и постоянно торопишься.

— Боже мой, — сказал он. — Я отказался от всего.

— От всего?

— От Эмили.

Он посмотрел на девушку, Рони… или как ее там?.. и на ее спальню.

— А теперь у меня ничего нет, — сказал он.

— Ну и прекрасно, — саркастически сказала Рони. — Может быть, теперь я скажу тебе что-нибудь приятное, чтобы и ты почувствовал себя хорошо.

— И я сделал это именно сейчас, — сказал Барни, — а не год или два назад. Незадолго до того, как пришел Палмер Элдрич.

— Как Палмер Элдрич мог куда-то «прийти»? Он лежит на больничной койке где-то возле Юпитера или Сатурна, ООН отправила Элдрича туда, когда его вытащили из-под обломков его корабля. — Она говорила с презрением, но в голосе ее чувствовалось любопытство.

— Палмер Элдрич только что явился ко мне, — упрямо сказал Барни.

«Я должен вернуться к Эмили», — подумал он.

Барни выскользнул из постели, наклонился и, подняв свои вещи, пошатываясь, пошел в ванную.

Он запер за собой дверь, после чего поспешно побрился и оделся. Выходя из ванной, он сказал девушке, которая все еще лежала в постели:

— Я должен идти. Не сердись на меня, я должен это сделать.

Чуть позже, не позавтракав, он спустился вниз и встал под термозащитным козырьком, оглядываясь в поисках такси.

Такси — красивая, сверкающая новая модель — почти молниеносно доставило его к дому Эмили; он машинально заплатил, вошел внутрь и через несколько секунд уже ехал наверх. Ему казалось, что время остановилось, что все замерло, ожидая его; он был единственным движущимся объектом в мире неподвижных предметов.

Он остановился у ее дверей и позвонил.

Дверь открылась. За ней стоял мужчина.

— Да?

Мужчина был темноволосый, достаточно представительный, у него были густые брови и старательно причесанные, слегка вьющиеся волосы, в руке он держал утреннюю газету. В глубине квартиры Барни заметил стол с неубранной после завтрака посудой.

— Вы… вы Ричард Хнатт, — сказал Барни.

— Да, — ответил тот, внимательно разглядывая

Майерсона. — Мы знакомы?

Появилась Эмили, одетая в серый свитер и запятнанные джинсы.

— Боже мой. Это Барни, — сказала она Хнатту. — Мой бывший муж. Заходи.

Она широко открыла дверь, и Барни вошел внутрь. Эмили явно была рада его визиту.

— Очень приятно познакомиться, — безразличным тоном сказал Хнатт.

Он протянул было руку, но внезапно передумал.

— Кофе?

— Спасибо, — ответил Барни, усаживаясь на свободный стул. — Послушай, — сказал он Эмили, он не мог ждать, он должен был сказать это сейчас, даже в присутствии Хнатта, — я совершил ошибку, разведясь с тобой. Я хотел бы снова на тебе жениться. На прежних условиях.

Эмили довольно улыбнулась, так же как и когда-то, и, не ответив, пошла за чашкой и блюдцем для него. Его интересовало, ответит ли она вообще; ей было бы легче просто ответить улыбкой, поскольку она от природы была ленива.

«Боже мой», — подумал он и уставился в пустоту.

Хнатт сел напротив него и сказал:

— Мы муж и жена. Вы, может быть, думали, что мы просто живем вместе?

Лицо его помрачнело, но он, казалось, сохранял самообладание.

— Муж и жена могут развестись, — сказал Барни не Хнатту, но Эмили. — Выйдешь за меня замуж?

Он встал и сделал несколько неуверенных шагов по направлению к ней, она повернулась и спокойно подала ему чашку и блюдце.

— О нет, — сказала она, продолжая улыбаться и сочувственно глядя на него.

Она понимала его чувства, понимала, что это был не просто порыв с его стороны. Однако ответ оставался отрицательным, и он знал, что таким он останется всегда, не потому, что она так решила, — для нее просто не существовало действительности, к которой он принадлежал.

«Когда-то я вычеркнул ее, — думал он, — вычеркнул из жизни, прекрасно зная, что делаю; и вот результат, а теперь я, как говорится, вижу, что хлеб, брошенный в воду, возвращается вместе с этой водой, чтобы меня задушить; пропитанный водой хлеб, который застрянет у меня в горле, не давая возможности ни проглотить его, ни выплюнуть. Это именно то, чего я заслужил, — сказал он

сам себе. — Это я создал эту ситуацию».

Вернувшись к столу, он снова сел на стул, тупо глядя на ее руки, пока она наливала ему кофе в чашку.

«Когда-то они принадлежали моей жене, — думал он. — И я от них отказался. Мания самоуничтожения, я желал собственной смерти. Это единственное удовлетворительное объяснение. Неужели я был так глуп? Нет, глупость не объясняет столь чудовищного, столь…»

— Как дела, Барни? — спросила Эмили.

— О, превосходно, черт побери. — Голос его дрожал.

— Я слышала, ты живешь с очень симпатичной рыженькой малышкой, — сказала Эмили. Она села на свое место и снова принялась за еду.

— Это уже в прошлом, — сказал Барни. — Все забыто.

— Тогда с кем? — как бы между прочим спросила она.

«Она разговаривает со мной, как будто я ее старый приятель или сосед по дому, — подумал Барни. — Чудовищно! Как она могла… как она могла считать меня кем-то чужим? Этого не может быть. Она притворяется, пытается что-то скрыть».

Вслух он сказал:

— Ты боишься, что если снова свяжешься со мной, то… я снова оттолкну тебя. Обжегшись на молоке, дуешь на воду. Я этого не сделаю, я бы никогда больше этого не сделал.

— Мне очень жаль, что ты так это переживаешь, Барни, — сказала Эмили тем же безразличным тоном. — Ты не консультируешься с психоаналитиком? Кто-то мне говорил, что тебя видели, когда ты тащил переносного психиатра?

— Доктора Смайла, — сказал он, вспоминая, что, вероятно, оставил его в квартире Рони Фьюгейт. — Мне нужна помощь, — сказал он Эмили. — Есть ли какая-нибудь возможность…

Барни замолчал.

«Можно ли изменить прошлое? — подумал он. — По-видимому, нет. Причина и следствие действуют только в одну сторону, а изменения всегда необратимы. Одним словом — что было, то было, и можно спокойно отсюда уходить».

Он встал.

— Кажется, я плохо соображаю, — сказал он ей и Ричарду Хнатту. — Простите меня, я еще не совсем проснулся… я сегодня неважно себя чувствую, с тех пор как встал.

— Почему бы вам не выпить ваш кофе? — пред-

ложил Хнатт. — А может, вам налить чего-нибудь покрепче?

Мрачное выражение исчезло с его лица; как и Эмили, он был уже спокоен и безразличен ко всему.

— Не понимаю, — сказал Барни. — Мне велел прийти сюда Палмер Элдрич.

Действительно велел? Наверняка что-то такое было.

— Я думал, это поможет, — беспомощно сказал он.

Хнатт и Эмили посмотрели друг на друга.

— Элдрич в больнице, где-то… — начала Эмили.

— Что-то пошло не так, — сказал Барни. — Элдрич перестал владеть ситуацией. Лучше я его поищу, он мне все объяснит.

Он почувствовал, как его захлестывает сбивающая с ног, тяжелая, как ртуть, волна паники, она подкатила к его горлу.

— До свидания, — сдавленно пробормотал он и двинулся к спасительной двери.

— Подождите, — послышался за спиной голос Хнатта.

Барни обернулся. Эмили сидела за столом с приклеенной улыбкой и пила кофе, по другую

сторону сидел Хнатт, глядя прямо на Барни. У Хнатта была одна искусственная рука, в которой он держал вилку, а когда он подносил к губам кусок яйца, Барни увидел большие, выступающие стальные зубы. Хнатт был седым, изможденным и смотрел мертвыми глазами, которые были намного больше, чем до этого; казалось, что он заполнял всю комнату своим присутствием. Однако это был все еще Хнатт.

«Не понимаю, — сказал Барни и остановился в дверях, не выходя из квартиры и не возвращаясь; он делал то, что предложил ему Хнатт, — ждал. — Не похож ли он на Палмера Элдрича?» — спрашивал он сам себя.

На снимках… да, у него была искусственная рука, стальные зубы и глаза системы Дженсена, но это был не Элдрич.

— Должен вам сказать, — перешел к делу Хнатт, — что Эмили любит вас намного сильнее, чем можно судить по ее словам. Я это знаю, потому что она мне об этом говорила. Много раз. — Он бросил взгляд на Эмили. — У тебя сильно развито чувство долга. Ты считаешь, что должна подавить в себе чувства, которые ты испытываешь к Барни; впрочем, ты делаешь это постоянно. Однако забудь о долге. На этом нельзя построить

супружеские отношения, они требуют большей непосредственности. Даже если ты считаешь, что не можешь… — Он сделал неясный жест. — Ну, скажем, оттолкнуть меня… Тем не менее ты должна честно проанализировать свои чувства и не прикрываться щитом самопожертвования. Именно так ты поступила с Барни, ты позволила ему оставить тебя, поскольку думала, что твой долг — не мешать ему делать карьеру. Ты и теперь ведешь себя так же, — закончил он, — и совершаешь ту же ошибку. Не обманывай себя.

И тут — совершенно неожиданно — он улыбнулся Барни, оскалив стальные зубы и подмигнув одним неподвижным глазом, как сигнальной лампочкой.

Теперь это был Палмер Элдрич. Полностью.

Однако Эмили, казалось, этого не замечала, улыбка исчезла с ее лица. Она была сконфужена, раздражена, и возмущение ее росло.

— Ты меня чертовски раздражаешь, — сказала она мужу. — Я сказала, что чувствую, и я не собираюсь притворяться. И я не люблю, когда кто-то мне говорит, что я притворяюсь.

Человек, сидевший напротив, сказал:

— У тебя только одна жизнь. Если ты хочешь прожить ее с Барни вместо меня…

— Не хочу. — Она бросила на него испепеляющий взгляд.

— Я пошел, — сказать Барни, открывая дверь. Надежды не было.

— Подожди. — Палмер Элдрич встал и пошел следом. — Я спущусь с тобой вниз.

Они вдвоем пошли по коридору к лестнице.

— Не отказывайся, — сказал Элдрич. — Помни: ты только первый раз принял чуинг-зет. У тебя еще будет время. С какой-то попытки у тебя получится.

— Что это такое — чуинг-зет? — спросил Барни.

Где-то рядом девичий голос повторял:

— Барни Майерсон. Проснись.

Его потрясли за плечо, он заморгал, щурясь на свету. Рядом с ним на коленях стояла Энн Хоуторн, держа его за руку.

— Ну и как? Я вошла сюда и не могла никого найти, потом я наткнулась на вас — вы сидели в кружок, полностью отключившись. Что бы было, если бы я была инспектором ООН?

— Ты меня разбудила, — сказал он Энн, осознавая то, что она сделала; он ощущал огромное разочарование и сожаление. Однако время перемещения пока что миновало, и надо было с этим

примириться. Несмотря на это, он испытывал наркотический голод, непреодолимое желание вернуться туда как можно быстрее. Все остальное было несущественно, даже склонившаяся над ним девушка и неподвижные товарищи по бараку, лежавшие полукругом на полу.

— Было так хорошо? — понимающе спросила Энн и коснулась рукой кармана. — В нашем бараке тоже был торговец, я купила. Это человек со странными зубами и глазами, седой, крупный мужчина.

— Элдрич. Или его призрак.

У него болели все суставы — как будто он долго сидел в неудобной позе, хотя, посмотрев на часы, он обнаружил, что прошло лишь несколько секунд — самое большее минута.

— Элдрич — везде, — сказал он Энн. — Дай мне свой чуинг-зет.

— Нет.

Он пожал плечами, скрывая разочарование, жгучую, физическую боль утраты. Ну что ж, Палмер Элдрич вернется, наверняка он знаком с действием своего продукта. Может быть, еще сегодня.

— Расскажи, — попросила Энн.

— Это иллюзорный мир, — сказал Барни, — в

котором Элдрич занимает ключевую позицию божества. Он дает тебе шанс совершить то, чего в действительности ты никогда не сможешь, — воссоздать прошлое и сделать его таким, каким оно должно быть. Однако даже для него это не просто. Это требует времени. — Он замолчал, потирая болевший лоб.

— Ты хочешь сказать, что он… что ты не можешь просто щелкнуть пальцами и получить то, что хочешь? Так, как это происходит во сне?

— Это вовсе не похоже на сон.

«Это значительно хуже, — подумал он. — Скорее это напоминает ад. Такой, каким и должен быть ад: вечный и неизменный».

Однако Элдрич считал, что со временем удастся его изменить, хотя это потребует большого терпения и труда.

— Если ты туда вернешься… — начала Энн.

— Если? — Он недоверчиво посмотрел на нее. — Я должен вернуться. На этот раз мне ничего не удалось сделать.

«Может быть, мне придется возвращаться туда сотни раз», — подумал он.

— Послушай! Ради бога, дай мне ту порцию чуинг-зет, которую ты купила. Я знаю, что мне удастся ее убедить. На моей стороне Элдрич, кото-

рый старается как может. Она сейчас возмущена, я застал ее врасплох своим предложением, но…

Он замолчал, глядя на Энн Хоуторн.

«Что-то тут не то, — подумал он. — Ведь…»

У Энн одна рука была искусственная, пальцы из пластика и металла находились в нескольких дюймах от его лица, так что он ясно их видел. А взглянув ей в лицо, он увидел пустоту, глубокую, как космическая бездна, из которой явился Элдрич. Мертвые глаза, полные вакуума, парящего за границами известной Вселенной.

— Получишь позже, — спокойно сказала Энн. — Одного сеанса в день тебе хватит. — Она улыбнулась. — Иначе у тебя быстро кончатся скины, ты не сможешь купить чуинг-зет, а что ты тогда будешь делать, черт возьми?

На ее лице сверкнули прекрасные стальные зубы.

Остальные колонисты пробуждались со стоном, с трудом приходя в себя; они садились, бормоча что-то под нос и беспомощно озираясь вокруг. Энн куда-то ушла. Барни удалось без посторонней помощи подняться на ноги.

«Кофе, — подумал он. — Наверняка она пошла сварить кофе».

— Хо-хо! — сказал Норм Шайн.

— Где вы были? — спросил Тод Моррис. Он встал, шатаясь, и помог подняться своей жене Хелен. — Я вернулся в то время, когда я был подростком, в гимназии, когда у меня было первое удачное свидание… ну, понимаете, первое, закончившееся успехом. — Он беспокойно взглянул на Хелен.

— Это намного лучше, чем кэн-ди, — сказала Мэри Риган. — Во много раз лучше. О, я могла бы рассказать вам, что я делала… — Она захихикала. — Но лучше не буду.

Лицо ее было красным и возбужденным.

Оказавшись в своей комнате, Барни Майерсон запер дверь и достал из кармана ампулу с токсином, которую дал ему Фейн. Он держал ее в руке и думал: «Пришло время. Однако… действительно ли я вернулся? Видел ли я лишь призрачный образ Элдрича, наложенный на образ Энн? А может быть, это было настоящее видение, предчувствие кроющейся за всем этим реальности, не только его собственной, но и коллективной реальности остальных колонистов?»

Если так, то не следовало сейчас глотать яд. Так подсказывал ему инстинкт.

Тем не менее он открыл ампулу.

Из открытой ампулы послышался тихий, сла-

бый голос:

— Ты под наблюдением, Майерсон. И если ты планируешь какую-то хитрость, нам придется вмешаться. Ты будешь сурово наказан. Нам очень жаль.

Дрожащими руками он снова закрыл ампулу. Она была пуста!

— Что это? — спросила Энн, стоя в дверях кухни; на ней был передник, который она где-то нашла. — Что это? — повторила она, глядя на ампулу в его руке.

— Бегство, — сказал он. — От этого.

— А от чего именно? — Она уже выглядела нормально, все у нее было на месте. — Ты, похоже, тяжело болен, Барни. Это что, последствия чуинг-зет?

— Похмелье.

«Неужели Палмер Элдрич там, внутри?» — думал он, разглядывая закрытую ампулу и вертя ее в руке.

— Можно как-нибудь связаться со спутником Фейна?

— Думаю, что да. Наверное, достаточно заказать видеоразговор или…

— Иди и попроси Норма Шайна, чтобы он заказал разговор для меня, — сказал Барни.

Энн послушно вышла, дверь тихо захлопнулась.

Барни быстро достал шифровальную книжку из тайника под плитой. Сообщение должно быть зашифровано.

Все страницы книжки были пусты.

«Значит, не буду шифровать, и все, — подумал он. — Сделаю что смогу, хотя этого может оказаться недостаточно».

Дверь распахнулась. Вошла Энн и сказала:

— Мистер Шайн заказывает для тебя разговор. Он говорит, что у него все время кто-то что-то заказывает.

Он пошел следом за ней по коридору в маленькую комнатку, где за передатчиком сидел Норм; когда вошел Барни, он обернулся и сказал:

— Я поймал Шарлотту — подойдет?

— Аллена, — отрезал Барни.

— Ладно.

Наконец Норм сказал:

— Ну, я поймал этого старого баклажана. Говори.

Он протянул микрофон Барни. На маленьком экране появилось веселое лицо Аллена Фейна.

— Наш новенький хочет с вами поговорить, — пояснил Норм, на секунду забирая микрофон у

Барни. — Барни, вот половина команды, которая поддерживает нашу жизнь и здравый рассудок здесь, на Марсе. — А про себя пробормотал: — Господи, как у меня болит голова. Извините.

Он поднялся с кресла и скрылся в глубине коридора.

— Мистер Фейн, — осторожно сказал Барни, — я только что разговаривал с мистером Палмером Элдричем. Он упоминал о нашей с вами беседе. Он знал о ней, так что я не вижу смысла…

— О какой беседе? — холодно сказал Аллен Фейн.

Какое-то время Барни не в силах был вымолвить ни слова.

— Видимо, они следили за нами с инфракрасной камерой, — наконец сказал он. — Наверное, с какого-нибудь спутника. Однако мне кажется, что содержание нашего разговора не…

— Вы что, чокнутый? — сказал Фейн. — Я вас не знаю, я никогда с вами не разговаривал. Ну что, заказываете что-нибудь или нет?

Лицо его казалось безразличным и отсутствующим, было не похоже, что он притворяется.

— И вы не знаете, кто я? — недоверчиво спросил Барни.

Фейн прервал связь, и маленький экран погас,

показывая лишь пустоту, бездну. Барни выключил передатчик. Он ничего не чувствовал. Апатия. Он прошел мимо Энн в коридор, там он остановился, достал пачку — последнюю? — земных сигарет и закурил.

«Элдрич делает со мной то же самое, что делал с Лео Булеро на Луне, или „Сигме четырнадцать-бэ“, или где бы то ни было, — подумал он. — И в конце концов все мы будем у него в руках. Просто так. Он изолирует нас. Общий мир исчезнет. По крайней мере, для меня, с меня он начал.

А я, — подумал он, — должен бороться с помощью пустой ампулы, которая могла когда-то содержать — или не содержать — редкий, ценный токсин, нарушающий деятельность мозга, и которая теперь содержит только Палмера Элдрича, и то не всего. Только его голос».

Спичка обжигала ему пальцы. Он не обращал на это внимания.

Глава 11

Заглянув в свои заметки, Феликс Блау сказал:

— Пятнадцать часов назад, с санкции ООН, корабль, принадлежащий фирме по производству чуинг-зет, совершил посадку на Марсе и распространил первую партию среди колонистов в районе Файнберг-Кресчент.

Лео Булеро наклонился к экрану, сложил руки на груди и спросил:

— Колонистов из Чикен-Покс тоже?

Феликс кивнул.

— К этому времени, — сказал Лео, — он должен уже проглотить эту действующую на мозг дрянь и сообщить нам об этом через спутник.

— Я это прекрасно понимаю.

— Уильям Кларк все еще наготове?

Кларк был главным юристом, представляющим интересы «Наборов П. П.» на Марсе.

— Да, — ответил Блау, — но Майерсон с ним тоже не контактировал, он вообще не контактировал ни с кем.

Он отодвинул в сторону свои записи.

— Это все — все, что я могу в данный момент сказать.

— Может быть, он умер, — сказал Лео. Он был мрачен и подавлен. — Может быть, у него были настолько сильные судороги, что…

— Мы бы об этом услышали, поскольку на всем Марсе всего три госпиталя и одному из них наверняка бы об этом сообщили.

— Где Палмер Элдрич?

— Моей организации не удалось этого выяснить, — сказал Феликс. — Он покинул Луну и исчез. Мы его просто потеряли.

— Я дал бы руку на отсечение, — сказал Лео, — чтобы узнать, что сейчас происходит в том бараке — Чикен-Покс, — где находится Барни.

— Можешь полететь на Марс.

— О нет, — немедленно ответил Лео. — Я не покину «Наборов П. П.» после того, что я пережил на Луне. Ты не мог бы направить туда кого-нибудь из своей организации, кто мог бы предоставить информацию из первых рук?

— У нас есть там девушка, Энн Хоуторн, но от нее тоже нет никаких вестей. Может быть, я сам полечу на Марс. Если ты не хочешь.

— Не хочу, — повторил Лео.

— Это будет тебе дорого стоить, — сказал Феликс.

— Конечно, — ответил Лео. — Я заплачу. Однако

тогда у нас, по крайней мере, появятся какие-то шансы, сейчас же у нас вообще нет ничего конкретного. — «И для нас все кончено», — подумал он и добавил: — Представь только счет.

— Ты понимаешь, сколько бы тебе это стоило, если бы я погиб, если бы они добрались до меня там, на Марсе? Моя организация…

— Прошу тебя, — сказал Лео, — я не хочу об этом говорить; что, Марс — это большое кладбище, где Элдрич копает могилы? Элдрич, наверное, скушал Барни Майерсона. Ладно, лети, свяжись со мной, когда будешь в Чикен-Покс.

Он прервал связь.

Сидевшая неподалеку Рони Фьюгейт, консультант-прогностик по Нью-Йорку, внимательно прислушивалась к разговору.

«Она впитывает все как губка», — подумал Лео.

— Ну как, наслушалась? — едко спросил он.

— Вы поступаете с ним так же, как он поступил с вами, — сказала Рони.

— Кто? Что?

— Барни побоялся отправиться вам на помощь, когда вы исчезли на Луне. Теперь вы…

— Это просто было бы неразумно. Да, — сказал он, — меня, черт возьми, так напугал Палмер, что я боюсь высунуть нос из этого здания; естествен-

но, у меня нет никакого желания лететь на Марс, и ты совершенно права.

— Вот только, — мягко сказала Рони, — вас-то никто с работы не выгонит. Так, как вы выгнали Барни.

— Я сам готов себя наказать. Мысленно. По всей строгости.

— Однако не в такой степени, чтобы полететь на Марс.

— Ладно! — Он в ярости включил видеофон и снова набрал номер Феликса Блау. — Блау, все отменяется. Я лечу сам. Хотя это безумие.

— Честно говоря, — сказал Блау, — по-моему, ты делаешь в точности то, что хочет Элдрич. Вечная проблема — как отличить смелость от…

— Сила Элдрича основана на этом наркотике, — перебил его Лео. — Пока ему не удастся мне его ввести, все будет в порядке. Я возьму с собой пару охранников из фирмы, которые проследят, чтобы мне не сделали укол, как в прошлый раз. Эй, Блау! Летишь со мной, ладно? — Он повернулся к Рони: — Теперь хорошо?

— Да, — кивнула она.

— Видишь? Она говорит, что все в порядке. Так что полетишь со мной на Марс и будешь держать меня за руку, хорошо?

— Ну конечно, Лео, — сказал Феликс Блау. — А если ты упадешь в обморок, я буду хлестать тебя по щекам, пока ты не придешь в себя. Встретимся у тебя в офисе через… — он посмотрел на часы, — два часа. Обсудим детали. Подготовь быстроходный корабль. И я возьму с собой пару человек, которым я доверяю.

— Ну вот, — сказал Лео Рони, разъединяясь. — Смотри, во что я из-за тебя ввязался. Ты заняла место Барни, а если я не вернусь с Марса, наверняка займешь и мое.

Он со злостью смотрел на нее.

«Женщины могут сделать с мужчиной все, что угодно, — думал он. — Мать, жена, даже сотрудница, они мнут нас в руках, как незастывшие кусочки термопластика».

— Вы действительно думаете, что я сказала так именно поэтому, мистер Булеро?

Он смерил ее тяжелым пристальным взглядом:

— Да. Поскольку ты страдаешь избытком тщеславия. Я действительно так считаю.

— Вы ошибаетесь.

— А если я не вернусь с Марса, ты полетишь за мной?

Он подождал, но она не ответила; он заметил

неуверенность на ее лице и рассмеялся.

— Ясно, что нет, — сказал он.

— Мне нужно идти к себе, — деревянным голосом сказала Рони. — Я должна посмотреть новые обеденные сервизы. Новые образцы из Кейптауна.

Она встала и вышла; глядя ей вслед, он думал: «Она настоящая. Не такая, как Палмер Элдрич. Если я вернусь, придется найти какой-нибудь способ потихоньку от нее избавиться. Я не люблю, когда мной манипулируют.

Палмер Элдрич, — вдруг подумал он, — появился в образе маленькой девочки, ребенка — не говоря уже о псе, которым он стал позже. Может быть, это не Рони Фьюгейт; может быть, это Элдрич».

От этой мысли он похолодел.

«То, что здесь происходит, — думал он, — это не вторжение на Землю проксов, существ из иной системы. Нас не атакуют стаи гуманоидных чудовищ. Нет. Это Палмер Элдрич, который присутствует всюду, разрастаясь, как обезумевший сорняк. Существует ли какая-то критическая точка этого процесса, по достижении которой Элдрич лопнет, как мыльный пузырь? Все эти явления Элдрича на Земле, на Луне и на Марсе;

Палмер, раздувающийся и лопающийся: пук! пук! ПУК! Как там писал Шекспир… сунь обычную булавку в щель доспехов — и прощай, король.

Только, — думал он, — что в данном случае может послужить в качестве булавки? И есть ли какая-нибудь щель, в которую можно было бы ее воткнуть? Не знаю, Феликс и Барни тоже не знают. Могу поспорить, что они понятия не имеют, как справиться с Палмером. Похитить Зою, его перезревшую уродливую дочку? Элдрича это мало бы волновало. Разве что Палмер — это еще и Зоя; может быть, Зоя не существует как самостоятельная личность. Именно так мы кончим, если не придумаем способа, как его уничтожить, — понял Лео. — Оболочки, подобия людей, населяющие три планеты и шесть спутников. Человеческая протоплазма, растекающаяся, размножающаяся и делящаяся, а все из-за этого внеземного наркотика, этого страшного, отвратительного чуинг-зет».

Он еще раз набрал номер спутника Аллена Фейна. Наконец на экране появилось лицо рекламного агента, слегка бледное и растерянное.

— Да, мистер Булеро?

— Вы уверены, что Майерсон не пытался связаться с вами? Он получил шифровальную

книжку.

— Получил, но от него все еще нет никаких вестей. Мы подслушиваем все переговоры с Чикен-Покс. Мы видели, как корабль Элдрича приземлился около барака — несколько часов назад, — и заметили, что Элдрич вышел из него и пошел к колонистам, и, хотя наши телекамеры этого не зарегистрировали, я уверен, что сделка состоялась. И Барни Майерсон был среди тех, кто вышел встречать Элдрича.

— Кажется, я знаю, что произошло. Ладно, спасибо, Эл.

Он отключился. Стало понятно, что Барни оказался под воздействием чуинг-зет. Это произошло в тот самый момент, когда он взял в рот наркотик, это был конец, так же как и для Лео на Луне.

«Наша хитрость требовала, — думал Лео, — чтобы Барни принял чуинг-зет, и таким образом мы сыграли на руку этой сволочи Элдричу; когда Барни принял наркотик, все было кончено. Ведь Элдрич каким-то образом контролирует все иллюзорные миры, порожденные употреблением чуинг-зет; я знаю — знаю! — что этот вонючка существует в каждом из них.

Фантастический мир, вызванный к жизни чуинг-зет, — думал Лео, — существует в голове

Палмера Элдрича. В чем я лично убедился.

Проблема в том, — думал он, — что, когда ты окажешься в одном из них, ты не можешь от него полностью освободиться, он остается с тобой, даже когда тебе кажется, что ты свободен. Это дверь в одну сторону, и, насколько я понимаю, мне еще не удалось через нее вернуться».

Однако это казалось невозможным.

«А тем не менее, — думал он, — это доказывает, как сильно я боюсь, — что отметила Рони Фьюгейт. Я боюсь настолько — и признаю это, — что готов оставить там Барни, так же как он оставил меня. А Барни воспользовался своими способностями к предвидению, так что он все уже знал, видел все так, как я сейчас — уже после всего. Он заранее знал то, что я должен был испытать. Ничего удивительного, что он не оправдал моих надежд.

Кто будет принесен в жертву? — спрашивал себя Лео. — Я, Барни, Феликс Блау… кого из нас сожрет Палмер? Ведь мы для него действительно не более чем добыча. Он чудовищный хищник, прилетевший из системы Проксимы, огромная пасть, готовая нас всех пожрать.

Но Палмера нельзя назвать каннибалом. Ведь я знаю, что это не человек. Под маской Палмера

Элдрича скрывается нечто иное».

Он понятия не имел, что бы это могло быть. Многое могло случиться в бескрайних просторах космоса между Проксимой и Солнцем как по пути туда, так и обратно. Может быть, думал он, это произошло, когда Палмер летел туда; может быть, все эти долгие годы он питался проксами и, вылизав тарелку, вернулся к нам. Уфф. Лео вздрогнул.

«Ну что ж, — подумал он, — еще два часа независимой жизни плюс время, которое занимает полет на Марс. Может быть, мне осталось жить десять часов, а потом… я буду проглочен. А этот страшный наркотик распространяется на всем Марсе, стоит только представить себе эти толпы, обреченные на иллюзорные миры Палмера Элдрича, опутанные сетями, которые на них набрасывают. Как называют это буддисты из ООН с Хепберн-Гилбертом во главе? Майя. Пелена иллюзий. Дерьмо, — с отвращением подумал он и протянул руку, чтобы включить интерком и потребовать быстроходный корабль. — И хорошего пилота, — вспомнил он, в последнее время слишком многие автоматические посадки закончились катастрофой. — Я вовсе не намерен разбиться в лепешку о поверхность Марса — осо-

бенно там».

— Кто у нас лучший межпланетный пилот? — спросил он у мисс Глисон.

— Дон Дэвис, — сразу же ответила мисс Глисон. — Он вписал великолепную страницу в историю наших полетов с… ну, вы знаете. Полетов с Венеры.

Она предпочитала не упоминать вслух кэн-ди — интерком могли прослушивать.

Десять минут спустя все вопросы, связанные с полетом, были решены.

Лео Булеро откинулся на спинку кресла и закурил большую зеленую гаванскую сигару, из тех, что хранились — наверняка многие годы — в резервуарах с жидким гелием… Он откусил кончик, сигара оказалась сухой и хрупкой. Она хрустела у него на зубах, и Лео был разочарован. Она выглядела так хорошо сохранившейся в своем гробу.

«Ну что ж, никогда нельзя быть ни в чем уверенным, — подумал он. — Пока не попробуешь».

Дверь кабинета открылась. Вошла мисс Глисон с документами на полет.

Рука, в которой она держала бумаги, была искусственной, он заметил металлический блеск и быстро поднял голову, чтобы взглянуть ей в лицо, увидеть остальное. Зубы неандертальца,

подумал он, так выглядят эти мощные стальные клыки. Деградация, на двести тысяч лет назад, отвратительное зрелище. А эти глаза, люксвидовые, или видилюксовые, или как их там, без зрачков, только щели. Производство лаборатории Дженсена, Чикаго.

— Черт бы тебя побрал, Элдрич, — сказал он.

— Я твой пилот, — сказал Палмер Элдрич из тела мисс Глисон, — и я же собирался встретить тебя, когда ты сядешь на Марсе. Однако для одного раза этого слишком много.

— Дай мне эти бумаги, — сказал Лео, протягивая руку.

Элдрич удивленно сказал:

— Ты все еще собираешься лететь на Марс?

Казалось, он был застигнут врасплох.

— Да, — сказал Лео, невозмутимо ожидая, когда ему отдадут бумаги.

«Стоит один раз принять чуинг-зет, и ты конченый человек. По крайней мере, так бы сказала эта фанатичка-миссионерша Энн Хоуторн. Это как грех, — думал Барни Майерсон, — и рабство в наказание. Это подобно грехопадению Адама и Евы. И искушение почти такое же.

Однако чего тут не хватает, так это способа, каким мы могли бы освободиться. Неужели для

того, чтобы его найти, нам придется лететь на Проксиму? Даже там мы можем его не найти. Может быть, его нет во всей Вселенной».

Энн Хоуторн появилась в дверях радиорубки.

— Все в порядке?

— Само собой, — ответил Барни. — Знаешь, мы сами во все это вляпались. Никто не заставлял нас жевать чуинг-зет. — Он бросил окурок на пол и придавил его каблуком. — А свою порцию ты мне не отдашь, — сказал он.

Однако он знал, что это не Энн не хочет отдать ему наркотик. Это Палмер Элдрич, который действует через нее, за ее спиной.

«Даже в этом случае наркотик можно у нее отобрать», — сообразил Барни.

— Стой, — сказала она. Вернее, оно.

— Эй! — крикнул Норм Шайн, вскакивая из-за передатчика. — Что ты делаешь, Майерсон? Отпусти ее…

Сильная, искусственная рука оттолкнула его, металлические пальцы впились ему в шею, ловко и быстро нащупывая наиболее чувствительную точку. Однако порция наркотика уже была в руках Барни.

— Не делай этого, Барни, — спокойно сказала Энн. — Ты только что принял первую дозу. По-

жалуйста.

Он молча направился к двери в свою комнату.

— Ты можешь сделать одну вещь для меня? — крикнула она вслед. — Раздели эту порцию на две части, позволь мне принять ее вместе с тобой. Мы будем вместе.

— Зачем?

— Может быть, мое присутствие тебе поможет.

— Я сам справлюсь.

«Если только мне удастся добраться до Эмили до развода, до того, как появится Ричард Хнатт… Это единственный выход, — думал он. — Надо пытаться! Раз за разом. Пока не удастся».

Он закрыл дверь.

Поглощая чуинг-зет, он думал о Лео Булеро: «Ты выбрался. Может быть, потому, что Палмер Элдрич был слабее тебя. Или нет? Или Элдрич просто ослабил веревку, позволяя тебе самому на ней повеситься? Ты мог прилететь сюда и удержать меня, теперь уже нет возврата. Даже Элдрич меня предупреждал устами Энн Хоуторн, даже для него это было чересчур, а теперь? Неужели я зашел так далеко, что оказался вне пределов его власти? Там, где нет Палмера Элдрича, где нет вообще ничего.

И конечно, — думал он, — пути назад для меня

нет».

У него заболела голова, и он невольно зажмурился. Он чувствовал себя так, будто его мозг, живой и испуганный, перемещался во времени.

«Измененный метаболизм, — понял Барни. — Шок. Прости меня, — сказал он своему телу. — Ладно?»

— Помогите, — сказал он вслух.

— Поможем, как же, — прохрипел мужской голос. — Что я должен делать, держать тебя за руку? Открой глаза или убирайся отсюда. Время, проведенное на Марсе, окончательно тебя угробило. Я уже сыт этим по горло. Ну?

— Заткнись, — сказал Барни. — Я болен, я слишком далеко зашел. Ты хочешь сказать, что можешь на меня только наорать?

Он открыл глаза и увидел Лео Булеро, который сидел за своим большим, заваленным бумагами столом.

— Послушай, — сказал Барни. — Я принимаю чуинг-зет. Я не могу удержаться. Если ты не сможешь мне помочь, для меня будет все кончено.

На ватных ногах он подошел к ближайшему креслу и без сил опустился в него.

Дымя сигарой и задумчиво разглядывая его, Лео сказал:

— Ты все еще принимаешь чуинг-зет? — Он нахмурился. — Ведь два года назад…

— Он был запрещен?

— Да. Запрещен. Боже мой. Не знаю, имеет ли смысл с тобой разговаривать. Кто ты? Какой-то фантом из прошлого?

— Ты слышал, что я сказал: я сказал, что принимаю чуинг-зет.

Барни сжал кулаки.

— Хорошо, хорошо. — Лео резко выдохнул густое облако серого дыма. — Не возбуждайся. Черт возьми, я тоже видел будущее, и это отнюдь меня не убило. Кроме того, ты же ясновидец и должен был к этому привыкнуть. Во всяком случае… — Он откинулся в кресле, устроился поудобнее и закинул ногу на ногу. — Я видел памятник, знаешь? Угадай кому. Мне.

Он бросил взгляд на Барни и пожал плечами.

— Я ничего здесь не ищу, — сказал Барни, — в этом времени, кроме одного. Я хочу вернуть мою жену. Я хочу Эмили.

В нем росли отчаяние и горечь, от которой перехватывало дыхание.

— Эмили, — кивнул Лео Булеро и сказал в интерком: — Мисс Глисон, пусть никто нам не мешает.

Он снова внимательно посмотрел на Барни.

— Этот тип, Хнатт… Как его звали? Его загребла полиция ООН вместе со всей организацией Элдрича. Видишь ли, Хнатт подписал контракт с одним из агентов Элдрича. Ну что ж, ему предоставили выбор: тюремное заключение или эмиграция. Я согласен, это не вполне честно, но не обвиняй меня в этом. Он эмигрировал.

— А что с ней?

— С этим ее гончарным бизнесом? Как, черт побери, она могла бы лепить свои горшки в бараке посреди марсианской пустыни? Естественно, она бросила этого придурка. Так что, как видишь…

— Ты в самом деле Лео Булеро? — спросил Барни. — Или Палмер Элдрич? А весь разговор для того, чтобы я почувствовал себя еще хуже…

Подняв брови, Лео Булеро сказал:

— Палмера Элдрича нет в живых.

— Ведь это не реальность, это галлюцинация, вызванная наркотиком.

— Какая, к черту, нереальность? — испепелил его взглядом Лео. — А я, по-твоему, кто? Послушай, — он со злостью направил палец на Барни, — во мне нет ничего нереального, это ты сам — чертова галлюцинация, как ты сам сказал, из прошлого. Ты все понимаешь совершенно

наоборот. Слышишь? — Он изо всех сил ударил кулаком по столу. — Вот звук, который издает реальность. И я говорю тебе, что твоя бывшая жена развелась с Хнаттом, я знаю об этом, потому что она продает нам свои вазочки, которые мы миниатюризируем. Собственно говоря, она в прошлый четверг была у Рони Фьюгейт.

Он со злостью курил сигару, все еще недоброжелательно глядя на Барни.

— Значит, мне только остается ее найти, — сказал тот.

Это было так просто.

— О да, — согласился Лео. — Вот только еще одно. Что ты собираешься сделать с Рони Фьюгейт? Ты живешь с ней в мире, который ты, кажется, считаешь нереальным.

— Два года? — изумленно сказал Барни.

— А Эмили об этом знает, поскольку с тех пор, как она начала продавать свои изделия, она подружилась с Рони, они все друг другу рассказывают. Взгляни на это с точки зрения Эмили. Если она позволит тебе вернуться, Рони наверняка перестанет принимать ее вазочки для миниатюризации. Это рискованное дело, и я уверен, что Эмили на это не пойдет. Мы даем Рони полную свободу действий, так же как в свое время тебе.

— Эмили никогда не поставила бы свою карьеру впереди личной жизни.

— Это сделал ты. Может быть, она у тебя научилась. Во всяком случае, даже без этого Хнатта зачем Эмили возвращаться к тебе? Она пользуется большим успехом, ее знает вся планета, и она зарабатывает кучу скинов… Хочешь знать правду? Она получает каждого мужчину, кого захочет. В любой момент. Эмили ты не нужен, посмотри фактам в лицо, Барни. А чего тебе недостает с Рони? Откровенно говоря, я не имел бы ничего против этого…

— Я думаю, что ты Палмер Элдрич, — сказал Барни.

— Я? — постучал себя пальцем по груди Лео. — Барни, я убил Элдрича, именно поэтому мне поставили этот чертов памятник.

Он говорил тихо и спокойно, но лицо его покраснело.

— У меня что, стальные зубы? Искусственная рука? — Он поднял вверх обе руки. — Ну? А мои глаза…

Барни направился к двери.

— Куда ты идешь? — спросил Лео.

— Я знаю, — сказал Барни, открывая дверь, — что если я поговорю с Эмили хотя бы несколько

минут…

— Нет, не поговоришь, — сказал Лео и решительно покачал головой.

Стоя в коридоре в ожидании лифта, Барни думал: «Может быть, это в самом деле был Лео. И может быть, он говорил правду.

Так что мне ничего не удастся без Палмера Элдрича.

Энн была права: надо было ей отдать полпорции, а потом мы могли бы попробовать вместе. Энн, Палмер… это все одно и то же, это все он, создатель. Вот кто он и что он такое, — понял Барни. — Властелин миров. Мы их просто населяем, и он тоже может в них жить, если пожелает. Он может поставить все события с ног на голову, внезапно объявиться, заставить действие идти так, как ему хочется. Он может даже стать любым из нас. Всеми нами, если он этого пожелает. Бессмертный, вне времени и всех вместе взятых осколков других измерений… *он может даже существовать в мире, в котором он мертв*.

Палмер Элдрич полетел на Проксиму человеком, а вернулся богом».

Стоя в ожидании лифта, Барни Майерсон сказал вслух:

— Палмер Элдрич, помоги мне. Верни мне

жену.

Он огляделся вокруг: не было никого, кто мог бы его услышать.

Подошел лифт. Двери открылись. Внутри молча ждали четверо мужчин и две женщины.

Каждый из них был Палмером Элдричем. И мужчины, и женщины: искусственная рука, стальные зубы… исхудавшее, пустое, серое лицо с дженсеновскими глазами.

Почти в один голос, как будто соревнуясь, кто заговорит первым, вся шестерка сказала:

— Тебе не удастся вернуться отсюда в свой собственный мир, Майерсон; на этот раз ты зашел слишком далеко, принял слишком большую дозу. Я предупреждал тебя, когда ты отбирал у меня порцию в бараке Чикен-Покс.

— Ты не можешь мне помочь? — спросил Барни. — Я должен вернуть ее.

— Ты ничего не понимаешь, — сказали все Палмеры Элдричи, одновременно качая головами; это был тот же самый жест, который только что сделал Лео, то же самое решительное «нет». — Тебе ведь уже сказали: поскольку это твое будущее, ты в нем уже существуешь. Значит, здесь нет места для тебя. Это логично. Кому я должен вернуть Эмили? Тебе? Или подлинному Барни Майерсону,

который до этой поры жил своей жизнью? И не думай, что он не пытался вернуть Эмили. Ты не думаешь — а похоже, что не думаешь, — что он пытался что-то предпринять, когда Хнатты развелись? Тогда я сделал для него все, что мог; это было несколько месяцев назад, сразу после того, как Ричард Хнатт был выслан на Марс. Он отбивался и протестовал. Я лично не виню Хнатта, это было грязное дело, которое, естественно, сфабриковал Лео. Кроме того, посмотри на себя.

Шестерка Палмеров Элдричей презрительно махнула руками.

— Ты, как сказал Лео, галлюцинация, ты для меня прозрачен, в буквальном смысле этого слова. Я скажу тебе, кто ты, пользуясь более точной терминологией. Ты призрак, — холодно, без эмоций, заявили шестеро Элдричей.

Барни с яростью смотрел на них, а они отвечали ему спокойным взглядом.

— Попробуй построить свою жизнь на этой предпосылке, — продолжали Элдричи. — Итак, ты получил то, что обещает святой Павел, о чем болтала Энн Хоуторн; ты больше не пленник бренной телесной оболочки — ты обрел эфирную оболочку. Как тебе это нравится, Майерсон?

Они говорили насмешливо, но на их лицах вид-

но было сочувствие, оно явно просматривалось в жутких щелях электронных глаз каждого из них.

— Ты не можешь умереть, ты не ешь, не пьешь и не дышишь воздухом… если захочешь, сможешь проходить сквозь стены, сквозь любой материальный объект. Со временем ты этому научишься. Видимо, у святого Павла на пути в Дамаск было видение, связанное с этим явлением. И на этом дело не кончается. Как видишь, — добавили Элдричи, — я несколько склоняюсь к точке зрения ранних и новых христиан, которую представляет Энн. Это очень многое объясняет.

— А как насчет тебя, Элдрич? — сказал Барни. — Ты мертв, тебя два года назад убил Лео.

«И я знаю, — думал он, — что ты страдаешь так же, как и я; где-то когда-то это должно было случиться и с тобой. Ты принял слишком большую дозу чуинг-зет и теперь не в состоянии вернуться в свое время и в свой мир».

— Этот памятник, — ответила шестерка Элдричей тихо, как шумящий среди далеких холмов ветер, — это полное недоразумение. Один из моих кораблей участвовал в сражении с кораблем Лео недалеко от Венеры, я был, или говорят, что я был, на борту моего корабля, Лео летел на своем. Мы вместе с Хепберн-Гилбертом проводили

конференцию на Венере, а на обратном пути Лео воспользовался случаем и напал на нас. Поэтому и был сооружен памятник — отчасти благодаря сильному политическому давлению, которое оказывал Лео, используя свое экономическое положение. Таким образом мне удалось войти в историю.

По коридору прошли двое: хорошо одетый молодой человек, похожий на начальника, и девушка, вероятно его секретарша. Они с любопытством посмотрели на Барни и шестерых в лифте.

Они перестали быть Палмерами Элдричами, перемена произошла на глазах смотревшего на них Барни. Внезапно они снова стали шестью обычными женщинами и мужчинами. Совершенно разными.

Барни отошел от лифта. Какое-то время он ходил по коридору, потом спустился по лестнице вниз, где висело информационное табло «Наборов П. П.». Он нашел на нем свою фамилию и номер комнаты. Ирония, и даже чересчур большая, заключалась в том, что он теперь занимал пост, которого не так давно пытался добиться от Лео: он фигурировал в перечне как главный инспектор прогнозирования моды, явно превосходя

рангом всех консультантов. Значит, если бы он только подождал…

Несомненно, Лео сумел вытащить его с Марса. Спасти его из мира бараков. А из этого следовало очень многое.

Запланированный судебный процесс — или что-то в этом роде — закончился успешно. Вернее, закончится. Очень скоро.

Туман галлюцинаций, создаваемых Палмером Элдричем, ловцом человеческих душ, оказывал свое действие, но ненадолго. Так что, если бы он перестал принимать чуинг-зет после первой дозы…

Может быть, порция наркотика оказалась у Энн Хоуторн вполне умышленно. Именно это склонило его вновь принять чуинг-зет вскоре после первого сеанса. Если так, то ее протесты были фальшивыми, она хотела, чтобы он отобрал у нее порцию и, как крыса в лабиринте, двинулся в сторону источника света. Все это время им манипулировал Палмер Элдрич.

И пути назад не было.

Если верить Элдричу, говорившему устами Лео. Устами всей его компании. Вот ключевое слово: «если».

Он поднялся на лифте на этаж, где находился

его кабинет.

Когда он открыл дверь, сидевший за столом человек поднял голову и сказал:

— Закрой дверь. У нас мало времени.

Мужчина, которым был он сам, встал, Барни внимательно взглянул на него, потом задумчиво закрыл дверь, как ему было сказано.

— Спасибо, — холодно сказало его будущее «я». — И перестань волноваться по поводу возвращения в свое время, ты вернешься. Большинство из того, что делал — или, если хочешь так считать, делает — Элдрич, это поверхностные изменения, он заставляет вещи *казаться* такими, как ему хочется, но это не означает, что они такими становятся. Соображаешь?

— Гм… верю тебе на слово.

— Я прекрасно понимаю, — говорило его будущее «я», — что сейчас мне легко это говорить; Элдрич все еще время от времени появляется, иногда даже публично, но я знаю, и каждый, даже тот, кто не читает газет, знает, что это только галлюцинация, установлено вне всяких сомнений, что его могила находится на «Сигме четырнадцать-бэ». Для тебя все обстоит иначе. Для тебя Палмер Элдрич может войти сюда в любой момент, то, что для тебя было бы реальностью, для

меня будет галлюцинацией — и точно так же будет после твоего возвращения на Марс. Ты встретишь живого, настоящего Палмера Элдрича, и я в самом деле тебе не завидую.

— Скажи только, как мне вернуться, — попросил Барни.

— Эмили тебя уже больше не интересует?

— Я боюсь, — сказал он и ощутил на себе свой собственный понимающий взгляд. — Ладно, — не выдержал он, — так что же мне делать: притворяться, что я не боюсь, чтобы произвести на тебя впечатление? Ты и так все знаешь.

— Превосходство Элдрича над всеми и каждым, кто попробовал чуинг-зет, основано на том, что возврат к действительности происходит крайне медленно и постепенно; он проходит через ряд последовательных стадий, каждая из которых содержит все меньше иллюзий и все больше элементов реальности. Иногда этот процесс занимает годы. Вот почему ООН в конце концов запретила производство чуинг-зет и выступила против Элдрича; Хепберн-Гилберт сначала санкционировал этот наркотик, поскольку действительно верил, что это средство помогает тому, кто его употребляет, перенестись в конкретную реальность, а тем временем каждому, кто

принимал чуинг-зет или видел, как его принимают, стало совершенно ясно, что он действует в точности…

— Значит, я никогда не приходил в себя после первой дозы.

— Совершенно верно, ты так полностью и не вернулся к действительности. А мог бы вернуться, если бы сделал перерыв в двадцать четыре часа. Галлюцинации Элдрича, изменяющие реальность, в конце концов бы прошли, ты был бы свободен. Однако Элдрич подсунул тебе вторую, более сильную дозу; он знал, что тебя выслали на Марс, чтобы ты боролся с ним, хотя понятия не имел, каким образом. Он боялся тебя.

Это казалось странным и неправдоподобным. Элдрич, при всех его возможностях… ведь Элдрич видел памятник в будущем, знал, что когда-то каким-то образом его в конце концов убьют.

Дверь кабинета внезапно открылась.

Вошла Рони Фьюгейт и, увидев их обоих, ничего не сказала, только открыла рот и вытаращила глаза. Наконец она пробормотала:

— Это призрак — думаю, тот, который стоит ближе ко мне.

Она неуверенно вошла внутрь и закрыла за собой дверь.

— Совершенно верно, — сказал Барни из будущего, пристально глядя на нее. — Можешь проверить, потрогай его.

Она так и сделала, Барни Майерсон увидел, как ее рука погружается в его тело и исчезает.

— Я уже видела призраки, — уже спокойнее сказала она, убирая руку. — Но твоего я еще не видела никогда, дорогой. Каждый, кто принимал эту дрянь, рано или поздно стал призраком, но в последнее время их все меньше. Когда-то, примерно год назад, их везде было полно. Даже Хепберн-Гилберт в конце концов увидел свой призрак, он это заслужил, — добавила она.

— Ты, конечно, понимаешь, — сказал будущий Барни Рони, — что он находится под сильным влиянием Элдрича, несмотря на то что для нас этот человек мертв. Элдрич может в любой момент начать воздействовать на его восприятие, а тогда у него не будет иного выхода, кроме как соответственно прореагировать.

— Что мы можем для тебя сделать? — спросила Рони, обращаясь к Барни.

— Он хочет вернуться на Марс, — сказал будущий Барни. — Они придумали чудовищный план, как уничтожить Элдрича в судебном порядке, что связано с применением вызывающего

эпилепсию препарата с Ио, КВ-семь. А может быть, ты этого не помнишь?

— Ведь это дело так и не попало в суд, — сказала Рони. — Элдрич с ними договорился. Они отозвали свою жалобу.

— Мы можем доставить тебя на Марс, — сказал Барни его двойник из будущего, — на корабле «Наборов П. П.». Однако это ничего не даст, поскольку Элдрич не только полетит следом и будет сопровождать тебя, но и встретит тебя по прибытии на место — это его любимое развлечение. Не забывай, что призрак может быть всюду, он не ограничен временем или пространством. Именно это делает его призраком, а также отсутствие метаболизма, по крайней мере в нашем понимании этого слова. Однако, как это ни странно, на него действует гравитация. В последнее время появилось много работ, касающихся этого явления, однако пока известно немногое. — И многозначительно закончил: — Особенно в отношении того, как избавиться от призрака, как заставить его вернуться в свое пространство и время.

— Вы хотите от меня как можно скорее избавиться? — похолодев, спросил Барни.

— Совершенно верно, — спокойно ответил его двойник из будущего. — Так же, как и ты хочешь

как можно скорее вернуться, ты уже знаешь, что совершил ошибку, и… — Он бросил взгляд на Рони и сразу же замолчал. Он не собирался касаться темы Эмили в ее присутствии.

— Проводились какие-то эксперименты с электрошоком с использованием слабого тока и высокого напряжения, — сказала Рони. — И с магнитным полем. В Колумбийском университете…

— До сих пор, — перебил ее будущий Барни, — лучшие результаты были получены в Калифорнийском технологическом, на физическом факультете. Призрак облучают потоком бета-частиц, которые разрушают базовую структуру…

— Ладно, — отрезал Барни. — Я оставлю вас в покое. Я поеду туда и посмотрю, что удастся сделать.

Он чувствовал себя окончательно сломленным, его бросили в нужде все, даже он сам.

«Это уже предел всему, — думал он с бессильной слепой яростью. — Господи!»

— Странно, — сказала Рони.

— Что странно? — спросило его будущее «я», откидываясь на спинку кресла и глядя на Рони со сложенными на груди руками.

— То, что ты сказал о Калтехе, — ответила Рони. — Насколько я знаю, они там никогда не

занимались призраками. Попроси, чтобы он показал тебе обе руки, — тихо сказала она Барни.

— Покажи руки, — сказал Барни. Однако он уже видел медленные перемены, происходившие в его собеседнике, особенно в форме его челюсти; он без труда узнал знакомую угловатость. — Перестань, — хрипло сказал Барни, у него кружилась голова.

Его будущее «я» насмешливо сказало:

— Бог помогает тому, кто сам себе помогает. Ты что, действительно думаешь, тебе что-то даст, если ты будешь здесь болтаться, пытаясь выдумать кого-нибудь, кто бы тебе посочувствовал? Черт побери, мне тебя жаль, я говорил тебе, чтобы ты не принимал вторую порцию. Я бы тебя вытащил, если бы знал как, а я знаю об этом наркотике больше, чем кто-либо из ныне живущих.

— Что с ним будет? — спросила Рони будущего Барни, который уже не был будущим Барни; метаморфоза закончилась, и в кресле, чуть покачиваясь, уже удобно сидел Палмер Элдрич, высокий и седой, как будто чьим-то великодушным жестом сформированный из некоей таинственной массы. — Боже милостивый, неужели он останется здесь навсегда?

— Хороший вопрос, — сказал Палмер Элдрич. —

Я сам бы хотел это знать, как в его интересах, так и в своих. Помните, что я погружен во все это значительно глубже, чем он. — Обращаясь к Барни, он сказал: — Кажется, ты понял — не так ли? — что тебе вовсе необязательно принимать свою обычную форму, ты можешь быть камнем или деревом, реактивным самолетом или куском термозащитной обшивки. Я был всем этим и многим другим. Если ты станешь чем-то неодушевленным — например, куском дерева, — ты не будешь осознавать течения времени. Это довольно интересный выход из положения для того, кто хочет избежать призрачного существования. Я этого не хочу, — тихо говорил он. — Поскольку для меня возвращение в мое время и пространство означает смерть от руки Лео. И поэтому я могу жить только в таком состоянии. Однако в твоем случае… — Он сделал неясный жест и слабо улыбнулся. — Стань камнем, Майерсон. Подожди, хоть я и не знаю, сколько это займет времени, пока действие наркотика пройдет. Десять лет, сто. Миллион лет. Или стань окаменевшей костью в музейной витрине.

Он доброжелательно смотрел на Барни.

Помолчав, Рони сказала:

— Может быть, он прав, Барни.

Барни подошел к столу, поднял стеклянное пресс-папье, потом положил его на место.

— Мы не можем до него дотронуться, — сказала Рони, — но он…

— Способность к манипулированию материальными предметами, — сказал Палмер Элдрич, — доказывает, что призраки присутствуют в данной реальности, что это не только иллюзия. Вспомните полтергейстов… Они могли швырять предметы по всему дому, хотя и были нематериальны…

На одной из стен кабинета блестела табличка: премия, которую Эмили получила три года назад — считая по его времени — на выставке керамики. Она висела здесь — он все еще хранил ее.

— Я хочу стать этой табличкой, — решил Барни.

Она была сделана из твердого дерева, вероятно махагониевого, и бронзы, она просуществует многие годы, а кроме того, он знал, что его будущее «я» никогда ее не выбросит. Он подошел к табличке, думая о том, как перестать быть человеком и стать предметом из бронзы и дерева, висящим на стене кабинета.

— Ты хочешь, чтобы я тебе помог, Майерсон? — спросил Палмер Элдрич.

— Да, — ответил он.

Какая-то сила подхватила его, он раскинул руки, чтобы сохранить равновесие, и вдруг оказалось, что он летит, падает в бездонный сужающийся туннель. Он чувствовал, как стены сжимаются вокруг него, и знал, что совершил ошибку. Палмер Элдрич еще раз перехитрил его, продемонстрировал власть, которая была у него над каждым, кто принимал чуинг-зет; он сделал нечто, и Барни даже не знал, что именно, но наверняка не то, о чем тот говорил и что обещал.

— Будь ты проклят, Элдрич, — сказал Барни, не слыша своего голоса, ничего не слыша; он падал и падал, полностью лишенный веса, не будучи уже даже призраком. Гравитация перестала на него действовать, видимо, тоже исчезла.

«Оставь мне что-нибудь, — подумал он. — Прошу тебя».

Он осознал, что это молитва, которой уже никто не выслушает. Палмер Элдрич уже давно сделал то, что хотел, и теперь было уже поздно, всегда было поздно.

«Значит, я должен довести дело до суда, — подумал Барни. — Я найду какой-нибудь способ вернуться на Марс, проглочу яд, проведу остаток своих дней в судебных заседаниях — и выиграю.

Не ради Лео и „Наборов П. П.“, но ради себя самого».

Внезапно он услышал смех. Это был смех Палмера Элдрича, но он раздавался из… его собственного рта.

Взглянув на свои руки, он увидел сначала левую, бледно-розовую, покрытую кожей с мелкими, почти невидимыми волосками, а потом правую, блестящую, идеально подогнанную искусственную руку, которая была намного лучше настоящей, потерянной много лет назад.

Теперь он знал, что с ним случилось. Произошла чудовищная — по крайней мере, с его точки зрения — перемена, и, может быть, все, что до сих пор произошло, должно было закончиться именно таким образом.

«Это меня убьет Лео Булеро, — понял Барни. — Это обо мне будет говорить та надпись на памятнике.

Теперь я — Палмер Элдрич.

В таком случае, — подумал он, в то время как мир вокруг него начал приобретать конкретные черты, — интересно, как у него идут дела с Эмили.

Надеюсь, что очень плохо».

Глава 12

Широко раскинув руки, он простирался от системы Проксимы Центавра до самой Земли, и он не был человеком, он вернулся не человеком. И он обладал огромной властью. Он мог победить смерть.

Однако он не был счастлив. По одной простой причине: он был одинок. Он пытался избежать этого, прилагая огромные усилия, чтобы увлечь за собой других. Одним из них был Барни Майерсон.

— Майерсон, — дружелюбно сказал он, — что ты, черт побери, теряешь? Ну подумай сам: для тебя все кончено. У тебя нет женщины, которую ты любишь, и ты жалеешь о том, что было. Ты знаешь, что избрал неверный жизненный путь и никто тебя к этому не принуждал. И это нельзя исправить. Даже если ты проживешь миллион лет, ты не вернешь того, что потерял — добровольно. Ты понимаешь меня?

Молчание.

— И ты забываешь об одном, — продолжал он. — Она деградировала в результате этой убогой эволюционной терапии, которой занимается

этот немецкий доктор из бывших нацистов. Конечно, она оказалась достаточно умна, а вернее, ее муж оказался достаточно умным, чтобы заставить ее отказаться от этой терапии, так что она продолжает делать свои вазочки, которые все же продаются; она не успела сильно деградировать. Однако… она не понравилась бы тебе такая, какая она сейчас. Ну, ты знаешь: чуть мельче, чуть глупее. Даже если бы ты вновь вернул ее, было бы не так, как раньше, было бы иначе.

Он снова подождал. На этот раз он услышал ответ.

— Ну и ладно!

— Куда ты хотел бы отправиться? — продолжал он. — На Марс? Ладно, значит, на Землю.

— Нет, — ответил Барни Майерсон. — Я эмигрировал добровольно. Я уже сыт по горло, для меня все кончено.

— Ну хорошо. Не на Землю. Посмотрим. Гм… — Он задумался. — На Проксиму, — сказал он. — Ты никогда не видел систему Проксимы и проксов. Я — мост, знаешь? Между двумя системами. В любой момент они могут попасть в Солнечную систему — через меня. Но я их не пускаю. Хотя им все больше не терпится. — Он захихикал. — Они выстраиваются в очереди. Как дети за билетами

в кино на субботний утренник.

— Преврати меня в камень.

— Зачем?

— Чтобы я ничего не чувствовал, — ответил Барни Майерсон. — Больше я ничего не хочу.

— Ты не хочешь быть вместе со мной частью одного-единого организма?

Нет ответа.

— Ты помог бы мне реализовать мои планы. А у меня их много, и они обширны — планы Лео по сравнению с ними ничто.

«Конечно, — думал он, — Лео скоро меня убьет. Скоро — в тех категориях, в которых измеряется время вне моих миров».

— Я познакомлю тебя с одним из своих планов — из числа не самых важных. Может быть, это тебя заинтересует.

— Сомневаюсь, — сказал Барни.

— Я собираюсь стать планетой.

Барни рассмеялся.

— Ты считаешь, что это смешно? — Его охватила злость.

— Я думаю, что ты чокнутый. Неважно, человек ты или существо из межзвездной бездны, но ты сошел с ума.

— Я еще не объяснил, — с достоинством ответил

он, — что я под этим понимаю. Я хотел сказать, что намерен стать всеми жителями планеты. Ты знаешь, о какой планете я говорю.

— О Земле.

— Нет, черт побери. О Марсе.

— Почему именно Марс?

— Потому что он… — Элдрич пытался найти подходящие слова. — Он новый. Не цивилизованный. Он полон возможностей. Я собираюсь быть каждым из колонистов, которые туда прилетят. Я поведу их к цивилизации, я буду их цивилизацией.

Молчание.

— Ну давай. Скажи что-нибудь.

— Как это так получается, — сказал Барни, — что ты можешь стать всем, даже целой планетой, а я не могу стать даже табличкой на стене моего кабинета в «Наборах П. П.»?

— Гм, — пробормотал он, сбитый с толку. — Ну хорошо, хорошо, ты можешь быть этой табличкой, какое мне, черт возьми, до этого дело? Становись чем хочешь — ты принял наркотик и имеешь на это право. Это, естественно, иллюзия. Такова правда. Я открываю тебе самый большой секрет: все это галлюцинации. Лишь из-за некоторых пророческих черт эти видения кажутся

реальностью, подобно снам. Я перемещался в миллионы этих так называемых миров и вернулся из них, я познакомился со всеми. И знаешь, что они собой представляют? Ничего! Это то же самое, что и электрический импульс, с помощью которого лабораторная крыса раз за разом раздражает определенные участки своего мозга. Это отвратительно.

— Понятно, — сказал Барни Майерсон.

— И, зная об этом, ты хочешь закончить свои дни в одном из них?

— Именно так, — подумав, ответил Барни.

— Хорошо! Я сделаю тебя камнем и положу на берегу моря, можешь лежать так миллион лет и слушать шум волн. Надо полагать, ты будешь доволен.

«Идиот, — со злостью думал он. — Камень! Господи!»

— Это промывание мозгов? — вдруг спросил Барни. — Для этого тебя прислали сюда проксы?

— Никто меня не присылал. Я появился здесь по собственной воле. Это лучше, чем жить в пустоте среди далеких звезд. — Он захихикал. — Ты наверняка не страдаешь избытком серого вещества — и хочешь быть камнем. Послушай, Майерсон, ведь на самом деле ты вовсе не хочешь стать

камнем. Ты хочешь умереть.

— Умереть?

— Хочешь сказать, что ты об этом не знал? — недоверчиво спросил он. — Перестань!

— Нет. Я не знал.

— Это очень просто, Майерсон, я перенесу тебя в мир, где ты будешь гниющим трупом пса, которого переехала машина; подумай, какое это будет для тебя облегчение. Ты будешь мной, ты — это я, и Лео Булеро тебя убьет. Это и будет этот дохлый пес, Майерсон, это и будет труп в канаве.

«А я буду жить, — подумал он. — Вот мой дар для тебя, и помни, что „gift“ — по-английски „дар“ — по-немецки означает „яд“. Через несколько месяцев я позволю тебе умереть вместо меня, и будет установлен тот памятник на „Сигме четырнадцать-бэ“, но я буду продолжать жить в твоем теле. Когда ты вернешься с Марса, чтобы снова приступить к работе в „Наборах П. П.“, ты будешь мной. Таким образом я избегну своей участи.

Это так просто».

— Ладно, Майерсон, — закончил он, утомленный разговором. — Вперед и с песней, как говорится. Можешь считать, что я тебя оставил в покое, мы больше не единый организм. Наши пути разойдутся, так как ты этого хотел. Ты

находишься на корабле Коннера Фримана, стартующем с Венеры, а я — снова в Чикен-Покс, у меня там небольшой огород, и в любой момент я могу пофлиртовать с Энн Хоуторн. Лично меня такая жизнь вполне устраивает. Надеюсь, что тебе понравится и твоя.

В следующее мгновение он оказался на Марсе.

Он стоял в кухне своей квартирки в Чикен-Покс и жарил на сковородке местные грибы… в воздухе чувствовался запах масла и приправ, а из комнаты доносились звуки симфонии Гайдна из портативного магнитофона.

«Все спокойно, — удовлетворенно подумал он. — Именно это мне и нужно, немного покоя и тишины. Все же я привык к этому там, в межзвездной пустоте».

Он зевнул, потянулся и сказал:

— Удалось.

Сидевшая в комнате Энн Хоуторн оторвалась от газеты с последними новостями информационного агентства ООН и спросила:

— Что удалось, Барни?

— Положить приправы в самый раз, — радостно сказал он.

«Я — Палмер Элдрич, и я здесь, а не там. Я переживу нападение Лео и буду здесь наслаждаться

жизнью, на что Барни не был способен.

Посмотрим, как ему это понравится, когда орудия корабля Лео разнесут его корабль на атомы. Тогда он пожалеет о своем выборе».

Барни Майерсон зажмурился от падавшего сверху света. Мгновение спустя он понял, что находится на корабле: помещение выглядело как спальня, совмещенная с гостиной, но он заметил, что вся мебель была тщательно привинчена к полу. Кроме того, сила тяжести была совершенно иной; создаваемая искусственно, она мало походила на земную.

Неподалеку он заметил иллюминатор, который, правда, был ненамного больше ячейки пчелиных сот, но за ним видна была пустота, простиравшаяся за толстым пластиком. Он подошел и посмотрел. Большую часть обзора занимало ослепительное Солнце, и он потянулся к переключателю, чтобы включить черный фильтр. При этом он взглянул на свою руку. На свой искусственный, металлический, прекрасно работающий протез.

Он сразу же вышел из каюты и направился по коридору к закрытым дверям рубки управления; он постучал стальными пальцами, и тяжелая перегородка отодвинулась в сторону.

— Да, мистер Элдрич? — спросил молодой пилот, уважительно кланяясь.

— Пошли радиограмму, — сказал он.

Пилот достал ручку и поднес ее к блокноту, закрепленному на краю пульта.

— Кому, сэр?

— Мистеру Лео Булеро.

— Лео… Булеро, — быстро записал пилот. — Это надо передать на Землю, сэр? Если так, то…

— Нет. Он где-то здесь, на своем корабле. Передай ему… — Он замолчал и задумался.

— Вы хотите с ним поговорить, сэр?

— Я не хочу, чтобы он меня убил, — ответил он. — Именно это я собираюсь ему сказать. Тебя это тоже касается. И всех, кто кроме нас находится на борту этой огромной тихоходной жестянки.

«Это безнадежно, — подумал он. — Кто-то из организации Феликса Блау, предусмотрительно оказавшийся на Венере, видел меня на борту этого корабля; Лео знает, что я здесь. Это конец».

— Вы хотите сказать, что конкуренты готовы на все? — побледнев, удивленно спросил пилот.

Появилась Зоя Элдрич, его дочь, в тирольской юбке и туфлях на меху.

— Что происходит?

— Поблизости находится Лео, — ответил он. — У

него вооруженный корабль и поддержка ООН, мы попали в ловушку. Не надо было лететь на Венеру. Хепберн-Гилберт наверняка об этом знал. Попробуй связаться с Лео, — сказал он пилоту. — Я возвращаюсь в каюту.

«Я все равно ничем не могу помочь», — подумал он и направился к выходу.

— Черт побери, — выругался пилот, — поговорите же с ним! Ведь это вы ему нужны.

Он встал с кресла, демонстративно покидая свое место.

Барни Майерсон сел и, тихо вздохнув, включил передатчик, настроил его на частоту экстренной связи, взял микрофон и сказал:

— Лео, выродок ты этакий. Ты до меня добрался, ты заманил меня сюда, и теперь я у тебя в руках. У тебя и у твоего проклятого флота, который ждал меня с тех пор, как я вернулся с Проксимы. Ты опередил меня уже на старте.

Он был теперь больше зол, чем испуган.

— На этом корабле нет никаких средств защиты. Ты будешь стрелять в безоружных. Это транспортный корабль.

Он замолчал, пытаясь что-нибудь придумать. Может быть, сказать, что он — Барни Майерсон и что Элдрича никогда не захватить и не убить,

поскольку он постоянно будет перемещаться из одного бытия в другое? И что Лео в действительности убьет человека, которого знает и любит?

— Скажи что-нибудь, — поторопила Зоя.

— Лео, — сказал он в микрофон, — позволь мне вернуться на Проксиму. Прошу тебя.

Он ждал, прислушиваясь к трескам в динамике.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я отказываюсь от своих слов. Я никогда больше не покину Солнечную систему, и тебе не удастся меня убить, даже с помощью Хепберн-Гилберта или кого-нибудь еще из ООН. Ну как? — сказал он Зое. — Как тебе это нравится? С меня хватит.

Он с треском опустил микрофон.

Первый выстрел лазерного орудия почти расколол корабль пополам.

Барни Майерсон лежал на полу рубки, прислушиваясь к свисту уходящего воздуха и грохоту закрывающихся перегородок.

«Я получил что хотел, — подумал он. — По крайней мере, чего я хотел, по мнению Палмера Элдрича. Смерти».

Истребитель Лео Булеро не спеша занимал позицию, готовясь ко второму, решающему выстрелу. На экране перед креслом пилота он

видел пламя его дюз. Корабль был действительно близко.

Он лежал, готовясь к смерти.

Внезапно он оказался в своей комнате на Марсе, а навстречу ему шел Лео Булеро.

Энн Хоуторн встала с кресла и с интересом сказала:

— Значит, это вы — Лео Булеро. У меня много вопросов, в основном насчет вашего продукта кэн-ди…

— Я не произвожу кэн-ди, — сказал Лео. — Я категорически отрицаю подобные слухи. Я не занимаюсь никакими нелегальными делами. Послушай, Барни, ты уже принял это… ну, ты знаешь, — хрипло прошептал он, наклонившись к Майерсону. — Да или нет?

— Я выйду на минутку, — понимающе сказала Энн.

— Не надо, — буркнул Лео и посмотрел на Феликса Блау, который кивнул. — Я знаю, что ты работаешь на Феликса, — сказал он ей и со злостью ткнул Барни в бок. — Не думаю, чтобы он это принял, — сказал он как бы про себя. — Я обыщу его.

Он начал шарить в карманах Майерсона, а потом залез ему под рубашку.

— Есть. — Он вытащил ампулу с токсином. — Нетронутая, — с отвращением сказал он Феликсу Блау, открыв пробку и заглянув внутрь. — Вот почему Фейн не получил от него никаких сообщений. Он струсил.

— Я не струсил, — сказал Барни. («Я был далеко отсюда, — думал он. — Не знаете?») — Это из-за чуинг-зет, — пробормотал он. — Я был очень далеко.

— Да, ты был без сознания около двух минут, — презрительно сказал Лео. — Мы пришли сюда сразу же после того, как ты заперся; какой-то тип — Норм или как его там — открыл нам универсальным ключом; кажется, это он главный в этом бараке.

— Вы должны помнить, — сказала Энн, — что субъективное течение времени после приема чуинг-зет не совпадает с реальным, для него могли пройти часы или дни.

Она сочувственно посмотрела на Барни.

— Правда?

— Я умер, — сказал Барни и сел. Его тошнило. — Ты убил меня.

Наступила многозначительная тишина.

— Ты обо мне говоришь? — наконец спросил Феликс Блау.

— Нет, — ответил Барни.

Это не имело значения. По крайней мере, пока он снова не примет наркотик. Когда он сделает это, наступит конец, Палмер Элдрич выживет, одержит победу. И именно это было невыносимо, не его собственная смерть — которая когда-нибудь все равно должна была наступить, — но тот факт, что Палмер Элдрич станет бессмертным.

«Смерть, — подумал он, — где твоя победа над…»

— Я чувствую себя оскорбленным, — заявил Феликс Блау. — Что это должно означать? Тебя кто-то убьет, Майерсон? Черт побери, мы вытащили тебя с того света. А путешествие сюда было трудным и, по моему мнению, рискованным для мистера Булеро, моего клиента; это район, где орудует Элдрич.

Он подозрительно огляделся вокруг.

— Пусть он примет этот токсин, — сказал он Лео, — и возвращаемся на Землю, прежде чем не случилось нечто ужасное. А я чувствую, что это может случиться.

Он направился к двери.

— Примешь, Барни? — спросил Лео.

— Нет, — ответил он.

— Почему?

— Жизнь слишком много для меня значит.

«Я решил, что с искуплением вины пора кончать», — подумал он.

— Что с тобой было во время перемещения?

Он встал, голова у него кружилась.

— Он ничего не скажет, — произнес от дверей Феликс Блау.

— Барни, — сказал Лео, — у нас не было другого выхода. Я вытащу тебя отсюда, я в этом уверен. А эпилепсия типа Кью — это еще не конец…

— Ты зря теряешь время, — прервал его Феликс Блау, выходя в коридор. Он бросил на Барни еще один презрительный взгляд. — Ты совершил ошибку, понадеявшись на этого парня.

— Он прав, Лео, — сказал Барни.

— Ты никогда не выберешься с Марса, — сказал Лео. — Я никогда не помогу тебе вернуться на Землю. Что бы ни случилось.

— Я знаю.

— Однако тебя это не волнует. Ты намерен провести остаток своих дней, принимая этот проклятый наркотик.

Лео со злостью смотрел на него, сбитый с толку.

— Наоборот, — сказал Барни, — я никогда больше этого не сделаю.

— Что же ты собираешься делать?

— Буду здесь жить, — ответил Барни. — Как колонист. Буду работать в огороде наверху и делать все то, что здесь делают. Копать оросительные каналы и так далее.

Он смертельно устал, тошнота не проходила.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Мне тоже, — сказал Лео. — И я не могу тебя понять.

Лео взглянул на Энн Хоуторн, но и от нее не получил ответа. Он пожал плечами и подошел к двери. Стоя на пороге, он хотел еще что-то сказать, но передумал и пошел за Феликсом Блау. Барни слышал звук их шагов, когда они поднимались по трапу наверх. Наконец шаги смолкли и наступила тишина. Барни дотащился до раковины и налил себе стакан воды.

— Я тебя понимаю, — сказала Энн.

— В самом деле?

У воды был чудесный вкус, она смыла последние следы чуинг-зет.

— Ты частично стал Палмером Элдричем, — сказала она. — А он частично стал тобой. Вы уже не можете разделиться, ты всегда будешь…

— Ты с ума сошла, — сказал он, тяжело опираясь о раковину, чтобы сохранить равновесие: у

него все еще подгибались ноги.

— Элдрич получил от тебя то, что хотел, — сказала Энн.

— Нет, — сказал он. — Поскольку я вернулся слишком быстро. Я должен был оставаться там еще пять или десять минут. Когда Лео выстрелит во второй раз, на том корабле будет Палмер Элдрич, не я.

«И именно поэтому мне незачем рисковать своим здоровьем, реализуя этот безумный, надуманный план, который мог родиться только от отчаяния, — подумал он. — Этот человек, или что бы это ни было, вскоре погибнет…»

— Понимаю, — сказала Энн. — И ты уверен, что те события будущего, которые ты видел…

— Подлинные.

Поскольку во время эксперимента с наркотиком он не был полностью зависим от того, что ему предлагалось.

А кроме того, он был ясновидцем.

— Палмер Элдрич об этом тоже знает, — сказал он. — Он сделает… делает все возможное, чтобы уцелеть. Однако он не уцелеет. Не сможет.

«По крайней мере, — подумал он, — вероятно, не сможет».

Однако в этом и заключалась сущность будуще-

го как переплетения различных возможностей. Он давно уже принимал это как должное и научился этим пользоваться, интуитивно зная, какую линию поведения выбрать. Поэтому он и работал у Лео.

— Но Лео тем не менее ничего для тебя не сделает, — сказала Энн. — Он не заберет тебя обратно на Землю. Ты знаешь, что он говорил серьезно? Я поняла по выражению его лица: пока он жив, он не…

— Землей, — ответил Барни, — я уже сыт по горло.

Он тоже говорил серьезно, прекрасно отдавая себе отчет в том, какая жизнь ожидает его здесь, на Марсе.

Если она была достаточно хороша для Палмера Элдрича, она была хороша и для него. Поскольку Палмер Элдрич жил не одной жизнью, и кем бы он ни был, человеком или зверем, он обладал глубокой, истинной мудростью. Соединение с Элдричем во время перемещения оставило отпечаток на Барни, некий знак абсолютного знания. Он думал о том, не получил ли и Элдрич что-то от него взамен.

«Может быть, я знал нечто, что ему пригодилось? — спрашивал он себя. — Какое-то предчув-

ствие? Настроение или воспоминание?»

Хороший вопрос. Он пришел к выводу, что ответ на него будет отрицательным.

«Наш противник — это нечто крайне отвратительное и чуждое, — думал он, — которое овладело представителем нашего вида во время долгого путешествия с Земли на Проксиму… и оно, однако, знало значительно больше о смысле нашего существования, чем я. Эти столетия бесплодного блуждания в пространстве, в ожидании какой-либо формы жизни, которой оно могло бы овладеть и которой могло бы стать… может быть, именно они были источником этого знания, не опыт, не бесконечное одиночество. В сравнении с ним я ничего не знаю, ничего не достиг».

В дверях стояли Фрэн и Норм Шайн.

— Эй, Майерсон, ну и как? Что ты думаешь о чуинг-зет?

Они вошли в комнату, с нетерпением ожидая ответа.

— Не приживется, — буркнул Барни.

— Я так не считаю, — разочарованно сказал Норм. — Он понравился мне намного больше, чем кэн-ди. Вот только… — Он нахмурился и неуверенно посмотрел на жену. — Я все время ощущал чье-то присутствие. Это все портило.

Естественно, я снова перенесся в…

— Мистер Майерсон, похоже, устал, — перебила его Фрэн. — Расскажешь ему обо всем позже.

Смерив Барни взглядом, Норм Шайн сказал:

— Не пойму, что ты за птица, Барни. Сразу же после первого сеанса ты отобрал порцию у этой девушки, мисс Хоуторн, убежал и заперся в своей комнате, чтобы ее сжевать, а теперь ты говоришь… — Он философски пожал плечами. — Ну, может быть, ты принял слишком много для одного раза. Ты перебрал дозу, парень. Я собираюсь попробовать еще раз. Естественно, осторожно. Не так, как ты. — И чтобы добавить себе уверенности, повторил: — Я считаю, что это хорошая вещь.

— Кроме, — сказал Барни, — этого ощущения чьего-то присутствия.

— Я это тоже ощущала, — тихо сказала Фрэн. — И я не собираюсь принимать этот чуинг-зет снова. Я… боюсь. Не знаю, что это, но я боюсь.

Она задрожала и прижалась к мужу, тот машинально обнял ее.

— Не бойся. Оно просто пытается жить, как и мы все.

— Но это было так… — начала Фрэн.

— Нечто столь древнее, — сказал Барни, —

должно казаться нам неприятным. Оно лежит вне пределов нашего восприятия времени. Это чудовищно.

— Ты говоришь так, как будто знаешь, что это, — сказал Норм.

«Да, знаю, — подумал Барни. — Поскольку, как сказала Энн, часть его теперь во мне. И так будет, пока оно не умрет через несколько месяцев, вернув ту часть меня, которую оно вобрало в себя. Я переживу неприятные мгновения, когда Лео выстрелит во второй раз. Интересно, какое ощущение…»

— Оно имеет имя, — сказал он всем, а в особенности Норму Шайну и его жене, — которое вы бы узнали, если бы я вам его назвал. Хотя оно само никогда бы себя так не назвало. Мы его так назвали. Исходя из своего опыта, с расстояния в тысячи лет. Но рано или поздно мы должны были с ним столкнуться непосредственно, лицом к лицу.

— Ты имеешь в виду Бога, — сказала Энн Хоуторн.

Ему не хотелось отвечать, он чуть заметно кивнул.

— Однако… это зло?.. — прошептала Фрэн Шайн.

— Это лишь одна из точек зрения, — ответил

Барни, — то, как мы это воспринимаем. Ничего больше.

«Неужели мне еще не удалось вас убедить? — думал он. — Неужели я должен вам говорить, как оно пыталось весьма своеобразно мне помочь? И как оно было связано по рукам и ногам силами судьбы, которые царят над всеми живыми существами, включая нас самих».

— О господи, — сказал Норм.

Уголки его рта опустились, какое-то мгновение он выглядел как обманутый ребенок.

Глава 13

Позже, когда у Барни прошла дрожь в ногах, он вывел Энн на поверхность и показал ей зачатки своего огорода.

— Знаешь, — сказала она, — нужно обладать смелостью, чтобы доставить кое-кому неприятности.

— Ты имеешь в виду Лео?

Он знал, что она хотела сказать; он не собирался устраивать дискуссию на тему того, какие неприятности он доставил Лео, Феликсу Блау и всей фирме «Наборы П. П.» вместе с кэн-ди.

— Лео взрослый человек, — сказал он. — Он с этим смирится. Он поймет, что сам должен справиться с Элдричем, и сделает это.

«В то время как попытка обвинить Элдрича в суде не дала бы результатов, — подумал он. — Об этом говорит мне мое чувство ясновидения».

— Свекла, — сказала Энн. Она присела на бампер автоматического экскаватора и разглядывала пакетики с семенами. — Я терпеть не могу свеклу, так что, пожалуйста, не сажай ее здесь, даже эту мутировавшую, которая зеленая, высокая и кожистая, а на вкус напоминает старую пласти-

ковую дверную ручку.

— Ты не думала о том, — спросил он, — чтобы перебраться сюда жить?

— Нет.

Смутившись, она разглядывала пульт управления трактора, скребя пальцем старую, частично сгоревшую изоляцию одного из кабелей.

— Однако я полагаю, — наконец сказала она, — что время от времени буду заходить к вам на обед. Все-таки вы наши ближайшие соседи.

— Послушай, — сказал он, — эти развалины, в которых ты живешь…

Он замолчал.

«Я уже воспринимаю себя так же, — подумал он, — как и прочих обитателей этого убогого марсианского барака, на ремонт которого специалистам потребовалось бы лет пятьдесят…»

— Мой барак, — сказал он, — может побить твой в любой день недели.

— В воскресенье тоже? Может быть, даже два раза?

— В воскресенье, — ответил он, — нам нельзя. В этот день мы читаем Библию.

— Не шути так, — тихо сказала Энн.

— Я не шучу.

Он действительно говорил серьезно.

— То, что ты сказал о Палмере Элдриче…

— Я хотел тебе сказать только одну вещь, — сказал Барни, — может быть, две. Во-первых, он — ты знаешь, о ком я говорю, — действительно существует, он действительно здесь. Хотя не в таком виде, как мы думали, и не в таком, в каком мы до сих пор с ним сталкивались… может быть, мы никогда не сумеем этого понять. А во-вторых… — Он поколебался.

— Ну, говори.

— Он почти ничем не может нам помочь, — сказал Барни. — Может быть, чуть-чуть. Однако он здесь, с раскрытыми объятиями, он понимает нас и хочет помочь. Он пытается… но это не так просто. Не спрашивай меня почему. Может быть, даже он сам этого не знает. Может быть, его это тоже удивляет. Даже после того, как у него было столько времени, чтобы все обдумать.

«И все то время, которое будет у него потом, — думал Барни, — если ему удастся скрыться от Лео Булеро, от одного из нас, от человека… Знает ли Лео, против чего он выступает? А если бы знал… отказался бы он от своего плана?»

Наверняка нет. Как ясновидец, Барни был в этом уверен.

— То, что проникло в Элдрича, — сказала Энн, —

и с чем мы столкнулись, превосходит нас, и, как ты говоришь, мы не можем оценить или понять, чего оно хочет и к чему стремится; оно остается для нас таинственным и непонятным. Однако я знаю, что ты ошибаешься, Барни. То, что является к нам с пустыми, раскрытыми руками, не может быть Богом. Это существо, созданное кем-то еще более совершенным, так же как и мы; Бог не был никем создан, и он ничему не удивляется.

— Я ощущаю вокруг него, — сказал Барни, — некую божественную ауру. Все время.

«А в особенности тогда, — думал он, — когда Элдрич подталкивал меня, пытался заставить меня попробовать…»

— Естественно, — сказала Энн. — Я думала, что ты это понимаешь. Он присутствует в каждом из нас, и в любой высшей форме жизни, такой как та, о которой мы говорим. Его присутствие будет ощущаться еще больше. Однако позволь мне рассказать тебе мой анекдот про кота. Он очень короткий и простой. Хозяйка приглашает гостей, и у нее на кухонном столе лежит великолепный пятифунтовый кусок мяса. Она беседует с гостями в комнате, выпивает несколько рюмочек и так далее. Потом она извиняется перед гостями и идет на кухню, чтобы поджарить мясо… но его

нет. А в углу, лениво облизываясь, сидит кот.

— Кот съел мясо, — сказал Барни.

— В самом деле? Хозяйка зовет гостей, они начинают обсуждать случившееся. Мяса нет, целых пяти фунтов, а в кухне сидит сытый и довольный кот. «Взвесьте кота», — говорит кто-то. Они уже немного выпили, и эта идея им кажется хорошей. Итак, они идут в ванную и взвешивают кота на весах. Кот весит ровно пять фунтов. Все это видят, и один из гостей говорит: «Теперь все ясно. Мясо там». Они уже уверены, что знают, что произошло; у них есть эмпирическое доказательство. Потом кто-то начинает сомневаться и удивленно спрашивает: «А куда же девался кот?»

— Я уже слышал этот анекдот, — сказал Барни, — и не вижу связи…

— Эта шутка — квинтэссенция онтологической проблемы. Если только задуматься…

— Черт побери, — со злостью сказал он. — Кот весит пять фунтов. Это чушь — он не мог съесть мясо, если весы верные.

— Вспомни о хлебе и вине, — спокойно сказала Энн.

Он вытаращил глаза. До него, кажется, дошел смысл сказанного.

— Да, — продолжала она. — Кот — это не мясо.

А тем не менее… он мог быть формой, которую в этот момент приняло мясо. Ключевое слово здесь — «быть». Не говори нам, Барни, что то, что проникло в Палмера Элдрича, — Бог, поскольку ты не знаешь Его до такой степени, никто не знает. Однако это существо из межзвездной бездны может быть — так же, как и мы, — создано по Его образу и подобию. Тем способом, который Он выбрал, чтобы явиться нам. Так что оставь в покое онтологию, Барни, не говори о том, что Он из себя представляет.

Она улыбнулась ему, надеясь, что он ее поймет.

— Когда-нибудь, — сказал Барни, — мы, может быть, будем поклоняться этому памятнику.

«И не в знак признания заслуг Лео Булеро, — думал он, — хотя он заслуживает — вернее, будет заслуживать — уважения. Нет, мы все как один сделаем то, к чему стремлюсь я, — мы сделаем его олицетворением сверхъестественных сил в нашем убогом понимании. И в определенном смысле мы будем правы, поскольку эти силы в нем есть. Однако, как говорит Энн, что касается его истинной природы…»

— Я вижу, что ты хочешь остаться один на один со своим огородом, — сказала она. — Я,

наверное, пойду к себе в барак. Желаю успеха. И, Барни… — Она протянула руку и крепко сжала его ладонь. — Никогда не пресмыкайся. Бог, или кем бы ни было это существо, с которым мы столкнулись, не хотел бы этого. А если бы даже и хотел, ты не должен этого делать.

Она наклонилась, поцеловала его и пошла.

— Ты думаешь, что я прав? — крикнул ей вслед Барни. — Ты считаешь, имеет смысл устраивать здесь огород? Или все это кончится как обычно…

— Не спрашивай меня. Не знаю.

— Ты заботишься только о спасении собственной души! — со злостью крикнул Барни.

— Уже нет, — сказала она. — Я страшно сбита с толку, и все меня раздражает. Послушай…

Она снова подошла к нему, ее глаза были темны и лишены блеска.

— Ты знаешь, что я видела, когда ты схватил меня и отобрал порцию чуинг-зет? Действительно видела, мне не показалось.

— Искусственную руку. Деформированную челюсть. Глаза…

— Да, — тихо сказала она. — Электронные, искусственные глаза. Что это значит?

— Это значит, — ответил Барни, — что ты видела абсолютную реальность. Истину, скрытую за

внешними проявлениями.

«Пользуясь твоей терминологией, — подумал он, — ты видела стигматы».

Несколько мгновений она вглядывалась в него широко раскрытыми глазами.

— Значит, такой ты на самом деле? — наконец сказала она, отшатываясь от него с гримасой отвращения на лице. — Почему ты не такой, каким кажешься? Ведь сейчас ты не такой. Не понимаю. Лучше бы я не рассказывала тебе этот анекдот про кота, — дрожащим голосом добавила она.

— Дорогая моя, — сказал он, — для меня ты выглядела точно так же. Какое-то мгновение. Ты отталкивала меня рукой, которой явно не было у тебя при рождении.

И так легко это могло случиться снова. Постоянное Его присутствие, если не физическое, то потенциальное.

— Что это — проклятие? — спросила Энн. — Я имею в виду, на нас уже лежит проклятие первородного греха, неужели это повторяется снова?

— Ты должна знать, ты помнишь, что ты видела. Его стигматы: мертвую искусственную руку, дженсеновские глаза и стальную челюсть.

«Символы его присутствия, — думал он, — среди нас. Непрошеного. Не желаемого сознательно.

И нет таинства, через которое мы могли бы пройти, чтобы очиститься; мы не можем заставить его с помощью наших осторожных, хитрых, испытанных временем кропотливых ритуалов, чтобы он ограничился специфическими проявлениями, такими как хлеб и вода или хлеб и вино. Он везде, он распространяется во всех направлениях. Он заглядывает нам в глаза, он выглядывает из наших глаз».

— Это цена, — сказала Энн, — которую мы должны заплатить. За наше желание познать чуинг-зет. Это то же самое, что и яблоко с древа познания.

В голосе ее звучала горечь.

— Да, — согласился он, — но я думаю, что я уже ее заплатил.

«Или был очень близок к этому, — подумал он. — То, что мы знали лишь в земной оболочке, пожелало, чтобы я заменил его в момент смерти; вместо Бога, принимающего смерть за людей, который был у нас когда-то, мы столкнулись — на какое-то мгновение — с высшим существом, которое требовало, чтобы мы умерли за него.

Можно ли из-за этого причислить его к силам зла? — думал он. — Верю ли я в аргументы, которые я представил Норму Шайну? Ну что ж,

это наверняка ставит его на низшую ступень по сравнению с тем, кто пришел к нам две тысячи лет назад. Кажется, что это не что иное, как желание, как говорит Энн, существа, созданного из праха, достичь бессмертия; мы все этого хотим, и все мы охотно принесли бы ради этого в жертву козла или ягненка. Жертва необходима. А стать ею никто не хочет. На этом основана вся наша жизнь. И это именно так».

— До свидания, — сказала Энн. — Я оставляю тебя одного, можешь сидеть в кабине экскаватора и докапываться до истины. Может быть, когда мы снова увидимся, оросительная система будет закончена.

Она еще раз улыбнулась ему и пошла в сторону своего барака.

Посмотрев ей вслед, он вскарабкался в кабину и запустил скрипевший, забитый песком механизм. Машина жалобно взвыла.

«Счастливы те, кто спит», — подумал он.

Для машины как раз прозвучали трубы Страшного суда, к которому она еще не была готова.

Он выкопал около полумили канала, пока еще лишенного воды, когда обнаружил, что к нему подкрадывается какое-то марсианское животное. Он сразу же остановил экскаватор и выглянул

наружу, пытаясь в лучах холодного марсианского солнца разглядеть, что это.

Оно немного напоминало худого, изголодавшегося старика, стоящего на четвереньках, и Барни сообразил, что это наверняка тот самый шакал, о котором его постоянно предупреждали. Во всяком случае, что бы это ни было, оно, вероятно, не ело уже много дней, оно жадно глядело на него, держась на безопасном расстоянии. Внезапно он уловил его мысли. Он был прав. Это был шакал-телепат.

— Можно тебя съесть? — спросил шакал, тяжело дыша и с вожделением разевая пасть.

— Господи, только не это, — сказал Барни.

Он лихорадочно искал в кабине экскаватора что-нибудь, что могло бы послужить в качестве оружия, пальцы его сжались на рукоятке тяжелого гаечного ключа. Он недвусмысленным жестом показал его марсианскому хищнику: ключ и то, как он его держал, говорили сами за себя.

«Слезай с этой штуки, — с надеждой и отчаянием думал марсианский хищник. — Там мне до тебя не добраться».

Последняя мысль не предназначалась Барни, но, видимо, вырвалась невольно. Зверю явно не хватало хитрости.

«Я подожду, — думал он про себя. — В конце концов ему придется слезть».

Барни развернул экскаватор и двинулся обратно к бараку Чикен-Покс. Машина, с шипением и треском, двигалась удручающе медленно, казалось, что она вот-вот сдохнет. Барни чувствовал, что не доедет до барака.

«Может быть, зверь прав, — подумал он. — Мне придется слезть и достойно его встретить. Меня пощадила наивысшая форма жизни, которая овладела Палмером Элдричем и появилась в нашей системе, — а теперь меня должен сожрать глупый зверь. Конец долгому бегству, — думал он. — Окончательное решение, которого еще пять минут назад, несмотря на свои способности к ясновидению, я не предвидел. Может быть, не хотел предвидеть… как триумфально объявил бы доктор Смайл, окажись он здесь».

Экскаватор взвыл, затрясся и с болезненным стоном остановился, еще несколько секунд в нем теплилась жизнь, потом она прекратилась.

Несколько мгновений Барни молча сидел за пультом машины. Старый марсианский шакал сидел неподалеку, не спуская с него глаз.

— Ладно, — сказал ему Майерсон. — Иду.

Он выскочил из кабины, размахивая тяжелым

ключом.

Зверь бросился на него.

В пяти футах от Барни он заскулил, внезапно свернул в сторону и промчался мимо, не коснувшись его, Барни обернулся, глядя на шакала.

«Нечистый», — думал зверь, остановившись на безопасном расстоянии и со страхом глядя на человека.

— Ты нечистый, — с отвращением сообщил он.

«Нечистый, — подумал Барни. — Как это? Почему?»

«Просто нечистый, — мысленно ответил хищник. — Посмотри на себя. Я не могу тебя съесть, я бы заболел».

Зверь не двигался с места, глядя на него с разочарованием и отвращением. Он был испуган.

— Может быть, мы все для тебя нечистые, — сказал Барни. — Все земляне чужие для этого мира. Все пришельцы.

— Нет, только ты, — угрюмо сказал зверь. — Взгляни только на — тьфу! — свою правую руку. С тобой что-то не в порядке. Как ты можешь так жить? Ты не можешь каким-то образом очиститься?

Барни не утруждал себя разглядыванием своей руки, в этом не было необходимости.

Спокойно, со всем достоинством, на которое он был способен, он двинулся по рыхлому песку к своему бараку.

Ночью, когда он укладывался на свою узкую койку, кто-то постучал в дверь.

— Эй, Майерсон! Открой.

Он надел халат и открыл дверь.

— Этот корабль опять прилетел! — возбужденно крикнул Норм Шайн, хватая его за рукав. — Ну, знаешь, тот, с людьми из «Чуинг-зет». У тебя еще остались скины?! Если так, то…

— Если они хотят меня видеть, — сказал Барни, высвобождая рукав, — им придется спуститься сюда. Можешь им так и передать.

Он закрыл дверь.

Норм ушел, громко топая.

Барни сел за стол, достал из ящика пачку — последнюю — земных сигарет и закурил; он сидел и размышлял, слыша наверху и вокруг топот ног соседей.

«Как большие мыши, — подумал он, — почуявшие приманку».

Дверь его комнаты открылась. Барни, не поднимая глаз, продолжал рассматривать крышку стола, пепельницу, спички и пачку «Кэмела».

— Мистер Майерсон…

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — ответил Барни.

Войдя внутрь, Палмер Элдрич закрыл дверь, сел напротив Барни и сказал:

— Все верно, друг мой. Я отпустил тебя сразу же перед тем, как это произошло, перед тем, как Лео выстрелил во второй раз. Это было тщательно продуманное решение. У меня было достаточно времени, чтобы его принять, — чуть больше трех столетий. Я не скажу тебе почему…

— Меня не волнует почему, — прервал его Барни.

Он все еще не поднимал глаз.

— Ты не можешь смотреть на меня? — спросил Палмер Элдрич.

— Я нечистый, — сообщил Барни.

— КТО ТЕБЕ ЭТО СКАЗАЛ?

— Зверь в пустыне. Он никогда меня до этого не видел, он узнал об этом, когда подошел ближе.

«С расстояния в пять футов, — подумал он. — Этого хватило».

— Гм. Может быть, у него были свои причины…

— У него не было никаких причин. Собственно говоря, даже наоборот. Он был полуживой от голода и мечтал о том, чтобы меня съесть. Поэтому

он говорил правду.

— Для примитивного разума, — сказал Элдрич, — нечистый и святой — это одно и то же. Это просто табу. Ритуальное…

— О, черт побери! — со злостью сказал Барни. — Он говорил правду, и ты прекрасно об этом знаешь. Я жив, и я не умру на том корабле, но я осквернен.

— Мной?

— Подумай — и поймешь.

Помолчав, Палмер Элдрич пожал плечами и сказал:

— Ладно. Меня изгнали из одной планетной системы… не буду говорить из какой, поскольку это не имеет никакого значения, — тогда я вселился в этого сумасшедшего, желающего быстро разбогатеть представителя вашего вида. Небольшая часть меня перешла и в тебя. Однако лишь небольшая. Постепенно, с течением времени ты от этого избавишься. Другие колонисты ничего не заметят, поскольку это затронуло и их; это произошло, когда они приняли средство, которое я им дал.

— Мне хотелось бы знать, — сказал Барни, — чего ты намеревался достичь, снабжая нас чуинг-зет.

— Вечности, — спокойно ответило сидевшее напротив него существо.

Барни поднял глаза:

— Размножение?

— Да, единственным доступным мне способом.

Охваченный отвращением, Барни сказал:

— Боже мой. Мы все были бы твоими детьми.

— Теперь уже не о чем беспокоиться, — сказало существо и весело, совсем по-человечески рассмеялось. — Занимайся своим огородом, копай оросительную систему. Я, честно говоря, с нетерпением жду смерти и буду рад, когда Лео Булеро сделает то, о чем он сейчас думает… что он планирует сейчас, когда ты отказался принять токсин, отравляющий мозг. Во всяком случае, я желаю тебе счастья здесь, на Марсе; мне бы такая жизнь вполне подошла, но что делать… не вышло.

Элдрич встал.

— Ты мог бы вернуться в прежнее состояние, — сказал Барни. — Вернуть себе тот облик, в котором ты пребывал, когда тебя встретил Элдрич. Тебе незачем торчать здесь, в его теле, когда Лео откроет огонь по твоему кораблю.

— Мог бы? — насмешливо сказал тот. — Может быть, тогда меня ожидало бы нечто худшее. Ты не можешь этого понять, ты — существо, жизнь ко-

торого относительно коротка, а короткая жизнь означает намного меньше… — Он замолчал, задумавшись.

— Не говори, — сказал Барни, — я не хочу этого знать.

Когда он снова поднял глаза, Палмера Элдрича уже не было.

Он закурил следующую сигарету.

«Что за болото, — подумал он. — Значит, так мы реагируем, когда наконец встречаем в Галактике другое разумное существо. И так ведет себя оно, так же глупо, как и мы, а со многих точек зрения и намного хуже. И этого никак не изменить. Уже не изменить.

А Лео думал, что конфронтация с Элдричем с помощью этого токсина дает нам какой-то шанс. Забавно.

И вот он я, не сделавший того, что должен был сделать, чтобы помочь суду. Физически и психически нечистый.

Может быть, Энн сумеет что-то для меня сделать, — вдруг пришло ему в голову. — Может быть, существует какой-то способ вернуться в предыдущее состояние — прежде чем нынешнее станет постоянным».

Он пытался что-то вспомнить, но он так мало

знал о неохристианстве. Во всяком случае, стоило попытаться; всегда есть какая-то надежда, а в предстоящие годы она будет ему необходима.

Тем не менее существо, обитающее в глубинах космоса, а теперь принявшее облик Палмера Элдрича, в определенной степени было подобно Богу, а если даже оно и не было Им, решил Барни, то, во всяком случае, оно было частью Его творения. Так что часть ответственности лежала на Нем. Барни был убежден, что Он должен отдавать себе в этом отчет.

Только как заставить Его признать это? Это могло оказаться значительно более трудной задачей.

Может, стоило все же поговорить с Энн Хоуторн, она могла знать какой-нибудь способ, чтобы это совершить.

Хотя он сомневался в этом. У него было ужасное предчувствие: простое, легко облекаемое в слова, относящееся к нему самому и ко всем остальным, ко всей сложившейся ситуации.

Есть такая вещь, как спасение души. Однако…

Не для всех.

Возвращаясь на Землю из закончившегося неудачей полета на Марс, Лео Булеро постоянно совещался с сопровождавшим его Феликсом Блау.

Наконец они поняли, что нужно делать.

— Он постоянно путешествует между Венерой и другими планетами, а также своими владениями на Луне, — подытожил Феликс Блау. — А мы знаем, как легко уничтожить корабль, летящий в пустоте; даже небольшая дырочка…

Он проиллюстрировал свои слова жестом.

— Нам потребуется поддержка ООН, — угрюмо сказал Лео.

Ему и его организации разрешено было иметь только пистолеты. Ничего, что мог бы применить один корабль против другого.

— У меня есть некоторые данные, которые могут пригодиться, — сказал Феликс, копаясь в своем дипломате. — Как ты, наверное, знаешь, наши люди в ООН имеют доступ в кабинет Хепберн-Гилберта. Мы не можем заставить его что-либо сделать, но, по крайней мере, мы можем это обсудить.

Он достал какой-то документ.

— Наш Генеральный секретарь обеспокоен постоянным появлением Палмера Элдрича во время каждого из так называемых перевоплощений, вызванных употреблением чуинг-зет. И он достаточно умен, чтобы правильно интерпретировать этот факт. Так что, если это будет

повторяться, Хепберн-Гилберт окажется, несомненно, более склонным к сотрудничеству, по крайней мере тихому…

— Позволь тебя кое о чем спросить, — прервал его Лео. — С каких пор у тебя искусственная рука?

Взглянув, Феликс удивленно хмыкнул. Потом, посмотрев на Лео Булеро, сказал:

— И у тебя тоже. Кроме того, у тебя что-то не в порядке с зубами, открой рот, давай посмотрим.

Лео без слов встал с кресла и пошел в туалет, чтобы взглянуть на себя в большое зеркало.

Не было никаких сомнений — даже глаза. Смирившись, он вернулся на свое место. Некоторое время оба молчали, Феликс механическими движениями листал документы — о боже, думал Лео, действительно механическими! — а его клиент попеременно смотрел то на него, то на усыпанную звездами пустоту межпланетного пространства.

Наконец Феликс сказал:

— В первый момент человек глупеет.

— Да, — хрипло согласился Лео. — И что теперь? Что будем делать?

— Примем как должное, — ответил Феликс.

Он пристально разглядывал людей, сидевших

по другую сторону прохода. Лео тоже посмотрел и тоже увидел. Та же деформированная челюсть. Та же блестящая металлическая правая рука, одна — держащая газету, другая — книгу, третья — нетерпеливо постукивающая пальцами. Все одинаковые, во всех креслах, до самой кабины пилотов.

«И там наверняка тоже, — понял Лео. — Все».

— Однако я все-таки не совсем понимаю, что это значит, — беспомощно сказал Лео. — Значит, мы… ну, ты знаешь. Под влиянием этого ужасного наркотика и…

Он безнадежно махнул рукой.

— И мы оба сошли с ума.

— Ты принимал чуинг-зет? — спросил его Феликс.

— Нет. Со времени той инъекции на Луне — нет.

— Я тоже нет, — сказал Блау. — Совсем. Значит, оно распространяется. Даже без употребления наркотика. Он везде, вернее, *оно* везде. Великолепно, Хепберн-Гилберту придется пересмотреть свою позицию. Ему придется взглянуть фактам в лицо. Думаю, Палмер Элдрич совершил ошибку, он слишком далеко зашел.

— Может быть, он не смог удержаться, — ска-

зал Лео.

«Может быть, эта проклятая тварь ведет себя как протоплазма, она должна поглощать все вокруг себя и разрастаться… инстинктивно расти и расти. Пока ее не уничтожат, — думал он. — И это должны сделать мы, в особенности я — хомо сапиенс эвольвенс. Я — человек будущего. Если только ООН нам поможет. Я — спаситель новой расы».

Он думал о том, достигла ли уже эта зараза Земли… Цивилизация Палмеров Элдричей: седых, худых, сгорбленных и необычно высоких, и каждый с искусственной рукой, стальными зубами и электронными глазами. Это было бы не слишком приятно. Он, спаситель, содрогнулся, представив себе подобную картину.

«А если это затронет и наш разум? — задавал он себе вопрос. — Не только внешний облик, но и мозг… Что тогда будет с моим планом — убить эту тварь?

Уверен, что это нереально, — подумал он. — Я знаю, что прав я, а не Феликс; я все еще нахожусь под действием первой дозы — я так и не пришел в себя, такова правда».

Эта мысль принесла ему облегчение: все еще существовала настоящая, нетронутая Земля,

лишь он один пострадал. Неважно, насколько подлинными могли казаться сидевший рядом Феликс, корабль и воспоминания о визите на Марс и разговоре с Барни Майерсоном.

— Эй, Феликс, — сказал он, толкнув его локтем. — Я призрак. Понимаешь? Это мой собственный мир. Естественно, я не могу этого доказать, но…

— Мне очень жаль, — лаконично ответил Феликс, — но ты ошибаешься.

— А, перестань! В конце концов я проснусь, когда этот паршивый наркотик перестанет действовать. Я буду пить много жидкости, чтобы быстрее вымыть его из организма.

Он махнул рукой.

— Стюардесса! — крикнул он. — Дайте нам выпить. Для меня бурбон с содовой.

Он вопросительно посмотрел на Феликса.

— Мне тоже, — буркнул тот. — Только с кусочком льда. Однако много льда не кладите, когда он тает, от него портится вкус.

Вскоре стюардесса вернулась с подносом.

— Вам со льдом? — спросила она Феликса.

Это была симпатичная блондинка с зелеными, блестевшими, как драгоценные камни, глазами, а когда она наклонилась, Лео заметил ее безупреч-

ной формы грудь. Лео с интересом посмотрел на девушку. Однако деформированная челюсть портила все впечатление. Он почувствовал себя обманутым, обокраденным. Он вдруг заметил, что исчезают и глаза за длинными ресницами. Они превратились в… Он отвернулся, разочарованный и подавленный, и больше не смотрел на нее, пока девушка не ушла. Он осознал, что в отношении женщин эту перемену будет особенно трудно перенести; в частности, он без особого удовольствия думал об очередной встрече с Рони Фьюгейт.

— Видел? — спросил Феликс.

— Да, и это доказывает, что мы должны действовать быстро, — сказал Лео. — Сразу же, как только мы приземлимся в Нью-Йорке, нужно разыскать это ничтожество, Хепберн-Гилберта.

— Зачем?

Лео внимательно посмотрел на него и показал на искусственные блестящие пальцы, в которых Феликс держал бокал.

— Собственно, я ими доволен, — ответил Феликс.

«Я тоже так думал, — подумал Лео. — Именно этого я и ожидал. Однако я все еще верю, что доберусь до тебя, если не на этой неделе, то на

следующей. Если не в этом месяце, то когда-нибудь. Я знаю, я уже знаю себя и знаю, на что я способен. Все зависит от меня. И очень хорошо. Я в достаточной степени заглянул в будущее, чтобы никогда не сдаваться, даже если я буду единственным, кто не сдался, кто продолжает вести прежний, доэлдричевский образ жизни. Ни на что иное, кроме веры в силу, которой я с самого начала обладаю, я не могу опереться, чтобы победить. Так что в некотором смысле это не я, это нечто внутри меня, до чего даже Палмер Элдрич не в состоянии добраться и поглотить, поскольку это не есть часть меня и не может быть мною утрачено. Я чувствую, как оно растет. Противостоя внешним, несущественным изменениям, таким как рука, глаза и зубы, оно свободно от всех стигматов зла, которые Палмер Элдрич привез с Проксимы: отчуждения, отрыва от действительности и отчаяния.

Мы уже жили тысячи лет под гнетом древнего проклятия, — думал он, — которое частично уничтожило нашу святость, источник которой был намного могущественнее, чем Элдрич. А если и оно не в состоянии полностью лишить нас души, то что же еще способно на это? Неужели оно собирается довершить начатое? Если оно

этого хочет… если Палмер Элдрич верит, что для этого он здесь, — он ошибается. Поскольку этой силой я был наделен, не зная об этом… и даже то древнее проклятие не смогло меня ее лишить. Ну так что же?

Мне говорит об этом мой эволюционировавший разум, — подумал он, — э-терапия не прошла даром. Может быть, с некоторой точки зрения я не буду жить так долго, как Палмер Элдрич, но с другой — значительно дольше; я прожил сто тысяч лет ускоренной эволюции и стал очень мудрым — это окупилось. Теперь для меня все ясно. А на курортах Антарктики я найду других, подобных мне; мы создадим гильдию спасителей, спасающих остальное человечество».

— Эй, Блау, — сказал он, толкнув Феликса искусственным локтем. — Я ваш потомок. Элдрич прибыл сюда из другого пространства, а я из другого времени. Понимаешь?

— Угу, — буркнул Феликс Блау.

— Посмотри на мой череп, высокий лоб, я шароголовый. А этот гребень: не только на макушке, но и на всей голове. Так что в моем случае терапия действительно дала результаты. Поэтому пока не сдавайтесь. Верьте в меня.

— Хорошо, Лео.

— Держись рядом со мной. Ты будешь мне нужен. Может быть, я буду смотреть на тебя парой люксвидовых искусственных дженсеновских глаз, но я все еще буду там, внутри. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Феликс Блау. — Хорошо, Лео.

— «Лео»? Как ты можешь продолжать называть меня «Лео»?

Выпрямившись в кресле, изо всех сил стиснув подлокотники, Феликс Блау умоляюще посмотрел на него:

— Подумай, Лео. Ради бога, подумай.

— Ну да, — внезапно протрезвев, кивнул Лео. — Извини. Это пройдет. Я знаю, что ты имеешь в виду; я знаю, чего ты боишься. Однако это ничего не значит.

Потом он добавил:

— Я буду думать, как ты говоришь. Я не забуду.

Он торжественно кивнул в знак обещания.

Корабль мчался вперед, все ближе и ближе к Земле.

Порвалась дней связующая нить
Перевод М. Гутова

Глава 1

Виктор Нильсон выкатил из подвала магазина тележку с зимним картофелем и направился к овощному отделу. Контейнер был почти пуст, и Вик принялся бросать в него клубни, осматривая каждый десятый на предмет трещин и гнили. Одна картофелина упала на пол; нагнувшись за ней, он увидел снизу кассовые аппараты, табачные и кондитерские прилавки, а дальше — широкие стеклянные двери и улицу. По тротуару шли прохожие, на проезжую часть со стоянки у магазина выехал, блеснув бампером, «Фольксваген».

— Приезжала моя жена? — спросил Вик рослую кассиршу из Техаса по имени Лиз.

— Понятия не имею, — ответила Лиз, выбивая чек на два пакета молока и кусок постного мяса.

Преклонных лет покупатель полез в карман за кошельком.

— Я ее жду. Дай знать, если она появится.

Марго должна была отвезти их десятилетнего сына Сэмми к дантисту на рентген. Стоял апрель — время уплаты налогов, на счете почти ничего не оставалось, и Вик со страхом думал о результате рентгена.

Наконец он не выдержал и подошел к таксофону возле полки с консервированными супами, опустил десять центов и набрал номер.

— Алло, — ответила Марго.

— Съездили?

— Пришлось позвонить доктору Майлу и перенести визит, — затараторила Марго. — За завтраком я вспомнила, что сегодня мы с Анной Рубинштейн должны подавать петицию в комиссию по здравоохранению, ее сегодня же передадут выше: сейчас как раз заключаются контракты и от этого многое зависит.

— Какую петицию? — спросил Вик.

— Надо заставить городские власти очистить развалины — дети играют в них после школы. Это опасно. Там ржавая проволока, треснувшие цементные плиты и…

— А по почте ее нельзя отправить? — перебил он, испытывая тайное облегчение. Бог даст, зуб у Сэмми до следующего месяца не выпадет. — Так ты за мной приедешь?

— Не знаю, — сказала Марго. — Послушай, дорогой, у нас сейчас полная гостиная женщин, мы обсуждаем последние пункты петиции. Если я не смогу забрать тебя, то позвоню в пять или чуть позже. Хорошо?

Повесив трубку, он подошел к кассе. Покупателей не было, и Лиз закурила сигарету. Она доброжелательно ему улыбнулась, отчего лицо ее словно засветилось.

— Как ваш мальчик?

— Отлично, — сказал Вик. — Небось рад, что они никуда не пошли.

— А мой дантист — чудный старикашка, — замурлыкала Лиз. — Ему, наверное, лет сто. Никогда не сделает больно. Чего-то там поковыряется — и готово.

Оттянув губу ярко-красным ногтем, она продемонстрировала золотое напыление на одном из верхних моляров. Вик наклонился посмотреть и поймал ее дыхание — сигаретный дым с корицей.

— Видишь? Вытащил за милую душу, и ничуть не больно. Ну ничуть!

«Интересно, что сказала бы Марго, войди она сейчас через автоматическую дверь? Заглядываю Лиз в рот: новое эротическое действо, еще не описанное Кинси».

К полудню магазин совсем опустел. А ведь обычно покупатели сплошным потоком двигались мимо касс. Сокращение штатов, решил Вик. В феврале было пять миллионов безработных.

Начинает сказываться и на нас. Подойдя к дверям, он некоторое время разглядывал прохожих. Так и есть. Людей меньше, чем обычно. Все сидят по домам и подсчитывают сбережения.

— В этом году дела идут туго, — сказал он Лиз.

— А тебе-то что? — ответила она. — Ты не владелец магазина, просто тут служишь, как и все мы. Значит, и заботы меньше.

Какая-то покупательница принялась выкладывать продукты у аппарата, Лиз выбивала чеки, продолжая через плечо говорить с Виком.

— В любом случае, я не верю, что наступит упадок. Все это выдумки демократов. Ужас как надоело, когда они пытаются изобразить экономический хаос…

— А ты не демократка? — перебил Вик. — Ты же с Юга.

— Теперь уже нет — с тех пор как приехала сюда. Это республиканский штат, и я республиканка.

Кассовый аппарат заурчал и звякнул, выдвинулся ящичек с деньгами.

Реклама закусочной «Американский обед» на другой стороне напоминала Вику о дневной чашечке кофе. Пожалуй, самое время. Повернувшись к Лиз, он сказал:

— Я буду минут через десять. Продержишься?

— Ну конечно, — весело откликнулась девушка, выдавая сдачу. — Сходи, а потом и я выберусь, надо кое-что купить.

Держа руки в карманах, Вик вышел из магазина и остановился на тротуаре, ожидая просвета в потоке машин. Он никогда не переходил дорогу на перекрестке — только посреди улицы: считал это делом чести и мужского достоинства.

В кафе Вик уселся за столик, рассеянно помешивая свой кофе.

— Мертвый день, — сказал, подсаживаясь к нему, Джек Барнс, продавец обуви из «Мужских моделей» Самуэля.

Джек, как всегда, выглядел несчастным, словно целый день жарился и потел на солнце в своей нейлоновой рубашке и брюках.

— Наверное, это погода, — продолжал он. — Еще несколько хороших весенних дней, и все кинутся покупать теннисные ракетки и походные примуса.

В кармане у Вика лежал последний буклет из клуба «Книга месяца». Они с Марго вступили в клуб несколько лет назад, когда выплатили взнос за дом и переехали в район, где подобные вещи очень ценились.

Вытащив брошюру, он развернул ее на столе так, чтобы видно было Джеку. Продавец обуви не проявил никакого интереса.

— Вступай в клуб книголюбов, — предложил Вик. — Расширяй кругозор.

— Я читаю книги, — ответил Джек.

— Ну да. В мягкой обложке, ты покупаешь их в аптеке Бекера.

— Стране нужна наука, а не романы, — заметил Джек. — Ты сам прекрасно знаешь, что в этих клубах расхваливают секс-книжонки про то, как в маленьких городишках людей насилуют и режут, а ты сидишь по уши в грязи. Не скажу, чтобы это шло на пользу американской науке.

— Клуб «Книга месяца» распространял и «Историю» Тойнби, — сказал Вик. — Это стоит почитать. — Книга досталась ему в качестве премии, и, хотя он не добрался до конца, было ясно, что это серьезный труд, который стоит иметь в своей библиотеке. — Как бы ни были плохи некоторые книги, — продолжал он, — они не хуже этих подростковых секс-фильмов или картин про поиски наркотиков.

Шевеля губами, Джек прочел названия лучших книг месяца.

— Исторический роман, — произнес он. — Про

Юг времен Гражданской войны… Вечно навязывают какую-то муть! Интересно, как эти старухи, члены клуба, не устают без конца читать одно и то же.

Вик еще не успел толком просмотреть брошюру.

— Мне не всегда достается то, что у них есть, — объяснил он.

Книга месяца называлась «Хижина дяди Тома». Об авторе он никогда раньше не слышал: Гарриет Бичер-Стоу. В брошюре книгу расхваливали за смелое разоблачение работорговли в довоенном Кентукки. Правдивый документ об ужасном обращении с несчастными черными девочками.

— Эка! — воскликнул Джек. — Слушай, это, пожалуй, по мне!

— По аннотациям судить нельзя, — отозвался Вик. — Все книги тех лет рекламируются одинаково.

— Точно, — подтвердил Джек. — Вообще у людей не осталось ничего святого. Ты сравнила довоенное с нынешним: все по-другому. До Второй мировой не было этой нечестности, преступности, всяческих мерзостей и наркотиков. Подростки громят автомобили, на дорогах ужас что творится, а водородные бомбы… и еще

— цены на кофе. Кошмар! Кому только идет награбленное?

На эту тему они поспорили. День тянулся медленно, сонно, ничего или почти ничего не происходило.

В пять Марго Нильсон схватила плащ, ключи от машины и выскочила из дома. Сэмми нигде не было видно. Где-то играет, но искать его времени нет, надо спешить, иначе Вик решит, что она не заедет, и пойдет на автобус. Марго снова вбежала в дом. В гостиной ее брат оторвался от банки с пивом и пробормотал:

— Уже вернулась?

— Я не уезжала. Не могу найти Сэмми. Ты присмотришь за ним, пока меня не будет?

— Конечно, — сказал Рэгл. Но лицо его было настолько измученным, что Марго тут же передумала уезжать.

Он властно смотрел на нее красными воспаленными глазами; галстука на нем не было, рукава рубашки засучены, рука с банкой пива дрожала.

Вся комната была завалена бумагами и графиками, они образовывали большой круг, в центре которого находился Рэгл. Казалось, ему никогда не выбраться из этих завалов.

— Не забудь, мне надо успеть на почту к ше-

сти, — жестко проговорил он.

Перед Рэглом покосившейся шелестящей кипой громоздились папки. Он годами собирал материал. Справочники, карты, графики и все ответы, которые он посылал раньше, месяц за месяцем… Он всеми способами сокращал варианты так, чтобы их можно было изучать. Прибор последовательной развертки, по его словам, уже разработан; на темном фоне всех возможных вариантов яркой точкой высвечивались правильные ответы. Устройство позволяло пропускать варианты один за другим, при этом точка пульсировала: вспыхивала и пропадала, металась вверх и вниз, и в этом движении Рэгл находил определенную закономерность. Марго не улавливала здесь ничего. Поэтому, наверное, Рэгл и побеждал. Она несколько раз участвовала в конкурсе, но безуспешно.

— Как идут дела? — спросила Марго.

— Мне удалось определиться по времени. В четыре часа дня. Теперь осталось, — он поморщился, — узнать место.

К длинной фанерной доске над столом была приколота сегодняшняя заявка на официальном бланке, присылаемом газетой. Сотни крошечных квадратиков, каждый пронумерован и учтен. Рэ-

гл уже поставил отметку в графе времени. Графа 344, Марго видела воткнутую красную иголку. Оставалось место. Очевидно, это было труднее.

— Отключись ты на несколько дней, — не выдержала она. — Отдохни. Последние два месяца ты явно перерабатываешь.

— Если отключусь, — сказал Рэгл, поскрипывая вечным пером, — то потеряю все свои преимущества, потеряю, — он пожал плечами, — все, что завоевал, начиная с пятнадцатого января.

Он просчитывал на логарифмической линейке точку пересечения линий.

Каждый заполненный им бланк становился, в свою очередь, информацией для картотеки. Таким образом, пояснял Рэгл сестре, с каждым разом у него возрастали шансы на правильный ответ. Чем дольше продолжался конкурс, тем легче для него. Но ей казалось, что он с каждым разом мучается все сильнее. «Почему?» — спросила она однажды.

— Потому, что я не могу допустить проигрыша, — объяснил он. — С каждым правильным ответом мой вклад увеличивается.

Конкурс продолжался; временами Рэгл не успевал подсчитывать выигрыши.

Он всегда побеждал. Нашел хорошее приме-

нение своему таланту. Все началось с шутки, попытки сорвать пару долларов за удачную догадку. Шутка превратилась в ежедневный приработок, а потом — в непосильную ношу, которую уже не бросить.

«Наверное, они этого и добиваются, — подумала Марго. — Им главное — тебя втянуть, а там, может быть, и жизни не хватит, чтобы набрать нужное количество очков».

Однако Рэгл набрал, и «Газетт» регулярно платила ему за правильные ответы. Кажется, получалось не меньше сотни долларов в неделю. Жить во всяком случае было можно. Но он трудился так напряженно… гораздо, между прочим, напряженнее, чем на обычной работе. С восьми утра, когда газету бросали на крыльцо, и до девяти или десяти вечера. Непрерывный поиск. Совершенствование методов. И самое главное — постоянный страх ошибки. За неправильный ответ сразу же дисквалифицировали.

Рано или поздно это все равно случится.

— Принести кофе? — спросила Марго. — Могу, пока не ушла, приготовить сэндвич или еще что-нибудь. Я же знаю, что ты ничего не ел.

Не отрываясь от работы, Рэгл кивнул.

Положив плащ и сумочку, она направилась

к холодильнику. Пока доставала тарелки, распахнулась дверь и появились Сэмми с соседской собакой, оба взъерошенные и запыхавшиеся.

— Услышал, как хлопнул холодильник? — спросила Марго.

— Я правда хочу есть! — воскликнул Сэмми. — Можно я возьму холодную котлету? Не надо ее разогревать, съем как есть. Так даже лучше!

— Иди садись в машину, — велела мать. — Сейчас я сделаю сэндвич дяде Рэглу, и мы едем в магазин за папой. И выгони немедленно этого пса, он здесь не живет!

— Ладно, — вздохнул Сэмми. — В магазине наверняка найдется что поесть.

Марго услышала, как за ним и собакой захлопнулась дверь.

— Я нашла Сэмми, — сообщила она Рэглу, внося сэндвичи и яблочный сок. — Так что можешь о нем не волноваться, я беру его с собой в город.

Рэгл взял сэндвич и произнес:

— Может, лучше мне было бы играть на скачках?

— Ты бы там ничего не выиграл, — рассмеялась Марго.

— Пожалуй.

Он машинально начал есть, но к яблочному

соку не притронулся. Вместо него приложился к банке с пивом, которую нянчил уже целый час.

«Как он может делать такие сложные вычисления под теплое пиво? — успела подумать Марго. И выбежала к машине с плащом в руке. — Видно, привык. В армии накачивался теплым пивом через день».

Целых два года Рэгл и его напарник обслуживали метеостанцию и радиопередатчик на крошечном атолле в Тихом океане.

К концу дня движение, как всегда, оживилось. Но «Фольксваген» проскакивал во все щели, и это ей нравилось. Большие и неуклюжие машины напоминали увязших в песке земляных черепах.

«Самое удачное наше вложение, — подумала Марго. — Небольшая иностранная машина. И совершенно не изнашивается: эти немцы делают все так аккуратно. Вот только сцепление не довели до ума, каждые пятнадцать тысяч миль… Собственно, ничего идеального не бывает, во всяком случае в наш век — с водородными бомбами, Россией и растущими ценами».

Прижавшись к окну, Сэмми хныкал:

— Ну почему мы не можем купить такой «мерс»? Почему мы должны ездить на этом жуке?

Разозлившись на сына, Марго сказала:

— Послушайте, юноша! Вы ничего не понимаете в машинах. Вам пока не приходится за них платить, ездить по этому чертову городу, а главное — приводить в порядок. Так что держите свои замечания при себе.

Насупившись, Сэмми буркнул:

— Она все равно что детская.

— Скажи об этом своему отцу, когда приедем в магазин.

— Боюсь, — признался Сэмми.

Забыв включить мигалку, Марго повернула налево, и огромный автобус ей резко просигналил. Черт бы взял эти автобусы! Перед самым магазином она перешла на вторую передачу, заехала на тротуар и мимо огромной неоновой рекламы «СУПЕРМАРКЕТ „ВЕЗУЧИЙ ПЕННИ“» въехала на автостоянку.

— Приехали. Надеюсь, мы его не пропустили.

— Давай выйдем, — запросился Сэмми.

— Нет, — отрезала мать. — Подождем здесь.

В магазине кассиры заканчивали обслуживать длинную разношерстную очередь, многие покупатели толкали перед собой корзины из нержавеющей стали. Автоматические двери без конца открывались и закрывались. Со стоянки отъезжали автомобили.

Мимо них скользнул роскошный ярко-красный «Такер».

Они уставились ему вслед.

— Этой женщине можно позавидовать, — пробормотала Марго. «Такер» был так же удобен и прост, как их «Фольксваген», и в то же время отличался благородством форм. Конечно, это слишком большая машина, чтобы быть практичной. Тем не менее…

Может быть, на следующий год, подумала Марго. Когда придет время продать «Фольксваген». Правда, их нет смысла продавать — служат вечно. И если продавать, то с выгодой. Во всяком случае, свои деньги всегда можно вернуть.

Красный «Такер» влился в дорожный поток.

— Ух! — выдохнул Сэмми.

Марго не сказала ничего.

Глава 2

Этим же вечером в семь тридцать Рэгл Гамм выглянул в окно гостиной и заметил, что соседи по фамилии Блэк пробираются в темноте по тропинке, явно намереваясь нанести визит. В свете уличного фонаря было видно, что Джуни Блэк тащит какую-то картонную коробку. Он застонал.

— Что случилось? — спросила Марго. Она и Вик смотрели в комнате по телевизору Сида Цезаря.

— Гости, — произнес Рэгл, вставая. Одновременно раздался звонок в дверь. — Соседи, — пояснил он. — Притворяться, что нас нет, бессмысленно.

— Может, они сами уйдут, когда увидят, что мы смотрим телевизор? — сказал Вик.

Блэки, в стремлении забраться на следующую ветвь социального древа, открыто выражали свое негодование по поводу телевидения. У них вызывало отвращение все, что появлялось на экране, — от бетховенского «Фиделио» в исполнении Венского оперного театра до клоунов. Однажды Вик высказал предположение, что если бы о втором пришествии Христа объявили по телевизору, Блэки не сдвинулись бы с места.

На это Рэгл заметил, что первым сигналом

о начале Третьей мировой войны, о взрывах водородных бомб будут погасшие экраны телевизоров. А Блэки либо вообще ничего не заметят, либо посмеются. Закон выживания, сказал Рэгл. Те, кто не научится реагировать на новые раздражители, погибнут. Приспособиться либо исчезнуть… извечный выбор.

— Я открою, раз уж вам обоим лень пошевелиться. — Марго поднялась с дивана и поспешила к парадной двери. — Привет! — Рэгл услышал ее восклицание: — А что это? Что это? Ой, горячее!

Донесся молодой, уверенный голос Билла Блэка:

— Это ласэнь. Поставь горячую воду…

— Я приготовлю кофе по-итальянски, — заявила Джуни, проходя на кухню с коробкой итальянской еды в руках.

Черт, подумал Рэгл. Поработать уже не удастся. Почему они прутся сюда со своими новинками, когда им вздумается? Неужели никого больше не знают?

На этой неделе кофе по-итальянски. На прошлой — ласэнь. Сегодня и то и другое. Наверное, хорошее сочетание, хотя крепкий и горький итальянский кофе казался ему пережаренным.

Появился Билл Блэк и дружелюбно бросил:

— Привет, Рэгл, привет, Вик!

На нем, как всегда, был его повседневный костюм — высокий воротничок на пуговицах, узкие брюки и… и, конечно, его прическа. Безмодельная стрижка, которая сразу же напоминала Рэглу об армейских парикмахерах. А может, старательные молодые служаки вроде Билла Блэка просто стремились подчеркнуть свою принадлежность к огромному чиновничьему механизму.

Билл, например, работал в муниципалитете, в отделе водоснабжения. Каждый божий день пешком, не на машине, он бодро шагал по улице, в своем однобортном костюме напоминая зерно фасоли: настолько бессмысленно и неестественно тесными были пиджак и брюки. И такими же старомодными. Понаблюдать за тем, как Билл Блэк вышагивает возле дома утром и вечером, было все равно что посмотреть старое кино. Впечатление усиливала слишком быстрая, подпрыгивающая походка Билла. У него даже голос такой, подумал Рэгл. Торопливый, слишком громкий. Резкий.

Но своего он добьется, это Рэгл признавал. Странно устроен мир: таких старательных бобров, не отягощенных мыслями и подражающих начальнику вплоть до узла на галстуке и царапи-

ны на подбородке, всегда замечают. Продвигают. Выдвигают. В банках, страховых бюро, крупных электрических фирмах, ракетостроительных компаниях, университетах. Рэглу доводилось таких видеть — лаборантов на кафедрах, читающих какой-нибудь заумный курс вроде обзора христианских еретических сект V века и одновременно лезущих из кожи, мостя себе дорогу наверх. Некоторые из них готовы собственных жен выставить в качестве приманки для начальства…

И все же Билл Блэк чем-то нравился сорокашестилетнему Рэглу. Парню было не больше двадцати пяти, он рационально, житейски мудро смотрел на вещи. Учился, познавал новое и осмысливал его. С ним можно было поговорить, он не имел застывшего свода моральных ценностей и добродетелей. Живо реагировал на происходящее.

Например, думал Рэгл, если бы телевидение признали в высших кругах, Билл Блэк на следующее утро поставил бы себе цветной телевизор. И в этом что-то есть. Не надо называть его «невосприимчивым» только потому, что он не хочет смотреть Сида Цезаря. Когда начнут кидать водородные бомбы, погасшие экраны никого не спасут. Мы все погибнем.

— Как дела, Рэгл? — спросил Билл Блэк, садясь на диван.

Марго с Джуни ушли на кухню. Вик хмурился, разозленный помехой, — по телевизору показывали последнюю сцену между Цезарем и Карлом Рейнером, и он тщетно пытался на нее настроиться.

— Прилип к ящику для идиотов. — Рэгл улыбнулся Блэку, пародируя его стиль.

Блэк, однако, отнесся к его словам серьезно.

— Великое прошлое нации, — произнес он, усаживаясь так, чтобы не видеть экрана. — Полагаю, это должно мешать тебе в работе.

— Я уже управился, — ответил Рэгл. Сегодня он заполнил форму к шести.

Сцена кончилась, пошел коммерческий ролик, и Вик приглушил телевизор. Теперь его злость обрушилась на рекламу.

— Дурацкие объявления! — заворчал он. — Почему-то на рекламе звук всегда громче, чем обычно. Постоянно приходится убавлять.

— Рекламу, как правило, передают местные станции, — объяснил Рэгл, — а программа принимается с Востока, через ретранслятор.

— Тут только один выход… — сказал Блэк.

— Билл, — перебил его Рэгл, — почему ты но-

сишь такие до смешного тесные брюки?

Блэк улыбнулся:

— Ты что, никогда не заглядываешь в «Ньюйоркер»? Не я их выдумал. И не я отвечаю за мужскую моду, так что не с меня спрос. А мода всегда потешна.

— Но ты вовсе не обязан их поощрять, — возразил Рэгл.

— Когда приходится работать с людьми, — ответил Блэк, — себе не принадлежишь. Носишь то, что принято носить. Разве не так, Виктор? Ты работаешь с людьми, ты со мной согласишься.

— Вот уже десять лет как я ношу обычную белую рубашку и шерстяные брюки, — сказал Вик. — Очень удобно для работы.

— Ты еще носишь фартук, — заметил Блэк.

— Только когда вожусь с салатом.

— Кстати, — поинтересовался Блэк, — как идет розничная торговля? По-прежнему туго?

— Идет помаленьку, — ответил Вик. — Хотя и не так, как хотелось бы. Мы полагаем, что где-то через месяц дела наладятся. Это же цикл. Зависит от сезона.

Рэгл сразу же почувствовал перемену в тоне зятя; как только речь заходила о бизнесе, его бизнесе, Вик начинал говорить профессионально,

сдержанно и тактично. Бизнес никогда не прекращался совсем и всегда был на грани улучшения. Как бы низко ни опускался индекс деловой активности по стране, на частное предпринимательство это почти не влияло. Спрашивать про бизнес — все равно что спрашивать про здоровье, подумал Рэгл. В любом случае ответят «нормально». И даже если скажут «ужасно» или «улучшается» — это все равно пустые фразы.

Обращаясь к Биллу, Рэгл спросил:

— А как розничная продажа питьевой воды? Держите рынок?

— Да, люди продолжают купаться и мыть посуду.

В гостиную заглянула Марго:

— Рэгл, ты будешь итальянский кофе? А ты, дорогой?

— Я не буду, — сказал Рэгл. — Свой кофе я выпил за обедом. В сон меня не клонит.

— А я выпью чашечку, — ответил Вик.

— Ласэнь? — спросила Марго всех троих.

— Нет, спасибо, — отказался Рэгл.

— Можно немного. — Вик кивнул, и Билл Блэк кивнул вместе с ним. — Тебе помочь?

— Нет, — сказала Марго и удалилась.

— Не очень увлекайся итальянской едой, — по-

советовал Рэгл Вику, — слишком калорийная. Сплошная мука да специи. А ты знаешь, что это значит.

— Да, — вступил Блэк, — ты начинаешь округляться, Виктор.

— Чего еще ожидать от птички, устроившейся в кормушке, — пошутил Рэгл.

Вик, похоже, разозлился. Уставившись на Рэгла, он сказал:

— Во всяком случае, это настоящая работа.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Рэгл, хотя прекрасно понял, о чем речь.

За работу Вика полагался твердый оклад, на нее надо уходить утром, а приходить вечером. Не то что у него: целыми днями просиживать дома в гостиной и возиться с вырезками из газеты. «Как ребенок», — однажды сказал Вик, когда они поссорились.

— Я не стыжусь работать в магазине, — ответил Вик.

— Ты не это имел в виду, — сказал Рэгл. По непонятным ему самому причинам он получал удовольствие от подобных нападок на свое участие в объявленном «Газетт» конкурсе. Может быть, чувствовал себя виноватым в бестолковой растрате времени и сил, а может, даже втайне

желал, чтобы его порицали. Ведь лучше упреки со стороны, чем точащий изнутри червь сомнения.

Приятно подстегивало то, что своими ежедневными отгадками он зарабатывал больше, чем Вик, гнувший спину в супермаркете. При этом ему не надо ездить в центр на автобусе.

Подойдя к Рэглу, Билл Блэк наклонился, пододвинул стул и, развернув номер «Газетт», доверительно спросил:

— Ты видел это, Рэгл?

На почтительно раскрытой перед Рэглом четырнадцатой странице помещался ряд фотографий мужчин и женщин. В центре было фото Рэгла Гамма, а под ним подпись:

Постоянный победитель конкурса «Где теперь появится Зеленый человечек?» знаменитый РЭГЛ ГАММ.

Чемпион страны в течение двух лет.

Такое не удавалось никому.

Остальные изображенные на четырнадцатой странице были меньшими знаменитостями. В конкурсе участвовала вся страна. Ни одной местной газете такие расходы были не под силу, и многие печатные издания выступали спонсорами затеи. Платить приходилось (однажды Рэгл не

поленился подсчитать) больше, чем во времена «Старого золота» — знаменитого конкурса середины тридцатых годов, больше, чем в никогда не прекращающемся конкурсе оксидолового мыла. Очевидно, это в какой-то мере поддерживало подписку. В наше время, когда средний человек предпочитает разглядывать комиксы и смотреть телевизор…

«Становлюсь похожим на Билла Блэка, — подумал Рэгл. — Нападаю на телевизор. А ведь это в некотором смысле история нации. Подумать только, в скольких домах люди сидят сейчас перед экранами и говорят: „Что случилось с этой страной? Почему так низко упал уровень образования? Морали? Почему вместо прелестной Джанет Макдональд и Нельсона Эдди, от которых все были без ума, крутят этот бесконечный рок-н-ролл?“».

Сидящий рядом Билл Блэк по-прежнему держал газету раскрытой и постукивал пальцем по фотографии. Очевидно, она произвела на него впечатление. Шутка ли! Старина Рэгл Гамм попал в газету! Его знают от побережья до побережья. Жить рядом со знаменитостью!

— Слушай, Рэгл, — сказал Блэк, — ведь ты имеешь неплохие деньги на этом Зеленом че-

ловечке. — В голосе слышалась откровенная зависть. — Посидел пару часов — недельный заработок в кармане.

— Ну да, нашел тепленькое местечко, — иронично бросил Рэгл.

— Нет, я знаю, как много ты работаешь, — заверил Блэк, — но это творческая работа, ты сам себе хозяин. Ее даже нельзя назвать работой в том смысле, что надо сидеть где-нибудь в конторе за столом…

— Я сижу за столом, — вставил Рэгл.

— Но, — не унимался Блэк, — у тебя это все-таки как хобби. Я без всякого пренебрежения, Рэгл. Зачастую люди отдают своему хобби больше сил, чем основной работе. Да я по себе знаю: когда вожусь в гараже с электропилой, с меня пот градом… Однако здесь есть разница. — Он повернулся к Вику: — Ты понимаешь, о чем я. Рэглу не скучно. Это, как я сказал, творчество.

— Никогда об этом не думал, — признался Вик.

— Значит, ты не считаешь, что Рэгл занят творческой работой? — настаивал на ответе Блэк.

— Нет. Необязательно.

— Как же ты тогда ее назовешь, раз он сам определяет свою жизнь?

— Мне кажется, — ответил Вик, — что Рэгл про-

сто умеет угадывать. Вот и все.

— Угадывать! — вспыхнул Рэгл. — И ты можешь так говорить, каждый день видя мои вычисления? Как я прорабатываю все предыдущие варианты?

Для Рэгла конкурс меньше всего был угадыванием. Угадывать — значит положить перед собой бланк с задачей и ткнуть наудачу в любой из квадратиков. А потом выписать ответ и отослать. И ждать результата.

— Ты же не угадываешь, заполняя налоговую декларацию? — Это было любимое сравнение Рэгла, когда речь заходила о конкурсе. — Только всем это приходится делать раз в год, а мне каждый день. — Повернувшись к Биллу Блэку, он добавил: — Вот представь, что тебе надо ежедневно подавать новую декларацию. Ты просматриваешь все счета, все карточки, все записи, а их тонны, — и так каждый день. Никакого угадывания. Все абсолютно точно. Цифры. Сложение и вычитание. Графики.

Наступило молчание.

— Но тебе это нравится? — спросил наконец Блэк.

— Наверное, — ответил Рэгл.

— Может, научишь меня?

— Нет.

Этот вопрос возникал уже не в первый раз.

— Я не собираюсь соревноваться с тобой.

Рэгл рассмеялся.

— Просто время от времени смогу зашибить несколько долларов, — продолжил Блэк. — Ну вот, например, мне надо поставить стенку на заднем дворе, чтобы с улицы не затекала грязь. Материал обойдется долларов в шестьдесят. Предположим, я побеждаю… сколько раз? Четыре?

— Четыре, — подтвердил Рэгл. — Получишь двадцать долларов, и твое имя попадет в список. Тогда начнешь состязаться уже всерьез.

— Будешь соперничать с самим Чарлзом Ван Дореном газетных конкурсов, — вставил Вик.

— Для меня это комплимент, — сказал Рэгл. Но враждебность в голосе зятя испортила ему настроение.

С ласэнью разделались мгновенно. После замечаний Билла Блэка и Рэгла Вик чувствовал себя обязанным съесть как можно больше. Марго окинула его критическим взглядом.

— Когда готовлю я, ты так никогда не ешь.

Теперь Вик и сам чувствовал, что перебрал.

— Было очень вкусно, — заявил он бодро.

— Может, — хихикнула Джуни Блэк, — ему сто-

ит пожить у нас? — Ее нахальное миниатюрное личико приняло знакомое многозначительное выражение, что могло только разозлить Марго.

Для женщины в очках Джуни Блэк выглядит потрясающе развращенной, подумал Вик. Пожалуй, она даже привлекательна, хотя ему не нравились ее толстые черные косы. А вообще, его к ней никогда не тянуло. Он не любил маленьких, темноволосых, активных женщин, начинающих приставать к чужим мужьям после первого глотка шерри. Особенно если при этом они так хихикали.

А вот его зять, если верить Марго, на нее клюнул. И Рэгл, и Джуни проводят дома целый день, так что у них масса лишнего времени. И в этом нет ничего хорошего, постоянно подчеркивала Марго. Когда мужчина целый день торчит дома, в то время как все остальные на работе, а вокруг по соседству остаются одни женщины…

— По правде говоря, — признался Билл Блэк, — это не Джуни готовила. Мы все купили по дороге домой. Есть одно местечко на Плам-стрит.

— Понятно, — протянула Марго. — Что ж, очень вкусно.

Джуни Блэк, не смутившись, рассмеялась.

После того как женщины убрали со стола, Билл

предложил сыграть пару партий в покер. Они немного поспорили, затем появились фишки, колода карт, и наконец все уселись за игру. По центу за фишку, без козырей.

Так проходили два вечера в неделю. Никто не мог вспомнить, с чего все началось. Кажется, начало положили женщины, так как больше всех любили играть Марго и Джуни.

В разгар игры появился Сэмми.

— Пап, — сказал он, — можно я тебе что-то покажу?

— А я думал, куда ты подевался? Целый день тихо… Ну что там у тебя?

Вик закончил кон и теперь мог поговорить. Скорее всего, сын просто хотел посоветоваться.

— Только не кричи, — предупредила Марго. — Видишь, мы играем в карты.

Напряженное выражение лица и дрожь в голосе выдавали хороший расклад.

— Пап, я не знаю, как подключить антенну, — сказал Сэмми, поставив рядом с фишками Вика металлическую раму с проводами и сопротивлениями.

— Что это? — озадаченно спросил Вик.

— Детекторный приемник.

— Что значит «детекторный приемник»?

— Это я его научил, — сказал Рэгл. — Как-то раз я рассказывал про Вторую мировую войну, и речь зашла о точке, где я служил.

— Радио, — повторила Марго. — Разве это современно?

— Так вот эта штука, — вмешалась Джуни Блэк, — и есть радио?

— Очень примитивное, — ответил Рэгл. — Примерно так выглядела первая модель.

— А его не ударит током? — встревожилась Марго. — Это не опасно?

— Исключено, — заверил Рэгл. — Здесь нет напряжения.

— Ну-ка, взглянем, — сказал Вик. Он повертел металлическую раму, искренне желая что-либо понять и помочь сыну. Суровая правда состояла в том, что в электронике он совершенно не смыслил, и это было очевидно. — Что ж, — проговорил он неуверенно, — наверное, где-то короткое замыкание.

— А помните, — воскликнула Джуни, — какие радиопередачи мы слушали до войны? «Дорога жизни»… А мыльные оперы? «Веселый Мартин»!

— «Веселая Марлин», — поправила Марго. — Это было… страшно сказать… двадцать лет назад!

Напевая под нос мотив из «Веселой Марлин», Джуни раздала карты.

— А я иногда скучаю без радио, — призналась она.

— У тебя есть радио плюс изображение, — сказал Билл Блэк. — Радио — всего-навсего звуковая часть телевидения.

— Что ты будешь ловить своим детекторным приемником? — спросил сына Вик. — Разве еще остались радиостанции?

Он был уверен, что все радиостанции уже несколько лет как свернули работу.

— Вероятно, удастся принимать переговоры кораблей с берегом, — сказал Рэгл. — Инструкции на посадку самолетов.

— Полицейские вызовы! — выкрикнул Сэмми.

— Правильно, — кивнул Рэгл. — В полиции до сих пор используется радиосвязь между машинами. — Протянув руку, он взял у Вика приемник. — Я попозже посмотрю эту схему, Сэмми. А сейчас у меня слишком хорошие карты. Как насчет завтра?

— Может, — предположила Джуни, — Сэмми будет ловить переговоры летающих тарелок.

— Ну да, — кивнула Марго. — Нужно только настроить приемник.

— Летающих тарелок не бывает, — пробормотал Билл Блэк, изучая карты.

— Прямо-таки! — язвительно откликнулась Джуни. — Сколько людей их уже видели. И ты не веришь документальным свидетельствам?

— Метеозонды, — сказал Билл Блэк. Вик с ним согласился, и Рэгл тоже кивнул. — Метеоры, — продолжил Блэк. — Атмосферные явления.

— Вот именно, — подтвердил Рэгл.

— А я читала, что некоторым доводилось в них летать, — произнесла Марго.

Все рассмеялись, кроме Джуни.

— Правда, — настаивала Марго. — И по телевизору говорили.

— Я готов признать, — сказал Вик, — что существуют весьма странные типы шаров.

Он вспомнил собственный случай. Прошлым летом во время поездки за город ему довелось увидеть, как яркий предмет пронесся по небу со скоростью, недоступной даже для реактивного самолета. Он вообще больше походил на ракету. В одно мгновение перечеркнул все небо и скрылся за горизонтом… А иногда по ночам слышится гул, словно тяжелые самолеты пролетают на малой высоте. При этом дрожат стекла, так что предположение Марго насчет шумов в голове нелепо.

Она вычитала в медицинском журнале, что при высоком давлении бывают шумы в голове, и теперь настаивала, чтобы Вик сходил к доктору провериться.

Он отдал недоделанный приемник сыну и взял со стола карты.

— Мы установим этот приемник в качестве официального клубного оборудования, — важно сообщил Сэмми. — Закроем его в помещении клуба, и пользоваться им смогут только имеющие особый допуск.

На заднем дворе объединенные стадным инстинктом соседские ребятишки соорудили из досок и обломков ящиков прочное, хотя и весьма уродливое строение. Теперь несколько раз в неделю там устраивались торжественные сборы.

— Прекрасно, — сказал Вик, глядя в карты.

— Если он говорит «прекрасно», — заметил Рэгл, — значит, у него ничего нет.

— Я тоже обратила внимание, — согласилась Джуни. — А если он бросает карты и отходит от стола, значит, у него четыре одной масти.

Вику, кстати, действительно очень хотелось отойти от стола; ласэнь и итальянский кофе не пошли впрок: он уже поел до прихода гостей, и теперь все в желудке перемешалось и бурлило.

— Может, у меня и правда четыре одинаковых… — сказал он.

— Ты очень бледен, — заметила Марго. И добавила, обращаясь к Рэглу: — А вдруг у него в самом деле что-то есть?

— Похоже на азиатский грипп, — пробормотал Вик. Отодвинув стул, он поднялся. — Сейчас вернусь. Только приму что-нибудь от живота.

— О боже! — воскликнула Джуни. — Он действительно переел. Ты была права, Марго!.. Если он умрет, это будет на нашей совести.

— Не надейтесь, — буркнул Вик. — Что мне выпить? — спросил он у жены, которая отвечала в доме за все, в том числе и за лекарства.

— Там в ванной есть аптечка, выпей драмамина, — ответила Марго, не отрываясь от карт.

— Слушай, ты же не станешь пить транквилизаторы при расстройстве желудка? — встревожился Билл Блэк, когда Вик направился к дверям. — Это, пожалуй, слишком.

— Драмамин не транквилизатор, — пробубнил Вик, — а успокоительное.

— Это одно и то же, — донесся до него голос Блэка.

— Черта с два, — простонал Вик, мучаясь от боли. Он протянул руку, пытаясь нащупать шнур

выключателя.

— Поторопись, дорогой! — крикнула ему Марго. — Сколько тебе карт? Мы хотим играть, ты нас задерживаешь.

— Ладно, — пробормотал он, все еще пытаясь включить свет. — Оставьте мне три карты. Те, что сверху.

— Ну нет! — крикнул Рэгл. — Давай возвращайся и бери сам. А то скажешь, что мы их подменили.

Вик все еще не мог найти шнур выключателя, который болтался где-то в темноте ванной комнаты. Тошнота и раздражение нарастали, он принялся лихорадочно шарить в пустоте, растопырив пальцы и описывая круги руками. Ударился головой об угол аптечки и выругался.

— У тебя все в порядке? — спросила Марго. — Что там происходит?

— Не могу нащупать шнур!

Вик едва сдерживал ярость. Теперь ему хотелось принять таблетку и поскорее вернуться к игре. Есть же у некоторых вещей такое свойство бесследно исчезать… Вдруг до него дошло, что в ванной никогда не было выключателя со шнуром. Был самый обычный настенный выключатель на уровне плеча у самой двери. Вик сразу же

нашел его, включил свет и взял с полки баночку с таблетками. Потом принял одну, запил водой и поспешил в гостиную.

«Почему я начал искать этот шнур? — думал Вик. — Вполне конкретный шнур, в определенном месте. Я ведь не шарил наугад, как если бы оказался в незнакомой комнате. Я ловил шнур выключателя, который дергал много раз. Столько, что успел закрепиться условный рефлекс».

— Случалось с кем-нибудь такое? — спросил он, усаживаясь за стол.

— Играем, — сказала Марго.

Вик взял три новые карты, сделал ставку, проиграл, после чего откинулся в кресле и закурил. Джуни Блэк собрала выигрыш с обычной своей затаенной улыбкой.

— Что случилось? — спросил Билл Блэк.

— Искал выключатель, которого никогда там не было.

— А я думала, чем ты занимался столько времени? — съязвила раздраженная проигрышем Марго.

— Где я мог привыкнуть к выключателю на шнуре? — спросил ее Вик.

— Вот уж не знаю.

Он прокручивал в сознании все выключатели,

какие только мог вспомнить. Дома, в магазине, у друзей. И все были кнопочные.

— Сейчас выключателей со шнуром почти не осталось, — сказал он вслух. — Они вышли из моды.

— Очень просто, — объяснила Джуни. — Детские воспоминания. Много-много лет назад, в тридцатые годы, когда все жили в старомодных домах, которые, конечно, не были еще старомодными, ты, видно, и привык…

— Почему же это всплыло сейчас? — спросил Вик.

— Это любопытно, — заметил Билл Блэк, и Вик кивнул.

— А что? — начал Билл. Он интересовался психоанализом и частенько пересыпал речь фрейдистским жаргоном, уверенный, что это первый признак культурности. — Вызванное стрессом возвращение в детство. Ты плохо себя чувствуешь. Подсознательное напряжение свидетельствует о внутреннем заболевании. Очень часто на период болезни взрослые превращаются в детей.

— Какая чушь, — пробормотал Вик.

— Просто где-то есть выключатель, который ты не можешь вспомнить, — предположила

Джуни. — На какой-нибудь заправке, куда ты гонял свой старый «Додж», съедавший так много бензина. Или еще где-нибудь — в прачечной или в баре, то есть в любом месте, где ты бываешь пару раз в неделю.

— Меня это тревожит, — сказал Вик. Теперь ему не хотелось играть в покер, и он отсел подальше от стола.

— Тебе нехорошо? — поинтересовалась Марго.

— Выживу, — буркнул Вик.

У всех, похоже, пропал интерес к случившемуся. Кроме, может быть, Рэгла. Он смотрел на Вика с непонятным любопытством, словно хотел расспросить о чем-то еще, но по непонятным причинам себя сдерживал.

— Давайте играть, — не выдержала Джуни. — Кто сдает?

Билл Блэк взял карты. В блюдце посыпались монеты. В соседней комнате звучала по телевизору танцевальная музыка, экран был затемнен.

Наверху в своей комнате Сэмми трудился над детекторным приемником.

В доме было тепло и спокойно.

«Что же не так? — не мог успокоиться Вик. — С чем я столкнулся там, в ванной? И какое место мне никак не удается вспомнить?»

Глава 3

Бреясь перед зеркалом в ванной, Рэгл Гамм услышал, как на крыльцо бросили утреннюю газету. Судорога свела руку, он едва не порезался и быстро опустил бритву. Потом глубоко вздохнул, на мгновение прикрыл глаза и продолжил бритье.

— Ты скоро? — крикнула сестра из-за закрытой двери.

— Да. — Рэгл умылся, освежил лицо лосьоном, вытер шею и руки и открыл дверь. Взору предстала Марго в халате, тут же прошедшая в ванную.

— Кажется, принесли твою газету, — сказала она через плечо, закрывая дверь. — Мне надо отвезти Вика в магазин, вытолкай Сэмми на крыльцо, ладно? Он на кухне.

Плеск воды заглушил ее голос.

В спальне Рэгл надел рубашку, потом придирчиво осмотрел свои галстуки, выбрал шерстяной, темно-зеленый, повязал его, надел пиджак и только после этого произнес:

— Теперь газета.

Но прежде чем выйти за ней, принялся перебирать блокноты, карты, папки и графики, при-

способления для просмотра данных на экране… Сегодня, начав с этого, он отсрочил встречу с газетой на одиннадцать минут. Рэгл приготовил стол в прохладной и влажной после ночи гостиной. Пахло сигаретами. Наконец он подошел к парадной двери и распахнул ее.

Там, на цементном крыльце, свернутая трубочкой и схваченная резинкой, лежала «Газетт».

Рэгл поднял ее и сдернул резинку.

Несколько минут он просматривал новости на первой странице. Прочел о состоянии здоровья президента Эйзенхауэра, о национальной задолженности, о проделках хитрых лидеров Ближнего Востока. Затем сложил и перевернул газету и прочел страницу юмора. Потом письма в редакцию.

Пока он читал, Сэмми протиснулся мимо и выскочил на улицу.

— Пока! — крикнул мальчик. — Увидимся вечером!

— Давай, — машинально ответил Рэгл.

Потом с ключами от машины в руке появилась Марго. Отперла дверцу и скользнула внутрь, завела мотор. Пока он прогревался, Марго протерла запотевшие стекла. Утро выдалось свежим. По улице семенили в сторону школы дети. Проезжа-

ли машины.

— Я забыл про Сэмми, — сказал Рэгл, когда Вик вышел на крыльцо. — Он, кажется, двинул своим ходом.

— Не волнуйся, — ответил зять. — Смотри не перетрудись над конкурсом.

С переброшенным через руку пиджаком Вик спустился к машине. Спустя мгновение Марго включила передачу, и они с ревом понеслись по прохладной улице к центру.

До чего же шумные эти маленькие машины, подумал Рэгл.

Он оставался на крыльце и упорно читал газету, пока холодный утренний воздух не загнал его в комнату.

Шестнадцатую страницу, на которой печатался бланк конкурса «Где теперь появится Зеленый человечек?», открывать не хотелось. Бланк занимал почти всю полосу, оставалось лишь немного места для разъяснения правил и условий конкурса и для информации о предыдущих победителях. Помещался также список оставшихся участников конкурса; их имена были набраны самым мелким в газете шрифтом. Имя Рэгла, само собой, печатали крупным. В отдельном оформлении. Каждый день он видел его в одном и том же

месте. Остальные имена, внизу, менялись, не задерживаясь в сознании.

Каждый день газета давала к очередному заданию примерный набор ключей. Рэгл всегда их прочитывал как разминку перед решением основной задачи. А она состояла, как всегда, в угадывании одного из 1208 квадратиков, напечатанных на бланке.

Никакой пользы от предлагаемых к заданию ключей не было, тем не менее Рэгл полагал, что косвенная информация в них все-таки заложена, и взял за правило все запоминать, надеясь, что это воздействует на его подсознание.

«Глоток ласточки, огромный, как миля». Наверное, тут дело в потоке ассоциаций… Рэгл позволил зашифрованному сообщению улечься в сознании, погрузиться в его глубины. Освободить рефлексы, или как это называется… Глоток предполагает еду. А ласточка, конечно, полет. А разве полет не символизирует секс? Ласточки, кстати, всегда возвращаются в Капистрано, это в Калифорнии. Вся фраза почему-то напомнила ему пословицу «Птичка по зернышку клюет и сыта бывает». Тогда почему «огромный, как миля»? Кто у нас огромный? Кит? Большой синий кит. Заработали ассоциации? Может, кто-то летит

над водой в Калифорнию? Потом Рэгл подумал об арке и голубке. Оливковая ветвь. Греция. Значит, это имеет отношение к кухне. Потому что все греки занялись ресторанами. Снова еда. И голуби, кстати, деликатес для гурмана.

«Колокольчик звонит динь-динь!» Ерунда, конечно. Что-то тут есть гомосексуальное. «Колокольчик», «динь-динь». Или Джон Донн: «По ком звонит колокол?» Есть еще книга Хемингуэя. К тому же в колокольчик часто звонят, когда подают чай. Позвоните, пусть принесут чаю!.. Серебряный колокольчик. Цель! Цель — Капистрано, куда возвращаются ласточки. Подходит.

Пока он размышлял над ключами, возле дома раздались чьи-то шаги. Отложив газету, Рэгл проскользнул к окну в гостиной.

У крыльца стоял высокий, стройный, средних лет человек в твидовом костюме и с сигарой в зубах. Выглядел он весьма респектабельно, как министр, священник или налоговый инспектор. Под мышкой он держал папку. Рэгл узнал его. Это был человек из «Газетт», он уже приходил несколько раз: иногда приносил чек, который обычно Рэгл получал по почте, или выяснял какие-либо неясности в ответах. Рэгл растерялся: что привело Ловери на сей раз?

Не торопясь, гость поднялся по ступенькам и позвонил.

Колокольчик, подумал Рэгл. Посланник. Может, ключ в газете должен был подсказать, что придет Ловери?

— Добрый день, мистер Ловери, — улыбнулся он, распахивая дверь.

— Здравствуйте, мистер Гамм! — Ловери сиял радостью, ничего напускного или сулящего дурные вести в его поведении не было.

— Что-нибудь случилось?

При необходимости Рэгл умел жертвовать приличиями.

Ловери перекатил во рту сигару, взглянул на него и сказал:

— Занес пару чеков. В газете решили, что вам будет приятно, если я принесу их на дом. А мне все равно в эту сторону.

Он обвел взглядом гостиную.

— Кроме того, хотел кое-что у вас спросить. Просто удостовериться. Насчет ваших вчерашних ответов.

— Я послал шесть, — сказал Рэгл.

— Да, мы все получили, но… — Ловери подмигнул, — вы же не указали их порядок.

Открыв папку, он выложил все шесть бланков,

уже сфотографированных и уменьшенных до удобных размеров. Вручив Рэглу карандаш, Ловери продолжил:

— Я знаю, это всего лишь недосмотр с вашей стороны… но нам надо, чтобы вы их пронумеровали.

— Черт побери! — выдохнул Рэгл. Неужели в спешке?.. Он быстро проставил цифры от одного до шести. — Вот, — сказал он, возвращая бланки.

Какая досадная оплошность! Когда-нибудь она может стоить ему победы в конкурсе.

Ловери сел, взял бланк, помеченный цифрой 1, и изучал его довольно долго.

— Правильно? — не выдержал Рэгл, хотя понимал, что Ловери не может знать ответа. Бланки отсылались в штаб-квартиру конкурса в Нью-Йорк или Чикаго, где и происходило самое главное.

— Ну, — откликнулся Ловери, — время покажет. Но вы именно этот ответ считаете номером первым? Основным вариантом?

— Да, — кивнул Рэгл.

Между ним и организаторами конкурса существовало негласное соглашение, по которому ему позволялось представлять несколько вариантов ответов на ежедневные задания. Вплоть

до десяти, но Рэгл обязан был пронумеровать их в порядке предпочтения. Если номер первый оказывался неверным, его просто уничтожали, как будто его и не было, правильным считался номер второй — и так далее, до конца. Обычно он был настолько уверен, что ограничивался тремя или четырьмя вариантами. Конечно, в газете предпочитали, чтобы вариантов было меньше. Кроме Рэгла, насколько ему было известно, никто не пользовался подобными привилегиями. Цель же была очевидна: не дать ему выйти из игры.

Они сами это предложили после того, как Рэгл ошибся на несколько клеток в выборе правильного квадрата. Обычно его ответы ложились очень кучно, но иногда он не мог выбрать между довольно далеко отстоящими квадратами. В таких случаях приходилось рисковать, и порой интуиция его подводила. Когда Рэгл чувствовал, что решение укладывается в определенную область, он не волновался. Тот или иной из его ответов оказывался правильным. За два с половиной года он ошибся восемь раз. То есть восемь раз ни один из его ответов не был верен. Однако организаторы позволили ему продолжать. В правилах было оговорено, что Рэгл мог как бы «занимать» из прошлых правильных ответов. Ошибаться

разрешалось один раз из тридцати. Так все и шло. С помощью подобных уловок он оставался постоянным участником конкурса. Никто, кроме организаторов, не знал об ошибках Рэгла Гамма. Это была тайна — его и конкурса. И никто не был заинтересован в ее раскрытии.

Теперь популярность всего мероприятия во многом зависела от Рэгла. Почему публике хочется, чтобы побеждал один и тот же человек, Рэгл не понимал. Ведь он побеждал за счет других участников. Очевидно, тут уже проявлялись законы общественного сознания. Его имя узнавали. Ему так и объяснили: людям нравится видеть знакомые имена, они не любят перемен. Действует закон инерции. Пока имени Рэгла не было в списке, он никому не был нужен. Теперь оно появилось — и дело пошло своим ходом. На Рэгла Гамма работает статическая сила. Мощное давление инертных масс направлено сейчас в его сторону. Он «попал в струю», как сказал бы Билл Блэк.

Ловери сидел, скрестив ноги, курил и хмурился.

— Вы еще не смотрели сегодняшнюю загадку?

— Нет, — ответил Рэгл. — Только ключи. Они что-нибудь означают?

— Не буквально.

— Это понятно. Я спрашиваю, означают ли они что-нибудь вообще? По виду или по форме? Или все для того, чтобы убедить нас, что кто-то наверху знает ответ?

— К чему это вы? — несколько раздраженно спросил Ловери.

— У меня есть теория, — сказал Рэгл. — Не очень серьезная, но весьма забавная. Правильного ответа, возможно, не существует.

Ловери удивленно поднял брови:

— На каком же тогда основании один ответ объявляют верным, а остальные — ошибочными?

— Может быть, вы просматриваете варианты и выбираете тот, который вам нравится. Эстетически.

— Судите о нас со своих позиций?

— Со своих позиций?

— Ну да, — подтвердил Ловери. — Вы работаете с эстетической, а не с рациональной точки зрения. Вот вы придумали сканеры. Просматриваете ответ во времени и в пространстве. Пытаетесь заполнить пробел. Завершить образуемый рисунок. Предугадать следующую линию. Это не рациональный, не интеллектуальный процесс. Так работают, ну… гончары. Нет, я ничего не

имею против. Как вам это удается — ваше дело. Во всяком случае, ничьими подсказками вы не пользуетесь. Сомневаюсь, чтобы вы вообще хоть раз разобрались в смысле этих ключей. Иначе бы не задавали таких вопросов.

«Нет, — подумал Рэгл. — Вашими намеками я никогда не пользовался».

Собственно говоря, ему и в голову не приходило, что кто-либо всерьез пытается извлечь из ключей конкретную информацию. Вроде того, чтобы соединить первые буквы каждого третьего слова, прибавить десять и получить номер нужного квадрата. При этой мысли он засмеялся.

— Вы смеетесь? — спросил Ловери очень серьезно. — Зря, на кон поставлены большие деньги.

— Я просто подумал о Билле Блэке.

— Кто это?

— Сосед. Просит научить его угадывать.

— Если вы используете эстетический подход…

— …то это невозможно, — закончил Рэгл. — Биллу не повезло. Поэтому я и смеюсь. Он будет разочарован, а ему так хочется перехватить парочку долларов.

С ноткой негодования Ловери произнес:

— Вас не волнует, что ваш талант нельзя передать? Что вы работаете не осознанным ра-

циональным методом, а скорее… — Он пытался найти нужное слово. — Бог его знает. Во всяком случае, от удачи ваши результаты не зависят.

— Рад, что есть люди, которые это понимают.

— Да разве можно поверить в то, что вы день за днем просто угадываете? Смешно. Шансы ничтожны. Все равно что найти бобы на Бетельгейзе.

— Бетельгейзе?

— Это далекая звезда. Я образно говорю. В любом случае, мы понимаем, что об отгадывании речь идти не может. Разве что на последней стадии, когда остается выбрать между двумя или тремя квадратами.

— Тогда я бросаю монету, — согласился Рэгл.

— Но когда… — задумчиво проговорил Ловери, потирая подбородок и покачивая сигарой, — когда встает вопрос о двух или трех квадратиках из тысячи, это уже не играет роли. На этой стадии угадать может любой из нас.

Рэгл не возражал.

В гараже своего дома Джуни Блэк присела перед стиральной машиной, запихивая в нее белье. Цементный пол под босыми ногами был холодным. Она поежилась, встала и засыпала в машину стиральный порошок. Потом прикрыла

стеклянную дверцу и нажала кнопку. Белье за стеклом завертелось. Джуни взглянула на часы и вышла из гаража.

— Ой! — вздрогнула она, чуть не столкнувшись с Рэглом.

— А я подумал — дай-ка загляну, — сказал он. — Сестра занялась глажкой, весь дом провонял жженым крахмалом. Знаешь, как будто в старый нефтяной бак накидали утиных перьев и битых пластинок, перемешали и подожгли.

Джуни заметила, что краем глаза он следит за ее реакцией. Густые, соломенного цвета брови сошлись на переносице, а огромные плечи сгорбились, когда он стиснул руки. При свете дня казалось, что Рэгл густо загорел. Джуни вдруг стало интересно, как у него это получается: она сколько ни загорала, никогда так не выглядела.

— Что это на тебе? — спросил Рэгл.

— Джинсы.

— Штаны, — уточнил он. — Было время, я мучился над вопросом, почему мне так нравятся женщины в штанах, но потом сказал себе: а почему бы, черт побери, и нет?

— Спасибо, — улыбнулась Джуни. — Это комплимент?

— Ты вообще неплохо смотришься, — про-

должал Рэгл. — Особенно босая. Знаешь, как в фильмах, где героиня шлепает по песчаным дюнам, воздев руки к небу.

— Ладно, как сегодняшний конкурс?

Он пожал плечами. Было видно, что об этом говорить ему не хочется.

— Вот, решил прогуляться немного.

Рэгл снова искоса взглянул на нее. Конечно, это был просто знак внимания, но Джуни всегда в такие минуты казалось, что у нее расстегнулась пуговица; так и подмывало украдкой осмотреть свой наряд. За исключением босых ног и полоски кожи между рубашкой и джинсами, все было нормально.

— Открытая талия, — сказала она.

— Ну да, я вижу.

— Ничего? — У нее это звучало как шутка.

— Слушай, — почти резко перебил Рэгл. — Я думал, может, ты не откажешься сходить искупаться? День хороший, тепло.

— У меня столько дел по дому, — ответила Джуни. Но было видно, что предложение пришлось ей по душе.

В северной части города, где начинались дикие холмы, находился парк, а в нем игровые площадки и бассейн. В основном там проводи-

ли время дети, иногда — взрослые, временами наведывались подростковые шайки. Джуни нравилось бывать в подобных местах, она сама лишь несколько лет назад закончила школу, и переходный период давался ей нелегко. Она все еще относила себя к удалым компаниям, шокирующим благопристойную публику гремящими радиолами: девочки в свитерах и носочках, мальчики в джинсах и тоже в кашемировых свитерах…

— Возьми купальник, — сказал Рэгл.

— Ладно, — кивнула Джуни, — на часок можно, но потом мне надо вернуться… А Марго не видела, что ты зашел сюда? — Она уже поняла, что потрепаться Марго любит.

— Нет. — Рэгл покачал головой. — Она занята своей глажкой. И ничего вокруг не замечает.

Джуни выключила стиральную машину, взяла пляжные вещи, и вскоре они с Рэглом уже ехали по городу в сторону парка.

Рядом с Рэглом было спокойно. Джуни всегда привлекали большие и крепкие мужчины, особенно те, что постарше. Рэгл идеально соответствовал ее запросам. Не говоря уж о его жизненном опыте: участие в боевых действиях на Тихом океане, общенациональная известность

благодаря газетному конкурсу! Ей нравилось его резкое, суровое, иссеченное глубокими морщинами лицо настоящего мужчины, без признаков второго подбородка или одутловатости. Волосы Рэгл никогда не расчесывал, они лежали выгоревшей светлой копной. Причесывающиеся мужчины казались Джуни изнеженными маменькиными сынками. Билл, например, каждое утро полчаса укладывал волосы. Сейчас, слава богу, он подстригся и стал меньше времени тратить на туалет. Ей было противно прикасаться к стриженым волосам — все равно что трогать зубную щетку. К тому же Билл просто создан был для своего узкого пиджака, казалось, у него напрочь отсутствовали плечи. Единственный вид спорта, которым когда-либо занимался Билл, был теннис, от чего Джуни просто тошнило. Мужчина в шортиках, носочках и теннисных тапочках! Студенту колледжа это еще простительно. Билл действительно учился в колледже, когда они познакомились.

— Тебе не бывает одиноко? — спросила она Рэгла.

— А?

— Ты ведь не женат. — Большинство ее одноклассников были уже женаты, все, кроме самых

неисправимых. — Я понимаю, здорово жить с сестрой и зятем, но разве тебе не хочется иметь собственный дом и жену?

Джуни сделала ударение на слове «жена».

Подумав, Рэгл сказал:

— Рано или поздно так оно все и будет. Проблема в том, что я лодырь.

— Лодырь, — повторила она, подумав о деньгах, которые он заработал на конкурсе. Один бог знает, сколько там уже набежало.

— Я вообще не люблю постоянства, — объяснил Рэгл. — Наверное, я стал кочевником на войне. Да и раньше наша семья то и дело переезжала. Отец с матерью разошлись. Так что у меня глубоко личное неприятие стабильности… Просто боюсь оказаться ограниченным домом, семьей и детишками. Шлепанцы и трубка.

— Ну и что?

— Я ведь уже прошел через все это. Когда был женат.

— О! — заинтересованно воскликнула Джуни. — И когда же это было?

— Сто лет назад, — сказал Рэгл. — Еще до войны. Мне едва исполнилось тогда двадцать. Познакомился с девушкой, секретаршей из фирмы по перевозкам. Родители — поляки. Очень красивая,

живая и сообразительная. Только вот слишком много у нее было претензий. Ей хотелось пробиться в то общество, где дают вечера в саду. Жареное мясо в собственном патио.

— Не вижу ничего плохого. — Джуни пожала плечами. — Это естественно — стремиться к изящной жизни.

Она переняла это выражение из подписного журнала «Как украсить свой сад и дом».

— Ну вот, а я — лодырь, — проворчал Рэгл, давая понять, что тема исчерпана.

Начались холмы. Иногда приходилось в прямом смысле слова карабкаться. Дома были окружены просторными лужайками с террасами из цветов и поражали размерами и роскошью — дома богатых людей. Улицы совершенно не походили одна на другую. Временами попадались густые рощицы. А в конце Олимпик-драйв начинался настоящий лес.

— Хотела бы я здесь жить, — мечтательно произнесла Джуни.

«Во всяком случае, лучше, — подумала она, — чем наши типовые домики без фундамента. И крыши здесь не сносит первым же порывом ветра».

Высоко в небе между облаков быстро двигалась

серебристая точка. Спустя мгновение донесся слабый, приглушенный гул.

— Реактивный, — сказала Джуни.

Рэгл замер на тротуаре и, прикрыв рукой глаза, вглядывался в небо.

— Смотришь, не русский ли это бомбардировщик? — озорным тоном спросила она.

— Хотел бы я знать, что там вообще происходит.

— Интересно, чем занят Господь?

— Нет, Господь тут ни при чем. Я имею в виду всю эту муть, что летает туда-сюда.

— Помнишь, Вик рассказывал вчера, как искал в ванной шнур от выключателя? — спросила Джуни.

— Помню, — выдохнул Рэгл, карабкаясь по склону.

— Я над этим задумалась. Со мной такого не случалось.

— Ну и хорошо.

— Кроме одного раза. Однажды я вышла подмести перед крыльцом. И тут в доме зазвонил телефон. Было это около года назад. А я как раз ждала звонка. — Позвонить должен был одноклассник, но эту деталь Джуни решила опустить. — Ну вот, я бросила щетку и помчалась

в дом. Ты же знаешь, что у нас на крыльце две ступеньки?

— Да, — ответил Рэгл, внимательно на нее взглянув.

— Я побежала. И сделала три шага. То есть я думала, что там еще одна ступенька. Нет, я, конечно, не произносила про себя: вот, мол, мне надо подняться на три ступеньки…

— Ты хочешь сказать, что машинально сделала три шага?

— Да…

— Упала?

— Нет. Вот если бы их было три, а я решила, что две, тогда бы я шлепнулась и выбила зубы. А тут — странное ощущение. Пытаешься сделать лишний шаг, а нога проваливается — хлоп!

Джуни замолчала. Каждый раз когда приходилось что-нибудь объяснять, она терялась и путалась.

— Хм, — произнес Рэгл.

— Вик имел в виду что-то подобное?

— Хм, — снова промычал Рэгл, и она оставила эту тему. Было видно, что он не намерен ее обсуждать.

Джуни легла на спину, вытянулась в теплых лучах солнца и закрыла глаза. Она захватила с со-

бой похожее на полотенце одеяло в бело-голубую полоску, на котором сейчас и лежала. Ее черный шерстяной купальник — трусики и лифчик — напоминал Рэглу о прошлом: машины с откидными сиденьями, футбольные матчи и оркестр Глена Миллера. Смешные радиолы из фанеры и дерева, которые они таскали на пляж. Торчащие из песка бутылки из-под кока-колы, длинноволосые блондинки, упирающиеся локтями в песок, как на рекламе «Когда-то я была пугалом».

Он предавался воспоминаниям, пока Джуни не открыла глаза. Как всегда в его присутствии, она была без очков.

— Привет!

— Ты очень привлекательная.

— Спасибо, — улыбнулась Джуни и снова закрыла глаза.

Привлекательная, думал он, хотя и не созревшая. Не то чтобы тупая или умственно отсталая — просто застрявшая на старшем школьном возрасте.

По траве пронеслась визжащая стайка мокрых насквозь ребятишек. В бассейне плескалась молодежь, причем отличить парней от девушек можно было только по купальникам.

Неподалеку на обочине мороженщик развер-

нул свою белую эмалевую тележку; позвякивали колокольчики, созывая детей.

Опять колокольчики, подумал Рэгл. Неужели ключ указывал на то, что я заберусь сюда с Джуни Блэк? С Джунией, как она любит себя называть, следуя испорченному вкусу.

Неужели я могу увлечься маленькой шлюшкой, вчерашней школьницей, выскочившей замуж за скромного трудягу и до сих пор предпочитающей банановый сок и всякую дрянь хорошему вину, доброму виски и даже крепкому темному пиву?

Великие умы, думал Рэгл, теряются при встрече с таким типом сознания. Единство и борьба противоположностей. Инь и ян. Старый доктор Фауст встречает подметающую дорожку крестьянку — и где все его книги, знания, философия?

В начале было Слово.

Или дело, если ты — Фауст.

Склонившись над спящей девушкой, Рэгл прошептал:

— Im Anfang war die Tat…

— Иди к черту, — пробормотала она.

— Ты хоть знаешь, что я сказал?

— Нет.

— И тебе не интересно?

Джуни с усилием открыла глаза и сказала:

— Слушай, все мои языковые познания — это два года испанского в школе. Так что не пудри мне мозги. — Нахмурившись, она повернулась на бок и отодвинулась.

— Это были стихи. Я хотел любить тебя.

Она откатилась назад и уставилась на него.

— Ты хочешь, чтобы я любил тебя? — спросил Рэгл.

— Надо подумать, — прошептала Джуни. — Нет, это у нас не пройдет. Билл или Марго накроют. Хлопот не оберешься, сколько будет неприятностей, тебя, чего доброго, еще попрут с конкурса.

— Все любят любовников. — С этими словами он склонился над ней, взял за горло и поцеловал в губы. Рот у нее оказался сухой и маленький. Девушка попыталась вырваться, и ему пришлось схватить ее за шею двумя руками.

— На помощь, — слабо выдохнула она.

— Я люблю тебя, — сказал Рэгл.

Джуни дико на него посмотрела, зрачки стали горячими и черными, словно она подумала… Бог знает, что она подумала. Может, и ничего. Получилось, как будто он поймал маленького дикого тонкорукого зверька. Зверек был весьма подвижен, сопротивлялся и трепыхался под ним, его коготки впились ему в руку; но он не умел

рассуждать, строить планы или смотреть в будущее. Если его отпустить — отскочит на несколько ярдов, оближет шкурку и все забудет. Страх пройдет, зверек успокоится и даже не вспомнит о случившемся.

«Могу поклясться, она каждый раз удивляется, когда в начале месяца приходит за платой почтальон, — подумал Рэгл. — Какие газеты? Какой почтальон? Почему два пятьдесят?»

— Хочешь, чтобы нас вышвырнули из парка? — прошипела Джуни ему в ухо. Ее лицо было прямо под ним — недовольное, сморщенное, сердитое.

Проходящая мимо пара заулыбалась.

Сознание девственницы, подумал Рэгл. Есть в ней что-то трогательное… наверное, способность забывать, позволяющая каждый раз обретать невинность. Как бы далеко ни заходили ее отношения с мужчинами, она остается прежней. Такой же, как и была. В свитере и туфлях-лодочках. Даже когда ей исполнится тридцать, тридцать пять, сорок. Она станет больше пользоваться косметикой, сделает другую прическу, может быть, сядет на диету. Но в остальном будет неизменной.

— Ты же не пьешь. — От жары и глупой ситуации ему страшно захотелось пива. — Сходим

в бар?

— Нет, — отмахнулась она. — Я хочу загорать.

Он помог ей подняться. Она сразу же села, наклонилась, чтобы поправить тесемки и отряхнуть траву с колен.

— Что скажет Марго? — начала Джуни. — Она и так шпионит за нами, вынюхивает, что бы еще откопать.

— Марго, скорее всего, сочиняет свою петицию. Они хотят заставить городские власти расчистить руины.

— Достойное дело. По крайней мере, лучше, чем интересоваться чужой жизнью.

Джуни вытащила из сумки лосьон для загара и принялась втирать его в плечи, демонстративно не обращая на Рэгла внимания.

Он знал, что когда-нибудь своего добьется. Нужно только создать подходящую обстановку и настроение, а игра стоит свеч. Ради этого и поднапрячься не грех.

Ну и дурак же этот Блэк, сказал он себе.

Сразу за парком раскинулось неровное поле в бело-зеленых пятнах, глядя на которые Рэгл вспомнил Марго. Развалины. Отсюда их хорошо видно. Бетонные фундаменты бывшего города. Бульдозер так и не сровнял их с землей. Сами

жилые дома и прочие сооружения рассыпались много лет назад, оставив после себя потрескавшиеся, изломанные, пожелтевшие каменные блоки. Отсюда они неплохо смотрелись.

Видны были снующие в развалинах ребятишки. Любимое место для игр. Сэмми тоже частенько там пропадает. Подвалы стали пещерами. Склепами. Наверное, Марго права: рано или поздно кто-нибудь там задохнется или заразится столбняком, оцарапавшись ржавой проволокой.

«А мы сидим здесь, — думал Рэгл. — Загораем на солнышке. В то время как Марго пытается положить муниципалитет на лопатки, принести пользу обществу».

— Что ж, нам пора, — обратился он к Джуни. — Мне еще надо оформить ответ.

«Это моя работа, — иронически подумал он. — А Вик сейчас надсаживается в своем супермаркете, а Билл — в водоканале».

От таких мыслей еще больше захотелось пива. Когда под рукой банка пива, его ничто не может вывести из себя. И щемящее беспокойство ощущается не так остро.

— Слушай, — сказал Рэгл, поднимаясь, — я пройдусь вверх по холму и взгляну, нет ли у них пива. Все может быть.

— Только оденься.

— Ты что-нибудь будешь? Безалкогольное пиво? Кока-колу?

— Нет, спасибо, — ответила Джуни подчеркнуто вежливо.

Пробираясь к киоску по заросшему травой склону, он думал о том, что рано или поздно ему придется столкнуться с Биллом Блэком. В схватке.

Трудно представить, как поведет себя Билл, когда узнает. Может, он из тех, кто без разговоров хватает охотничье ружье двадцать второго калибра и палит по ступившему на священные Елисейские поля, где, кроме него, смеет прогуливаться лишь сам Господь Бог.

Рэгл вышел на цементированную дорожку, вдоль которой стояли деревянные скамейки. На них отдыхали люди, в основном пожилые, — любовались склоном горы и бассейном внизу. Одна толстенькая старушка ему улыбнулась.

«Она что, знает?» — спросил он себя.

То, что она видела там, внизу, — не счастливое весеннее заигрывание, а грех. Почти измена.

— Добрый день, — радушно сказал Рэгл.

Старушка так же радушно закивала в ответ.

Порывшись в карманах, он нашел немного ме-

лочи. У киоска с прохладительными напитками выстроились в очередь ребятишки. Они стояли за пончиками. Кроме того, продавали пироги, эскимо и апельсиновый сок.

Вокруг было спокойно и тихо.

Неожиданно Рэгл испытал острый приступ отчаяния. Как все-таки бездарно он провел жизнь. Полюбуйтесь, в сорок шесть лет человек целыми днями сидит дома и разгадывает дурацкие конкурсные задания из газеты. Ни приличной уважаемой работы. Ни детей. Ни жены. Ни собственного дома. Валяет дурака с соседской женой.

Бессмысленная жизнь. Вик прав.

«Собственно, я могу и бросить этот конкурс, — подумал Рэгл. — Податься куда-нибудь. Попотеть в нефтеносных краях в пробковом шлеме. Или складывать цифры за конторкой в какой-нибудь страховой компании. Или заняться недвижимостью. Все, что угодно, будет солиднее. Ответственнее. А так я все больше застреваю в затянувшемся детстве. Хобби… Все равно что клеить модели самолетиков».

Стоящий впереди ребенок получил свою конфетку и ускакал. Рэгл выложил пятьдесят центов.

— Пиво у вас есть?

Фраза прозвучала неожиданно смешно. Голос Рэгла был тонким и далеким. Продавец в белом фартуке и колпаке замер и уставился на него. Ничего не происходило. И звуки пропали. Дети, машины, ветер — все затихло.

Пятидесятицентовая монета провалилась сквозь дерево, упала и исчезла.

Умираю, подумал Рэгл. Или еще хуже.

Ужас охватил его. Он попытался что-нибудь сказать, но губы не двигались.

«Только не это! — подумал Рэгл. — Только не это опять! Со мной снова происходит то же самое».

Киоск с прохладительными напитками распался на куски. На молекулы. Он видел эти молекулы — бесцветные, вообще никакие; раньше они образовывали киоск. Потом сквозь киоск проступил возвышающийся позади него холм, деревья и небо. Рэгл увидел, как киоск с напитками просто исчез вместе с продавцом, кассовым аппаратом, огромной колбой апельсинового сока, кружочками под кока-колу и безалкогольное пиво, шеренгой заиндевевших бутылок, джемом для бутербродов, грилем для сосисок, банками с горчицей, полками со стаканчиками и целым рядом круглых металлических крышек, под которыми

помещались различные сорта мороженого.

На месте всего этого лежал листочек бумаги. Рэгл протянул руку и взял его. Крупными буквами было напечатано:

КИОСК С ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ

Повернувшись, Рэгл неуверенно пошел назад мимо играющих детей, мимо скамеек со старухами. По дороге сунул руку в карман пиджака и нащупал металлическую коробочку. Потом остановился, открыл ее и взглянул на лежавшие там листки. Добавил к ним еще один.

Итого шесть. Шесть раз.

Ноги подкашивались, на лице выступил ледяной пот. Он стекал за воротник, за зеленый шерстяной галстук.

Рэгл побрел вниз по склону, к Джуни.

Глава 4

После захода солнца Сэмми Нильсон еще целый час носился по развалинам. Вместе с Батчем Кляйном и Лео Тарски они натаскали такую кучу черепицы, что она тянула на серьезную оборонительную позицию. Ее можно было удерживать практически бесконечно. Теперь оставалось только набрать комьев грязи, желательно с длинными пучками травы, чтобы вести обстрел.

Подул вечерний ветер. Дрожа от холода, Сэмми присел за бруствер. Окоп, конечно, следовало углубить. Увидев торчащую из земли доску, он изо всех сил навалился на нее. Доска вывернула из земли несколько кирпичей, кучу золы, корни, траву и грязь. Внизу оказался проем между двумя бетонными плитами, служившими ранее либо фундаментом, либо частью водопровода.

Страшно подумать, что тут может храниться!.. Упав на живот, Сэмми принялся горстями выгребать штукатурку и куски бетона с торчащей проволокой. Руки саднило, но он продолжал лихорадочно работать.

Напрягая зрение, Сэмми разглядел торчащий из расщелины желтый том. Телефонная книга. А

за ней — вымоченные дождем журналы.

Он принялся за дело с удвоенной энергией.

Перед обедом в гостиной Рэгл попросил Вика уделить ему несколько минут. Увидев мрачное лицо зятя, Вик спросил:

— Хочешь, чтобы я закрыл дверь?

— Не надо, — сказал Рэгл.

— Это касается конкурса?

— Я решил добровольно из него выйти. Для меня это слишком. Напряжение и… Слушай! — Он наклонился к Вику, глаза налились кровью. — Вик, у меня нервный срыв. Марго ничего не говори. — Его голос задрожал. — Я хочу с тобой посоветоваться.

Вик растерянно молчал.

— Это из-за конкурса, — произнес он наконец.

— Может быть. — Рэгл сделал неопределенный жест.

— И давно?

— Уже несколько недель. Два месяца. Не помню.

Он замолчал, уставившись в пол.

— А ты говорил с людьми из газеты?

— Нет.

— Они же поднимут шум.

— Меня это не волнует! Я не могу продолжать.

Мне нужно куда-нибудь уехать. Может быть, за границу.

— Дела! — выдохнул Вик.

— Я вымотался вконец. Отдохну полгодика, авось поможет. Могу заняться физическим трудом. Пойду на конвейер. Или поработаю где-нибудь на воздухе. Я хочу поговорить с тобой о финансовой стороне дела. За прошедший год я вносил в среднем около двухсот пятидесяти долларов в месяц на расходы.

— Да, — кивнул Вик. — Я знаю.

— Сможете вы с Марго обойтись без этой суммы? Платить за дом, за машину, за все остальное?

— Конечно, — ответил Вик. — Думаю, сможем.

— Я тебе выпишу чек на шестьсот долларов. На всякий случай. Если возникнет необходимость — используй его. Но лучше сделай вклад. Чеки действуют месяц или около того, а так будешь получать свои четыре процента.

— Ты еще не говорил Марго?

— Пока нет.

В дверях появилась Марго:

— Обед почти готов. Чего это вы сидите тут такие мрачные?

— Дела, — бросил Вик.

— Можно послушать?

— Нет, — сказали они одновременно.

Не говоря ни слова, она вышла.

— Продолжим, — сказал Рэгл, — если ты не против. Я, может быть, лягу в военный госпиталь. Я все-таки ветеран и имею право на медицинское обслуживание. Правда, сомневаюсь, что это по их части. Кроме того, думаю, не использовать ли закон о военнослужащих? Поступить в университет?

— На какой факультет?

— Ну, скажем, на философский.

Вику показалось это странным.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что философия — убежище и утешение.

— Не знаю. Может, когда-то и была. Для меня философия — нечто имеющее отношение к теории сверхчувствительной реальности и смыслу жизни.

— Ну и что тут плохого? — упрямо спросил Рэгл.

— Да ничего, если ты уверен, что это поможет.

— Я кое-что прочел в свое время, — сказал Рэгл. — Епископ Беркли. Идеалисты. Ну, например, — он махнул рукой в сторону стоящего в углу пианино, — откуда мы знаем, что это пианино

существует?

— Мы этого не знаем, — ответил Вик.

— Может быть, его и нет.

— Ты прости, — смущенно проговорил Вик, — но для меня это все игра слов.

Услышав это, Рэгл побелел как мел, челюсть его отвисла. Уставившись на Вика, он стал медленно подниматься из кресла.

— С тобой все в порядке? — не выдержал Вик.

— Я должен подумать, — с трудом выговорил Рэгл. Он наконец встал. — Ты меня извини. Мы как-нибудь потом поговорим еще. А сейчас обед, или что там…

Рэгл вышел из комнаты.

«Бедняга, — подумал Вик. — Похоже, конкурс его доконал. Еще бы, сидеть целый день в одиночестве… бесцельно».

— Помочь тебе накрыть на стол? — спросил он жену.

— Все готово, — откликнулась Марго.

Рэгл прошел через столовую и скрылся в ванной.

— Что с ним? — поинтересовалась Марго. — Рэгл сегодня не в себе. Какой-то несчастный. Его не исключили из конкурса? Он бы, конечно, мне сказал, но…

— Потом объясню.

Вик обнял и поцеловал жену. Она нежно к нему прижалась.

«Если бы у Рэгла была семья, ему было бы легче, — подумал Вик. — Семья. В этом мире нет ничего более важного. И никто не сможет этого отнять».

За обеденным столом Рэгл сидел глубоко погруженный в свои мысли. Расположившийся напротив него Сэмми болтал о своем клубе и его мощной военной технике. Рэгл не слушал.

Слова, думал он.

Центральная проблема философии. Отношение между словом и вещью… Что есть слово? Условный знак. Но мы живем словами. Наша реальность — это слова, а не вещи. Не может быть вещи самой по себе. Это уловка сознания. Слово более реально, чем вещь, которую оно обозначает.

Слово не представляет реальность; слово и есть реальность. Во всяком случае, для нас. Может быть, Бог имеет дело с предметами, мы — нет.

В его пиджаке, висящем сейчас в шкафу, лежала металлическая коробка, а в ней — шесть полосок бумаги.

КИОСК С ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ
ДВЕРЬ
ЗДАНИЕ ФАБРИКИ
ШОССЕ
ПИТЬЕВОЙ ФОНТАНЧИК
БУКЕТ ЦВЕТОВ

— Сколько можно тебе повторять: не играй там! — Громкий и резкий голос Марго сбил Рэгла с мысли. — Еще раз говорю, Сэмми, не смей! Я не шучу!

— Как продвигаются дела с петицией? — спросил Вик.

— Виделась с каким-то мелким чиновником. Он говорит, что сейчас у города нет средств. Просто зло берет, ведь в прошлый раз они утверждали, что уже заключили контракты и работы начнутся со дня на день. Их ничего не заставишь сделать! Ты просто беспомощен, любой человек против них беспомощен.

— Может, Билл Блэк сумеет затопить эти развалины?

— Ну да, — откликнулась она. — Значит, лучше, если дети там утонут, вместо того чтобы свернуть себе шею?

После обеда, когда Марго мыла посуду на кухне, а Сэмми валялся перед телевизором, Рэгл и Вик продолжили разговор.

— Попроси у организаторов конкурса отпуск, — предложил Вик.

— Сомневаюсь, что они согласятся. — Рэгл достаточно хорошо знал правила.

— А ты попытайся.

— Может быть, — кивнул Рэгл, царапая пятно на столе.

— Надеюсь, ты не из-за меня расстроился?

— Нет, — покачал головой Рэгл. — Если кто и виноват, так это конкурс. И Джуни Блэк.

— Теперь слушай, — сказал Вик. — Ты можешь найти кого-нибудь получше, чем Джуни Блэк. Речь идет даже не о личности, а о социальном статусе.

— Мне трудно думать о социальном статусе Билла и Джуни. И вообще, мне сейчас не до статусов.

— Объясни, что произошло.

— Ничего.

— Нет, объясни.

— Галлюцинация. — Рэгл пожал плечами. — Всего-навсего. Повторная.

— Можешь ее описать?

— Не хочу.

— Я не выведываю. Просто это тревожно. По-моему, тут что-то не так.

— Не так, — согласился Рэгл.

— Я не говорю о тебе, обо мне или еще о ком-либо. Тут дело серьезнее.

— Время, — сказал Рэгл. — Похоже, оно свихнулось.

— Думаю, нам стоит сравнить ощущения.

— Я не стану рассказывать, что произошло со мной. Сейчас ты скорбно покиваешь головой, а завтра или через день будешь трепаться с покупателями, жевать резинку и ляпнешь что-нибудь такое… Поползут невероятные слухи. А с меня сплетен достаточно. Не забывай, я все-таки национальный герой.

— Себя ты всегда защитишь, — возразил Вик. — А так мы могли бы до чего-нибудь докопаться.

Рэгл промолчал.

— Нельзя вот так взять и замкнуться! — не выдержал Вик. — Я отвечаю за жену и сына. Ты что, уже не контролируешь себя? Ты сознаешь, что можешь натворить?

— Ну, на людей я бросаться не стану, — усмехнулся Рэгл. — Во всяком случае, у меня нет причин думать иначе.

— Мы все живем в одном доме, — настаивал Вик. — Представь, что я бы тебе сказал…

— Если почувствую, что становлюсь опасен, — перебил его Рэгл, — тут же уеду. В любом случае уеду, может быть, даже через пару дней. Так что потерпи, и все будет нормально.

— Марго тебя не отпустит.

При этих словах Рэгл рассмеялся:

— Ей придется это сделать.

— А по-моему, главная причина — в твоей неудавшейся любви.

На этот раз Рэгл не ответил. Поднявшись из-за стола, он прошел в гостиную, где Сэмми, улегшись перед телевизором, смотрел «Пушечный дым». Рэгл упал на диван и тоже уставился на экран.

С ним говорить нельзя, понял он.

Как плохо. Как чертовски плохо.

— Как тебе вестерн? — спросил он, когда фильм перебили рекламой.

— Классный, — бросил Сэмми. Из кармана его рубашки торчала скомканная бумага. Было видно, что она не раз побывала под дождем.

— Что это у тебя в кармане?

— А! — оживился Сэмми. — Это я строил укрепления в развалинах. Выкорчевал доску — а там целая стопка старых журналов, телефонная кни-

га и еще много всякого.

Протянув руку, Рэгл вытащил бумагу из кармана мальчика — несколько волокнистых листков. И на каждом из них крупными буквами напечатано по слову:

ЗАПРАВКА
КОРОВА
МОСТ

— Ты притащил это из развалин? — спросил Рэгл. Мысли его перепутались. — Ты что, выкопал это?

— Ага, — кивнул Сэмми.

— Можно, я возьму?

— Нет.

Рэгл почувствовал ярость.

— Ладно. — Из последних сил он старался говорить убедительно. — Давай я тебе что-нибудь дам взамен. Или куплю.

— А зачем они тебе? — Сэмми оторвался от телевизора. — Они что, ценные?

— Я собираю такие, — честно ответил Рэгл. Он вышел в коридор, вытащил из пиджака коробочку и принес ее в гостиную.

Сев рядом с мальчиком, он показал свои шесть листков.

— Десять центов каждый, — сказал Сэмми.

Всего у него было пять листков, но два оказались окончательно испорчены непогодой, и слова совсем расплылись. Тем не менее Рэгл отдал пятьдесят центов, забрал все и ушел к себе думать.

Может быть, это розыгрыш, размышлял он. Я стал жертвой мистификации. Потому что я — «Знаменитый победитель первоклассного конкурса». Добился-таки славы.

Но это было бы глупо. Совсем глупо.

В полном недоумении Рэгл старательно разгладил все пять листков и положил их в коробку. В некотором смысле он сейчас чувствовал себя еще хуже, чем раньше.

Вечером он взял фонарь, надел темный плащ и отправился в сторону развалин.

Ноги еще ныли после прогулки с Джуни. По дороге Рэгл успел не раз усомниться в правильности своей затеи. Поначалу фонарь высвечивал только груды треснувшего бетона, ямы, наполовину затопленные весенними дождями, кучи досок и щебня. Некоторое время он бродил по развалинам, пытаясь высветить что-нибудь стоящее. Наконец, споткнувшись о проволоку, упал и уткнулся в сооруженное мальчишками укры-

тие из булыжников. Присев, Рэгл стал освещать землю вокруг сооружения. Удача! В одной из расщелин обнаружился краешек желтой бумаги.

Рэгл сунул фонарь под мышку и принялся выкапывать находку двумя руками. Вскоре он извлек из земли растрепанный том. Сэмми оказался прав. Судя по всему, это действительно была телефонная книга, во всяком случае ее часть.

Кроме справочника, удалось выкопать остатки огромных глянцевых семейных журналов. Потом Рэгл сообразил, что светит в цистерну или канализационный люк. Слишком опасно, решил он. Лучше вернуться домой.

Какое заброшенное место! Неудивительно, что Марго пытается заставить городские власти навести здесь порядок. Они там, похоже, совсем свихнулись. Достаточно ведь одной сломанной руки, чтобы обратиться в суд.

Даже жилые дома рядом с развалинами казались темными и необитаемыми. Тротуары были почти полностью разрушены, все в ямах и трещинах.

Хорошенькое место для игр!

Придя домой, Рэгл притащил книгу и журналы на кухню.

Вик и Марго были в спальне, Сэмми уже спал.

Расстелив на кухонном столе оберточную бумагу, Рэгл осторожно выложил на него все, что принес.

Журналы совсем промокли. Он устроил их на батарее — сушиться. А сам приступил к изучению телефонной книги. Справочник был странный: шрифт более жирный и крупный, поля — непривычно большие. Похоже, это телефоны жителей какого-то небольшого городка.

Пригородные коммутаторы тоже оказались ему незнакомы. Флориан. Эдвардс. Лейксайд. Уолнат. Рэгл листал страницы без всякой цели, да и что можно было здесь найти? Разве что какая-нибудь необычная строчка сама бросится ему в глаза. По справочнику, например, нельзя было определить, какого он года. Прошлого? Десятилетней давности? Когда вообще начали печатать телефонные книги?

В кухню вошел Вик:

— Что это у тебя?

— Старый телефонный справочник.

Вик заглянул Рэглу через плечо. Потом открыл холодильник:

— Хочешь пирога?

— Нет, спасибо.

— Это тоже твое? — Вик кивнул в сторону сох-

нущих журналов.

— Да, — ответил Рэгл.

Вик вышел в гостиную, прихватив с собой два куска ягодного пирога.

Рэгл взял справочник и направился в холл к телефону. Там он присел на стул, набрал наугад номер. Спустя мгновение в трубке послышались щелчки и голос оператора произнес:

— Какой номер вы хотите набрать?

— Бриджлэнд, три четыре четыре шесть пять, — прочел Рэгл.

Последовала пауза.

— Пожалуйста, положите трубку и наберите еще раз, — бесстрастно предложила телефонистка.

Рэгл повесил трубку, немного подождал и повторил вызов.

На этот раз откликнулись немедленно.

— Какой номер вам нужен? — Голос в трубке был другой.

— Бриджлэнд, три четыре четыре шесть пять.

— Одну минуту, сэр.

Рэгл ждал.

— Прошу прощения, сэр. Пожалуйста, проверьте правильность номера.

— А в чем дело?

— Одну минуту, сэр, — сказала телефонистка, и в этот момент линия отключилась. На другом конце никого не было, он просто чувствовал отсутствие живой субстанции. Рэгл ждал, но ничего не менялось.

Тогда он повесил трубку и через минуту повторил попытку.

На этот раз в трубке послышались резкие звуки, напоминающие сирену, пошел зуммер неправильно набранного номера. Сколько бы Рэгл ни крутил диск, в ответ звучал сигнал неправильного набора. Наконец он закрыл справочник, поколебался и вызвал оператора.

— Сэр?

— Я пытаюсь набрать Бриджлэнд, три четыре четыре шесть пять. — Рэгл не мог точно сказать, та ли это телефонистка. — Можете мне помочь? А то я все время получаю неправильный набор.

— Хорошо, сэр. Секундочку. — Долгая пауза. И потом: — Простите, сэр, какой вы назвали номер?

Рэгл повторил.

— Этот номер отключен, — сказала телефонистка.

— Пожалуйста, наберите мне еще несколько номеров.

— Хорошо, сэр.

Он продиктовал ей несколько номеров со страницы. И все оказались отключены.

Конечно, старый справочник. Естественно. Так и должно быть. Старые номера отключаются. Рэгл поблагодарил телефонистку и повесил трубку.

Таким образом, ничего не удалось ни узнать, ни проверить. Могло быть и такое объяснение: номера относились к нескольким ближайшим городкам. Потом городки слились, и ввели новую систему номеров. Возможно, это произошло совсем недавно, год или два назад.

Рэгл вернулся на кухню, чувствуя себя совершенным дураком.

Журналы начали подсыхать. Он взял один из них и уселся в кресло. Края страниц обрывались, когда он пытался их переворачивать. Журнал был явно предназначен для семейного чтения, первая же статья оказалась о вреде курения и раке легких, затем шел материал о министре Даллесе и Франции. Потом статья о человеке, который поднялся по Амазонке вместе со своими детьми. Были также рассказы, вестерны, детективы и всевозможные приключения. Реклама, комиксы. Рэгл просмотрел комиксы и отложил журнал.

В следующем журнале было гораздо больше

фотографий, и вообще он отдаленно напоминал «Лайф», хотя отпечатан был похуже. Обложка оторвалась, и Рэгл не мог сказать с уверенностью, что это — «Лук» или «Кен».

Первая серия фотографий запечатлела жуткую железнодорожную катастрофу в Пенсильвании.

Следующая серия…

Очаровательная актриса скандинавского типа. Рэгл пододвинул лампу, чтобы лучше видеть страницу.

Лицо девушки обрамляла тяжелая копна волос, дивно расчесанных и довольно длинных. Она удивительно мило улыбалась, Рэгл не мог оторваться от этой наивной и доверчивой улыбки. Таких красивых лиц ему не приходилось видеть; кроме того, у нее была полная, чувственная шея, не такая, как у большинства актрис, а взрослая, зрелая шея и великолепные плечи. Ни малейшего намека на костлявость или дряблость. Смешение рас, решил Рэгл. Германские волосы. Швейцарская или норвежская шея.

Но по-настоящему его заворожила и повергла в состояние изумленного оцепенения фигура девушки. Ну дела, сказал он себе. Как ей удалось? Такая невинная и такая развитая. А девушка, казалось, была просто счастлива демонстрировать

свои прелести. Она слегка наклонилась вперед, при этом грудь ее вываливалась наружу — самая мягкая, самая упругая и самая естественная грудь в мире. И очень теплая.

Имя девушки не сказало ему ничего. Рэгл решил, что лучшей матери для своего ребенка ему не сыскать.

— Вик, — крикнул он, переходя с журналом в гостиную, — взгляни-ка!

— Что там? — поинтересовалась Марго с другого конца комнаты.

— Тебе не понравится, — откликнулся Вик, отодвигая тарелку с пирогом.

— Она наклонилась, — заметил Рэгл.

— Что там, девушка? — спросила Марго. — Дайте взглянуть, не отберу.

Она подошла и встала рядом с Рэглом. Все трое разглядывали фотографию. Цветную, во всю полосу. Конечно, дождь изрядно подпортил страницу, но в том, что женщина уникальна, сомневаться не приходилось.

— У нее такое мягкое лицо, — прошептала Марго. — Такое утонченное и возвышенное.

— И чувственное, — добавил Рэгл.

Под фотографией стояла подпись: «Мэрилин Монро в Англии, во время съемок с сэром Лорен-

сом Оливье».

— Вы что-нибудь о ней слышали? — спросила Марго.

Рэгл покачал головой.

— Наверное, это английская актриса, — предположил Вик.

— Да нет! — отмахнулась Марго. — Здесь же написано: «в Англии во время съемок». И имя скорее американское.

Они перешли к статье.

— О ней пишут как о знаменитости, — сказала Марго. — Толпы людей. Запруженные улицы.

— Это там, — заметил Вик. — В Англии.

— Вот, смотри, пишут о клубах ее поклонников в Америке.

— Откуда это у тебя? — спросил Вик.

— Из развалин. Из тех, которые вы так хотите расчистить.

— Наверное, журнал очень старый, — предположила Марго. — Но Лоренс Оливье еще жив. Я смотрела в прошлом году по телевизору «Ричарда Третьего».

Они переглянулись.

— Может быть, расскажешь теперь о своей галлюцинации? — спросил Вик.

— Что за галлюцинация? — вырвалось у Марго.

Она переводила взгляд с одного на другого. — Так вот о чем вы шептались и не хотели, чтобы я слышала?

После паузы Рэгл произнес:

— Да, дорогая, у меня была галлюцинация. — Он попытался ободряюще улыбнуться, но лицо сестры окаменело. — Только не смотри так, — взмолился Рэгл. — У меня возникла проблема со словами…

Сестра тут же перебила его:

— Трудности с произношением? О господи, то же самое было с президентом Эйзенхауэром после удара.

— Нет, — отмахнулся Рэгл. — Совсем не то.

Вик и Марго ждали, но теперь, когда он захотел все объяснить, это оказалось почти невозможно.

— Я имею в виду, — проговорил он, — что вещи не являются тем, чем кажутся.

— Прямо как у Салливана, — заметила Марго.

— Все, — махнул рукой Рэгл. — Лучше я объяснить не умею.

— Значит, ты не думаешь, что сходишь с ума, — сказал Вик. — Ты же не считаешь, что проблема в тебе. Она снаружи. В самой природе вещей. Как моя история с выключателем на шнуре.

Рэгл долго молчал, наконец кивнул:

— Да, может быть.

По непонятным причинам ему не хотелось увязывать собственные ощущения со случаем Вика. Они отнюдь не казались ему равноценными.

«А может, это просто снобизм с моей стороны?» — подумал он.

Страшным, напряженным голосом Марго произнесла:

— Вам не кажется, что кто-то нас дурачит?

— Не понимаю, — нахмурился Рэгл.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил Вик.

— Не знаю, — пробормотала Марго. — Но в «Дайджесте потребителя» советуют остерегаться мошенничества, ложных объявлений, недовесов и тому подобного. Мне кажется, эта статья о Мэрилин Монро — такая же «липа». Решили из заурядной статистки сделать звезду, якобы все ее знают. Теперь даже тот, кто впервые ее увидит в кино, скажет: как же, знаменитая актриса! А я, кроме пухлого вымени, ничего в ней не нахожу.

Марго замолчала и некоторое время сердито подергивала себя за ухо. Морщины на ее лбу стали глубже.

— Хочешь сказать, что это — фотомонтаж? — рассмеялся Вик.

— Нас опять одурачили, — поддержал его Рэгл.

И тут же где-то глубоко внутри услышал звон колокольчика. — Может быть, я не уеду, — добавил он.

— Ты что, собирался уезжать? — встревожилась Марго. — Никто не считает необходимым посвящать меня в свои дела!.. Так-таки собраться и уехать? Пришли хоть открытку с Аляски.

От горечи в тоне сестры Рэглу стало неловко.

— Не надо, — сказал он. — Прости меня, сестренка. Тем более я остаюсь. Так что не волнуйся.

— Ты решил бросить конкурс?

— Пока не решил, — пробурчал Рэгл.

Вик молчал. Повернувшись к нему, Рэгл спросил:

— Что, по-твоему, нам надо сейчас делать? Как будем разбираться со всем этим?

— Я пас, — бросил Вик. — Это ты умеешь докапываться — папки, цифры, графики… Начни все записывать. Ты же общепризнанный гений отгадок. Найди закономерность.

— Закономерность, — повторил Рэгл. — Да, пожалуй. — Ему как-то не пришло в голову подумать в этой связи о своем таланте. — Пожалуй.

— Сведи все воедино. Собери информацию, четко ее зафиксируй и посмотри, что будет вырисовываться.

— Невозможно, — покачал головой Рэгл. — У меня нет точки отсчета.

— Начни с несоответствий. Этот журнал со всемирно известной кинозвездой, о которой мы и слыхом не слыхивали. Несоответствие чистой воды. Надо его весь просеять, строчку за строчкой. Посмотрим, сколько еще вылезет противоречий с тем, что мы знаем.

— И телефонный справочник! — добавил Рэгл. — Желтые страницы, деловой раздел. И может быть, развалины… может, там есть что-нибудь еще.

Точка отсчета. Развалины.

Глава 5

Билл Блэк припарковал свой «Форд» на привычном месте у здания ОМХ — отдела муниципального хозяйства. Оттуда он вразвалку прошел по дорожке к парадному входу и дальше, мимо секретаря в приемной — в свой кабинет. Первым делом открыл окно, потом снял шарф, пальто и повесил в шкаф. Холодный утренний воздух хлынул в комнату. Билл глубоко вздохнул, несколько раз потянулся, после чего сел во вращающееся кресло и повернул его к столу.

На столе ждали две записки. В первой оказалась какая-то чушь: советы домашней хозяйке, как жарить цыплят в арахисовом масле. Он кинул рецепт в мусорную корзину, развернул вторую записку и прочел:

«Объект пытался позвонить из дома в Бриджлэнд, Шерман, Девоншир, Уолнат и Кентфилд».

Не может быть, подумал Блэк. Он сунул бумажку в карман, вылез из-за стола и надел пальто. Потом закрыл окно, выбрался из кабинета, прошагал по коридору мимо секретаря, вышел на дорожку и дальше, через стоянку направился к своей машине. Спустя мгновение Билл был

уже на главной улице и ехал по направлению к центру.

Что ж, не бывает, видно, чтобы все шло как по маслу, думал он, ведя машину по утреннему городу. Интересно, что все это значит?

Незнакомец с улицы заглянул в дом и попросил разрешения позвонить? Вот, значит, как? Самому не смешно?

Сдаюсь, наконец сказал себе Билл. Это один из тех чертовых случаев, которые не поддаются анализу. И ничего не попишешь, надо просто подождать и спокойно разобраться. Кто звонил, почему и как.

Ну и каша.

Он припарковался через дорогу от редакции «Газетт», вышел из машины, опустил десять центов в счетчик и вошел в здание «Газетт» с черного хода.

— Мистер Ловери на месте? — спросил он девушку за конторкой.

— Думаю, что его нет, сэр. Если хотите, можете подождать, я попрошу, чтобы его нашли.

— Спасибо. Скажите, что здесь Билл Блэк.

Девушка набрала несколько номеров.

— Мне очень жаль, мистер Блэк, но мистер Ловери еще не вернулся. Будете ждать?

— Буду, — мрачно бросил Билл. Он сел в кресло, закурил, потом сцепил руки.

Спустя пятнадцать минут в холле раздались голоса, распахнулась дверь, и на пороге появилась высокая фигура Стюарта Ловери в мешковатом твидовом костюме.

— А, мистер Блэк, рад вас видеть!

— Угадайте, что я нашел в кабинете.

Билл Блэк протянул бумажку. Ловери внимательно ее прочел.

— Вот это да! Я удивлен, — проговорил он наконец.

— Непредвиденный случай, — сказал Блэк. — Один шанс из миллиона. Скажем, кто-нибудь взял и выписал себе телефоны хороших ресторанов, сунул листок в шляпу, потом сел в один из грузовиков доставки, и при разгрузке листок из шляпы выпал. — Идея увлекла его. — Например, при разгрузке капусты. А Вик Нильсон заносил кочан в хранилище, увидел листок и решил, что он может пригодиться. Список хороших ресторанов. Принес его домой и прилепил над телефоном.

Ловери неуверенно улыбнулся.

— Интересно, догадался кто-нибудь записать номера, по которым он звонил? — спросил Билл Блэк.

— Сдается мне, кому-то из нас придется идти в дом, — задумчиво промолвил Ловери. — Я до конца недели вообще-то не планировал. А ты можешь пойти сегодня.

— Допускаешь, что нас кто-то предал?

— Очень может быть. — Ловери кивнул.

— Вот и я так думаю.

— Давай прикинем, что тут можно сделать.

— Я зайду к ним сегодня, — сказал Блэк. — После обеда. Что-нибудь покажу Рэглу и Вику. И попутно попробую разведать… — Билл Блэк собрался уходить, затем передумал: — Как он справился с вечерним заданием?

— Вроде нормально.

— Рэгл снова не в себе. Все признаки. У заднего крыльца целый мешок пустых пивных банок. Как он может поглощать столько пива и еще работать? Три года я за ним наблюдаю и в толк не возьму.

— В этом-то и весь секрет, — невозмутимо произнес Ловери. — Дело вообще не в Рэгле, а в пиве.

Кивнув на прощание, Блэк вышел из помещения «Газетт».

Одна мысль не давала ему покоя. Все можно уладить. Внести соответствующие поправки.

Все… кроме одного. Если Рэгл придет в норму.

Вечером после работы Блэк выехал из муниципалитета и остановился возле аптеки. Он выбрался из машины и зашел внутрь. Внимание привлекли стоящие пучком шариковые ручки. Выдернув несколько штук, он направился к выходу.

— Эй, мистер! — окликнул его продавец.

— Простите, — сказал Блэк, — просто забыл.

Это было правдой, ибо на мгновение у него вылетело из головы, что надо еще совершить кое-какие формальности. Он вытащил из кошелька деньги, получил сдачу и поспешил к машине.

Билл решил прийти к Нильсонам с этими ручками, якобы в муниципалитет по почте прислали бесплатные образцы, но служащим не разрешили ими пользоваться.

Может, вам, ребята, пригодятся эти ручки? Вик? Рэгл?

Билл несколько раз проиграл сценку сам с собой.

Лучший метод — всегда самый простой.

Остановившись у дома, он взбежал по ступенькам и распахнул дверь. Джуни, забравшись с ногами на кушетку, пришивала пуговицу к блузке. При его появлении она замерла и испуганно

подняла глаза. По полному вины и лести взгляду Билл догадался, что она опять гуляла с Рэглом. При этом они держались за руки и обменивались вздохами.

— Привет.

— Привет, — откликнулась Джуни. — Как на работе?

— Все то же самое.

— Угадай, что сегодня случилось?

— А что сегодня случилось?

— Я пошла в прачечную за твоими вещами, — заторопилась Джуни, — и столкнулась с Бернис Уилкс. Ну, заговорили о школе — мы с ней учились в Кортесе, — а потом она подвезла меня на своей машине, мы перекусили и сходили в кино. Я только что вернулась. Так что на обед у нас два куска замороженного пирога.

Она испытующе на него посмотрела.

— Обожаю мясной пирог, — сказал Билл.

Джуни поднялась с дивана. В длинной юбке с оборками, сандалиях, в блузке с низким вырезом и с огромными, как медали, пуговицами она выглядела очаровательно. Волосы были искусно уложены и собраны на затылке в классический узел.

— Ты просто прелесть, — прощебетала она. — А

я думала, ты придешь в ярость и расшумишься.

— Как Рэгл?

— Я не видела Рэгла сегодня.

— Ладно. — Билл согласно кивнул. — А как он выглядел, когда ты видела его в последний раз?

— Надо вспомнить, когда я видела его в последний раз.

— Ты видела его вчера, — напомнил Билл.

— Нет. — Джуни моргнула.

— Так ты мне сказала вчера вечером.

— Да? — пролепетала она. — Разве?

Эти моменты доставали его больше всего. Бог с ними, пусть они с Рэглом творят что угодно, но зачем потом придумывать нелепые истории, которые противоречат одна другой и все еще больше запутывают? А самое главное, ему действительно надо знать о состоянии Рэгла.

Идиотизм совместного проживания с женщиной, выбранной за приветливый нрав…

Джуни могла совершить глупейший промах, а могла поступить правильно. Если же ее спрашивали о происшедшем, тут же срабатывала внутренняя установка на ложь во спасение, и все безнадежно стопорилось. Нужна была женщина, способная творить непристойности, а потом их спокойно обсуждать. Однако уже ничего не

изменить.

— Расскажи мне о старине Рэгле Гамме, — попросил Билл Блэк.

— Я знаю, что ты меня подозреваешь, но это лишь отражение твоей собственной извращенной психики. У невротиков так все время.

— Ты просто расскажи мне, пожалуйста, — едва сдерживаясь, произнес Билл, — как Рэгл чувствовал себя эти дни. Меня не волнует, чем вы с ним занимались.

Это подействовало.

— Так вот слушай! — Безумный голос Джуни разносился по всему дому. — Чего ты от меня добиваешься? Хочешь, чтобы я призналась, что у нас с Рэглом что-то было? Я, кстати, целый день сидела и думала — знаешь о чем?

— Не знаю.

— О том, что я, наверное, оставлю тебя, Билл. Мы с Рэглом куда-нибудь уедем.

— Вдвоем? Или возьмете Зеленого человечка?

— Намекаешь на его способ зарабатывать деньги? Хочешь сказать, он не обеспечит нас двоих?

— Ну тебя к черту, — махнул рукой Билл Блэк и пошел в соседнюю комнату.

Джуни преградила ему дорогу:

— Ты презираешь меня за то, что я не такая

образованная!

По лицу ее текли слезы, оно распухло и покраснело. Теперь Джуни не выглядела привлекательной.

Прежде чем Билл успел ответить, звякнул колокольчик на входной двери.

— Дверь, — сказал Блэк.

Джуни уставилась на него, потом повернулась и вышла из комнаты. Он слышал, как она открыла, слышал ее возбужденный, срывающийся голос, отвечающий другой женщине.

Любопытство заставило его выглянуть в прихожую.

На пороге стояла крупная, робкая на вид дама средних лет В руках она держала кожаную папку, на рукаве была повязка.

Гостья монотонно бормотала, одновременно копаясь в бумагах.

— Гражданская оборона, — пояснила Джуни.

Видя, что она слишком расстроена, чтобы вести разговор, Билл подошел к двери и занял ее место.

— В чем дело?

Женщина еще больше оробела, прокашлялась и ответила тихим голосом:

— Простите, что беспокою вас во время обеда,

но я ваша соседка, живу рядом на этой улице. По поручению комитета обхожу все дома. Гражданской обороне очень нужны добровольцы в дневное время. Может быть, кто-нибудь из вас сможет помочь нам подежурить часок-другой в течение этой недели…

— Не думаю, — перебил ее Блэк. — Моя жена не работает, но у нее много других обязанностей.

— Понятно, — кивнула женщина. Она записала что-то в своем блокнотике, потом застенчиво улыбнулась. Судя по всему, ей отказали впервые. — В любом случае благодарю вас. — Она неуверенно замешкалась в дверях, не зная, как уйти. — Меня зовут миссис Кейтелбайн. Кей Кейтелбайн. Мой дом на углу. Двухэтажный старый дом.

— Хорошо, — сказал Билл, слегка прикрывая дверь.

Вернулась Джуни, прижимая к лицу носовой платок.

— Может быть, — голос ее все еще дрожал, — вам помогут в соседнем доме. Там живет мистер Гамм, он часто свободен. Рэгл Гамм.

— Спасибо, миссис… — Женщина благодарно закивала.

— Блэк, — подсказал Билл. — Всего доброго.

Он закрыл дверь и включил свет на крыльце.

— Вот так целый день, — всхлипнула Джуни. — Коммивояжеры, торговцы щетками и прочей дребеденью... — Она сумрачно посмотрела на мужа и сложила платок по-новому.

— Я вовсе не хотел ссориться, — примирительным тоном произнес Билл.

Толку от нее не добиться. Вот они, интриги, неизбежно порождаемые домашним затворничеством. Домохозяйки в этом смысле еще хуже политиков.

— Пойду посмотрю пирог, — сказала Джуни, направляясь на кухню.

Засунув руки в карманы, Билл побрел следом, все еще намереваясь извлечь из жены какую-нибудь информацию.

Кей Кейтелбайн прошла с тротуара на дорожку, ведущую к соседнему дому.

Дверь ей открыл высокий, полный, добродушный человек в белой рубашке и темных неглаженых брюках.

— Простите, вы — мистер Гамм?

— Нет, я Виктор Нильсон. Но Рэгл дома. Заходите. — Он придержал дверь, и женщина вошла. — Присядьте, — сказал Вик. — Я его сейчас позову.

— Большое спасибо, мистер Нильсон.

Посетительница расположилась на стуле у двери, держа на коленях папку с брошюрами. В доме было тепло и уютно. Пахло обедом. Не очень удачное время для посещений, подумала она. Самое обеденное время.

Со своего места миссис Кейтелбайн видела столовую: есть еще не садились. Приятная женщина с каштановыми волосами расставляла тарелки. Она внимательно посмотрела на гостью, и миссис Кейтелбайн кивнула в ответ.

И тогда в холл вышел Рэгл Гамм.

Благотворительность, определил он с первого взгляда.

— Да? — сказал Рэгл, внутренне цепенея.

Невзрачная испуганная женщина поднялась со стула.

— Мистер Рэгл Гамм, — начала она, — простите, что беспокою вас, но я здесь по поручению комитета гражданской обороны.

— Понятно. — Рэгл кивнул.

Потом она объяснила, что живет по этой же улице, ближе к центру. Слушая, он не переставал удивляться, почему она выбрала его, а не Вика. Может, из-за известности. Он привык к бесчисленным предложениям по почте пожертвовать

свои выигрыши делу, которое его переживет.

— Да, в течение дня я дома, — признался Рэгл, когда посетительница замолчала. — Но я работаю. У меня есть занятие.

— Речь идет о часе или двух в неделю, — настаивала миссис Кейтелбайн.

Вроде бы немного.

— А что нужно делать? — спросил Рэгл. — Машины у меня нет, если вас интересуют водители.

Как-то раз к нему приходили из Красного Креста, искали добровольцев-водителей.

— Нет-нет, мистер Гамм, — засуетилась миссис Кейтелбайн, — у нас устные беседы на тему бедствий.

Вот это попали в точку.

— Здорово придумано! — воскликнул Рэгл.

— Простите?

— Занятия по бедствиям. Звучит хорошо. Какие-нибудь особые бедствия?

— Гражданская оборона имеет дело с бедствиями в результате наводнений или ураганов. Конечно, всех волнуют водородные бомбы, особенно сейчас, когда Советский Союз создал новое оружие. Мы хотим обучать жителей, как надо действовать в критический момент. Оказание первой помощи, эвакуация, умение отличать

зараженную пищу от незараженной. Вот, например, мистер Гамм, мы советуем каждой семье иметь в доме семидневный запас еды и питьевой воды.

Все еще сомневаясь, Рэгл сказал:

— Хорошо, миссис, оставьте мне свой телефон, я подумаю.

Миссис Кейтелбайн прямо на рекламном листке написала карандашом свое имя, адрес и телефон.

— Вас порекомендовала ваша соседка, миссис Блэк, — сообщила она.

— Вот как! — воскликнул Рэгл. До него тут же дошло, что Джуни придумала новый способ встречаться. — Значит, живущие поблизости тоже будут посещать эти занятия? Пожалуй, я согласен.

— Чудесно! — обрадовалась миссис Кейтелбайн. — Будем надеяться, что люди придут.

— Запишите меня, — попросил Рэгл. — Уверен, что час или два я всегда найду.

Миссис Кейтелбайн удалилась, рассыпаясь в благодарностях.

Дверь за ней закрылась.

Джуни-то — молодец, сказал он про себя. А сейчас — обед.

— Хочешь сказать, что ты записался? — спросила Марго, когда все сели за стол.

— Почему бы и нет? — ответил Рэгл. — Это разумно и патриотично.

— Но ты же по горло загружен своим конкурсом.

— Два часа в неделю ничего не решают, — возразил он.

— Теперь я буду чувствовать себя виноватой, — вздохнула Марго. — Мне целыми днями нечего делать, а ты работаешь. Может, я запишусь вместо тебя?

— Нет, — вздрогнул Рэгл. Вот уж что будет некстати. — Тебя они не приглашают. Пойду я.

— Как-то несправедливо получается, — заметил Вик. — Что, женщины не могут проявить свой патриотизм?

— Я тоже патриот! — вмешался Сэмми. — У нас на заднем дворе самый крупный ядерный полигон США, отрабатывается вариант удара по Москве. — Он изобразил атомный взрыв.

— Как твой детекторный приемник? — поинтересовался Рэгл.

— Классно, я его закончил.

— Поймал что-нибудь?

— Пока ничего, — ответил Сэмми. — Но вот-вот

поймаю.

— Расскажешь потом нам, — предложил Вик.

— Надо только самую малость допаять, — сказал Сэмми.

Когда Марго убрала тарелки и подала десерт, Вик спросил:

— Тебе что-нибудь удалось, Рэгл?

— Остановился на шести, — ответил тот. — Как обычно.

— Я о другом.

Фактически Рэгл ничего и не делал. Работа над заданием заняла все время.

— Начал выписывать из журналов отдельные факты, — сказал он. — По разделам. Хотя, по-моему, это мало что дает.

Он выбрал двенадцать разделов: политика, экономика, кино, искусство, преступления, мода, наука и т. д.

— Я просмотрел раздел автомобильных компаний и названия фирм, — добавил Рэгл. — «Шевроле», «Плимут», «Де Сото». Все на месте, кроме одной.

— Какой же? — поднял брови Вик.

— «Такер».

— Странно.

— Может быть, представитель фирмы работает

под своим личным именем, — предположил Рэгл. — Что-то вроде «Норман Г. Селкирк, представитель фирмы „Такер“». Как бы то ни было, вот тебе информация к размышлению.

— Почему Селкирк? — спросила Марго.

— Да просто так. Первое попавшееся имя.

— Просто так ничего не бывает, — возразила она. — Фрейд доказал, что всему есть психологическое объяснение. Подумай об этом имени. Что тебе напоминает слово «Селкирк»?

Рэгл задумался.

— Возможно, я натолкнулся на него, когда листал телефонный справочник. — Проклятые ассоциации, подумал он. Словно в этих ключах к заданиям. Как бы человек ни старался, контролировать ассоциации невозможно. Они все равно нами управляют. — Понял! — воскликнул он вдруг. — Так звали героя книги «Робинзон Крузо», вернее его прототипа. Александр Селкирк.

— Не знал, что эта история основана на реальном событии.

— Именно так, — подтвердил Рэгл. — Один моряк пережил кораблекрушение на необитаемом острове.

— Интересно, почему ты его вспомнил, — сказала Марго. — Человек провел несколько лет на

острове, создал вокруг себя свой собственный мир. Все необходимое, одежду…

— Потому что, — прервал ее Рэгл, — я сам два года провел на таком острове во время Второй мировой войны.

— У тебя уже есть какая-нибудь теория? — спросил Вик.

— Насчет того, что все не так? — Рэгл незаметно кивнул в сторону Сэмми.

— Все нормально. — Вик махнул рукой. — Он в курсе всех дел. Скажи-ка нам, что не так, Сэмми!

— Они пытаются нас одурачить, — ответил мальчик.

— Это он от меня услышал, — пояснила Марго.

— Кто пытается? — спросил Вик.

— Ну… враги, — ответил Сэмми, подумав.

— Какие враги? — спросил Рэгл.

Сэмми снова задумался и сказал:

— Те, которые нас окружают со всех сторон. Я не знаю, как их назвать. Но они везде. Может быть, это красные.

— А как у них это выходит? — спросил Рэгл.

Доверительно к нему наклонившись, Сэмми прошептал:

— У них одурачивающие пушки. Бьют прямой наводкой.

Все засмеялись. Сэмми покраснел и принялся смущенно ковырять пустое блюдце.

— Атомные пушки? — переспросил Вик.

— Я уже не помню, атомные или нет, — пробормотал мальчик.

— Мы здорово от него отстали, — заметил Рэгл.

После обеда Сэмми ушел в свою комнату. Марго принялась за посуду на кухне, а мужчины прошли в гостиную. И почти сразу раздался звонок в дверь.

— Наверное, вернулась твоя приятельница, миссис Кейтелбайн, — бросил Вик, направляясь к двери.

На пороге стоял Билл Блэк.

— Привет, — сказал он, входя. — У меня для вас что-то есть, ребята. — Он кинул Рэглу сверток, и тот поймал его. Шариковые ручки, и, судя по виду, неплохие. — Пара штук там для тебя, — обратился Блэк к Вику. — Прислала одна фирма с севера, но мы их взять не можем. Представителям городских властей запрещено принимать подарки. Любой подарок надо в тот же день съесть, выпить или выкурить, а хранить нельзя.

— Их вполне можно отдавать нам, — предложил Вик, разглядывая ручки. — Что ж, спасибо, Билл. Они хорошо мне послужат в магазине.

«Интересно, — подумал Рэгл, — не рассказать ли обо всем Блэку?»

Он перехватил взгляд Вика. Ему показалось, что тот одобрительно кивнул, и Рэгл спросил:

— У тебя есть свободная минута?

— Думаю, да, — удивленно ответил Блэк.

— Мы хотим тебе кое-что показать.

Вик уже собрался идти за журналами, когда Рэгл неожиданно сказал:

— Подожди. — Повернувшись к Биллу, он спросил: — Ты что-нибудь слышал о Мэрилин Монро?

Лицо Блэка как-то странно напряглось.

— А что?

— Так слышал или нет?

— Конечно слышал.

— Да он хитрит! — воскликнул Вик. — Думает, что это розыгрыш, и боится клюнуть.

— Скажи честно, — попросил Рэгл. — Это не розыгрыш.

— Ну конечно, я о ней слышал, — сказал Блэк.

— Кто это?

— Она… — Блэк посмотрел, слышат ли его Сэмми и Марго из соседней комнаты. — Это секс-бомба. Актриса из Голливуда.

«Будь я проклят!» — подумал Рэгл.

— Подождите. — Вик вышел и вернулся с иллюстрированным журналом. Держа его так, чтобы Блэк ничего не видел, он спросил: — Какая ее картина считается самой лучшей?

— Ну, это дело вкуса. — Блэк пожал плечами.

— Тогда назови любую.

— «Укрощение строптивой».

Рэгл и Вик вдвоем просмотрели всю статью, но шекспировская пьеса не упоминалась ни разу.

— Назови еще одну. Такой здесь нет.

— Зачем все это? — Блэк раздраженно взмахнул рукой. — Я редко хожу в кино.

— Судя по тому, что здесь пишут, — продолжил Рэгл, — она вышла замуж за видного драматурга. Как его зовут?

— Артур Миллер, — не задумываясь, ответил Блэк.

Ну вот, подумал Рэгл. Теперь будем выяснять.

— Почему же тогда мы ее не знаем? — спросил он Блэка.

— Только не вините в этом меня, — презрительно фыркнул Блэк.

— А давно она знаменита?

— Нет, не очень. Помните Джейн Рассел? В «Изгнаннике»?

— Нет, — сказал Вик. Рэгл тоже покачал го-

ловой.

— Как бы то ни было, — Блэк был явно смущен, хотя изо всех сил старался этого не показать, — из нее сделали звезду в течение суток.

Он замолчал и подошел ближе к журналу:

— Что это? Можно посмотреть?

— Валяй, — разрешил Рэгл.

Полистав журнал, Билл Блэк пожал плечами:

— Да ему несколько лет! Думаю, эта актриса уже исчезла из виду. Но когда я ухаживал за Джуни, еще до свадьбы, мы частенько заглядывали в кинотеатры, и я помню именно этот фильм, «Джентльмены предпочитают блондинок». Здесь про него пишут.

Вик крикнул в сторону кухни:

— Слышишь, Марго, дорогая, Билл Блэк ее знает!

Марго вошла в комнату, продолжая протирать тарелку с голубым китайским рисунком.

— Да? Ну, это все проясняет.

— Что проясняет? — спросил Блэк.

— Мы предполагаем, что над нами экспериментируют, — сказала Марго.

— Кто?

— Нам троим кажется, что происходит нечто странное.

— Где происходит? — переспросил Блэк. — Не пойму, о чем идет речь.

Никто ему не ответил.

— Что вы еще мне покажете? — поинтересовался он.

— Ничего, — ответил Рэгл.

— Они нашли телефонную книгу, — пояснила Марго. — Вместе с журналами. Часть телефонной книги.

— Где вы все это берете?

— А тебе, черт побери, какое дело? — не выдержал Рэгл.

— Мне до этого дела нет, — ответил Блэк. — Только я вижу, что вы тут совсем рехнулись. — Он раздражался все больше. — Дайте-ка взглянуть на эту книгу.

Вик взял справочник и протянул Блэку. Тот сел в кресло и принялся листать его с хмурым выражением лица.

— Ну и что? Справочник откуда-то с севера штата. Этими номерами уже не пользуются.

Билл захлопнул книгу и швырнул на стол.

— Вы меня удивляете, все трое. Особенно ты, Марго. — Он протянул руку, взял справочник и пошел к двери. — Через день-другой я вам его верну. Хочу полистать. Может, удастся найти

кое-кого из Джуниных одноклассников в Кортесе. Она многих не может разыскать. В основном девчонок. Наверное, все повыходили замуж.

Было слышно, как за ним захлопнулась входная дверь.

— Он очень расстроился, — сказала Марго после паузы.

— Даже не знаю, что и подумать. — Вик пожал плечами.

Рэгл хотел было пойти за Биллом и вернуть книгу, но понял, что это сейчас совершенно бесполезно.

Взлетев на крыльцо, Билл, как сумасшедший, рванул дверь и промчался мимо жены к телефону.

— Что случилось? — вскинулась Джуни. — Ты что, подрался с ними? С Рэглом? Я хочу знать, что он сказал. Если он сказал, что между нами что-то было, он лжец.

— Перестань, — взмолился Билл. — Пожалуйста, Джуни. Ради бога. Это по работе.

Он долго смотрел на нее, пока она не повернулась и не ушла.

— Алло? — прозвучал в трубке голос Ловери.

Билл присел на корточки и прижал трубку ко рту, чтобы Джуни не слышала.

— Я был у них. Им попалась телефонная книга, действующая. Сейчас она у меня. Сам не знаю, как мне удалось ее выцарапать.

— Ты выяснил, откуда она у них?

— Нет, — признался Блэк. — Честно говоря, просто растерялся. Слушай, мне правда стало не по себе, когда я зашел, а они говорят: «Блэк, ты знаешь такую актрису — Мэрилин Монро?» А потом выволокли пару покоробленных журналов и чуть не швырнули мне в лицо. Я пережил несколько отвратительнейших минут.

Билл до сих пор дрожал, пот выступил у него на лбу и на висках. Удерживая трубку плечом, он изловчился и вытащил из кармана сигарету с зажигалкой. Зажигалка выскользнула и укатилась. Билл обреченно проследил за ней взглядом.

— Понятно, — сказал Ловери. — У них же нет Мэрилин Монро… Это портит всю игру.

— Еще как. — Блэк поморщился.

— Ты говоришь, журналы и телефонная книга были покороблены?

— Да. Очень сильно.

— Значит, они нашли их в гараже или на улице. А может, в развалинах разбомбленных военных складов. Мусор, кстати, все еще там. Вы его так и не убрали.

— А при чем здесь мы? — завелся Блэк. — В конце концов, это собственность округа, пусть они и убирают! К тому же там ничего нет. Одни бетонные блоки и система отвода радиоактивных отходов.

— Возьмите в муниципалитете грузовик, несколько человек и зацементируйте чертовы развалины. Поставьте забор.

— Мы пытались получить разрешение из округа, — выпалил Блэк. — В любом случае, я не думаю, чтобы они нашли все это там. А если и так — я говорю «если»! — то лишь потому, что кто-то унавозил почву.

— Лучше сказать — обогатил.

— Да, парочкой самородков.

— Может быть.

— А значит, когда мы зацементируем развалины, те, кто это сделал, переберутся поближе к дому. С чего бы вообще Вик или Марго туда полезли? Пройти полмили через весь город… — И тут он вспомнил про петицию Марго. Кажется, все становится на свои места. — Впрочем, ты, возможно, прав, — сказал он.

А может, подумал Блэк, это Сэмми понатаскал? Неважно. Главное — книга здесь.

— Ты не думаешь, что они что-нибудь про-

нюхали, пока телефонный справочник был у них? — спросил Ловери. — Кроме номеров, по которым пытались позвонить?

Блэк понял, что имелось в виду.

— Люди никогда не ищут в справочниках свой номер, — ответил он. — Это просто не приходит в голову.

— Книга у тебя?

— Да.

— Прочти, что он мог найти.

Придерживая телефон, Билл Блэк принялся листать покоробленные, грязные страницы, пока не дошел до «Р».

Рэгл Гамм, глава корпорации.
Двадцать пятое отделение: Кентвуд, 6-0457
с пяти вечера до восьми утра: Уолнат, 4-3965
Морской отдел: Рузвельт, 2-1181
Первая площадка: Бриджфилд, 8-4290
Вторая площадка: Бриджфилд, 8-4291
Третья площадка: Бриджфилд, 8-4292
Канцелярия: Уолнат, 4-3882
В экстренных случаях: Шерман, 1-9000

— Интересно, что бы он сделал, если бы открыл

эту страницу? — вслух подумал Блэк.

— Одному богу известно. Скорее всего, впал бы в кому. — Блэк попытался вообразить разговор Рэгла Гамма с любым из абонентов двадцать пятого отделения корпорации Рэгла Гамма.

Жуткий получился бы разговорчик. Такой, что и представить себе невозможно.

Глава 6

На следующий день, придя из школы, Сэмми Нильсон отнес в сарай свой барахлящий детекторный приемник. Дверь украшала дощечка из отцовского магазина:

ФАШИСТАМ,
НАЦИСТАМ,
КОММУНИСТАМ, ФАЛАНГИСТАМ,
ПЕРОНИСТАМ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ
ГЛИНКИ И БАХА ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

И отец, и дядя посчитали, что это — лучшая вывеска, и он прикрепил ее над входом. Мальчик отпер дверь и втащил в сарай приемник. Потом запер дверь на засов и зажег керосиновую лампу. Вынул заглушки из смотровых щелей и некоторое время наблюдал, не следят ли за ним враги.

Никого не было видно. Только пустой двор. Белье на веревке. Серый дым из ящика для сжигания мусора.

Мальчик сел за стол, надел наушники и начал двигать контактную пружину по кристаллу. Затрещали разряды. Передвигал ее, пока не услы-

шал (или ему показалось, что услышал) слабые, тонкие голоса. Тогда он остановил пружину и начал медленно менять частоту колебательного контура, перемещая контакт по настроечной катушке. Один голос вырвался из треска, мужской и едва слышный — слов не разобрать.

Наверное, не хватает антенны, подумал Сэмми. Нужно больше проволоки.

Выйдя из сарая и заперев за собой дверь, он принялся бродить по двору. Заглянул в гараж: там у дальней стенки отец оборудовал небольшую мастерскую. Сэмми тщательно обследовал полку и нашел большой круг неизолированной стальной проволоки. Она бы сгодилась для крепления картины к стене или для развешивания белья. Мальчик решил, что возражать никто не будет.

Он оттащил проволоку к сараю, взобрался на крышу и прикрепил ее к антенне своего приемника. Получилась одна огромная — во весь двор — антенна.

Наверное, будет лучше, если ее поднять повыше, решил Сэмми. Во дворе валялся длинный шест, к нему мальчик и прикрепил другой конец проволоки, после чего затащил шест на крышу. Тут оказалось, что проволока провисает и ее надо натягивать.

Тогда он вернулся в дом и поднялся на второй этаж, откуда был выход на крышу.

Снизу донесся голос матери:

— Сэмми, уж не собираешься ли ты вылезти на крышу?

— Нет! — крикнул Сэмми. Уже вылез, добавил он про себя, производя между тем сложные вычисления. Если лечь на живот и подползти к самому краю, то можно дотянуться до торчащего с крыши сарая конца шеста. Только к чему потом привязать проволоку? Разве что к телевизионной антенне…

Сказано — сделано. Сэмми удовлетворенно вздохнул и побежал вниз, в сарай. Усевшись за столом перед приемником, он взялся за контакт.

На этот раз мужской голос в наушниках звучал отчетливо. То и дело его заглушали другие — целое море голосов. Сэмми настраивал приемник, дрожа от возбуждения. Наконец остановился на самом громком голосе.

— …они длинные и похожи на хлебные батончики. Кусая, вы рискуете сломать себе зубы. Не знаю, для чего их делают. Скорее всего — для свадеб, где всегда много незнакомых людей, а закуски, как правило, не хватает.

Человек говорил неторопливо, делая большие

паузы между словами.

— …и так везде. Даже в шоколадных. Есть такой сорт, белый, с орехами. Мне они напоминают выбеленные черепа в пустыне, черепа гремучих змей, североамериканских зайцев. Как вам такое понравится? Сломать зубы о череп гремучей змеи… — Человек захохотал так же размеренно и неторопливо, как и говорил: — Ха-ха-ха! Ну что, Леон, пожалуй, все. Да, чуть не забыл. Ты помнишь, твой брат Джим утверждал, что в жару муравьи ползают быстрее? Так вот, я проверял и не могу с ним согласиться. Спроси его, уверен ли он сам в том, что говорит. Потому что после нашего последнего разговора я не поленился и несколько часов наблюдал за муравьями — в самое пекло они ползали ничуть не быстрее обычного.

— Что-то непонятное, — пробурчал Сэмми.

Он настроился на другой голос. Этот человек говорил очень быстро:

— Си Кью, вызываю Си Кью, Дабл-ю три тысячи восемьсот сорок вызывает Си Кью, Дабл-ю три тысячи восемьсот сорок вызывает Си Кью, вызывает Си Кью, слышите меня? Дабл-ю три тысячи восемьсот сорок вызывает Си Кью, Дабл-ю три тысячи восемьсот сорок вызывает Си Кью, ответьте

Дабл-ю три тысячи восемьсот сороковому…

И так без конца. Сэмми продолжил поиск. Следующий голос звучал так протяжно, что он сразу же пошел дальше.

— Нет… нет… еще… что? Нет… я так не считаю…

Отмороженный какой-то, разочарованно подумал Сэмми.

Но приемник работал!

Значит, надо искать еще.

Несколько раз Сэмми вздрагивал от резкого свиста и шипения. Потом пошли отчаянные точки-тире. Он знал, что это азбука Морзе. Может быть, с тонущего корабля в Атлантике… экипаж пытается пробиться на шлюпках сквозь горящую на воде нефть.

Одна из частот оказалась интереснее:

— …ровно в три тридцать шесть. Я проведу. — Долгая пауза. — Да, проведу с этого конца. А вы держите курс. — Молчание. — Держите курс. — Молчание. — Хорошо, ждите. Что? — Очень долгое молчание. — Не больше чем два и восемь. Вы поняли? Северо-восток. Хорошо. Правильно.

Сэмми посмотрел на свои часы с Микки-Маусом. Было как раз три часа тридцать шесть минут.

И тут в небе над сараем раздался оглушительный гул, от которого мальчик вздрогнул. А в наушниках зазвучал голос:

— Вы приняли? Да, я вижу, он меняет направление. Хорошо, на сегодня все. Да. Хорошо. Конец связи.

Все затихло.

— Ну дела! — выдохнул Сэмми. — Интересно, что скажут папа и дядя Рэгл, когда услышат такое?

Сбросив наушники, он выскочил из сарая и побежал к дому.

— Мам! Где дядя Рэгл? Работает в гостиной?

Марго возилась на кухне с посудой.

— Пошел отправлять ответ, — сказала она. — Сегодня он рано закончил.

— Ну надо же! — в отчаянии воскликнул Сэмми.

— А что случилось? — поинтересовалась мать.

— Я поймал по детекторному приемнику космический корабль или что-то такое. Хотел, чтобы он послушал. — Сэмми затоптался кругами, не зная, чем заняться.

— Хочешь, я послушаю? — спросила мать.

— Давай, — неуверенно сказал мальчик и пошел в сарай.

Марго последовала за ним.

— Только совсем недолго, — предупредила она. — До обеда у меня еще масса дел.

В четыре часа Рэгл отправил с почты конверт с ответами.

«На два часа раньше срока, — подумал он. — Могу, значит, если захочу».

Домой он поехал на такси, однако вышел на углу возле старого серого двухэтажного дома с покосившимся крыльцом. Здесь их Марго не застукает. Дальше соседнего двора она не ходит.

Поднявшись на крыльцо, Рэгл позвонил в один из трех медных звонков. За кружевными шторами в конце длинного высокого коридора раздался мелодичный звон.

Мелькнул силуэт. Дверь открылась.

— А, это вы, мистер Гамм! — воскликнула миссис Кейтелбайн. — Я вам забыла сказать, когда начинаются занятия.

— Ничего страшного, — улыбнулся Рэгл. — Я проходил мимо и решил подняться и спросить.

— Занятия у нас два раза в неделю. Во вторник в два, в четверг в три. Легко запомнить.

Рэгл осторожно поинтересовался:

— Как прошла запись? Вы довольны?

— Не скажу, чтобы был оглушительный

успех, — улыбнулась миссис Кейтелбайн. Сегодня она не выглядела такой усталой. На ней был серо-голубой халат и домашние тапочки. Исчезла болезненность, она уже не походила на старую деву, обожающую своего кастрированного кота и поглощающую детективы. Скорее уж на активную прихожанку, из тех, что проводят благотворительные распродажи. Размер дома, количество звонков и почтовых ящиков указывали на то, что немалую часть своих доходов миссис Кейтелбайн получает от домовладения. Дом, очевидно, был разделен на отдельные квартиры.

— Вы не могли бы, — спросил Рэгл, — припомнить кого-нибудь из записавшихся? Я буду чувствовать себя увереннее, если в группе окажутся знакомые люди.

— Мне надо посмотреть списки. Может быть, зайдете?

— Конечно.

Миссис Кейтелбайн пошла по коридору и скрылась в одной из дверей в самом конце. Подождав немного, Рэгл пошел следом.

Размер комнаты поразил его. Она больше походила на огромную, продуваемую всеми сквозняками аудиторию. Камин был переделан в газовый обогреватель. В дальнем углу комнаты

напротив высокого окна и непонятного назначения желтой двери располагались несколько стульев. Миссис Кейтелбайн стояла у полки с огромной книгой, какими обычно пользуются бухгалтеры.

— Не могу найти. — Она обезоруживающе улыбнулась и захлопнула свой гроссбух. — Список у меня есть, но в этом беспорядке… — Женщина обвела рукой неприбранную комнату. — Мы сейчас готовимся к первому занятию. Вот, например, стулья. Их нам не хватает. Кроме того, нужна доска. Правда, средняя школа пообещала одну… — Неожиданно миссис Кейтелбайн взяла его за руку. — Послушайте, мистер Гамм, в подвале есть тяжелая дубовая столешница, я целый день ищу, кто бы помог Вальтеру, моему сыну, поднять ее наверх. Вы не откажетесь?.. Вальтер считает, что вдвоем можно справиться за несколько минут. Я как-то пыталась ее приподнять, но не смогла.

— С удовольствием, — ответил Рэгл. Он снял пиджак и перекинул его через спинку стула.

В комнату легкой походкой вошел долговязый улыбающийся подросток в белом свитере, джинсах и черных спортивных туфлях.

— Добрый день, — сказал он смущенно.

Миссис Кейтелбайн представила их друг другу

и повела по немыслимо крутой лестнице в сырой бетонный подвал, где Рэгл увидел лишенную изоляции проводку, пустые банки, затянутую паутиной ветхую мебель, матрасы и старинную раковину для посуды.

Дубовый стол уже подтащили к самой лестнице.

— Прекрасный старинный стол, — заметила миссис Кейтелбайн. — Он принадлежал моему отцу — деду Вальтера.

Ломающимся голосом Вальтер сказал:

— Он весит около ста пятидесяти фунтов. Можно взять его снизу, я сперва повернусь спиной и подниму, а потом вы подхватите, хорошо?

Юноша опустился на колени и взялся за низ стола.

За годы военной службы Рэгл привык гордиться своими физическими возможностями, но сейчас, приподняв стол до уровня пояса, он запыхтел как паровоз и едва не выронил ношу, когда Вальтер стал поворачиваться к нему лицом.

Трижды пришлось опускать стол на ступеньки: один раз, чтобы отдохнул Рэгл, и два раза потому, что дубовый монстр просто не пролезал в проемы и приходилось вертеть его то так, то этак. Наконец стол был водворен в огромную комнату

со сквозняками. Тут он со стуком выскользнул из рук, и этим все кончилось.

— Я очень вам благодарна, — сказала миссис Кейтелбайн, выключив свет на лестнице. — Надеюсь, вы не ушиблись: стол оказался тяжелее, чем я думала.

Ее сын выглядел так же смущенно, как и вначале.

— Вы тот самый мистер Гамм — победитель конкурса?

— Да, — ответил Рэгл.

— Может быть, — юноша находился в явном замешательстве, — мне не следует задавать таких вопросов, но я всегда мечтал поговорить с человеком, зарабатывающим кучу денег на конкурсах… Вы рассматриваете свой заработок как удачу или как большой гонорар? Ну, скажем, один адвокат получает больше других, потому что у него котелок варит получше. Или вот старые художники, чьи картины идут сейчас за миллионы…

— Для меня это тяжелый труд, — сказал Рэгл. — Так я его и рассматриваю. А работаю я, бывает, и по восемь, и по десять часов в сутки.

— Ну да, — кивнул юноша. — Я понимаю.

— А как все началось? — спросила миссис Кейтелбайн.

— Сам не знаю, — признался Рэгл. — Увидел газету с заданием и послал ответ. Это было почти три года назад. Так и втянулся. Я с первого раза прислал правильный ответ.

— А я нет, — сказал Вальтер. — Ни разу не угадал, а посылал раз пятнадцать.

— Мистер Гамм, — обратилась к Рэглу миссис Кейтелбайн, — прежде чем вы уйдете, я бы хотела кое-что вам дать. Для поддержки.

Она быстро вышла в соседнюю комнату.

«Сейчас принесет пирожное, — подумал Рэгл. — Или два».

Но женщина вернулась с яркой наклейкой.

— Это для вашей машины. — Она протянула наклейку Рэглу. — На заднее стекло. Самоклеящаяся. Опустите в теплую воду — и прямо лепите. Бумага слезет, эмблема останется.

— У меня нет сейчас машины, — заметил Рэгл.

— А! — разочарованно протянула она.

— Тогда ее можно приклеить сзади на пиджак. — Вальтер заржал как жеребец, но вполне дружелюбно.

— Очень жаль, — смущенно пробормотала миссис Кейтелбайн. — В любом случае, спасибо вам большое. Очень хотелось вас отблагодарить, теперь прямо не знаю как. Постараюсь сделать

занятие как можно более интересным, хорошо?

— Отлично! — сказал Рэгл. Он взял пиджак и направился к выходу. — Мне пора. Значит, увидимся во вторник, в два.

В углу комнаты у окна стояла модель какой-то штуки. Рэгл остановился, чтобы лучше рассмотреть.

— Мы этим будем пользоваться, — сообщила миссис Кейтелбайн.

— А что это? — поинтересовался Рэгл.

Вещица весьма походила на макет военного укрепления. Квадратное сооружение, внутри которого можно было разглядеть несущих службу солдат. Макет был выкрашен в коричнево-зеленый и серый цвета. Рэгл потрогал торчащий из крыши пулеметный ствол и обнаружил, что он вырезан из дерева.

— Как настоящий!

— Мы таких сделали несколько штук. На занятиях по гражданской обороне для младших групп. В прошлом году, когда мы еще жили в Кливленде. А мама их привезла сюда. Да они, наверное, никому больше и не нужны. — Вальтер снова громко засмеялся. Смех был скорее нервный, чем невежливый.

— Это копия мормонского форта, — объяснила

миссис Кейтелбайн.

— Черт побери, я этим интересуюсь! — воскликнул Рэгл. — Вы знаете, я ведь принимал участие во Второй мировой на Тихоокеанском театре.

— Да, припоминаю, я читала о вас что-то подобное, — сказала миссис Кейтелбайн. — Вы ведь знаменитость. Время от времени про вас пишут в журналах. Вы, кажется, удерживаете рекорд как самый долговечный лидер всех известных телевизионных и газетных конкурсов?

— Что-то вроде этого, — подтвердил Рэгл.

— Вы видели крупные сражения на Тихом океане? — спросил Вальтер.

— Нет, — честно ответил Рэгл. — Меня и еще одного парня забросили на безымянную кучу грязи в океане, где, кроме нескольких кокосовых пальм, ржавой железной будки, передатчика и метеоприборов, ничего не было. Напарник следил за погодой, а я передавал сводки на военно-морскую базу в двухстах милях к югу от нас. Это занимало около часа. Остальное время я развлекался тем, что пытался предсказать погоду. Это не входило в мои обязанности, мы должны были передавать данные приборов, прогнозы составляли на базе. Но у меня хорошо получалось. Достаточно мне было взглянуть на небо и на при-

боры, чтобы почти всегда дать точный прогноз.

— Я думаю, для флота и армии очень важно знать погодные условия, — заметила миссис Кейтелбайн.

— Шторм, — сказал Рэгл, — может сорвать операцию по высадке морского десанта, разбросать конвой грузовых судов. И изменить ход войны.

— Может быть, там вы и научились угадывать, — предположил Вальтер. — Ставили на погоду.

Рэгл рассмеялся:

— Да, именно этим мы и занимались. Заключали пари, какая будет погода. Я, например, говорил, что в десять пойдет дождь, а напарник утверждал, что нет. Так и скоротали пару годков. И еще пили пиво. Когда нам завозили продовольствие, то оставили запас пива, рассчитанный, я думаю, на взвод. Единственная проблема заключалась в том, что мы не могли его охладить. Теплое пиво день за днем…

«Что-то я ударился в воспоминания», — подумал Рэгл.

Двенадцать, нет, тринадцать лет назад… Ему тогда было тридцать три. Работал в паровой прачечной, когда однажды в почтовый ящик опустили повестку.

— Слушай, мама! — возбужденно воскликнул Вальтер. — Есть идея! А что, если мистер Гамм расскажет на занятиях о своем боевом опыте? Это создаст эффект присутствия… Он наверняка еще не забыл и курс боевой подготовки: личная безопасность при обстреле, действия в критических ситуациях…

— Вряд ли я смогу рассказать больше, чем написано в уставе, — сказал Рэгл.

— Но вы же помните всякие случаи, которые произошли с другими солдатами, — настаивал Вальтер. — Необязательно говорить о том, что случилось именно с вами.

Мальчики все одинаковы, подумал Рэгл. Этот рассуждает так же, как Сэмми. Сэмми — десять, Вальтеру, наверное, уже шестнадцать. Но они оба ему нравились. И он воспринимал их слова как комплимент.

«Вот она, слава, — усмехнулся про себя Рэгл. — Моя награда за то, что я самый великий в истории победитель газетного конкурса. Мальчикам от десяти до шестнадцати кажется, что я — личность».

Это его развлекло. И он сказал:

— Во вторник я приду в полной генеральской форме.

Глаза мальчика расширились, он оцепенел.

— Вы шутите? Четырехзвездный генерал?

— Именно так, — как можно торжественнее ответил Рэгл.

Миссис Кейтелбайн улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

В половине шестого, после закрытия магазина, Вик Нильсон собрал всех кассиров.

— Послушайте. — Вик обдумывал это целый день. Шторы на окнах были опущены, посетители разошлись. Помощники кассиров подсчитывали выручку и заряжали ленты на следующий день. — Я прошу вас о небольшой услуге. Речь идет о психологическом эксперименте. Займет это тридцать секунд. Хорошо? — Он обращался к Лиз, она была лидером коллектива; если она скажет «да», остальные тоже согласятся.

— А завтра нельзя этого сделать? — воскликнула Лиз. Девушка уже надела плащ и переобулась в туфельки на каблуках. В них она смотрелась как красотка с рекламы ананасового сока.

На это Вик ответил:

— Моя жена уже приехала и ждет меня. Если я не выйду через минуту, она за мной зайдет. Так что много времени мы не потратим.

Трое других кассиров, низкорослые мужчины,

выжидающе смотрели на Лиз. Они по-прежнему оставались в белых фартуках, с карандашами за ухом.

— Ну ладно. — Девушка погрозила Вику пальцем. — Валяй. Только без хитростей. Давно пора двигать отсюда.

Вик подошел к продуктовой полке, вытряхнул фасоль из бумажного пакетика и принялся его надувать. Лиз и кассиры мрачно следили за его действиями.

— Я хочу, чтобы вы сделали вот что, — начал Вик, подняв над головой пакет. — Сейчас я хлопну и выкрикну команду. Мне надо, чтобы вы исполнили все в точности. Ни о чем не думайте, просто сделайте то, что я скомандую. Я хочу, чтобы вы отреагировали мгновенно. Понятно?

Жуя резинку, добытую из ящика с конфетами, Лиз процедила:

— Да, все понятно. Давай хлопай и кричи.

Все четверо повернулись к Вику, встав спиной к широкой стеклянной входной двери. Это была единственная дверь, через которую входили и выходили из магазина.

— Ну… — Вик поднял пакет над головой и крикнул: — Бегите! — И тут же хлопнул пакет.

От его крика все вздрогнули, но, когда с оглу-

шительным треском разорвался мешок, кассиры бросились бежать, как зайцы.

Ни один человек не побежал к двери. Всей группой они кинулись влево, к колонне. Шесть, семь, восемь шагов… Кассиры остановились, злые и запыхавшиеся.

— Ну и что? — Лиз пришла в себя. — Для чего это было надо? Ты сказал, что вначале хлопнешь, но сперва закричал. Почему?

— Спасибо, Лиз, — сказал Вик. — Отлично получилось. Можешь идти на свидание.

Выходя из магазина, кассиры смотрели на него с сочувствием.

Помощник кассира, возившийся с выручкой и кассовым аппаратом, спросил:

— Мне тоже надо было бежать?

— Нет, — машинально ответил Вик, размышляя над экспериментом.

— А я попытался было спрятаться под кассу, — сказал помощник.

— Спасибо, — пробормотал Вик. Выйдя из магазина, он закрыл за собой дверь и направился к «Фольксвагену».

В машине оказалась огромная черная немецкая овчарка. Она внимательно следила за приближающимся Виком. На переднем бампере была

глубокая вмятина. И грязь по всей машине.

Вот тебе и психологический эксперимент. Машина-то не моя. Просто «Фольксваген» заехал на стоянку в то самое время, когда обычно приезжала Марго. А все остальное — уже результат работы подсознания.

Вик развернулся и побрел к магазину. Когда он приблизился, стеклянная дверь распахнулась, высунулся помощник кассира и сказал:

— Виктор, вас спрашивают. Жена.

— Спасибо. — Он придержал дверь, вошел внутрь и направился к телефону.

— Дорогой, — начала Марго, — извини, что не заехала, ты все еще ждешь? Может, сегодня поедешь автобусом? Если ты устал, я, конечно, примчусь, но, думаю, на автобусе будет просто быстрее.

— Хорошо, — ответил Вик.

— Я была у Сэмми в сарае, он мне дал послушать свой приемник. Это потрясающе…

— Ну хорошо, — оборвал Вик, собираясь вешать трубку. — Пока.

— Мы слушали самые разные станции и…

Попрощавшись с помощником кассира, Вик пошел к остановке автобуса. Вскоре он уже ехал домой вместе с продавцами и служащими, ста-

рушками и школьниками.

Курить в общественных местах запрещалось, но он так разволновался, что все-таки закурил, выпуская дым в окно, чтобы не беспокоить соседку.

Эксперимент удался, подумал он. Сработал даже лучше, чем я предполагал. Казалось бы, кассиры должны разбежаться в разные стороны: один — к двери, другой — к стене, третий — от двери. Это подтвердило бы его предположение, что смоделированная ситуация оказалась для них случайной. И что большая часть их жизни прошла в другом месте, где-то еще, а где именно — никто из них и не помнит.

Но… у каждого должны были сработать собственные рефлексы. Индивидуальные. А кассиры все бросились в одну сторону.

Бежать туда было бессмысленно, но они действовали одинаково. Они отреагировали как группа, а не как отдельные личности.

Значит, прошлый жизненный опыт был у всех одинаков.

Как могло такое произойти?

Его теория это не объясняла.

Стараясь не надымить в автобусе, Вик мысленно нащупывал новую гипотезу, но с ходу ничего

не выходило.

Разве что, подумал он, существует какое-нибудь простенькое объяснение, вроде того, что все четверо посещали какое-нибудь заведение, жили вместе в общежитии, несколько лет подряд питались в одном кафе или ходили в одну школу…

В окружающей реальности есть трещины и щели, в которые она утекает, а внутрь просачивается другая.

Капелька здесь, две-три в том углу. Мокрое пятно проступило на потолке. Но где-то они смыкаются… И что все это значит?

Вик решил рассуждать логически. Во-первых, давай разберемся, как ты к этому пришел, сказал он себе. Переел ласэни, бросил игру с хорошими, кстати, картами и побежал в ванную принять таблетку.

Было ли что-нибудь до этого?

Пожалуй, нет, решил он. До этого был солнечный мир. Дети бегали, коровы мычали, собаки виляли хвостами. По воскресеньям хозяева подстригали лужайки и слушали спортивные репортажи по телевизору. Так мы могли жить вечно.

Ничего не замечая.

Правда, была еще галлюцинация Рэгла. А что,

собственно говоря, за галлюцинация? Рэгл так толком и не рассказал. Каким-то образом она совпадает с моими ощущениями, размышлял Вик. Рэгл, выходит, тоже заглянул за грань реальности. Расковырял дырочку. Или она сама раскрылась перед ним, может, даже разорвалась с треском, зазияла провалом.

Мы можем свести воедино все известные факты, но это ничего не даст, кроме осознания, что здесь что-то не так. А это было нам известно с самого начала. Догадки не дают решения, они лишь показывают, как далеко простирается неправильность мира.

И все же, думал Вик, мы ошиблись, когда позволили Биллу Блэку уйти с нашей книгой.

А что делать сейчас? Продолжать эксперименты?

Не стоит. Хватит и одного. Того, что он непроизвольно поставил в ванной. Даже последний эксперимент принес больше вреда, чем пользы, — ничего не подтвердилось, зато суматохи вышло предостаточно.

Хватит морочить себе голову, решил он. С меня довольно! Что я, собственно, знаю? Наверное, Рэгл прав и нам стоит начать с серьезных философских книг, скажем с Беркли и всех остальных,

как их там…

Может быть, подумал Вик, если я вот сейчас изо всех сил зажмурю глаза, так, чтобы осталась только щелочка света, если изо всех сил сосредоточусь на этом проклятом автобусе, на уставших, отупевших домохозяйках с полными сумками, на щебечущих школьницах, клерках, уткнувшихся в вечерние газеты, водителе с красной шеей… может, все они просто исчезнут. Поскрипывающее сиденье подо мной, выхлопы дыма каждый раз, когда автобус трогается с места, рывки, покачивание, реклама над окнами. Может, все это возьмет и исчезнет?

Зажмурившись, он попытался отключиться от автобуса и пассажиров. Через десять минут голова пошла кругом. Пупок, тупо соображал Вик. Надо сконцентрироваться на одной точке. Он выбрал кнопку на противоположной стене автобуса. Круглый белый звонок. Ну давай, внушал Вик. Исчезай.

Исчезай.

Исче…

Ис…

И…

Вздрогнув, Вик проснулся. Оказывается, он задремал. Укачало, как и многих в автобусе. Головы

пассажиров равномерно покачивались в такт движению. Влево-вправо. Вперед. Вбок. Вправо. Влево. Автобус остановился на перекрестке. Головы застыли под прямым углом.

Откинулись назад, когда автобус тронулся с места.

Наклонились, когда автобус затормозил.

Исчезайте.

Исчеза…

Ис…

И вдруг сквозь полуприкрытые глаза Вик увидел, что пассажиры исчезли.

Ну, подумал он, получилось!

Нет. Не так.

Ни автобус, ни пассажиры ни капельки не исчезли. Но все внутри начало странным образом изменяться — как и в эксперименте с кассирами, выходило совсем не то, чего ожидал Вик.

Черт бы вас взял! Исчезайте!

Стены автобуса вдруг стали прозрачными. Он увидел сквозь них тротуар и магазин. Тонкие опорные стойки, скелет автобуса. Металлические ребра жесткости пустого пространства. Без сидений. Только условная линия посадки, поверх которой застыли, будто чучела, бесформенные тени. Неживые. Чучела наклонялись вперед и

назад, вперед и назад. Впереди, как и прежде, сидел водитель. Водитель ничуть не изменился. Та же красная шея. Сильная, широкая спина. За рулем пустотелого автобуса.

С пустотелыми людьми. Вик был единственным человеком в автобусе. Он и водитель. А автобус двигался. Ехал по городу из деловой его части в жилые районы. Водитель вез его домой.

Когда Вик снова открыл глаза, качающиеся пассажиры были на месте. Продавцы. Клерки. Школьники. Шум, запах и болтовня.

Все экспериментируешь, подумал Вик. А если бы провалился сквозь пол и вылетел на улицу? Или перестал бы существовать, как остальные? Мысль наполнила его страхом.

Может быть, это видел Рэгл?

Глава 7

Когда он приехал, дома не было ни души. На мгновение его охватила паника.

— Марго!

Вик метался по комнатам, отчаянно пытаясь взять себя в руки.

Наконец он заметил открытую дверь на задний двор. Вышел и огляделся. По-прежнему никаких признаков домашних. Ни Рэгла, ни Марго, ни Сэмми — никого.

Вик пошел по дорожке мимо бельевых веревок, мимо клумбы с розами к прилепившемуся к забору сарайчику Сэмми.

Как только он постучал, открылась смотровая щель и блеснули глаза сына.

— Привет, папа!

Засов вытащили, и дверь распахнулась. В сарае с наушниками на голове сидел за столом Рэгл. Рядом с ним перед большой стопкой бумаги — Марго. Оба что-то строчили, покрывая лист за листом торопливыми записями.

— Что происходит? — спросил Вик.

— Ведем радиоперехват, — ответила Марго.

— Это я вижу. Но что вы принимаете?

Не снимая наушников, Рэгл повернулся к нему. Глаза его блестели.

— Ловим их радиостанции.

— Чьи? — воскликнул Вик. — Чьи радиостанции?

— Рэгл говорит, могут потребоваться годы, чтобы это узнать, — сказала Марго.

Она была необычайно оживлена. Сэмми вообще застыл в экстазе. Вик никогда не видел их в таком состоянии.

— Мы научились на них настраиваться, на их волну, — продолжала Марго. — И уже приступили к записи. Вот, посмотри. — Она пододвинула к нему кипу бумаги. — Мы записываем, что они говорят.

— Радиолюбители? — переспросил Вик.

— Да, — Рэгл кивнул, — а также переговоры между кораблями и базой. База, очевидно, где-то поблизости.

— Кораблями… — повторил Вик. — Ты имеешь в виду морские суда?

Вместо ответа Рэгл показал наверх.

О боже, подумал Вик. И тут он почувствовал их возбуждение и нервозность. Их безумие.

— Когда они проходят над нами, — стала объяснять Марго, — звук ясный и чистый. Примерно

одну минуту. Потом затухает. Мы слышим их разговоры, не просто обмен позывными, а разговоры. Они много шутят.

— Да, очень много, — подтвердил Рэгл. — Прямо хохмачи какие-то.

— Дайте послушать, — попросил Вик.

Он сел за стол, и Рэгл надел на него наушники.

Радиообмен продолжался. Кто-то передавал информацию. Вик немного послушал.

— Расскажите, что вы тут выяснили. — Он был слишком возбужден, чтобы воспринимать гудящий в наушниках голос. — Вы можете что-нибудь объяснить?

— Пока ничего, — сказал Рэгл, но в голосе его звучало удовлетворение. — Неужели ты не понимаешь? Мы знаем, что они есть.

— Мы и раньше это знали, — заметил Вик. — Каждый раз, когда они пролетали.

Рэгл и Марго да и Сэмми тоже несколько разочаровались. Возникла пауза, Марго посмотрела на брата. Рэгл произнес:

— Это трудно объяснить…

Снаружи послышались голоса. Марго предостерегающе подняла руку. Все замерли.

Кто-то был во дворе и искал их. Вик услышал шаги на дорожке. Снова, на этот раз совсем близ-

ко, раздался голос:

— Есть тут кто-нибудь?

— Это Билл Блэк, — негромко сказала Марго.

Сэмми приоткрыл смотровую щель.

— Да, — прошептал он. — Это мистер Блэк.

Отодвинув сына в сторону, Вик приник к щели. Билл Блэк стоял посередине дорожки, озираясь в поисках хозяев. Он выглядел растерянным и озабоченным. Ясно, что он только что побывал в доме и обнаружил его незапертым и пустым.

— Интересно, что ему надо? — посетовала Марго. — Давайте сидеть тихо, и он уйдет. Думаю, он пришел пригласить нас на обед или прогулку.

Они подождали.

Билл Блэк бродил по двору, пиная траву.

— Эй, люди! — крикнул он. — Да куда вы делись, черт побери!

Тишина.

— Я себя буду по-дурацки чувствовать, если он найдет нас здесь, — нервно рассмеялась Марго. — Как будто мы — дети… А он ужасно смешон. Представляю, как он вытягивает шею, пытаясь нас разглядеть. Неужели думает, что мы прячемся в траве?

На стене сарая висела игрушечная лазерная винтовка, подаренная Сэмми к Рождеству. Вся в

грозных насадках и прицелах. На коробке было написано: «Бластер для поражения ракет и роботов. Оружие двадцать третьего века. Способно разрушать скалы». Несколько недель Сэмми носился по дому, разя все подряд, потом наступила весна, и бластер был водворен на стену, как трофей, устрашающий одним своим видом.

Вик снял винтовку с крюка. Открыл дверь сарая и вышел наружу.

На дорожке, спиной к нему, стоял и кричал Билл Блэк:

— Эй, люди, где вы?

Вик присел, наставил ствол на Блэка и произнес:

— Ну, теперь тебе конец.

Билл резко повернулся, увидел оружие и побледнел. Потом медленно поднял руки. И лишь тогда разглядел сарайчик, Рэгла, Марго и Сэмми, выглядывающих из двери, яркую эмаль игрушки и все ее насадки, рожки и кольца. Руки опустились, и он сказал:

— Ха-ха!

— Ха-ха, — ответил ему Рэгл.

— Что вы делаете? — спросил Блэк.

Из дверей дома Нильсонов показалась Джуни Блэк. Она медленно спустилась с крыльца, подо-

шла к мужу и положила руку ему на плечо; оба стояли нахмурившись.

— Привет, — сказала Джуни.

Из сарая вышла Марго.

— И чем вы, интересно, здесь занимаетесь? — спросила она Джуни таким тоном, от которого у женщин идут мурашки по коже. — Бродите по нашему дому, как по собственному?

Блэки опешили.

— Что ж, — продолжила Марго, скрестив руки. — Не стесняйтесь.

— Слушай, успокойся, — остановил ее Вик.

— Ну да! — Марго резко повернулась к мужу: — Они просто взяли и зашли к нам в дом. Прошлись по комнатам. Ну и как, понравилось? — Она снова переключилась на Джуни: — Кровати заправлены? Шторы не пыльные? Нашли что-нибудь интересное?

Рэгл и Сэмми вышли из сарая и подошли к Вику и его жене. Вчетвером они смотрели на Джуни и Билла Блэк.

Наконец Блэк сказал:

— Извините. Мы всего-навсего хотели пригласить вас вечером поиграть в кегли.

Джуни глупо улыбалась, стоя рядом с мужем. Вику стало ее жаль. Очевидно, ей и в голову не

приходило, что таким образом можно кого-нибудь обидеть, а о неприкосновенности частной собственности она, похоже, вообще не слышала. В свитере и синих брюках, со схваченными в узел волосами, она походила сейчас на забавного ребенка.

— Вы не имели права вламываться в чужой дом, — не унималась Марго. — И ты это прекрасно знаешь, Джуни.

Джуни вздрогнула, попятилась и окончательно растерялась:

— Я…

— Я же сказал, что мы просим прощения, — перебил ее муж. — Чего вам еще надо, ради всего святого? — Он тоже сильно смутился.

Вик шагнул вперед и протянул руку. Инцидент был исчерпан.

— Ты, если хочешь, оставайся, — сказал Вик Рэглу, — а мы пойдем в дом, подумаем насчет обеда.

— Что вы там делали? — спросил Блэк. — То есть, конечно, это не мое дело, можете не отвечать, но на вас лица нет.

— Вам в сарай нельзя, — вмешался Сэмми.

— Почему? — спросила Джуни.

— Вход только членам клуба.

— Разве мы не можем вступить?

— Нет.

— Почему?

— Не можете, и все, — сказал Сэмми, глядя на отца.

— Да, это так. — Вик кивнул. — Вы уж извините.

Он, Марго и Блэки направились в дом.

— Мы еще не обедали. — Марго никак не могла преодолеть враждебность.

— Да мы и не собирались играть в кегли прямо сейчас, — затараторила Джуни. — Мы только хотели поймать вас, пока вы не придумали что-нибудь другое. Слушайте, ребята, если вы еще не садились за стол, может, пообедаем у нас? Будет ножка ягненка, компот из груш, кроме того, Билл купил по дороге целую кварту мороженого. — Голос у нее дрогнул, она повернулась к Марго и спросила: — Ну что, согласны?

— Спасибо, — ответила Марго. — Как-нибудь в другой раз.

Билл Блэк, казалось, еще не успокоился, он держался несколько в стороне, с холодным достоинством.

— Мы всегда рады видеть вас у себя, — сказал он, подталкивая жену к выходу. — Захотите поиграть в кегли — ждем к восьми, нет — воля ваша,

мы не в обиде.

— Ну пока, увидимся, — прощебетала Джуни, когда Билл выводил ее из дома. — Надеюсь, вы придете.

Она умоляюще улыбнулась, и дверь за ними захлопнулась.

— Да, — проговорила Марго. — Мы им устроили холодный душ.

— Можно разработать целую психологическую теорию, изучая поведение людей, когда они испуганы и еще не пришли в себя, — заключил Вик.

Накрывая на стол, Марго заметила:

— А Билл Блэк вел себя разумно. Поднял руки, когда увидел оружие, и опустил, когда разглядел, что оно игрушечное.

— Почему он пришел именно в этот момент? — спросил Вик.

— Должен же он был когда-нибудь зайти?

— Пожалуй, — согласился Вик.

Запершись в сарае, Рэгл Гамм слушал радио и время от времени делал пометки в тетради. За годы участия в конкурсе он выработал собственную систему скорописи и сейчас не просто фиксировал то, что слышал, но успевал записывать свои комментарии и соображения. Шариковая ручка, подарок Билла Блэка, летала по бумаге.

Наблюдавший за ним Сэмми не выдержал:

— Ну и быстро же ты пишешь, дядя Рэгл!.. А прочитать потом сможешь?

— Смогу, — ответил Рэгл.

Сигналы, вне всякого сомнения, шли с расположенного неподалеку аэродрома. Рэгл уже узнавал оператора по голосу. Теперь он хотел разобраться, что за воздушные суда то и дело садятся на летное поле, а потом снова взлетают. Они проносятся над головой с умопомрачительной скоростью. С какой? И почему никто в городе не знает об этих полетах? Или это секретные военные базы для новых экспериментальных моделей? Разведывательные ракеты… следящие корабли…

— Уверен, что ты рассекретил японский код времен войны, — сказал Сэмми.

После слов мальчика Рэгла вдруг опять охватило ощущение полной бессмысленности происходящего. Заперся в детском сарае, напялил наушники и часами слушает сделанный школьником детекторный приемник… Поймал станцию наведения и рад…

«Наверное, я спятил, — подумал Рэгл. — Разве так ведет себя бывший военный? Мне сорок шесть, молодость давно позади. А я целыми днями слоняюсь по дому и зарабатываю на жизнь

ответами на вопрос „Где теперь появится Зеленый человечек?“ Решаю конкурсные задачки в газете, в то время как у других уже жены, дети, свой дом и работа.

Я недоразвитый. Психически отсталый. А эти галлюцинации? Все правильно. Ненормальный. Инфантильный лунатик. Ну чего я здесь сижу? Бред — это в лучшем случае. Фантазирую о ракетах, армии и секретности. Параноик.

Это параноидальный психоз, когда кажется, что ты — точка приложения огромных усилий миллионов мужчин и женщин, миллиардных затрат и сложнейшей техники… Когда вся Вселенная вращается вокруг тебя. От меня исходят важные сигналы… к звездам. Рэгл Гамм — цель всего космического процесса, от первоначального взрыва до конечной энтропии. Смысл существования материи и духа — во взаимодействии со мной».

— Дядя Рэгл, а ты сможешь расшифровать? Это японцы?

— Тут нечего расшифровывать. Диспетчер сидит в башне радиолокационного наблюдения и наблюдает за посадкой военных самолетов. — Он повернулся к мальчику, не сводящему с него горящих глаз: — Это обыкновенный человек, парень лет тридцати. Ходит раз в неделю в бассейн

и смотрит телевизор. Такой же, как мы.

— Только он враг, — сказал Сэмми.

— Что за глупости? — Рэгл рассердился. — С чего ты взял? Это все выдумки.

«Моя вина, — тут же подумал он. — И выдумки мои».

Голос в наушниках произнес:

— …я понял, ЛФ-три тысячи четыреста восемьдесят восемь. Принял правильно. Продолжайте полет. Сейчас вы прямо над нами.

Сарайчик задрожал.

— Вот он, проходит! — возбужденно зашептал Сэмми.

В наушниках звучал голос:

— …совершенно чисто. Нет, все отлично. Сейчас вы над ним.

Над ним, подумал Рэгл.

— …там внизу, — продолжал голос. — Да, прямо под вами сам Рэгл Гамм. Хорошо, мы приняли. Давайте.

Вибрация затихла.

— Улетел, — выдохнул Сэмми. — А может, приземлился.

Рэгл Гамм снял наушники и поднялся.

— Послушай немного, — сказал он.

— А ты? — спросил Сэмми.

— Пойду прогуляюсь.

Рэгл распахнул дверь сарая и вышел на свежий, прохладный вечерний воздух.

Свет на кухне… Сестра и зять сейчас там. Готовят обед.

«Все, уезжаю, — сказал он себе. — Я давно собирался. Больше ждать нельзя».

Рэгл тихо обогнул дом и приблизился к парадному крыльцу. Потом вошел внутрь и осторожно пробрался в свою комнату. Ни Вик, ни Марго его не слышали. Там он извлек все деньги из ящиков стола, карманов, конвертов, взял мелочь из вазочки. Надев пальто, через парадную дверь вышел наружу и быстро зашагал по тротуару.

Где-то через квартал показалось такси. Рэгл махнул рукой, и машина остановилась.

— Довезите до междугородной автостанции, — попросил он водителя.

— Хорошо, мистер Гамм, — ответил шофер.

— Вы меня знаете?

Вот она, паранойя. Кажется, будто все только обо мне и думают.

— Конечно знаю, — сказал водитель, трогаясь с места. — Вы — победитель конкурса. Я вас видел в газете и как раз подумал — надо же, этот человек живет в нашем городе. Может, когда-нибудь я

его подвезу.

«Если меня опознаю́т таксисты, — решил Рэгл, — к сознанию это не имеет отношения. Вот когда разверзнутся небеса и ко мне по имени обратится Господь… это уже психоз.

А вообще отличить трудно».

Такси мчалось по темным улицам мимо домов и магазинов. Наконец у пятиэтажного здания в центре города машина остановилась.

— Приехали, мистер Гамм!

Водитель выскочил из машины и открыл ему дверцу. Рэгл выбрался на тротуар, роясь в карманах в поисках кошелька. Пока таксист пересчитывал деньги, Рэгл взглянул на здание. В свете фонарей оно показалось ему знакомым, узнаваемым даже ночью.

Это была редакция «Газетт».

Рэгл снова сел в машину:

— Мне надо на междугородную автостанцию.

— Как? — Водитель застыл, словно пораженный громом. — На автостанцию? Ну конечно, черт меня побери!

Он прыгнул за руль и завел мотор.

— Конечно, я же помню! Мы разговорились об этом конкурсе, и я стал думать про газету. — Он ехал, оглядываясь на Рэгла и улыбаясь ему: — Вы

так прочно ассоциируетесь с «Газетт»... вот такой я растяпа.

— Все в порядке.

Они ехали очень долго. Постепенно Рэгл перестал различать улицы. Он уже не представлял, где находится. Справа чернели силуэты фабричных зданий; несколько раз ему показалось, что такси миновало железнодорожный переезд. Вокруг простирались безжизненные промышленные районы, не горело ни огонька.

«Интересно, — подумал Рэгл, — а что он скажет, если я попрошу вывезти меня из города?»

Он наклонился и похлопал водителя по плечу:

— Эй!

— Да, мистер Гамм?

— Как насчет поездки за город? Про автобус забудем.

— Простите, сэр, — сказал водитель, — я не могу выезжать на междугородную трассу. Это запрещено. Мы возим по городу и не имеем права конкурировать с автобусной линией. Таковы правила.

— Вы же должны иметь возможность зашибить немного на стороне?.. Давайте, сорок миль, со счетчиком, держу пари, не впервой будет.

— Нет, — водитель покачал головой, — я этим

не занимаюсь. Другие — может быть, а я — нет. Не хочу терять работу. Если дорожная полиция заметит на трассе городское такси, его тут же остановят. А еще с пассажиром… Все, прощай, лицензия. А она стоит пятьдесят долларов.

«Пытаются помешать мне уехать из города, — думал между тем Рэгл. — Это входит в их заговор.

Я точно спятил.

Или нет?

Как же узнать? Какие у меня доказательства?»

Посреди бескрайнего ровного поля сияла неоновая вывеска. Такси остановилось.

— Приехали, — объявил водитель. — Автостанция.

Рэгл открыл дверь и вышел из машины. Но вывеска была другая. Вместо ожидаемой «ГРЕЙХАУНД» Рэгл увидел «АВТОБУСНЫЕ ЛИНИИ НОНПАРЕЛЬ».

— Эй! — воскликнул он встревоженно. — Я же просил «Грейхаунд»!

— Это то же самое. Такая же автобусная компания. А «Грейхаунда» у нас вообще нет. По законам штата в таком маленьком городке, как наш, может действовать только одна автобусная компания. «Нонпарель» здесь давно, уже несколько

лет. «Грейхаунд» хотел перекупить, но они не согласились. Тогда «Грейхаунд»…

— Ну хорошо, — перебил его Рэгл.

Он заплатил по счетчику, оставил чаевые и пошел к прямоугольному коричневому зданию — единственному на многие мили вокруг. Со всех сторон здание окружала дикая трава. Сорняки, битые бутылки и обрывки бумаги. Заброшенная окраина. Вдали виднелись огни заправки. Больше ничего. Рэгл поежился от ночной прохлады и толкнул деревянную дверь зала ожидания.

В лицо ударила волна спертого воздуха и приглушенный гомон. Скамейки были заняты спящими матросами, унылыми, измученными беременными женщинами, стариками в пальто, командированными с портфелями, коммивояжерами с образцами товаров, детьми, которые ерзали и пищали.

К окошку кассы выстроилась огромная очередь. Даже не входя внутрь, Рэгл понял, что очередь не движется. Он закрыл за собой дверь и встал в конец.

Никто не обратил на Рэгла внимания.

«Сейчас, пожалуй, было бы неплохо, чтобы мой психоз стал реальностью, — подумал Рэгл. — Хотел бы я, чтобы они все вокруг меня забегали.

По крайней мере, можно было бы пробиться к окошку. Любопытно, часто ли ходят автобусы?»

Он закурил и попытался расслабиться. Прислонившись к стене, несколько разгрузил ноги. Это мало помогло.

«Интересно, сколько я здесь проторчу?»

За полчаса очередь продвинулась на несколько сантиметров, причем от окошка никто не отошел. Рэгл вытягивал шею, пытаясь увидеть кассира. Не получалось. Окошко заслонила толстая пожилая тетка в черном пальто. Вначале Рэгл думал, что она покупает билет. Но она все не отходила от кассы. Передача денег длилась бесконечно. Стоявший сзади нее тощий человек средних лет в двубортном костюме уныло грыз зубочистку. За ним, поглощенные собой, мурлыкали двое влюбленных. После них очередь сливалась в одно целое, Рэгл уже не мог никого различить и видел только бесконечные спины.

Спустя сорок пять минут он по-прежнему стоял на том же месте.

«Может ли помешанный чокнуться? — размышлял Рэгл. — И сколько же надо простоять за билетом на „Нонпарель“? Выберусь ли я вообще отсюда? — Он ощутил нарастающий страх. — А может, я простою здесь до самой смерти? Неиз-

менная реальность… тот же человек впереди, тот же молодой солдат сзади, те же несчастные женщины с пустыми глазами на скамейках вокруг…»

Солдат позади него завозился, толкнул Рэгла и пробормотал:

— Извини, дружище.

Рэгл проворчал что-то в ответ.

Солдат сцепил руки и хрустнул костяшками. Потом облизнул губы и сказал, обращаясь к Рэглу:

— Послушай, будь другом, предупреди, что я за тобой.

Прежде чем Рэгл успел ответить, солдат повернулся к стоящей позади него женщине:

— Простите, миссис, мне надо выйти посмотреть, как там мой приятель. Запомните, что я здесь стою, хорошо?

Женщина кивнула.

— Спасибо.

Солдат проталкивался через толпу в самый угол зала ожидания. Там, широко расставив ноги, уронив голову и бессильно свесив руки, сидел его товарищ. Наклонившись, солдат принялся трясти его и что-то возбужденно объяснять. Сидящий поднял голову, и Рэгл увидел мутный взгляд

и перекошенный, безвольный рот пьяного. Вот бедолага, так нализаться! Сходил в увольнение… Рэгл вспомнил, как во время службы несколько раз уезжал в тяжелом похмелье с автостанции, торопясь попасть на базу.

Солдат поспешно вернулся в очередь. Снова нервно облизнул губы, посмотрел на Рэгла и сказал:

— Ну и очередь, слушай. Совсем не движется. Я здесь, наверное, с пяти вечера. — У солдата было гладкое молодое лицо, искаженное тревогой. — Мне надо вернуться на базу. Фил и я должны быть к восьми, иначе нас посчитают самовольщиками.

Рэгл решил, что ему лет восемнадцать-девятнадцать. Светловолосый, несколько худощавый, серьезный. Конечно, из них двоих за все проблемы отвечал он.

— Да, не повезло. А далеко до базы?

— Там, на трассе, есть аэродром. Собственно говоря, ракетная база. Аэродром был раньше.

О господи, подумал Рэгл, вот откуда летают эти штуки.

— Прошлись, значит, по барам? — как можно безразличнее спросил он.

— Да нет, будь проклят этот город, — с нескрыва-

емым отвращением ответил ему солдат. — Разве здесь найдешь хоть одно приличное заведение? У нас был недельный отпуск, мы добираемся с побережья. На машине.

— На машине, — повторил Рэгл. — Почему же тогда вы здесь?

— За рулем Фил, — объяснил молодой солдат. — Я не умею водить. А он пьян. К тому же у нас настоящая развалина — «Додж» тридцать шестого года, ему цена пятьдесят зеленых. И шину надо менять.

— Если бы нашелся человек, умеющий вести машину, вы бы поехали? — спросил Рэгл.

Солдат тупо уставился на Рэгла:

— А шина?

— Вхожу в долю. — Рэгл схватил солдата за руку и потащил его через зал ожидания к осевшему приятелю. — Может, не будем его трогать, пока не подгоним машину? — спросил Рэгл. Было видно, что Фил не только не сможет идти, но и вообще вряд ли поднимется. Похоже, он даже не понимал, где находится.

— Слушай, Фил. Этот парень поведет машину. Дай ключи.

— Это ты, Уэйд? — тупо пробормотал Фил.

Уэйд склонился над товарищем и принялся

выворачивать его карманы.

— Вот они. — Он протянул ключи Рэглу и сказал, обращаясь к Филу: — Слушай, ты остаешься здесь. Мы пойдем к машине и все сделаем. Потом заедем сюда за тобой. Ты понял? Понял или нет?

Фил кивнул.

— Пошли, — сказал Уэйд Рэглу. Они толкнули дверь и оказались на темной, холодной улице. — Лишь бы этот скот не ударился в панику и не пошел нас искать.

Как все-таки темно вокруг! Рэгл едва различал потрескавшийся, поросший сорняками тротуар.

— Задвинули станцию к черту на кулички, — проворчал Уэйд. — Если город большой и имеет свои трущобы, автостанцию всегда размещают в трущобах, а если городишко маленький — ее непременно загонят в тартарары.

Они то и дело сбивались с пути, и тогда приходилось пробираться сквозь завалы и заросли.

— Хоть глаз выколи, — пожаловался солдат. — У них что, один фонарь на две мили?

Хриплый крик заставил обоих остановиться. Рэгл обернулся. В свете неоновой вывески автобусных линий «Нонпарель» метался другой солдат: вывалился из зала ожидания и теперь пытался определить, в каком направлении ушел

его друг. Потом бросил на землю чемодан и отчаянно завопил.

— О господи! — простонал Уэйд. — Придется возвращаться. Иначе он свалится где-нибудь — и конец.

Он зашагал назад, и Рэглу ничего не оставалось, как повернуть следом. Когда они подошли, солдат вцепился в руку Уэйда и, навалившись на него, зашептал:

— Вы, парни, решили меня бросить?

— Ты должен подождать здесь, — сказал ему Уэйд. — Присмотри за багажом, а мы сходим за машиной.

— Вести буду я, — пробормотал Фил.

Уэйд принялся снова объяснять ему ситуацию. Рэгл стоял и думал, сможет ли он все это вынести. Наконец Уэйд подхватил один чемодан и решительно направился к машине.

— Все, пошли, — бросил он Рэглу. — Бери второй чемодан, иначе Фил его где-нибудь бросит.

— Меня как будто катали по земле, — тупо бормотал Фил, ковыляя сзади.

Они все шли и шли. Рэгл уже давно не ориентировался ни во времени, ни в пространстве. Впереди появился уличный фонарь, он приближался, некоторое время заливал их ярким

желтым светом, постепенно тускнел и исчез. А впереди начинал светиться следующий. Путники вышли на стоянку возле квадратного здания какой-то фабрики и принялись бродить среди грузовиков. Фил прислонился к забору, уперся головой в согнутую руку, пытаясь уснуть.

Одна из машин привлекла внимание Рэгла.

— Не эта? — спросил он.

Солдаты уставились на машину.

— Похоже, — возбужденно проговорил Уэйд. — Эй, Фил, что скажешь, это наша машина?

— Конечно, наша, — кивнул Фил.

Машина просела на одну сторону. Шина была спущена. Все правильно. Нашли.

— Теперь надо отыскать шину, — сказал Уэйд, забрасывая чемоданы на заднее сиденье. — Нужен домкрат, снимем колесо и посмотрим, в чем дело.

Пока они рылись в багажнике, Фил отошел в сторону и, запрокинув голову, уставился в звездное небо.

— Теперь целый час так проторчит, — ворчал Уэйд, поднимая машину домкратом. — Здесь рядом есть заправка, там можно поменять шину.

Он довольно умело снял колесо и откатил его в сторону. Рэгл выпрямился.

— Где Фил? — спросил Уэйд, оглядываясь. Того не было видно. — Черт бы его побрал. Опять забрел куда-нибудь!

— Слушай, давай пойдем на эту заправку. У меня нет времени торчать здесь всю ночь, да и у вас, я думаю, тоже, — сказал Рэгл.

— Факт. — Уэйд кивнул. — Ладно, — добавил он философски, — придет и подождет нас в машине, что с ним станется. — С этими словами Уэйд покатил колесо.

Заправка, когда они туда добрались, была погружена в кромешную тьму. Видимо, владелец все запер и ушел домой.

— И дурак же я, — пробормотал Уэйд.

— Может, тут есть другая заправка? — спросил Рэгл.

— Не помню, — пробурчал Уэйд. — Ну как тебе это?

Он выглядел окончательно убитым и неспособным на дальнейшие действия.

— Пошли, — сказал Рэгл. — Надо что-то делать.

Они долго брели в темноте, пока впереди не замаячил красно-бело-голубой квадрат государственной заправки.

— Аминь, — выдохнул Уэйд. — Знаешь, — он повернулся к Рэглу, — я шел и молился, как чок-

нутый. И вот, видишь…

Солдат катил колесо быстрее и быстрее, выкрикивая победные возгласы и подбадривая Рэгла.

Чистенький подстриженный юноша в накрахмаленной униформе встретил их без всякого интереса.

— Эй, дружище, — с порога начал Уэйд, — продай-ка нам вот такую шину. Давай выноси.

Заправщик отложил таблицу, в которой что-то чертил, взял из пепельницы сигарету и поднялся.

— Это от чего? — спросил он Уэйда.

— От седана «Додж» тридцать шестого года.

Юноша посветил на шину, пытаясь разобрать номер. Потом вытащил огромную амбарную книгу и принялся листать пронумерованные страницы. Рэглу казалось, что каждую страницу он просматривает раза по четыре, листая книгу туда и обратно. Наконец он ее захлопнул и сказал:

— Ничем не могу помочь.

— Ну и что вы предлагаете? — терпеливо спросил Рэгл. — Этот солдат и его приятель должны попасть на базу, иначе их посчитают самовольщиками.

Парень почесал кончик носа:

— Есть еще ремонтная мастерская в пяти милях отсюда.

— Мы не можем идти пять миль, — сказал Рэгл.

— Ладно. — Заправщик махнул рукой. — Вон там стоит мой «Форд-пикап». Один из вас вместе с колесом останется здесь, а другой пусть едет. Мастерская у самого моря. На первом перекрестке. Привозите покрышку, и я вам ее здесь поставлю. За шесть долларов. — Он взял связку автомобильных ключей и протянул ее Рэглу. — Да, раз уж будете в той стороне, там через дорогу есть круглосуточный ресторан. Возьмите мне жареного мяса, сандвич с сыром и солодовый напиток.

— Какой именно? — уточнил Рэгл.

— Пожалуй, ананасовый.

— Я остаюсь, — сказал Уэйд. — А ты поторопись!

Через несколько минут Рэгл уже выводил пикап на пустынную улицу. Потом развернулся и поехал в указанную заправщиком сторону.

Показались огни трассы.

Ну и ситуация, подумал Рэгл.

Глава 8

Молодой человек в шортах и безрукавке встал и закрепил конец пленки в прорези бобины. Потом подкрутил, чтобы пленка шла внатяжку, и включил изображение. Засветился шестнадцатидюймовый экран. Молодой человек присел на кровать.

На экране возникло шестиполосное шоссе с разделительной полосой посередине, поросшей травой и кустами. По обе стороны шоссе стояли рекламные щиты. По белому бетонному покрытию мчались машины. Одна поменяла полосу движения, другая притормозила, пытаясь съехать на обочину.

Появился желтый «форд-пикап».

Голос с экрана произнес:

— Это «Форд-пикап» пятьдесят второго года.

— Вижу, — сказал сидящий перед экраном человек.

«Форд» показали сбоку, потом снова спереди. Стемнело. Грузовичок включил фары. Камера показала его спереди, сбоку, сзади; особо внимательно молодой человек осмотрел задние фонари.

На экране снова был день. Грузовик ехал, освещаемый солнцем. Поменял полосу движения.

— Правила требуют подать сигнал рукой при перемене полосы движения, — произнес голос.

— Знаю, — откликнулся молодой человек.

Грузовик остановился на усыпанной гравием обочине.

— Правила требуют дать сигнал рукой перед остановкой, — назидательно объявил голос.

Молодой человек встал и перемотал пленку.

«Это я усвоил», — подумал он и поставил другую бобину.

В это время зазвонил телефон. Не сходя с места, молодой человек ответил:

— Алло!

Звонок оборвался, и незнакомый приглушенный голос сказал из стены:

— Он все еще стоит в очереди.

— Хорошо.

Телефон отключился.

На экране возник человек в форме. Сапоги, коричневые бриджи, кожаный ремень, пистолет в кобуре, тяжелая коричневая куртка, форменная фуражка, темные очки. Он повернулся, показывая себя со всех сторон. Потом сел на мотоцикл, завел двигатель и с ревом уехал.

На экране появилось изображение мотоциклиста на трассе.

— Отлично, — сказал молодой человек в шортах, достал электробритву и принялся бриться, продолжая смотреть на экран.

Патрульный полицейский начал преследовать машину. Очень скоро он настиг ее и жестом приказал водителю остановиться. Не прекращая бриться, молодой человек внимательно следил за выражением лица патрульного.

Полицейский сказал:

— Позвольте взглянуть на ваше водительское удостоверение?

Молодой человек повторил:

— Позвольте взглянуть на ваше водительское удостоверение?

Дверь машины открылась, вылез средних лет мужчина в белой рубашке и мятых брюках.

— А в чем дело, офицер?

— Вам известно, что это участок с ограниченной скоростью движения? — спросил полицейский.

— Вам известно, что это участок с ограниченной скоростью движения? — повторил молодой человек.

— Ну да, — водитель пожал плечами, — я и ехал сорок пять, как стояло на знаке. — Он протянул

документы полицейскому. Тот взял их и принялся изучать.

На экране возникло водительское удостоверение крупным планом. Изображение держалось долго — молодой человек кончил бриться, побрызгал на лицо лосьоном, прополоскал освежителем рот, протер дезодорантом под мышками и принялся искать рубашку.

— Ваше удостоверение просрочено, мистер, — сказал полицейский.

Снимая рубашку с кресла, молодой человек повторил:

— Ваше удостоверение просрочено, мистер.

Раздался телефонный звонок. Молодой человек остановил ленту и ответил:

— Алло!

Приглушенный голос из стены сообщил:

— Сейчас он говорит с Уэйдом Шульманом.

— Хорошо.

Лента пришла в движение, стала перематываться вперед.

Когда снова включилось нормальное воспроизведение, полицейский обходил машину и говорил женщине за рулем:

— Нажмите, пожалуйста, на тормоз.

— Только я не пойму, зачем все это, — ответи-

ла она. — Я спешу, а вы причиняете мне новые неудобства. Я немного разбираюсь в законах.

Молодой человек надел галстук, застегнул тяжелый кожаный ремень с кобурой и пистолетом.

— Сожалею, мистер, — сказал он, надевая форменную фуражку, — но ваши стоп-сигналы не работают. Вам придется поставить машину на стоянку. Кстати, покажите права.

Когда он надевал плащ, телефон зазвонил снова.

— Алло! — отозвался молодой человек, разглядывая себя в зеркале.

— Он идет к машине. С ним Уэйд Шульман и Филипп Бернес, — сообщил приглушенный голос.

— Отлично.

Подойдя к пульту, молодой человек вернул изображение полицейского — крупным планом, вид спереди, — потом сравнил со своим отражением в зеркале. Нет слов, очень похоже, решил он.

— Подходят к заправке, — сказал приглушенный голос. — Приготовьтесь.

— Готов, — ответил молодой человек, закрыл за собой дверь и прошел по темной бетонной дорожке к мотоциклу.

Потом завел его, выехал на дорогу. Мотоцикл с ревом помчался вперед. Напряженная посадка выдавала неопытного водителя. Только когда мотоцикл набрал скорость, молодой человек немного расслабился. На первом перекрестке повернул направо, к трассе.

И лишь выехав на шоссе, понял, что все идет не так, как задумано. Забыта какая-то деталь. Что-то из формы.

Очки.

Надевает ли их полицейский ночью?

Проносясь мимо грузовиков и легковых автомобилей, молодой человек пытался сообразить, ездит ли полицейский ночью в темных очках. Может, они защищают от света встречных машин? Держа руль одной рукой, он принялся ощупывать карманы. Вот. Он вытащил очки и надел их.

Дорога тут же погрузилась во тьму. Некоторое время вообще ничего не было видно. Наверное, это ошибка. Он снял очки и немного поэкспериментировал, поднося их к глазам и пытаясь разглядеть сквозь них дорогу.

Слева на одной с ним скорости двигался грузовик. Поначалу мотоциклист не обратил на него внимания. Трейлер как трейлер. Прибавил скорость, чтобы обогнать его. Трейлер тоже при-

бавил скорость.

Проклятье, подумал молодой человек. Вот что он забыл — перчатки. Обнаженные кисти рук — одна на руле, другая с очками — онемели от холода.

Успею, если вернусь? Нет.

Желтый «Форд-пикап» вот-вот должен появиться на трассе.

Идущий слева трейлер прибавил скорость и вышел чуть вперед, постепенно переходя на его полосу.

Сорвав очки, мотоциклист попытался перестроиться в правый ряд. Резкий сигнал остановил его — правый ряд был занят. Он вернулся назад, и в это время трейлер стал надвигаться на него. Рука непроизвольно потянулась к сигналу. Какого черта? Разве на полицейских мотоциклах есть сигналы? На них ставят тумблеры сирены! Как только молодой человек на него нажал, трейлер подвинулся, машина справа тоже освободила ему больше места.

Он несколько успокоился.

А когда впереди появился желтый «Форд-пикап», мотоциклист понял, что работа ему нравится.

Услышав сирену полицейского мотоцикла, Рэгл

сообразил: его намерены задержать. Он не стал сбрасывать скорость. Но и не прибавил: хотел убедиться, что его преследует именно мотоцикл, а не машина.

«Вот и настал час применить чувство времени и пространства, — сказал он себе. — Мой знаменитый талант».

Он прикинул схему движения всех автомобилей сзади себя, их положение друг относительно друга и скорость. Когда картина вырисовалась, Рэгл резко взял влево, пройдя между двумя автомашинами. Одной пришлось притормозить — выбора не было. Быстро, но без суеты, пикап лавировал в тесном транспортном потоке. Рэгл менял полосы движения до тех пор, пока не обогнал огромный фургон с прицепом, за которым стал невидим для всех едущих сзади. Все это время позади слышался рев сирены. Теперь он не мог с точностью сказать, где находится патрульный мотоцикл. И полицейский, Рэгл был в этом уверен, тоже потерял его из виду.

Позади шел фургон, впереди — седан, таким образом, его габаритные огни были полностью скрыты от глаз. А в темноте полицейский мог ориентироваться только по габариткам.

Мотоцикл совершенно неожиданно возник

справа. Полицейский внимательно оглядел Рэгла, но приблизиться не смог. Водители не могли понять, кого преследует патрульный, и думали, что ему просто надо проехать.

Пусть меня ловит, решил Рэгл и немедленно поменял полосу движения, уводя «Форд» на крайнюю левую полосу. Он снизил скорость, вынуждая едущих сзади переходить в другой ряд, делая тем самым движение еще более плотным.

На мгновение на правой обочине мелькнул патрульный мотоцикл. Полицейский пристально вглядывался в поток транспорта, но желтый «Форд» не разглядел. Теперь Рэгл был в безопасности. Ему повезло. Он прибавил скорость и начал обгонять другие машины.

Вскоре показался нужный перекресток. Но огней прибрежной станции видно не было.

Странно, подумал Рэгл. Надо уходить с трассы, решил он. Иначе опять привяжутся. Что-нибудь окажется не так: задний отражатель не того цвета… Любой предлог, чтобы придраться и задержать.

«Ясно, что это психоз, — твердил себе Рэгл, — но все равно — не хочу, чтобы меня поймали».

Показав рукой поворот, он съехал с трассы. Грузовичок влез в мокрый чернозем и замер. Рэгл

выключил мотор и фары.

«Теперь не сцапают… Только вот где я, черт побери? И что теперь делать?»

Вытягивая шею, он тщетно пытался разглядеть огни станции. Примыкающая к трассе дорога уходила в темноту, освещенными были только первые сто ярдов. И больше ничего.

Второстепенная дорога. А это междугородная трасса.

Далеко впереди на шоссе виднелась неоновая вывеска.

Подъеду, решил Рэгл. Он подождал, пока вдали показалась сплошная цепочка огней, и выскочил на трассу за долю секунды до первой машины. Теперь, даже если и попадется полицейский, ему нелегко будет выделить его габаритки из общего потока.

Спустя несколько секунд Рэгл уже мог разглядеть неоновую вывеску придорожной закусочной. Светящиеся стрелки указывали подъезд к автостоянке. Высокие прямые буквы извещали: «ЖАРЕНОЕ МЯСО И НАПИТКИ ФРЭНКА». В одноэтажном оштукатуренном пятиугольном здании светились окна. Рядом стояло несколько машин.

Рэгл съехал с трассы к стоянке, в темноте чуть не врезался в стену закусочной. От всего проис-

ходящего его начала бить дрожь. Он перешел на низшую передачу, медленно поехал вокруг здания, высматривая место, где машину нельзя было бы увидеть с дороги, и наконец остановился среди мусорных баков и штабелей ящиков. Здесь, очевидно, разгружались хозяйственные машины.

Спрыгнув с подножки, Рэгл еще раз удостоверился, что с трассы пикап не виден. Во всяком случае — с проезжающих машин. А если его все-таки заметят, он открестится от этого грузовичка. Не мой — и точка. Пусть докажут, что это он на нем приехал. Пришел пешком. Или доехал на попутке. Проголосовал на перекрестке.

Толкнув дверь закусочной, Рэгл зашел внутрь.

«Похоже, здесь мне дадут стакан молока и сэндвич с жареным мясом».

Ну да, так и есть. Людей порядочно: как на автостанции. Все идет по той же схеме.

Большинство уютных столиков были заняты парочками. У стойки в центре зала ели и пили несколько мужчин. В помещении пахло жареным мясом, в углу гремел патефон.

Количество машин на стоянке никак не предвещало такой толпы внутри.

Пока никто его не заметил, Рэгл тихонько вы-

скользнул, прикрыв за собой дверь. Потом быстро прошел к своему пикапу.

Слишком большое здание. Слишком современное. Чересчур яркий свет. И очень много людей…

«Похоже, это последняя стадия моего помешательства. Я избегаю людей за то, что они собираются вместе и весело проводят время. А я их подозреваю. Как извращенец. Стремлюсь в темноту».

Рэгл нашел свою машину, завел двигатель и, не включая фар, тронулся с места. У выезда на трассу немного постоял, дожидаясь просвета в потоке машин. И вот он опять на дороге, мчится прочь от города в чужой машине. Украденной, осознал вдруг Рэгл. А что еще оставалось?

«Я-то знаю, что они против меня сговорились. Два солдата, заправщик, таксист — все заодно. Никому нельзя доверять. Специально подсунули мне этот грузовичок, чтобы первый же полицейский меня задержал. Может, сзади вообще светится надпись „РУССКИЙ ШПИОН“».

Настоящая паранойя. Есть такой синдром: «пни меня».

«Ну да, — думал Рэгл. — Я человек, на спине которого написано „пни меня“». И как ни старайся, все равно не удастся обернуться так быстро,

чтобы самому прочитать надпись. Но интуиция подсказывает, что она есть. Кроме того, ясно ведь, как реагируют окружающие! Они выстраиваются в очередь, чтобы его пнуть.

«Я уже не показываюсь в ярко освещенных местах. Не завожу разговоров с незнакомыми людьми. Собственно, по-настоящему незнакомых и нет, так или иначе все меня знают. Они либо друзья, либо враги… Друзья… — задумался Рэгл. — Интересно, кто? Где? Сестра? Зять? Соседи? Я доверяю им больше, чем другим. Но этого мало».

Он вел машину дальше. Неоновые вывески исчезли. По обе стороны шоссе простиралось темное, безжизненное пространство. Движение стихло. Лишь изредка попадались встречные машины, на мгновение ослепляя его светом фар.

Одиночество.

Рэгл осмотрелся и обнаружил, что в приборную доску вмонтирован радиопередатчик. Он разглядел ручку настройки.

Если я включу его, то услышу, как они говорят обо мне.

Он протянул руку, помедлил и наконец включил приемник. Салон наполнился звуками, в основном статическими помехами.

— …после того, — прорвался скрипучий голос.

— …нет, — ответил другой.

— …все, что в моих силах.

— …хорошо.

Вызывают всех подряд, подумал Рэгл. Тревога в эфире. Сбежал Рэгл Гамм! Рэгл Гамм ускользнул!

— …более опытных, — проскрипел голос.

В следующий раз пришлют более опытных, догадался Рэгл. Жалкие дилетанты.

— …с тем же успехом… больше нет смысла…

С тем же успехом можно прекратить поиск, догадался Рэгл. Искать его нет смысла. Он слишком умен. Слишком изворотлив.

Приемник просипел:

— Так сказал Шульман.

«Значит, командующий — Шульман, — сообразил Рэгл. — Верховный главнокомандующий объединенных вооруженных сил со штаб-квартирой в Женеве. Вырабатывают совершенно секретную стратегию по координации усилий всех стран в обнаружении грузовика типа „пикап“. В мою сторону разворачиваются флоты. Готовится ядерная атака».

Скрипучий голос начал действовать ему на нервы. Рэгл выключил радио. Как мыши, визжащие мыши. Снуют туда-сюда и скрипят. У него даже мурашки пошли по коже.

Судя по спидометру, позади миль двадцать — приличное расстояние. И ни городов, ни огней. А теперь нет даже машин. Только дорога и разделительная полоса слева. Бетон в свете фар.

Темнота и бескрайняя плоская равнина. Высоко наверху — звезды. Неужели нет даже фермерских домиков?

«О боже! — подумал Рэгл. — Не дай мне только здесь поломаться. Где я? Может, уже нигде?

А может, я и не еду? Попал в какой-нибудь провал во времени? Колеса вращаются, вращаются без всякой пользы, и так будет всегда. Иллюзия движения. Мотор гудит, шины шуршат, фары освещают бетон… На одном месте».

И все же Рэгл не решался остановиться. Вылезти и осмотреться. К черту! Здесь, в машине, он по крайней мере в безопасности. Здесь его хоть что-то окружает. Кабина из металла. Приборная доска перед глазами. Снизу — сиденье. Датчики, руль, педали.

Это лучше, чем пустота снаружи.

Неожиданно далеко справа он увидел огни. А немного погодя фары высветили указатель: пересечение со второстепенной дорогой. Она уходила вправо и влево от трассы.

Рэгл повернул направо. В полосе света — узкая,

разбитая колея. Грузовик дернуло и закачало. Заброшенная дорога, ее и не ремонтируют. Передние колеса попали в яму, Рэгл перешел на вторую передачу, и машина почти остановилась. Так можно и подвеску потерять… Приходилось ехать, напряженно вглядываясь в дорогу. Она петляла и шла на подъем.

Вокруг были холмы и заросли, под колесами хрустели ветки. Вдруг в свете фар заметалось какое-то существо с белым мехом. Рэгл резко повернул, и колеса заскользили по жиже. Рэгл в ужасе крутил руль. Перед ним замаячил пережитый несколько мгновений назад кошмар — застрять, забуксовать и утонуть в этой грязи.

Он включил первую передачу, и грузовик пополз на невообразимо крутой холм. Дорога превратилась в сплошное месиво, обрамленное кустарником. В свете фар мелькнули листва и крутой обрыв, и Рэгл едва успел свернуть влево.

А следующий поворот он пропустил. Правые колеса влетели в кустарник, машину развернуло поперек дороги, мотор заглох. Грузовик накренился, и Рэгл почувствовал, как сползает с сиденья. Он судорожно нащупывал ручку двери. Пикап с отчаянным скрипом скользнул вниз и наконец замер, едва не перевернувшись.

Вот и все, подумал Рэгл.

Спустя несколько мгновений ему удалось открыть дверь и выбраться наружу.

Фары освещали кусты и деревья. Вверху простиралось небо. Ни города, ни иного жилья видно не было.

Он побрел вперед, определяя дорогу больше на ощупь. Когда его правая нога попадала в заросли, он принимал влево. Как радар, подумал Рэгл.

Неожиданно Рэгл оступился и чуть не упал. Дорога пошла вниз. Оказывается, он поднялся на вершину.

Справа горели огоньки. Там был домик. Там жили люди. В окнах горел свет.

Утопая в грязи, Рэгл добрел до забора, ощупью нашел ворота. С большим усилием ему удалось отворить их. Поскользнувшись еще несколько раз, он наконец натолкнулся на каменные ступеньки.

Вытянув руки, Рэгл поднялся на крыльцо. Пальцы нашарили старинный колокольчик.

Он позвонил и замер, задыхаясь и дрожа от ночного холода. Дверь открыла средних лет темноволосая женщина. На ней были темно-коричневые бриджи, клетчатая бурая рубашка и высокие рабочие ботинки.

Миссис Кейтелбайн, всплыло в сознании. Она. Нет.

Рэгл и женщина уставились друга на друга.

— Вам что-нибудь нужно? — Позади нее выглядывал еще один человек, кажется, мужчина.

— У меня сломалась машина, — ответил Рэгл.

— О, входите! — Женщина распахнула дверь. — Вы не ранены? Вы один? — Она вышла на крыльцо посмотреть, есть ли еще кто-нибудь.

— Я один.

Мебель из клена… низкое кресло, столик, письменный стол с пишущей машинкой. Камин.

— Хорошо, — сказал Рэгл, подходя к камину.

Мужчина держал в руках книгу.

— Вы можете от нас позвонить, — предложил он. — Далеко вам пришлось идти?

— Не очень.

У мужчины было открытое, чистое, будто у мальчишки, лицо. Он выглядел гораздо моложе женщины; возможно, это был ее сын. Как Вальтер Кейтелбайн, подумал Рэгл. Удивительное совпадение. На какую-то секунду…

— Вам повезло, что вы нас нашли, — сказала женщина. — Здесь, на холме, живем только мы. Остальные разъехались до лета.

— Понятно. — Рэгл кивнул.

— Мы здесь круглый год, — заметил молодой человек.

— Меня зовут миссис Кессельман, — сказала женщина. — А это мой сын.

Рэгл пораженно вскинул глаза.

— В чем дело? — спросила женщина.

— Я… мне показалось, что я вас знаю, — пробормотал он.

Что бы это могло значить? Женщина определенно не была миссис Кейтелбайн. Так же как и молодой человек не был Вальтером. Их сходство — случайность.

— Что вас сюда привело? — спросила миссис Кессельман. — В забытый богом и людьми уголок… Согласна, в моих устах это звучит странно, поскольку я здесь живу.

— Искал приятеля, — ответил Рэгл.

Это удовлетворило любопытство хозяев. Оба кивнули.

— Моя машина потеряла управление и перевернулась на одном из поворотов.

— О боже! — воскликнула миссис Кессельман. — Какое невезение. Она что, сорвалась в обрыв?

— Нет. Но ее все равно надо вытаскивать. Я боюсь в нее садиться. В любой момент она может

соскользнуть.

— Ни в коем случае к ней не подходите! — сказала миссис Кессельман. — У нас уже были случаи, когда машины падали вниз. Позвоните своему приятелю, пусть не тревожится.

— Не помню его номера.

— Можете посмотреть в телефонной книге, — посоветовал молодой мистер Кессельман.

— Дело в том, что я не знаю его имени. Даже не знаю, мужчина это или женщина.

И есть ли он вообще, добавил Рэгл про себя.

Кессельманы доверительно заулыбались. Очевидно, решили, что он шутит.

— Может, хотите вызвать тягач? — спросила миссис Кессельман, но сын перебил ее:

— Бесполезно. Мы как-то пытались связаться с несколькими гаражами — никто и не пошевелился.

— Да, он прав. — Миссис Кессельман кивнула. — Господи, это действительно серьезная проблема. Мы всегда боялись, что сами угодим в подобный переплет. Пока проносило. Ну и конечно, за эти годы мы хорошо изучили дорогу.

Молодой Кессельман предложил:

— Я с удовольствием довезу вас до вашего друга, если вы знаете, как туда ехать. А хотите, могу под-

бросить до трассы или до города. — Он посмотрел на мать, и она согласно кивнула.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Рэгл.

Уезжать ему не хотелось. Он стоял у камина и наслаждался теплом и покоем. Приятный дом: гравюры на стенах, тишина, никакой лишней ерунды. Во всем чувствовался вкус: в подборе книг, в мебели и даже в занавесках. Обстановка вполне соответствовала врожденному чувству порядка, приверженности Рэгла к системе. Здесь создано настоящее эстетическое равновесие, решил он. Поэтому так спокойно.

Миссис Кессельман ждала, когда он скажет что-нибудь. Однако Рэгл молча стоял у камина, и она спросила:

— Может, выпьете?

— Да, — кивнул Рэгл, — с удовольствием.

— Пойду посмотрю, что у нас есть, — сказала миссис Кессельман. — Извините.

Она вышла из комнаты, а сын остался.

— Холодает помаленьку, — заметил он.

— Верно, — согласился Рэгл.

Несколько неловко молодой человек протянул руку.

— Меня зовут Гаррет. — Они обменялись руко-

пожатиями. — Я дизайнер.

Вот и объяснение изысканной обстановки.

— У вас очень уютно, — сказал Рэгл.

— А вы чем занимаетесь? — поинтересовался Гаррет Кессельман.

— Я работаю в газете.

— Вот это здорово! — воскликнул Гаррет. — В школе я два года изучал журналистику.

Миссис Кессельман вернулась с подносом, на котором стояли три низких бокала и обычной формы бутылка.

— Кукурузное виски из Теннесси. Старейшего разлива. Марка «Черный Джек Дэниэлс».

— Никогда о таком не слышал, — признался Рэгл. — Но звучит хорошо.

— Великолепное виски. — Гаррет протянул Рэглу бокал. — Наподобие канадского.

— Обычно я пью пиво, — сказал Рэгл, попробовал кукурузного виски и добавил: — Отлично!

Все замолчали.

— Неудачное время для поисков приятеля, — начала миссис Кессельман, когда Рэгл налил себе еще. — На эту гору люди стараются заезжать исключительно днем.

Она сидела напротив Рэгла. Сын примостился на спинке кресла.

— Я поссорился с женой. Больше не мог этого вынести. Вот и поехал.

— Вам не позавидуешь, — посочувствовала миссис Кессельман.

— Даже не собрал вещи, — продолжал Рэгл. — Не знал, куда поеду. Потом вспомнил про этого друга и решил: может, удастся какое-то время у него перекантоваться, пока все не образуется. Я его несколько лет не видел. Может, он вообще давно отсюда уехал… Как мерзко, когда рушится семейная жизнь. Будто конец света.

— Да. — Миссис Кессельман кивнула.

— Могу я у вас переночевать? — спросил Рэгл.

Мать и сын переглянулись. Потом, смутившись, одновременно заговорили. Общий смысл сводился к отказу.

— Мне надо где-то переночевать, — настаивал Рэгл. Он вытащил из кармана кошелек, открыл его и пересчитал деньги. — Здесь у меня около двухсот долларов. Я вам заплачу за причиненные неудобства.

— Нам надо посоветоваться, — сказала миссис Кессельман.

Поднявшись, она кивнула сыну, и оба вышли из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Отсюда нельзя уходить, подумал Рэгл. Он налил

себе еще виски и вернулся к камину. Этот пикап с приемником, наверное, тоже принадлежит им, иначе в нем не было бы радио. И заправщик тоже один из них.

Вот и доказательство, сам себе сказал Рэгл. Радио — это доказательство. Не выдумка, а факт.

По плодам вашим узнают вас, подумал он. Их плоды — это радио. Они общаются по радио.

Дверь открылась, вошли миссис Кессельман и ее сын.

— Мы посоветовались, — начала она, присев на краешек дивана. — Мы понимаем, что с вами случилась беда. — Сын стоял рядом с ней и хмурился. — Разрешаем вам остаться, поскольку вы в безвыходном положении. Мы не хотим знать всю правду. Ваша ситуация сложнее, чем вы рассказываете.

— Вы правы, — произнес Рэгл.

Кессельманы переглянулись.

— Я ехал с намерением покончить с собой, — продолжал Рэгл. — Разогнаться и крутануть руль. Но не смог. Нервы.

Кессельманы в ужасе уставились на гостя.

— Только не это. — Миссис Кессельман подошла к Рэглу. — Мистер Гамм…

— Я не Гамм, — запротестовал Рэгл, но было

ясно, что его узнали. Причем с самого начала.

Весь мир меня знает. И нечему тут удивляться.

— Я сразу поняла, кто вы, — сказала миссис Кессельман. — Просто не хотела вас смущать, раз вы по какой-то причине не назвались.

— Прошу прощения, — не выдержал Гаррет, — но кто вы, мистер Гамм? Я понимаю, что должен вас знать, однако не припомню, где слышал ваше имя.

— Мистер Гамм, дорогой, — это человек, который постоянно побеждает в конкурсе «Газетт», — ответила ему мать. — Помнишь, на прошлой неделе мы смотрели про него фильм по телевизору? — Повернувшись к Рэглу, она добавила: — Я почти все о вас знаю. В тысяча девятьсот тридцать седьмом я принимала участие в конкурсе «Старое золото». И дошла до самого конца. Разгадала все до последней головоломки.

— Да, только ты мошенничала! — Сын улыбнулся.

— Это правда, — призналась миссис Кессельман. — Мы с подружкой бегали к старому газетчику, и он за пять долларов просовывал нам под прилавком шпаргалку.

— Надеюсь, — сказал Гаррет, — вы не станете возражать, если мы предложим вам веранду.

Собственно говоря, это даже не веранда, а дополнительная квартира. Несколько лет назад мы ее полностью переделали. Теперь там есть туалет и ванная. Обычно мы предлагаем ее гостям, которые задерживаются допоздна и не рискуют ехать через гору.

— Вы ведь больше не собираетесь… покончить с собой, нет? — спросила миссис Кессельман. — Вы правда выбросили это из головы?

— Не собираюсь, — ответил Рэгл.

Женщина облегченно вздохнула:

— Ну и слава богу. Я ведь тоже участвую в конкурсе и желаю вам дальнейших побед.

— Подумать только! — воскликнул Гаррет. — Мы войдем в историю как люди, которые удержали… — он запнулся, — мистера Гамма от импульса самоуничтожения. Нас будут вспоминать в связи с его именем. Это слава!

— Слава, — повторил Гамм.

Разлили еще по одной порции кукурузного виски. Три человека сидели в гостиной, пили виски и смотрели друг на друга.

Глава 9

Звякнул дверной колокольчик. Джуни Блэк отложила журнал и пошла открывать.

— Телеграмма мистеру Уильяму Блэку, — объявил молоденький почтальон в форме «Вестерн юнион». — Здесь распишитесь, пожалуйста.

Он протянул ей карандаш и блокнотик. Джуни расписалась, взяла телеграмму и, закрыв дверь, пошла к мужу.

— Тебе.

Билл Блэк развернул бланк так, чтобы она не могла прочитать написанного.

«Мотоцикл упустил грузовик. Гамм проехал закусочную. Ваш ход».

Поручили мальчику мужское дело, подумал Билл Блэк. Он посмотрел на часы: десятый час, вечер.

— Что там? — спросила Джуни.

— Ничего.

«Интересно, найдут они его или нет? — подумал Блэк. — Хорошо, если найдут. Потому что иначе завтра в это время многие из нас будут мертвы. Один бог знает, сколько сотен тысяч трупов. Наши жизни зависят от Рэгла Гамма. От

него и от проклятого конкурса».

— Что-то страшное? — Джуни не унималась. — Да? Я вижу по твоему лицу.

— Дела, — ответил Блэк. — Муниципальные проблемы.

— Муниципальные? — усомнилась Джуни. — Слушай, не лги мне. Я знаю, это связано с Рэглом.

Неожиданно она выхватила у него телеграмму и выскочила из комнаты.

— Ну да! Я так и знала! Что ты задумал? Нанял кого-нибудь убить его? Я знаю, что он пропал, я звонила Марго, она говорит…

— Ты понятия не имеешь, о чем идет речь! — Билл отобрал телеграмму, едва контролируя себя.

— Не волнуйся, имею! Когда Марго мне сказала, что Рэгл исчез…

— Рэгл никуда не исчезал. — Билл сдерживался из последних сил. — Он просто ушел.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Знаешь, потому что ты в этом виноват.

«В каком-то смысле она права, — подумал Билл. — Я действительно виноват. Решил, что они с Виком шутили, когда с винтовкой выскочили из сарая».

— Хорошо. Виноват я.

Глаза Джуни изменили цвет. Зрачки почти исчезли.

— Как же я тебя ненавижу, — процедила она, тряся головой. — Так бы и перерезала тебе горло.

— Давай. — Билл кивнул. — Может, это лучший выход.

— Я иду к соседям.

— Зачем?

— Расскажу Вику и Марго, что это ты во всем виноват. — Она кинулась к выходу, но Билл догнал ее и схватил за руку. — Отпусти! — завизжала Джуни. — Я им скажу, что мы с Рэглом любим друг друга, и если твой мерзкий план провалится…

— Уймись, — взмолился Билл Блэк. — Успокойся, слышишь?

И вдруг он опять вспомнил, что Рэгла нет и разгадывать завтрашнее конкурсное задание некому. Его охватил животный ужас, на какое-то время он окончательно потерял над собой контроль.

— Мне надо в туалет, — сказал он жене. — Нет, я хочу спуститься в подвал. Зарыться в землю.

— Детский комплекс вины, — насмешливо проговорила Джуни.

— Это страх, — ответил Билл. — Просто страх.

— Тебе стыдно.

— Нет. Детский страх… Взрослый страх.

— Взрослый страх! — фыркнула Джуни. — Такого не бывает.

— Еще как бывает, — сказал Билл Блэк.

Гаррет принес мыло, повесил на спинку стула свежее полотенце, рядом бросил коврик для ванной.

— Ванная здесь. — Он распахнул дверь, и Рэгл увидел узкий коридор, как на корабле, ведущий в крошечную, наподобие каморки, ванную.

— Отлично. — Рэгл кивнул. Его клонило в сон. — Спасибо за все. Спокойной ночи.

— Тут много книг и журналов, так что можете читать, если вам не спится. Есть шахматы и другие игры. Правда, они не для одного человека.

Гаррет удалился. Рэгл слышал, как он поднялся по лестнице, как закрылась дверь наверху.

Сев на кровать, Рэгл скинул туфли, огляделся, куда бы их поставить. Вдоль стены тянулась полка, на ней стояли лампа, механические часы и белый пластмассовый радиоприемник.

Увидев радио, Рэгл надел туфли, застегнул рубашку и выскользнул на лестницу.

Они чуть не обвели меня вокруг пальца. Но все-таки выдали себя. Прошло не больше минуты

с того момента, как вышел молодой Кессельман. Рэгл замер в коридоре, прислушиваясь. Откуда-то доносился голос миссис Кессельман.

Связывается с ними: звонит по телефону или передает по радио. Одно из двух. Стараясь ступать как можно тише, Рэгл пошел на голос. Дверь в конце темного коридора была полуоткрыта. За ней горел свет. Приблизившись, Рэгл выглянул в столовую.

В платье и шлепанцах, перехватив волосы ленточкой, миссис Кессельман кормила из миски маленькую черную собачку. И она, и собачка вздрогнули, когда Рэгл толкнул дверь. Собачонка звонко и отрывисто залаяла.

— Уф! — вздохнула миссис Кессельман. — Как вы меня испугали! — В руках она держала коробочку с собачьим печеньем. — Вам что-нибудь нужно?

— Там, внизу, в моей комнате, радиоприемник, — сказал Рэгл.

— Ну да, — ответила женщина.

— Это их способ общения.

— Чей?

— Их. Я не знаю, кто они такие, но они повсюду. Преследуют меня.

«И ты с сыном тоже с ними, — подумал Рэгл. — Я

едва не попался. Хорошо, что они забыли спрятать радио. Или не успели».

В столовую вошел Гаррет.

— Все в порядке? — спросил он встревоженно.

Повернувшись к нему, мать сказала:

— Будь добр, закрой дверь, я хочу поговорить с мистером Рэглом наедине.

— Пусть останется, — потребовал Рэгл. Он подошел к Гаррету; тот заморгал и попятился, руки его беспомощно повисли. Закрыв дверь, Рэгл продолжил: — У меня нет возможности проверить, сообщили ли вы им, что я здесь. Надеюсь, еще не успели.

«Все равно я не знаю, куда идти, — подумал он. — Тем более ночью».

— Я вас не понимаю, — сказала миссис Кессельман. Пожав плечами, она опять принялась кормить собачку. Та, тявкнув еще пару раз в сторону Рэгла, стала есть. — Вы утверждаете, что вас преследуют какие-то люди и мы входим в их число. Значит, про самоубийство вы придумали?

— Придумал.

— Почему они вас преследуют? — спросил Гаррет.

— Потому, что я — центр Вселенной. Во всяком случае, они меня в этом убедили своими действи-

ями. Мне ничего не остается, как продолжать. Им стоило большого труда выстроить вокруг меня искусственный мир, чтобы я не волновался. Дома, автомобили… целый город. Очень похоже, только все не настоящее. Не могу понять, зачем они придумали конкурс.

— О, — воскликнула миссис Кессельман, — ваш конкурс!

— Ясно, что для них принципиально важен именно конкурс, — вслух размышлял Рэгл. — Но здесь я не в силах разобраться. Может быть, вы знаете?

— Я знаю не больше вашего, — испуганно проговорила миссис Кессельман. — Конечно, я слышала, что все крупные конкурсы связаны с махинациями, но ведь это только слухи…

— Я имею в виду другое, — перебил ее Рэгл. — Знаете ли вы, что на самом деле означает этот конкурс?

Все замолчали. Занятая собакой, миссис Кессельман повернулась к Рэглу спиной. Гаррет сел в кресло, скрестил ноги и закинул руки за голову, стараясь казаться безмятежным.

— Чем я на самом деле занимаюсь каждый день? Неужели просто сижу и высчитываю, где теперь появится Зеленый человечек? Здесь за-

ложен какой-то другой смысл. И они его знают, а я нет.

Кессельманы молчали.

— Вы связывались с ними? — спросил Рэгл.

Гаррет поежился. Миссис Кессельман вздрогнула, но продолжала кормить собаку.

— Могу я осмотреть дом?

— Да, конечно. — Миссис Кессельман выпрямилась. — Послушайте, мистер Гамм, мы сделали все, чтобы вам было удобно. Но… — Женщина взмахнула рукой, и ее прорвало: — Но знаете, мы уже ничего не понимаем. Мы вас ни разу в жизни раньше не видели. Вы что, ненормальный? Наверное, это так; во всяком случае, ведете вы себя странно. Я теперь жалею, что вы вообще к нам попали, лучше бы… — Она запнулась. — Лучше бы вы сорвались в обрыв с вашей машиной — вот что я хотела сказать! Мы не заслужили таких оскорблений!

— Да-да, — пробормотал Гаррет.

«Неужели я ошибаюсь?» — подумал Рэгл.

— Тогда объясните, почему здесь радио, — сказал он вслух.

— Тут нечего объяснять, — ответила миссис Кессельман. — Обыкновенный пятиламповый приемник, купленный после войны. Я даже не

знаю, работает ли он. — Теперь она выглядела сердитой. Ее руки дрожали, лицо осунулось от усталости и раздражения. — В каждом доме есть радиоприемник. Даже по два или три.

Рэгл открыл все двери столовой. Одна из них вела в небольшой чуланчик, заставленный банками на полках.

— Я хочу осмотреть дом, — повторил Рэгл. — Зайдите сюда, чтобы я не волновался, чем вы занимаетесь, пока я все проверяю.

В двери чулана торчал ключ.

— Умоляю вас, — с трудом выговорила миссис Кессельман, не сводя с Рэгла глаз.

— Всего на несколько минут.

Кессельманы переглянулись, мать согласно кивнула, и они полезли в чулан. Рэгл повернул ключ и задвинул шпингалет.

Теперь он чувствовал себя спокойнее.

Черная собачка уставилась на него, не отходя от миски.

«Почему она на меня смотрит?..»

Потом Рэгл заметил, что миска пуста; собака, очевидно, ждет добавки. Коробка с печеньем лежала на длинном обеденном столе, где ее оставила миссис Кессельман. Он подбросил в миску печенья, и собака принялась за еду.

Из чулана донесся голос Гаррета:

— Надо быть осторожнее, он сумасшедший.

— Я не сумасшедший! — крикнул Рэгл. — Я давно слежу, как обстановка накаляется.

— Послушайте, мистер Гамм, — обратилась к нему из чулана миссис Кессельман, — вы, безусловно, верите в то, что говорите. Убеждены, что все против вас, и тем самым действительно всех против себя настраиваете.

— Нас, например, — вставил Гаррет.

В их словах был смысл. Рэгл пробормотал:

— У меня нет выбора.

— Вы должны хоть кому-нибудь поверить, — сказала миссис Кессельман. — Иначе не выживете.

— Я все-таки осмотрю помещение и тогда решу, — ответил Рэгл.

Женщина продолжала ровным, спокойным голосом:

— Во всяком случае, позвоните домой и скажите, что все в порядке. Там, наверное, не знают, что и думать. Или, может быть, мы позвоним? Успокоим ваших родных, чтобы не обращались в полицию.

Рэгл вышел из столовой. Сперва осмотрел гостиную. Все, казалось, было в порядке. Что он

хотел найти? Старая история: мог бы ответить — если бы нашел.

На стене над маленькими клавикордами висел телефон — ярко-розовая пластмассовая трубка и шнур. А справа на книжной полке стоял телефонный справочник — точно такой же, как нашел Сэмми в развалинах. Рэгл открыл книгу. Свободная первая страница была исписана именами и телефонами. Писали карандашом, красным фломастером, шариковой ручкой. Адреса, пометки о встречах, даты, события… Обычная телефонная книга, какая и должна быть в таком доме, у таких людей. Номера в Уолнате, Шермане, Кентфилде, Девоншире.

На самой трубке значился кентфилдский номер.

Теперь понятно.

Взяв с собой книгу, Рэгл вернулся в столовую, вытащил ключ и открыл чулан, широко распахнув дверь.

Чулан был пуст. В задней стенке была аккуратно вырезана дыра, сквозь которую виднелась одна из спален. Пол был усыпан еще теплыми древесными и пластиковыми опилками. За несколько минут хозяева успели проделать проход. На полу валялись два сверла. Одно по-

гнутое и поломанное, видно нагрузка оказалась слишком велика. Другим, похоже, вообще не пользовались, очевидно, нашли третье, нужного размера, и мгновенно все сделали. Кессельманы так спешили, что побросали инструменты.

Разглядывая лежащие на ладони сверла, Рэгл вдруг сообразил, что ничего подобного ему видеть не приходилось. За всю свою жизнь.

Значит, спокойно и рассудительно разговаривая с ним через дверь, они все это время сверлили заднюю стенку…

«Я безнадежный неудачник, — подумал Рэгл. — Изгой. С тем же успехом можно было сразу сдаться».

Он стал бесцельно бродить по комнатам. От порывов ветра хлопала задняя дверь. Хозяева ушли. Оставили ему весь дом. Пустота: только он и собака. Нет, собака тоже куда-то исчезла. Ушла с ними.

Выбираться на дорогу? Если повезет, он успеет уйти далеко, прежде чем Кессельманы вернутся с подкреплением. В крайнем случае, можно до рассвета укрыться в лесу, потом добраться до шоссе или идти вниз по холмам в другую сторону…

Рэгла передернуло от одной этой мысли. Идти он не мог. Не было сил.

Или… остаться в доме и постараться выяснить все, что возможно? Как можно больше, прежде чем они его схватят.

Последний вариант показался ему самым подходящим. Рэгл вернулся в гостиную. На этот раз он проверил все шкафы и выдвижные ящики, не обошел вниманием и столь обычный предмет, как телевизор в углу. На телевизоре стоял магнитофон. Рэгл нажал клавишу, и магнитофон заработал. Бобина с пленкой начала вращаться. Пленка, очевидно, предназначалась как для прослушивания, так и для просмотра. Через секунду или две экран засветился.

На экране телевизора появился Рэгл Гамм. Вначале вид спереди, потом сбоку. Рэгл Гамм шел по тенистой дорожке мимо лужаек и припаркованных машин. Потом — крупным планом одно лицо.

Из динамика раздался голос:

— Это Рэгл Гамм.

Теперь на экране Рэгл Гамм сидел в шезлонге во дворе дома, на нем были шорты и гавайская рубашка с короткими рукавами.

— Сейчас вы услышите его голос. Обратите внимание на манеру разговора, — объявил динамик. И Рэгл услышал собственный голос: «…если

приду домой раньше вас, то сделаю сам. А нет, отложите все на завтра. Договорились?»

У них есть все про меня. Черным по белому. И даже в цвете.

Он остановил пленку. Картинка на экране застыла. Тогда Рэгл нажал на выключатель, и изображение сжалось в яркую точку, которая медленно погасла.

«Теперь ясно, почему меня все узнают. Их специально тренируют.

Когда я начну думать, что схожу с ума, я вспомню эту пленку. Эту тренировочную программу по узнаванию меня.

Интересно, сколько таких пленок заряжено сейчас в магнитофоны? В скольких домах? На какой территории? Они есть в каждом доме, где я бываю. На каждой улице. Наверное, во всех городах.

Во всем мире?»

Послышался далекий шум мотора. Это его подстегнуло.

Рэгл открыл парадную дверь, и шум усилился. В темноте внизу мигнули и погасли фары.

«Зачем все это? — подумал Рэгл. — Кто они? Как все обстоит на самом деле? Я должен разобраться».

Он снова кинулся в дом и принялся осматривать предмет за предметом. Мебель, книги, личные вещи в ящиках стола, одежда в шкафах… Что еще? Стиральная машина, швабра возле вешалки, упаковка голландского мыла, кипа журналов, газет. Рэгл выдернул несколько штук, роняя остальные, открыл наугад.

Увидев дату на газете, он понял, что искать дальше нет смысла. Вот.

10 мая 1997 года.

Будущее. Взгляд почти на сорок лет вперед.

Рэгл пробежал заголовки. Бессмысленный набор не связанных между собой банальностей: убийство, призыв к увеличению дотаций на строительство автостоянок, смерть знаменитого ученого, беспорядки в Аргентине.

Почти в самом низу заголовок:

РУДНИКИ НА ВЕНЕРЕ — СНОВА РАЗНОГЛАСИЯ

Тяжба в Международной ассоциации юристов по поводу собственности на Венере… Рэгл читал с максимальной быстротой, потом отшвырнул газету и схватил журналы.

«Таймс» от 7 апреля 1997 года. Свернув журнал, он сунул его в карман брюк. Открыл наугад

другой, пытаясь сразу проглотить всю статью, уловить и запомнить хоть что-нибудь. Мода, мосты, картины, медицина, хоккей — весь будущий мир, изложенный выверенной прозой. Краткие выжимки из всех областей жизни, которая еще не наступила…

Уже наступила. Протекает сейчас. Журнал-то периодический. На дворе стоял 1997 год. Не 1959-й.

Возле дома остановилась машина. Рэгл вздрогнул и схватил оставшиеся журналы, сколько смог… Он попытался выскочить через выходящую во двор дверь.

Голоса. Там, во дворе, были люди. Мелькнул луч фонаря. Журналы зацепились за дверь и полетели на крыльцо. Опустившись на колени, Рэгл принялся их собирать.

— Вот он, — раздался голос, и луч фонаря уперся в Рэгла, на мгновение ослепив его. Он повернулся спиной к свету, не отрываясь от обложки одного из журналов.

Там рядом с датой — 14 января 1996 года — была его фотография. Цветная. И подпись внизу:

РЭГЛ ГАММ — ЧЕЛОВЕК ГОДА

Присев на ступеньки, Рэгл открыл журнал на

нужной статье. Его детские фотографии. Мать и отец. Он в начальной школе… Рэгл лихорадочно листал страницы. Он после Второй мировой или какой-то там войны, в которой он участвовал, в военной форме, улыбается в объектив.

Женщина, которая была его первой женой.

Потом на развороте — острые шпили и напоминающие минареты башни промышленного района.

Журнал вырвали из рук. Рэгл поднял голову и с изумлением увидел на волочащих его с крыльца людях знакомые серые комбинезоны.

— Следи за воротами, — сказал один из них.

Рэгл видел черные деревья, видел бегущих по клумбам людей, пляшущие по каменистой дорожке лучи фонаря. А на дороге — грузовики с включенными двигателями и фарами. Темно-зеленые грузовики-полуторки. Тоже хорошо знакомые. Как и серые комбинезоны. Городские грузовики и люди из муниципальной службы.

Один из них поднес к лицу Рэгла пластиковый пузырек — и тут же раздавил его пальцами. Пузырек лопнул и окутал лицо Рэгла дымом. Зажатому с двух сторон, ему ничего не оставалось, как вдохнуть. Фонарь продолжал слепить его сквозь желтое облако, и Рэгл закрыл глаза.

— Поосторожнее, — проворчал кто-то. — Его надо беречь.

Материал грузовика был холодным, мокрым на ощупь. Как в рефрижераторе, подумал Рэгл. Деревенский продукт, который необходимо доставить в город. И завтра продать на рынке.

Глава 10

Щедрое солнечное утро заливало спальню белым светом. Рэгл прикрыл глаза рукой, чувствуя себя совершенно разбитым.

— Я опущу жалюзи, — проговорил кто-то.

Рэгл узнал голос и открыл глаза. Возле окна, опуская жалюзи, стоял Виктор Нильсон.

— Я вернулся, — сказал Рэгл. Он вспомнил, как бежал, как продирался вверх по холму сквозь кустарник. — Я залез высоко. Почти на вершину. А потом меня скатили вниз.

«Интересно, кто?» — подумал Рэгл. И спросил вслух:

— Кто вернул меня сюда?

— Здоровенный таксист, не меньше трехсот фунтов веса, — ответил Вик. — Дотащил тебя до крыльца и усадил на скамейку. — Немного помолчав, Вик добавил: — Это обойдется тебе — или мне, смотря кому придет счет, — в одиннадцать долларов.

— Где меня нашли?

— В баре.

— В каком баре?

— Никогда о нем не слышал. Где-то на другом

конце города. В северной части. Там, где промышленная зона, железнодорожные пути и грузовые верфи.

— Постарайся вспомнить название бара, — попросил Рэгл. Это казалось ему важным, только он не мог понять почему.

— Можно спросить Марго. Она не спала, мы оба не спали. Подожди.

Вик вышел из комнаты. Спустя мгновение к кровати подошла Марго:

— Бар назывался «Жареное мясо и напитки Фрэнка».

— Спасибо, — пробормотал Рэгл.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше.

— Приготовить тебе что-нибудь легкое?

— Нет, спасибо.

— А ты здорово нагрузился, — заметил Вик. — И не пивом. Напихал в карманы кучу мелочи.

— Что там было еще? — спросил Рэгл. Он помнил, что заталкивал в карманы что-то ценное, то, что он хотел сохранить и взять с собой.

— Была еще салфетка из «Жареного мяса», — сказала Марго. — Остальное — мелочь. По двадцать пять и десять центов. Ты что, собирался звонить?

— Да, — ответил Рэгл. — Собирался. — Что-то было связано с телефоном… — Я помню одно имя, — добавил он. — Джек Дэниэлс.

— Так звали таксиста, — сказал Вик.

— Откуда ты знаешь? — спросила Марго.

— Рэгл так его называл.

— А грузовики из муниципальной службы? Откуда взялись они? — спросил Рэгл.

— О них ты ничего не говорил, — ответила Марго. — Но очень легко объяснить, почему они пришли тебе на ум.

— Почему?

Марго подняла жалюзи:

— Стоят здесь с самого утра. Приехали еще до семи. Шум воздействовал на подсознание и определил ход мыслей.

Рэгл заставил себя подняться и подойти к окну. У противоположного тротуара стояли два темно-зеленых грузовика муниципальной службы. Бригада рабочих в серых комбинезонах долбила канаву, и Рэгл сообразил, что давно слышит грохот отбойных молотков.

— Похоже, они тут надолго, — сказал Вик. — Наверное, прорвало трубу.

— Я всегда нервничаю, когда перекапывают улицу, — откликнулась Марго. — Каждый раз

боюсь, что они все перекопают и уедут, не закончив.

— Они свое дело знают, — успокоил Вик. Махнув на прощание рукой, он отправился на работу.

Позже Рэгл Гамм, пошатываясь, выбрался из постели, умылся, побрился, натянул на себя одежду и прошел на кухню. Там налил себе стакан томатного сока, сварил яйцо и сел за стол.

Есть не хотелось. С улицы доносился треск отбойных молотков. «Интересно, долго это продлится?» — подумал Рэгл.

Он закурил и взял утреннюю газету. Кто-то уже принес ее и положил на стол.

Вид газеты вызвал у него отвращение. Было противно даже держать ее в руках.

Рэгл открыл газету на странице конкурса. Там, как обычно, печатали имена победителей. И его имя — в специально придуманном оформлении. Во всей красе.

— Как тебе сегодняшнее задание? — поинтересовалась Марго из соседней комнаты.

— Да как обычно, — пробормотал Рэгл. Вид собственного имени на странице газеты наполнил его тревогой и беспокойством, вернулось утреннее ощущение тошноты. — Веселенькое дело, — сказал он сестре. — В один прекрасный

день ты видишь свое имя напечатанным и испытываешь нервное потрясение. Шок.

— Я своего имени никогда не видела напечатанным, — откликнулась Марго. — Разве что пару раз в статьях о тебе.

«Да, — подумал Рэгл. — В статьях обо мне».

— Я важная птица, — сказал он вслух и отложил газету.

— Конечно, — согласилась Марго.

— У меня такое чувство, — продолжал Рэгл, — что от моих действий зависит судьба человечества.

Сестра выпрямилась и отложила тряпочку, которой протирала телевизор.

— Ты говоришь странные вещи. Я, собственно, не вижу… В конце концов, конкурс — это всего-навсего конкурс.

Рэгл прошел в свою комнату и принялся раскладывать графики, схемы, таблицы и придуманные им устройства. Спустя час он был полностью поглощен разгадыванием очередного задания.

Около полудня Марго постучала в запертую дверь.

— Рэгл! — крикнула она. — Тебя можно потревожить? Если нет, так и скажи.

Он распахнул дверь, довольный перерывом.

— Джуни Блэк хочет с тобой поговорить. Клянется, что всего на одну минуту.

Из гостиной вышла Джуни Блэк.

— Вырядилась как на праздник, — заметила Марго, оглядев ее.

— Еду в центр за покупками, — ответила Джуни.

На ней был красный вязаный шерстяной костюм, чулки, туфли на каблуках, на плечи наброшено коротенькое пальто, волосы тщательно уложены. Подкрашенные глаза приобрели почти театральную выразительность.

— Закрой дверь, — попросила она Рэгла, едва войдя в комнату. — Нам надо поговорить.

Он закрыл дверь.

— Слушай, у тебя все в порядке?

— Да. — Рэгл кивнул.

— Я знаю, что с тобой произошло. — Она положила руки ему на плечи, потом вздрогнула и отстранилась. — Будь он проклят! Я ему сказала, если что-нибудь с тобой случится, я его оставлю.

— Билла? — спросил Рэгл.

— Это он во всем виноват. Организовал за тобой слежку, нанял частных детективов. — Джуни нервно прошлась по комнате. — Тебя били?

— Нет, — ответил Рэгл. — Не думаю.

Джуни задумалась.

— Может, они просто хотели тебя припугнуть?

— Вряд ли это вообще имеет отношение к твоему мужу, — задумчиво произнес Рэгл. — И к тебе тоже.

Джуни покачала головой:

— А я знаю, что имеет. Я видела телеграмму, которую он получил. Когда ты пропал, ему пришла телеграмма. Он не хотел, чтобы я ее видела, а я выхватила ее у него из рук. Речь шла о тебе. Донесение.

— Что все-таки там было? — спросил Рэгл.

Джуни напрягла память и выпалила:

— «Обнаружен пропавший грузовик. Гамм проехал закусочную. Ваш ход».

— Ты уверена?

— Уверена. — Она кивнула. — Я успела выучить телеграмму наизусть, прежде чем Билл ее отобрал.

Грузовики муниципалитета, подумал Рэгл. Там, на улице, до сих пор торчали темно-зеленые грузовики. Рабочие продолжали разделываться с тротуаром, получилась уже приличная канава.

— У Билла есть контакт с ремонтниками? — спросил Рэгл. — Он распоряжается муниципальным транспортом?

— Я понятия не имею, чем он там распоряжается в своем водоканале, — ответила Джуни. — И мне на это наплевать. Рэгл, ты слышишь, мне на это наплевать. Я не хочу иметь с ним ничего общего.

Она неожиданно подбежала к Рэглу, обняла его и громко зашептала ему на ухо:

— Рэгл, я все решила. Эта история… то, что он способен на такие ужасные, преступные дела… последняя капля. Между нами все кончено. Смотри.

Джуни стащила с левой руки перчатку и помахала кистью перед его лицом.

— Видишь?

— Что?

— Обручальное кольцо. Я его не ношу… Помнишь, когда мы вместе лежали в траве и ты сказал, что любишь меня?

— Помню.

— Мне все равно, что говорят Марго и другие. Сегодня в полтретьего я встречаюсь со своим адвокатом. Хочу проконсультироваться насчет развода. А потом мы сможем быть вместе до конца жизни, и никто нам слова не скажет. А если он хоть раз попробует применить свои уголовные методы, я обращусь в полицию.

Взяв сумочку, она распахнула дверь.

— Ты уходишь? — Рэгл несколько растерялся, снова почувствовав себя в водовороте событий.

— Мне надо в центр. — Оглядев холл, Джуни послала ему страстный воздушный поцелуй и прошептала: — Я тебе позвоню позже и расскажу о визите к адвокату.

Рэгл услышал, как ее каблучки застучали по ступенькам крыльца. Затем взревел мотор машины… Уехала.

— Что там еще? — спросила Марго из кухни.

— Джуни расстроена, — рассеянно ответил Рэгл. — Поссорилась с Биллом.

— Если ты так важен для человечества, мог бы выбрать кого-нибудь и получше.

— Ты говорила Блэку, что я уходил?

— Нет, только Джуни. Она примчалась сразу же, как ты исчез. Я ей сказала, что меня больше волнует, куда ты запропастился, а не ее болтовня. Собственно, теперь ясно, что со мной она и не собиралась разговаривать.

Вытирая руки бумажным полотенцем, Марго добавила:

— А она прехорошенькая. Можно сказать, даже красивая. Но слишком юная. С такими девчонками водится Сэмми.

Рэгл почти не слышал сестру. Голова раскалывалась, он чувствовал себе еще хуже, чем раньше. Эхо прошедшей ночи…

За окном муниципальная бригада побросала лопаты и устроила перекур. Казалось, им просто надо было находиться возле дома.

«Они что, следят за мной?» — подумал Рэгл.

Он почувствовал к этим людям инстинктивное отвращение, граничащее со страхом. Откуда оно? Рэгл попытался восстановить прошлое. Темно-зеленые грузовики… Где-то там он пытался от них спрятаться. И еще: он нашел что-то ценное, но потерял или у него отобрали…

Глава 11

Джуни Блэк позвонила на следующее утро:

— Ты работаешь?

— Я всегда работаю, — ответил Рэгл.

— Ну, — начала Джуни, — я посоветовалась с мистером Хемпкином, это мой адвокат… — По интонации Рэгл понял, что она намерена выложить все подробности. — До чего хлопотное дело! — Джуни вздохнула.

— Расскажи. — Рэглу хотелось поскорее вернуться к заданию. Но он, как всегда, попал под гипноз Джуни, оказался втянутым в ее запутанные проблемы. — И что адвокат? — спросил Рэгл. Как бы то ни было, к этому делу следовало относиться серьезно. Если дойдет до суда, его неизбежно вызовут свидетелем.

— О Рэгл, — простонала она. — Мне так хочется тебя увидеть. Хочу, чтобы ты был со мной. Рядом. Это настолько сложно…

— Что сказал адвокат?

— Все зависит от Билла. Ты представляешь? Когда мы увидимся? Я боюсь приходить к тебе. Марго так на меня смотрит, что я теряюсь. Неужели она думает, что мне нужны твои деньги?

— Джуни, что сказал адвокат?

— Я не хочу по телефону. Почему бы тебе не заскочить ко мне ненадолго? Или ты боишься, что Марго заподозрит? Знаешь, Рэгл, теперь, когда я решилась, мне стало легче. Теперь я буду сама собой, перестану терзаться сомнениями. Это самый важный момент в жизни. Для меня это свято. Я, когда проснулась сегодня утром, почувствовала себя словно на богослужении, все вокруг такое возвышенное…

— Как насчет гражданской обороны? — спросил Рэгл.

— Гражданской обороны? Думаю, это очень нужно.

— Ты пойдешь туда?

— Нет. Зачем?

— Я тоже думаю, что туда нужно пойти.

— Рэгл, — воскликнула Джуни с отчаянием, — ты иногда такой загадочный, я просто не могу уследить за твоими мыслями!

Теперь до него дошло, что он совершил ошибку. Идею с гражданской обороной надо отбросить. Бессмысленно ей объяснять, что он имел в виду и о чем думал, когда к нему обратилась миссис Кейтелбайн.

— Послушай, Джуни, я очень хочу тебя видеть,

так же как и ты меня, а может быть, и сильнее. Но мне надо выполнить это проклятое задание.

— Я знаю, — ответила она. — У тебя есть обязательства. — Слова насчет обязательств прозвучали решительно. — А если вечером, после того как ты отправишь ответ?

— Попробую тебе позвонить. — Он знал, что ее муж будет дома и ничего не выйдет. — Я надеюсь справиться пораньше. С утра шло хорошо.

— Ой, сегодня не получится. Я обедаю со старинной подругой. Знаешь, я так много хочу тебе сказать, так много сделать вместе. У нас впереди вся жизнь.

Джуни говорила что-то еще, он слушал. Наконец она попрощалась, и Рэгл повесил трубку, чувствуя себя подавленным.

Как все-таки тяжело с ней общаться.

Когда Рэгл поднялся и побрел к себе, телефон зазвонил снова.

— Хочешь, чтобы я ответила? — крикнула Марго из соседней комнаты.

— Не надо. Скорее всего, это меня.

Он поднял трубку, ожидая услышать Джуни, но раздался глухой неприятный женский голос:

— Пригласите мистера Гамма.

— На проводе, — буркнул Рэгл от разочарова-

ния грубо.

— Мистер Гамм! Вы еще не забыли о занятиях по гражданской обороне? Это миссис Кейтелбайн.

— Я вас узнал, — сказал Рэгл. — Здравствуйте. — Стараясь говорить твердо, он добавил: — Миссис Кейтелбайн, мне очень жаль, но…

— Сегодня, — перебила она его. — Сегодня же вторник. В два часа.

— Я не смогу прийти. Погряз в своем конкурсе. Как-нибудь в другой раз.

— О боже! — воскликнула она. — Я уже всех известила, что вы придете. Люди хотят послушать о Второй мировой войне.

— Мне очень жаль, — буркнул Рэгл.

— Это катастрофа, — проговорила миссис Кейтелбайн отчаянным голосом. — Может, вы придете — не будете выступать, просто посидите, ответите на вопросы… Неужели у вас не найдется чуть-чуть времени? Вальтер за вами заедет, а после отвезет домой. Занятия длятся около часа, так что самое большее вы потратите час пятнадцать.

— Зачем за мной заезжать? До вас всего полквартала.

— Верно. Мы живем на одной улице. Тогда вы тем более должны постараться, пожалуйста, мистер Гамм, как личное одолжение.

— Хорошо, — согласился он. — В конце концов, час ничего не решает.

— Большое вам спасибо. — Облегчение и благодарность переполняли ее голос. — Я очень ценю вашу доброту.

Повесив трубку, Рэгл немедленно принялся за задание. До отправки оставалось несколько часов. Сознание того, что ответ необходимо отослать вовремя, как всегда, подавляло все остальное.

В два часа он поднялся на некрашеное покосившееся крыльцо дома Кейтелбайнов и позвонил. Дверь распахнула миссис Кейтелбайн.

— Входите, мистер Гамм!

За ее спиной он смутно различил группу женщин в ярких платьях, среди которых затерялись несколько тщедушных и неприметных мужчин. Все ожидающе смотрели в сторону двери, и Рэгл понял, что ради него они и пришли, теперь можно начинать занятие.

«Даже здесь я самая значительная персона», — подумал Рэгл.

Никакого удовлетворения он, однако, не ощутил. Единственный важный для него человек отсутствовал. До Джуни Блэк его намек так и не дошел.

Миссис Кейтелбайн провела гостя к столу, мас-

сивному старому деревянному столу, который они с Вальтером поднимали из подвала. Стул она поставила так, чтобы Рэгл оказался лицом к аудитории.

— Прошу вас, садитесь здесь.

К занятиям она приоделась. Глядя на ее длинную шелковую, похожую на мантию юбку, на блузку с кружевами и ленточками, Рэгл вспомнил школьные экзамены и уроки музыки.

— Прежде чем задавать вопросы, мы обсудим кое-какие аспекты гражданской обороны, просто чтобы больше к ним не возвращаться. — Хозяйка похлопала Рэгла по руке. — Вы первая знаменитость на наших занятиях.

Улыбаясь, она заняла свое место и постучала карандашом по столу, призывая к тишине.

Неразличимые леди и джентльмены затихли. Говор смолк. Первые ряды принесенных Вальтером складных стульев были заняты. Сам Вальтер, в галстуке, сидел у двери. Он чинно кивнул Рэглу с другого конца комнаты.

Надо было надеть пиджак, подумал Рэгл. В рубашке он чувствовал себя неловко.

— На прошлом занятии, — миссис Кейтелбайн скрестила руки на столе, — кто-то поднял вопрос о невозможности перехвата всех вражеских ракет

в случае неожиданного массированного удара по Америке. Это действительно так. Мы знаем, что все ракеты сбить не удастся. Определенный процент их неизбежно прорвется. Такова ужасная правда, и мы вынуждены с ней считаться.

Лица находящихся в комнате мужчин и женщин приняли мрачное выражение.

— Если разразится война, — продолжала миссис Кейтелбайн, — в лучшем случае нам грозят страшные разрушения. Десятки миллионов погибших и умирающих. Лежащие в руинах города, радиоактивные осадки, зараженные поля, непоправимо нарушенный генетический код будущих поколений. Нам придется столкнуться с невиданной катастрофой. Фонды, выделяемые правительством на оборону, которые мы сейчас воспринимаем как непосильное и тяжкое бремя, окажутся каплей в море.

Все так и будет, подумал Рэгл. Слушая миссис Кейтелбайн, он видел картины смерти и страдания: почерневшие сорняки в развалинах городов, бескрайние пустыни, усеянные ржавым металлом и костями. Ни жизни, ни звука…

И вдруг на него обрушилось тоскливое чувство опасности. Ее близость и реальность наполнили душу ужасом. Рэгл застонал и чуть не вскочил со

стула. Миссис Кейтелбайн осеклась. Все одновременно повернулись в его сторону.

«Теряю время, — подумал Рэгл. — Разгадываю головоломки в газете. Как я мог так далеко уйти от реальности?»

— Вам нехорошо? — спросила миссис Кейтелбайн.

— Все в порядке, — ответил Рэгл.

Кто-то поднял руку.

— Если Советы пошлют свои ракеты одной большой группой, смогут ли наши средства ПВО перехватить большее их количество, чем в случае нескольких последовательных атак? Из того, что вы говорили на прошлой неделе…

— Вопрос поставлен правильно, — перебила миссис Кейтелбайн. — В самом деле, мы можем израсходовать наши ракеты-перехватчики в первые же несколько часов войны, а потом выяснится, что противник и не планировал разделаться с нами одним массированным ударом, наподобие японской атаки на Перл-Харбор, а, напротив, решил победить этаким «атомным покусыванием», рассчитанным, может быть, не на один год.

Поднялась еще одна рука.

— Слушаем вас.

Из зыбкой безликой массы выделилась женщина:

— А способны ли Советы провести столь длительную атаку? Разве во время Второй мировой войны нацисты не столкнулись с тем, что их экономика не выдержала ежедневных потерь тяжелых бомбардировщиков в ходе круглосуточных бомбежек Лондона?

Миссис Кейтелбайн повернулась к Рэглу:

— Может быть, мистер Гамм ответит на этот вопрос?

Некоторое время Рэгл не мог сообразить, к кому обращаются. Потом заметил, что миссис Кейтелбайн ободряюще кивает ему головой.

— Что? — спросил он.

— Расскажите, как повлияла на нацистов потеря большого числа бомбардировщиков во время бомбежек Лондона.

— Я находился на Тихоокеанском театре, — произнес Рэгл. — Извините, но о войне в Европе я ничего не знаю.

Он действительно не мог припомнить ничего касающегося боевых действий в Европе, настолько его переполнило чувство непосредственной угрозы. Оно вытеснило все остальное и опустошило его.

«Чего ради я сижу здесь? — подумал Рэгл. — Я должен быть… Где я должен быть?»

Бродить по деревенским лугам с Джуни Блэк, стелить одеяло на сухом горячем склоне, вдыхать аромат травы и жаркого солнца? Неужели этого уже не будет? Останутся пустые каркасы вместо реальных вещей: и солнце не светит, и день не теплый, а холодный — серый, ровный, мелкий дождик и отвратительная сажа оседают на всем. Травы нет, из потрескавшейся земли торчат обугленные пни. Озера с зараженной водой…

— Я полагаю, — сказала миссис Кейтелбайн в ответ на вопрос, — что еще тяжелее, чем потеря самолетов, на Германии сказалась потеря опытных летчиков. Заменить сбитые самолеты они еще могли, а вот на подготовку пилотов уходили месяцы. Это, кстати, один из сюрпризов, которые обрушатся на нас в следующей, первой ядерно-водородной войне. Потеря ракет не означает гибели опытных летчиков. Ракеты не перестанут летать оттого, что больше некому их вести. Атаки не прекратятся, пока будет идти производство ракет.

На столе перед ней лежал машинописный листок. Рэгл догадался, что миссис Кейтелбайн им пользуется. Предложенная правительством программа.

Значит, это голос правительства, подумал Рэгл, а не обыкновенной женщины средних лет, болтающей в свое удовольствие. Это факты, а не частное мнение.

Это реальность.

— Мы вам покажем несколько макетов, — продолжала миссис Кейтелбайн. — Их изготовил мой сын Вальтер… Образцы некоторых жизненно важных объектов.

Она подала сыну знак, и он подошел ближе.

— Чтобы наша страна пережила следующую войну, — начал Вальтер юношеским тенором, — нам необходимо освоить новый способ производства. Заводы в том виде, как мы их знаем, будут стерты с лица земли. Нужна широко разветвленная сеть подземных промышленных предприятий.

На мгновение он исчез из виду, вышел в соседнюю комнату. Все с любопытством ожидали его возвращения. Вальтер вернулся с огромной моделью, которую установил на столе.

— Вот образец хорошо защищенной фабрики. Она строится на глубине около мили и недосягаема для ракетного удара.

Все поднялись, чтобы лучше разглядеть. Рэгл повернул голову и увидел на столе квадрат из

башенок и шпилей, контуров зданий, минаретов индустриального пейзажа. Как знакомо, подумал Рэгл. И эти двое, миссис Кейтелбайн и Вальтер, склонились над конструкцией… все это уже происходило когда-то. В прошлом.

Журнал. Там была фотография — только не макета, а оригинала.

Значит, такая фабрика существует?

Заметив проявленный им интерес, миссис Кейтелбайн сказала:

— Не правда ли, очень убедительный макет, мистер Гамм?

— Да, — ответил он.

— Вам приходилось видеть подобные?

В комнате воцарилась тишина. Безликие силуэты застыли в ожидании.

— Да.

— Где же?

Он вспоминал. Он был почти уверен в ответе.

— А что, по-вашему, может производить такая фабрика? — спросила одна из женщин. — Как вы думаете, мистер Гамм?

— Возможно, это завод по производству алюминия. — Ответ Рэгла прозвучал вполне правдоподобно. — Или по обработке каких-либо минералов для промышленности, пластмассы

или древесного волокна.

— Я горжусь этим макетом, — сказал Вальтер.

— Им можно гордиться, — поддержала его женщина.

«Я знаю там каждый дюйм, — подумал Рэгл. — Каждое здание и холл. Каждый кабинет. Я был там, внутри. Много раз».

После занятий по гражданской обороне он не пошел домой. Вместо этого сел на автобус и поехал в центр, в торговые кварталы. Немного прошелся пешком. Неожиданно прямо через дорогу он увидел огромную автостоянку и вывеску: «СУПЕРМАРКЕТ „ВЕЗУЧИЙ ПЕННИ“». До чего же тут просторно, подумал Рэгл. Продается все, кроме, может быть, океанских буксиров. Он перешел через дорогу и зашагал к задним дверям магазина, где размещался высокий складской ангар.

У ангара стояли четыре грузовика-фургона. Грузчики в матерчатых фартуках ставили на тележки картонные ящики с консервами, клети с фруктами и овощами, мешки с мукой и сахаром. По роликовому конвейеру с грузовиков в склад скатывались ящики поменьше.

Наверное, это интересно, подумал Рэгл. Ставишь ящик на ролики и видишь, как он летит вниз, в открытую пасть склада. А там, вне вся-

кого сомнения, кто-то их снимает и укладывает в ряды. Незримый процесс на другом конце… приемщика не видно, но он работает.

Рэгл закурил и пошел дальше.

Колеса грузовиков в диаметре почти равнялись его росту. Наверное, чувствуешь себя силачом, гоняя такую фуру из штата в штат. Через Скалистые горы, соляную равнину Юты и пустыню Невады… снег в горах, раскаленный воздух на равнине. Жуки бьются о ветровое стекло. Тысячи придорожных забегаловок, мотелей, заправочных станций, указателей. А впереди холмы. Изнуряющая монотонность дороги.

Но как хорошо просто все время куда-нибудь ехать. Перемещаться. Каждую ночь — другой город.

Приключения. Роман с одинокой официанткой в придорожном кафе. Голубоглазая блондинка с ровными зубами и роскошной гривой, вскормленная и выросшая в спокойной деревенской обстановке.

«У меня уже есть официантка. Джуни Блэк. Собственное приключение, сомнительная романтика флирта с чужой женой. В тесных маленьких домиках, где машину ставят под окнами кухни, а белье развешивают во дворе; откуда не вырвать-

ся из-за тысячи мелких дел, которых все равно не переделать.

Значит, мне этого не хватает? Я не удовлетворен?

Может, отсюда и тревога? Предчувствие, что появится Билл Блэк с пистолетом и пристрелит меня за шашни с его женой. Застукает средь бела дня, когда мы сольемся в объятиях — если улучим момент между стиркой, стрижкой газонов и магазином.

Сублимация… Фантазии о возмездии — плата за грехи. Которые, впрочем, яйца выеденного не стоят.

Во всяком случае, так сказал бы любой психиатр. И все домохозяйки, начитавшиеся Гарри Стэка Салливана, Карин Хорни и Карла Меннингера. А может, это моя враждебность по отношению к Блэку. Не находящая выхода враждебность сублимируется в тревогу. Мои личные проблемы на мировом экране».

Обойдя супермаркет, Рэгл приблизился к парадному входу. Сработал электрический глаз, дверь распахнулась. За кассами продуктового отдела у корзины с луком стоял Вик Нильсон. Он вытаскивал из корзины испорченные луковицы и выбрасывал их в круглое цинковое ведро.

— Привет, — сказал Рэгл, подойдя к нему.

— О, привет! — откликнулся Вик, не отрываясь от дела. — Закончил сегодняшнее задание?

— Оно уже в почтовом ящике.

— Как себя чувствуешь?

— Лучше, — ответил Рэгл. Несколько покупателей еще находились в магазине, и он спросил: — Ты можешь выйти?

— На пару минут.

— Надо переговорить.

Вик снял фартук и кинул его на цинковое ведро. Они вышли из магазина, пересекли стоянку.

— Заглянем в «Обед по-американски»? — предложил Вик.

— Отлично.

Рэгл последовал за ним через улицу. Вик, как всегда, отчаянно лавировал между проносившимися мимо двухтонными грузовиками.

— Тебя еще не сбивали? — поинтересовался Рэгл.

— Пока нет, — ответил Вик, держа руки в карманах.

Едва они вошли в кафе, как Рэгл увидел неподалеку темно-зеленый грузовик муниципальной службы.

— В чем дело? — спросил Вик, заметив переме-

ну в лице зятя.

— Посмотри. — Рэгл указал на грузовик.

— Ну и что?

— Я их ненавижу. — Наверное, копающая канаву бригада проследила, как он зашел к Кейтелбайнам. — К черту кофе. Поговорим в магазине.

— Как хочешь. — Вик пожал плечами. — Мне все равно туда возвращаться. — Когда они опять пересекали улицу, он добавил: — А что, собственно, ты имеешь против муниципальной службы? Это связано с Биллом Блэком?

— Может быть.

— Марго рассказала, как Джуни прибегала вчера после моего ухода на работу. Вся разодетая. Говорила что-то про адвоката.

Не отвечая, Рэгл вошел в магазин.

— Где мы можем поговорить?

— Здесь.

Вик открыл ключом клетушку в дальнем конце магазина, где продавались напитки. Внутри, кроме двух табуреток, ничего не было. Вик запер дверь изнутри и сел.

— Все закрыто, нас никто не слышит. Что ты хотел рассказать?

— К Джуни это отношения не имеет. — Рэгл сел

напротив зятя. — Мрачных откровений у меня для тебя нет.

— Слава богу, — вздохнул Вик. — Ты сильно изменился с тех пор, как тебя привез таксист. Мы с Марго говорили про тебя перед сном.

— К чему пришли?

— К тому, что ты стал совсем подавленным.

— Ну да.

— Или равнодушным.

— Только не равнодушным.

— Тебя там не били? В том баре?

— Нет, — ответил Рэгл.

— Это первое, что мне пришло в голову, когда Дэниэлс, таксист, уложил тебя на скамейку. Синяков на тебе, правда, не было. И вообще, если бы тебя били, ты бы это запомнил. Мне тоже как-то раз накостыляли, пару лет назад. Так я несколько месяцев не мог отойти. Такое не сразу забывается.

— Я почти вырвался, — сказал Рэгл.

— Откуда?

— Отсюда. От них.

Вик поднял голову.

— Я добрался почти до самого края и увидел мир как он есть. Не такой, каким его соорудили для нас. Меня тут же поймали и привезли обрат-

но. Причем сделали так, что я толком ничего не помню. Но…

— Что «но»?

— Я не мог девять часов провести в закусочной Фрэнка. Может быть, подходил к ней… Это я припоминаю. Я был очень далеко, в другом месте, в домике. Общался с людьми. Именно там я получил доказательство того, как все обстоит на самом деле. Но больше ничего не помню. Остальное пропало навсегда. Сегодня на занятии показали один макет, а мне кажется, что в том доме я видел фотографию оригинала. Потом дом окружили грузовики муниципалитета…

Рэгл замолчал. Воцарилась тишина.

Наконец Вик произнес:

— Может быть, ты просто боишься, что Билл Блэк узнает про тебя и Джуни.

— Нет, — отрезал Рэгл. — Точно.

— Хорошо.

— Эти огромные фургоны, гоняющие из штата в штат… Они ведь покрывают огромные расстояния. Наверное, больше, чем любые другие транспортные средства?

— Ну, не больше, чем самолеты крупных авиакомпаний или поезда дальнего следования. Но, бывает, делают по две тысячи миль.

— Достаточно далеко, — заметил Рэгл. — Гораздо дальше, чем я проехал в ту ночь.

— На них тоже можно выбраться?

— Думаю, что да.

— А как же твой конкурс?

Рэгл пожал плечами.

— Разве ты не должен продолжать?

— Должен.

— Проблем у тебя хватает, — произнес Вик.

— Да, но я все равно хочу попытаться еще раз. Только теперь я знаю, что просто так мне уйти не дадут. Каждый раз они будут возвращать меня обратно.

— И как ты себе это представляешь? Спрячешься в бочку и тебя отправят вместе с негодным товаром на переработку?

— Может, ты предложишь что-нибудь? Ты здесь каждый день торчишь на погрузке. А я раньше в глаза их не видел.

— Мне известно только, что фургоны привозят продукты из тех мест, где их производят или выращивают. Но как проверяются грузы, часто ли открывают двери и вообще сколько тебе придется просидеть взаперти — обо всем этом я понятия не имею. Может оказаться, что грузовик застрянет где-нибудь на месяц. А может, их дезинфицируют

перед выездом.

— Ты знаешь кого-нибудь из водителей?

Вик задумался.

— Нет, пожалуй, — ответил он наконец. — Разве что по именам: Боб, Майк, Пит, Джон.

— Я ни о чем не могу думать, — признался Рэгл. «Хочу попытаться еще раз, — добавил он уже про себя. — Хочу увидеть эту фабрику — не фотографию, не макет… Ту самую вещь-в-себе, как говорил Кант». — Жалко, что ты не интересуешься философией, — сказал он Вику.

— Отчего же? — возразил Вик. — Ты имеешь в виду проблему сути вещей? Как-то вечером, возвращаясь с работы на автобусе, я рассмотрел, каковы вещи на самом деле. Я разглядел иллюзию. Взглянул сквозь нее. Пассажиры оказались обыкновенными чучелами на подставках. А сам автобус, — Вик взмахнул рукой, будто стряхивая что-то, — пустотелая оболочка: несколько ребер жесткости да два сиденья — мое и водителя. Водитель, кстати, был настоящий. И по-настоящему вез меня домой. Меня одного.

Рэгл вытащил из кармана металлическую коробку, которую всегда носил с собой. Открыл ее и дал Вику.

— Что это?

— Реальность, — сказал Рэгл. — Я тебе даю реальность.

Вик достал листок:

— Здесь написано «питьевой фонтанчик». Что это значит?

— Основа всего, — ответил Рэгл, — слово. Возможно, слово Господа. Логос. «В начале было Слово». Я не могу этого понять, знаю только то, что происходит со мной. Думаю, мы живем не в том мире, который видим вокруг себя. На какое-то время я понял, каков тот, другой, настоящий мир. Но потом утратил это знание.

Вернув Рэглу коробочку, Вик махнул рукой в сторону окошка, выходящего на торговый зал:

— Посмотри-ка, вот та, в черном свитере… Какая грудь!

— Я ее видел раньше, — откликнулся Рэгл. — Да, тут есть на что посмотреть. — Девушка перебирала регистры аппарата, при этом она весело улыбалась — широкая, открытая улыбка, белые зубы. — Ты нас даже вроде знакомил.

— Послушай, — продолжал Вик, — я вполне серьезно. Может, это прозвучит нелепо, но не кажется ли тебе, что твои проблемы надо решать именно таким путем? Лиз не глупа, во всяком случае, куда сообразительнее Джуни Блэк. При

этом весьма привлекательна. И не замужем. У тебя много денег, ты достаточно известен, чтобы ее привлечь. Остальное приложится. Своди ее куда-нибудь пару раз, а потом вернемся к нашему разговору.

— Не думаю, что это поможет.

— Но отказываться от идеи не стоит.

— Я никогда не отказываюсь от таких идей.

— Ладно, — сказал Вик. — Бог с ним. Ты что, хочешь захватить грузовик?

— А сможем?

— Попробуем.

— Поедешь со мной?

— Поеду. Я тоже хочу посмотреть, что там, снаружи.

— Тогда думай, как завладеть машиной. Здесь я полагаюсь на тебя.

В пять часов Билл Блэк услышал, как грузовики муниципальной службы заезжают на стоянку под его окнами. Одновременно загудел селектор, и секретарша доложила:

— К вам мистер Нерони.

— Пусть войдет.

Спустя мгновение появился высокий мускулистый темноволосый человек, еще не снявший серого комбинезона и рабочих ботинок.

— Входи, — сказал ему Блэк. — Рассказывай, что сегодня было.

— Я распорядился вести постоянную запись. — Нерони выложил на стол кассету с пленкой. — Есть еще видеозапись, но она не готова. Телефонисты докладывают, что около десяти ему звонила ваша жена. Ничего важного, разве что, судя по разговору, он собирался пойти на занятия по гражданской обороне. Она ему сказала, что встречается с подругой в центре города. Потом звонила женщина из гражданской обороны, миссис Кейтелбайн, напомнила, что занятия в два часа.

— Не Кейтелбайн, — поправил Блэк. — Кессельман.

— Женщина средних лет, с сыном.

— Ну да, — сказал Блэк, вспоминая, как несколько лет назад встречался с Кессельманами. Тогда все еще только начиналось. А совсем недавно он видел миссис Кессельман с брошюрами по гражданской обороне в руках. — Ну и что, ходил Рэгл на эти занятия?

— Да. Отправил ответ и пошел.

Блэку ничего не говорили о занятиях по гражданской обороне, он не имел ни малейшего представления о том, в чем их смысл. В его отделе

не давали Кессельманам такого указания.

— Кто-нибудь прикрывает эти занятия?

— Понятия не имею, — ответил Нерони.

— Ладно, неважно. Она сама их ведет?

— Насколько я знаю, да. Когда Рэгл позвонил, открыла она. — Нерони нахмурился и добавил: — Вы уверены, что мы говорим об одном человеке? Миссис Кейтелбайн?

— Вроде так.

Билл почувствовал, что дошел до ручки. Последние несколько дней Рэгл Гамм выводил его из себя: с момента его возвращения Блэка не покидало чувство, что шаткое равновесие, которого с таким трудом удалось достичь, развалится со дня на день.

«Теперь уже ясно, что он решил уйти, — подумал Блэк. — И мы его потеряем, несмотря ни на что. Рэгл постепенно возвращается к нормальному состоянию, реализует свои замыслы, а мы узнаём все слишком поздно. Не исключено, что в следующий раз мы его вообще не найдем. А если не в следующий, то через день. Рано или поздно.

Тогда я не спрячусь в чулане. Не зароюсь в одежду, в темноту, чтобы не было видно… Ничего тогда не поможет».

Глава 12

Подъехав к стоянке у магазина, Марго не увидела своего мужа. Заглушив мотор, она некоторое время смотрела на стеклянную дверь супермаркета. Обычно в это время он уже свободен…

Немного посидев, она направилась ко входу.

— Марго! — окликнул ее Вик. Он появился с другого конца магазина, где находились склады. По походке и напряженному лицу Марго поняла — что-то случилось.

— У тебя все в порядке? — спросила она. — Уж не согласился ли ты выйти в воскресенье?

Спор о работе по выходным тянулся уже несколько лет.

Вик взял ее за руку и повел назад к машине.

— Сегодня я с тобой не поеду. — Открыв дверцу, он втолкнул жену внутрь, потом сел рядом и поднял стекла.

Со стороны склада к ним приближался фургон с прицепом.

«Что будет, если такое чудовище на нас наедет? — подумала Марго. — Одно касание переднего бампера — и ни от нас, ни от машины ничего не останется».

— Что он делает? — заволновалась Марго. — По-моему, парень вообще впервые сел за руль. К тому же этот выезд не для грузовиков, разве нет? Ты сам говорил…

— Послушай, — оборвал ее Вик, — там, в грузовике, Рэгл.

Марго вытаращила глаза. Потом вгляделась. Рэгл едва заметно махнул ей рукой из кабины.

— Вы что, решили ехать домой на этой штуке? И парковать ее возле дома? — В сознании Марго пронеслась картина: чудовище стоит у крыльца, и все соседи узнают, что ее муж работает в овощном магазине. — Слушай, этого нельзя делать. Я серьезно.

— Я не собираюсь ехать на нем домой. Мы с твоим братом решили немного покататься. — Вик обнял ее и поцеловал. — Когда вернемся, не знаю. Не переживай за нас. Я бы хотел, чтобы ты кое-что сделала…

— Вы оба едете? — перебила Марго. Она ничего не могла понять. — Объясни наконец, что происходит!

— Главное, что ты должна сделать, — это сказать Биллу Блэку, что Рэгл и я задержались в магазине. Больше ничего. Поняла? Когда бы ни появился Блэк, ты ему скажешь, что Рэгл только

что звонил из магазина. Даже если будет два часа ночи. Дескать, я попросил помочь провести инвентаризацию на случай неожиданной проверки.

— Ответь хоть на один вопрос. — Марго уже поняла, что многого от Вика не добьешься. — В ту ночь, когда Рэгла привез таксист, он был с Джуни Блэк?

— Нет.

— Ты хочешь увезти Рэгла, чтобы Блэк не нашел и не убил его?

Вик взглянул на жену:

— Ты заблуждаешься, дорогая. — Он еще раз поцеловал ее, потрепал по плечу и открыл дверцу машины. — Попрощайся за нас с Сэмми… Что? — крикнул он, высунувшись из машины. Потом добавил жене: — Рэгл просит передать Ловери из газеты, что он нашел конкурс, где платят больше.

Улыбнувшись, Вик побежал к грузовику, его лицо появилось в кабине рядом с лицом Рэгла.

— Пока! — крикнул Рэгл.

Он и Вик замахали руками. С диким ревом, выпуская из трубы клубы черного дыма, трейлер выехал со стоянки. Движение остановилось. Трейлер неуклюже повернул направо и исчез за

магазином. Некоторое время до Марго доносился рев набиравшего обороты двигателя.

Они спятили, обреченно подумала Марго. Она машинально повернула ключ в замке зажигания, мотор завелся. Его жужжание окончательно заглушило гул фургона.

Вик пытается спасти Рэгла, увезти его в безопасное место. Джуни говорила, что обращалась к адвокату. Неужели они собираются пожениться? Но Билл может отказать в разводе. Не приведи бог иметь золовкой Джуни… Размышляя над всем этим, Марго медленно ехала домой.

Трейлер влился в транспортный поток вечернего города.

— Ты не боишься, что эти фургоны исчезают в миле от города? — спросил Вик.

— Им надо завозить еду. Ну, как в зоопарк. — «Очень похоже», — подумал Рэгл. — Мне кажется, что эти парни, разгружающие коробки с креветками в рассоле и бумажными полотенцами, связные между нами и реальным миром.

— Надеюсь, он еще дышит, — сказал Вик, вспомнив про водителя.

Они дождались, пока на стоянке останется один трейлер. Улучив момент, когда Тед, водитель, укладывал внутри фургона коробки на погруз-

чик, они с Рэглом закрыли и задвинули засовом тяжелые металлические двери. Потом кинулись в кабину прогревать мотор. На все ушло не больше минуты. Как раз в этот момент приехала Марго.

— Будем надеяться, что это не рефрижератор, — заметил Рэгл.

— А не лучше ли было оставить его в магазине? В складские помещения никто не заглядывает.

— Я интуитивно чувствую, что с ним все в порядке, — сказал Рэгл. — Не спрашивай, каким образом.

Вик промолчал. Он посмотрел на дорогу. Центральная часть города осталась позади, машин стало меньше. Магазины уступили место роскошным виллам, маленьким современным домикам в один этаж с огромными телемачтами. У подъезда стояли дорогие автомобили, за высокими выкрашенными под красное дерево заборами сушилось белье.

— Интересно, где нас остановят? — спросил Рэгл.

— Может, нигде.

— Остановят, но мы к тому времени, надеюсь, пересечем границу.

Дома попадались все реже. Грузовик мчался мимо заправок, шумных кафе, киосков с мороже-

ным, мотелей. Утомительный парад мотелей…

«Словно мы уже проехали тысячу миль и вот въезжаем в незнакомый город, — подумал Рэгл. — Нет ничего более чужого и неприветливого, чем вывески заправок и мотелей на окраине родного города. Ты их не узнаёшь, а вроде бы должен к ним что-то испытывать. Но мы больше не собираемся здесь жить. Мы уезжаем. Навсегда».

Они уже выехали в открытое поле. Последний перекресток, железнодорожная колея… Вдали показался бесконечно длинный товарный поезд. Над фабричными трубами застыли клубы дыма.

— С этим ничто не сравнится. Особенно на закате, — сказал Вик. — Кстати, вон твое жареное мясо.

Справа Рэгл увидел вывеску «Жареное мясо и напитки Фрэнка». Достаточно современно, чисто, новые машины на стоянке. Трейлер промчался мимо. Закусочная осталась позади.

— Ну вот, на этот раз ты выбрался дальше, — заметил Вик.

Дорога уходила в гряду холмов.

«Я шел вверх, — вспомнил Рэгл. — Захотелось погулять? Неужели я мог так нагрузиться?»

Они ехали и ехали. Бесконечные поля и холмы, дорога с редкими знаками — все слилось в

монотонный, однообразный пейзаж. Вдруг совершенно неожиданно холмы исчезли и трейлер вылетел на длинный и плавный спуск.

— Фу ты! — выдохнул Рэгл. — Аж мороз по коже. Вести такую махину под уклон… — Он уже перешел на низкую передачу, достаточную, по его расчетам, чтобы удержать трейлер.

«Хорошо, что мы без груза, — подумал он. — Пожалуй, справлюсь».

Пока прогревался двигатель, Рэгл успел изучить табличку переключения передач.

— Зато у нас чертовски мощный сигнал.

Он пару раз нажал на кнопку, и Вик чуть не подпрыгнул. В конце спуска виднелся черно-желтый указатель, рядом можно было различить несколько наспех построенных ангаров. Выглядело все довольно мрачно.

— Ну вот, — проговорил Вик. — Ты это имел в виду?

Возле ангаров уже стояли в линию несколько трейлеров, возле них ходили люди в форме. Над дорогой качался на ветру знак:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНСПЕКЦИЯ СЕЛЬХОЗПРОДУКТОВ
ГРУЗОВОМУ ТРАНСПОРТУ ДВИЖЕНИЕ

— Это нам, — прошептал Вик. — Весы. Нас будут взвешивать. Если они все проверяют, то обязательно откроют фургон. — Он посмотрел на Рэгла. — Может, придумаем что-нибудь с Тедом?

Поздно, подумал Рэгл. Инспектора их уже увидели. У первого ангара две черные полицейские машины стояли так, чтобы в любой момент выскочить на шоссе.

«От них мы не уйдем», — решил Рэгл.

Ничего не оставалось, кроме как проследовать на весы. Он сбросил скорость и хотел уже остановиться, когда инспектор в отутюженных темно-синих брюках и голубой рубашке с бляхой показал, чтобы они проезжали.

— Нам не надо останавливаться, — возбужденно прошептал Рэгл. — Это все для видимости! — Он помахал инспектору в ответ, Вик сделал то же самое. Тот уже повернулся к ним спиной. — Они не останавливают фургоны, только машины с пассажирами. Мы проскочили!

Ангары и знак остались позади.

«Мы действительно выбрались», — думал Рэгл.

Ни одна другая машина здесь бы не прошла. А эти фургоны целыми днями мотаются туда-сю-

да… В зеркало он увидел, как мимо инспектора проехали еще три трейлера. Стоящие в линию у ангара грузовики оказались макетами, как и все прочее.

— Ни один, — сказал Рэгл. — Ни один из них не остановился.

— Ты был прав. — Вик откинулся на спинку сиденья. — Думаю, если бы мы поехали на «Фольксвагене», нам бы сказали, что некая разновидность насекомых поразила обивку машины. Японские жуки… Необходимо, мол, вернуться, все опрыскать и пройти повторный осмотр через месяц. И так до бесконечности.

Рэгл заметил, что после контрольного пункта изменилась сама дорога. Теперь она разделилась на две, по шесть полос в каждой, стала абсолютно прямой и ровной. И под колесами уже не бетон. Он не мог определить, по какому покрытию они сейчас едут.

«Это уже снаружи, — думал Рэгл. — Внешняя дорога, которую мы никогда не должны были увидеть».

Грузовики сзади и спереди. Одни везут продовольствие в город, другие идут порожняком обратно. Муравьиные дорожки — взад и вперед. Бесконечное движение. И ни одной легковой

машины. Только рев дизельных трейлеров.

Вдруг Рэгла осенило: исчезли рекламные щиты.

— Зажги фары, — сказал Вик. На равнину и холмы опустилась вечерняя мгла. У идущего навстречу тяжеловоза фары уже горели. — Надо соблюдать правила. Какими бы они ни были.

Рэгл включил свет. Вечер казался спокойным и грустным. Низко над землей пронеслась птица, в воздухе мелькнул четкий силуэт крыльев.

— Как у нас с топливом? — спросил Рэгл.

Наклонившись, Вик разглядел показания прибора.

— Полбака. Честно говоря, я не представляю, на сколько ему хватает одной заправки. Без груза мы должны уйти на приличное расстояние. Многое зависит и от рельефа. Тяжелые машины много топлива тратят на подъемы, часто застревают или ползут на самой низкой передаче со скоростью десять миль в час.

— Наверное, пора выпустить Теда, — сказал Рэгл. До него вдруг дошло, что здесь могут оказаться бесполезными их деньги. — Нам надо покупать топливо и еду, а мы не знаем где. И вообще не знаем, сможем ли мы тут что-нибудь купить. При нем должны быть кредитные карточки. И

действующие деньги.

Вик вывалил на колени кучу бумаг из бардачка.

— Кредитные карточки, маршрутные листы, талоны на питание. А денег действительно нет. Посмотрим, что можно сделать с кредитными карточками. Обычно ими пользуются в мотелях. Если они здесь есть. Как ты думаешь, попадется нам мотель?

— Не знаю, — ответил Рэгл.

Тьма поглотила ландшафт по обе стороны дороги; междугородные трассы не освещались, и подсказки ждать не приходилось. Одна плоская равнина до самого горизонта. Там небо окрашивалось в сине-черный цвет. Появились звезды.

— Мы можем дождаться утра? Или надо ехать всю ночь?

— Не знаю, — упрямо процедил Рэгл.

На повороте фары высветили кусок забора и какие-то вьющиеся растения. Такое чувство, будто все это уже было, подумал Рэгл.

Вик продолжал изучать добытые бумаги.

— Что ты на это скажешь?

Он вытащил яркую длинную полоску бумаги. Рэгл прочел:

На люминесцентных концах ленты в форме буквы были нарисованы змеи.

— Она прилипает с изнанки, — сказал Вик. — Наверное, наклеивается на бампер. — Спустя мгновение Вик тихо пробормотал: — Рэгл, давай я подержу руль. Рассмотри ее получше. — Он взялся за руль и передал ленту Рэглу. — Внизу. Мелким шрифтом.

Подняв ее к лампочке в потолке кабины, Рэгл прочел:

— «Федеральный закон запрещает передвижение без данной ленты». — Он вернул ее Вику. — Нам придется столкнуться со многим, чего мы не понимаем.

Ленточка его встревожила. Это как мандат. Она должна быть на бампере или где-нибудь еще.

— Да их здесь много. — Вик вытащил из бардачка целый клубок. — Наверное, приклеивают каждый раз, когда делают ходку. А при въезде в город срывают.

На ровном участке дороги, где не было других грузовиков, Рэгл съехал на обочину, остановил машину и поставил ее на ручной тормоз.

— Пойду взгляну, хватает ли ему воздуха. —

Открыв дверь кабины, он добавил: — Заодно спрошу про ленточку.

— Сомневаюсь, что он ответит, — нервно сказал Вик.

В темноте Рэгл осторожно дошел до конца фургона, там поднялся по металлической лестнице и постучал в дверь.

— Тед! Тед, или как там тебя! Все в порядке?

Из фургона раздался хрипловатый голос:

— Да! Все в порядке, мистер Гамм!

«Даже здесь, — подумал Рэгл. — На обочине пустого шоссе между двумя городами. Меня опять узнали».

— Послушайте, мистер Гамм! — Водитель прижался ртом к двери. — Вы же не представляете, что здесь. Вы и понятия не имеете. Послушайте, у вас нет ни малейшего шанса избежать неприятностей для себя и всех остальных. Поверьте мне на слово. Я вас не обманываю! Придет время, вы меня вспомните. И скажете спасибо. Вот, возьмите.

В щель между створками двери просунулся квадратик белой бумаги и полетел к земле. Рэгл поймал его. Карточка, на обратной стороне которой водитель написал номер.

— Ну и что?

— Когда доедете до следующего города, оставьте машину и позвоните по этому телефону.

— Далеко до следующего города?

После паузы водитель сказал:

— Я не уверен, но должно быть близко. Отсюда, знаете ли, не очень удобно следить за расстоянием.

— Тебе хватает воздуха?

— Хватает. — Водитель отвечал покорным, но странно взволнованным голосом. — Мистер Гамм, вы должны мне верить. Мне все равно, сколько вы меня здесь продержите, однако в течение часа или двух вам придется вступить с кем-нибудь в контакт.

— Почему? — спросил Рэгл.

— Не могу сказать. Послушайте, вы достаточно хорошо все продумали. Значит, кое-какие представления у вас есть. И вы должны понимать, что это не чья-то прихоть — выстроить все эти дома, улицы и навезти туда старых машин.

Продолжай, подумал Рэгл.

— Вы даже не знаете, как управлять фургоном с прицепом. А если попадется затяжной спуск? Эта штука берет сорок пять тысяч фунтов; сейчас, конечно, она столько не весит. Но вас может занести. Кроме того, не под всякую эстакаду можно

проехать без риска. Вы, скорее всего, и не подозреваете, какие у нее габариты, не знаете, какую передачу включать на спуске, и все такое.

Водитель замолчал.

— Для чего нужны клейкие ленточки? — спросил Рэгл. — С девизом и змеей?

— Слушайте, мистер Гамм, — взревел водитель, — если лента все еще не приклеена, вас могут в любую минуту разнести в клочья! Видит бог, я говорю правду.

— Как ее надо клеить?

— Выпустите меня, тогда покажу. Я не буду вам объяснять. — С водителем начиналась истерика. — Откройте, и я приклею сам, иначе, клянусь господом, вы не разминетесь с первым же танком.

Танки, подумал Рэгл. Ему стало не по себе. Он спрыгнул с лестницы и пошел к кабине.

— Наверное, придется его выпустить, — сказал он Вику.

— Я слышал, — ответил Вик. — Его так или иначе надо выпускать, мы уже выбрались.

— Он мог бы ехать с нами.

— Я бы не стал рисковать.

Рэгл вернулся, поднялся по лестнице и выдернул засов. Дверь распахнулась, и водитель, все

еще бормоча ругательства, тяжело спрыгнул на землю.

— Вот лента, — сказал Рэгл. — Что нам еще надо знать?

— Вам лучше бы знать все, — с горечью произнес водитель. Опустившись на колени, он наклеил ленту на задний бампер и разгладил ее кулаком. — Как вы собираетесь заправляться?

— По кредитной карточке, — ответил Рэгл.

Водитель со смехом выпрямился:

— Эта кредитная карточка годится для… — Он замолчал. — Для города. Это имитация обычной карточки «Стандарт ойл». Ими не пользуются уже двадцать лет… Все ограничено, и керосин для грузовиков тоже.

— Керосин, — повторил Рэгл. — Я думал, он на дизельном топливе.

— Нет. — Водитель помолчал, потом нехотя выдавил: — Это не дизель. Труба ложная. На самом деле здесь турбина. Тягач потребляет керосин. Но вам его не продадут. Вас мгновенно раскроют. А вы… — его голос снова поднялся до зловещего крика, — вы не можете рисковать! Не имеете права!

— Сядешь в кабину? — спросил Рэгл. — Или останешься здесь? Решай сам. — Ему хотелось

быстрее поехать.

— А ну вас к черту!

Водитель развернулся и пошел по обочине, засунув руки в карманы и наклонив корпус вперед.

Когда его силуэт растворился во мгле, Рэгл подумал, что это он во всем виноват. Не надо было открывать дверь.

«Теперь уже ничего не поделаешь, я не могу догнать его и ударить по голове. В драке он справится с нами обоими.

Как бы то ни было, толком он ничего не объяснил. Мы не за этим ехали».

Рэгл вернулся к кабине:

— Сбежал. Хорошо, что хоть с монтировкой не кинулся.

— Нам лучше трогать. — Вик поежился. — Хочешь, я поведу? Он наклеил ленточку?

— Наклеил.

— Интересно, скоро он нас заложит?

— Его так или иначе пришлось бы отпустить, — ответил Рэгл.

В течение часа им не попалось ни одного признака жилья или какой-либо деятельности человека. Затем совершенно неожиданно за крутым поворотом и спуском замелькали яркие

голубые огоньки.

— Ну вот, — сказал Вик. — Что будем делать? Если мы остановимся…

— Попробуй не остановись.

Рэгл уже разглядел перегородившие дорогу автомобили и людей в форме.

К трейлеру, покачивая фонариками, шли несколько человек. Один из них скомандовал:

— Заглуши мотор! Свет оставь! Выходи!

Выбора не было. Рэгл открыл дверцу и спустился, Вик последовал за ним. Человек с фонариком был в форме, но в темноте Рэгл не мог ничего разобрать. Он осветил лица Рэгла и Вика и приказал:

— Откройте фургон.

Рэгл повиновался. Человек в форме и двое его помощников забрались внутрь. Потом спрыгнули на землю.

— Все в порядке. — Один из них вручил Рэглу лист бумаги — какой-то стандартный бланк. — Можете проезжать.

— Благодарю.

Рэгл и Вик молча залезли в кабину, завели мотор и тронулись с места. Спустя некоторое время Вик произнес:

— Давай посмотрим, что он тебе дал.

Рэгл вытащил из кармана бланк. «Сертификат

пограничной зоны. Проход 3.4.98».

— Вот тебе и дата! — воскликнул Рэгл. — Третье апреля тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

— Они вроде остались довольны, — сказал Вик. — Во всяком случае, того, что они ищут, у нас нет.

— Они были в форме.

— Да, похоже на армию. Один с автоматом, но я не разобрал с каким. Наверное, идет война или что-то в этом роде.

Военная диктатура, подумал Рэгл.

— Они рассмотрели наклейку на бампере? — спросил Вик. — В этой нервотрепке я даже не обратил внимания.

— Я тоже, — признался Рэгл.

Немного погодя впереди показались огни города. Самые разные: ровные ряды фонарей — должно быть, улицы, — неоновые вывески и надписи…

— Через пограничный пункт мы прошли нормально, — заметил Вик. — Если нам это удалось, значит, мы вполне можем зайти в закусочную и взять пару сэндвичей. Я так и не ел после работы. — Он отвернул рукав и взглянул на часы. — Десять тридцать. Не ел с двух часов.

— Мы остановимся, — сказал Рэгл. — Попытаемся заправиться, если не получится — бросим грузовик.

Стрелка показывала, что бак почти пуст. Топливо кончилось на удивление быстро, хотя и проехали они немало. Несколько часов непрерывной езды.

Едва начался город, как Рэгл почувствовал, что чего-то не хватает. Заправок. Когда шоссе приближается к городу, даже небольшому, первое, что бросается в глаза, — это вереница заправочных станций по обе стороны дороги.

— Паршиво, — пробормотал Рэгл. Хотя, впрочем, не было и движения. Ни машин, ни бензозаправок — или керосиновых, если у них так принято. Неожиданно Рэгл сбросил скорость и свернул с главной дороги. У обочины он остановился.

— Правильно, — одобрил Вик. — Лучше пойдем пешком. Мы слишком мало знаем, чтобы разъезжать на этой штуке по городу.

Они вылезли из машины и растерянно остановились под тусклым уличным фонарем. Дома вроде бы были обычные — небольшие, одноэтажные, квадратные, с черными в ночной темноте лужайками. Дома, подумал Рэгл, не очень изме-

нились с тридцатых. Особенно когда смотришь ночью.

— Что будем делать, если нас остановят? — спросил Вик. — Вдруг они потребуют удостоверения? Надо договориться заранее.

— Как мы можем договариваться, если не знаем, что у нас спросят? — Слова водителя не выходили у Рэгла из головы. — Там видно будет.

Первые же огни оказались придорожным кафе. Внутри у стойки ели двое мальчиков. Светловолосые, с виду — старшего школьного возраста. Прически одинаковы: высоко торчащие гребни с воткнутыми перьями. На обоих были сандалии, яркие голубые халаты, напоминающие тоги, на руках металлические браслеты. Когда один наклонил голову, отхлебывая из чашки, Рэгл увидел на щеках татуировку. И уже совсем не веря глазам, Рэгл понял, что у него подпилены зубы.

За стойкой стояла официантка средних лет в обычной кофточке и с обычной прической. Но подростки… Рэгл и Вик разглядывали их через окно, пока официантка не подняла голову.

— Давай лучше войдем, — сказал Вик.

Дверь при их приближении открылась.

Молодые люди пристально следили, как вошедшие усаживаются за столик в нише. Интерьер

кафе, обстановка, надписи и освещение показались Рэглу обычными. Меню тоже. Но вот в ценах было не разобраться: 4.5, 6.7, 2.0. Понятно, что это не доллары и центы. Рэгл огляделся, словно пытаясь определиться с выбором. Официантка взяла свой блокнот.

Один из парней кивнул начесанной головой в сторону Вика и Рэгла и проговорил подчеркнуто громко:

— А у парней в галстуках — жим-жим.

Его товарищ захохотал.

Официантка подошла к столику.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — пробормотал Вик.

— Я вас слушаю.

— А что бы вы посоветовали? — спросил Рэгл.

— Смотря насколько вы голодны.

Деньги, подумал Рэгл. Проклятые деньги.

— Значит, так, — сказал он, — ветчина, сэндвич с сыром и кофе.

— Мне то же самое, — попросил Вик. — И пирог а-ля мод.

— Простите?

— Пирог с мороженым.

— О! — Официантка кивнула и отошла к стойке.

Один из парней сказал отчетливо:

— Ребята в галстуках раскатали губу. Тебе не кажется… — Он заткнул уши большими пальцами, и второй опять захохотал.

Когда официантка принесла сэндвичи с кофе и отошла, один из парней крутанулся на стуле и сел лицом к ним. Рэгл заметил, что татуировка на щеках соответствует рисунку на браслетах. Он разглядывал причудливые линии, пока не догадался — сюжеты с античных ваз: Афина с совой, Кора поднимается с Земли.

На этот раз молодой человек обратился непосредственно к ним:

— Эй вы, лунатики!

По шее Рэгла побежали мурашки. Он сделал вид, что занят своим сэндвичем; напротив склонился над тарелкой бледный и потный Вик.

— Эй!

— Хватит, или выставлю за дверь! — вмешалась официантка.

— Ребята в галстуках, — сказал ей парень и снова заткнул уши большими пальцами. На нее это, однако, не произвело впечатления.

«Нет, — подумал Рэгл, — так я здесь не выживу. Водитель был прав».

— Пойдем, — бросил он Вику.

— Да, время.

Вик поднялся, прихватив сэндвич, и нагнулся допить кофе.

«Теперь расчет, — подумал Рэгл. — Мы обречены».

— Нам пора, — сказал он официантке. — Посчитайте и пирог. Сколько всего?

— Одиннадцать девять. — Официантка протянула счет.

Рэгл открыл кошелек. Все внимательно следили за его действиями. Увидев банкноты, официантка воскликнула:

— О боже! Сколько лет я не видела бумажных денег! Думаю, они еще в ходу. Ральф, — обратилась она к первому парню, — государство еще принимает бумажные деньги?

Тот кивнул.

— Подождите, надо пересчитать… Получается один сорок. Только сдачу я дам в жетонах. Если не возражаете. — С извиняющимся видом официантка взяла из кассы несколько пластмассовых кружочков, шесть из которых отдала Рэглу, получив от него пять долларов. — Спасибо.

Когда Рэгл с Виком ушли, она снова склонилась над помятой книжкой в обложке.

— Ну и ну, — бормотал Вик, ковыляя рядом с

Рэглом по темной улице. — Вот так испытание. — Они дожевывали остатки своих сэндвичей. — Ну и детки… Придурки чертовы!

«Лунатики, — подумал Рэгл. — Они что, узнали нас?»

— Какие планы? — спросил Вик. — Нашими деньгами, во всяком случае, можно рассчитываться. К тому же у нас теперь есть немного местных. — Он щелкнул зажигалкой, чтобы получше рассмотреть жетоны. — Из пластмассы. Вероятно, экономят металл. Очень легкие. Как продовольственные жетоны во время войны.

Да, подумал Рэгл. Продовольственные жетоны. Монетки из какого-то непонятного сплава, не из меди. А теперь жетоны. Талоны.

— Никакой светомаскировки, между прочим. Везде свет.

— Все-таки здесь все по-другому, — начал Вик. — Свет горит, когда… — Он вдруг замолчал. — Слушай, я не понимаю. Я помню Вторую мировую войну. Но вообще-то я ее не должен помнить!

Она же была пятьдесят лет назад. До моего рождения. И я не жил ни в тридцатых, ни в сороковых. И ты не жил… Может, хватит с нас? Выбрались. Увидели все это. — Его передернуло. — У них

подпилены зубы.

— И говорят они на каком-то варварском жаргоне.

— Ну.

— Раскрашены как африканские дикари, носят украшения…

«А мне тем не менее сказали „лунатик“», — подумал Рэгл.

— Они знают, — сказал он вслух. — Знают про меня. Но им все равно. — Ему почему-то стало не по себе. — Зрители. Циничные, насмешливые молодые лица.

— Странно, что они не в армии, — заметил Вик.

— Может, скоро попадут.

Рэглу эти мальчишки показались совсем юными. Лет шестнадцать или семнадцать.

Они все еще стояли на углу, когда на пустынной улице раздались шаги.

— Эй ты, лунатик! — Из темноты ленивой походкой вышли два парня, скрестив руки, остановились в свете фонаря, равнодушные и безразличные. — Ну-ка, ребята, стоп-стоп.

Глава 13

Тот, что стоял слева, полез в карман своего балахона и вытащил кожаную коробочку. Из нее извлек сигару и крохотные золотые ножницы; отрезав кончик сигары, он сунул ее в рот. Напарник исполнил тот же ритуал, достав украшенную камнями зажигалку.

Парень с сигарой сказал:

— Ребята в галстуках носят мертвые бабки. Официантка малость дур-дур.

Деньги, понял Рэгл. Официантка не должна была их брать. Мальчишки знали, что эти деньги незаконны.

— Ну и?.. — отрывисто спросил Вик, пытаясь подражать их жаргону.

— Много бабок — все класс. Вот. — Парень с зажигалкой вытянул руку. — Ребята башляют, и все класс. Ребята в галстуках отстегивают бабки.

— Дай ему жетоны, — сдавленно произнес Вик.

Рэгл отсчитал в раскрытую ладонь четыре жетона из шести.

Парень низко поклонился, пук волос коснулся тротуара. Его напарник стоял не шевелясь, никак не реагируя на происходящее, будто истукан.

— Может, ребята в галстуках хотят заторчать? — бесстрастно спросил парень с зажигалкой. — А то совсем отмороженные…

Оба молодых человека кивнули. Теперь они приняли какой-то торжественный вид, словно речь зашла о важном предмете.

— Есть хлоп-хлоп, — продолжил тот, что с зажигалкой. — Хороший хлоп-хлоп для ребят в галстуках. — Он действительно хлопнул несколько раз в ладоши, как тюлень ластами.

Вик и Рэгл с изумлением следили за его действиями.

— Конечно, — согласился Вик.

Молодые люди пошептались. Затем, выпустив клуб дыма и нахмурившись, парень сказал:

— За мертвые бабки можно классно заторчать. Будет хлоп-хлоп. Для ребят в галстуках хороший хлоп-хлоп. — Он вытянул руку. — Мертвые бабки.

Рэгл достал кошелек.

— Один. — Он положил на ладонь парня долларовую бумажку. — Это много.

Парни опять пошептались, и тот, что с сигарой, выкинул два пальца.

— Ладно, — сказал Рэгл. — У тебя есть по одному? — спросил он Вика.

Роясь в карманах, тот пробурчал:

— Ты уверен, что нам это надо?

Альтернатива состояла в том, чтобы остаться здесь, на углу, не имея ни малейшего понятия, в какую сторону идти.

— Давай рискнем, — ответил Рэгл, передавая парню доллар Вика. — Теперь, — обратился он к парням, — хороший хлоп-хлоп.

Парни закивали, поклонились и исчезли в темноте. Поколебавшись, Рэгл и Вик двинулись следом.

Путь пролегал по пахнущим сыростью кривым улочкам. Наконец, миновав заборчик, вся компания поднялась по ступенькам и остановилась у двери. Один из парней постучал.

— Тут два типа в галстуках, их надо быстро в комнату, — прошептал он в открывшуюся дверь.

Помещение заливал дрожащий коричневый свет. Рэглу показалось, что это обычная, скудно обставленная квартира.

Маленький коридорчик вел на кухню с раковиной, столом, плитой и холодильником. Две другие двери были закрыты. В комнате сидели несколько парней, на полу. Обстановка состояла из торшера, стола, телевизора и стопки книг. Кое-кто из сидящих был в тоге и сандалиях, остальные

— в однобортных костюмах, белых рубашках и кроссовках. Все уставились на Рэгла и Вика.

— Здесь заторчим, — сказал парень с сигарой. — Вы давайте, надо сидеть. — Он показал на пол.

— Что? — переспросил Вик, а Рэгл предложил:

— Может, мы возьмем хлоп-хлоп с собой?

— Нет. Садитесь и нюхайте.

Приведший их парень с сигарой исчез на кухне. Спустя некоторое время он вернулся и вручил Рэглу бутылку. Все внимательно наблюдали. Рэгл извлек пробку и тут же понял, что внутри. Вик тоже понюхал.

— Это же самый натуральный тетрахлорметан!

— Да, — подтвердил Рэгл. Значит, они сидят здесь и балдеют от тетрахлорметана. Это и есть хлоп-хлоп.

— Нюхай, — приказал кто-то.

Рэгл нюхнул. За свою жизнь ему приходилось пару раз вдыхать четыреххлористый углерод, и, кроме головной боли, никаких ощущений он не испытывал. Он передал бутылку Вику.

— Нет, спасибо.

Парень в костюме сказал высоким голосом:

— Ребята в галстуках ломаются.

Все заулыбались.

— Это девушка, — пробормотал Вик. — Посмотри.

Оказалось, что все, кто в костюмах, рубашках и кроссовках, — девушки с выбритыми наголо головами. От парней их отличали разве что более хрупкие и маленькие фигуры. Косметикой они не пользовались. Если бы девушка не заговорила, Рэгл и Вик никогда бы не догадались.

— Торчковый хлоп-хлоп, — сказал Рэгл, — но слабенький.

Наступила тишина.

Одна из девушек попросила кого-то:

— Сыграй странную песню.

Лица парней потемнели. Потом один поднялся и прошел в угол комнаты, где стояла высокая кожаная сумка. Он вытащил из нее пластмассовую трубку с дырочками. Один конец засунул в нос, прикрыл дырочки пальцами и заиграл. Носовая флейта.

— Классная флейта, — сказала одна из девушек.

Парень опустил инструмент, вытащил из рукава яркую цветную тряпочку, вытер нос и спросил, обращаясь к Вику и Рэглу:

— Как оно, быть лунатиком?

Значит, могут говорить и не на жаргоне, по-

думал Рэгл.

— Лунатиком? — робко переспросила одна из девушек. — Что, действительно?

— Ну да, — подтвердил парень. — Ребята в галстуках — лунатики. — Он засмеялся, хотя явно испытывал некоторую неуверенность. — Я не прав?

Рэгл ничего не ответил, Вик тоже промолчал.

— Вы одни? — спросил другой парень. — Или есть еще ваши?

— Только мы, — ответил Рэгл. Все уставились на него с недоверием. — Да, это правда, — продолжал Рэгл. Похоже, иначе завоевать их доверие не удастся. — Мы лунатики.

Никто из подростков не пошевелился. Все замерли. Потом один рассмеялся.

— Ребята в галстуках — лунатики. Ну и что? — Пожав плечами, он взял свою флейту.

— Еще играть-играть, — попросила девушка.

— Мы теряем здесь время, — буркнул Рэгл. — Пошли.

Он уже был на пороге, когда один из парней сказал:

— Эй, ребята, за вами военная полиция. Шаг за дверь — и вас заметут.

Парень снова заиграл. Остальные кивнули.

— Вы знаете, что военная полиция делает с лунатиками? — спросила девушка. — Им вкатывают дозу К. Л.

— Это что? — спросил Вик.

Все рассмеялись. Никто не ответил, флейта продолжала играть.

— Ребята в галстуках побледнели, — сказал парень, вдохнув из бутылочки.

Пол задрожал. Кто-то поднимался по лестнице. Мелодия оборвалась. Стук. Вот и все, подумал Рэгл.

— Черт бы вас побрал, щенки! — раздался грубый голос. На пороге стояла тучная пожилая женщина в шелковом халате. На ногах у нее были меховые тапочки. — Я же предупреждала, после десяти — никаких флейт! А это кто? — Полуприкрытые глаза старухи остановились на Рэгле.

Сейчас ей скажут, и она в панике кинется на улицу. Через минуту возле дома будут танки или что-нибудь этакое, на чем здесь ездит военная полиция. Тед, водитель, наверное, тоже не терял времени. И официантка. Все, конец.

«Как бы то ни было, мы выбрались, мы узнали, что сейчас не 1959-й, а 1998 год, идет война, подростки говорят и одеваются как аборигены Западной Африки, девушки носят мужскую одеж-

ду и бреют головы. И деньги в нашем понимании исчезли. Вместе с дизельными грузовиками».

С неожиданной тоской Рэгл подумал, что они так и не разобрались в главном. Зачем нужен был поддельный город со старыми автомобилями и улицами. К чему было годами дурачить их…

— Кто эти джентльмены? — настаивала старуха.

После паузы одна из девушек ответила с недоброй улыбкой:

— Ищут жилье.

— Что? — недоверчиво переспросила старуха.

— Ну да, — подтвердил парень. — Зашли и спросили, не сдается ли комната. Ходили по всей округе. У вас разве не горит свет на крыльце?

— Нет. — Женщина вытащила платок и вытерла мягкий, морщинистый лоб. — Я его выключила. — Повернувшись к Рэглу и Вику, она представилась: — Меня зовут миссис Мак Фи. Этот дом принадлежит мне. Какие комнаты вас интересуют?

Прежде чем Рэгл успел ответить, Вик сказал:

— Любые подойдут.

— Что ж, — хозяйка развернулась в дверях, — пойдемте, я покажу. Хотите одну на двоих? — Внимательно их оглядев, она добавила: — Вначале

пройдемте ко мне, расскажете, чем вы занимаетесь, и все такое.

Старуха поползла вниз, ступенька за ступенькой.

Внизу со стонами и причитаниями она нащупала выключатель. Замигала голая лампочка, освещая ведущую к парадному входу дорожку вдоль стены. На крыльце стояло старомодное плетеное кресло-качалка. Старомодное даже с их точки зрения. Есть вещи, которые не меняются, подумал Рэгл.

— Вот сюда, — указала миссис Мак Фи. — Если не передумали.

Она скрылась в доме. Рэгл и Вик шагнули следом, очутившись в темной, захламленной и душной гостиной, забитой всякой всячиной: стульями, лампами, покосившимися картинами на стенах, коврами… Сверху, вышитый или вытканный цветными нитками, висел вымпел со словами:

ЕДИНЫЙ
СЧАСТЛИВЫЙ МИР НЕСЕТ СЧАСТЬЕ И РАДОСТЬ ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

— Я бы хотела узнать, — миссис Мак Фи тяжело опустилась в кресло, — имеете ли вы постоянную

работу? — Наклонившись, она сдвинула со стола на колени огромный гроссбух.

— Конечно, — ответил Рэгл.

— И что это за работа?

— Торгуем овощами, — сказал Вик. — Я заведую секцией в супермаркете.

— Что? — От изумления старуха открыла рот. Черно-желтая птица непонятного вида резко закричала в клетке. — Успокойся, Дуайт!

— Овощи и фрукты, — повторил Вик. — Розничная продажа.

— Какие овощи?

— Всякие, — ответил он раздраженно.

— И где вы их берете?

— Привозят фургоны.

— Ага, — прокряхтела старуха. — А вы, — она повернулась к Рэглу, — скорее всего, инспектор.

Рэгл промолчал.

— Не верю я торговцам овощами, — сказала миссис Мак Фи. — Тут приходил один на прошлой неделе, я не утверждаю, что это вы, хотя все может быть… И вроде бы неплохие овощи, но, видит бог, я бы померла на месте, если б их съела. На них просто написано, что они эр а. Я сразу вижу. Конечно, он клялся, что они выращены в шахтах. Показывал даже этикетку, якобы они растут глу-

боко под землей. А я по запаху чувствую — эр а.

Радиоактивность, подумал Рэгл. Все, что растет на поверхности, поражено осадками. Значит, были бомбовые удары. Эта мысль пронзила его. Он вдруг отчетливо увидел длинный ряд фургонов, груженных выращенной под землей едой. В шахтах. Рисковый они выбрали себе бизнес — торговать зараженными помидорами и дынями.

— Наш товар без эр а, — заверил Вик. — Радиоактивность, — прошептал он Рэглу. — Мы очень издалека. Приехали сегодня вечером.

— Я вижу, — заметила миссис Мак Фи.

— Мы оба болели, — добавил Вик. — Расскажите, что происходит.

— То есть? — Женщина перестала листать свой гроссбух и надела очки в роговой оправе. Теперь ее глаза остро поблескивали из-за стекол.

— Что происходит? — повторил Рэгл. — Расскажите о войне. Пожалуйста.

— Странно, что вы не слышали о войне.

— Расскажите! — сдавленно произнес Вик. — Ради Христа.

— Вы добровольцы? — спросила миссис Мак Фи.

— Нет, — сказал Рэгл.

— Я — патриотка, но добровольцев в своем доме

не потерплю. Слишком с ними хлопотно.

«Толку мы от нее не добьемся, — подумал Рэгл. — Бесполезно. Можно даже не пытаться».

На столе стояло несколько потемневших фотографий в рамках. На всех был изображен молодой человек в форме. Рэгл склонился над фотографиями.

— Кто это?

— Мой сын, — ответила миссис Мак Фи. — Служил на ракетной базе в Анверсе. Не видела его уже три года. С начала войны.

Значит, недавно, подумал Рэгл. Примерно в это время они построили…

Тогда же начался и конкурс «Где теперь появится Зеленый человечек?». Почти три года…

— Были попадания? — спросил Рэгл.

— Я вас не понимаю, — сказала миссис Мак Фи.

Рэгл встал и бесцельно прошелся по комнате. Большая дверь темного блестящего дерева вела в столовую: стол, несколько стульев, полки на стенах, стеклянный шкаф с чашками и тарелками. Пианино. Подойдя к инструменту, Рэгл поднял несколько исписанных нотными знаками листков. Дешевые шлягеры про солдат и девушек. Одна песенка называлась «Предупреждение лунатикам».

Рэгл прихватил листок и передал его Вику:

— Посмотри.

Они вместе прочли написанный под нотами текст.

Ах, до чего же глупа
Круглая эта Луна!
Против Единого общего мира
Вылезла эта Луна!
Думала, раз высоко,
Думала, раз далеко,
Можно напасть на Единую Землю,
НО!
Не забывай, что с Землей шутки плохи,
Залп и — бай-бай! — разлетится на крохи
ЛУНА!

— Играете на пианино, мистер? — спросила женщина.

— Враги находятся на Луне? — спросил в ответ Рэгл.

Небо, подумал он. Луна. Селена. Значит, военная полиция охотится не за ним с Виком. Она охотится за врагом. И война идет между Землей и

Луной. И если эти пацаны приняли их за лунатиков, значит, лунатики — это люди. Скорее всего — колонисты.

Гражданская война.

«Теперь я понял, чем занимаюсь. Что означает этот конкурс и кто я такой. Я — спаситель планеты. Угадывая, где появится Зеленый человечек, я предсказываю, где и когда будет нанесен следующий удар. И в этот квадрат бросают средства перехвата. В указанное мной время и место. И все, таким образом, остаются в живых: подростки со своими носовыми флейтами, водитель Тед, мой зять, Билл Блэк, Кессельманы и Кейтелбайны…

Об этом миссис Кейтелбайн и ее сын начали мне рассказывать. Гражданская оборона. Модели из 1998 года, чтобы я вспомнил.

Но как я мог забыть?»

Повернувшись к миссис Мак Фи, Рэгл спросил:

— Вам что-нибудь говорит имя Рэгл Гамм?

— Нет. — Старуха рассмеялась. — Абсолютно ничего. Клоун-неваляшка. Потому что один человек никогда с этим не справится. Это целый коллектив, но его всегда называют Рэгл Гамм. Я поняла с самого начала.

Вик глубоко и прерывисто вздохнул:

— Боюсь, что вы не правы, миссис Мак Фи. Такой

человек есть, и он действительно все делает сам.

— И никогда не ошибается? — лукаво спросила старуха.

— Никогда, — ответил Рэгл, и Вик кивнул.

— Рассказывайте! — протянула она скрипучим голосом.

— У него талант, — сказал Рэгл. — Он видит закономерности…

— Слушайте, — перебила миссис Мак Фи. — Я ведь постарше вас, ребята. И помню этого Рэгла Гамма простым модельером, придумывавшим безобразные шляпы у мисс Адонис.

— Шляпы… — повторил Рэгл.

— У меня даже сохранилась одна. — Застонав, хозяйка поднялась с кресла и поковыляла к шкафу. — Вот. — В руках у нее был котелок. — Обыкновенная мужская шляпа. Как ему удалось заставить женщин ходить в котелках, непонятно. Но залежавшиеся мужские шляпы мгновенно разошлись.

— И много он на этом заработал? — спросил Вик.

— Эти модельеры заколачивают миллионы. Все до единого. А ему еще и везло. Просто везло, и ничего больше. Потом он занялся производством алюминия. — Миссис Мак Фи задумалась. —

Вернее, алюминиевых сплавов. И опять удача. Дьявольски везучий парень, хотя до конца его не хватило. Удача изменила ему. — Авторитетным тоном она добавила: — Но от нас это скрывают. Поэтому никто больше не видит Рэгла Гамма. Фортуна отвернулась, и он покончил с собой. Это не слухи — факт. Жена моего знакомого работала в военной полиции, так вот она говорит, что так все и было. Гамм покончил с собой несколько лет назад. С тех пор ракеты предсказывает то один, то другой.

— Понятно, — сказал Рэгл.

Торжествующим тоном старуха продолжала:

— Они сами от него отказались, когда он согласился приехать в Денвер и там предсказывать ракетные удары. Но это уже был блеф, и его раскусили. Он решил не допустить позора и…

— Нам пора, — перебил ее Вик.

— А как же комнаты? Я ведь вам ничего не показала.

— Спокойной ночи, — сказал Рэгл. Они спустились по лестнице на крыльцо, а оттуда на тротуар.

— Вернетесь? — крикнула с крыльца миссис Мак Фи.

— Позже, — бросил Вик. Они быстро пошли

прочь от дома.

— Я забыл, — сказал Рэгл. — Я все это забыл.

«Но все равно продолжал предсказывать, — думал он. — Так или иначе, но я это делал. И значит, все остальное не имеет значения, раз я продолжал свою работу».

— Никогда не думал, что можно что-то узнать из популярной песенки, — произнес Вик. — И ошибался.

До Рэгла неожиданно дошло, что он не корпит в своей комнате над очередным заданием, а значит, завтра их всех могут стереть с лица земли.

«Теперь понятно, почему Тед, водитель, так умолял меня. Почему „Таймс“ дал мою фотографию как человека года».

— Я вспомнил. — Рэгл остановился. — В ту ночь. У Кессельманов. Там была фотография моего алюминиевого завода.

— Мы можем вернуться, — сказал Вик. — Мы обязаны вернуться. Ты, во всяком случае. Им требовалось, чтобы с тобой кто-то был, для естественности. Они взяли Марго, меня, Билла Блэка. Помнишь, я искал в ванной шнур от выключателя? Это был условный рефлекс. Наверное, здесь у них шнуры. Во всяком случае, мой выключатель работал от шнура. И когда мои продавцы отреа-

гировали как одна группа… Наверное, здесь они работали в каком-нибудь магазине. Может, даже в овощном отделе. Все то же самое, только сорок лет спустя.

Впереди показались огни.

— Попробуем зайти.

Рэгл ускорил шаги. Он все еще хранил карточку Теда, водителя. Скорее всего с номером военной полиции. Снова назад… Но почему?

— Почему я должен возвращаться? — спросил Рэгл. — Почему я не могу заниматься этим здесь? Почему я должен жить там, воображая, что это тысяча девятьсот пятьдесят девятый год и я разгадываю газетный конкурс?

— Спроси кого-нибудь другого, — сказал Вик. — Я не знаю.

Огни постепенно превращались в слова. Цветная неоновая вывеска извещала: «Западная аптека».

— Аптека, — прочел Вик. — Отсюда можно позвонить.

Они вошли в крошечную, уютную и ярко освещенную комнату с полочками и витринами. Ни посетителей, ни служащих не было, и Рэгл осмотрелся в поисках телефона. А может, телефонов уже нет, подумал он.

— Чем могу помочь? — раздался женский голос.

— Нам надо позвонить, — ответил Рэгл. — Очень срочно.

— Будет хорошо, если вы заодно покажете, как обращаться с аппаратом, — попросил Вик. — А еще лучше — наберете нам номер.

— Ну конечно, — сказала аптекарша, выскальзывая из-за стойки в белоснежном халате. Она улыбнулась им, женщина средних лет в туфлях на низком каблуке. — Добрый вечер, мистер Гамм.

Он узнал ее.

Миссис Кейтелбайн.

Кивнув Рэглу, миссис Кейтелбайн прошла мимо него к двери, закрыла ее и опустила шторы. Только после этого она повернулась к Рэглу:

— Какой номер?

Он дал ей карточку.

— О, понятно! Это армейский коммутатор в Денвере. И внутренний шестьдесят два. Скорее всего, — миссис Кейтелбайн нахмурилась, — кто-то из противоракетной обороны. Если вы их застанете в это время, значит, они просто там живут. Как будто от этого что-то зависит. — Она вернула карточку Рэглу. — Много вспомнили?

— Довольно много, — ответил Рэгл.

— Помогло, что я показала вам модель вашего завода?

— Да, очень.

— Тогда я довольна.

— Вы ходили вокруг да около, по кусочкам восстанавливая мою память. Значит, вы представляете армию?

— Да, — ответила она. — В некотором роде.

— Как могло получиться, что я все забыл?

— Вас заставили забыть. Точно так же, как вас заставили забыть все, что произошло, когда вы поднялись на холм и встретились с Кессельманами.

— Меня подобрали грузовики муниципальной службы. А на следующее утро люди из муниципалитета начали копать канаву. Следить за мной. Значит, это они построили город и управляют им? Это они заставили меня все забыть?

— Да, — кивнула миссис Кейтелбайн.

— А вы хотели, чтобы я вспомнил.

— Потому что я — лунатик. Я из тех, за кем гоняется военная полиция. Вы ведь решили перейти на нашу сторону, мистер Гамм. Уже упаковали чемоданчик. Но что-то произошло, и до нас вам добраться не удалось. Вас оставили в живых, потому что Рэгл Гамм им нужен. Усадили за га-

зетный конкурс — чтобы вы служили им своим талантом, не испытывая нравственных мук.

Миссис Кейтелбайн по-прежнему улыбалась веселой профессиональной улыбкой; в этом белом халатике она напоминала медсестру из стоматологического кабинета, рекламирующую новые средства для ухода за полостью рта. Энергичная и деловая. И, подумал Рэгл, убежденная, преданная.

— Почему я решил перейти на вашу сторону?

— Вы не помните?

— Нет.

— Тогда я вам дам кое-что почитать. Вроде пособия по ориентации. — Она сделала шаг назад и вытащила из-под прилавка плоский малиновый конверт. — Первое, — начала миссис Кейтелбайн, — номер «Таймс» от четырнадцатого января тысяча девятьсот девяносто шестого года с вашим фото на обложке и биографией внутри. Достаточно подробной для широкой публики.

— Что они знают? — спросил Рэгл, думая о миссис Мак Фи и ее сплетнях.

— Что вы страдаете заболеванием дыхательных путей, из-за чего живете отшельником в Южной Америке, в заброшенном перуанском городке под названием Айакучо. А вот еще. — Миссис

Кейтелбайн извлекла небольшую книжку. — Официальный учебник по современной истории для школ ЕДИНОГО СЧАСТЛИВОГО МИРА.

— Объясните мне этот лозунг — «Единый счастливый мир».

— Это не лозунг. Это официальное название организации, убежденной, что межпланетные путешествия не имеют будущего. Единый счастливый мир хорош сам по себе; он гораздо лучше, чем бесконечные безжизненные пустоты, которые Господь никогда не предназначал человеку. Вам, конечно, известен смысл слова «лунатик»?

— Колонист на Луне.

— Не совсем. Но в книге это все есть, наряду с обзором начала войны. И еще. — Миссис Кейтелбайн вытащила из конверта памфлет под названием «Борьба с тиранией».

— Что это? — спросил Рэгл.

Брошюра вызвала у него странное чувство, он испытывал потрясение от узнавания давно забытого, включались старые ассоциации…

— Этот памфлет распространялся среди тысяч рабочих корпорации Рэгла Гамма. На ваших многочисленных заводах. Вы до сих пор удерживаете сильные позиции в экономике и вызвались работать на правительство за чисто символическое

вознаграждение, жест патриотизма. Посвятили свой талант спасению людей от ракетных ударов с Луны. Но через несколько месяцев все изменилось — вы всегда лучше других угадывали тенденции развития.

— Я могу это взять в город? — спросил Рэгл.

Он уже думал о завтрашнем задании. Привычка вошла в его плоть и кровь.

— Нет, — возразила миссис Кейтелбайн. — Они знают, что вы вырвались. И если вы вернетесь, снова попытаются стереть вашу память. Лучше читайте здесь. Сейчас около одиннадцати. Время есть. Я понимаю, вы думаете о завтрашнем задании.

— Здесь не опасно? — спросил Вик.

— Нет.

— А если нагрянет военная полиция?

— Посмотрите в окно.

Рэгл и Вик подошли к окну аптеки и выглянули. Улица исчезла. Вокруг простирались темные безжизненные поля.

— Мы за городом, — сказала миссис Кейтелбайн. — Как только вы вошли, мы тронулись с места. И до сих пор едем. Вот уже месяц, как мы научились проникать в Старый город. Так его назвали те, кто его построил. — Помолчав, она

добавила: — Вы никогда не интересовались, где живете? Как называется город? Страна? Штат?

— Нет, — ответил Рэгл, чувствуя себя дураком.

— Мы в Западном Вайоминге, недалеко от границы с Айдахо. Ваш город был построен на месте нескольких поселений, снесенных в первые дни войны. Они довольно удачно все воссоздали, основываясь на старинных описаниях и картинках. Руины, которые пытается расчистить Марго, — это подлинные развалины бывшего Кеммерера, старинные оружейные склады. Туда-то мы и подбросили телефонную книгу, листки со словами и журналы.

Присев к столу, Рэгл погрузился в чтение собственной биографии.

Глава 14

Страницы журнала шелестели, раскрывая перед ним реальный мир. Имена, лица, ощущения наплывали на него и вновь оживали. На этот раз не было людей в серых комбинезонах, угрожавших ему из ночной тьмы, и Рэгл сидел, вцепившись в журнал и впитывая каждую строчку. «Вперед с Морагой»… Он вспомнил избирательную кампанию 1987 года. Еще был лозунг «Победим с Вольфом»… Кстати, и победили.

Фотография худого, тщедушного профессора из Гарварда. Рядом с ним — человек, ставший вице-президентом. Какой контраст, подумал Рэгл. Они так отличались друг от друга, что в конце концов довели страну до гражданской войны. И оба на одном бюллетене. Каждый хотел завоевать все голоса.

Профессор права из Гарварда и бывший работник железной дороги. Специалист по римской и английской юриспруденции и человек, швырявший мешки с солью.

— Помнишь Джона Морагу? — спросил Рэгл.

На лице Вика промелькнула растерянность.

— Естественно.

— Даже смешно, что образованный человек оказался таким легковерным. А может, и слишком наивным. — Чересчур много теории и мало практики, подумал Рэгл.

— А я не согласен, — с несвойственной ему решительностью заявил Вик. — Это был человек, который жаждал осуществить свои принципы на практике, вопреки любым препятствиям.

Рэгл взглянул на него с изумлением. Он вспомнил споры до хрипоты в ночных барах: «Я лучше сдохну, чем меня увидят с салатницей из лунных пород». «Не покупайте ничего с Луны». Полный бойкот. И все ради принципов.

— Покупайте земные породы, — сказал он.

— Покупайте только дома, — без колебания откликнулся Вик.

— Но почему? — спросил Рэгл. — Какая разница? Для тебя что, Антарктида — дом?

Он действительно не понимал. Лунные породы, земные породы… Порода есть порода. Между тем спор все больше принимал политическую окраску. «Луна никогда не будет представлять для нас экономического интереса. О ней можно забыть».

В 1993 году президент Морага провел в Конгрессе закон, положивший конец американской экономической экспансии на Луне. Ура! Гип-гип!

Торжественные парады на Пятой авеню.

И вдруг восстание.

— Победим с Вольфом, — сказал Рэгл.

— А по-моему, — горячо возразил Вик, — это шайка предателей.

Миссис Кейтелбайн молча слушала их спор.

— В законе ясно сказано, — в свою очередь возразил Рэгл, — что в случае недееспособности президента его обязанности исполняет вице-президент. При чем тут предатели?

— Исполняющий обязанности — еще не президент. Он всего-навсего должен следить за исполнением президентской воли. Никто не давал ему права разваливать внешнюю политику. Воспользовался болезнью шефа. Возобновил субсидирование лунных проектов, лишь бы угодить кучке калифорнийских либералов с розовым туманом в голове и без малейшей доли здравого смысла. — Вик задохнулся от негодования. — Логика подростков, которым не терпится погонять на скоростных машинах с форсированными двигателями. В очередной раз заглянуть за горизонт…

— Ты же все это вычитал в газетах, — остановил его Рэгл. — Это не твои мысли.

— Про это еще Фрейд писал: подавленные сек-

суальные желания. На Луне делать нечего. Вся эта болтовня о «сияющей цели человечества»... Чушь собачья. Кроме того, — Вик ткнул в него пальцем, — это незаконно.

— Если это незаконно, — сказал Рэгл, — то при чем тут фрейдистские комплексы? — Готов что угодно поставить с ног на голову. Лишь бы возразить. — И почему, собственно, ты так против лунных исследований? Чувствуешь враждебный запах? Боишься заражения? Или сочащегося в щели песка?

Радиоприемник вдруг выкрикнул:

— Тяжело страдающий от болезни почек президент Джон Морага, находящийся на своей вилле в Южной Каролине, заявил, что, лишь тщательно взвесив все возможности и уделяя максимальное внимание интересам нации...

Поди ж ты, «тщательно», подумал Рэгл. При болезни почек лучше сказать «мучительно». Бедный парень.

— Чертовски хороший президент, — произнес Вик.

— Идиот, — откликнулся Рэгл.

Миссис Кейтелбайн кивнула.

Обосновавшиеся на Луне колонисты объявили, что они не намерены возвращать полученные

фонды, после чего федеральные службы возбудили против них дело. ФБР объявило всех арестованными по обвинению в корыстном использовании федеральных средств, а в тех случаях, когда дело касалось оборудования, — в незаконном владении федеральной собственностью.

Нашли предлог, подумал Рэгл Гамм.

В спустившихся сумерках свет автомобильного приемника освещал часть приборной доски, его колено, колено девушки рядом с ним. Они лежали, обнявшись, было жарко, выступили капельки пота. Время от времени то он, то она дотягивались до коробки с картофельными чипсами, застрявшей в складках ее юбки. Один раз он поднялся, чтобы глотнуть пива.

— Почему люди так хотят жить на Луне? — пробормотала девушка.

— Хронически недовольные, — сонно ответил он. — Нормальному человеку это не надо. Его устраивает жизнь как она есть. — Он прикрыл глаза и слушал танцевальную музыку по радио.

— А там красиво, на Луне? — спросила девушка.

— О боже, там просто ужасно. Ничего, кроме камней и пыли.

— Когда мы поженимся, — сказала она, — я бы хотела жить в Мехико-Сити. Цены там высокие, но все космополиты.

Статья в журнале напомнила Рэглу Гамму о возрасте. Сорок шесть лет. Много воды утекло с тех пор, как он валялся в машине с этой девчонкой, слушая музыку по радио.

«Чудная была девушка, — подумал он. — Почему они не дали ее фотографии? Наверное, просто не знали о ней. Эта часть моей жизни их не интересовала. Она не влияла на судьбу человечества...»

В феврале 1994 года произошло вооруженное столкновение на Первой базе, столице Лунной колонии. Колонисты атаковали ракетную базу, ожесточенный бой длился пять часов. В ту же ночь специальные транспортные корабли начали переброску войск на Луну.

«Ура! — подумал он. — Гип-гип!»

Через месяц шла полномасштабная война.

— Все ясно. — Рэгл закрыл журнал.

— Самое страшное — это гражданская война, — сказала миссис Кейтелбайн. — Брат на брата, отец на сына. Экспансионистам... — она запнулась, — лунатикам на Земле пришлось туго. Они воевали в Калифорнии, Нью-Йорке и нескольких крупных

городах Старого Света. Но уже к концу первого года войны Единый счастливый мир полностью контролировал положение на Земле. — Миссис Кейтелбайн улыбнулась своей отработанной, профессиональной улыбкой. — Время от времени боевики лунатиков перерезают телефонные линии и взрывают мосты. Но большинство из тех, кому удается при этом уцелеть, получают свою долю К. Л. Концентрационных лагерей в Неваде и Орегоне.

— Но у вас же есть Луна, — заметил Рэгл.

— О да. И сейчас мы полностью себя обеспечиваем. У нас есть ресурсы, оборудование, персонал.

— А земляне не наносят ракетных ударов?

— Ну, Луна, как вы знаете, повернута к Земле только одной стороной.

Да, сообразил Рэгл. Конечно. Идеальная военная база. У Земли нет такого преимущества. Каждая ее часть в свой черед становится уязвимой для удара с Луны.

— Весь наш урожай выращивается с помощью гидропоники, в подземных резервуарах. Так мы избегаем заражения радиоактивными осадками. К тому же на Луне нет атмосферы. Благодаря слабому притяжению большая часть пыли при взрывах сама собой уносится в космическое про-

странство. Все наши объекты спрятаны очень глубоко. Дома и школы. И, — она улыбнулась, — мы дышим консервированным воздухом. Так что на нас нельзя воздействовать и бактериологическим оружием. Мы полностью защищены. Даже если нас останется совсем немного. Пусть даже несколько тысяч.

— А вы бомбите Землю, — сказал Рэгл.

— У нас есть план боевых действий. Наступательная доктрина. Мы помещаем боеголовки в транспортные корабли и расстреливаем ими Землю. Раз или два в неделю… плюс незначительные заряды, которые мы посылаем в ракетах-разведчиках, которых у нас предостаточно. Кроме того, есть спутники связи и ракеты технического обеспечения, их вполне хватает на несколько ферм или фабрику. На Земле не находят себе места, потому что никогда не знают, идет ли на них полноценный грузовой транспорт с ядерной боеголовкой или какая-нибудь мелочь. Это отравляет им всю жизнь.

— А я все это предсказываю, — сказал Рэгл.

— Да.

— Насколько хорошо у меня получается?

— Не так точно, как вам говорит Ловери.

— Понятно… — прошептал Рэгл.

— Но и не так плохо. Мы периодически меняем схему ударов, иногда предоставляя выбор случаю… потому что ряд кораблей вы перехватили, особенно тяжелые грузовые. Из-за этого у нас возникла небольшая паника — транспортных кораблей совсем немного. Мы стали менять все схемы. У вас ведь талант на угадывание тенденций. Взять хоть те же женские шляпки. Что будут носить в следующем году? Загадка. Но только не для вас.

— Почему ты решил перейти к ним? — спросил Вик. — Они же бомбят нас, убивают наших женщин и детей…

— Теперь он знает почему, — перебила его миссис Кейтелбайн. — Я видела по его лицу, когда он читал. Он вспомнил.

— Да. — Рэгл кивнул. — Я вспомнил.

— Почему ты перешел к ним? — повторил вопрос Вик.

— Потому, что они правы. А изоляционисты — нет.

— И Рэгл Гамм это понял, — сказала миссис Кейтелбайн.

Открыв дверь и увидев на темном крыльце Билла Блэка, Марго сказала:

— А их нет. Они в магазине, проводят срочную

инвентаризацию. Что-то вроде неожиданной проверки.

— Может, я все-таки войду? — спросил Блэк.

Марго отошла в сторону, Билл вошел и прикрыл за собой дверь.

— Я знаю, что их нет. — Он говорил бесцветным, подавленным голосом. — Кстати, их нет и в магазине.

— Там я их видела в последний раз. — Марго стало неловко от собственной лжи. — И так они мне сказали.

«Сказали, чтобы я так сказала», — подумала она.

— Они вырвались. Мы подобрали водителя грузовика. Они отпустили его, проехав около сотни миль по трассе.

— Откуда ты знаешь? — спросила она и вдруг ощутила дикую ярость. Она ничего не понимала, но интуиция подсказывала, что во многом виноват Блэк. — Ты и твоя ласэнь. — Она задыхалась от негодования. — Таскаешься сюда и что-то вынюхиваешь. Присылаешь свою жену-вертихвостку, чтобы она к нему подлизалась.

— Это не моя жена, — устало проговорил Блэк. — Ее взяли, потому что мне надо было устроиться по соседству.

Марго нахмурилась:

— А она знает?

— Нет.

— Дела-а, — протянула Марго. — Ну и что? Ты, значит, можешь стоять и ухмыляться, потому что тебе известно, что происходит?

— Я не ухмыляюсь, — сказал Блэк. — Я как раз думаю о том, что был, наверное, шанс его вернуть. Скорее всего, это Кессельманы. Одни и те же люди. Похожее звучание фамилий. Интересно, кто все это придумал? Я всегда плохо запоминал имена. Наверное, они это учли. Но когда тебе надо держать в голове тысячу шестьсот фамилий…

— Тысячу шестьсот, — повторила Марго. — Что ты имеешь в виду?

Она все острее чувствовала неладное. Ограниченность окружающего мира давила на нее все сильнее. Улицы, дома, магазины, люди. Тысяча шестьсот человек, стоящих посреди сцены. А вокруг — бутафорская мебель, кухни, машины, еда. А за всей этой бутафорией — плоский раскрашенный задник. Нарисованная панорама уходящих вдаль домов. Людей. Улиц. В стены вмонтированы динамики, раздаются звуки. Сэмми, сидящий один в классе. И даже учитель не настоящий. Вместо него — набор магнитофонных записей.

— Мы хоть узнаем, зачем все это? — спросила она.

— Рэгл уже знает.

— Потому у нас нет радио?

— По радио вы могли многое услышать.

— Мы и так многое услышали.

Билл поморщился:

— В конце концов, это был вопрос времени. Раньше или позже. Мы только надеялись, что он все равно будет заниматься своим делом.

— Но вмешался кто-то еще, — сказала Марго.

— Да, двое. Сегодня мы выслали по их адресу наших людей, в большой старый дом на углу, но они исчезли. Там никого нет. Оставили все свои модели. Он прослушал у них курс гражданской обороны. И принял решение.

— Если тебе больше нечего сказать, — заявила Марго, — уходи.

— Я останусь здесь, — ответил Билл Блэк. — На всю ночь. Может быть, он решит вернуться. Я подумал, что лучше, если я приду без Джуни. Я могу лечь в гостиной и сразу замечу, когда он войдет. — Открыв дверь, Билл внес в комнату небольшой чемоданчик. — Здесь зубная щетка, пижама и кое-какие личные вещи. — Он говорил все тем же потухшим, безжизненным голосом.

— У тебя из-за этого неприятности?

— У нас у всех теперь неприятности. — Блэк поставил чемоданчик на стул и принялся выкладывать свои пожитки.

— Кто ты? — спросила Марго. — Ты не Билл Блэк!

— Я Билл Блэк. Майор Уильям Блэк. Из штаба стратегического планирования. Раньше я работал с Рэглом, вычислял ракетные удары. В некотором роде я был его учеником.

— Значит, ты не работаешь в муниципалитете? В отделе водоснабжения?

Передняя дверь распахнулась. На пороге стояла в пальто Джуни Блэк. В руках она держала часы. Лицо ее распухло и покраснело, было видно, что она плакала.

— Ты забыл часы. — Она протянула часы Блэку. — Почему ты решил спать здесь? — спросила она дрожащим голосом. — Это из-за меня? — Она перевела взгляд на Марго. — У вас что-то было? Правда? Все это время?

Никто ей не ответил.

— Пожалуйста, объясните мне.

— Ради всего святого, — взмолился Блэк, — иди домой!

Она шмыгнула носом.

— Ладно. Тебе виднее. Завтра приедешь, или это у вас надолго?

— На одну ночь, — ответил Блэк.

Дверь за Джуни захлопнулась.

— Как она меня достала, — сказал Билл Блэк.

— Все еще верит, что она твоя жена.

— Джуни будет в это верить, пока ее не перепрограммируют. И ты тоже. Будешь по-прежнему видеть то, что видишь сейчас. Программа действует на уровне подсознания. Она затрагивает все системы.

— Это ужасно, — едва вымолвила Марго.

— Не знаю. Есть вещи и похуже. Это, во всяком случае, была попытка спасти ваши жизни.

— И Рэгл запрограммирован? Как мы все?

— Нет. — Билл Блэк выложил на стол пижаму. Марго обратила внимание на кричащие тона, яркие цветы и листья. — Рэгл находился в ином состоянии. Он, собственно, и придумал все это. Поставил себя перед дилеммой, и единственным выходом оказался психоз вытеснения.

Значит, он сумасшедший, подумала Марго.

— Он ушел в вымышленный мир. — Блэк завел принесенные Джуни часы. — Вернулся в довоенный период. В детство. Конец пятидесятых, когда он был ребенком.

— Не верю, — с трудом прошептала Марго.

— Мы придумали, как сделать, чтобы он жил в своем лишенном стрессов мире. Относительно лишенном, конечно. И при этом продолжал предсказывать ракетные удары, не ощущая непосильного бремени ответственности за судьбу человечества. Для него все превратилось в игру, в газетный конкурс. Он сам дал нам подсказку. Однажды в Денвере, когда мы пришли к нему домой, он встретил нас словами: «Я почти разгадал сегодняшнюю головоломку». Спустя неделю у него окончательно закрепилась иллюзия ухода.

— Он в самом деле мой брат?

Поколебавшись, Блэк сказал:

— Нет.

— Мы как-нибудь с ним связаны?

— Нет, — ответил он с неохотой.

— Вик — мой муж?

— Н-нет.

— А вообще, хоть кто-нибудь с кем-нибудь здесь связан?

Нахмурившись, Блэк сказал:

— Я… — Он закусил губу и закончил: — Так получилось, что мы с тобой женаты. Но по типу личности ты больше подходила к семье Рэгла. Все надо было делать на серьезной основе.

После этого оба надолго замолчали. Марго неуверенной походкой прошла на кухню и опустилась на стул.

«Билл Блэк — мой муж. Майор Билл Блэк».

В гостиной ее муж расстелил на диване одеяло, бросил подушку и приготовился ко сну.

Вернувшись в комнату, она сказала:

— Можно тебя спросить?

Он кивнул.

— Ты знаешь, где был тот шнур, который Вик искал тогда в ванной?

— Вик имел овощной магазин в Орегоне. Там вполне мог быть этот шнур. Или у него дома.

— Давно ли мы женаты?

— Шесть лет.

— А дети?

— Две девочки. Четырех лет и шести.

— А Сэмми?

Сэмми безмятежно спал за закрытой дверью.

— Он тоже здесь ничей? Просто взяли где-то ребенка как актера на роль?

— Сэмми — сын Виктора. Виктора и его жены.

— А кто его жена?

— Ты ее не знаешь.

— Не та здоровая девка из Техаса?

Блэк рассмеялся:

— Нет. Ее зовут Бетти или Барбара. Я сам ее ни разу не видел.

— Ну и каша.

— Да.

Она вернулась на кухню и снова села. Позже она услышала, как он включил телевизор, и потом около часа играла музыка. Потом Билл Блэк выключил телевизор, погасил свет и забрался под одеяло. Еще чуть позже Марго тоже задремала, облокотившись на кухонный столик.

Она проснулась от телефонного звонка. Билл Блэк метался по комнате, пытаясь найти аппарат.

— В холле, — сказала она хрипло.

— Алло! — ответил Блэк.

Часы над кухонной раковиной показывали три тридцать.

«О господи!» — подумала Марго.

— Хорошо. — Блэк положил трубку и вернулся в гостиную.

Она слышала, как он одевается, запихивает вещи обратно в чемоданчик, потом открылась и захлопнулась входная дверь. Он ушел.

Не стал ждать, подумала Марго. Она терла глаза, пытаясь окончательно проснуться. Было холодно, она окоченела. Вся дрожа, подошла к

камину.

Значит, Рэгл не вернется, решила Марго. Иначе бы Блэк не ушел.

Из спальни донесся голос Сэмми:

— Мама! Мама!

Она отворила дверь:

— Что случилось?

Сэмми сидел на кровати.

— Кто это звонил?

— Никто. — Она вошла в комнату и поправила одеяло. — Ложись спать.

— Папа не вернулся?

— Еще нет.

— Ну и ну. — Сэмми откинулся на подушку, мгновенно засыпая. — Может, они утащили чего-нибудь… и теперь скрываются…

Она осталась в детской, присела на край кровати и закурила, изо всех сил стараясь не уснуть.

Скорее всего, они не вернутся, подумала она. Но я все-таки подожду. На всякий случай.

— Что значит «они правы»? — вскипел Вик. — Хочешь сказать, это правильно — бомбить города, больницы и церкви?

Рэгл Гамм помнил тот день, когда впервые услышал о вооруженном нападении лунных колонистов, уже тогда называемых лунатиками,

на федеральные войска. Никто этому особо не удивился. Лунатики в основной массе состояли из недовольных и неустроенных молодых семей, честолюбивых и хватких парней и их жен. Кое у кого были дети, но ни у кого не было ни собственности, ни ответственности.

Первой реакцией Рэгла было пойти и драться. Но по возрасту он уже не проходил. Кроме того, оказалось, что его участия требовали дела поважнее. Он взял на себя предсказывание ракетных ударов, составление схем и графиков, проведение статистических исследований. Билл Блэк служил при нем офицером по особым поручениям. Весьма способный человек, он искренне стремился постигнуть секреты разгадывания. Первый год Рэгл сработал отлично, но потом его просто раздавила огромная ответственность. Сознание того, что от него зависит жизнь всех людей. На этом этапе армейское руководство приняло решение увезти Рэгла с Земли. Посадить на корабль и отправить на один из оздоровительных курортов Венеры, куда частенько наведывались правительственные чиновники. Климат, минеральный состав воды, сила притяжения, а может, все вместе способствовало излечению от рака и болезней сердца.

Впервые в жизни Рэгл покинул Землю. Межпланетный перелет в космическом пространстве. Отсутствие притяжения — извечного бремени всего живого, первозданной силы, сделавшей Вселенную такой, какой мы ее знаем. По мере того как корабль удалялся от Земли, Рэгл все больше забывал это состояние, отдаваясь безграничной свободе. Полет удовлетворил затаенную потребность, о которой Рэгл никогда не подозревал. А она существовала всю его жизнь. Не находящее выхода стремление к путешествиям. К перемене мест.

Его предки постоянно мигрировали. Они пришли на Запад из Азии — кочевники, собиратели, но не земледельцы. У Средиземного моря они остановились, ибо это был край света и дальше идти было некуда. Спустя сотни лет до них стали доходить сведения, что есть и другие места. Земли за морем. Они никогда не передвигались по воде, если не считать нескольких неудачных попыток достичь Северной Африки. Переход на лодках казался им страшным риском. Они все же предприняли его и, не имея понятия, куда плывут, достигли другого континента. Там на некоторое время остановились, потому что опять достигли края света.

Но с этим перелетом не могло сравниться ничто. Через леденящее душу пространство, с одной планеты на другую… В созданных своими руками кораблях. Потребность в движении присуща всем формам жизни. Универсальное, всеобщее свойство. Но потомки пращуров Рэгла дошли до конца. Остальные расы остановились гораздо раньше.

Это не имело никакого отношения к ископаемым, ресурсам и научным разработкам. И даже к науке и богатству. Все это были лишь поводы. Причина лежала за пределами сознания. Рэгл не мог сформулировать эту потребность, он лишь отчетливо ее ощущал. Это был инстинкт, первобытная тяга и вместе с тем — самый благородный порыв.

Смешно, думал Рэгл, когда люди утверждают, что Бог не предназначал человека для космических путешествий. Лунатики правы, они поняли, что межпланетные перелеты не связаны с перспективами разработок рудных месторождений далеко от Земли. Мы только делали вид, что нас интересуют лунные шахты, не более того. Это не политический и не этический вопрос. Просто, когда тебя спрашивают, надо что-то отвечать. Сделать вид, что ты знаешь ответ.

Неделю Рэгл плескался в Горячих Родниках Рузвельта на Венере. Потом его вернули на Землю. Вскоре после этого он стал упорно вспоминать и думать о своем детстве. О мирных днях, когда отец сидел в гостиной с газетой, а дети смотрели по телевизору Капитана Кенгуру. Мать тогда ездила на новом «Фольксвагене», в выпусках новостей по радио говорили не о войне, а о запуске искусственных спутников и надежде на получение термоядерной энергии. Неиссякаемого источника.

Еще не пришло время великих потрясений, депрессии и гражданского разлада.

Это были его последние воспоминания. Как он сидел и мечтал о пятидесятых годах. Потом, совершенно неожиданно, он оказался в пятидесятых. Свершившееся показалось ему чудом. Захватывающим дух волшебством. В одно мгновение исчезли сирены, концлагерные бараки, конфликты, ненависть, наклейки на бампер с надписью: «ЕДИНЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МИР». Исчезли солдаты, целыми днями слонявшиеся вокруг, страх перед следующим ракетным ударом, напряжение и тяжесть, а главное — сомнение, которое терзало их всех. Кошмарная вина гражданской войны, которую заглушают все бóльшим ожесточением.

Брат на брата. Семья на самое себя.

Подъехал и остановился «Фольксваген». Женщина с чудной улыбкой вышла и спросила:

— Готов ехать домой?

Отличную все-таки машину они приобрели, подумал он. Удачная покупка. Всегда можно продать дороже.

— Почти, — ответил отец матери. — Мне надо кое-что взять в аптеке, — добавил он и захлопнул дверцу.

Рэгл смотрел, как отец удаляется в сторону аптечного отдела в торговом центре Эрни. Мальчик знал, что там, помимо всего прочего, скупают старые электробритвы. Семь пятьдесят за вашу старую бритву независимо от ее состояния. И никаких сложностей, взаимная радость сделки. Вверху над головой — сияющие вывески. Цветные огни бегущей рекламы. Яркость и роскошь.

Он вышел побродить по автостоянке среди длинных, пастельного цвета машин, задирал голову на вывески, разглядывал рекламу в витринах. Кофе, 69 центов за фунт, да, вот это покупка!

Глаза мальчика впитывали зрелище: продавцы, машины, прохожие, киоски! Как много вокруг интересного! — думал он. Как много всего можно изучить. Целая ярмарка. В бакалейном отделе

продавщица бесплатно угощала образцами сыра. Он подошел к ней. На подносе лежали ломтики желтого сыра. Женщина протягивала его всем желающим. Даром. Хоть что-то, но даром. Общее возбуждение. Гул и говор. Он протянул руку за своим бесплатным ломтиком, дрожа от удовольствия. Улыбнувшись, женщина спросила:

— Что надо сказать?

— Спасибо.

— Любишь побродить по магазинам, пока родители делают покупки?

— Конечно, — проговорил он с набитым ртом.

— Потому что видишь, что здесь есть все, что может тебе понадобиться? Супермаркет — это целый мир.

— Наверное, так, — признался он.

— Ну, значит, бояться нечего, — сказала женщина. — Расслабься. Здесь хорошо и спокойно.

— Да, — согласился он, устав от расспросов, и еще раз посмотрел на поднос с сыром.

— В каком ты сейчас отделе? — спросила женщина.

Он огляделся и увидел, что это фармацевтический отдел. Вокруг были тюбики с зубной пастой, журналы, солнцезащитные очки и бутылочки с лосьоном для рук.

«Но я же был в продуктовом отделе, — с удивлением подумал мальчик, — там, где дают бесплатно попробовать. А может, у них и тут дают что-нибудь на пробу, резинку, например, или конфеты? Вот было бы здорово!»

Вокруг бурлила воскресная толпа. Повезло, подумал он. Золотой век. Самое удачное время для жизни, всегда бы так.

Отец уже давно махал ему из «Фольксвагена». Куча свертков на сиденье.

— Поехали, — сказал отец.

— Поехали, — протянул Рэгл, все еще удивляясь окружающему и очень жалея, что сейчас он отсюда уедет.

В угол автостоянки нанесло ветром целую кучу цветных бумажек. Оберток, картонок, смятых сигаретных пачек, пакетов из-под молока. Он просчитал все варианты: там, в глубине, должно быть что-то ценное. Скомканный доллар. Его занесло туда вместе с мусором.

Он нагнулся и вытащил бумажку. Точно, долларовая банкнота. Кто-то потерял ее, возможно очень-очень давно.

— Смотрите, что я нашел! — закричал он отцу с матерью и побежал к машине. Тут же завязалась дискуссия.

— Я считаю, его нельзя брать. Это неправильно. — Мать по-настоящему разволновалась.

— Мы все равно не установим владельца, — сказал отец, — пусть берет себе. — Он потрепал мальчика за волосы.

— Но он его не заработал, — возразила мать.

— Я его нашел! — воскликнул Рэгл Гамм, сжимая свой доллар. — Я вычислил, где он может быть, я знал, что он в этом мусоре.

— Тебе повезло, — заметил отец. — Мне приходилось встречать парней, которые постоянно находят деньги, каждый день. Я никогда так не умел. Наверное, за всю жизнь не нашел и цента.

— А я могу, — сказал Рэгл Гамм. — Я могу вычислить, я знаю, как это сделать.

Вечером на диване отец рассказывал о Второй мировой войне, как он воевал на Тихоокеанском театре. Мать мыла посуду на кухне. Спокойствие родного дома…

— Что ты сделаешь со своим долларом? — спросил отец.

— Куда-нибудь вложу, — ответил Рэгл Гамм. — Чтобы получить больше.

— Крупное дело? Не забудь о налогах на корпорации.

— У меня много останется, — сказал Рэгл уве-

ренно и откинулся на спинку дивана на манер отца: руки за головой, локти расставлены в стороны.

Он перебирал в памяти счастливейшие моменты своей жизни.

— Но почему такая неточность с «Такером»? — спросил он миссис Кейтелбайн. — Это дьявольская машина, но…

— Вы как-то на ней ездили.

— Да. По крайней мере, мне так кажется. Еще ребенком. — Он вдруг почти физически ощутил эту машину. — В Лос-Анджелесе, — сказал Рэгл, — у друга отца была одна из моделей.

— Ну вот и объяснение.

— Но ведь их так и не пустили в серийное производство. Все осталось на уровне экспериментальных образцов.

— Машина была нужна вам. И для вас ее сделали.

— А «Хижина дяди Тома»? — спросил Рэгл, хотя в свое время ему показалось совершенно естественным, что Вик принес эту брошюру из клуба «Книга месяца». — Она же была написана за целое столетие до меня! Поистине древняя вещь!

Миссис Кейтелбайн протянула ему журнал.

— Детская доверчивость, — сказала она. — По-

старайтесь вспомнить.

В журнальной статье упоминалась и эта книга. Теперь он вспомнил, что у него действительно была такая и он перечитывал ее снова и снова. Тисненый черно-желтый переплет, иллюстрации углем, увлекательные, как сама история. Он даже ощутил книгу в руках, ее вес, шершавый, запыленный картон и бумагу, вспомнил, как он прятался в тишину и тень двора, уткнувшись в текст. На ночь он забирал книгу в свою комнату, а утром снова перечитывал. В ней была стабильность, она не менялась. Книга давала ощущение определенности. Он чувствовал, что на нее можно положиться, там все останется так, как было вчера. Даже карандашные пометки на первой странице, где он нацарапал свои инициалы.

— Все было сделано в соответствии с вашими запросами, — сказала миссис Кейтелбайн. — Воссоздали все, что вам требовалось для ощущения безопасности и комфорта. Стоило ли придерживаться ненужной точности? Если «Хижина дяди Тома» занимала так много места в вашем детстве, ее просто включили в список.

Как в мечте, подумал Рэгл. Сохранили все хорошее. Исключили неприятное.

— Все карты могло спутать радио, и радио-

приемники просто убрали, — сказала миссис Кейтелбайн. — Во всяком случае, должны были убрать.

А ведь такая привычная вещь, подумал Рэгл. Забывая, что в созданной специально для Рэгла иллюзии радиоприемникам нет места, они постоянно совершали мелкие промахи. Типичная ошибка при претворении мечты в жизнь — очень тяжело быть последовательным. Играя с нами в покер, Билл Блэк видел детекторный приемник и тут же забыл о нем. Это действительно слишком привычная вещь, он не обратил на него внимания, занятый более важными вопросами.

Миссис Кейтелбайн продолжала:

— Итак, вы поняли, что они создали для вас безопасную, контролируемую обстановку, где бы вы могли заниматься своим делом, ни в чем не сомневаясь, не отвлекаясь ни на что постороннее. Не терзаясь тем, что вы защищаете неправое дело.

— Неправое?! — яростно вмешался Вик. — Неправы те, кого атакуют?

— В гражданской войне, — заметил Рэгл, — все неправы. Тут до истины не докопаться. И все — жертвы.

В периоды просветления, прежде чем его забра-

ли из кабинета и перевезли в Старый город, Рэгл успел разработать план. Он аккуратно собрал все бумаги и записи, уложил вещи и приготовился к побегу. Через подставных лиц ему удалось связаться с группой калифорнийских лунатиков, помещенных в один из концентрационных лагерей Среднего Запада. Программа перевоспитания еще не успела дать своих плодов, и ему удалось получить кое-какие сведения. Предполагалось, что в назначенное время он в условленном заранее месте встретится с находящимися на свободе лунатиками из Сент-Луиса. Но туда Рэгл так и не добрался. За день до встречи перехватили его связного. На допросах тот рассказал все.

Это был конец. В концентрационных лагерях лунатики подвергались систематическому промыванию мозгов, хотя называлось это, конечно, по-другому. Перевоспитание по новой методике избавляло от предрассудков, невротической одержимости и навязчивых идей. Лунатикам помогали прозреть. Оттуда они выходили другими людьми.

Аналогичной процедуре подвергли и тех, кому предстояло поселиться в Старом городе. Брали только добровольцев. К Рэглу Гамму применили особую методику по закреплению ухода в

прошлое.

«У них получилось, — признал Рэгл Гамм. — Я заглянул в прошлое, а они плотно задраили выход».

— Ты лучше хорошенько подумай, — оборвал его размышления Вик. — Это не шутки — перейти на другую сторону.

— Он уже перешел, — заметила миссис Кейтелбайн. — Он сделал это три года назад.

— Я с тобой не пойду, — отрезал Вик.

— Я знаю.

— Ты собираешься порвать с Марго, с родной сестрой?

— Да.

— Порвать со всеми?

— Да.

— Хочешь, чтобы они разбомбили и поубивали нас?

— Нет.

В Денвере Рэгл получил доступ к информации, предназначенной только для высокопоставленных правительственных чиновников. От публики эти данные хранили в строжайшем секрете. В первые же дни войны колонисты согласились пойти на переговоры. Они выдвигали лишь два условия: умеренное финансирование

Землей лунных программ и гарантия безопасности для лунатиков после прекращения боевых действий. Если бы не Рэгл Гамм, правительство в Денвере пошло бы на уступки по этим пунктам. Слишком сильна была угроза ракетного удара с Луны. Вместе с тем общественное мнение еще не было в такой степени настроено против лунатиков, три года войны и лишений были еще впереди.

— Предатель! — Вик гневно уставился на зятя.

«Кстати, он мне даже не зять, — подумал Рэгл. — Я вообще его не знал до Старого города. Нет, — сообразил он, — знал. Я покупал у него свежие фрукты и овощи. Он постоянно хлопотал в белом халате возле ларей с картофелем, улыбался покупателям, сокрушался из-за порчи товара».

На этом уровне они и были знакомы.

«И сестры у меня нет. Но я, — думал Рэгл, — все равно буду считать ее с Сэмми моей семьей, ибо за эти два с половиной года мы по-настоящему сроднились. Так же, как Билл Блэк и Джуни стали соседями. Я порву с ними — родственниками, соседями и друзьями. Это и есть гражданская война. Эта война требует наибольшего героизма, неимоверных жертв и не дает никакой выгоды.

Я поступаю так, потому что убежден, что так —

правильно. Прежде всего — долг. Все остальные, кстати, — Билл Блэк и Виктор Нильсон, Марго и Ловери, миссис Кейтелбайн и миссис Кессельман — тоже исполнили свой долг, не изменили тому, во что верили.

И я поступлю так же».

— Прощай. — Он протянул Виктору руку.

Тот сделал вид, что не заметил. Лицо его окаменело.

— Вернешься в Старый город? — спросил Рэгл.

Вик кивнул.

— Может, еще увидимся, — сказал Рэгл. — После войны. — Он был убежден, что теперь она долго не продлится. — Вряд ли они сохранят Старый город, — добавил он. — Без меня он вовсе не нужен.

Вик резко повернулся и пошел к дверям.

— Как отсюда выйти? — громко спросил он, не оборачиваясь.

— Вас выпустят, — сказала миссис Кейтелбайн. — Мы высадим вас на шоссе, откуда вы без труда доедете до города.

Вик остался у двери.

«Стыдно, — подумал Рэгл Гамм. — Но именно так теперь все обстоит. Ничего нового».

— Ты бы убил меня? — спросил он Вика. — Если

бы мог?

— Нет, — ответил Вик. — Всегда есть шанс, что ты перейдешь обратно, на нашу сторону.

— Пора, — напомнил Рэгл миссис Кейтелбайн.

— Ваше второе путешествие, — сказала она. — Вы снова покидаете Землю.

— Да. — Рэгл кивнул. — Еще один лунатик присоединяется к своим.

За окном аптеки темный размытый силуэт ракеты уже принял стартовое положение.

Из днища белыми клубами валил пар. Вверху разошлись фермы крепления. В середине корабля открылся люк. Человек, стоявший за ним, несколько раз моргнул, пытаясь разглядеть что-то в черноте ночи. Потом он зажег цветной фонарь. Человек с фонарем поразительно походил на Вальтера Кейтелбайна. Собственно говоря, это и был Вальтер Кейтелбайн.